Зызыкин М. В.

Патриарх Никон

т. III

М. В. ЗЫЗЫКИНЪ.
ПРОФЕССОРЪ ВАРШАВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА, ЧЛЕНЪ МЕЖДУНАРОДНОЙ АКАДЕМІИ ХРИСТІАНСКИХЪ СОЦІОЛОГОВЪ.

ПАТРІАРХЪ НИКОНЪ.

ЕГО ГОСУДАРСТВЕННЫЯ И КАНОНИЧЕСКІЯ ИДЕИ.

ЧАСТЬ III.

Паденіе Никона и крушеніе его идей въ Петровскомъ Законодательствѣ. Отзывы о Никонѣ.

ВАРШАВА. 1939. СИНОДАЛЬНАЯ ТИПОГРАФІЯ.

М. В. ЗЫЗЫКИНЪ,
Профессоръ Варшавскаго Университета.

ПАТРІАРХЪ НИКОНЪ.

ЕГО ГОСУДАРСТВЕННЫЯ И КАНОНИЧЕСКІЯ ИДЕИ.

„Церковь — не стѣны каменныя,
а каноны и пастыри духовные...“
Изъ „Раззоренія“ Никона.

ВАРШАВА. СИНОДАЛЬНАЯ ТИПОГРАФІЯ. 1938.

6
4
5

Вмѣсто предисловія къ III части.

Опоздавшее по обстоятельствамъ, отъ автора независящимъ, печатаніе III части труда, составляющей неразрывную часть моей диссертаціи, совпадаетъ съ событіями въ исторіи Христіанской Церкви, воскресающими память о Патріархѣ Никонѣ уже въ новой связи идей.

Поскольку въ 1917 году съ его памятью неразрывно связано такое событіе въ исторіи Русской Православной Церкви, какъ возстановленіе Патріаршества, постольку въ 1937 году имя его выплываетъ въ исторіи всей Православной Церкви и даже Церкви Вселенской — въ томъ пониманіи этого термина, который объединилъ всѣ Христіанскія Церкви на Оксфордской Конференціи. Столь ярко выдвинутая Никономъ въ свое время идея симфоніи, какъ верховнаго руководящаго принципа, опредѣляющаго заданіе Церкви по христіанизаціи всѣхъ соціальныхъ отношеній, выявилась вновь, какъ требованіе церковнаго сознанія, съ видоизмѣненіями, приспособленными къ новымъ историческимъ условіямъ въ подготовительныхъ къ конференціи работахъ, прежде всего, у авторовъ православныхъ, какъ соціальное выраженіе Догмата Богочеловѣчества (въ сборникѣ „Kirche, Staat und Mensch"). То же по существу ученіе, вытекающее изъ признанія первенства духовныхъ цѣлей и видоизмѣненное, особенно въ методахъ примѣненія, въ зависимости отъ различнаго пониманія природы Церкви и Государства въ разныхъ исповѣданіяхъ, мы находимъ и у нѣмецкихъ протестантскихъ ученыхъ („Kirche, Volk und Staat"), и у авторовъ американскихъ кальвинистскихъ (W. A. Brown. „Church and State in the Contemporary America"), у шведскихъ лютеранскихъ (Ehrenström. „Christian Faith and the Modern State"), у англиканскихъ (Oldham. „The church and its function in society"), у голландскихъ кальвинистовъ (Visser't Hooft. „The Church and the churches") и пр. О ней же вспоминаетъ въ результатѣ работъ Конференціи и докладъ одной изъ ея секцій: „All spheres of life were to be organised as an harmonious system under the domination of Christian Standarts and the supernatural guidance of the Church" (Всѣ сферы жизни должны были организоваться въ одну гармоническую систему по указанію христіанскихъ идей подъ сверхприроднымъ руководствомъ Церкви).

Въ свое время для Католической Церкви принципъ симфонiи былъ провозглашенъ въ энцикликѣ „Immortale Dei" Папой Львомъ XIII-мъ, хотя онъ связанъ тамъ съ иными оттѣнками въ пониманiи духовной и свѣтской власти. Такимъ образомъ, принципъ симфонiи, при всѣхъ своихъ видоизмѣненiяхъ, выдвигается на степень общехристiанскаго церковнаго правосознанiя, углубленiе и опредѣленiе котораго потребовалось въ видахъ новаго историческаго событiя—появленiя противоборствующихъ Церкви философскихъ секуляризованныхъ и даже богоборческихъ мiровоззрѣнiй, поддерживаемыхъ силою государственной власти.

Борьба Никона съ церковнымъ провинцiализмомъ — обособленiемъ отъ другихъ частей Православной Церкви — нашла повторенiе въ требованiи Аѳинскаго Богословскаго Конгресса 1936 года созданiя особаго всеправославнаго органа, контролирующаго и координирующаго сознанiе и дѣятельность отдѣльныхъ Помѣстныхъ Церквей. А въ бельгiйскомъ журналѣ „Irénikon" (iюньскiй номеръ 1937 г.) въ рецензiи на мой II-й томъ рецензентъ, неизвѣстный мнѣ и подписавшiй только свои инициалы, справедливо обнаруживаетъ идейную общность между Никоновскимъ построенiемъ церковно - государственныхъ отношенiй и предстоявшей постановкой ихъ въ Оксфордѣ, выводя этимъ Никона на арену всемiрноисторическую. Такое же универсальное социологическое значенiе придаетъ рецензентъ и проблемѣ, поставленной Никономъ, о значенiи Церкви для жизни самого Государства, обнаруженномъ въ русской социальной катастрофѣ XX вѣка, которая никакъ не можетъ быть вложена въ рамки нацiональной исторiи отдѣльнаго Государства и имѣетъ такое-же всемiрноисторическое значенiе, которое принадлежитъ большевизму съ его динамизмомъ, хотящимъ охватить всю вселенную, выявляя себя, какъ антицерковь, противопоставленную Церкви Христовой на всемъ земномъ шарѣ, стремящую превзойти ее въ силѣ своего прозелитизма.

Признанiе такого-же церковнаго, внѣнацiональнаго значенiя Патрiарха Никона видно и у англiйскихъ историковъ Церкви (Palmer'а и др.), и въ рецензiяхъ на мои первые два тома, написанныхъ въ Orientalia Christiana за 1932 и 1936 г. профессоромъ каноническаго права въ Страсбургскомъ Университетѣ Herman'омъ.

17 декабря 1937 года.
Варшава.

ЧАСТЬ III.

Паденіе Никона и крушеніе его идей въ Петровскомъ законодательствѣ. Отзывы о Никонѣ.

ГЛАВА I.

Положеніе Патріарха въ Московскомъ государственномъ строѣ.

Положеніе Боярской Думы въ строѣ Московскаго Государства. — Соединенныя засѣданія Боярской Думы и Собора Духовенства. — Положеніе Патріарха въ Боярской Думѣ. Положеніе Патріарха въ безгосударное время. — Взглядъ іерархіи на свое участіе въ государственныхъ дѣлахъ. — Государственное значеніе Патріарха. — Ростъ царской власти влекъ за собой ростъ и Патріаршей Власти. — Титулъ Патріарха Московскаго „всея Великія, Малыя и Бѣлыя Россіи". — Составъ различныхъ государственныхъ правъ Патріарха Никона; его права въ Государствѣ, какъ Патріарха, въ силу этого сана и права, какъ государственнаго регента. — Бытовое положеніе Патріарха. — Скромность Никона въ домашней обстановкѣ и пышность въ оффиціальной. — Пріемъ Никономъ Патріарха Макарія. Обѣды Никона съ нищими въ описаніи Павла Алеппскаго. — Павелъ Алеппскій о строгости Никона къ духовенству. — С. М. Соловьевъ о нравахъ XVII вѣка и о существовавшихъ тогда наказаніяхъ. Соотвѣтствіе Никоновскихъ архипастырскихъ наказаній духу вѣка и обычаямъ. — Заботливость Никона въ отношеніи людей низшаго соціальнаго положенія.—Враждебныя Никону теченія общественной мысли и его враги. Староцерковная партія, враждебная Никону въ церковно-обрядовыхъ реформахъ.

Положеніе Боярской Думы въ строѣ Московскаго Государства.

Необходимо предварительно вникнуть въ общій строй Московскаго Государства. Прежде всего необходимо обратить вниманіе на учрежденіе, существовавшее издревле при царѣ,—Боярскую Думу, неотдѣлимую отъ царской власти. Права ея не были опредѣлены закономъ, а держались, какъ фактъ бытовой на обычномъ правѣ. Общая законодательная формула была: „Царь указалъ и бояре приговорили". Законъ представлялся, какъ результатъ неразрывной дѣятельности царя и Боярской Думы. Въ сферѣ административной вмѣстѣ съ царемъ она назначала центральныхъ и мѣстныхъ правителей. Веденіе текущихъ дѣлъ находилось подъ постояннымъ контролемъ Думы. Самые приказы первоначально были нерѣдко (Разрядный, Помѣстный др.) лишь комиссіями Боярской Думы.

Полученіе званія думнаго человѣка, т. е. засѣдающаго въ Боярской Думѣ, зависѣло отъ воли государя. Но государь въ этомъ случаѣ былъ связанъ обычаемъ и считался съ породою участвовавшаго: лица высшихъ, преимущественно княжескихъ фамилій, получали прямо званіе боярина, минуя низшіе чины, менѣе знатные начинали съ окольничества; Василій III оставилъ преемнику 20 бояръ,

1 казначея, 1 окольничьяго; Іоаннъ Грозный оставилъ сыну 10 бояръ, 1 окольничьяго, 1 крайчего 1 казначея и 8 думныхъ дворянъ; Θеодоръ Іоановичъ оставилъ 8 окольничьихъ и 2 думныхъ дворянъ. Прочіе проходили по низшимъ ступенямъ чиновъ, рѣдко достигая боярства. Въ производствѣ лицъ въ думные дворяне и думные дьяки воля государя ничѣмъ не стѣснена; въ думные дьяки производились изъ дворянъ, гостей и подъячихъ (Вл. Будановъ Обзоръ Исторіи Русскаго Права, 160 стр.). Думные дворяне и думные дьяки появляются въ первой половинѣ XVI вѣка, когда великій князь началъ вводить въ Думу простыхъ дворянъ; и эту мѣру усилилъ Грозный во время борьбы съ родовитымъ боярствомъ; съ 1572 г. думный дворянинъ—особый постоянный разрядъ думныхъ людей на ряду съ боярами и окольничьими. Во время борьбы съ боярствомъ появляются въ Думѣ и думные дьяки, ведшіе такія дѣла, которыя Дума не могла вести in corpore. Они не считались членами Думы, но по своему вѣдомству имѣли право голоса въ засѣданіяхъ Думы. Общее число думныхъ людей обыкновенно разрасталось (неродовитая часть увеличилась при Грозномъ, но при Θеодорѣ Іоановичѣ опять уменьшилась въ числѣ. 16 родовъ прямо поступали въ бояре, а 15 въ окольничіи по праву рожденія. Къ первымъ принадлежали: Черкаскіе, Воротынскіе, Трубецкіе, Голицыны, Хованскіе, Морозовы, Шереметевы, Одоевскіе. Пронскіе, Шеины, Салтыковы, Репнины, Прозоровскіе, Буйносовы, Ростовскіе, Хилковы, Урусовы (изъ нихъ только 4 нетитулованныя фамиліи: Морозовы, Шереметевы, Шеины и Салтыковы); изъ княжескихъ, кромѣ Черкаскихъ и Урусовыхъ, всѣ Гедеминовичи и Рюриковичи. Ко вторымъ относятся Куракины, Долгорукіе, Ромодановскіе, Пожарскіе, Волконскіе, Лобановы-Ростовскіе, Барятинскіе, Львовы—все Рюриковичи, кромѣ Куракиныхъ, Гедеминовичей, и семь боярскихъ фамилій: Бутурлины, Стрешневы, Милославскіе, Сукины, Пушкины, Чумаковы и Плещеевы. Думныхъ людей при Годуновѣ было 30, въ Смутное время 47, при Михаилѣ Феодоровичѣ 19, при Алексѣ Махайловичѣ—59, при Θеодорѣ Алексѣевичѣ 167. Въ постояннныхъ засѣданіяхъ Думы участвовали всѣ ея члены, которые были въ Москвѣ. Возможно полныя засѣданія Думы происходили въ особо важныхъ случаяхъ, въ частности при созывѣ Земскихъ Соборовъ, непремѣнную часть коихъ составляла Дума.

Земскій Соборъ не есть элементъ власти противоположной власти Царской и Боярской Думы; онъ есть органъ власти обще-земской, включавшей въ себя Царя и Думу: эти три части Собора существенныя и органическія. Безъ нихъ нѣтъ и Земскаго Собора. Даже когда нѣтъ царя, то власть царя предоставляется лицамъ, замѣняющимъ государя (Патріархомъ или Думой въ качествѣ временнаго пра-

вительства). Съ 1653 г. до смерти своей царь Алексѣй не созывалъ земскихъ соборовъ, ибо Уложеніе разрѣшило законодательные вопросы, а съ 1654 г.—рядъ войнъ. Иногда къ Думѣ присоединялся соборъ духовенства. Обычай этотъ, говоритъ Ключевскій въ сочиненіи „Боярская Дума" (XXV гл.), вышелъ изъ одного источника съ древне русскими смѣстными судами: въ дѣлахъ, подсудныхъ двумъ разнымъ юрисдикціямъ; на судѣ присутствовали представители обѣихъ.

Соединенныя засѣданія Боярской Думы и Собора Духовенства.

Взаимная связь обоихъ правительствъ создала обычай со временъ Св. Владиміра приглашать на совѣтъ высшихъ церковныхъ іерарховъ, и объ этомъ политическомъ значеніи іерархіи Московскіе послы говорили полякамъ въ 1610 г. „Изначала у насъ въ Русскомъ царствѣ такъ велось, если великія государственныя или земскія дѣла начнутся, то великіе государи призывали къ себѣ на соборъ патріарховъ, митрополитовъ и архіереевъ и съ ними о всякихъ дѣлахъ совѣтовались, безъ ихъ совѣта ничего не приговаривали."

Церковь вѣдала у насъ до Петра всѣ дѣла вѣры и семейнаго порядка, такъ что присутствіе представителей Церкви считалось необходимымъ въ Думѣ и при обсужденіи вопросовъ о женитьбѣ царя въ виду опасности для чистоты вѣры подъ вліяніемъ иноземцевъ. Оно требовалось вообще всегда, когда хоть сколько нибудь затрагивались интересы Церкви; напримѣръ, вопросъ о томъ, отдавать ли на откупъ продажу питей, затрагивалъ крестоцѣлованіе, клятву и потому требовалъ участія представителей Церкви. Дума устанавливала и казенныя мѣры вѣсовъ по совѣту съ патріархомъ, ибо надзору церковной власти изстари были поручены торговыя мѣры и вѣсы. Патріархъ или одинъ, или съ властями участвовалъ въ Думѣ и тогда, когда затрагивалось положеніе церковныхъ и монастырскихъ владѣній, землевладѣльческихъ льготъ, крестьянскихъ побѣговъ. Однако, не только въ тѣхъ случаяхъ, когда разсматривались вопросы, затрагивающіе религіозно-нравственную сторону, или матеріальные интересы Церкви, призывались ея представители въ Думу. Взаимно-проникаціе Церкви и государства до XVIII вѣка было настолько велико, что какъ съ одной стороны царь съ высшими чинами государства участвовалъ въ церковныхъ соборахъ, разсматривавшихъ дѣла внутренняго церковнаго управленія (напримѣръ, на Стоглавомъ Соборѣ), такъ съ другой стороны и представители Церкви участвовали въ Думѣ въ дѣлахъ чисто государственнаго характера, напримѣръ, въ вопросѣ о войнѣ, о мѣстничествѣ, въ изданіи Судебника, Уложенія. Черезъ это духовенство получало большой политическій вѣсъ, но часто уклонялось само отъ рѣшенія въ тѣхъ случаяхъ, когда не

видѣло связи вопроса съ нравственными или религіозными идеями и тогда заявляло, что это дѣло государя и его синклита, а его дѣло молиться. Освященный Соборъ являлся въ Думу на совѣщанія о государственныхъ вопросахъ не въ одинаковомъ составѣ. Иногда патріархъ являлся, окруженный одними архіереями, иногда къ нимъ присоединялись выборныя власти: архимандриты, игумены, но неизвѣстно, какъ они выбирались. Нѣкоторые изъ нихъ принимали участіе въ силу своего положенія, напримѣръ архимандриты исторически извѣстныхъ монастырей. Патріархъ Никонъ, мы видѣли, въ январѣ 1665 г. хлопоталъ о такомъ же положеніи для архимандрита Воскресенскаго монастыря.

Положеніе патріарха въ Боярской Думѣ. Положеніе патріарха въ безгосударное время.

Высшія духовныя лица считались дѣйствительными членами Думы, имѣли въ ней мѣсто по сану, хотя не всегда присутствовали на засѣданіяхъ. Патріархъ же въ этомъ строѣ занималъ особое положеніе, унаслѣдованное изстари. Онъ сидѣлъ рядомъ съ царемъ по правую руку. Онъ предсѣдательствовалъ въ Думѣ по праву перваго сановника государства въ отсутствіе царя. Онъ же созывалъ и избирательный земскій соборъ въ безгосударное время, какъ дѣлалъ патріархъ Іовъ послѣ смерти Ѳеодора Іоанновича и патріархъ Іоакимъ послѣ смерти Ѳеодора Алексѣевича. Первосвятитель становился опекуномъ малолѣтнихъ дѣтей государя послѣ смерти (великаго Князя Василія III). Когда царь въ 1547-1548 гг. уходилъ въ Казанскій походъ, онъ оставилъ въ Москвѣ удѣльнаго князя Владиміра Андреевича и 6 бояръ и окольничихъ; они во всѣхъ дѣлахъ должны были испрашивать санкціи митрополита Макарія. Поэтому не было ничего необычнаго и въ томъ, что, когда Царь Алексѣй Михайловичъ ушелъ въ походъ въ 1654 г., онъ, оставивъ князя Пронскаго съ 5 товарищами, подчинилъ ихъ высшему правительству изъ царицы, малолѣтняго царевича и патріарха Никона. Патріархъ Никонъ издавалъ указы именемъ царевича и получалъ доклады отъ бояръ. Патріархъ, послѣ разсмотрѣнія дѣла боярами, его разсматривалъ вновь и давалъ рѣшеніе или утверждавшее или измѣнявшее боярскій приговоръ. Въ данномъ случаѣ патріархъ выступалъ въ качествѣ временнаго верховнаго правителя-государственнаго регента, какъ во время междуцарствія онъ, въ качествѣ начальнаго человѣка, возглавлялъ и Думу и Освященный Соборъ. Уложеніе одинаково карало за оскорбленіе Царя и Патріарха, ничего даже не говоритъ о судѣ надъ патріархомъ, какъ бы не думая о возможности суда надъ нимъ. Обезсиливая Патріарха матеріально конфискаціей части его имущества и ограничивая права духовенства вообще и понижая его вліяніе въ обществѣ.

Взглядъ іерархіи на свое участіе въ государственныхъ дѣлахъ.

Уложеніе еще не затрагивало личнаго положенія патріарха и не исключало возможности привиллегій для него въ видѣ особыхъ жалованныхъ грамотъ. На самое участіе въ государственныхъ дѣлахъ іерархія наша смотрѣла всегда какъ на помощь государству ради „страха Божія", и никогда не было стремленія преобладанія надъ Царемъ въ государственныхъ дѣлахъ, и ниоткуда не видно, чтобы и Никонъ нарушалъ эту традицію.

Свои государственныя прерогативы наши патріархи всегда разсматривали не какъ присущія имъ-права, а какъ нѣчто пожалованное царемъ; также, Никонъ на всѣхъ 614 стр. своего „Раззоренія" ни разу не выражаетъ своего сожалѣнія ни воспоминанія о правахъ патріарха въ государствѣ, останавливаясь исключительно только на томъ, что онъ считалъ или принадлежащимъ Церкви по ея существу, или въ силу многовѣковой давности.

Государственное значеніе патріарха.

Особенно усилилось государственное значеніе патріарха въ смутное время. Онъ—центръ не только религіознаго, но и національнаго самосознанія; всѣ искатели престола стремятся заручиться его благословеніемъ. „Меня Патріархъ Іовъ благословилъ на царство", ложно писалъ Лжедимитрій въ Москву: Василій Шуйскій вь Гермогенѣ ищетъ поддержки колеблющагося престола. При переговорахъ съ королевичемъ польскимъ Владиславомъ грамотамъ безъ печати патріарха никто не вѣритъ. Онъ—центръ движенія, созывающаго ополченіе на защиту вѣры и отечества со всѣхъ частей распадающагося государства. Народъ видитъ въ немъ охранителя и религіозныхъ и національныхъ интересовъ, который становится во главѣ государства, за отсутствіемъ Царя, какъ Богомъ поставленный пастырь, начальный человѣкъ и высшій судья. Въ 1618 году не могутъ рѣшить вопроса о положеніи православныхъ въ отошедшихъ къ Швеціи земляхъ, ибо не было Патріарха, а „дѣтямъ его духовнымъ, митрополитамъ, архіепископамъ, епископамъ, кромѣ его святейшаго повелѣнія, совершеннаго отвѣта на то учинить невозможно, понеже онъ есть всѣмъ пастырь и глава". И Филарета зовутъ на патріаршій престолъ, желая видѣть въ немъ „царствію помогателя". И первый Царь утверждаетъ это народное сознаніе, когда постановляетъ, что „каковъ онъ государь, таковъ и отецъ его государь, ихъ государское величество нераздѣльно". Представленіе о священной двоицѣ—не только мысль Эпанагоги, но и выношенное въ смутѣ представленіе о томъ, что Патріархъ первый помощникъ Царя въ возстановленіи царства и идеаловъ правды и святости, которыя олицетворяются Патріархомъ и стоятъ, какъ руководящія вѣхи передъ царствомъ.

Государственное значеніе патріарховъ опредѣлялось не личными ихъ качествами, а идеями, вложенными въ самое учрежденіе, поэтому и малыя способности патріарховъ Іоасафа и Іосифа, бывшихъ между Филаретомъ и Никономъ, не измѣнили государственнаго значенія ихъ, хотя и понижали общественное значеніе Церкви.

Ростъ царской власти влекъ за собой ростъ и патріаршей власти.

Какъ правило, надо считать, что ростъ Царской власти отражался и на ростѣ Патріаршей. Такъ было изначала съ учрежденія Московскаго патріаршества, которое отражало не только внутренній ростъ русской Церкви, но и ростъ власти Царской при Грозномъ. Государство русское прежде окрѣпло въ своей самостоятельности, чѣмъ русская Церковь, только въ половинѣ XV в. начавшая свое самостоятельное существованіе, а сила государства увеличивала естественно и силу церковную, ибо идеи Церкви и Государства хотя и разными путями, въ принципѣ призваны были вести къ одной конечной цѣли. Эта связанность отражалась и въ самыхъ титулахъ Царя и Патріарха, которые и пространственно соотвѣтствовали другъ другу. Павелъ Алеппскій, какъ свидѣтель, передаетъ, что 6 января 1656 г. (II,281) во время молебна пѣли многолѣтія за самодержца Великой, Малой и Бѣлой Россіи Вильно была взято и въ отвѣтъ Царь велѣлъ титуловать Патріарха такимъ-же титуломъ.

Титулъ Патріарха Московскаго „всея Великія, Малыя и Бѣлыя Россіи".

Хотя бояре и Лигаридъ обвиняютъ Никона въ узурпированіи этихъ титуловъ, но Патріархомъ Великой и Малой Россіи титуловалъ Никона еще въ 1654 г. самъ Константинопольскій патріархъ Паисій въ соборной грамотѣ въ отвѣтъ на Никоновскіе вопросы объ обрядахъ (грамота эта у Пальмера, II т., 408 стр.), хотя самъ Никонъ еще въ декабрѣ 1655 г. на соборныхъ актахъ подписывался только „архіепископъ царствующаго града Москвы и Патріархъ всея Россіи" (II,415). Но Царь титуловалъ Никона еще въ 1654 г. въ публичныхъ актахъ Патріархомъ Московскимъ и Великой и Малой Россіи". (II,518), отдавъ еще въ 1653 г. приказъ титуловать его патріархомъ Великой и Малой Россіи (II,547), Титулъ же „Бѣлой", первоначально былъ указанъ для употребленія самимъ Царемъ для себя въ грамотѣ, гдѣ и Никонъ титуловался, соотвѣтственно Царю. Пальмеръ приводитъ грамоту отъ 1655 г. (II,463), гдѣ царь сообщаетъ о завоеваніи у Польши Бѣлоруссіи, Литвы, Волыни и Подоліи и приказываетъ внести въ Царскій титулъ: „Великій Князь Литовскій и Бѣлорусскій, Волыни и Подоліи". Въ этой грамотѣ есть фраза: „Молитвами Отца нашего и богомольца Великаго Государя Святѣйшаго Никона Патірарха Московскаго и всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи... мы взяли у Польши городъ Вильну, столицу великаго княжества Литовскаго, нѣкогда принадлежав-

шаго нашимъ предкамъ... равно мы взяли и Бѣлую Русь... и милостью Божіею мы сдѣлались Великимъ Государемъ надъ великимъ княжествомъ Литовскимъ нашихъ предковъ и надъ Бѣлой Русью и надъ Волынью и Подоліей". По Виленскому перемирію 24 октября 1655 года Бѣлая Русь и Малая Русь соединились съ Московскимъ царствомъ, а царь Алексѣй Михайловичъ долженъ былъ вступить на Польскій тронъ послѣ смерти короля Казиміра (IV,102). Итакъ Царь, воспринимая самъ титулъ, одновременно его даетъ и Патріарху (II.463), самъ же Никонъ не употребляетъ этого титула въ церковныхъ молитвахъ (II,552). Изъ этого видно, какъ неправильно Лигаридъ и бояре въ одиннадцатомъ вопросѣ патріархамъ обвиняли Никона косвенно въ самовольномъ присвоеніи титула Великой, Малой и Бѣлой Россіи (III,333). Кстати сказать, въ отношеніи обвиненій Никона въ честолюбіи и властолюбіи, неправильно и обвиненіе его въ захватѣ Кіевской каѳедры, такъ какъ еще въ 1657 г. царь почиталъ себя обиженнымъ за отказъ Никона (II,518) посвятить туда епископа въ виду принадлежности Кіева Константинопольскому патріархату, какъ и самъ Никонъ писалъ объ этомъ (I,158-160). То же и съ титуломъ великаго государя. Онъ не давалъ Никону никакихъ реальныхъ правъ и былъ способомъ отличія заслугъ Никона, по сохраненію царской семьи отъ чумы, со стороны царя, который далъ его въ октябрѣ 1654 г., когда Никонъ доставилъ въ Вязьму царю невредимымъ его семейство (IV,99). Патріархъ, какъ государственный сановникъ, получалъ высшій титулъ, не связанный ни съ какими особыми правами; особыя права имѣлъ Никонъ не по титулу великаго государя, а по положенію государственнаго регента на время отсутствія царя, кромѣ тѣхъ правъ, которыя онъ имѣлъ въ государствѣ по положенію всякаго патріарха, т. е. право участія въ Боярской Думѣ, право печалованія передъ царемъ за опальныхъ и несправедливо обиженныхъ. Положеніе государственнаго регента было временное и обусловлено отсутствіемъ Царя. Именно, въ качествѣ государственнаго регента, Никонъ принималъ бояръ ежедневно съ докладами и, по разсказамъ Павла Алеппскаго, заставлялъ ихъ по долгу ожидать своего пріема и прежде доклада выслушивать молитву и кланяться ему въ ноги, чѣмъ весьма затрагивалось боярское самолюбіе. Это послужило одной изъ причинъ ненависти и зависти бояръ къ Никону.

Составъ различныхъ государственныхъ правъ патріарха Никона; его права въ государствѣ, какъ патріарха въ силу этого сана и права, какъ государственнаго регента.

По описанію Павла Алеппскаго этотъ пріемъ происходилъ у Никона такъ: бояре сидѣли въ ожиданіи, пока патріархъ не позоветъ ихъ войти (патріархъ Макарій былъ на пріемѣ.) При входѣ ихъ Никонъ оборачивался къ ико-

намъ, читая про себя „Достойно есть“, причемъ всѣ они дѣлали земной поклонъ и оставались съ непокрытой головой до самаго ухода. Каждый изъ нихъ, приблизившись, кланялся ему до земли, подходилъ подъ благословеніе и въ заключеніе вторично дѣлалъ земной поклонъ. Партріархъ разговаривалъ съ ними стоя, при чемъ они докладывали ему всѣ текущія дѣла, на кои онъ давалъ отвѣтъ, приказывалъ, что должно дѣлать (Ч.И,О.И. и Д. Р. 1898,3;159 стр.) „По окончаніи пріема, патріархъ оборачивался къ иконамъ, пѣлъ „Достойно есть“, благословлялъ бояръ и отпускалъ ихъ, затѣмъ шелъ впереди нихъ въ церковь, ибо онъ обыкновенно никогда не пропускалъ службы въ церкви, 3 раза, днемъ и ночью, присутствуя за обѣдней и вечерней, и въ большую часть дней совершалъ литургію“.

„Предшественники Никона никогда не занимались государственными дѣлами, но онъ, благодаря своему проницательному острому уму и знаніямъ, искусенъ во всѣхъ отрасляхъ дѣлъ духовныхъ, государственныхъ и мірскихъ, такъ какъ онъ былъ женатъ и на опытѣ ознакомился съ мірскими дѣлами.“

Съ возвращеніемъ въ Москву царя, Никонъ переставалъ быть регентомъ еще въ концѣ 1656 г., и, когда царь велѣлъ въ іюлѣ 1658 г. прекратить ему называться великимъ государемъ, онъ его не лишалъ какихъ-либо реальныхъ правъ, а только пышнаго титула, который Никонъ называлъ „горделивымъ и проклятымъ названіемъ“, и лишеніе это только образно выражало царскій гнѣвъ.

Бытовое положеніе патріарха.

Въ соотвѣтствіи съ положеніемъ патріарха въ строѣ-правовомъ, стояло и его общественное положеніе въ быту. По этому быту можно опредѣлить положеніе человѣка XVII вѣка, ибо въ то время домашнія бытовыя формы строго опредѣлялись соціальнымъ положеніемъ, а не имущественнымъ достаткомъ; форма быта приближалась къ царскимъ по мѣрѣ приближенія чина къ царю, и формы быта Патріарховъ совершенно походили на царскія, представляли ихъ точное подобіе въ соотвѣтствіи съ тѣмъ, что патріархъ былъ первое лицо въ государствѣ послѣ царя; онѣ только индивидуализировались въ зависимости отъ того, что онѣ принадлежали предстоятелямъ Церкви, а не представителямъ государства. Когда иностранные послы принимались Царемъ безъ Патріарха, то они представлялись Патріарху отдѣльно въ такой же церемоніи: также собирались въ патріаршія палаты патріаршіе бояре, думные дьяки, дворецкіе, приказные люди и дѣти боярскіе на патріаршемъ дворѣ въ цвѣтныхъ платьяхъ, а на площади были стрѣльцы, но въ отличіе отъ царскаго пріема безъ пищалей (Писаревъ, Пр. Соб. 1904).

Оффиціальный домашній бытъ Патріарховъ выражался въ очень пышныхъ формахъ. Для этой пышности были

причины, ибо Патріархъ былъ выразителемъ религіозно-національнаго сознанія народа не только передъ лицомъ своихъ русскихъ, но и предъ лицомъ пріѣзжихъ православныхъ, **а способы выраженія этого сознанія, естественно, должны были соотвѣтствовать понятіямъ своего времени.**

Скромность Никона въ домашней обстановкѣ и пышность въ общественной.

Въ то время преимущественно обращали вниманіе на внѣшнія формы жизни, и по нимъ судили о внутреннемъ достоинствѣ, а Патріархъ Московскій призванъ былъ выражать идею 3-го Рима и явить образъ предстоятеля высшаго въ Церкви сана—патріаршаго. Особенно красочно и ярко въ своей дѣятельности и личности выявлялъ эту идею Никонъ. Въ личной жизни Никонъ былъ не требователенъ и скроменъ въ требованіяхъ, какъ это описано у его иподіакона Шушерина, неизмѣнно состоявшаго при немъ, начиная со времени митрополитства Никона въ Новгородѣ до 30 ноября 1666 г., когда онъ, сопровождавшій патріарха Никона на судъ, былъ арестованъ властями у Никольскихъ воротъ.

Шушеринъ (СПБ., 1817) о жизни въ Воскресенскомъ монастырѣ, когда Никонъ не былъ связанъ оффиціальными выступленіями,—пишетъ (стр. 88): „Пища же его бяше вседневная: капуста варена съ хлѣбомъ сушенымъ, мѣлко раздробленнымъ, и отъ огородныхъ зелей огурцы, и юха малыхъ рыбицъ и то токмо въ разрѣшенные дни, въ среды же и въ пятницы и въ понедѣльники никакого же вкушенія рыбы во все лѣто, развѣ въ Господніе Праздники и въ Богородицыны. Одежды же его бяше отъ кожъ овчихъ, и ряса отъ власъ агньчихъ пепеловиднаго сукна ношаше, мантія же всегда чернаго сукна мантійнаго, точію съ источниками... По вся же посты, въ пустыню свою отхождаше, юже устрои и въ ней двѣ церкви Богоявленія Господня и отъ святыхъ праведныхъ Апостоловъ Петра и Павла, въ ней же устроено келей, восходы же нань вельми тѣсные, тамо же едина верхняя келія мало во всемъ сажень, въ ней же пребываше и жестокое житіе препровождаше вящщія молитвы и поклоны и постъ творяше, сна же мало всегда пріимаше, яко въ нощеденствіе токмо 3 часа.“

Но когда Никону приходилось выступать на людяхъ оффиціально, какъ Патрі рху, онъ поражалъ блескомъ своихъ одеждъ, пышностью своихъ пріемовъ и обѣдовъ и торжественностью церемоній. И въ этомъ своемъ свойствѣ Никонъ иллюстрировалъ только, что для русскаго человѣка вѣроисповѣданіе, какъ бытовое начало, проникаетъ собой подобно воздуху, по словамъ И. С. Аксакова (У,145), всю жизнь народа, опредѣляетъ характеръ всѣхъ отправленій его жизни, какъ духовной, такъ и матеріаль-

ной, какъ общественной, такъ и государственной. Вѣра для русскаго человѣка есть не только субъективное личное чувство, но начало общественное, бытовое, управляющее жизнью. Формы быта настолько сливались съ саномъ, что нельзя было помыслить представителя сана безъ принадлежащихъ этому сану бытовыхъ особенностей. Вполнѣ естественно, что, когда Никонъ находился въ Воскресенскомъ монастырѣ, и не видѣлъ отношенія къ нему со стороны царя, соотвѣтствующаго его сану въ мелочахъ повседневной жизни, то онъ горевалъ объ этомъ не потому, что, какъ говоритъ Каптеревъ, „онъ чувствовалъ себя устраненнымъ царедворцемъ, любящимъ блага жизни" (Каптеревъ I,411), а потому, что въ отсутствіи соотвѣтствующихъ блюдъ въ именинные царскіе дни онъ видѣлъ неуваженіе и непризнаніе его какъ Патріарха, тогда какъ самъ Никонъ почиталъ себя Патріархомъ.

Никонъ писалъ въ іюлѣ 1659 года: „Еже нынѣ іюля въ 25 день торжествованія рожденія благородныя царевны и великія княжны Анны Михайловны вси возвеселившися о добромъ томъ рождествѣ насладившись. Единъ азъ, яко песъ, лишенъ богатыя вашея трапезы; но и пси по реченному напитываются отъ крупицъ, падающихъ отъ трапезы господей своихъ. Аще не бы яко врагъ вмѣненъ, не бы лишенъ малаго уломка хлѣба богатыя вашія трапезы". Каптеревъ называетъ это „томленіемъ при воспоминаніяхъ о роскошныхъ царскихъ трапезахъ" (Каптеревъ, Патріархъ Никонъ и царь Алексѣй Михайловичъ, I,401), но здѣсь не то, полагаемъ мы, а горькая обида на несоотвѣтствіе своего дѣйствительнаго положенія съ своимъ саномъ, который, при господствовавшихъ обычаяхъ того времени, дѣлалъ Патріарха участникомъ всѣхъ царскихъ именинныхъ торжествъ, какъ символъ чести и бытовое признаніе нераздѣльности Царя и Патріарха.

Также въ этомъ стремленіи „стоять высоко, ѣздить широко" нельзя видѣть проявленія какой-то гордости, какъ то дѣлали расколоучители и ихъ современные ученые послѣдователи; въ этомъ было лишь бытовое выраженіе идей, которыя Никонъ связывалъ съ саномъ. Онъ считалъ себя обязаннымъ реально и наглядно воспитывать это понятіе и въ русскихъ, и въ православныхъ иностранцахъ, пріѣзжавшихъ съ Востока. Въ соотвѣтствіи съ этимъ Никонъ строитъ рядомъ съ царскимъ въ Кремлѣ патріаршій дворецъ, который освящаетъ въ декабрѣ 1655 года. Въ соотвѣтствіи съ этимъ его облаченія поражаютъ великолѣпіемъ, его митра своими драгоцѣнными украшеніями. Его службы необыкновенно торжественны, всегда въ сослуженіи многочисленнаго духовенства, и по строгости выполненія всѣхъ уставныхъ требованій поражаютъ своей продолжительностью и пунктуальностью даже духовныхъ православныхъ ино-

странцевъ, ихъ свидѣтелей, въ разсказѣ Павла Алеппскаго сопровождавшаго въ 1654 г. своего отца Патріарха Макарія.

Павелъ Алеппскій описываетъ одну изъ многочисленныхъ великопостныхъ службъ (Ч. О. И. и Х., 1898,3; 138, стр.), продолжавшуюся 7 часовъ; онъ пишетъ: „Мало было Патріарху продолжительной службы и длиннаго синаксарія: онъ еще прибавилъ въ концѣ проповѣдь и много поученій. Богъ да дастъ ему чувство мѣры. Онъ не пожалѣлъ Царя, ни даже царскихъ дѣтей. Я хотѣлъ бы знать, чтобы у насъ сказали и стали-ли бы такъ терпѣть...

Но нѣтъ сомнѣнія, что Творецъ даровалъ русскимъ царство, котораго они достойны, и которое приличествуетъ за то, что всѣ ихъ заботы духовныя, а не тѣлесныя. Таковы всѣ они. Царь и Патріархъ прислали намъ кушать, но только что мы сѣли за столъ, полумертвые отъ усталости, и пораженные изумленіемъ, какъ ударили къ вечернѣ". И такіе случаи неоднократно попадаются въ дневникѣ Павла Алеппскаго.

Пышные обычаи Патріарха введены не Никономъ; не Никонъ ввелъ и обрядъ угощенія Патріарха Царемъ посредствомъ почтительнаго поднесенія съ сыновнимъ привѣтствіемъ ему чаши съ виномъ за обѣдомъ; этотъ обычай былъ еще при Митрополитахъ; здѣсь дѣло не въ гордости Никона, а въ установленномъ чинѣ жизни, выявлявшемъ общенародное почитаніе предстоятеля Церкви, который Никонъ только тщательно соблюдалъ и болѣе красочно выражалъ.

Пріемъ Никономъ Патріарха Макарія. Обѣды Никона съ нищими въ описаніи Павла Алеппскаго.

Вотъ, описаніе Павломъ Алеппскимъ пріема Никономъ Пвтріарха Макарія. (Чт. О. И. и Др. Росс. 1898,3;22,23 стр.): „Когда нашъ Владыка Патріархъ приблизился къ первой лѣстницѣ патріаршихъ палатъ, его встрѣтили два главныхъ архимандрита, поклонились ему до земли и сказали, читая по имѣвшейся у нихъ бумагѣ: Отецъ Святый Блаженнѣйшій и Владыка киръ киръ Макарій, Патріархъ великаго града Божія Антіохіи и странъ Киликіи, Иверіи, Сиріи, Аравіи и всего Востока, братъ твой и соучастникъ въ божественныхъ таинствахъ. Господинъ киръ Никонъ, Архіепископъ града Москвы и Патріархъ всѣхъ странъ Великой и Малой Россіи, послалъ насъ, архимандритовъ монастыря такого то въ такой то области, встрѣтить твою святость по Слову Господа нашего Іисуса Христа въ Его Святомъ Евангеліи: кто принимаетъ васъ, принимаетъ Меня". И они опять поклонились ему до земли. Читали они по гречески, а драгоманъ переводилъ по русски. Нашъ Владыка Патріархъ выразилъ подобающія благожеланія и благословилъ ихъ. Они

взяли его подъ руки вмѣсто бояръ и повели наверхъ. Когда онъ дошелъ до вторыхъ лѣстницъ, его встрѣтили два другіе архимандрита, которые, сказавъ и сдѣлавъ то же, взяли его подъ руки. При входѣ нашемъ во внѣшнюю часть палатъ, гдѣ находится 3-я лѣстница, вышелъ Патріархъ Никонъ, одѣтый въ мантію изъ зеленаго рытаго, узорчатаго бархата, со скрижалями изъ краснаго бархата, на которыхъ въ серединѣ изображеніе херувимовъ изъ золота и жемчуга, и съ источниками изъ бѣлаго галуна съ красной полоской въ серединѣ. На головѣ его былъ бѣлый клобукъ съ крестомъ изъ жемчуга и драгоцѣнныхъ каменьевъ. Надъ его глазами было изображеніе херувима съ жемчугомъ; воскрылія клобука спускались внизъ и также были украшены золотомъ и драгоцѣнными камнями. Въ правой рукѣ онъ держалъ посохъ. Онъ встрѣтилъ нашего учителя съ великимъ почетомъ, сказавъ: „Отецъ Святый Блаженнѣйшій, киръ Макарій, Патріархъ великаго града Божія Антіохіи и странъ Киликіи, Иверіи, Сиріи, и Аравіи и всего Востока. Твоя святость уподобляется Господу Христу, а я подобенъ Закхею, который, будучи малъ ростомъ и домогался увидѣть Христа, взлѣзъ на сикамору, чтобы видѣть Его; такъ и я грѣшный вышелъ теперь, чтобы лицезрѣть твою святость". Драгоманъ переводилъ его слова на греческій. За тѣмъ онъ облобызался съ нашимъ Владыкой и повелъ его внутрь своихъ палатъ, весь полъ которыхъ былъ устланъ большими коврами. Оба они подошли по обычаю къ иконостасу, который всегда ставится надъ головой Патріарха. Свѣчи горѣли. Они пропѣли „Достойно есть" и сдѣлали земной поклонъ и поклонились другъ другу. Затѣмъ Патріархъ Никонъ снялъ свой клобукъ и просилъ нашего Владыку Патріарха благословить его. Съ трудомъ, послѣ многихъ отказовъ, онъ благословилъ его на чело, грудь и плечи по ихъ обычаю, и они сѣли бесѣдовать черезъ драгомана. Потомъ онъ всталъ и пошелъ во внутренніе покои, гдѣ снялъ свою зеленую мантію и надѣлъ другую, всегдашнюю изъ рытаго узорчатаго бархата фіолетоваго цвѣта и бѣлый также всегдашній клобукъ съ однимъ, вышитымъ изъ золота херувимомъ на челѣ, снялъ зеленное бархатное одѣяніе, и надѣлъ красное бархатное по ихъ обычаю и вышелъ. Въ это время подходили всѣ бывшіе у него настоятели монастырей, протопопы, священники и діаконы и кланялись нашему Владыкѣ, а онъ ихъ благословлялъ". Во всей этой церемоніи мы наблюдаемъ, кромѣ внѣшней пышности Никона, и строго каноническое признаніе высшаго мѣста Антіохійскаго Патріарха при всей его бѣдности и захудалости кафедры въ принятіи первымъ благословенія отъ него и въ самомъ обращеніи словесномъ, гдѣ Никонъ ставитъ себя на мѣсто Закхея передъ Христомъ, Образецъ этого смиренія Никонъ давалъ и въ другомъ

видѣ. Павелъ Алеппскій разсказываетъ (179 стр.) о богатой трапезѣ у Патріарха въ Вербное Воскресеніе послѣ хожденія на осляти: „Въ столовую привели нищихъ, слѣпыхъ, увѣчныхъ, безногихъ и поставили для нихъ столъ близъ Патріарха; онъ поздравлялъ каждаго изъ нихъ, кормилъ и поилъ съ полнымъ уваженіемъ. При видѣ всего этого мы почувствовали тошноту. Наконецъ Патріархъ поднялся, ему поднесли тазъ и кувшинъ, и онъ обошелъ нищихъ, умывая, вытирая и лобызая ихъ ноги, всѣхъ по порядку, при чемъ раздавалъ имъ милостыню до послѣдняго. Мы удивились чрезвычайно, глядя на это, и были тронуты до слезъ". Характерно, что этотъ обѣдъ былъ безъ Царя, ибо онъ былъ въ походѣ, но Никонъ только тогда сѣлъ за столъ, когда послалъ яства и напитки всему царскому семейству.

Павелъ Алеппскій о строгости Никона къ духовенству.

Еще объ одной чертѣ Никона упоминаетъ Павелъ Алеппскій—это о строгости къ духовенству. О дисциплинѣ Никона и строгости сообщаетъ Павелъ Алеппскій въ нѣсколькихъ мѣстахъ своего сочиненія „Путешествіе Патріарха Макарія"; На 47 стр. (1898,3 Чт.О.И. и Др. Росс.) онъ пишетъ: „Сдѣлавшись Патріархомъ, онъ немедленно сослалъ въ заточеніе въ Сибирь трехъ протопоповъ съ женами и дѣтьми, изъ коихъ 1 былъ царскимъ протопопомъ. Послѣдній занималъ такое положеніе, что могъ наказывать, заключать въ тюрьму и налагать оковы на священниковъ безъ дозволенія прежнихъ Патріарховъ. Когда это произошло, водворился миръ. И всѣ стали бояться Никона. Онъ до сихъ поръ великій тиранъ по отношенію къ архіереямъ, архимандритамъ и всему священническому чину, даже къ государственнымъ сановникамъ... Прослышавъ о чьемъ-нибудъ проступкѣ, даже объ опьяненіи, онъ немеленно того заточаетъ, ибо его стрѣльцы постоянно рыщутъ по городу, и лишь только увидятъ священника или монаха пьянымъ, сажаютъ его въ тюрьму, подвергая всяческому униженію. Оттого намъ приходилось видѣть тюрьмы переполненными такими людьми, кои находятся въ самомъ скверномъ положеніи, будучи окованы тяжелыми цѣпями по шеѣ и съ большими колодками на ногахъ. Бояре прежде входили къ Патріарху безъ доклада привратника; онъ выходилъ имъ навстрѣчу, а при уходѣ шелъ ихъ провожать. Теперь же, какъ мы видѣли собственными глазами, министры Царя и его приближенные сидятъ долгое время у наружныхъ дверей, пока Никонъ не дозволитъ имъ войти; они входятъ съ чрезвычайной робостью и страхомъ, при чемъ до окончанія дѣла стоятъ на ногахъ, а, когда затѣмъ уходятъ, Никонъ продолжаетъ сидѣть". Павелъ Алеппскій забываетъ, что Никонъ принималъ бояръ въ ка-

чествѣ государственнаго регента, представляя лицо Царя, а потому и пріемъ его былъ иной. Что касается тюремъ, то самъ Павелъ Алеппскій сообщаетъ (160 стр.), что такія тюрьмы были у всѣхъ архіереевъ, и слѣдовательно ничего особеннаго это для Никона не представляетъ. „Во всякомъ мѣстѣ пребыванія архіерея есть тюрьма, снабженная тяжелыми желѣзными оковами и большими деревянными колодками. Если кто изъ настоятелей монастырей, или важныхъ сановниковъ совершитъ проступокъ, то, будучи заключенъ въ оковы, долженъ просѣивать муку, ночью и днемъ при пекарнѣ, пока не отбудутъ наказанія: намъ случалось ихъ видѣть въ такомъ положеніи.“

Въ другомъ мѣстѣ (стр. 162) Павелъ Алеппскій пишетъ: „Отъ того Богъ отступился и тотъ навлекъ на себя Его гнѣвъ, кто совершилъ проступокъ и провинился передъ Патріархомъ: пьянствовалъ или былъ лѣнивъ въ молитвѣ, ибо таковаго Патріархъ немедленно посылаетъ въ заточеніе. Въ прежніе время Сибирскіе монастыри были пусты, но Никонъ въ свое управленіе переполнилъ ихъ злополучными настоятелями монастырей, священниками и монахами. Если священникъ провинился, Патріархъ тотчасъ снимаетъ съ него колпакъ: это значитъ, что онъ лишенъ священническаго сана... Такой строгостью онъ всѣхъ устрашилъ, и его слово стало рѣшающимъ. Но въ послѣднее время онъ дошелъ до того, что отставилъ отъ должности келаря монастыря Св. Троицы и заточилъ его въ одинъ монастырь, гдѣ сдѣлалъ его мельникомъ, а раньше, когда онъ пріѣзжалъ изъ монастыря или отправлялся куда-нибудь, то его сопровождало много архіереевъ, служителей и ратниковъ, чего нѣтъ и у Патріарха“.

Едва ли можно удивляться этой строгости Никона при распущенности нравовъ послѣ смутной эпохи съ одной стороны и при стремленіи Никона повысить общественное значеніе Церкви. Однако, его строгость не была понята современниками и вызывала на него множество нареканій, особенно со стороны расколоучителей. Мы упоминали уже объ упрекѣ Никону со стороны одного изъ нихъ—протопопа Ивана Неронова. Однако, не слѣдуетъ преувеличивать этого. Ибо нельзя забыть, что пастырскія мѣры воздѣйствія, о которыхъ упоминаетъ Павелъ Алеппскій, соотвѣтствовали характеру общихъ наказаній того времени. Не забудемъ, что въ то время сами бояре подвергались тѣлеснымъ наказаніямъ. Въ XIV т. 77 стр. Исторіи Россіи самъ С. М. Соловьевъ даетъ картину современныхъ нравовъ и наказаній, относящихся ко времени непосредственно слѣдующему за Никономъ.

С. М. Соловьевъ о нравахъ XVII вѣка и о существовавшихъ тогда наказаніяхъ. Соотвѣтствіе Никоновскихъ архипастырскихъ наказаній духу вѣка и обычаямъ.

„Русскіе люди“, пишетъ онъ, „страдали отъ разбойничества, для усиленія котораго было много благопріятныхъ условій; мы встрѣчаемъ извѣстія, что строитель пустыни участвовалъ въ разбойничествѣ: въ описываемое время встрѣчаемъ новое поразительное извѣстіе. Въ 1688 г. князь Яковъ Лобановъ Ростовскій да Иванъ Микулинъ ѣздили на разбой по Троицкой дорогѣ разбивать государевыхъ мужиковъ съ царской казной; мужиковъ они разбили и казну взяли себѣ, двухъ человѣкъ убили до смерти. Про то ихъ воровство разыскано и по розыску князь Яковъ Лобановъ взятъ со двора, привезенъ къ Красному Крыльцу въ простыхъ санишкахъ, и учинено ему наказаніе: битъ кнутомъ въ жилецкомъ подклѣтѣ, по упросу верховной боярыни и мамы княгини Анны Никифоровны Лобановой, де у него отнято безповоротно 400 дворовъ крестьянскихъ, а человѣка его калмыка да казначея за то повѣсили; Микулинъ битъ кнутомъ на площади нещадно, сосланъ въ Сибирь, и отняты у него помѣстья и вотчины безповоротно. Встрѣчаемъ цѣлый рядъ извѣстій о преступленіяхъ, совершенныхъ людьми изъ честныхъ родовъ; въ 1684 г. учинено наказаніе Петру Васильевичу Кикину: битъ кнутомъ передъ Стрѣлецкимъ Приказомъ, за то, что дѣвку растлилъ, да и прежде онъ Петръ пытанъ на Вяткѣ за то, что подписывался было подъ руку Думнаго дьяка. Въ 1685 г. битъ кнутомъ Хвощинскій за то, что на порожнемъ столбцѣ составилъ было запись. Князь Петръ Крапоткинъ битъ кнутомъ за то, что выскребъ и подписалъ своей рукой. Биты батогами Кутузовъ и Нарышкинъ за то, что они ругались по Касимовскомъ Царевичѣ. Въ связи съ этими явленіями любопытно взглянуть на движеніе законодательства въ описываемое время. Въ началѣ правленія Софьи было постановлено: за одинъ разбой и воровство безъ убійства и поджогу бить кнутомъ, отрѣзать лѣвое ухо, два пальца у лѣвой руки и сослать въ Сибирь на вѣчное житье съ женами и дѣтьми, которыя не въ раздѣлѣ, за два воровства чинить указъ по „Уложенію“, за три казнить смертью. Но въ слѣдующемъ году постановлено рѣзать у преступниковъ уши, вмѣсто отсѣченія пальцевъ, и тогда же за произношеніе возмутительныхъ словъ запрещено было казнить смертью, а велѣно бить кнутомъ и ссылать въ разные города. Въ началѣ 1689 г. постановлено было не окапывать въ землю женъ за убійство мужей, но отсѣкать имъ головы“. Если безчинства происходили въ высшемъ классѣ общества и самомъ Дворцѣ, то что же думать о нравахъ среди низшаго забитаго жизнью духовенства. Естественно, что и наказанія, хотя бы и архипастырскія, архипастырскимъ распоряженіемъ наложенныя, должны

были идти въ уровень съ нравами вѣка: заключеніе въ тюрьму, какъ церковно-исправительное наказаніе не покажется суровымъ при господствѣ членовредительныхъ наказаній въ судѣ свѣтскомъ, особенно, если принять во вниманіе господствовавшее во всѣхъ слояхъ общества, и въ томъ числѣ и въ духовенствѣ, пьянство. Мнѣніе Лигарида о невнимательности Никона къ нуждамъ духовенства, часто повторяемое послѣ него, можно и не повторять, тѣмъ болѣе, что и челобитная Царю на Патріарха Никона, въ которой говорится объ его невнимательности къ нуждамъ духовенства, и на которую ссылается Соловьевъ, была анонимна, какъ доказано Гюббенетомъ (т. II гл. XVI), и была найдена въ паперти Благовѣщенскаго Собора въ 1669 г., т. е. спустя почти два года послѣ того, какъ Никонъ уже былъ сосланъ въ Ѳерапонтовъ монастырь, и относилась даже не къ Никону, а къ порядкамъ, установленнымъ при его предшественникѣ дьякомъ Кокошиловымъ.

Заботливость Никона въ отношеніи людей низшаго соціальнаго положенія.

Въ V томѣ Исторической Библіотеки собрано масса писемъ Никона къ архимандритамъ Иверскаго монастыря, относящихся и ко времени патріаршества Никона, и ко времени пребыванія его въ Воскресенскомъ монастырѣ, послѣ 10 іюля 1658 г. до конца 1666 г., въ которыхъ, напротивъ, сквозитъ его заботливость объ интересахъ малыхъ міра сего. Никонъ то заботится, чтобы не взыскивали недоимокъ съ крестьянъ въ случаѣ пожара, то о томъ, чтобы имъ не задерживали жалованья, то о томъ, чтобы принималось въ расчетъ семейное положеніе крестьянина. Онъ былъ строгъ къ духовенству, но здѣсь его дисциплина имѣла свое оправданіе въ цѣли создать духовенство, могущее быть примѣромъ, нравственнымъ образцомъ въ обществѣ.

Враждебныя Никону теченія общественной мысли и его враги. Староцерковная партія, враждебная Никону въ церковно-обрядовыхъ реформахъ.

Однако, это создало Никону много враговъ, и мы, упоминая объ этомъ, можемъ видѣть, что для духовенства онъ былъ тяжелъ. Но не отсюда вышли главные его враги. Эти враги были на верху общественной лѣстницы и составились изъ двухъ главныхъ теченій русской общественной мысли. Одинъ враждебный лагерь былъ въ Церкви—въ консервативной старообрядческой партіи преимущественно изъ протопоповъ, другой въ государствѣ —среди либеральнаго боярства, какъ отзвукъ новыхъ стремленій, направленныхъ къ секуляризаціи государственной жизни. Были еще враги личные, обиженные дѣйствіями Никона вольно или невольно: напримѣръ, Митрополитъ Иларіонъ Рязанскій и Архіепископъ Вятскій Александръ, Митрополитомъ Питиримъ и др.

Епископъ Александръ Вятскій имѣлъ личное озлобленіе на Никона за переводъ его въ Вятку на Соборѣ 1657 г., и вскорѣ послѣ ухода Никона сталъ протестовать и противъ этого перевода, и противъ его книжныхъ исправленій. Проф. Николаевскій въ своей статьѣ „Патріаршая область и русскія епархіи въ XVII вѣкѣ“ говоритъ что онъ имѣлъ достаточно средствъ и на покупку новыхъ имѣній, и на устроеніе архіерейскаго дома, гдѣ давалъ пріютъ укрывавшимся отъ правительства расколоучителямъ; онъ долго жаловался на мнимыя гоненія отъ Никона въ то время, когда тотъ не имѣлъ уже вліянія на его дѣла. Митрополитъ же Питиримъ былъ недоволенъ переводомъ на Бѣлгородскую митрополію, туда не поѣхалъ, продолжалъ называться Крутицкимъ и жилъ въ Москвѣ, такъ что Бѣлгородская митрополія еще 10 лѣтъ оставалась не открытой; Иларіонъ Рязанскій былъ недоволенъ тѣмъ, что не былъ избранъ въ Патріархи его отецъ, Митрополитъ Аѳоній (къ которому Никонъ пришелъ въ монастырь юношей), который отказался отъ патріаршества, оказавшись вмѣстѣ съ Никономъ въ числѣ 3 кандидатовъ на патріаршество и пожелавшій видѣть Патріархомъ Никона; Митрополитъ Питиримъ, какъ искавшій сѣсть на мѣсто Никона на патріаршество, былъ также врагомъ Никону.

Консервативная церковная партія была недовольна исправленіемъ книгъ и обрядовъ, и во время своего патріаршества Никонъ боролся съ ней, опираясь на соборныя опредѣленія, одобреніе Константинопольскаго Патріарха, и, когда не помогали увѣщанія, прибѣгалъ къ ссылкамъ. Эта церковная партія исходила изъ признанія первенства церковныхъ интересовъ надъ государственными и, хотя отдавала первое мѣсто Царю, однако, почитала его связаннымъ всецѣло церковными канонами и уставами, настолько, что, когда Царь, по ихъ мнѣнію, отступилъ отъ этихъ уставовъ, то онъ въ ихъ глазахъ подлежалъ проклятію и терялъ права на повиновеніе; равно отвергнута была раскольниками будто бы за нарушенные уставы Церкви и іерархическая власть Церкви, и они образовали свое особое общество.

Никонъ также ставилъ интересы Православной Церкви выше государственныхъ, но относительно пониманія самого Православія расходился съ ними. Такъ, древне-русское воззрѣніе, почитавшее слово Божіе выше всего, было свойственно обоимъ теченіямъ и выражалось оно такъ: „А святымъ Божественнымъ книгамъ достоитъ Царю всѣхъ свыше совѣтовъ внимати и почасту ихъ прочитати.“ Не придавая обряду церковному такой неизмѣняемости, какъ догмату, Никонъ почиталъ его подлежащимъ измѣненію и исправленію со стороны власти Помѣстнаго Собора, особенно, когда онъ получилъ одобреніе Восточныхъ Патріар-

ховъ. Мы видѣли, что Никонъ испросилъ разрѣшеніе Собора 1654 г. на исправленіе книгъ, получилъ на это и одобреніе и согласіе Константинопольскаго Собора, и провелъ самое исправленіе черезъ Помѣстный Соборъ 1655 и 1656 года. Но для старообрядцевъ высшимъ критеріемъ было не согласованіе своихъ обычаевъ съ обычаями другихъ Церквей и съ древне-церковнымъ преданіемъ, не голосъ органа высшей власти Помѣстной Церкви и Восточныхъ Патріарховъ, а согласованіе съ разъ установленными обычаями на Стоглавомъ Соборѣ и наличная русская дѣйствительность, какъ она выражалась въ русскихъ церковныхъ книгахъ. Мы оставляемъ въ сторонѣ вопросъ объ этихъ измѣненіяхъ, ибо въ полѣ зрѣнія нашихъ интересовъ лежитъ другая сторона Никоновской дѣятельности, именно не его внутрицерковная борьба съ старообрядцами, а его борьба за Церковь, за ея самостоятельность въ Государствѣ. Скажемъ только, что по изслѣдованію Каптерева Никона напрасно считаютъ до сихъ поръ за иниціатора церковныхъ реформъ. Правда, Никонъ проводилъ исправленія обрядовъ и книгъ и при томъ съ особой тщательностью, запрашивая Патріарховъ, собирая книги со всѣхъ русскихъ монастырей, посылая на Аѳонъ за старыми книгами. Арсеній Сухановъ оттуда вывезъ ихъ болѣе 700, но потомъ, проведши реформу, Никонъ въ своихъ письмахъ и сочиненіяхъ объ ней ни разу не упоминалъ,— видно не отдавалъ онъ ей души. Онъ выполнилъ заданіе Вонифатьева и Царя, которое раздѣлялъ, не будучи ихъ главнымъ иниціаторомъ. Въ церковно-обрядовыхъ реформахъ онъ имѣлъ враждебную себѣ партію консервативную, а въ защитѣ правъ Церкви въ Государствѣ имѣлъ противъ себя либеральную боярскую партію.

ГЛАВА II.

Боярство и Никонъ. Приготовленія къ суду надъ Никономъ.

Либеральная боярская партія, враждебная Никону въ его защитѣ правъ Церкви въ Государствѣ.—Бояре нуждаются въ слабомъ царѣ.—Совпаденіе интересовъ староцерковной и боярской либеральной партіи въ стремленіи свергнуть Никона.—Причины общаго характера боярской вражды къ Никону. Характеристика боярства XVI и XVII вѣка.—Боярская реакція послѣ Грознаго и узко-эгоистическая политика боярства.—Результаты эгоистической политики боярства въ половинѣ XVII вѣка, въ частности мѣстничества.—Вліяніе Никона на государственныя дѣла: пріостановка мѣстничества, война съ Польшей; участіе въ ней Никона.—Развитіе военныхъ дѣйствій съ Польшей, а потомъ со Швеціей.—Возобновленіе мѣстническихъ счетовъ послѣ ухода Никона и роковое вліяніе ихъ на войну.—Результаты столѣтней боярской реакціи Грозному.—Невознаградимость для царя потери Никона, какъ совѣтника и поддержки противъ бояръ. Стремленіе бояръ устранить отъ царя совѣтника, сильнаго умомъ и энергіей. Разногласія царя, съ Никономъ по церковнымъ вопросамъ въ 1657 г.—Бояре одинаково преслѣдуютъ геніальныхъ людей не своего круга, попавшихъ къ власти: Патріарха Никона и А. Л. Ордынъ - Нащокина.—Никонъ въ качествѣ государственнаго совѣтника сдерживалъ боярство, какъ раньше сдерживалъ его Грозный и Патріархъ Филаретъ, совѣтникъ Царя. Боярскія фамиліи, давшія главныхъ враговъ противъ Никона. Дворъ царя. Нравственныя качества враговъ Никона.—Причины боярской нелюбви къ Никону, заключавшіяся въ характерѣ Никона, а также изъ-за войнъ.—Перенесеніе въ Москву мощей Св. Филиппа, какъ средство борьбы съ духомъ вѣка и средство искупить вину царской власти передъ Митрополитомъ Филиппомъ.—Трудность Никоновскаго пути по созданію Святой Руси для бояръ, недуховно настроенныхъ.—Никоновскія требованія церковной самостоятельности задѣваютъ бояръ. Главная причина вражды къ Никону—боярству нуженъ слабый царь, послушный, а не дополняющій себя въ другой сильной личности. — Стремленіе Никона ввести церковность во всѣ жизненныя отношенія. Онъ начинаетъ съ царя. —Судьба Никона—судьба древнихъ еврейскихъ пророковъ.—Неправильное пониманіе С. М. Соловьевымъ Никона и его идей.—Петръ I, какъ представитель идеи омірщенія Государства въ противоположность идеѣ оцерковленія. — Соловьевъ вѣрно опредѣлилъ психологическія причины разрыва Никона съ царемъ. —О причинахъ, послужившихъ къ спорамъ между царемъ и Никономъ; онѣ въ области не государственной, а церковной: поставленіе Кіевскаго Митрополита въ 1657 г. — Средства борьбы бояръ противъ Никона. — Докуки Никону 1660-1663 г. отъ сосѣдей Сытина и Бобарыкина. — Назначеніе коммиссіи 23 декабря 1662 г. Собираніе винъ на Никона къ Собору. — Лигаридъ. Его вопросы - отвѣты. — Вопросъ о томъ, какъ составить правила, по силѣ которыхъ обвинить Никона. Составленіе вопросовъ для отправки на Востокъ. — Бояре побуждаютъ старообрядцевъ составить петицію противъ Никона.— Неестественный союзъ бояръ, принявшихъ реформы Никона, съ расколоучителями противъ Никона. — Сторонники старообрядцевъ изъ боярства —Развитіе раскола отъ пропаганды возвращеннаго Аввакума. — Предупрежденіе въ 1663 г. о личности Лигарида, полученныя Ни-

кономъ. — Дѣятельность Лигарида въ высшемъ управленіи Русской Церкви. — Преслѣдованіе правительствомъ Никоновскихъ доброжелателей. — Попытка отдѣлаться отъ Никона посредствомъ постриженія его въ схиму. — Чего добивались бояре посылкой вопросовъ Восточнымъ Патріархамъ? Ихъ обвиненія затрагиваютъ не только Никона, но и царя. — Неистовствующая злоба бояръ, доказательства ея. — Обвиненіе Никона въ названіи Воскресенскаго монастыря Новымъ Іерусалимомъ. — Основная причина боярской злобы—не въ Никонѣ, въ самихъ боярахъ. — Составленіе вопросовъ Патріархамъ и способы полученія отвѣтовъ. Посылка іеродіакона Мелетія на Востокъ.—Письмо Іерусалимскаго Патріарха Нектарія къ царю 20-III 1664 г. — Мнѣніе Константинопольскаго Патріарха Діонисія по Никоновскому дѣлу. — Мнѣніе Іерусалимскаго Патріарха Нектарія по дѣлу Никона. — Какъ подписали свитки Александрійскій и Антіохійскій Патріархи. — О незаконности суда надъ Никономъ съ точки зрѣнія его составленія.—Патріархи Александрійскій и Антіохійскій не могли представлять Константинопольскаго Патріарха Пароенія и Іерусалимскаго Патріарха Нектарія.—Стремленіе Патріарховъ Александрійскаго и Антіохійскаго оправдаться передъ двумя другими Патріархами за судъ надъ Никономъ. — Патріархъ Нектарій Іерусалимскій возбуждаетъ дѣло о Лигаридѣ. — Кто былъ орудіемъ противъ Никона, и кто дѣйствительно его врагомъ. Смыслъ этой вражды.—Подробное разсмотрѣніе вопросовъ, посланныхъ Патріархамъ на Востокъ, и отвѣтовъ. — Глава I отвѣтовъ патріаршихъ свитковъ. — II глава отвѣтовъ патріаршихъ свитковъ. — III глава отвѣтовъ патріаршихъ свитковъ. — IV глава свитковъ и V-ая. — X, XI и XII главы отвѣтовъ патріаршихъ свитковъ. — XIII глава свитковъ. — Глава XIV—XX патріаршихъ свитковъ. Гл. XIV. — Глава XV свитковъ. — Глава XVI свитковъ. — Глава XVII свитковъ. — Глава XVIII свитковъ — Глава XIX свитковъ.—Глава XX свитковъ.—Глава VII,VIII,VIX,XXI,XXII, XXIII свитковъ.— Глава VI свитковъ. — XXIV глава свитковъ. — Глава XXV свитковъ. —Вопросъ о наличности вины Никона рѣшается 30.XI 1666 г. въ его отсутствіе. — О троекратномъ приглашеніи Никона на судъ. — Ложное заявленіе Патріарховъ о наличіи у нихъ согласія Константинопольскаго и Іерусалимскаго Патріарховъ. — Чѣмъ руководились Патріархи въ сужденіи о дѣлѣ Никона. — Искусственныя мѣры, принятыя правительствомъ для освѣдомленія Патріарховъ о дѣлѣ Никона (по правительственнымъ источникамъ). — Въ чемъ обвиняли Никона на судѣ? — Практика Константинопольской Церкви въ отношеніи Іерарховъ, покинувшихъ кафедру. — Обсужденіе Никоновскаго ухода на Соборѣ между 16 февр. и 23 апр. 1666 г. — Историческая справка разнаго вида объ уходахъ Патріарховъ и Епископовъ со своихъ престоловъ. Выводы. — Въ результатѣ исторической справки для бояръ, чтобы окончательно отдѣлаться отъ Никона, нельзя было ограничиться однимъ оставленіемъ патріаршества съ его стороны.

Либеральная боярская партія враждебная Никону въ его защитѣ правъ Церкви въ государствѣ.

Въ вопросахъ общественнаго положенія Церкви и ея самостоятельности Никонъ отстаивалъ свои идеи, свои выношенныя мысли, результаты своихъ собственныхъ размышленій надъ святоотеческими сочиненіями (Іоанна Златоуста, Григорія Богослова, Іоанна Дамаскина), страдалъ за нихъ, отстаивалъ ихъ всей силой своей личности; предпочелъ удаленіе отъ дѣлъ какому - либо компромиссу и здѣсь онъ наткнулся на духъ вѣка, на новыя вѣянія, которыя использовали въ свою пользу создавшееся съ половины XV вѣка засиліе государства надъ Церковью.

Если Государство — высшій творецъ всѣхъ отношеній и правъ, то оно по своему субъективному усмотрѣнію, не связанное никакими высшими нормами, можетъ ихъ пересоздавать и давать и Церкви ровно столько правъ, сколько само пожелаетъ. Изъ такой именно точки зрѣнія исходили бояре, которымъ претила Никоновская теорія о какихъ-то незыблемыхъ правахъ Церкви на свое законодательство, управленіе и судъ, о правахъ Церкви, хотя и данныхъ Государствомъ, но освященныхъ и канонизированныхъ шестивѣковой давностью. Имъ важенъ былъ интересъ ихъ сословія въ смыслѣ безпрепятственнаго управленія всѣмъ Государствомъ—прежде всего осуществить вліяніе на царя черезъ Боярскую Думу. Учрежденіе это включало и потомковъ нѣкогда самостоятельныхъ княжескихъ родовъ, которые въ участіи въ Думѣ видѣли компенсацію за утрату своей политической самостоятельности, включало и старое Московское боярство и вновь выслуживающихся при царяхъ лицъ, и лицъ, просто породнившихся съ царями черезъ ихъ браки на подданныхъ. Всѣ эти лица ревниво оберегали возможность своего вліянія на царскую власть, и, конечно, дружба Царя съ такимъ сильнымъ человѣкомъ, какъ Никонъ, дружба, восполнившая качествами Никона недостатки Царя, какъ правителя, была слишкомъ непріятна для боярства.

Бояре нуждаются въ слабомъ царѣ.

Боярству нуженъ слабый царь, когда оно могло бы проявлять свою власть безпрепятственно: недаромъ число членовъ Боярской Думы такъ сильно увеличивается при слабыхъ царяхъ-обоихъ Ѳеодорахъ, а въ малолѣтство Іоанна Грознаго и при юности Алексѣя Михайловича установилось боярское засиліе, приведшее при Грозномъ къ расправѣ царя надъ боярами, а при Алексѣѣ Михайловичѣ къ народному бунту 1648 года, вновь повторившемуся въ 1662 году изъ-за неумѣнія бояръ справиться съ финансовымъ положеніемъ Государства, сопровождавшимся взяточничествомъ и несправедливостью къ слабымъ. Чего добивалось боярство при слабомъ царѣ, иллюстрируетъ боярскій проектъ 1681 года, раздѣлившій Россію на рядъ наслѣдственныхъ намѣстничествъ съ боярскими фамиліями во главѣ. Это было бы возвращеніе Россіи къ удѣльнымъ временамъ и обезсиленіе ея, на подобіе Польши. Уже Царь Ѳеодоръ подписалъ проектъ, и лишь Патріархъ Іоакимъ отказалъ въ своей подписи и убѣдилъ царя его взять обратно. Мы познакомились съ идеями Никона, и чтобы отыскать причины вражды боярства противъ него, мы должны уяснить, чѣмъ еще Никонъ отталкивалъ боярство, находившееся вокругъ царя въ качествѣ его сотрудниковъ по управленію. Мы говорили, что противъ Никона стояла въ Церкви старообряд-

ческая партія, которая раздѣляла съ Никономъ основное убѣжденіе, воспитанное Церковью и живое въ народѣ, о первенствѣ церковныхъ интересовъ передъ государственными и налагавшее на царя и на Государство обязанность проникаться ими; эта партія хотѣла уничтоженія реформъ Никона и его сверженія; ради этого въ особенности она выдвигала на первое мѣсто и въ чисто церковныхъ дѣлахъ царя; въ этомъ она сходилась съ представителями боярской либеральной партіи, которая усвоила цезарепапистскія идеи, съ которыми боролся Никонъ, и также добивалась сначала низверженія Никона изъ состава государевыхъ совѣтниковъ, потомъ съ патріаршаго престола, затѣмъ его заточенія, ссылки и созданія условій, при которыхъ Никонъ не могъ бы быть возвращенъ изъ ссылки. Эта партія принимала Никоновскія реформы въ Церкви, но не допускала никакой реформы церковно - государственныхъ отношеній, установленныхъ Уложеніемъ. Пока Никонъ не былъ низложенъ, обѣ партіи нерѣдко сходились на общей задачѣ свалить Никона. Однимъ это нужно было для аннулированія его церковныхъ реформъ, а другимъ для устраненія государева совѣтника, который занималъ мѣсто, разсчитанное ими для себя. Цезарепапистскія идеи не были для боярства чѣмъ то самостоятельно выношеннымъ и взлелѣяннымъ, а были даны Лигаридомъ, пріѣхавшимъ въ Москву въ апрѣлѣ 1662 года и давшимъ идейную опору въ борьбѣ противъ Никона, и при томъ такую опору, которая при извѣстныхъ условіяхъ могла расположить въ свою пользу и царя, возвеличивая его власть до неограниченныхъ предѣловъ: это—обычный пріемъ лести. Они старались внушить царю, что Никонъ стремится захватить власть, что царя уже не слышно, боятся де только Патріарха Никона, что царю остается только предоставить Никону Москву, какъ предоставилъ Константинъ Великій Римъ Римскому папѣ Сильвестру, и такіе навѣты дѣйствовали постепенно на царя, особенно когда онъ, возмужалый послѣ 2½ лѣтняго участія въ войнѣ, гдѣ привыкъ уже къ извѣстной самостоятельности, вернулся въ Москву. Мы увидимъ впослѣдствіи, что бояре не щадили косвенно и царя въ обвиненіи противъ Никона, но важно опредѣлить, чѣмъ собственно такъ отвратенъ былъ для бояръ Никонъ. Надо вникнуть въ психологію боярства. Не видно, чтобы оно дѣлало это изъ приверженности какой либо идеѣ; даже цезарепапизмъ былъ только орудіемъ для него въ борьбѣ съ Никономъ, даннымъ ему въ руки Лигаридомъ: до его пріѣзда не слышно было такихъ обвиненій на Никона, и обвиняли его до этого времени только въ оставленіи кафедры, искусственно истолковывая его удаленіе, какъ отреченіе.

Совпаденіе интересовъ старocерковной боярской либеральной партіи въ стремленіи свергнуть Никона.

Причины общаго характера боярской вражды къ Никону. Характеристика боярства XVI и XVII вѣка.

Изслѣдователь политическаго значенія боярства за періодъ отъ Грознаго до XVIII вѣка, Бѣловъ, отмѣчаетъ основныя черты боярства, которыя и поясняютъ намъ, почему такой представитель чисто русскаго народнаго міросозерцанія съ его идеалами правды и святости, какимъ былъ Никонъ и въ своемъ ученіи и въ своей жизни, былъ для нихъ непріемлемъ, и настолько непріемлемъ, что съ 1657 года, когда они почувствовали, что имъ удается внушить царю къ Никону нерасположеніе, почти до самой смерти Никона въ 1681 г., они работаютъ надъ созданіемъ невозможности для Никона сблизиться съ царемъ, сначала съ Алексѣемъ Михайловичемъ, потомъ съ его сыномъ Ѳеодоромъ Алексѣевичемъ. Никонъ,вѣдь, не несъ съ собой никакой реформы государственнаго переустройства, которая затрагивала бы положеніе боярства; онъ только отстаивалъ самостоятельность каноническаго управленія Церкви и ея освященныя давностью права. Никонъ, правда, добился пріостановки дѣйствій Уложенія въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, именно въ вопросѣ о церковномъ судѣ, вліялъ на Царя въ смыслѣ разсылокъ указовъ воеводамъ о примѣненіи Кормчей вмѣсто Уложенія въ уголовныхъ дѣлахъ. Этого, однако, было бы недостаточно для такой ожесточенной ненависти бояръ противъ Никона. Были другія причины болѣе общаго характера. **Это недовольство боярства, что человѣкъ не ихъ среды всталъ около царя, что такая талантливая личность затѣняетъ боярство.** Бѣловъ представляетъ **намъ боярство** на протяженіи послѣднихъ 150 лѣтъ своего существованія до Никона, какъ классъ людей, лишенныхъ какого-либо идейнаго творчества. Вся энергія его уходила на сохраненіе за собой власти и на проведеніе чисто эгоистической классовой политики. Единственнымъ интересомъ этого боярства было соблюденіе мѣстничества, т. е. взаимныхъ родовыхъ счетовъ. Мудрая политика Грознаго, казнившаго оппозиціонное новому Московскому строю боярство, утвердила царскую власть. Въ боярствѣ XVI и XVII вѣка были разные слои: и потомки бывшихъ удѣльныхъ князей, и старинное Московское боярство, и люди новые, выслужившіеся, для которыхъ, какъ мы видѣли, въ Боярской Думѣ былъ особый чинъ думнаго дворянина. Введеніемъ новыхъ людей въ Боярскую Думу Грозный подорвалъ значеніе этого боярства. Онъ потрясъ его и опричниной, не столько даже казнями, сколько тѣмъ, что въ опричнину онъ бралъ земли, бывшія опорой титулованнаго боярства, и заселялъ ихъ новыми людьми, не имѣвшими на данномъ мѣстѣ историческихъ корней и преданій, переселяя старыя фамиліи съ своихъ насиженныхъ вѣками гнѣздъ на новыя мѣста.

Боярская реакція послѣ Грознаго и узко эгоистическая политика боярства.

Результаты этого дѣла не могли быть уничтожены ни смутой, ни столѣтней реакціей дѣлу Грознаго со стороны бояръ; однако, эта реакція обнаружила историческое стремленіе этого класса, который дѣлалъ много злого для народа и Государства. Карамзинъ, смягчающій вообще бояръ, пишетъ: „Бояринъ Андрей Михайловичъ Шуйскій при Грозномъ и князь Василій Рѣпнинъ Оболенскій, будучи намѣстниками въ Псковѣ свирѣпствовали какъ львы, по выраженію современниковъ: не только угнетали земледѣльцевъ, гражданъ беззаконными налогами, но вымышляли преступленія, ободряли ложныхъ доносителей, возобновляли дѣла старыя, требовали даровъ отъ богатыхъ, безденежной работы отъ бѣдныхъ и въ самыхъ св. обителяхъ искали добычи съ лютостью монгольскихъ хищниковъ.“ **Бояре сдѣлали все, чтобы погубить свои притязанія быть наслѣдственными совѣтниками государя.** Вышеуказанное поведеніе боярства, большинство коего было на сторонѣ Шуйскихъ, и вызвало кровавыя мѣры Грознаго, какъ отвѣтъ на узкую эгоистическую политику. Курбскій жаловался на своеволіе одного, но бояре этому противопоставляли совершенно безъидейное самовластіе многихъ. Заговоръ Шуйскихъ въ малолѣтство Грознаго противъ Бѣльскихъ и Митрополита Іоасафа имѣлъ цѣлью дать торжество боярамъ намѣстникамъ и удержать олигархію. Грозный впослѣдствіи поддерживалъ Бѣльскихъ (Гедиминовичи), вносившихъ умиротвореніе въ народъ. Борьба Шуйскихъ съ Бѣльскими —борьба потомковъ Александра Невскаго съ Гедиминовичами; устраненіе старобоярскихъ Московскихъ фамилій во главѣ съ Юрьевыми-Захарьиными, устраненіе родственниковъ царя по матери князей Глинскихъ татарскаго происхожденія—**все это было лишь родословные счеты, на которыхъ держались всѣ отношенія высшихъ слоевъ боярства. Въ смутное время борьба шла за престолъ по тѣмъ же родословнымъ счетамъ,а позже опустилась въ другую плоскость, борьбу за мѣста на государевой службѣ. Безъидейность и эгоистичность боярства сказывались во всѣхъ его выступленіяхъ, какъ класса.**

При избраніи на престолъ Шуйскаго бояре брали запись отъ царя, что онъ не будетъ представителей боярскихъ родовъ безъ суда казнить смертью. Боярство оговаривало только свои права. Съ Михаила Θеодоровича взяли по преданію запись: „Не осудя истиннымъ судомъ съ бояры своими никого смерти не предавать и не наказывать вкупѣ съ преступникомъ его родственниковъ“. Объ этой записи писали Котошихинъ и Татищевъ. **Но въ царствованіи Михаила бояръ держалъ въ рукахъ отецъ царя,**

помогавшій ему въ государственномъ управленіи, какъ позже Никонъ Алексѣю Михайловичу. На отношеніе его къ боярамъ указываетъ одинъ хронографъ, памятникъ XVIII вѣка.

„Сей убо Филаретъ Московскій и всея Руси возрасту и сана былъ средняго, Божественныя писанія отчасти разумѣлъ; нравомъ опальчивъ и мнителенъ, а владѣтеленъ таковъ былъ, яко и самому царю бояться его; бояръ же и всякаго чина царскаго синклита зѣло томляше заточеньями необратными и иными наказаньями, до духовнаго же чину милостивъ былъ и не сребролюбивъ, всякими же царскими дѣлами и ратными владѣлъ, а въ грамотахъ и челобитныхъ имя его писали съ „вичемъ". Филаретъ дѣйствовалъ именемъ сына и вмѣсто смерти казнилъ заточеніями. Исключеніемъ было дѣло Шейна, но его казнили въ порывѣ ненависти бояре, разрывая этой казнью льготы своему сословію."

Отъ вновь избираемаго польскаго королевича требовали такого закрѣпощенія народа, о которомъ и не думалъ Годуновъ. **Въ условіяхъ ему уже не думали о возвышеніи людей по заслугамъ и объ условіяхъ свободныхъ поѣздокъ заграницу**, а только о томъ, чтобы „Московскихъ княжескихъ и боярскихъ родовъ пріѣзжими иноземцами въ чести не понижать." **Вся жизнь Государства для нихъ въ томъ, чтобы не понижались боярскіе роды: для этого было одно средство—никого не допускать на свою высоту: но эта традиція, такой способъ охраны своего значенія, и низвела значеніе боярства къ концу XVII вѣка до нуля.** Самый фактъ предпочтенія боярствомъ польскаго королевича кандидату, указанному Патріархомъ Гермогеномъ (Михаилу Романову), объясняется родословной гордостью, чтобы не подчиниться потомку отравленной боярыни ненавистной имъ царицы Анастасіи, жены Грознаго. **Расхожденіе боярской и народной точки зрѣнія на власть опредѣлилось тогда же въ этомъ вопросѣ.** Народъ вспоминалъ царицу Анастасію почти какъ святую страдалицу отъ бояръ, и возвелъ ради нея домъ Романовыхъ надъ князьями дома Св. Владиміра и дома Гедимина (Голицыны), а боярскій кандидатъ Владиславъ былъ ненавистенъ и для народа и для Патріарха Гермогена. Силой вещей бояре, выставившіе самозванцевъ игрой имени Грознаго царя, въ концѣ концевъ принуждены были смириться передъ этимъ именемъ и просить внучатнаго племяника той царицы Анастасіи, сына которой они хотѣли отстранить отъ престола въ пользу своего князя Владиміра Андреевича. Сломленное въ результатѣ смуты народнымъ сознаніемъ, призвавшимъ въ результатѣ крѣпкой народной думы на престолъ представителя фамиліи **боярской но не титулованной, русское боярство око-**

ченѣло окончательно въ политической классовой политикѣ послѣ отчаянныхъ попытокъ въ смуту возвратить утраченное положеніе. Въ концѣ XVII в. „бояринъ" уже означаетъ только чинъ, и окончательное паденіе боярства было плодомъ его внутренней безсодержательности, которой можно противопоставить развѣ политическую зрѣлость и постоянную неусыпную заботливость объ интересахъ Государства, а не касты, аристократіи англійской, не отстававшей въ своемъ политическомъ развитіи отъ развитія государства. Безопасность Государства и народа ставилась въ зависимость отъ каприза бояръ и при Грозномъ, когда царь вынужденъ былъ назначить вождемъ сторожевыхъ полковъ князя Ивана Андреевича Шуйскаго, который вмѣстѣ съ княземъ Мстиславскимъ и навели на Москву хана въ 1571 г. Какъ первые князья Рюриковичи въ междуусобныхъ смутахъ наводили половцевъ, такъ потомки Александра Невскаго—Шуйскіе наводили татаръ, ставя свое „я" выше всего. Съ молокомъ матери бояре впитывали презрительное отношеніе къ народу, и потомство удѣльныхъ князей и **бояръ въ этомъ презрѣніи къ народу натолкнулось на Грознаго—выразителя народныхъ думъ и чаяній, поставившаго санъ царя на незыблемую нравственную высоту выразителя религіозно-нравственнаго сознанія православнаго народа,** власть, принципіально отличающуюся отъ власти всѣхъ другихъ князей, какъ Богомъ освященную и призванную вести народъ къ спасенію подъ осѣненіемъ Церкви и ея законовъ.

То же поставленіе своего „я" выше государственныхъ интересовъ было и при Алексѣѣ Михайловичѣ. Бунты 1648 г. и 1662—плоды дѣятельности Морозовыхъ, Милославскихъ, которые съ пріобщеніемъ къ боярству и власти восприняли цѣликомъ традиціи прежняго боярства по хищничеству, казнокрадству, исключительному эгоизму съ забвеніемъ государственныхъ интересовъ. А мѣстничество показало свои плоды въ Польской войнѣ послѣ ухода Никона.

Результаты эгоистической политики боярства въ половинѣ XVII вѣка, въ частности мѣстничества.

Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ на Соборѣ 12 января 1682 года говорилъ объ этомъ времени такъ (Павловъ Сильванскій „Государевы служилые люди", стр. 160): „При Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ въ его государскихъ походахъ во время войны съ Польшей и Швеціей всѣ чины были безмѣстны же и во время того безмѣстія, при помощи Божіей славныя надъ непріятелемъ побѣды учинилися. А которые бояре презрѣвъ его государское повелѣніе, вчинали тогда мѣста и тѣмъ чинено наказаніе и разореніе отнятіемъ помѣстій и вотчинъ. Въ послѣдующихъ же походахъ между бояры

и воеводы, для случаевъ отечества ихъ многія быша несогласія и ратнымъ людямъ тѣснота и оттого ихъ несогласія многій упадокъ разнымъ людямъ учинился, а именно подъ Конотопомъ и подъ Чудновымъ и въ иныхъ многихъ мѣстахъ."

Характерно, что въ началѣ войны съ Польшей мѣстничество было пріостановлено спеціально для этой войны, и, когда Царь говорилъ рѣчь въ Успенскомъ Соборѣ 23. X. 1653 (Сол. X. 304), то онъ сказалъ: „Мы, Великій Государь, положа упованіе на Бога и на Пресвятую Богородицу изъ Московскихъ чудотворцевъ, **посовѣтовавшись съ отцомъ своимъ съ великимъ государемъ, святымъ Никономъ Патріархомъ, со всѣмъ Освященнымъ Соборомъ** и окольничими и думными людьми переговорили, и изволили идти на недруга своего, Польскаго короля, **воеводамъ и ратнымъ людямъ быть на нынѣшней службѣ безъ мѣстъ, и этотъ нашъ указъ мы велѣли записать въ разрядную книгу** и закрѣпили своей государственной рукой". Невозможно не думать, что въ этомъ постановленіи о пріостановкѣ мѣстничества сказалось вліяніе Никона, который, хотя еще не былъ въ это время государственнымъ регентомъ, но все же былъ главнымъ совѣтникомъ Царя во всѣхъ дѣлахъ, по общему признанію и современниковъ и историковъ, и безъ него не дѣлалось никакого важнаго дѣла. Самая война съ Польшей была рѣшена подъ его вліяніемъ, и имъ поддерживалось стремленіе освободить православную Малороссію отъ польской власти, и самъ Богданъ Хмѣльницкій, зная объ этомъ вліяніи Никона, посылалъ къ Царю въ 1653 г. пословъ Бырляя и Мужиловскаго съ грамотами о просьбѣ ходатайствовать передъ Царемъ не только къ боярамъ Морозову и Милославскому, но и къ Патріарху Никону (Сол. X., 264). У Соловьева есть свѣдѣнія на основаніи первоисточниковъ, что Никонъ принималъ живое участіе въ войнѣ. Такъ 25.V. 1656 Никонъ писалъ Царю, что къ Потемкину отправлены донскіе казаки, которыхъ онъ благословилъ идти на Стокгольмъ и въ другія мѣста. 9.VII. 1655 г. Никонъ давалъ Царю совѣтъ не вступать въ сношеніе съ литовскимъ гетманомъ Радзивилломъ, предавшимся въ подданство шведскому королю (X.339). Никонъ благословилъ царя въ письмѣ писаться Великимъ Княземъ Литовскимъ, ибо были завоеваны Литовскіе города; это былъ разгаръ успѣховъ въ войнѣ съ Польшей, когда послѣдняя оказалась на краю гибели и заключила съ Россіей Виленскій договоръ 24 окт. 1656 г., по которому самый Польскій престолъ по смерти короля Кази-

Вліяніе Никона на государственныя дѣла: пріостановка мѣстничества, война съ Польшей; участіе въ ней Никона.

Развитіе военныхъ дѣйствій съ Польшей, а потомъ съ Швеціей.

міра переходилъ къ царю Алексѣю Михайловичу; по Виленскому договору установленъ рядъ необыкновенно благопріятныхъ для Россіи условій: Бѣлорусскіе и Малорусскіе города отходили къ Россіи. Въ польскихъ областяхъ устанавливалась по договору полная свобода богослуженія для православныхъ: унія подлежала искорененію, Россія и Польша впредь до окончательнаго соединенія обязывались не заключать мира и не вступать въ войну безъ общаго согласія (Въ первый походъ были взяты Смоленскъ, Могилевъ, Полоцкъ и Витебскъ; во второй безъ боя взяты Минскъ, Гродно, Пинскъ, Вильно, все Литовское княжество. Хмѣльницкій дошелъ до Люблина; у Польши были отобраны не только Литовскіе города, но и Бѣлорусскіе, а на югѣ русскіе уже осаждали Львовъ).

Послѣдующія событія привели, однако, къ войнѣ со Швеціей, ибо шведскій король Карлъ X, пользуясь критическимъ положеніемъ Польши, вторгся въ нее и завладѣлъ всей Великой Польшей, и простеръ свое вниманіе на области, уже завоеванныя русскими, въ томъ числѣ и на Литву. Несмотря на требованіе русскаго правительства не затрагивать русскихъ завоеваній, Шведскій король не уступалъ, и весной 1656 г. началась вынужденная война со Швеціей, которая привела къ пораженію русскихъ подъ Ригой въ октябрѣ того же года и къ пріостановкѣ Шведской войны, вплоть до заключенія 3 лѣтняго перемирія 1658 г. и безрезультатнаго міра съ Швеціей въ 1661 г. и безрезультатнаго мира съ Швеціей въ 1661 г.

Никонъ надѣялся въ этой войнѣ отобрать у Швеціи Ингрію и Карелію, населенныя православными, и вообще русскіе города, потерянные въ связи со смутой (По Столбовскому договору 1616 г. Москва отказалась отъ притязаній на Ливонію и Карелію; Швеція возвращала Москвѣ Новгородъ, но оставляла за собой Ивангородъ, Копорье, Ямъ, Орѣшекъ, Ингрію. Съ Польшей же положеніе было регулировано передъ тѣмъ Поляновскимъ миромъ 17 мая 1634 г., **по которому Россія уступала Польшѣ всѣ города, отданные по Деулинскому перемирію въ 1618 г.**, когда Польша взяла себѣ за Филарета и Шеина Смоленскъ, Дорогобужъ, Рославль, Черниговъ, Стародубъ, Новгородъ Сѣверскій, Трубчевскъ, Себежъ, Невель.

Въ отношеніи Шведскихъ плановъ Никонъ былъ единомышленникомъ Ордынъ-Нащокина послѣ разрѣшенія вопросовъ съ Польшей въ 1656 году. Но въ виду пробужденія національнаго духа въ Польшѣ, отобравшей уже у Шведскаго короля его завоеванія, и измѣны Выговскаго, переведшаго въ 1659 году (Гадячскій договоръ 6 сент. 1659 г.) Малороссію снова на сторону Польши, возникла опять война съ Польшей, продолжавшаяся до Андруссовскаго перемирія 1667 г.

Возобновленіе мѣстническихъ счетовъ послѣ ухода Никона и роковое вліяніе ихъ на войну.

Весьма характерно, что съ уходомъ Никона начались самые яростные мѣстническіе счеты между боярами, командовавшими войсками, которые привели къ ряду пораженій и позволили заключить войну далеко не на тѣхъ условіяхъ, которыя были заключены въ Вильнѣ въ 1656 г. Пришлось отказаться и отъ Бѣлоруссіи и отъ правобережной Украины, и, если дѣла не привели къ худшему, то только потому, что сама Польша была уже была потрясена до основанія и первоначальными неудачами въ войнѣ, въ виду явнаго сочувствія къ Россіи населенія Бѣлорусскихъ и Литовскихъ областей, и внутренними междуусобіями (возстаніе Любомірскаго), и турецкой угрозой черезъ гетмана Дорошенко.

Интересно видѣть, къ чему привело начавшееся разнузданное мѣстничество бояръ. Подъ вліяніемъ этихъ пораженій Россія принуждена была заключить 21 іюня 1661 г. съ Швеціей невыгодный миръ, уступавшій Швеціи города, отходившіе къ Россіи по перемирію 1658 года. Пораженія эти велики. Пользуясь несогласіями между Трубецкимъ и Ромодановскимъ, разбивъ перваго подъ Конотопомъ въ 1659 г. 28,VI, а второго подъ Нѣжиномъ, Чарнецкій разбилъ князя Хованскаго осенью 1660 г. подъ Слонимомъ, а потомъ Долгорукаго, въ томъ же году, вернувъ всю Литву отъ русскихъ. Осенью 1661 г., послѣ пораженія Хованскаго и Нащокина, потеряны были Гродно, Могилевъ и Вильно. Шереметевъ былъ окруженъ на Волыни подъ Чудновымъ осенью 1660 года и сдался въ плѣнъ съ огромной 100,000 арміей; изъ Крымскаго плѣна онъ во всемъ обвинялъ Барятинскаго, что онъ, не дойдя до него съ помощью, поворотилъ назадъ и занимался грабежомъ (XI,106); тогда-то измѣнилъ и Юрій Хмѣльницкій, сынъ Богдана. Остававшіеся въ Малороссіи воеводы ссорились другъ съ другомъ (XI,107). Чаадаевскій воевода билъ челомъ на князя Юрія Барятинскаго, что онъ ходитъ только для своей корысти, пишетъ ложные доклады о своихъ сраженіяхъ, а съ нимъ не совѣтуется. Въ печальномъ платьѣ послѣ пораженія Трубецкого вышелъ Царь къ народу, и ужасъ напалъ на Москву. У русскаго Царя не оказалось воеводъ, равныхъ по талантамъ Чарнецкимъ, Любомірскимъ и Вишневецкимъ, **ибо таланты эти никакъ не могли проявляться при мѣстнической системѣ.** О какомъ успѣхѣ можно было думать, когда происходили такія явленія, о которыхъ говорится въ челобитной мѣстныхъ жителей, по которымъ проходили войска князя Урусова и Барятинскаго. Вотъ что писали новгородскіе дворяне и дѣти боярскіе: „Воевода Урусовъ мститъ прежнюю недружбу, ибо они били челомъ на него Царю Михаилу Өеодоровичу, и тотъ мститъ за Нов-

городскую недружбу. Узнавъ, что у кого-нибудь есть плѣнники, воевода присылалъ друзей со стрѣльцами, выбиралъ лучшихъ дѣвицъ и женщинъ, бралъ къ себѣ силой и, подержавъ у себя, отсылалъ въ Великіе Луки на государственныхъ подводахъ. Посылалъ головъ сотнями за лошадьми и часть приведенныхъ лошадей взялъ себѣ, другихъ роздалъ тѣмъ, къ кому добръ, остальныхъ послалъ государю въ Вильно. Идучи дорогой, заставлялъ служилыхъ людей ловить рыбу изъ прудовъ, выпустивъ воду, приказалъ идти подъ Брестъ наскоро съ вьюками, а дорогой свои и конскіе кормы и людей въ плѣнъ брать. Они дворяне, услыхавъ государеву милость, забыли свои великія нужды и безпокойства, на государеву службу пошли съ радостью, но, какъ только перешли рѣку Нѣманъ, Урусовъ и Барятинскій запретили имъ подъ смертной казнью брать что либо у жителей, а сами воеводы въ благочестивыхъ христіанскихъ церквахъ, въ костелахъ по мѣстечкамъ въ нашихъ мѣстностяхъ, въ мѣщанскихъ дворахъ всякую казну грабили, колокола, лошадей, кареты, органы, и, отягчаясь добычей, шли подъ Брестъ очень медленно, а ихъ поморили голодной смертью" (X,Сол.332-334). Урусовъ не по нуждѣ въ постные дни ѣлъ мясо, и двухъ безчестилъ, называлъ не слугами и небойцами, а на самомъ у Бреста и сабли не было, въ Верховичахъ испугавшись пушечной стрѣльбы, съ боя уѣхалъ и государево знамя съ собой увезъ" (Сол.X,335).

Хотя эта война нанесла окончательный ударъ Польшѣ, отъ котораго она никогда вполнѣ не оправилась, и самъ Польскій король въ засѣданіи Сейма 4 іюля 1661 г. за 100 лѣтъ предсказалъ ея раздѣлъ, однако, относительный успѣхъ войны для русскихъ при невѣроятной продолжительности войны (13 лѣтъ) и огромныхъ потеряхъ былъ обязанъ не качествамъ боевой мощи, а безсилію Польши при ея внутреннихъ неурядицахъ.

Результаты столѣтней боярской реакціи Грозному.

Говоря о пораженіяхъ 1660 г., изслѣдователь русскаго боярства **Бѣловъ** пишетъ: **„Вотъ, къ чему привела столѣтняя боярская реакція мѣрамъ Грознаго, направленнымъ къ тому,** чтобы оцѣнивать человѣка не по породѣ, а по заслугамъ. **Свое же дѣло боярство довело до тихой, незамѣченной исторіей кончины родословной Боярской Думы.** Была неизбѣжна крутая реформа сверху, вслѣдствіе отсутствія всякой способности въ обществѣ къ самопомощи. Петръ явился на призывъ исторіи. Когда въ ноябрѣ 1681 г. уничтожалось мѣстничество, то въ самомъ актѣ объ этомъ упоминалось о Коногопскомъ и Чудновскомъ пораженіи, какъ слѣдствіи этой системы управленія" (Пальмеръ V,909 Прим.) Для такой реформы (Боярская Дума кончилась въ 1711 г.), недостаточенъ былъ уже Государственный регентъ, который

могъ быть устраненъ интригами бояръ, если самъ Царь не сознавалъ, что его борьба должна быть направлена на бояръ, а не на своего совѣтника, своей волей и внутренней силой восполнившаго слабаго волей Царя и указывавшаго ему его призваніе, какъ православнаго Царя,—быть въ своей дѣятельности выразителемъ религіозно-національныхъ интересовъ своего народа и во внутренней и во внѣшней политикѣ.

Невознаградимость для Царя потери Никона, какъ совѣтника и поддержки противъ бояръ.

Никонъ помогалъ Царю и идейно и непосредственно въ жизни. Когда Никонъ былъ регентомъ, царь могъ самъ быть на войнѣ, и его приказы должны были исполняться безъ ссылокъ на мѣстничество, и такое послушаніе не могло и въ будущемъ повредить слушающемуся. „Самъ Соловьевъ,—пишетъ **Пальмеръ** (V,909), замѣчаетъ, при всемъ его порицаніи Никона, что ничто не было болѣе невыгодно для Царя чѣмъ то, что разрывъ его съ Никономъ разбилъ его вниманіе какъ разъ въ то время, когда иностранныя дѣла требовали всего его вниманія и дѣятельности, и дѣлалъ невозможнымъ для него отъѣздъ изъ Москвы. Нѣтъ сомнѣнія, что непріятно правителю, лично не лишенному способностей, быть затемненнымъ высшей способностью и силой характера одного изъ своихъ слугъ; если бы былъ человѣкъ Никоновскаго характера и способностей среди бояръ, было бы трудно для Царя дѣлать его своимъ личнымъ другомъ или пользоваться такъ свободно его способностями, какъ использовалъ царь Алексѣй способности Никона въ теченіе 3-лѣтъ. Но то обстоятельство, что Никонъ былъ духовный и предстоятель Церкви, и дѣлало всю разницу. Пока онъ не покушался на присваиваніе себѣ свѣтской чести или власти или функцій, чего Никонъ никогда и не дѣлалъ, Царь могъ пользоваться совѣтомъ или службой того, кто по возрасту и положенію былъ ему какъ отецъ, безъ всякаго основанія быть завистливымъ или ревнивымъ къ его духовнымъ превосходствамъ“ (Пальм. V,910). „И если Алексѣй въ теченіе послѣднихъ 18 лѣтъ своей жизни чувствовалъ часто, насколько онъ самъ былъ себѣ врагъ, лишаясь службы Никона для дѣлъ своего семейства, своего двора и своего управленія, то это еще болѣе чувствовалось имъ, когда онъ неожиданно, не доживъ до 47 лѣтъ, оказался пораженнымъ смертельной болѣзнью. Его сынъ долженъ былъ управлять подъ опекой бояръ, а царь Алексѣй Михайловичъ не могъ съ сожалѣніемъ не чувствовать, умирая, насколько положеніе его семьи было бы другое, если бы его духовный отецъ и другъ былъ въ томъ же рангѣ и власти, какъ въ 1654 и 1655 г., когда онъ спасъ всю его семью отъ чумы.

Вѣроятно, онъ не сталъ бы тогда завидовать, если бы

могъ воскресить прошлое по желанію и дать снова Никону титулъ Великаго Государя".

Стремленіе бояръ устранить отъ Царя совѣтника, сильнаго умомъ и энергіей.

Бояре во время сумѣли устранить отъ Царя сильнаго умомъ и волей совѣтника и уготовить путь къ своему безпрепятственному своеволію, бывшему путеводной нитью и стимуломъ всей ихъ политики еще при Грозномъ. Никонъ отдавалъ свои силы и на служеніе государству, въ качествѣ совѣтника государева, но ни откуда не видно, чтобы Никонъ видѣлъ въ этой службѣ Царю неразрывную принадлежность своего сана: ни разу ни въ одномъ изъ разговоровъ, дошедшихъ до насъ, ни въ одномъ письмѣ или сочиненіи Никонъ объ этомъ не упомянулъ, а, если бы это было, то многочисленные враги его непремѣнно оставили бы объ этомъ память, ибо они всегда изощрялись во всевозможныхъ обвиненіяхъ на Никона, въ которымъ онъ впослѣдствіи оказывался совершенно непричастнымъ.

Разногласіе Царя съ Никономъ въ 1656,1657 г. по церковнымъ вопросамъ.

Но до насъ дошли факты его разногласія съ царемъ, начавшагося съ 1656 г., и всѣ эти разногласія относились къ чисто церковнымъ вопросамъ, въ которыхъ Никонъ отстаивалъ свою компетенцію До насъ дошло столкновеніе Никона съ Царемъ по вопросу о водоосвященіи 5 янввря 1656 г., а также столкновеніе въ 1657 г. по поводу назначенія въ Кіевъ епископа на мѣсто умершаго митрополита Сильвестра Коссова. Мы скажемъ о нихъ послѣ, а пока—о боярахъ.

Бояре одинаково преслѣдуютъ геніальныхъ людей не своего круга, попавшихъ къ власти: Патріарха Никона, А.Л. Ордынъ Нащокина.

Они считали себя прирожденными совѣтниками Царя. Для нихъ Никонъ былъ человѣкъ изъ народа, сынъ крестьянина, выскочка, и потому непріемлемъ такъ же, какъ непріемлемы были у власти люди не ихъ круга. Извѣстно, сколько пришлось потерпѣть талантливѣйшему дѣятелю этого царствованія, боярину Афанасію Лаврентьевичу Ордынъ-Нащокину, не отличавшемуся породой. На него роптали бояре за то, что Алексѣй Михайловичъ сталъ съ нимъ часто совѣщаться. Князь Хованскій, бывшій послѣ него въ Псковѣ воеводой, разрушилъ введенное имъ самоуправленіе, которое было непріятно боярамъ, „Воеводамъ де нечего дѣлать, все въ Псковѣ мужики дѣлаютъ", т. е. просто воеводамъ нельзя было брать взятокъ. Эти воеводы были обычно изъ бояръ или подъ покровительствомъ бояръ. „Если бы я отъ міра былъ, міръ свое любилъ бы", писалъ Ордынъ-Нащокинъ царю, жалуясь на общее къ себѣ недоброжелательство. „Думнымъ людямъ противно слушать его донесенія и совѣты, потому

что они не видятъ стези правды, и сердце ихъ одебелѣло завистью". Злая иронія звучитъ въ его словахъ, когда онъ пишетъ Царю о нравственномъ превосходствѣ знати сравнительно съ своей худородной особой. „Думнымъ людямъ никому не надобенъ я, надобны такія великія государственныя дѣла... У такихъ дѣлъ пристойно быть изъ ближнихъ бояръ: и родъ великій, и друзей много во всемъ пространный смыслъ имѣютъ и жить умѣютъ; отдаю тебѣ, великому Государю, мое кратное цѣлованіе, за собой держать не смѣю по недостатку умишки моего" (Ключевскій, Курсъ III, 438). Судьба Нащокина напоминаетъ нѣсколько судьбу Никона. Поэтому приведемъ о немъ нѣсколько словъ изъ Ключевскаго (Ключевскій, Курсъ III 435). Онъ былъ воеводой въ родномъ Псковѣ въ 1655 г. Въ 1658 г. сталъ думнымъ дворяниномъ, и въ 1667 г. начальникомъ Посольскаго Приказа. Онъ заключалъ съ Швеціей Веліасарское перемиріе 1658 г., условія котораго превзошли ожиданія самого Царя Алексѣя. Онъ заключалъ также Андруссовское перемиріе 1667 г, положившее конецъ 13-лѣтней войнѣ. Онъ вытягалъ у Польши не только Смоленскую и Сѣверскую землю и Восточную Малороссію, но и изъ западной Кіевъ съ округомъ. Онъ зналъ языки нѣмецкій, латинскій, польскій. Онъ былъ поклонникомъ Западной Европы. Онъ отрѣшился отъ національной замкнутости и первый провозгласилъ правило: „Доброму не стыдно навыкать и со стороны у чужихъ, даже у своихъ враговъ". Приверженность его къ западно-европейскимъ порядкамъ и порицаніе своихъ нравилось иноземцамъ и создавало враговъ между своими. Московское боярство его ненавидѣло, его единственной опорой былъ Царь. „Передъ всѣми людьми, пишетъ онъ Царю, за твое государево дѣло никто такъ не возненавидѣнъ какъ я". Въ его бумагахъ (Ibid., 339) найденъ значительный запасъ идей и проектовъ, которые могли стать и стали надолго руководящими началами внутренней и внѣшней политики. Исходной точкой его плановъ было брать образецъ съ запада, но брать не все безъ разбора. Онъ хотѣлъ согласовать общеевропейскую культуру съ національной самобытностью. Онъ ненавидѣлъ порядки Московской администраціи, въ которой любятъ дѣло смотрѣть по человѣку, а не по дѣлу. Дѣло въ дѣлѣ, а не въ лицахъ, — былъ напротивъ лозунгъ Нащокина. Нащокинъ почитался великимъ въ дѣлѣ, ему врученномъ, — дипломатомъ — не только дома, но и у иноземцевъ. При немъ поставлены были вопросы, питавшіе вражду съ Польшей и Швеціей, — о Малороссіи и Балтійскомъ морѣ. Вопросъ о возсоединеніи югозападной Руси съ Великороссіей онъ считалъ неразрѣшимымъ для своего времени и потому былъ сторонникомъ мира и союза съ Польшей для прекращенія шведскихъ козней. Онъ хотѣлъ, чтобы всѣ православные отъ Дуная до Россіи бы-

ли подъ покровительствомъ Московскаго Царя. Въ 1667 г. онъ развивалъ въ рѣчи польскимъ посламъ идею о славѣ славянскихъ народовъ, если бы всѣ говорящіе по славянски отъ Адріатическаго до Нѣмецкаго моря и Сѣвернаго океана соединились подъ главенствомъ Польши и Россіи въ одну державу. Онъ мечталъ о династическомъ возсоединеніи съ Польшей подъ властью Московскаго царя или его сына, и въ этомъ онъ совершалъ крутой поворотъ въ Московской внѣшней политикѣ. Нащокинъ готовъ былъ ради союза съ Польшей отступиться не только отъ западной Малороссіи, но и восточной. Хотя онъ устраивалъ торговыя отношенія съ Персіей и Средней Азіей, съ Хивой, Бухарой, смотрѣлъ на Дальній Востокъ и на Китай, думалъ о колонизаціи Пріамурья, **но прежде всего онъ думалъ о выходѣ къ Балтійскому морю ради народно хозяйственныхъ соображеній, а Ливонію пріобрѣсти онъ хотѣлъ во что бы то ни стало.** Подъ его вліяніемъ царь Алексѣй Михайловичъ хлопоталъ о возвращеніи бывшихъ русскихъ владѣній отъ Швеціи, о пріобрѣтеніи морскихъ пристаней Нарвы, Ивангорода, Орѣшка и всего теченія Невы со шведской крѣпостью на мѣстѣ позднѣйшаго Петербурга. Онъ хотѣлъ пріобрѣтенія Риги ради прямого ближайшаго пути въ Европу. **Онъ и шелъ на союзъ съ Польшей, жертвуя чуть ли не всей Малороссіей ради отнятія Ливоніи, но осуществить его мысль удалось унаслѣдовавшему его идеи Петру.** Онъ вообще во многомъ предупредилъ Петра и раньше его высказалъ идеи, которыя тотъ осуществилъ и во внутреннемъ управленіи. Онъ изъ наблюденій надъ западной Европой пришелъ къ сознанію главнаго недостатка Московскаго государственнаго управленія — недостатка вниманія къ развитію производительныхъ силъ страны при эксплоатаціи народнаго труда. Поэтому онъ думалъ о развитіи промышленности и торговли и ради этого стремился къ освобожденію промышленнаго класса отъ гнета приказной администраціи и въ Псковѣ по примѣру Западной Европы ввелъ городское самоуправленіе. Его преемникъ князь Хованскій, будучи воеводой въ Псковѣ, отмѣнилъ его самоуправленіе ради боярскихъ интересовъ; впослѣдствіи въ 1667 г. онъ провелъ Новоторговый уставъ. Нащокинъ провелъ мысль объ особомъ приказѣ для купцовъ и создалъ его, какъ предшественника учрежденій Петра. Онъ же предложилъ проектъ военнаго преобразованія и хотѣлъ замѣнить конную милицію городовыхъ дворянъ, обученныхъ иноземному строю, ополченіемъ пѣшихъ и конныхъ даточныхъ людей. Это — идеи регулярной арміи, комплектуемой изъ всѣхъ сословій. Онъ думалъ и о флотѣ на Каспійскомъ или Балтійскомъ морѣ, о переустройствѣ государственнаго управленія въ духѣ децентрализаціи. Но ему не удалось, **какъ и Никону,** сдѣ-

лать все, что онъ могъ, бы ибо неустойчивый характеръ положилъ преждевременный конецъ его дѣятельности. Въ 1671 г. онъ долженъ былъ по порученію царя вести переговоры съ Польшей, въ которыхъ призванъ былъ оттягать у Польши Кіевъ, вопреки соглашенію, скрѣпленному годъ назадъ его присягой: онъ не пошелъ на это и постригся въ монахи, въ февралѣ 1672 г. Въ качествѣ инока Антонія онъ занимался богадѣльней, устроенной имъ въ Псковѣ до своей смерти въ 1680 г.“

Не любили бояре и боярина Зюзина, преданнаго Никону, который исходатайствовалъ для него боярство и милость Царя, которой тотъ чуть было не лишился на воеводствѣ въ Путивлѣ. „Мѣстничество, говоритъ Павловъ Сильванскій (Государевы служилые люди, стр. 79), объединяло всѣ аристократическія фамиліи въ одно цѣлое, въ классъ лицъ, размѣстившихся между собою по отечеству и не оставлявшихъ мѣста въ своей средѣ неродословнымъ людямъ... Устанавливая іерархію родовъ, мѣстничество вмѣстѣ съ тѣмъ закрывало доступъ новымъ родамъ въ среду извѣстныхъ фамилій. Оно имѣло главнымъ образомъ значеніе сословно-оборонительной системы. Родословная знать не раздвигалась, когда къ ней приходили новые люди. Эта система съ одной стороны наносила чрезвычайный вредъ правительству, парализуя всѣ его распоряженія и въ мирное и въ военное время, ибо связывало правительство въ порядкѣ назначенія на должности счетами боярскихъ родовъ о томъ, кому подъ кѣмъ быть невмѣстно. Эта система настолько связывала даже Царя, что спасителя Россіи въ эпоху смуты князя Пожарскаго члена захудалаго рода Царь могъ повысить противъ его отечества лишь искуссным обходомъ мѣстническихъ счетовъ, но и личность царская должна была уступить передъ Салтыковымъ, однимъ изъ высшихъ членовъ мѣстнической лѣстницы“ (Павловъ Сильван. Ib. 157).

Разинскій бунтъ 1671 года—результатъ хищничества воеводскихъ дьяковъ, но и онъ не вразумилъ боярства. Черезъ 10 лѣтъ бояре составили проектъ, когда возбужденъ былъ вопросъ объ отмѣнѣ мѣстничества, по которому въ Великомъ Новгородѣ, Казани и другихъ областяхъ должны были быть царскіе намѣстники „великородные бояре“ вѣчно и носили бы титла тѣхъ царствъ, гдѣ кто будетъ; это было бы возрожденіемъ удѣловъ подъ новымъ названіемъ, и самая наличность такого проекта есть оправданіе мудрой, обдуманной правительственной политики Грознаго, направленной къ объединенію Государства и къ обузданію боярства, политики которую по отношенію къ боярству въ качествѣ Государевыхъ совѣтниковъ въ извѣстной степени

Никонъ въ качествѣ Государственнаго совѣтника сдерживалъ боярство, какъ раньше сдерживалъ его Грозный и Патріархъ Филаретъ совѣтникъ Царя.

продолжали и Патріархъ Филаретъ и Патріархъ Никонъ. Что Никонъ сдерживалъ боярство, видно изъ того, что стали дѣлать бояре, когда Никонъ лишился вліянія въ государственныхъ дѣлахъ: примѣры мѣстничества мы привели, послѣдовало непомѣрное увеличеніе членовъ въ Боярской Думѣ при Ѳеодорѣ и, наконецъ, проэктъ раздробленія Россіи. Всякія стремленія къ улучшенію въ государственной жизни всегда натыкались на косную неподвижную омертвѣлую группу боярства, и Аѳ. Лавр. Ордынъ Нащокинъ, человѣкъ живыхъ стремленій и улучшеній и новыхъ путей во внѣшней политикѣ, задыхался отъ интригъ, ковавшихся противъ него, многократно писалъ объ этомъ Царю и горькими жалобами просилъ Царя освободить его отъ службы и кончилъ жизнь свою добровольнымъ уходомъ въ монастырь. Противъ Никона изъ среды стараго родовитаго боярства, считавшаго только себя прирожденными совѣтниками царя, особенно выступали кн. Никита Ивановичъ Одоевскій, стоявшій одно время во главѣ Монастырскаго Приказа и проводникъ цезарепапистской системы Уложенія въ жизнь, и кн. Алексѣй Никитичъ Трубецкой, стоявшій съ 1647 1663 г. предсѣдателемъ Сибирскаго Приказа. Боярство, ослабленное смутой и убылью родовъ, съ XVII вѣка было пополнено новыми родами, которые уже не могли говорить: „Царь жалуетъ насъ помѣстьемъ а не отчествомъ“, ибо были возвышены царской властью и всѣмъ обязаны ей; получая службу и награды отъ милости Царя, они уже не могли считаться наслѣдственными совѣтниками Царя по праву рожденія и имѣли вліяніе въ силу родства или свойства съ Царемъ черезъ царскимъ женъ: это—Стрешневы, Милославскіе, позже Хитрово, Нарышкины, Матвѣевы, Апраксины. Никону пришлось встрѣтиться съ первыми тремя фамиліями, особенно съ дядей царя Алексѣя Михайловича **Семеномъ Лукьяновичемъ Стрешневымъ**, а изъ Милославскихъ къ нему враждебна была сама **царица Марія Ильинишна** и ея отецъ **Илья Даниловичъ**, и ея **двоюродный братъ Иванъ Михайловичъ.** Все это—совѣтники Царя уже по праву родства съ Царемъ. Изъ Стрешневыхъ Иванъ Ѳеодоровичъ былъ предсѣдателемъ Монастырскаго Приказа и Челобитнаго съ 1657-1661 и съ 1660 1667 гг., а Семенъ Лукьяновичъ Стрешневъ предсѣдателемъ Литовскаго приказа. Милославскій былъ временщикомъ и не малую роль сыгралъ въ народномъ озлобленіи, приведшемъ къ бунту 1648 г. Милославскіе историками характеризуются, какъ люди злые, своекорыстные, хитрые и мелкіе, эгоистичные, властолюбивые; все это были люди, стоявшіе такъ или иначе у кормила правленія. Вся сила зла была въ

Боярскія фамиліи, давшія главныхъ враговъ противъ Никона. Дворъ Царя. Нравственныя качества враговъ Никона.

Ильѣ Даниловичѣ Милославскомъ, поддержанномъ у власти вліяніемъ царицы Маріи Ильинишны (Пальм. V,923) Объ Ильѣ Даниловичѣ Милославскомъ англичанинъ Коллинсъ, который былъ придворнымъ докторомъ царя Алексѣя Михайловича послѣ 1660 г. въ теченіе семи лѣтъ, пишетъ, что онъ очень способный, дѣятельный, съ мускулами какъ у Геркулеса, но жадный, несправедливый, безнравственный, больше боялся, чѣмъ любилъ Царя, который однако послѣ бунта въ іюлѣ 1662 г., причиненнаго своеволіемъ и засиліемъ семьи Милославскаго и другихъ, показалъ къ нему неблаговоленіе. Похожи были на Илью Даниловича и его племянники Иванъ Михайловичъ и Иванъ Богдановичъ. Ничего хорошаго о нихъ не говоритъ и Соловьевъ. Послѣ смерти Ильи въ 1668 г. представителемъ связи фамиліи со дворомъ оказался Иванъ Михайловичъ, на время второго брака Царя удаленный въ Астрахань воеводой. Царь Алексѣй, умирая, боялся за судьбу второй семьи, чувствуя опасность отъ коварной и злобной природы Ивана Михайловича Милославскаго. Богданъ Матвѣичъ Хитрово былъ, по разсказамъ Коллинса, человѣкъ совершенно безнравственный. „Однажды утромъ, разсказываетъ онъ, (V, 205), его жена была найдена мертвой въ своей постели. Такъ какъ его измѣны были общеизвѣстны. и ревность его жены стала для него обремененіемъ, то, эта неожиданная смерть причинила много слуховъ и подозрѣній среди народа. „Коллинсъ говоритъ, „что Царь понудилъ его жениться и оставить порочную жизнь, которую онъ велъ съ польскими непотребными дѣвками, подъ угрозой лишенія его мѣста при дворѣ“.

Михайловскій, описавшій жизнь Патріарха Никона, говоритъ, что дворъ и правительство при Алексѣ Михайловичѣ были многочисленны: было 11 бояръ ближнихъ, другихъ бояръ 69, окольничихъ 90, думныхъ дворянъ 37, дьяковъ 11, но въ дѣлѣ Никона мы встрѣчаемъ постоянно однѣ и тѣ же фамиліи: Стрешневыхъ, Милославскихъ, Одоевскаго, Долгорукихъ, Трубецкихъ, Салтыковыхъ, Ромодановскаго и дьяка Алмаза Иванова, т. е. какъ будто заговоръ противъ Никона изъ родственниковъ царя (Стрешневы и Милославскіе), бояръ Монастырскаго приказа (Долгорукій и Одоевскій) и тѣхъ изъ бояръ, которые были оставлены Царемъ на время Польскаго похода, или же имѣли въ семействѣ духовныхъ дѣтей протопопа Авакума. Къ нимъ надо присоединить еще Хитрово и Морозовыхъ, какъ тѣсно связанныхъ съ Милославскими. Морозовъ былъ воспитатель Царя въ юности и его главный министръ и совѣтникъ по восшествіи Алексѣя Михайловича на престолъ; онъ женилъ Царя на Марія Ильинишнѣ Милославской и самъ женился на ея сестрѣ Аннѣ Ильинишнѣ; Милославскіе были обязаны ему своимъ возвышеніемъ, также и Хи-

трово, мать котораго была у Морозова въ семьѣ кормилицей. „Такъ какъ Морозовъ, пишетъ Пальмеръ (IV,316), не былъ безукоризненъ и въ общественномъ отношеніи, то такіе испорченные и дурные люди, какъ Милославскій и Хитрово, которыхъ онъ возвелъ къ власти, и другіе, которые стояли наравнѣ съ нимъ по рожденію, какъ Трубецкіе, Долгорукіе и Хованскіе, или по родству съ царемъ, какъ Стрешневы, не боялись ни немилости, ни наказанія за свои злоупотребленія и тиранство благодаря ему". Морозовъ не мѣшалъ врагамъ Никона, и они считали его на своей сторонѣ. Передъ смертью онъ, видимо, чувствуя, что Никонъ можетъ быть имъ обиженъ, просилъ черезъ Царя у него прощенія, хотя открыто онъ никогда не выступалъ противъ Никона. Никонъ его охотно простилъ (1661) и даже предлагалъ его похоронитъ въ Воскресенскомъ монастырѣ (IV,319). Также охотно простилъ Никонъ и Стрешнева (весной 1665) за $1^1/_2$ года до смерти послѣдняго, за кощунство съ благословеніемъ, какъ вообще онъ охотно прощалъ (IV,660), когда прощеніе испрашивалось (также и Иваномъ Нероновымъ). Вся эта компанія людей непрерывно интриговала противъ Никона, заслонившаго отъ нихъ возможность безраздѣльнаго вліянія на Царя. Царь, пишетъ Пальмеръ (V,924), поддержалъ нечестіе и несправедливость въ лицѣ Ильи Даниловича Милославскаго и другихъ связанныхъ съ нимъ противъ Никона, но зато это нечестіе въ лицѣ Ивана Михайловича впослѣдствіи повернулось противъ его второй семьи или, вѣрнѣе, противъ него самаго въ лицѣ Нарышкиныхъ".

Всякое предпочтеніе Царемъ Никона существенно ихъ стѣсняло. Исключая царицы Маріи Ильинишны, симпатизировавшей расколу, въ частности заступавшейся за протопопа Аввакума передъ Царемъ и устраивавшей ему за него сцены, какъ объ этомъ пишетъ самъ Аввакумъ, все это, мы видимъ, были люди не идейные, а отстаивавшіе просто свое положеніе, удовлетворявшее ихъ или корыстолюбію, или честолюбію, или властолюбію, искавшіе себѣ союзниковъ даже въ рядахъ старообрядцевъ, которымъ не сочувствовали въ ихъ дѣлѣ, не погнушавшіеся водительствомъ запрещеннаго митрополита Паисія Лигарида, все это для того, чтобы свалить Никона.

Причины боярской нелюбви къ Никону, заключавшіяся въ характерѣ Никона, а также изъ-за войнъ.

Конечно, въ свойствахъ характера Никона были нѣкоторыя черты, которыя ущемляли ихъ болѣзненное самолюбіе при полной ихъ недуховности и еще болѣе одіознымъ для нихъ дѣлали временное возглавленіе государства имъ, на время отсутствія Царя. Мы не говоримъ уже объ упоминавшихся у Павла Алеппскаго ожиданіяхъ бояръ на пріемѣ Никона. Но трудно представить, какъ бы

могло быть иначе, какъ могъ бы Никонъ удовлетворить ихъ немедленно при пріемахъ, когда вообще трудно представить, откуда онъ доставалъ время для всѣхъ своихъ дѣлъ. Мы видѣли, что онъ почти ежедневно принималъ участіе въ церковныхъ службахъ. У него въ палатахъ было 7 церковныхъ приказовъ, которые и управляли, и судили, и ничего не могли сдѣлать безъ его утвержденія. Одновременно Никонъ, въ годы пребыванія Царя на войнѣ, проводилъ церковныя реформы на соборахъ 1654—1656 г., переписывался съ Константинопольскимъ Патріархомъ, исправлялъ книги и обряды, работалъ въ патріаршемъ архивѣ, фактически руководилъ наборомъ и отправкой войскъ, снабженіемъ его оружіемъ и припасами, посылкой подкрѣпленій, отдавалъ самъ распоряженія по борьбѣ съ чумой, дважды посѣтившей Россію, и въ 1654 и 1655 г., спасалъ отъ чумы царскую семью; одновременно со всѣмъ этимъ несъ борьбу со старообрядчествомъ, уже послѣ собора 1654 г. обнаружившаго сопротивленіе. Понятно поэтому, что Никонъ имѣлъ время только на то, чтобы отдавать распоряженія боярамъ потекущему управленію безъ особой учтивости; къ тому же онъ замѣнялъ Царя.

Конечно, это оскорбляло самолюбивыхъ прирожденныхъ и родственныхъ совѣтниковъ Царя. Мало того, есть данныя, что боярамъ не совсѣмъ нравилась и политика Никона относительно присоединенія Малороссіи, влекшая за собой войну съ Польшей. Такъ у Гюббенета приводится случай, когда одинъ архимандритъ Константинопольскаго Патріарха писалъ въ Москву изъ Яссъ въ 1663 г., называя Никона вторымъ Златоустомъ, что „Царь его любитъ и жалуетъ и приходитъ къ нему по ночамъ для бесѣды; бояре же отстраняютъ Никона за то, что онъ настаиваетъ, чтобы Царь шелъ на войну противъ татаръ которые полонили множество москвичей и казаковъ, но это боярамъ не нравится, ибо они привыкли проводить болѣе спокойную жизнь въ Москвѣ. Это одно письмо не было бы доказательнымъ, но мы знаемъ, что сначала вплоть до 1653 г. бояре противились присоединенію Малороссіи, не желая войны съ Польшей.

Но мы хотимъ сказать еще о другихъ свойствахъ **Никона: онъ былъ необыкновенно прямолинеенъ и суровъ въ обличеніяхъ** Боярамъ приходилось выслушивать отъ него публичные упреки. Иногда они подвергались имъ отъ него въ Думѣ, какъ отъ архипастыря, то за то, что у такого-то боярина Никонъ увидѣлъ икону латинскаго письма, то за невыполненіе церковныхъ обрядовъ, то за то, что въ такомъ то боярскомъ домѣ появился органъ, то за несоблюденіе постовъ. Будучи неумолимо строгъ къ себѣ, Никонъ боролся съ послѣдствіями знакомства боярства съ чужеземными порядками во время польской войны, ко-

торое разрушало цѣльность московскаго быта и создавало легкомысленное отношеніе къ уставамъ Православной Церкви. Никонъ требовалъ соблюденія правилъ объ исповѣди и святомъ причащеніи, и вообще боролся за соблюденіе въ жизни всѣхъ правилъ христіанскаго благочинія и поведенія, какъ въ общественномъ, такъ и въ домашнемъ быту. Но онъ никогда не щадилъ въ своихъ обличеніяхъ ни сана, ни званія, открыто возглашая имена провинившихся и въ Церкви, и въ Боярской Думѣ. Преслѣдуя высокую цѣль воспитанія людей въ духѣ церковныхъ требованій и не ища своего, Никонъ однако натыкался на озлобленіе, возраставшее съ одной стороны отъ непремиримости Никона, а съ другой отъ возрастанія духа распущенности и ослабленія сознанія христіанскихъ требованій въ жизни; смутное время оставило большіе слѣды въ этомъ отношеніи и создало типъ князя Хворостинина, который отрицалъ воскресеніе мертвыхъ, необходимость поста и молитвы, людей своихъ не пускалъ въ церкви, самъ на страстной недѣлѣ 1622 года „пилъ безъ просыпу“, ѣлъ мясо, не былъ въ церкви на Пасхѣ. **Съ этимъ типомъ встрѣтился и Никонъ еще тогда, когда онъ въ санѣ Новгородскаго митрополита ѣздилъ за мощами Св. Филиппа**. Мы цитировали его инциденты съ Одоевымъ и княземъ Лобановымъ Ростовскимъ въ виду отказа ихъ поститься и говѣть: для Руси XVII вѣка вольномысліе при поѣздкѣ съ митрополитомъ за Св. Мощами должно было казаться едва ли не отпаденіемъ отъ православія и не такому ревнителю строгой жизни, какъ Никону.

И самъ Царь писалъ объ этомъ Никону: „Вѣдомо намъ учинилось, что многіе дворяне и всякіе служилые люди, которые посланы съ вами, въ великій постъ не постились и не съ благочестіемъ ѣдутъ. И тебѣ бы, богомольцу нашему, заставить ихъ въ Петровъ постъ и въ Господень постъ говѣть, а которые начнутъ ослушаться, тѣхъ по правиламъ св. отецъ запрещать и разрѣшать, зане отъ Бога на тебя та власть положена, и на всякое благочиніе приводить“. Надо думать, что настроеніе, проявленное Лобановымъ Ростовскимъ и Одоевымъ было не единично. „Царь выдалъ насъ своему митрополиту“, шептались бояре.

Какъ въ государственной жизни Никонъ стремился къ оцерковленію закона, такъ и въ жизни общественной онъ проводилъ тѣ же требованія: надо быть христіанами не на словахъ, а на дѣлѣ, и послушаніе церковнымъ законамъ и уставамъ онъ ставилъ на первомъ мѣстѣ. Онъ самъ подавалъ примѣръ проведенія въ жизнь церковнаго устава и въ храмѣ и въ домашнемъ быту, дисциплинировалъ духовенство, и, встрѣчая здѣсь противорѣчія духа вѣка, всю надежду возлагалъ на помощь свыше.

Перенесеніе въ Москву мощей Св. Филиппа, какъ средство борьбы съ духомъ вѣка, и средство искупить вину царской власти передъ митрополитомъ Филиппомъ.

Въ виду того значенія, которое играетъ всегда примѣръ свыше, Никонъ хотѣлъ всенародно, пользуясь своимъ вліяніемъ на Царя, показать, какое почитаніе оказываетъ сама царская власть высшимъ принципамъ жизни въ лицѣ тѣхъ, кто показывалъ примѣръ служенія имъ. Св. Филиппъ, митрополитъ московскій, погибшій отъ Грознаго Царя, былъ особенно почитаемъ Никономъ, какъ жертва насилія за стойкое отстаиваніе христіанской правды, и Никонъ задумалъ совершить перенесеніе его мощей изъ Соловецкаго монастыря въ Москву. Его любимый святитель, которому онъ потомъ строилъ церкви (и въ Иверскомъ монастырѣ, и въ патріаршихъ палатахъ), являлся для него путеводной звѣздой и духовнымъ укрѣпленіемъ въ борьбѣ съ духомъ вѣка, въ борьбѣ, которую надо было начинать въ верхнихъ слояхъ при дворѣ и притомъ покаяніемъ. Этимъ публичнымъ почитаніемъ памяти святаго одновременно воскрешалось и уваженіе первосвятильскому сану, который носилъ Св. Филиппъ, и который онъ воплощалъ, какъ назидательный примѣръ правды и святости. И вотъ, при стеченіи народа въ церкви Соловецкаго монастыря Никонъ отъ лица Царя читалъ передъ гробомъ святителя покаянную рѣчь, чтобы смыть съ царской власти тяготѣвшее на ней преступленіе, подобно тому, какъ передъ перенесеніемъ мощей Св. Златоуста говорилъ рѣчь императоръ Ѳеодосій. Проф. Николаевскій полагаетъ, что Царь этимъ перенесеніемъ мощей хотѣлъ ослабить тяжелое впечатлѣніе отъ государственныхъ мѣръ въ отношеніи къ Церкви, введенныхъ Уложеніемъ. Въ февралѣ 1652 г. состоялись соборныя совѣщанія о перенесеніи мощей, а 17. февраля 1652 г. Царь слушалъ панихиду по Іоаннѣ Грозномъ, отъ имени котораго онъ молился къ мошамъ митрополита Филиппа. Эта царская грамота вручена была Патріарху Никону при его отъѣздѣ. Но можно усмотрѣть и другую идею въ перенесеніи мощей, если вспомнить, какое значеніе придавалъ Никонъ грѣху и въ частной, и въ общественной дѣятельности. А потому въ искупленіи грѣха, совершеннаго по отношенію къ митрополиту Филиппу, онъ могъ видѣть главное средство для достиженія благополучнаго царствованія своего друга и Царя. Вотъ, эта рѣчь (взята изъ статьи Проф. Николаевскаго „О перенесеніи мощей святителя Филиппа изъ Соловецкаго монастыря въ Москву“): „Ничто такъ не печалитъ моей души, пресвятый владыка, какъ то, что Ты не находишься въ царствующемъ нашемъ градѣ Москвѣ и въ соборной Церкви Успенія Богородицы вмѣстѣ съ бывшими до Тебя и по Тебѣ святителями, чтобы совокупными вашими молитвами Святая Соборная Апостоль-

ская Церковь и вѣра Христова пребывали неподвижной, и стадо вашей паствы оставалось ненавѣтнымъ отъ гибельныхъ волковъ; и мы крѣпки не своей силой и многоружнымъ воинствомъ, но вашими святыми молитвами. Второе молю Тебя и желаю пришествія твоего сюда, чтобы разрѣшить согрѣшеніе прадѣда нашего Царя и великаго князя Іоанна, совершенное противъ Тебя неразсудно завистью и несдержанной яростью. Хотя я и неповиненъ въ досажденіи Тебѣ, но грѣхъ прадѣда постоянно убѣждаетъ меня, приводитъ въ жалость и мучитъ мою совѣсть, что отъ изгнанія Тебя до настоящаго времени ты вдали отъ твоей святительской паствы. Потому преклоняю санъ свой царскій за согрѣшившаго противъ тебя, **да отпустишь ему согрѣшеніе своимъ къ намъ пришествіемъ, да уничтожится поношеніе, которое лежитъ на немъ за твое изгнаніе; пусть всѣ увѣрятся, что Ты примирился съ нимъ.** Умоляю Тебя и честь моего царства преклоняю передъ честными твоими мощами и повергаю къ моленію всю мою власть, приди и прости оскорбившаго Тебя напрасно; онъ раскаялся тогда въ содѣянномъ грѣхѣ, и за его покаяніе и за наше прошеніе приди къ намъ. Оправдалось на Тебѣ Евангельское слово, за которое Ты пострадалъ, что „всякое царство, раздѣлившееся на ся, не станетъ;“ теперь и у насъ нѣтъ прекословящихъ Тебѣ, нѣтъ нынѣ въ твоей паствѣ никакого раздѣленія, но всѣ единомысленно просимъ и молимъ Тебя: приди съ миромъ во свояси, и свои Тебя примутъ съ любовію“.

Напрасно Никону ставили на судѣ упрекъ въ униженіи царской власти, будто бы заключающемся въ этой рѣчи; **эта рѣчь стремится поднять царскую власть на ту высоту, которая не боится самообличенія и въ раскаяніи видитъ средство очищенія духовнаго**. Она вытекала изъ Никоновскаго міросозерцанія, въ которомъ центральное значеніе въ причинѣ **всѣхъ несчастій и личныхъ и государственныхъ отводится грѣху и личному, и общественному**. Это несчастіе можетъ поражать, какъ видно изъ постоянныхъ Никоновскихъ грозныхъ предостереженій, не только виновнаго, но и его потомство и цѣлое государство, если виновникомъ грѣха—правящая власть. На этомъ пути нельзя обойтись безъ самообличенія и покаянія всенароднаго, иначе не будетъ и искупленія грѣха, и вотъ, Никонъ предпринимаетъ отъ лица Царя это покаяніе, выступая по отношенію къ Царю, какъ отецъ, его молитвенникъ, покровомъ своимъ ограждающій его и его царство отъ бѣдъ. Однако, такіе призывы къ самообличенію и обличенію понимались нерѣдко, какъ обида самолюбію, и Никону пришлось въ заключеніе своего „**Раззоренія**“ **выяснить различіе между дерзостью и дерзновеніемъ**. Такъ какъ во всякомъ обличеніи, хотя бы оно

обращалось на архипастырское рвеніе къ уничтоженію грѣха, при томъ непомѣрномъ самолюбіи и самопочитаніи, которое было среди боярства, можно усмотрѣть обиду, то Никонъ такъ и протестовалъ противъ статьи Уложенія, которая грозила наказаніемъ за безчестіе словомъ, ибо при растяжимости понятія „безчестія" эта статья препятствовала обличительной дѣятельности Церкви. Когда Царь былъ въ духовномъ единеніи съ Никономъ, то онъ поощрялъ его въ его архипастырскихъ заботахъ, и потому, когда поступила къ нему жалоба отъ Одоева и Лобанова-Ростовскаго на строгость Никона въ требованіи постовъ и исповѣди, онъ писалъ Никону свой совѣтъ, вышеприведенный нами. А князю Хованскому, возглавлявшему боярскую свиту, Царь писалъ: „а тебѣ боярину нашему отъ великаго дурна ихъ унимать и велѣть ѣхать въ благочиніи, а не со смѣхомъ; ване же и къ намъ, земному Царю, ѣдутъ со страхомъ и трепетомъ, а то кольми паче подобаетъ ѣхать къ такому великому свѣтильнику со страхомъ и трепетомъ". Когда Царь проникся больше мірскими интересами и настроеніями, то и онъ сталъ склонять ухо къ Никоновскимъ врагамъ, усматривавшимъ въ обличеніяхъ Никона превозношеніе.

Трудность Никоновскаго пути къ Святой Руси для бояръ, недуховно настроенныхъ.

Людямъ, мірски настроеннымъ, Никонъ былъ тяжелъ: его идеалъ Руси кающейся, Руси, себя бичующей за свои грѣхи, Руси настолько проникающейся интересами духовными, что въ ней самыя административно политическія подраздѣленія государства мыслятся болѣе подъ религіозной формой, чѣмъ подъ юридической. „Кіевъ блажитъ Св. Антонія и Өеодосія Печерскаго, Москва Святителей Петра, Алексѣя и Іону; и Великій Новгородъ блажитъ Варлаама и Михаила, юродиваго Христа ради, Смоленскъ князя Өеодора, Ростовъ—Леонтія, Игнатія, Исаію, Вассіана и Ефрема, Вологда преподобнаго Дмитрія, а мы Устюжане блажимъ Прокопія Устюжскаго, имѣемъ его стражемъ и хранителемъ отчизны нашей Устюга", такъ писали Устюжане (Пр. Соб. 1863,1). —Этотъ идеалъ, взятый не въ его отвлеченномъ изображеніи, а въ самой дѣйствительности, требуетъ непрерывнаго героическаго подвига надъ самимъ собой, непрерывнаго showраспинанія, отсѣченія своихъ собственныхъ страстей, и для принятія требуетъ такого непрерывнаго духовнаго подъема, что не боярской средѣ XVII вѣка, приразившейся въ эпоху смуты и войнъ нравственной распущенности, съ ея единственнымъ культомъ родовой чести, можно было подняться въ жизни своей до такого труднаго идеала. А Никонъ требовалъ его проведенія и въ государственной жизни, и исполненіе правилъ церковныхъ и въ частной жизни, и въ государственномъ законо-

дательствѣ ставилъ условіемъ своего патріаршества, ибо безъ этого „мы только на словахъ христіане". „Не слушатели, а исполнители законовъ спасутся". „Церковь не стѣны и храмъ, а правило Церкви", вотъ, основа Никоновскаго міропониманія.

Никоновскія требованія церковной самостоятельности задѣваютъ бояръ. Главной причиной вражды на Никона—боярству нуженъ Царь слабый, послушный, а не дополняющій себя въ сильной личности.

Естественно, эта среда стала враждебной Никону, **ибо всей своей личностью онъ представлялся ей живымъ укоромъ.** Къ тому присоединилось и то, что Никоновскія требованія церковной самостоятельности наносили ущербъ боярскому властолюбію черезъ изъятіе подсудности духовенства Монастырскому Приказу, гдѣ сосредоточивалось боярское управленіе и судъ надъ Церковью; боярскія притязанія облеклись въ форму отстаиванія правъ самого Царя по цезарепапистской теоріи Паисія Лигарида, но въ основѣ своей бояре мало думали о Царѣ, ибо во многихъ своихъ обвиненіяхъ Никона бояре, какъ мы увидимъ, задѣвали не меньше, чѣмъ Никона, самого Царя. Боярамъ нуженъ былъ слабый Царь, при которомъ они могли бы быть главной политической силой, но Царь, которому помогала такая сильная личность, какъ Никонъ, который къ тому же проводилъ свои идеалы Святой Руси, не могъ быть пріемлемъ для боярскихъ вожделѣній и ихъ понятій о своемъ правѣ быть прирожденными совѣтниками Царя. Чтобы имѣть нужнаго имъ Царя въ лицѣ Алексѣя Михайловича, имъ надо было устранить того, кто своими качествами дополнялъ то, въ чемъ нуждалась царская власть, а не окружающее ее боярство. Никонъ самъ не велъ политической борьбы съ боярствомъ, которая бы подрывала права боярства, но своей необыкновенно одаренной личностью онъ сводилъ ничтожное передъ нимъ боярство ко второстепенному значенію при Царѣ. Могло ли гордое боярство ему это простить? Нѣтъ. А Никонъ былъ прямолинеенъ, онъ совершенно не зналъ того, чтобы на интригу отвѣчать контръ-интригой; и въ своихъ идеалахъ онъ былъ непоколебимъ, положилъ всю надежду на клятву Царя и бояръ, передъ тѣмъ какъ согласиться на патріаршество; но клятва не могла сдержать начинавшагося въ обществѣ отчужденія отъ Церкви въ жизни; почитаніе Церкви оставалось, но больше внѣшнее, а не въ стремленіи пронизать всѣ отправленія жизни церковнымъ принципомъ. Никонъ началъ съ Царя, но это не удалось, и Никонъ въ сокрушеніи писалъ въ „Раззореніи", что Царь его не понялъ.

Стремленіе Никона ввести церковность во всѣ жизненныя отношенія. Онъ начинаетъ съ Царя.

Никонъ хотѣлъ, чтобы тотъ, кто стоитъ во главѣ народа и является живой примѣръ, былъ образецъ смиренія, а не гордости, чтобы не навлечь на царство тяжелыхъ посѣщеній Божіихъ; а самый цезарепапизмъ разсматривался Никономъ какъ грѣхъ, за который неминуемо должна быть расплата, какъ за забвеніе заповѣдей Божіихъ. Сама царская власть имѣетъ цѣнность для государства, пока ея представитель угоденъ Богу и не попускаетъ отступленія. „Многіе Царю говорятъ: „Ты Богъ земной". И Царь не запрещаетъ имъ такъ говорить и ему самому и другимъ. И Патріархъ Никонъ говорилъ Царю, когда былъ на каѳедрѣ въ Москвѣ, и писалъ послѣ, когда оставилъ Москву, чтобы онъ запретилъ на будущее безумцамъ величать себя Богомъ. Но Царь молчалъ... а что такое Царь? Прем. Сына Сирах. 10,12—17 говоритъ: и вотъ, нынѣ Царь, а завтра умираетъ. Когда же человѣкъ умираетъ, то наслѣдіемъ его становятся пресмыкающіеся, звѣри и черви. Начало гордости—удаленіе отъ Господа и отступленія сердца его отъ Творца его, ибо начало грѣха—гордость, и обладаемый ею изрыгаетъ мерзость; и за это Господь посылаетъ на него страшныя наказанія и въ конецъ низлагаетъ его. Господь низвергаетъ престолъ властителей и посаждаетъ кроткихъ на мѣсто ихъ". Гордость въ Царѣ, какъ грѣхъ, есть катастрофа для Царя и его царства. Онъ цитируетъ изъ пророка Исаіи (14,13-14) о Навуходоносорѣ, Царѣ Вавилонскомъ, который возомнилъ себя, подобно Всевышнему, цитируетъ изъ пророка Іезекіиля слова, обращенныя къ начальствующему въ тюрьмѣ (Іезек. 28,1-9). Такъ говоритъ Господь Богъ: „за то, что вознеслось сердце твое и ты говоришь: я Богъ, и будучи человѣкомъ, а не Богомъ ставишь умъ твой наравнѣ съ умомъ Божіимъ... Я наведу на тебя иноземцевъ, лютѣйшихъ изъ народовъ, и они обнаружатъ мечи свои противъ красы твоей мудрости и помрачатъ блескъ твой. Скажешь ли тогда передъ твоимъ убійцей: „Я Богъ," тогда какъ въ рукѣ поражающаго тебя ты будешь человѣкъ, а не Богъ". Напомнивъ изъ Дѣяній апостольскихъ 12,21—23 о смерти Ирода, Никонъ указываетъ, что въ проявленіи гордости Царя, захватывающаго Церковь, (т. е. ея законодательство, управленіе) есть признаки отступленія послѣднихъ дней міра и цитируетъ апостола Павла 2 Ѳес. 2,4 о человѣкѣ грѣха, который превозносится выше всего, называемаго Богомъ или святыней, такъ что въ храмѣ Божіемъ сядетъ онъ, какъ Богъ, выдавая себя за Бога". **„Цезарепапизмъ есть высшее проявленіе превознесенія человѣческаго „я"**, и психологически вполнѣ было пріемлемо для бояръ, какъ **орудіе противъ православнаго пониманія царской власти Нико-**

номъ. Въ другомъ мѣстѣ Никонъ съ горечью сѣтуетъ, что духовное пониманіе назначенія царской власти и тяжелыя послѣдствія отъ превознесенія и гордости Царь не усвоилъ. Онъ пишетъ: „и тѣ гордые люди, которые теперь нарушили границу, присвоивъ себѣ честь и славу Бога, попрали своими ногами и подъ ногами своей лошади и своего орла (Намекъ на рисунокъ на Острожской Библіи напечатанной въ маѣ 1663 г.) пророческія тайны и градъ Великаго Царя (Церковь)." „Богъ познается въ Своихъ тяжелыхъ посѣщеніяхъ. Богъ познается въ исполненіи суда. Дѣлами рукъ Своихъ Онъ схватываетъ грѣшниковъ. Но Царь не хотѣлъ этого понять. Нѣтъ, онъ не хотѣлъ этого понять". Никонъ не искалъ для себя никакой власти, въ чемъ обвиняли его бояре, но убѣжденный, что отъ вторженія въ Церковь грозитъ гибель и царству, онъ, какъ древній пророкъ, обличалъ и Царя за этотъ захватъ, и окружавшихъ его бояръ за забвеніе церковныхъ правилъ и въ государственной и въ частной жизни. Но когда же обличители были пріятны обличаемымъ? И съ Никономъ совершилось то же, что сталось съ древними пророками, изъ которыхъ однихъ убивали, другихъ побивали камнями и гнали. Вотъ, причины гоненій на Никона: они—въ психологіи чванливаго, ревниваго къ власти боярства, гордаго и неспособнаго въ этой гордости подняться до тѣхъ идей Св. Руси, которымъ служилъ Никонъ и словомъ и дѣломъ. А народъ любилъ Никона, какъ выразителя своихъ идей; позже мы приведемъ свидѣтельства этой любви. Въ Царѣ же перемѣна къ Никону пришла постепенно.

Судьба Никона — судьба древнихъ еврейскихъ пророковъ.

Неправильное пониманіе Соловьевымъ Никона и его идей.

Историкъ С. М. Соловьевъ, совершенно неправильно, по нашему мнѣнію, освѣтившій образъ Никона, какъ самолюбиваго, гордаго, властолюбиваго человѣка, подъ вліяніемъ свидѣтельствъ его враговъ: Лигарида, князя А. Н. Трубецкаго, Неронова, которыхъ онъ цитируетъ, намъ кажется, правильно освѣтилъ перемѣну въ самомъ Царѣ. На основаніи свидѣтельскихъ показаній враговъ Никона Соловьевъ не могъ уяснить личности Никона; онъ пишетъ (въ XIII т. 141): „Обиліе матеріальныхъ мірскихъ средствъ и заключаетъ въ себѣ причину паденія Никона, который, какъ человѣкъ плоти и крови, не выдержалъ искушенія, прельстился предложеніемъ жертвъ и палъ. Никонъ позволилъ себѣ принять роковой титулъ „великаго государя" т. е. главнаго хозяина, правителя страны, титулъ, не могшій имѣть никакого отношенія къ значенію патріарха, титулъ, указывавшій прямо на двоевластіе, на то, что два хозяина въ домѣ, и влекшій необходимо къ столкновенію между ними, тѣмъ болѣе, что

Никонъ по природѣ своей не могъ быть только титулярнымъ великимъ государемъ. Патріаршество, его высокое назначеніе стало для Никона на второмъ планѣ, онъ бросился на мірскую власть, захотѣлъ быть настоящимъ великимъ государемъ, настоящимъ законнымъ и проигралъ дѣло". Вся эта характеристика есть повтореніе боярскихъ взглядовъ на Никона, внушаемыхъ боярами Царю, но отъ дѣйствительнаго Никона безконечно далека. Никакого двоевластія въ государствѣ не создавалось. За исключеніемъ того времени, когда Никонъ былъ регентомъ государства по порученію Царя, онъ былъ только вліятельнымъ совѣтникомъ Царя; титулъ великаго государя былъ титуломъ пожалованнымъ патріарху въ государственной сферѣ, какъ первому сановнику, оказавшему огромныя услуги государству и Царю, и оставался только титуломъ. А близость Патріарха къ Царю, установленная по чину, была не установленіемъ другой власти въ государствѣ рядомъ съ царской, а символомъ тѣхъ идей, которыя были положены въ основу государственной власти въ Московской Руси, стремящейся къ правдѣ и святости. Когда Петръ I указывалъ въ Духовномъ Регламентѣ на то, что этотъ великій государь вноситъ двоевластіе, то онъ былъ неискрененъ, ибо на опытѣ зналъ, что онъ могъ третировать Патріарха Адріана, но ему противенъ былъ самъ институтъ патріаршества, какъ символъ другихъ основъ жизни, не тѣхъ, которыя онъ проводилъ съ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ. Ему нужно было не оцерковленіе государства, а полное его омірщеніе, ибо для него руководящимъ началомъ было уже не созданіе Святой Руси, а принципъ государственной пользы, истолкованной самостоятельно самой свѣтской властью въ зависимости отъ господствующихъ философскихъ ученій. Но Соловьевъ, сказали мы, вѣрно понялъ психику Царя, окруженнаго, добавимъ, врагами Никона и въ походѣ (гдѣ съ нимъ былъ даже Митрополитъ Питиримъ), и въ Москвѣ. Онъ пишетъ, что „трудно указать, когда произошелъ этотъ переломъ, даже и самъ Царь едва ли сумѣлъ бы его указать. Онъ вкрадывался постепенно и возрасталъ вмѣстѣ съ Царемъ. 2½ года самостоятельной жизни на войнѣ привели къ возмужалости, самоувѣренности, а, возвратясь въ Москву, Царь засталъ другого, занимающагося его царскими дѣлами: желаніе самостоятельности, наговоры враговъ Никона, которые дразнили Царя, что его уже не слышно, боятся только Патріарха, возбудили въ немъ извѣстную ревность и онъ сталъ отходить отъ Никона, чѣмъ и воспользовались враги Никона, чтобы ихъ окончательно развести."

Петръ I, какъ представитель идеи омірщенія государства въ противоположность идеѣ оцерковленія.

Соловьевъ вѣрно опредѣлилъ психологическія причины разрыва въ Царѣ.

О причинахъ, послуживщихъ къ спорамъ между Царемъ и Никономъ; онѣ въ области не государственной, а церковной: поставленіе Кіевскаго Митрополита въ 1657 г.

Но напрасно мы стали бы искать какихъ-либо коренныхъ разногласій у Царя съ Никономъ по государственнымъ дѣламъ, которыя бы привели между ними къ враждѣ; прочитавъ всѣ извѣстныя сочиненія о немъ мы не нашли такого разногласія; совершенно очевидно, что, еслибы оно было, то Никонъ о немъ, упомянулъ бы, но свое государственное служеніе онъ несъ только, какъ долгъ, возложенный Царемъ, и, когда оно прекратилось, онъ даже никогда объ этомъ не вспоминалъ ни въ письмахъ, ни въ „Раззореніи". Несомнѣнно, что и враги Никона, обвинявшіе его въ властолюбіи и сами изъ зависти не примирившіеся съ его титуломъ великаго Государя и непрерывно придумывавшіе и создававшіе клеветы на него или обвиненія, не упустили бы объ этомъ не только упомянуть, но и раздуть выше дѣйствительности. Однако, ничего этого не было. И самъ Царь свидѣтельствовалъ еще въ 1657 г., что Никонъ не вмѣшивается въ государственныя дѣла. Въ это время онъ уже не былъ регентомъ государства, а въ лучшемъ случаѣ совѣтникомъ, когда Царь къ нему обращался. Къ Царю въ Саввиномъ монастырѣ во время его посѣщенія обратился дьяконъ Мирскаго Митрополита, котораго Никонъ запретилъ въ священнослуженіи. Дьяконъ просилъ Царя позволить ему служить литургію въ предстоящее воскресенье, но Царь отказавъ, отвѣтилъ: „Я боюсь Патріарха Никона, а ну какъ онъ отдастъ мнѣ свой посохъ и скажетъ: возьми его и самъ паси монаховъ и священниковъ. Я не вмѣшиваюсь и не противорѣчу тебѣ, когда ты повелѣваешь своими генералами и воеводами, зачѣмъ же ты мѣшаешь мнѣ управлять священниками и монахами?".

Были у Царя проявленія нѣкотораго нелюбія къ Никону въ разногласіи по вопросамъ церковнымъ. Такъ одно изъ нихъ разсказано Павломъ Алеппскимъ и относится къ веснѣ 1656 года по поводу водоосвященія въ день Крещенія Господня. Объ этомъ разсказываетъ Павелъ Алеппскій (11,315) въ связи съ обратнымъ возвращеніемъ своимъ въ Москву въ апрѣлѣ 1656 г. по требованію Царя, съ дороги: ему передали о спорѣ Царя съ Патріархомъ въ Церкви въ Великую Пятницу. Споръ шелъ о совершенномъ 5 января Никономъ водоосвященіи, совершенномъ только однажды наканунѣ праздника. Это было сдѣлано Никономъ вопреки совѣту Антіохійскаго Патріарха Макарія, несмотря на то, что, какъ показываетъ Павелъ Алеппскій, Никонъ постоянно просилъ Патріарха Макарія слѣдить за его богослуженіемъ и говорить, что найдетъ неправильнымъ, чтобы имѣть возможносгь исправить свои обычаи, и обычно

онъ слушалъ указанія, но не на этотъ разъ. Когда Царь узналъ, что это было сдѣлано не по совѣту Патріарха Макарія, а Никономъ самостоятельно, то онъ вступилъ съ нимъ въ споръ и будто „ругалъ его“, называя „блядинъ мужикъ”. Патріархъ Никонъ ему сказалъ: „я твой духовный отецъ, зачѣмъ же ты поносишь меня.“ Впрочемъ, исторія съ ругательствомъ внесена Павломъ Алеппскимъ въ 1667 году, т. е. черезъ 10 лѣтъ (П. II, 316,488), равно и замѣтки о надменности и гордости и о суровомъ поведеніи Никона были имъ вписаны подъ вліяніемъ боярскихъ разсказовъ во время второго путешествія въ Россію 1666 г., будучи вставлены въ прежній разсказъ. Сами ругательства надо отнести, говоритъ Пальмеръ, къ другому поводу, именно—спору изъ-за назначенія Епископа въ Кіевъ 1657 г. (Пальм. II,478 Прим.). А Царь сказалъ ему: „ты не духовный отецъ мой, но духовный отецъ мой Антіохійскій Патріархъ, и я верну его обратно“. Дѣйствительно Царь вернулъ Антіохійскаго Патріарха; но потомъ спустя нѣкоторое время, въ концѣ мая позволилъ ему уѣхать. Причины возвращенія указаны Павломъ Алеппскимъ (II,322)—обсудить вопросъ о крещеніи поляковъ, дать свидѣтельство о Молдавскомъ Митрополитѣ, пріѣхавшемъ по порученію Молдавскаго воеводы Стефана просить о принятіи въ подданство Молдавіи, и присутствовать на осужденіи новой ереси.

Этотъ конфликтъ былъ болѣе серьезнаго свойства, именно по поводу назначенія въ Кіевъ Митрополита; Кіевъ въ 1657 г. принадлежалъ въ церковномъ отношеніи Константинопольскому Патріархату, еще не былъ присоединенъ по мирному договору (это случилось лишь въ 1667 г.), а былъ только занятъ въ порядкѣ военной оккупаціи. Тамъ умеръ Митрополитъ Сильвестръ Коссовъ, и Царь хотѣлъ чтобы Никонъ туда поставилъ Митрополита, а Никонъ рѣшительно отказывался, считая неканоническимъ ставить Митрополита въ чужомъ патріархатѣ, да еще безъ вѣдома Константинопольскаго Патріарха. Царь, однако вмѣстѣ съ политическимъ присоединеніемъ задумалъ совершить и церковное присоединеніе и, опираясь на свою фактическую власть, и совершить это присоединеніе, какъ если бы Никонъ дѣйствительно, а не только по титулу былъ Патріархомъ Малой Россіи; но Никонъ отказывается, и вотъ въ связи съ этимъ его отказомъ, предполагаетъ Пальмеръ, и начинаетъ его Царь ругать неподобными словами и „мужикомъ блядинымъ“ (II Прим. 4,87). Царь много разъ просилъ объ этомъ Никона, но Никонъ ставилъ условіемъ на это согласіе Константинопольскаго Патріарха. Самъ Никонъ объ этомъ пишетъ (I,158) „Митрополитъ Питиримъ захватилъ Константинопольскую. Церковь и лицемѣрно поставилъ епископа въ Кіевѣ при жизни тамошняго Митрополита: дѣло, которое мы сами, изъ уваженія къ Божественнымъ канонамъ, не рѣшались дѣлать, когда самъ

Царь многократно настаивалъ на этомъ передъ нами и устно и письменно". Также объ этомъ онъ упоминалъ и въ грамотѣ Патріарху Діонисію Константинопольскому (III,384,399). Дѣло же о поставленіи Никономъ Митрополита въ Кіевѣ было въ значительной степени подготовлено. Послѣ смерти Сильвестра, Бутурлинъ послалъ къ епископу Черниговскому Лазарю Барановичу и архимандриту Печерскому Иннокентію Гизело въ Чигиринъ, прося угодить Царю не выбирать Митрополита безъ царскаго указа и благословенія Московскаго Патріарха. Лазарь рѣшилъ совѣтываться съ Архимандритами и игумнами, **и 7 августа 1657 г. отвѣтилъ, что Кіевское духовенство готово быть подъ Патріархомъ Никономъ: онъ пошлетъ кого-нибудь къ Царю послѣ похоронъ гетмана.** Бутурлинъ думалъ, что всѣ эти переговоры идутъ съ благословенія Никона, но въ дѣйствительности Никонъ не соглашался, а Царь его ругалъ. На это разногласіе есть намекъ и въ письмѣ Никона къ Лигариду въ іюлѣ 1662 г., когда еще Никонъ думалъ встрѣтить въ Лигаридѣ безпристрастное сужденіе объ его дѣлѣ и когда онъ еще не зналъ его прошлаго. Тамъ сказано (III,52): „И тако быхомъ на патріаршескомъ столѣ на Москвѣ шесть лѣтъ въ совѣтѣ съ благочестивѣйшимъ Царемъ **аще и не всецѣло**; яже суть по Божественнымъ уставомъ пріяла святая великая Церковь власть о судѣ церковномъ, по правиламъ святыхъ апостолъ и святыхъ седми Вселенскихъ соборовъ святыхъ отецъ и прочихъ, и благочестивыхъ Царей, а еже царская власть восхити судъ на насъ самихъ и на сыны наша, преосвященные митрополиты, архіепископы и епископы и на монастыри, и на архимандриты, игумны, іеромонахи и монахи и на весь притчъ церковный, о немъ же паче всякаго свидѣтельства яже на Москвѣ самъ зришь каково мучительство, и бѣдность, и грабленіе настоитъ Церкви".

Стремленіе Царя посвятить Епископа на Кіевскую митрополію было внушено дядей Царя, бояриномъ Симеономъ Лукьяновичемъ Стрешневымъ, который съ дьякомъ Дементіемъ Башмаковымъ завѣдывалъ Литовскимъ Приказомъ, 1657—1662 г. Когда Никонъ, ссылаясь на каноны, отказывался, то это вызывало гнѣвъ и неподобныя слова. **Это было, пишетъ Пальмеръ, отдаленная прелюдія къ тому конечному разрыву, который послѣдовалъ въ слѣдующемъ году, и она связана съ тѣмъ самымъ Симеономъ Лукьяновичемъ Стрешневымъ, который явится лидеромъ Никоновскихъ враговъ** въ боярскомъ синклитѣ, начиная съ весны 1662 г. когда онъ ввелъ къ Царю Паисія Лигарида" (IV,314).

Средства борьбы бояръ противъ Никона.

У Никона была неприкосновенная святая святыхъ: въ церковныхъ дѣлахъ, по существу принадлежащихъ Церкви, онъ рѣшающее слово отводилъ

власти церковной, а не государственной, и въ этомъ былъ неумолимъ. Совокупность указанныхъ нами причинъ привела либеральствующее боярство къ ненависти къ Никону, преимущественно бояръ, стоящихъ у кормила правленія; это боярство и повело отчаянную неумолимую борьбу противъ Никона, продолжавшуюся вплоть до его кончины. Оно искало себѣ союзниковъ. Этимъ союзникомъ ему была партія старообрядческая, а потомъ, послѣ ухода Никона въ Воскресенскій монастырь присоединилась высшая церковная іерархія и съ 1662 г. Паисій Лигаридъ, взявшій въ свои руки все руководство борьбы противъ Никона.

Чтобы посѣять въ Царѣ недовѣріе къ Никону, бояре оклеветали всѣ его дѣйствія. Одни говорили, что Никонъ злоупотребляетъ дружбой Царя, совѣтуетъ ему войны, чтобы съ удаленіемъ Царя изъ Москвы самому властвовать надъ всѣмъ (Вивл. IV № 11). Другіе говорили, что Никонъ хочетъ сдѣлаться равнымъ государю, и даже, что онъ хочетъ сдѣлаться Царемъ (Никонъ въ 26 вопросѣ самъ говоритъ объ этой клеветѣ). Благовиднымъ основаніемъ для такихъ обвиненій послужилъ данный Царемъ Никону титулъ великаго государя.

„Различіе господина и государя, замѣчаетъ Пальмеръ (IV,151 пр.), дѣло обычая. Αὐθέντη или master, effendi не только титулъ извѣстнаго ранга, но употребляется и въ общемъ разговорѣ, подобно англійскому слову Sir, Sire и французскому Monsieur, Monseigneur; δεσπότης, по болгарски и по русски господарь и государь, будучи титуломъ царствующихъ князей, дается также и греками даже въ напечатанной литургіи ихъ епископамъ“.

Они использовали одну неосторожность Никона, выразившуюся въ отпискѣ отъ имени Церкви одной казенной вотчины Иверскому монастырю, и стали доносить Царю, что Никонъ похищаетъ себѣ государственное имущество, самовольно приписываетъ своимъ монастырямъ вотчины государственныхъ крестьянъ (27 воп.). Говорили, что Никонъ не хочетъ давать Царю помощи на войну отъ монастырскихъ вотчинъ, значитъ де Никонъ не почитаетъ Царя. Говорили, что онъ подкупленъ іезуитомъ Аллегретти, чтобы отвлечь вниманіе Царя отъ Польши къ Швеціи (По Бергу). Царя раздражали такіе навѣты, постепенно отчуждали его отъ Никона, причемъ бояре всячески препятствовали имъ свидѣться и уничтожить съ самаго начала недомоловки и недовѣріе. Къ этому времени относится и начало третированія Никона со стороны бояръ: Симеонъ Лукьяновичъ Стрешневъ, пишетъ Никонъ Константинопольскому Патріарху, научилъ нѣкоего пса себѣ подобнаго сидѣти якоже при Вознесеніи Господь нашъ воздвигъ руцѣ и благословлялъ Свои ученики, такъ и того пса изучилъ обѣими передъ нимъ ногами ругатися благословеніе Божіе и на-

звалъ того пса Никономъ Патріархомъ". Монастырскій Приказъ забралъ силу, пользуясь расхожденіемъ Никона съ Царемъ. Никонъ жаловался на несправедливое вмѣшательство Царя въ дѣла церковныя, но Царь не внималъ. Монастырскій Приказъ сталъ оспаривать распоряженія Патріарха, и даже отобралъ у него нѣкоторыя вотчины (Церк. Ист. Митрополита Платона 2. ч. 237 стр.).

Со времени ухода Никона продолжается систематическая борьба противъ него, направленная къ недопущенію его сближенія съ Царемъ, а затѣмъ къ его окончательному низверженію съ престола, борьба, которая продолжалась и послѣ ссылки Никона въ декабрѣ 1666 года въ Ѳерапонтовъ монастырь въ смыслѣ недопущенія возможности его возстановленія и привела Никона, съ возстановленіемъ вліянія Милославскихъ послѣ смерти Алексѣя Михайловича, въ 1676 года къ болѣе тяжкому заключенію въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь. Въ Москвѣ съ самаго начала не удовольствовались тѣмъ, что Никонъ ушелъ въ Воскресенскій монастырь, гдѣ онъ занялся постройкой храма и несеніемъ монашескаго подвига, и сдѣлали все, чтобы затруднить Никону возвращеніе и отравить ему существованіе. Уже въ 1658 г. духовнымъ лицамъ было запрещено ѣздить къ Никону, а по дорогѣ къ монастырю были поставлены заставы (Гюб. I, гл. 2), хотя сдѣлано это негласно. За Никономъ слѣдили, вывѣдывали черезъ посланныхъ къ нему, съ кѣмъ онъ общается изъ находящихся въ Москвѣ, и отъ кого узнаетъ о происходящемъ тамъ; Всякое сочувствіе къ Никону строго преслѣдовалось, хотя Царь это и скрывалъ отъ Никона (выпытывая одновременно черезъ думнаго дьяка Дементія Башмакова, посылавшагося къ Никону въ маѣ 1659 г., вывѣдывать, кто общается съ Никономъ.) Соловьевъ объ этомъ ничего не пишетъ, и это устанавливается Гюббенетомъ. Послѣ отъѣзда Никона изъ Москвы въ его помѣщеніи, гдѣ онъ жилъ, былъ произведенъ обыскъ съ цѣлью изъять письма Царя и грамоты, гдѣ онъ титуловалъ Никона „Великимъ Государемъ". Однако, двѣ сохранившіяся грамоты Царя съ пожалованіями Крестному монастырю отъ 30 іюля 1657 г. и 27 марта 1658 г. титулують Патріарха Никона многократно „великимъ Государемъ". Онѣ напечатаны въ 94 томѣ Сборника Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Посѣтившіе Никона за іюль 1659 года пѣвчіе дьяки сами повинились въ нарушеніи запрета и были допрашиваемы. Лѣтомъ же 1659 г., когда Никонъ пріѣхалъ въ Москву въ виду выясненія отвѣтовъ, куда уѣзжать, такъ какъ несчастія войны привели татаръ подъ Москву; ему въ Москвѣ было предложено ѣхать въ Калязинскій монастырь, но Никонъ увидѣлъ въ этомъ замаскированное желаніе его сослать (пишетъ онъ въ 17 вопросѣ,) и не поѣхалъ туда (объ ссылкѣ пишетъ самъ Никонъ), а его выраженіе, что

ужъ лучше ему въ Москвѣ помѣститься въ Зачатіевскомъ, гдѣ была тюрьма, показываетъ, что онъ тутъ же далъ понять, что ему смыслъ предложенія ясенъ. Никонъ не могъ свободно переписываться, ибо за этимъ также слѣдили, и это обстоятельство подчеркивается Гюббенетомъ, какъ причина того, что многіе сторонники Никона, наличность которыхъ совершенно несомнѣнна, скрыты отъ насъ. Когда съ разрѣшенія Царя Никонъ отправился въ свои монастыри Иверскій и Крестный въ сентябрѣ 1659 года и пробылъ тамъ до декабря 1660 года, то въ январѣ 1660 г. Царь созвалъ соборъ, который и засѣдалъ въ февралѣ, стремясь заочно расправиться съ Никономъ, въ нарушеніе правилъ, не допускающихъ судить архіерея заочно, а также судить Патріарха безъ другихъ Патріарховъ. Мы видѣли искусственную подтасовку свидѣтельскихъ показаній, на основаніи которыхъ, хотя и не рѣшили считать Никона осужденнымъ, однако лживо установили фактъ отреченія его отъ патріаршества и ухода безъ благословной вины, что на судѣ 1666 г. считалось уже окончательно установленнымъ и не требующимъ изслѣдованія. Въ это же время возникло темное дѣло объ отравленіи Никона черезъ явившагося къ нему дьякона Ѳеодосія, служившаго передъ тѣмъ у заклятаго врага Никона Митрополита Питирима. Самъ Никонъ писалъ объ этомъ 28.VI 1660 г. Зюзину: „А нынѣ мнѣ о себѣ иного кромѣ болѣзней и скорбей писать нечего; едва живъ въ болѣзняхъ. Крутицкій Митрополитъ да Чудовскій архимандритъ прислали дьякона Ѳеодосія, который жилъ у Крутицкаго Митрополита, со многими чаровствовами, чтобы меня отравить, и онъ было отравилъ, да Господь помиловалъ, едва безуемъ каменемъ и индриговымъ пескомъ отпился, лежалъ не мало безъ памяти, едва не умеръ и нынѣ весьма животомъ страдаю, и впредь не знаю,— что будетъ и долго ли проживу". Осталось неизслѣдованнымъ это дѣло, но впослѣдствіи на судѣ Никонъ отводилъ, хотя и безрезультатно, участіе Митрополита Питирима и Павла епископа Крутицкаго, бывшаго архимандрита Чудовскаго (въ 1666) за попытку его отравить. Но когда Царь предложилъ Никону казнить дьякона Ѳеодосія или сослать по выбору Никона, то Никонъ отказался его преслѣдовать, сказавъ: „воля въ томъ великаго государя; я чистъ отъ этого дьякона и злого его коварства, которое онъ на меня умыслилъ, трутизною смертью предать наученіемъ злыхъ человѣкъ, но какъ меня сохранила десница Всевышняго, то я дьякону не истецъ, ибо зло на меня умыслили Крутицкій Митрополитъ да Чудовскій архимандритъ, а съ дьякономъ, что великій Государь ни укажетъ—его государева воля". По возвращеніи изъ путешествія въ Воскресенскій монастырь на Никона обрушиваются враги, въ лицѣ Ивана Сытина и стольника Романа Боборыкина, сосѣдей Никона по земельнымъ

владѣніямъ Воскресенскаго монастыря. Поселивъ раздоръ между Никономъ и Царемъ и покончивъ съ титуломъ Великаго Государя, затѣнившаго боярство, бояре продолжали раздражаться особенно на двѣ вещи: на оппозицію Никона Уложенію и суду Монастырскаго приказа надъ духовенствомъ и его имѣніями и крестьянами, и во вторыхъ, на царское разрѣшеніе на основаніе Никономъ трехъ монастырей и на снабженіе ихъ крупной земельной собственностью, частью черезъ собственную покупку Никономъ, вопреки духу Уложенія. (Въ подражаніе расположенію Иверскаго монастыря на Аѳонѣ Никонъ устроилъ на Валдайскомъ озерѣ Иверскій монастырь въ честь Пресвятой Богородицы въ 1653–1657 г.; Крестный монастырь устроенъ въ 1656 — 1661 г. въ память спасенія Никона отъ бури, когда онъ былъ еще простымъ монахомъ, и Воскресенскій монастырь, воспроизводящій Іерусалимъ, начатый въ 1657 г. съ Церковью Воскресенія Христова, точно воспроизводящей Іерусалимскій храмъ, конченный уже при Царѣ Ѳеодорѣ.

Когда не удалась попытка сдѣлать Никона плѣнникомъ а потомъ отравить его, и, когда Царь не согласился разсматривать Никона, какъ уголовнаго преступника, или низвергнуть его черезъ утвержденіе Собора 1660 г., несмотря на признаніе этимъ соборомъ каѳедры вакантной, **для Никона все же оставалась нѣкоторая независимость во владѣніи тремя монастырями съ ихъ духовенствомъ, имѣніями и крестьянами, и здѣсь Никонъ продолжалъ отвергать Уложеніе и не признавать юрисдикцію монастырскаго и другихъ царскихъ приказовъ.** Сами бояре считали недостаточнымъ просто избрать Патріарха на мѣсто, признанное вакантнымъ, считая, что, пока Никонъ способенъ дѣйствовать епископски, будетъ опасностъ отъ двупатріаршества, при которомъ оба Патріарха могутъ вступиться за права Церкви, да не исключалась возможность при характерѣ Царя, что Никонъ возстановитъ свое вліяніе. Въ рукахъ бояръ были приказы, и они не оставили Никона въ покоѣ а повели нападеніе на собственность и иммунитетныя права монастырей, вынуждая, если не самого Никона, то его духовенство, монаховъ и крестьянъ признавать ихъ юрисдикцію, установленную Уложеніемъ. Собственники земель, граничащихъ съ Никоновскими монастырями, были удобнымъ средствомъ для производства вторженій въ Никоновскія владѣнія черезъ ихъ приказчиковъ и крестьянъ, а при сопротивленіи можно было создавать въ приказахъ слѣдствія, на которыхъ ихъ собственные крестьяне будутъ какъ бы въ положеніи обиженныхъ отъ властей и крестьянъ Никоновскихъ, или даже отъ самого Патріарха. Бояре черезъ это достигли запутыванія Никона въ дѣла съ приказами, а черезъ нихъ и съ самимъ Царемъ, а черезъ это приводили и Царя и Патріарха къ еще большему ихъ от-

чужденію другъ отъ друга. Ставя Никона подъ юрисдикцію приказа, они вызывали его на отмалчиваніе въ виду признанія имъ своей неподчиненности, а, вслѣдствіе его молчанія, могли приводить дѣло въ исполненіе сами и, когда бы Никонъ жаловался Царю, они могли бы объяснить, что онъ самъ виноватъ, отклоняя юрисдикцію приказа, и указывать, что онъ возстаетъ противъ общаго государственнаго законоуложенія и въ сущности игнорируетъ не только приказы Царя, но и его самого. Дѣло запутывалось еще болѣе отъ того, что Патріархъ съ своей собственностью, духовенствомъ, монахами и крестьянами изъятъ изъ дѣйствій Уложенія, и всѣ эти лица должны были судиться въ его приказахъ. Когда Никонъ на это сошлется, то они возразятъ, что Никонъ больше не Патріархъ; кромѣ того, независимо отъ исключительныхъ правъ Патріарха, не было необычно, чтобы Царь изъ особой милости къ жалующимся взялъ бы на свое разсмотрѣніе какое-либо дѣло по своему усмотрѣнію или сначала или уже въ процессѣ его разсмотрѣнія въ приказахъ. При жалобахъ Никона Царь могъ посылать своихъ комиссаровъ для урегулированія дѣла или для вынужденія компромисснаго соглашенія сторонъ, но въ общемъ Царь, дѣйствующій черезъ приказы, превалировалъ надъ царемъ, дѣйствующимъ лично (IV,388). И даже, когда Никонъ въ какомъ-либо частномъ пунктѣ выигрывалъ, онъ терялъ лично для себя передъ Царемъ больше, чѣмъ выигрывалъ для своихъ монастырей, не только черезъ свои возраженія и порицанія, которыя раздражали Царя, но и черезъ постоянную докуку, причиняемую этими постоянными аппелляціями къ его личному авторитету противъ его публичнаго авторитета, приводившія его такъ или иначе къ столкновенію съ боярами и людьми его приказовъ, вліянію которыхъ онъ отдавался. Стремленіе же приписать ему какое-либо уголовное преступленіе имѣло своимъ стимуломъ создать невозможность Никону вернуться къ Царю, т. е. это былъ тотъ же стимулъ, который впослѣдствіи на судѣ побуждалъ ихъ добиваться низверженія изъ сана; потому и не были въ 1665 г. приняты условія Никона объ уходѣ съ каѳедры, ибо онъ уходилъ бы неопороченнымъ и могъ бы вернуться.

Конечно Никонъ возстанавливалъ противъ себя своей безкомпромисностью, прямолинейностью и суровостью. Онъ это самъ понималъ и 12 дек. 1666 г. послѣ низложенія говорилъ, по словамъ Шушерина (стр. 128), садясь въ сани: „О, Никоне, все сіе тебѣ бысть сего ради, не говори правды, не теряй дружбу, аще бы еси уготовалъ трапезы драгоцѣнныя, и съ ними свечерялъ, не бы ти сключишася: и тако сяде и пойде паки во дворъ“. Заглянемъ нѣсколько въ тѣ сравнительно мелкія досажденія Никону отъ бояръ, когда они еще не могли его погубить.

Докуки Никону 1660-1663 г. отъ сосѣдей Сытина и Боборыкина.

Трудно себѣ представить, какъ изощренно непрерывно травили Никона въ Воскресенскомъ монастырѣ, начиная съ 1660 г., отравляя его обыденное существованіе разными навѣтами, по которымъ производилось слѣдствіе. Сытинъ клеветалъ на Никона въ декабрѣ 1660 г. въ увозѣ его скошеннаго сѣна, а когда клевета, несмотря на недоказанность ея въ слѣдствіи, оказалась безнаказанной, то представилъ черезъ два года обвиненіе въ укрывательствѣ его бѣглыхъ крестьянъ Никономъ, въ убійствѣ его крестьянина крестьянами Никона; въ угрозѣ этимъ убійствомъ чуть ли не отъ самаго Никона; а потомъ захватилъ рыбныя ловли Воскресенскаго монастыря, и все безнаказанно. По этому дѣлу было у Никона слѣдствіе 26 февраля 1663 г. окольничаго Осипа Сукина и дьяка Брехова, которое сводилось къ придиркамъ относительно показаній Никона и упрекамъ, причины которыхъ Никонъ такъ объяснялъ лично Сукину: „неправды великія ко мнѣ во всемъ: выискиваютъ, научаютъ и подкупаютъ многихъ людей, чтобы на меня говорили и писали велія неправды; меня поносятъ и безчестятъ всячески и ко псу примѣняютъ, а великій государь меня отъ тѣхъ людей оборонить не велитъ. А клеветники—тѣ, которые приносятъ на меня великому государю ложныя жалобы, это—Иванъ Сытинъ и Романъ Боборыкинъ“. Боборыкинъ доносилъ о томъ, что Никонъ подговариваетъ его убить, завладѣлъ землей монастыря, сѣнными покосами. Никонъ жаловался Царю. Царь велѣлъ по писцовымъ книгамъ отдать землю въ Левкіинъ монастырь, но этого не исполнили, и Боборыкинъ продолжалъ владѣть землей. Власти монастыря подали Царю челобитную о разслѣдованіи дѣла по писцовымъ книгамъ, но на это рѣшенія не послѣдовало. Когда пришло время жатвы и покосовъ, то Никонъ велѣлъ своимъ монастырскимъ крестьянамъ скосить сѣно и сжать рожь. На это жаловался Боборыкинъ, и когда къ Никону явилось слѣдствіе въ лицѣ думнаго дворянина Баклановскаго и дьяка Брехова объ этомъ по жалобѣ Боборыкина, то Никонъ, не желая вести спора, отдалъ всю наличность монастыря, бывшую въ данный моментъ и составлявшую цѣну въ 10 разъ высшую противъ сжатыхъ 67 четвертей ржи. Это было въ мартѣ 1663 г. Но еще ранѣе того, въ 1661 г. Никонъ писалъ Царю о Боборыкинѣ, котораго называлъ „сосудомъ злоначальнаго змія, который его преслѣдуетъ и не даетъ ему покоя, смущаетъ Царя ложными на него жалобами“. Дѣло было въ томъ, что Никонъ, еще будучи на престолѣ, купилъ у Боборыкина его вотчину село Воскресенское для строенія монастыря, а хлѣбъ въ полѣ Боборыкинъ пожертвовалъ монастырю на строенія, также сельцо Бобырево, съ покосами и землями, но, когда Никонъ потерялъ свое

значеніе, Боборыкинъ затѣялъ споръ о пожертвованныхъ земляхъ и завладѣлъ ими. Такъ какъ отвѣта на жалобу монастырскихъ властей не было, то Никонъ велѣлъ сжать свою рожь и скосить сѣно. Никонъ не могъ уступать Боборыкину въ его неправыхъ требованіяхъ о землѣ, **ибо тогда явились бы и другія лица съ подобными требованіями, и монастырь былъ бы разоренъ.** Это то и нужно было врагамъ Никона — отнять у него средства на постройку Воскресенскаго монастыря. Нѣсколько разъ безпокоили Никона этимъ дѣломъ: въ декабрѣ 1661 г. пріѣзжалъ для слѣдствія надъ Воскресенскими властями Верделевскій, который описывалъ сѣно; въ мартѣ 1663 г. пріѣзжалъ думный дворянинъ Баклановскій и дьякъ Бреховъ, чтобы учинилась сдѣлка между Боборыкинымъ и Никономъ, въ результатѣ которой Никонъ отдалъ всю наличность; наконецъ 25 іюля 1663 г. эти же лица пріѣхали отводить Боборыкину оспариваемую имъ неправильно землю. Боборыкину это удалось, но не удалось только оклеветать Никона въ наѣздахъ его крестьянъ съ цѣлью смертнаго убійства его самого; однако клевета его осталась безнаказанной. 25 и 26 іюня Никонъ служилъ молебенъ съ заклинаніемъ на обидящихъ; Боборыкинъ оклеветалъ Никона въ томъ, что его заклинанія относились не къ нему—Боборыкину, а къ самому Царю. Онъ исказилъ и перетолковалъ слышанное на молитвѣ, будто Никонъ износилъ проклятіе на Царя и читалъ на молебнѣ соотвѣтствующіе псалмы, а подъ крестомъ лежала жалованная грамота отъ Царя. Въ дѣйствительности дѣло было не такъ; Никонъ пишетъ, что „за великаго государя и его семью онъ Бога молилъ въ ектеніяхъ, клятву же износилъ на обидящаго Романа Боборыкина, а жалованная грамота была принесена въ церковь, ибо въ ней по государеву указу въ Помѣстномъ Приказѣ записаны всѣ земли Воскресенскаго морастыря и Романова вотчина."

Царь повѣрилъ и этой клеветѣ и созвалъ высшіе духовные чины и бояръ, которые и поручили произвести слѣдствіе боярину кн. Никитѣ Ивановичу Одоевскому, окольничему Родіону Стрешневу, дьяку Алмазу Иванову, а изъ духовныхъ Лигариду, Астраханскому архіерею Іосифу и архимандриту Богоявленскаго монастыря Ѳеодосію. Когда, несмотря на недоказанность обвиненій, Одоевскій, согласно инструкціи изъ Москвы, объявилъ 23 іюля Никону арестъ съ постановленіемъ ходить только въ келью и церковь, то Никонъ сказалъ: „Никакихъ непристойныхъ словъ про великаго государя я не говорилъ и клятвы не износилъ, и, хотя бы въ мысли моей было износить клятву на великаго государя—пусть будетъ та клятва на мнѣ сугубо и трегубо. По государеву указу хотя бы въ темницу я готовъ, только ты послушай, что говоритъ 3 пр. Константинопольскаго Со-

бора: „Аще который мірской человѣкъ епископа въ темницу ввержетъ, или біетъ безъ вины, да будетъ проклятъ". А про Соборъ, который поручилъ Паисію говорить Никону объ его неправой клятвѣ, Никонъ сказалъ: это іудейское сонмище бѣснуется и противъ Божественныхъ правилъ запрещаетъ,—мнѣ того слушать непристойно; а чтобы умереть въ монастырѣ, и никуда не ходить—на этой великаго государя милости челомъ бью. Въ монастырѣ жить готовъ и никуда не пойду". Это слѣдствіе Одоевскаго, продолжавшееся 5 дней (18—23 іюля), сопровождалось уже физическимъ воздѣйствіемъ. Во время литургіи 19 іюля стрѣльцы хватали въ Церкви монаховъ, послѣ обѣдни забрали патріаршихъ дѣтей боярскихъ по тюрьмамъ, къ патріаршей кельѣ приставили стрѣльцовъ. 22 іюля 1663 г. Никонъ хотѣлъ идти по обычаю на работу, когда ему доложили, что печь съ кирпичами готова, но къ нему были присланы архіепископъ Өеодосій и дьякъ сказать, чтобы онъ изъ кельи не выходилъ. Еще въ декабрѣ 1661 г. Никонъ писалъ Царю: „Я много отъ твоихъ синклитчиковъ поруганъ", но еще все худшее было впереди.

Приготовленіе къ суду надъ Никономъ.

Независимо отъ всего этого, съ пріѣздомъ Лигарида былъ задуманъ Соборъ, чтобы рѣшить вопросъ о Никонѣ и о замѣщеніи патріаршаго престола, съ участіемъ Восточныхъ Патріарховъ, какъ совѣтовалъ сдѣлать Лигаридъ, чтобы дѣло могло быть рѣшено окончательно. Вопросъ о созывѣ Собора былъ рѣшенъ Царемъ 21 декабря 1662 г. Было указано созывать Соборъ на май или іюнь 1663 и подготавливать матеріалъ къ Собору по обвиненіямъ на Никона.

Назначеніе комиссіи 23 декабря 1662 года. Собираніе винъ на Никона къ Собору.

Особая комиссія должна была собирать эти „вины" къ Собору въ поискахъ винъ характера матеріальнаго; должны были немедленно Салтыковъ, Думный дьякъ Алмазъ Ивановъ и дьякъ Голосовъ собирать „заручныя расписки и сказки 1) у сборныхъ ключарей—что Патріархъ Никонъ, будучи на патріаршествѣ, изъ соборной Церкви взялъ образовъ и всякой церковной утвари съ распиской и безъ расписки. 2) У патріаршихъ приказныхъ людей при отъѣздѣ изъ Москвы по оставленіи патріаршаго престола денегъ, золотыхъ и ефимокъ всякой домовой казны, хлѣба, лошадей и прочаго и что при немъ домовыхъ патріаршихъ вотчинъ кому промѣнено и у кого въ то мѣсто вымѣнено или взято у кого въ цѣну или безъ цѣны, въ которыхъ городахъ и въ ка-

кихъ годахъ и тѣ вымѣненныя, купленныя и взятыя вотчины всѣ ли нынѣ въ домовыхъ патріаршихъ вотчинахъ или куда отданы; 3) книжнаго печатнаго двора у справщиковъ отобрать свѣдѣнія, сколько при Патріархѣ Никонѣ было выходовъ какихъ печатныхъ книгъ и выходъ съ выходомъ сходенъ ли; статьи печатныя и писанныя книги и съ греческихъ присыльныхъ книгъ переводы, съ которыхъ тѣ книги печатаны, всѣ ли на печатномъ дворѣ и, если которыхъ нѣтъ—то гдѣ онѣ. 4) У старца Арсенія Суханова—какія онъ въ Палестинѣ купилъ книги, и что за нихъ денегъ заплачено, и кому тѣ книги отданы. 5) Послать государевы грамоты во всѣ монастыри и архимандритамъ, игумнамъ и смотрителямъ съ братьей, чтобы они прислали сказки и расписки съ своими руками—сколько Патріархъ Никонъ изъ монастырей бралъ для себя какихъ церковныхъ потребъ или монастырской какой казны, хлѣба, лошадей и другого чего, и монастырскихъ вотчинъ на мѣну и въ цѣну и безъ цѣны и въ которыхъ городахъ и годахъ."

Были представлены и жалобы Сытина и Боборыкина; Крутицкій Митрополитъ принесъ жалобу на анаѳему Никона, произнесенную будто бы за то, что онъ свидѣтельствовалъ на Соборѣ 1660 г. объ отреченіи Никона отъ престола (отлученіе было, какъ мы видѣли, за самовольное восхищеніе власти и другія извѣстныя намъ дѣла). Жаловались Новгородскіе дворяне и дѣти боярскія на обиды отъ крестьянъ Иверскаго монастыря; помѣщики сосѣди жаловались на тягость, что съ вотчинъ Иверскаго монастыря даточныхъ людей не берутъ, а Никонъ хлопоталъ объ освобожденіи отъ этой повинности этихъ крестьянъ, ибо уже было поставлено съ начала 500, а потомъ 300 человѣкъ. Въ это время отовсюду, отъ всѣхъ монастырей и церквей хотѣли собрать вины и обличенія противъ Никона и принималось все, что кто бы ни представилъ противъ него.

Однако, замѣчаетъ Ундольскій („Мнѣніе Никона объ Уложеніи" Русск. Арх. 1886 стр.13): „Несмотря на запросы о притязаніяхъ Никона, уже удаленнаго отъ дѣлъ, ничего не сыскано въ его обвиненіе".

Этотъ указъ о собираніи винъ врученъ 23 декабря 1662 г. боярину Салтыкову, и въ тотъ же день приказано заготовить царскія грамоты къ Патріархамъ на предметъ ихъ приглашенія, а грамоты долженъ былъ вести іеродіаконъ Мелетій—другъ Лигарида.

Лигаридъ. Его вопросы-отвѣты

Лигаридъ занимался постановкой всего дѣла обвиненія и имѣлъ въ виду придать борьбѣ противъ Никона идейный характеръ,—защиты царской власти отъ покушенія на нее со стороны Патріарха. Для бояръ это было настоящимъ пріобрѣтеніемъ:—и Лигаридъ сталъ

ихъ кумиромъ съ тѣхъ поръ, какъ еще въ августѣ 166
года стали расходиться по боярскимъ рукамъ его вопрос
якобы отъ имени Стрешнева, заданные ему, и его отвѣты
Никонъ впослѣдствіи писалъ, что „Царь и бояре слушают
Лигарида, какъ пророка Божія“. Никонъ писалъ Констант
нопольскому Патріарху: „Я писалъ царскому величеств
что недопустимо принимать такихъ лицъ безъ удостовѣре
ній, согласно Божественному праву, говорящему „входящі
въ овчій дворъ не черезъ дверь, есть воръ и разбойникъ...
Но на это не было обращено вниманіе, и Царь слѣдовал
ему во всемъ; все, что бы тотъ ни сказалъ, онъ принимал
это, какъ изъ устъ Божіихъ; онъ слушаетъ его, какъ про
рока Божіяго, о которомъ знающіе его говорятъ, что он
раскольникъ... Посвященъ въ дьяконы и священники пап
скимъ авторитетомъ... Здѣсь ничего не дѣлаетъ подобаю
щаго епископамъ, ѣстъ мясо и пьетъ передъ литургіей
совершаетъ содомію. Но всѣхъ лицъ, такъ свидѣтельствую
щихъ о Паисіи, Царь сослалъ въ разныя мѣста“ (III, 391-392
Въ этихъ вопросахъ - отвѣтахъ Никонъ обвинился въ не
каноническихъ дѣяніяхъ: принятіи второй хиротоніи, запре
щеніи причащать преступниковъ, присужденныхъ къ казни
Лигаридъ признавалъ наличность состоявшагося отречені
Никона, заявлялъ, что архіереи не имѣютъ грѣха за попу
щеніе Никону, если только не были спрошены; что над
созвать теперь Соборъ, и что это можетъ сдѣлать и Цар
безъ Патріарха. Соборъ 1660 г. вполнѣ де дѣйствителенъ
архіереи могутъ судить своего Патріарха. Лигаридъ счита
етъ Никона гордымъ за то, что онъ будто не почитает
архіереевъ братьями, обвиняетъ въ принятіи титула велик
го государя, за выдумываніе III Іерусалима, помимо суще
ствующаго на небѣ и на землѣ. Лигаридъ обвинялъ Никон
въ вожделѣніи чужихъ епископскихъ угодій, именно епископ
Коломенскаго, въ томъ, что онъ строилъ обозы и город
что подобаетъ только царямъ и вельможамъ. Лигаридъ об
виняетъ Никона въ томъ, что онъ не объяснилъ тайны сво
его ухода и совершилъ его безъ совѣта съ архіереями
безъ доклада Царю. Лигаридъ знщищаетъ мѣстоблюсти
тельство патріаршаго престола по указу Царя, заявляя, что
первое дѣло Царя пещись о Церкви, и архіереи и бояр
грѣшатъ тѣмъ, что не побуждаютъ Царя учинить оконча
тельное рѣщеніе о замѣщеніи патріаршаго престола. Прокля
тія Никона, по Лигариду, недѣйствительны, ибо они не по до
стоинству. Всѣ церковныя права Никона, по Лигариду, имѣют
источникъ въ Царѣ: онъ ихъ поручилъ Никону; но тотъ возгор
дился подобно Нарциссу, и ихъ лучше у него отобрать въ вид
дурного ихъ употребленія Никономъ по неблагодарности
Самое учрежденіе Монастырскаго Приказа Лигаридъ на
ходитъ правильнымъ, ибо въ волѣ де Царя лежало улуч
шить порядокъ; ставить архимандритовъ и другія власти

привилегія Царя. Называть Царя обидчикомъ, значитъ позорить Царя, а за это лицо духовнаго сана подлежитъ низверженію. Лигаридъ обвиняетъ Никона даже за то, что онъ самъ не явился на Соборъ, созванный въ его отсутствіе. Архіереи не нарушали де своего обѣта въ послушаніи Патріарху, ибо онъ убѣжалъ, отметаясь отъ всѣхъ. Лигаридъ не одобряетъ отлученія Никономъ Стрешнева за наученіе пса благословлять, ибо отлученіе полагается только за смертный грѣхъ. Согласно этимъ отвѣтамъ Никонъ подлежалъ низверженію и отлученію не только, какъ устроитель новыхъ порядковъ въ церковныхъ дѣлахъ, но и какъ разрушитель мира царства и противникъ царской власти (Отвѣты эти составлены до 15 августа 1662 г.)

Вотъ, краткій обзоръ вопрсоовъ и отвѣтовъ, поднятыхъ Лигаридомъ. Совершенно очевидно, что онъ хотѣлъ создать боярству опору для сужденія по всѣмъ вопросамъ злобы въ отношеніи Никона и выставить его виновнымъ во всемъ, а бояръ и Царя представить виновными развѣ только въ томъ, что они терпятъ такого гордаго омірщившагося человѣка въ патріархахъ и не спѣшатъ судить его и замѣнить другимъ. Такъ обстояло дѣло относительно обвиненія Никона. Мы видимъ, что Лигаридъ значительно раздвинулъ рамки обвиненія передъ церковнымъ судомъ, ранѣе не шедшимъ дальше обвиненія Никона въ оставленіи кафедры, какъ показываетъ дѣло на Соборѣ 1660 года.

Вопросъ о томъ, какъ составить правила, по силѣ которыхъ обвинить Никона. Составленіе вопросовъ для отправки на Востокъ.

Но оставалось теперь составить правила, по которымъ обвинять Никона. Каноны могутъ не предусматривать многаго и не опредѣлять точно, поэтому надо ихъ конкретизировать въ примѣненіи къ данному случаю или вѣрнѣе комплексу опредѣлившихся въ дѣлѣ отношеній. Лигаридъ придумываетъ такую комбинацію: чтобы не вышло неясностей, онъ рекомендуетъ Царю, чтобы Патріархамъ былъ заранѣе предложенъ рядъ вопросовъ примѣнительно къ нуждамъ случая, и притомъ сдѣлано это на языкѣ, имъ понятномъ, и лицомъ знающимъ греческій языкъ. Когда на это онъ получилъ согласіе, то все порученіе и было возложено на его друга діакона Мелетія грека, который долженъ былъ ѣхать въ Константинополь для выработки отвѣтовъ. Черезъ это одно все дѣло по соотавленію правилъ попадало въ руки Лигарида. Что касается тѣхъ конкретныхъ случаевъ, въ которымъ надо было принять правила, то они также опредѣлялись Лигаридомъ и Мелетіемъ, при чемъ имя Никона не упоминалось, такъ что и Патріархи, давашіе отвлеченные отвѣты на вопросы отвлеченные, могли бы не чувствовать за собой отвѣтственности за примѣненіе правилъ къ опредѣленному лицу. Впослѣдствіи Лигаридъ выступилъ и переводчикомъ отвѣтовъ съ грече-

каго языка на латинскій, а съ латинскаго на русскій были другіе переводчики, такъ что и Лигаридъ слагалъ впослѣдствіи отвѣтственность за намѣренно ошибочно сдѣланный имъ переводъ самаго отвѣтственнаго мѣста, касавшагося сферы компетенціи Царя. Павелъ, Митрополитъ Крутицкій, и Иларіонъ архіепископъ Рязанскій, уже послѣ осужденія Никона отказались подписаться подъ патріаршими отвѣтами въ январѣ 1667 года, ссылаясь на то, что въ переводѣ опущено одно слово „политическіе", измѣнившее весь смыслъ положенія, именно, что „Царь есть верховный начальникъ во всѣхъ политическихъ дѣлахъ". Самъ Лигаридъ въ своей исторіи разсказалъ, какъ онъ былъ введенъ бояриномъ Стрешневымъ великимъ постомъ 1663 года къ Царю и давалъ консультацію Царю и боярамъ, какъ онъ совѣтывалъ отправить тайно вопросы Патріархамъ, имъ самимъ составленные по-гречески, вмѣстѣ съ милостыней, какъ онъ 7 іюля 1663 г. писалъ Царю совѣтъ поспѣшить съ рѣшеніемъ и какъ осенью того же года были составлены вопросы и посланы съ другомъ Лигарида Мелетіемъ.

Бояре побуждаютъ старообрядцевъ составить петицію противъ Никона.

Однако, еще прежде, чѣмъ были составлены 25 вопросовъ Лигарида Вселенскимъ Патріархамъ, и прежде чѣмъ было рѣшено послать ихъ, до іюля 1663 г., когда Царь поручилъ Лигариду составить эти вопросы, бояре хотѣли использовать вражду старообрядцевъ къ Никону и побудили ихъ лидеровъ составить обвиненія и представить петицію противъ Никона. Это было въ первые 5 мѣсяцевъ 1663 г.; петиція поражаетъ странностью сочетанія сотрудничества Лигарида со старообрядцами, для которыхъ первый выступаетъ такимъ же глашатаемъ, какъ и для бояръ. Она анонимна, но говоритъ какъ бы отъ лица всѣхъ русскихъ епископовъ, и написана повидимому однимъ изъ нихъ, сочувствующимъ старообрядчеству, Александромъ Вятскимъ, но подчинившимся Церкви въ 1666 г. на Соборѣ (по предположенію Пальмера: IV, 459). Исходный мотивъ ея тотъ, что Лигаридъ уже показалъ въ своихъ вопросахъ-отвѣтахъ, что Епископы грѣшатъ тѣмъ, что не побуждали Царя положить конецъ затрудненіямъ созывомъ Собора, который окончательно бы низложилъ Никона и избралъ новаго Патріарха. Петиція исходитъ изъ того, что Никонъ не только отрекся отъ престола, но отрекся съ клятвой, не окончивъ литургіи, въ Церкви, и потому не можетъ называть себя Патріархомъ; онъ простой монахъ и не можетъ давать благословенія дѣйствующему епископу и совершать епископскіе акты. Онъ унижаетъ Царя, вопреки 84 апостольскаго правила, обвиняя въ захватѣ церковныхъ дѣлъ. Бояринъ Хитрово правильно сдѣлалъ, что побилъ представителя Патріарха, а Царь правъ, что воздержался отъ посѣщенія служ-

бы, чтобы смирить Никона. Сказавъ о Никоновскомъ отверженіи Собора 1660 г., о якобы самопревозношеніи Никона, благодаря архіерейской присягѣ о послушаніи Патріарху, петиція заявляетъ, что забота Царя о Церкви совершенно канонична, и продолженія вдовства ея нельзя допускать, во избѣжаніе нареканій отъ пріѣзжихъ епископовъ. Она проситъ держать Никона подъ стражей и изъять его изъ среды епископовъ. Онъ не въ правѣ упрекать Царя во вмѣшательствѣ въ церковныя дѣла, ибо онъ уже не епископъ. Онъ придумалъ названіе монастыря Новый Іерусалимъ въ противоположность старому; его правильно де называетъ Лигаридъ Neicopolis т. е. городомъ распри, вражды, что тамъ должны быть скверныя женщины, которыхъ могутъ считать матерью Антихриста. Петиція говоритъ о недостоинствѣ жизни Никона въ духѣ раскольничьихъ сказаній, оп ровергнутыхъ профессоромъ Субботинымъ. Питиримъ сталъ мѣстоблюстителемъ во волѣ Царя и епископовъ. Онъ посвятилъ Меѳодія не безъ приказа Царя, поэтому не подлежитъ проклятію. Петиція умоляетъ Царя озаботиться объ избраніи другого Патріарха. Какая нужда для этого въ Соборѣ? Великій князь Василій Васильевичъ своей одной властью низложилъ Исидора и арестовалъ его въ Чудовомъ монастырѣ, и шесть русскихъ епископовъ съ архимандритами и игуменами низложили Зосиму и поставили Симона игумена Троицкаго, безъ каноническаго числа 12, которыхъ трудно собрать въ Россіи. Петиція порицаетъ исправленіе богослужебныхъ книгъ при Никонѣ и упрекаетъ его за ссылки на Паисія Патріарха Константинопольскаго, какъ будто наши пять патріарховъ предшественниковъ и Цари ошибались. Такъ петиція обвиняла Никона, избѣгая указывать отдѣльныя нововведенія, глухо, въ общихъ выраженіяхъ, обвиняя Никона въ обрядовыхъ нововведеніяхъ, въ недолжномъ почитаніи Константинопольскаго Патріарха и въ неуваженіи къ русскимъ святымъ и пастырямъ. Вопросы, посланные Патріархамъ, содержатъ подобныя же обвиненія на Никона, какъ если бы онъ сдѣлалъ нововведенія не только въ отношеніяхъ духовной и свѣтской власти, но и въ обрядовыхъ обычаяхъ. „Ясно, пишетъ Пальмеръ (IV,460), что Паисій въ союзѣ съ кѣмъ-либо изъ бояръ, вѣроятно съ Симеономъ Стрешневымъ, внушилъ содержаніе этой петиціи одному изъ русскихъ епископовъ, сочувствовавшихъ старообрядцамъ, но не полному раскольнику, который такъ ее составилъ, что, представляя духъ старообрядцевъ, онъ могъ бы выставить и Лигаридовскіе аргументы безъ явнаго противорѣчія и представить ее не только отъ имени одного, но всѣхъ русскихъ епископовъ; но въ то же время, вѣдь, ни одинъ изъ лидеровъ старообрядцевъ не выставилъ бы такого довода, что оставленіе каѳедры вакантной не только неканонично, но и вызываетъ критику иностранцевъ,

т. е. греческихъ епископовъ и монаховъ, прiѣзжающихъ за милостыней въ Москву".

Неестественный союзъ бояръ, принявшихъ реформы Никона, съ расколоучителями противъ Никона.

Этотъ союзъ бояръ со старообрядцами довольно неестественъ, ибо цѣли ихъ были совершенно различны: **бояре принимали церковную реформу Никона и только его самого хотѣли поставить въ положенiе, исключающее возможность ему сдѣлаться совѣтникомъ государя, а старообрядцы боролись не только противъ Никона, но и противъ церковной реформы, проведенной уже Никономъ въ 1656 г., которую имъ надо было искоренить.** Самъ Никонъ конечно былъ имъ одiозенъ, ибо не безъ его содѣйствiя пострадали главари старообрядства: Юрьевскiй протопопъ Аввакумъ былъ сосланъ, хотя и безъ растриженiя, за заступничество за Неронова, въ Сибирь въ 1653 г, гдѣ оставался до 1664 г.; протопопъ Казанскаго Собора Нероновъ былъ сосланъ въ Спасокаменный монастырь, за стремленiе подорвать авторитетъ Патрiарха, Муромскiй протопопъ Логгинъ лишенъ сана, протопопъ Даниилъ Костромскiй растриженъ и сосланъ въ Астрахань (Каптеревъ, Патрiархъ Никонъ и Царь Алексѣй Михайловичъ I,123). Вся реформа Никона противорѣчила ихъ убѣжденiямъ, хотя, какъ доказано Каптеревымъ, Никонъ не былъ ея инiцiаторомъ, а только выполнителемъ намѣренiя Царя Алексѣя Михайловича и духовника его Стефана Вонифатьева, почему онъ и охладѣлъ совершенно къ реформѣ послѣ смерти Стефана, умершаго въ иночествѣ 11 ноября 1656 г., и послѣ прекращенiя дружбы съ Царемъ. 4 января 1657 г. Никонъ разрѣшилъ Нерону служить по любымъ служебникамъ, „обои де хороши". Старообрядцы, хотя и ошибочно, считали инициаторами реформы Никона (а Стефана своимъ сторонникомъ) и потому создавали о Никонѣ самое нелестное представленiе, въ его дѣятельности видѣли только дурное и въ его поступки вкладывали разные низкiе мотивы и охотно присоединялись ко всякой борьбѣ противъ Никона. Въ свою очередь **всякiй врагъ Никона становился другомъ бояръ, стремившихся поддержать настроенiе Царя противъ Никона**. На грековъ однихъ они боялись положиться изъ-за ихъ неустойчивости и **искали враговъ непримиримыхъ и нашли ихъ въ старобрядцахъ**. Аввакума вернули изъ ссылки, поселили въ Кремлѣ, на подворьѣ Новдѣвичьяго монастыря, и онъ развилъ свою пропаганду. Аввакумъ преслѣдовалъ чисто религiозный интересъ, а бояре только свой политическiй боясь, опять быть затѣненными Никономъ: они, конечно, Аввакума не переубѣдили, но Аввакумъ создалъ себѣ много сторонниковъ и въ боярской средѣ и этимъ усилилъ настроенiе противъ Никона.

Сторонники старообрядцевъ изъ боярства.

Судя по автобіографіи Аввакума (Пальмеръ IV, 452-454) **за Аввакумомъ шли боярыня Өеодосія Прокофьевна Морозова, Евдокія Прокофьевна Урусова, ея сестра, Анна Петровна Милославская, князь Иванъ Воротынскій, приходившій къ нему въ тюрьму, кн. Иванъ Хованскій. Сама царица Марія Ильинишна благоволила къ нему** и еще въ 1653 г. настояла передъ Царемъ на томъ, чтобы Аввакума не растригали, и послѣдній сообщаетъ о сценахъ у нея съ Царемъ изъ-за него.

„Какъ стригли, писалъ Аввакумъ, въ то время нестроеніе вверху бысть у Царя съ царицей; она за насъ стояла въ то время, миленькая, и отъ казни отпросила меня“.

Самъ Царь принималъ ласково Аввакума послѣ ссылки въ 1664 г. Аввакумъ такъ пишетъ о царской встрѣчѣ: „здорово ли живешь, протопопъ? Вотъ, еще Богъ велѣлъ видѣться.“—Аввакумъ: „Живъ Господь, жива душа, Царь государь, а впредь, что изволитъ Богъ“. Онъ же, миленькій, вздохнулъ, да и пошелъ куды надобно ему. И иное кое что было, да что много говорить.“ А въ другомъ мѣстѣ: „Мимо двора моего ходя кланялся часто со мною низенько такъ, а самъ говоритъ: благослови де меня и помолися о мнѣ. И шапку въ ину пору мурманку снимаючи съ головы, уронилъ, ѣдучи верхомъ. И изъ кареты бывало высунется ко мнѣ“ (Бороздинъ, Протопопъ Аввакумъ, 119 стр.).

Развитіе раскола отъ пропаганды возвращеннаго Аввакума.

Враги Никона, обвинявшіе его въ томъ, что оставленіе имъ каөедры въ теченіе долгаго времени усиливало расколъ, должны бы обвинять себя въ его распространеніи, ибо сами бояре добились отъ Царя въ 1661 г. возвращенія Аввакума и другихъ лидеровъ старообрядчества для увеличенія обвиненій противъ Никона. Въ Москвѣ дѣйствительно ихъ побуждали обвинять Никона передъ Царемъ, какъ неправославнаго нововводителя, и просить объ его наказаніи и объ избраніи болѣе благочестиваго Патріарха. Никонъ самъ упоминаетъ въ „Раззореніи“: „что можетъ обнаружить большую злобу, какъ не то, въ чемъ нѣкоторые наши враги (лидеры раскола) признавались мнѣ: „поистинѣ, ты попался; видишь: не старыя времена! даже насъ отыскиваютъ жаловаться на тебя, и, если кто медлитъ жаловаться противъ тебя, а послѣ великій государь услышитъ какое либо обвиненіе противъ этого же раскольника, тотъ можетъ быть увѣренъ въ тяжелыхъ для себя послѣдствіяхъ“. Я самъ теперь принужденъ едва вставъ съ одра болѣзни идти сюда въ Воскресенскъ по царскому приказу“ (IV,448).

Врагамъ Никона Аввакумъ представился драгоцѣннымъ союзникомъ, ибо, допуская его до публичной проповѣди,

они давали ему возможность **агитировать противъ Никона въ сферѣ церковной, и дѣло дворцовой интриги превратить въ дѣло всенародное.** Не такъ легко было поколебать авторитетъ Патріарха Никона: онъ—благотворитель, онъ—ходатай за обиженныхъ, онъ и мужъ совѣта; чтобы обезсилить его, надо представить его еретикомъ. Надъ этимъ дѣломъ работалъ Аввакумъ, которому при возвращеніи изъ ссылки всѣ бояре били челомъ и предлагали любое мѣсто въ Москвѣ и стать духовникомъ Царя. Союзъ этотъ создалъ настроеніе противъ Никона въ нѣкоторыхъ боярскихъ семьяхъ, но онъ не былъ проченъ, такъ какъ Аввакумъ былъ непримиримъ и, если и заботился, чтобы валить Никона, то главной задачей имѣлъ уничтоженіе его реформъ, на что не могло идти большинство бояръ, державшихся авторитета Патріарховъ.

Всѣ враги Никона, враждебные между собой, соединились, чтобы валить Никона, и объединителемъ ихъ всѣхъ явился Паисій Лигаридъ; эластичность послѣдняго въ отношеніи убѣжденій, необходимость въ его каноническихъ познаніяхъ для того, чтобы расправиться съ Никономъ, и тѣмъ избѣжать двупатріаршества, боязнь появленія Никона вновь на патріаршемъ престолѣ совѣтникомъ Царя, создало для бояръ нужду въ Лигаридѣ, котораго держались, несмотря на то, что и отъ Никона, а потомъ и съ востока получили подтвердительныя сообщенія, что онъ и не православный, и изъ православныхъ митрополитовъ низверженъ, и что онъ подверженъ содомскому грѣху.

Предупрежденія въ 1663 г. о личности Лигарида, полученныя Никономъ.

Никонъ писалъ Царю въ іюлѣ 1663 г., что Лигаридъ не имѣетъ доказательствъ о посвященіи и свидѣтельства отъ восточныхъ Патріарховъ о томъ, что онъ дѣйствительно епископъ, что такихъ лицъ нельзя принимать по правиламъ, безъ удостовѣренія, согласно Божественныхъ законовъ. „Невходящій черезъ дверь въ дворъ овчій, подобенъ вору и разбойнику", (IV,496); „молящіеся съ еретикомъ подвергаются отлученію" (45 Ап. пр.), и принимающій таковыхъ, какъ клириковъ, самъ низвергается по 33 и 37 Лаод. и 9 Карѳ. правиламъ. „И Царь подлежитъ такому же наказанію", писалъ Никонъ въ „Раззореніи" (1,551,552). Никонъ писалъ въ „Раззореніи" (I,586), что Лигаридъ принадлежитъ католичеству, что онъ посвященъ въ діаконы и священники въ Римѣ, и книга его „Коментаріи на величаніе" свидѣтельствуютъ о томъ же; что онъ изъ Молдавіи уѣхалъ въ Польшу, гдѣ два года (1660-1662) служилъ въ костелѣ; въ Молдавіи онъ настаивалъ, чтобы вдовымъ священникамъ разрѣшить второй бракъ, а молодымъ монахамъ и монахинямъ сочетаться бракомъ и ѣсть мясо, что Митрополитъ Молдавскій объ этомъ писалъ восточнымъ Патріархамъ, и они его анаѳематствовали и низ-

вергли его изъ сана, что въ Москвѣ онъ не соблюдаетъ никакихъ монашескихъ правилъ. О неправославіи Лигарида Никонъ объявилъ Лигариду самому лично, когда онъ пріѣзжалъ въ качествѣ уполномоченнаго отъ Собора для слѣдствія о проклятіи въ Воскресенскій монастырь въ іюлѣ 1663 г. (1,595). Въ декабрѣ 1665 года Никонъ писалъ Константинопольскому Патріарху о Лигаридѣ: „Онъ живетъ въ Москвѣ, ничего не совершаетъ епископскаго, ѣстъ мясо и пьетъ безъ отношенія ко времени; ѣстъ и пьетъ передъ совершеніемъ литургіи и совершаетъ содомскій грѣхъ. Написалъ де письмо объ этомъ Царю съ указаніемъ свидѣтелей, но всѣхъ лицъ, свидѣтельствовавшихъ такъ о Паисіи, Царь сослалъ въ разныя мѣста" (III,392).

Показанія Никона подтвердились, когда Царь отправилъ, уже въ 1666 г., тайно на востокъ русскаго клирика Савву въ Константинополь узнать относительно подлинности грамоты, привезенной Мелетіемъ и Стефаномъ грекомъ, о назначеніи Патріархомъ Константинопольскимъ Лигарида экзархомъ Константинопольскаго Патріарха и его Собора, чтобы быть его представителемъ въ дѣлѣ Никона и руководителемъ Собора и толкователемъ патріаршихъ свитковъ. Константинопольскій Патріархъ сообщилъ, что это письмо подложное а Лигаридъ и не лоза Константинопольскаго престола. (IV,503). Но письмо это вызвало со стороны Царя не удаленіе Лигарида, а хлопоты о возстановленіи его въ званіи Митрополита, ибо слишкомъ компрометирующимъ для Московскаго правительства было сообщничество и руководство Лигарида, который почитался одно время въ Москвѣ даже первымъ Митрополитомъ и предсѣдателемъ Собора русскихъ архіереевъ и вдохновителемъ всего дѣла Никона.

Дѣятельность Лигарида въ высшемъ управленіи Русской Церкви.

Весной 1664 г., до полученія патріаршихъ свитковъ, Царь его назначилъ вмѣсто Питирима мѣстоблюстителемъ и предсѣдателемъ Собора и около 10 мая того же года съ его благословенія перевелъ Митрополита Питирима въ Новгородъ и посвятилъ новыхъ епископовъ, сдѣлавъ Іону Митрополита Ростовскаго мѣстоблюстителемъ, Павла архіерея Чудовскаго Митрополитомъ Сарскимъ и Подонскимъ т. е. Крутицкимъ (22 авг.), Корнилія сдѣлалъ архіереемъ Тобольскимъ; Іоакимъ, одинъ изъ Иверскихъ Никоновскихъ монаховъ, сдѣланъ въ сентябрѣ изъ келаря архимандритомъ Чудовскаго монастыря, а 23 октября Симонъ посвященъ въ архіепископы Вологодскіе. „Вся іерархія была реконструирована, замѣчаетъ Пальмеръ, и ея поставленія опорочены благословеніемъ и наложеніемъ рукъ Паисія Лигарида, такъ какъ эти поставленія получили начало отъ него" (IV,506).

„Остается фактъ, несравненный въ церковной исторіи,

пишетъ онъ (IV, 499), что самодержецъ обширной имперіи непосредственно сдѣлавшись главой своей національной Церкви, поставилъ себя и свою заново устроенную Церковь и іерархію, вмѣстѣ со всѣмъ своимъ дворомъ и царствомъ со всей своей мірской гордостью и властью подъ благословеніе не только неизвѣстнаго бѣглеца изъ Рима, отлученнаго и греческой Церковью, человѣка способнаго написать (въ „Исторіи") что, когда онъ былъ посланъ, въ качествѣ царскаго коммиссара, для слѣдствія надъ преслѣдуемымъ Патріархомъ, то онъ прошепталъ на ухо Никону эпитетъ, котораго заслуживалъ полностью онъ самъ, человѣка, который посвятилъ Царю и боярамъ, какъ воспоминаніе объ ихъ побѣдѣ и своихъ услугахъ, „Исторію", содержащую такой разсказъ (V, 674). Пальмеръ имѣетъ въ виду сообщеніе Лигаридомъ въ „Исторіи" вовсе не существовавшаго факта, будто Лигаридъ, будучи на слѣдствіи въ іюлѣ 1663 г. въ Воскресенскомъ монастырѣ, назвалъ Никона Содомитомъ въ концѣ своей рѣчи, которую онъ держалъ въ качествѣ главнаго представителя Царя и Собора. Оффиціальный боярскій докладъ о слѣдствіи сообщаетъ, что Никонъ совершенно отказался вести переговоры съ Лигаридомъ безъ предварительнаго каноническаго удостовѣренія его положенія. Лигаридъ же придумалъ нарочно этотъ разсказъ, какъ онъ вообще придумывалъ всѣ рѣчи, чтобы представить Никона въ глазахъ читателя, читающаго Никоновское письмо къ Царю съ обвиненіемъ Лигарида въ безнравственности, лишь вымещающимъ свою злобу на Лигаридѣ якобы въ отвѣтъ на торжественное обвиненіе его самого Лигаридомъ (IV,498). Послѣ оффиціальнаго подтвержденія въ 1668 г. относительно самого Лигарида Царю, послѣдовало отъ Іерусалимскаго Патріарха Нектарія въ 1668 г. и болѣе пространное сообщеніе отъ его преемника-Патріарха Діонисія въ 1670 г. Извѣстно, что сначала, внимая просьбѣ Царя, Патріархъ Досиѳей снялъ было отлученіе, но потомъ окончательно возстановилъ это отлученіе, и Лигаридъ умеръ въ немъ въ 1678 г. въ Кіевѣ, куда былъ удаленъ изъ Москвы за ненадобностью, въ виду окончанія дѣла Никона и вслѣдствіе компрометирующей Московское правительство близости къ нему.

Преслѣдованіе правительствомъ Никоновскихъ доброжелателей.

Никонъ же узналъ об отлученіи и анаѳематствованіи Лигарида, совершенномъ Іерусалимскимъ Патріархомъ Нектаріемъ въ 1660 г., отъ **діакона Агаѳангела**, бывшаго при Лигаридѣ и поссорившагося съ послѣднимъ, а тотъ былъ посаженъ въ тюрьму послѣ того, какъ лично это подтвердилъ Царю, будучи присланъ для показанія къ нему Никономъ (IV,580). Преслѣдованіе Никоновскихъ доброжелателей, которые такъ или иначе были полезны для освѣщенія дѣла

въ Никоновскую пользу, было системой правительства. Мы упоминали уже о ссылкѣ эконома Воскресенскаго монастыря старца **Аарона**, убѣждавшаго Царя, что на Никона напрасно клевещутъ и ссорятъ съ нимъ Царя. Митрополитъ **Афанасій Иконійскій**, высказывавшій сомнѣніе о патріаршихъ свиткахъ, привезенныхъ дьякономъ Мелетіемъ 29 мая 1664 г., и увѣрявшій, что Митрополитъ Газскій врагъ Божій и сынъ погибели, былъ заточенъ въ Симоновскомъ монастырѣ. Аѳонскій **архимандритъ Ѳеофанъ**, сообщившій Никону свѣдѣнія о Лигаридѣ, былъ сосланъ въ Кириллобѣлозерскій монастырь. **Севастъ Дмитріевъ**, который привезъ грамоту отъ Іерусалимскаго Патріарха Нектарія, говорившаго о необходимости призвать Никона обратно на престолъ, ибо не было никакого отреченія отъ кафедры, а только отъ непокорнаго народа,—былъ заточенъ въ тюрьму (IV,552). Письмо Нектарія къ Царю обнаруживало, что восточные Патріархи знали, что положеніе Никона обязано ненависти могущественныхъ враговъ, не осмѣливавшихся открыто выражать свои мысли, и было крайне имъ непріятно, но **собственное письмо Патріарха Нектарія къ Патріарху Никону было просто уничтожено и ему не доставлено** (IV 502, прим.). **Грекъ Димитрій**, жившій въ Воскресенскомъ монастырѣ, который переводилъ на греческій языкъ письмо Никона къ Константинопольскому Патріарху, былъ схваченъ въ декабрѣ 1666 г. и заточенъ въ тюрьму, гдѣ отъ страха покончилъ съ собой (V,694). Участники по Зюзинскому дѣлу **священникъ Сысой**, привозившій письмо отъ Зюзина Никону, былъ сосланъ со всей семьей неизвѣстно куда, а другой доставитель письма отъ Зюзина, хотя и не знавшій его содержанія, закованъ въ тюрьмѣ въ желѣзо и умеръ. (IV, 562). **Шушеринъ**, сопровождавшій Никона на судъ и ѣхавшій впереди съ крестомъ, былъ арестованъ ночью 30 ноября 1666 г. и оставался въ заточеніи больше 3 лѣтъ, а потомъ сосланъ въ Новгородъ Великій, гдѣ оставался до начала 1680 года (V,674).

Подъ руководствомъ такого человѣка, какъ Лигаридъ, составилось мнѣніе о дѣятельности Никона, которая получила его освѣщеніе въ вопросахъ-отвѣтахъ Стрешнева-Лигарида, въ анонимной петиціи отъ имени русскихъ архіереевъ, составленной подъ его же вдохновеніемъ, и наконецъ, ему было поручено освѣтить эту дѣятельность передъ восточными Патріархами и получить отъ нихъ такой отвѣтъ, который далъ бы возможность низвергуть Никона. Скажемъ еще, что на ряду съ двинутымъ дѣломъ передъ восточными Патріархами, которые авторитетомъ своимъ придали бы дѣлу Никона совершенно безповоротно законченный видъ, дѣлались на Москвѣ и самостоятельныя попытки отдѣлаться отъ Никона. Пальмеръ сообщаетъ о проэктѣ бояръ и Царя въ декабрѣ 1664 г. постричь Никона

Попытка отдѣлаться отъ Никона посредствомъ постриженія его въ схиму.

въ великую схиму (IV,508-513), какъ разъ передъ тѣм какъ бояринъ Зюзинъ сдѣлал неудачную попытку примири Царя съ Никономъ и какъ раз тогда, когда своимъ необыкн венно любезнымъ пріемомъ архимандрита Герасима из Воскресенскаго монастыря, Царь далъ основаніе думат друзьямъ Никона о возможности возстановленія между н ми любви и дружбы. Боярамъ не удалось добиться отъ Ц ря рѣшенія, къ которому пришелъ Соборъ 1660 г.,—разсма тривать Никона, въ силу одного факта его ухода изъ Мо сквы, низвергнутымъ изъ патріаршества и изъ священств они же не хотѣли имѣть новаго Патріарха, пока Никон могъ совершать священническія дѣйствія, боясь его возвр щенія. Вспомнили о канонѣ одного изъ греческихъ позд нѣйшихъ Соборовъ, запрещающемъ епископу послѣ при нятія великой схимы совершать епископскія дѣйствія, и хо тѣли его использовать. Никонъ, вѣдь, соглашался самъ н избраніе новаго Патріарха, если его самого не будутъ счи тать за преступника, но этимъ не желали ограничиться Бояре, не разсчитывая на то, что Царь согласится пойт имъ навстрѣчу и разрѣшитъ вынудить силой Никона при нять схиму, думали однако, что онъ позволитъ имъ убѣ дить Никона, въ уваженіе къ трудному положенію Царя ради мира Церкви и государства, принять великую схиму добровольно, какъ актъ величайшаго смиренія съ его сто роны. Подъ миромъ Церкви они разумѣли безпрепятствен но свѣтское господство, противъ котораго возставалъ Ни конъ.

Они думали, что человѣкъ такого аскетическаго духа пойдетъ на это, разъ ему будетъ дана возможность пра вильно передать каноническія права по защитѣ Церкви лицу, канонически способному по избранію епископовъ и Царя. По внушенію бояръ Царь въ началѣ 1664 г. разо слалъ Митрополитамъ и архіепископамъ запросы, не вызы ваетъ ли великая схима по канонамъ абсолютную неспособ ность совершать епископскіе акты; Царь дѣлалъ вопросы въ замаскированной формѣ, не говоря о Никонѣ, спраши вая, можетъ ли іеромонахъ, принявшій потомъ схиму, стать епископомъ безъ нарушенія канона. Митрополитъ Новгородскій Питиримъ отвѣтилъ, что не можетъ. Митро политъ Казанскій Лаврентій, Филаретъ архіепископъ Смо ленскій отвѣтили въ томъ же смыслѣ, но Іосафъ Тверской и Илларіонъ Рязанскій допускали возможность епископства и для іеромонаховъ схимниковъ. Проектъ этотъ не былъ осуществленъ, по недостатку ли единодушія въ отвѣтахъ, или вслѣдствіе того, что появленіе Никона въ Успенскомъ Соборѣ 19 декабря 1664 года устраняло мысль о томъ, что онъ согласится на такое предложеніе.

Чего добивались бояре посылкой вопросовъ восточнымъ Патріархамъ? Ихъ обвиненія затрагиваютъ не только Никона, но и Царя.

Посылая вопросы восточнымъ Патріархамъ, бояре косвенно обвиняли Никона въ нововведеніяхъ въ церковныхъ дѣлахъ, имѣя въ виду новый и чрезвычайный титулъ, свойственный только свѣтской власти, и власть, данную Никону Царемъ, и ея употребленіе имъ въ свѣтскихъ дѣлахъ государства; черезъ это они хотѣли добиться признанія Никона заслуживающимъ низложенія; они обвиняли его въ непринятіи постановленій Уложенія и въ стремленіи сдѣлать ихъ бездѣйственными, въ испрашиваніи обѣта у Царя, обѣта 22 іюля 1652 г. повиноваться законамъ Бога и Церкви и позволить ему управлять Церковью въ соотвѣтствіи съ ними, и во введеніи такимъ образомъ дуализма власти. Съ 1657 года Царь перешелъ на сторону бояръ. Бояре обвиняли Никона въ гордости, въ желаніи сравняться и даже превзойти Царя, во вмѣшательствѣ въ свѣтскія дѣла, въ ограбленіи и насиліи для полученія земельныхъ владѣній для его монастыря изъ тщеславія и честолюбія. Они вызывали отвѣты, задѣвающіе порицаніемъ самого Царя, какъ если бы Царь наносилъ обиду боярству, давая необычный титулъ, честь и власть Патріарху, какъ если бы онъ обижалъ боярство, давая обѣщаніе въ послушаніи Церкви, или пріостанавливая дѣйствія нѣкоторыхъ статей Уложенія, или дѣлая Никона государственнымъ регентомъ и совѣтникомъ въ государственныхъ дѣлахъ, или дѣлая земельныя пожертвованія и предоставляя привилегіи Никоновскимъ монастырямъ.

Неистовствующая злоба бояръ, доказательства ея.

Размѣръ боярскихъ обвиненій все возрасталъ. Ихъ злоба обнаружилась явно съ самаго начала ухода Никона, ибо еще 25/VII 1658 г. Никонъ писалъ Царю письмо, изъ коего видно, что самъ Царь посылалъ къ нему сказать незадолго передъ этимъ, что только онъ де да князь Юрій Долгорукій хорошъ къ нему, т. е. Царь сознавался, что все ближайшее окруженіе, составлявшее дворъ, интриговало противъ Никона. Они поспѣшили убѣдить Царя, будто Никонъ опустошилъ патріаршую казну и взялъ изъ нея многое себѣ, и побудили Царя обыскать частную собственность Патріарха и даже его тайныя бумаги, которыхъ, кромѣ него, какъ духовнаго отца, никто не долженъ былъ читать. „Потомъ, пишетъ Субботинъ, черезъ все теченіе этого дѣла мы наблюдаемъ Царя подъ вліяніемъ партіи враждебной Никону, вліяніе, отъ котораго временами онъ, повидимому, хотѣлъ освободиться, но не имѣлъ на это рѣшимости, къ которому, наконецъ онъ такъ привыкъ, что не зналъ, какъ можно обойтись безъ него, особенно, когда дѣло съ Никономъ ушло слишкомъ далеко. Онъ самъ спустя нѣсколько лѣтъ говорилъ

по тому или иному случаю, сравнивая свое положеніемъ съ положеніемъ Никона, касаясь ихъ различія и находя, что гораздо легче для Никона, чѣмъ для него, предпринять шаги къ примиренію. Если бы только онъ хотѣлъ смириться, сказалъ Царь, онъ свободенъ дѣлать что угодно, а я окруженъ духовными властями, и боярами. Они всѣ побуждаютъ меня къ гнѣву, но онъ, будучи одинъ, можетъ сдѣлать лучше меня, то что онъ самъ хочетъ по своей собственной мысли, никто не примѣнитъ къ нему никакого принужденія". (IV,157). Злоба особенно усилилась послѣ анаѳемъ 16/II 1662. Хотя Каллистъ епископъ Полоцкій представилъ докладъ о безсиліи анаѳемъ Никона на Питирима, это не успокоило Стрешнева и другихъ бояръ и лидеровъ раскола, равно какъ и Питирима и его сотоварищей среди епископовъ и духовенства, которые неистовствовали противъ Никона. „Чувствуя въ глубинѣ своей совѣсти ударъ, нанесенный имъ Никономъ, его враги начали распространять противъ него передъ Царемъ и народомъ новыя клеветы, одна чернѣе и страшнѣе другой, чтобы представить его, какъ чудовище страшное и ненавистное, невѣжественному и суевѣрному народу. Прискорбно слышать крики страстей, приближающіеся близко къ рычанію безумія (Пальмеръ IV,376)".

Обвиненіе Никона въ названіи Воскресенскаго монастыря Новымъ Іерусалимомъ.

Поводомъ для клеветы послужило даже названіе Воскресенскаго монастыря Новымъ Іерусалимомъ, при полномъ игнорированіи того, что названіе это дано по внушенію Царя. Названіе это задѣвало за живое ихъ представленіе. „Они хотѣли видѣть въ этомъ не взоръ Никона, устремленный къ будущей жизни, не идею возстановленія копіи священныхъ мѣстъ, не ожиданіе града небеснаго, населяемаго святыми послѣ воскресенія, а указаніе на то, что живущій въ этомъ ложномъ Іерусалимѣ есть Предтеча Антихриста. Никонъ противопоставляетъ свою Церковь каноновъ и свой Новый Іерусалимъ Церкви Царя, епископовъ и бояръ—видимой Русской Церкви. Онъ не называетъ себя Патріархомъ Москвы и Всероссійскимъ и однако называется Патріархомъ, слѣдовательно Патріархомъ Новаго Іерусалима, въ которомъ живетъ. Далѣе они выводили отсюда, что онъ называетъ себя такъ въ осужденіе имъ и всему остальному міру; стало быть, претендуетъ представлять болѣе вѣрно Церковь, которая есть истинный Новый Іерусалимъ, чѣмъ наша видимая Церковь, но въ такомъ Новомъ Іерусалимѣ мы видимъ не Христа, а Антихриста. Сторонники государственнаго верховенства сошлись въ этомъ со старообрядцами, которые возвели мнѣніе о Никонѣ, какъ о предшественникѣ Антихриста или о самомъ Антихристѣ (у нѣкоторыхъ), въ свою традицію. Пальмеръ за-

мѣчаетъ, что „Никоновскія доказательства, что признаки Антихриста и его предшественниковъ относятся къ тому началу апостасіи, которое представляютъ собой его противники и преслѣдователи, останется неуслышаннымъ, пока не придетъ время обнаружиться этой апостасіи въ ея крайнемъ развитіи, чтобы дать свидѣтельство о самой себѣ. Крикъ, поднятый старообрядцами противъ Никона, какъ еслибы онъ былъ Антихристъ, отвлекъ вниманіе отъ дѣйствительно нехристіанской тираніи, противъ которой возставали и старообрядцы не меньше Никона, хотя, къ несчастію не во имя правды, ибо они оспаривали государственное всемогущество только во имя узкаго частнаго сужденія, а Никонъ оспаривалъ ради защиты вселенскихъ каноновъ и во имя Церкви вселенской, а не національной" (IV,378).

Какъ ни дѣтско и ни невѣроятно такое представленіе, замѣчаетъ Пальмеръ, однако это было такъ (IV,379): это обвиненіе выставляли противъ Никона бояре синклита, и въ этомъ они соединились съ суевѣрными раскольниками. Эта мысль объ Антихристѣ фигурируетъ среди обвиненій, посланныхъ восточнымъ Патріархамъ отъ царскаго синклита, и на Соборѣ 1666 года, сдѣлавшагося органомъ глубоко закоренѣлой злобы боярскаго синклита, повторявшаго это обвиненіе". Объясненіе этому Пальмеръ даетъ въ томъ, что Никонъ былъ не только строитель церквей и монастырей, не только христіанинъ, преслѣдуемый за правду, надѣющійся на воскресеніе и на Новый Іерусалимъ, но представлялъ въ Россіи и пытался защитить видимое царство Божіе, отличное отъ мірского царства, тождественное съ горнимъ Новымъ Іерусалимомъ, свободное отъ тираніи Царя и бояръ, отвергающее гордость и насиліе, безнравственность и алчность во всѣхъ одинаково—царяхъ и знатныхъ подданныхъ, и **это реальное свидѣтельство мучило бояръ. Передъ ними налицо человѣкъ—ихъ Патріархъ открыто ихъ всѣхъ обличающій, утверждающій законъ Писанія и каноны противъ ихъ Уложенія и лжесоборовъ, наблюдающій и обличающій ихъ** изъ своего монастыря, отлучающій и анаѳематствующій ихъ орудіе—Митрополита Питирима по имени, но косвенно все церковное и гражданское правительство Россіи. Его Воскресенскій монастырь былъ вещественнымъ осужденіемъ ихъ сборища, а Никонъ—ихъ самихъ. Поэтому Воскресенскій монастырь, Новый Іерусалимъ возбуждалъ въ нихъ неукротимую злобу".

Основная причина боярской злобы—не въ Никонѣ, а въ самихъ боярахъ.

Эта неукротимая злоба задѣвала и самого Царя, поскольку онъ былъ соучастникомъ Никоновскихъ дѣлъ, поскольку онъ давалъ ему титулъ великаго государя, ненавистный боярству, поскольку онъ пріостанавливалъ Уложеніе, поскольку онъ

одарялъ Никоновскіе монастыри земельными угодіями, поскольку самъ Царь шелъ съ Никономъ противъ духа вѣка. Бояре пренебрежительно относились къ Царю въ его юности и прозвали его въ насмѣшку молодымъ монахомъ, по свидѣтельству Павла Алеппскаго (II,136), а, когда онъ являлъ собою образецъ благочестія во всемъ, всѣ бояре должны были подражать ему. Если имъ не въ моготу и не по духу было слѣдовать въ личной и государственной жизни на устроеніемъ Святой руси, если ихъ понятія о родовой чести создавали представленія о томъ, что только они — совѣтники государю, что таковымъ совѣтникомъ не можетъ быть какой то мужикъ — монахъ, то естеттвенно, что они по злобѣ человѣческой не щадили средствъ свалить того, кто мѣшалъ ихъ безраздѣльному господству. Отсюда все обвиненія **на Никона: корень ихъ не въ Никонѣ, а въ боярахъ, которымъ тяжелы были Никоновскіе идеалы, требовавшіе героическаго поовижничества въ жизни, и тогда, когда онъ, какъ Патріархъ —архипастырь, требовалъ соблюденія церковныхъ уставовъ полностью, давая самъ примѣръ во всемъ, и стоялъ на стражѣ правъ Церкви, и тогда, когда онъ какъ совѣтникъ государя, требовалъ самопожертвованія для польской войны, за интересы православія въ Малороссіи, и прекращенія излюбленныхъ боярскихъ мѣстническихъ счетовъ. Все это претило и боярскому самолюбію.** Ихъ собственная грѣховность лежала въ основѣ вражды къ Никону.

Составленіе вопросовъ Патріархамъ и способы полученія отвѣтовъ. Посылка іеродіакона Мелетія на Востокъ.

Все нападеніе на Никона сконцентрировалось въ обвиненіяхъ, представленныхъ на такъ называемый судъ вселенскихъ патріарховъ 1666 года. А предварительно было оно подготовлено въ отвѣтахъ восточныхъ Патріарховъ, которые заказано было привести іеродіакону Мелетію. Мелетій повезъ съ собой грамоты Царя къ Константинопольскому Патріарху и черезъ него къ другимъ Патріархамъ, а кромѣ того письма, написанныя по гречески Лигаридомъ; среди нихъ была бумага съ инструкціями о томъ, что онъ долженъ говорить устно, какъ бы отъ Царя, т. е. проектъ вопросовъ, съ дѣломъ связанныхъ, и отвѣтовъ наиболѣе соотвѣтствующихъ намѣченной цѣли. Мелетій нашелъ въ Константинополѣ двухъ Патріарховъ, Константинопольскаго Діонисія и Іерусалимскаго Нектарія. Тамъ и были составлены отвѣты, которые затѣмъ были переправлены для подписи—одинъ экземпляръ Александрійскому Патріарху Паисію Константинопольскимъ Патріархомъ, а другой—копія Антіохійскому Патріарху Макарію Патріархомъ Нектаріемъ Іерусалимскимъ. Константинопольскій Патріархъ не хотѣлъ принимать царской грамоты

изъ боязни турокъ, но Нектарій Іерусалимскій уговорилъ его принять. Дѣло устроилось съ Мелетіемъ, и Нектарій, постоянно ѣздившій въ Молдавію, могъ безопасно доставить самъ туда эти грамоты Мелетію. Патріархи хотѣли удовлетворить Царя, который прислалъ имъ милости съ Мелетіемъ, но **не хотѣли принимать на себя какой либо несправедливости къ Никону.** Они рѣшились высказать осужденіе условное тому, кто оказался бы виновнымъ въ томъ, что ставилось въ вину Никону, не касаясь самого Никона. Тогда Царь и бояре, а не они оказывались бы отвѣтственными за примѣненіе ихъ положеній къ Никону. Самые же вопросы были поставлены Лигаридомъ относительно тѣхъ винъ, которыя ставились Никону боярами и Лигаридомъ. Вопросы исходили изъ того, что Никонъ будто бы покушался на нововведеніе въ церковныхъ дѣлахъ вопреки старымъ обычаямъ (глава I отвѣтовъ), на установленіе дуализма власти, на истребованіе обязательства отъ Царя (гл. III), на осуществленіе въ своей Епархіи власти свѣтской (гл. XII), на непризнаніе установленныхъ законовъ царства (гл. V), на принятіе титула, означающаго свѣтское господство (гл. X) и на вмѣшательство въ дѣла государственыя (гл. XIII.)

Письмо Іерусалимскаго Патріарха Нектарія къ Царю отъ 20-III 1664 г.

Постановка такихъ вопросовъ уже выдаетъ авторство Лигарида и Мелетія. Они показались обоимъ Патріархамъ мало обоснованными, и Патріархъ Нектарій писалъ 20/III 1664 г. Царю, что „вѣроятно, Никонъ защищалъ только свою власть въ дѣлахъ духовныхъ и своимъ уходомъ обличалъ непослушаніе“. Сначала Мелетій, видно, хотѣлъ получить отвѣты прямо на то, что онъ устно говорилъ, ибо Патріархъ Нектарій писалъ Царю, что „высказать окончательное сужденіе, основанное на словахъ Мелетія, было просто недопустимо, ибо противно канонамъ основывать сужденіе на одномъ свидѣтельскомъ показаніи, да еще исходящемъ отъ человѣка низшаго чина, противъ Патріарха. Но мы написали свитокъ, содержащій указанія каноновъ и законовъ, въ видѣ краткихъ отвѣтовъ на вопросы Мелетія, основанные на его утвержденіяхъ. Что онъ сказалъ о Никонѣ, мы не пишемъ особо, но это вамъ ясно изъ соборныхъ свитковъ, ибо все, что написано въ нихъ, состоитъ изъ отвѣтовъ на слышанное нами отъ Мелетія и сказанное имъ о киръ Никонѣ“. (III,352 изъ письма Нектарія къ Царю). Патріархъ Нектарій на свиткѣ написалъ еще отъ себя въ Молдавіи, что Патріарха могутъ судить одни епископы въ своей Церкви, но, вопреки желанію Лигарида, было прибавлено, что Никонъ долженъ быть потребованъ лично и выслушанъ. Было еще непріятное Лигариду постановленіе о томъ, что, если сужденіе своего Собора отвергается под-

судимымъ, то судъ вселенскаго престола и другихъ патріарших престоловъ окончателенъ; свитокъ не указывалъ, что рѣшеніе, въ немъ данное, преграждаетъ путь къ апелляціи, а Нектарій даже приписалъ, что, въ случаѣ непринятія суда подсудимымъ, судъ долженъ быть данъ Константинопольскимъ престоломъ и другими вселенскими Патріархами.

Мнѣніе Константинопольскаго Патіарха Діонисія по Никоновскому дѣлу.

Впослѣдствіи весной 1666 г. Діонисій Царьградскій, уже будучи эксъ-Патріархомъ, высказывалъ такое мнѣніе, юридически не имѣвшее уже значенія: „я благословилъ Царя простить Никона, или назначить другого Патріарха на его мѣсто кроткаго и смиреннаго; если Царь боится назначить другого, то мы возьмемъ грѣхъ на себя; Царь—самодержецъ, все ему возможно" (II,XVII). О лишеніи Никона священнаго сана Патріархъ Діонисій ничего не говорилъ, какъ видно; идея же эта еще дальше была отъ Патріарха Нектарія, который писалъ Царю, что Никона надо звать обратно, ибо

Мнѣніе Іерусалимскаго Патріарха Нектарія по дѣлу Никона.

даже со словъ его враговъ нельзя усмотрѣть причины для наказанія Патріарха, ушедшаго отъ непокорнаго народа, какъ Нектарій и писалъ въ особомъ письмѣ Царю отъ 20/III 1664 изъ Яссъ. Онъ полагалъ, что „надо позвать Никона обратно и показать ему патріаршій свитокъ, чтобы онъ въ будущемъ сообразовался съ нимъ. Если онъ скажетъ, что онъ не отрекался отъ каѳедры, а отъ непокорныхъ, то ясно что онъ отвергаетъ нѣкоторыхъ за непослушаніе. Покажи ему свое послушаніе, какъ носителю Божественной благодати, **послушаніе не такое, которое необычно для Церкви, которое дѣйствительно было бы нововведеніемъ, и требованіе котораго со стороны епископа едва ли простительно, но то, которое установлено священными законами.** Такой ходъ дѣла былъ бы наилучшимъ и въ томъ случаѣ, если бы Никонъ сдѣлалъ письменное отреченіе, а тѣмъ болѣе въ данномъ случаѣ, когда, можетъ быть, онъ вовсе не отрекался да, если бы и отрекался, отреченіе не было принято ни Царемъ, ни народомъ." Такъ отнеслись въ дѣйствительности Константинопольскій Патріархъ Діонисій и Іерусалимскій Нектарій, подписавшіе свитки.

Какъ подписали свитки Александрійскій и Антіохійскій Патріархи.

А какъ были увлечены къ подписи другіе два Патріарха, разсказываетъ Лигаридъ (III, 85): „Мелетій, увидѣвъ Патріарха Паисія въ Египтѣ, послѣ многихъ разговоровъ и убѣдительныхъ доказательствъ, достигъ своей цѣли; проѣхавъ затѣмъ на гору Синайскую, онъ ловко убѣдилъ архіепископа Синайскаго Ананія своими медовыми рѣчами. Киръ Макарій былъ въ Гру

зіи, куда поѣхалъ за милостынею; онъ и его привлекъ своими златострунными потоками словъ".

О незаконности суда надъ Никономъ съ точки зрѣнія его составленія.

На Соборъ пріѣхали два Патріарха Паисій и Макарій, но,— не говоря пока о существѣ судопроизводства и о томъ, что судъ и не разбиралъ вовсе и не изслѣдовалъ, и не допрашивалъ Никона по существу тѣхъ обвиненій, о которыхъ высказывался патріаршій свитокъ, и такимъ образомъ никто и не доказывалъ, что онъ именно совершилъ все то, о чемъ отвлеченно разсуждалъ свитокъ,—судъ этотъ самъ по себѣ былъ незаконенъ. Соборъ для законности долженъ быть законно созванъ, и, если по обстоятельствамъ всѣ судьи не могутъ прибыть или даже не могутъ быть приглашены, и нѣкоторые дѣйствуютъ за другихъ, все же необходимо, какъ предпосылка, ихъ согласіе на этотъ Соборъ, и всѣ постановленія Собора должны исходить изъ предположенія ихъ присоединенія къ нимъ. Въ данномъ же случаѣ отдѣльные Патріархи были отысканы, уговорены и куплены и потому никого кромѣ себя не представляли. „Хотя бы всѣ епископы продались за милостыню, пишетъ Пальмеръ, что невозможно при наличности обѣтованія Христа (II,XXXI), природа вещей не мѣняется, и продажное рабское собраніе не можетъ превратиться въ каноническій Соборъ".

Мало того, два Патріарха не имѣли права, согласно ихъ правилъ и обычаевъ, предсѣдательствовать на русскомъ Соборѣ и судить Московскаго Патріарха иначе, какъ въ согласіи двухъ другихъ и по соглашенію съ ними, особенно съ Константинопсльскимъ Патріархомъ. Но они не имѣли ни согласія, ни соглашенія и солгали на судѣ Никону, что имѣли это согласіе, хотя и отнеслись къ Никону какъ къ непокорному за то именно, что онъ требовалъ доказательствъ этого согласія, сомнѣваясь въ ихъ компетенціи. Но они вѣрили, что Царь, которому надо угодить, сумѣетъ добиться согласія другихъ Патріарховъ впослѣдствіи. Судя по свиткамъ, помѣстный Соборъ, не только подъ предсѣдательствомъ двухъ Патріарховъ, но и безъ нихъ могъ судить Никона, но свитки не давали права судить безапелляціонно, ибо оставляли оговорку въ пользу права обращенія къ Константинопольскому Патріарху съ его братьями; въ данномъ же случаѣ было на лицо не общее мнѣніе Патріарховъ, а разныя мнѣнія Патріарховъ. Фактически Никонъ никогда не смогъ бы апеллировать послѣ низложенія, разъ и до суда было перехвачено въ декабрѣ 1665 г. посланное имъ письмо къ Константинопольскому Патріарху, и для него была прекращена возможность свободнаго общенія съ внѣшнимъ міромъ.

Патріархи Александрійскій и Антіохійскій не могли представлять Константинопольскаго Патріарха Парѳенія и Іерусалимскаго Патріарха Нектарія.

Но, помимо всего, въ моментъ суда надъ Никономъ (уже съ конца 1665 г. или января 1666 г.) Константинопольскимъ Патріархомъ былъ Парѳеній IV, который никакъ не можетъ почитаться представленнымъ Патріархами Макаріемъ и Паисіемъ, ибо онъ счелъ ихъ каѳедры вакантными именно за ихъ отъѣздъ въ Москву и участвовалъ въ назначеніи на ихъ мѣсто другихъ Патріарховъ, а Нектарій не могъ быть доволенъ дерзостью Лигарида, имъ отлученнаго въ 1660 г., а теперь руководящаго церковными дѣлами въ Россіи.

Стремленіе оправдаться Патріарховъ Александрійскаго и Антіохійскаго передъ двумя другими за судъ надъ Никономъ.

И Паисію, и Макарію пришлось писать послѣ суда надъ Никономъ оправдательныя письма Парѳенію IV и Нектарію. Они писали Парфенію IV, что они были увѣрены, что Константинопольскій Патріархъ пошлетъ своего представителя, что Нектарій уже уѣхалъ въ Москву; что „они поѣхали, повинуясь Царю, ради поддержанія нашей отеческой вѣры и истинной правды. Они де пріѣхали въ Москву, не нашли Патріарха Константинопольскаго, но уже что сдѣлано, то сдѣлано, и они приступили къ дѣлу, уже разсмотрѣнному раньше помѣстнымъ Соборомъ совершенно правильно и по канонамъ и совершенному уже по патріаршимъ свиткамъ“ (весной 1666 г.). Они пишутъ теперь о низложеніи Никона, чтобы будущій Патріархъ могъ поминаться ими въ Св. диптихахъ. Далѣе указывается существенный мотивъ, который долженъ былъ воздѣйствовать и на Константинопольскаго Патріарха. Они пишутъ, что „обычныя милостыни вселенской Церкви и другимъ бѣднымъ Патріархатамъ будутъ теперь повторены и будутъ даже увеличены и болѣе удовлетворительны. И за это мы ручаемся и объ этомъ стараемся изо всѣхъ силъ.“

Іерусалимскому Патріарху они тоже писали, что увѣрены были видѣть его въ Москвѣ, что видѣли его приписку къ свитку, сдѣланную какъ бы въ виду осужденія Никона и, „опираясь на это, мы низложили Никона“. Они освободили изъ заточенія посланнаго Патріарха Нектарія Савватія; „изслѣдовавъ истину (черезъ Лигарида, котораго испросили у Царя въ помощники), мы, согласно каноновъ и нашихъ патріаршихъ свитковъ, лишили Никона права священнослуженія“. Царь достигъ возстановленія на каѳедрахъ Паисія и Макарія уже черезъ преемника Парѳенія IV Патріарха Меѳодія, но и Парѳеній уже получилъ царскую милостыню и занесъ въ диптихи новаго Патріарха Іоасафа II, тѣмъ признавъ низверженіе Никона; Нектарій также покорился въ дѣлѣ Никона, но не въ дѣлѣ Лигарида. Еще не

успѣли уѣхать Паисій и Макарій изъ Москвы, какъ Нектарій нанесъ ударъ Лигариду.

Патріархъ Нектарій Іерусалимскій возбуждаетъ дѣло о Лигаридѣ.

Онъ привлекъ вниманіе Парѳенія IV, какъ Константинопольскаго Патріарха, на сочиненіе Лигарида „Исторія Іерусалимскихъ Патріарховъ“ написанное еще много лѣтъ назадъ въ католическомъ духѣ, и оба Патріарха анаѳематствовали и сочиненіе, и автора. Нектарій написалъ цѣлое письмо, объявляя Лигарида латинскимъ еретикомъ и рекомендуя его держать взаперти, чтобы онъ не ушелъ къ своему старому господину, къ папѣ, и не выдалъ государственныхъ тайнъ. Царь сталъ хлопотать за Лигарида, какъ еслибы Лигаридъ былъ низложенъ Нектаріемъ только за латинство и за неканоническое отсутствіе изъ своей Газской Митрополіи, и написалъ въ его защиту Нектарію весной 1669 г. и Патріарху Меѳодію посланія съ просьбой его простить и востановить на его каѳедрѣ. Въ іюлѣ эти письма были въ Константинополѣ, и Досиѳей, ставшій Патріархомъ послѣ отреченія Нектарія, отвѣтилъ, что возстановить его на каѳедрѣ — дѣло не Константинопольскаго Патріарха, что Лигаридъ былъ низвергнутъ и анаѳематствованъ Нектаріемъ не за латинство, а за преступленія, которыя онъ по скромности не смѣетъ и назвать, что онъ далекъ отъ покаянія, но изъ уваженія къ царской просьбѣ, такъ какъ Царь пишетъ, что Лигаридъ принесъ много пользы ему и довелъ царство до добраго конца, Досиѳей готовъ вмѣнить ему преступленіе въ добродѣтель и дать ему разрѣшительную грамоту; причемъ прибавилъ, что ждетъ милостыни отъ Царя—единственной надежды. Разрѣшительная грамота датирована Октябремъ 1669 г. изъ Филиппополя, причемъ Досиѳей добавилъ, что онъ рекомендовалъ Нектарію и всему Собору также разрѣшить Лигарида, „какъ онъ разрѣшенъ нами за преданность самодержавнѣйшему Царю“. 24 января 1670 г. Царь получилъ и показалъ Лигариду эту грамоту, чтобы онъ реабилитировалъ себя передъ русскимъ духовенствомъ, но Патріархъ Іоасафъ II не удовлетворился этимъ документомъ, какъ неполнымъ и двусмысленнымъ, а черезъ два мѣсяца Лигаридъ снова былъ запрещенъ, и уже на этотъ разъ, несмотря ни на какія усилія Царя, Досиѳей не согласился снять запрещеніе съ Лигарида, который такъ и умеръ въ 1678 г. (Каптеревъ II,511 и 516) подъ запрещеніемъ въ Кіевѣ.

Кто былъ орудіемъ противъ Никона, и кто дѣйствительно его врагомъ. Смыслъ этой вражды.

Лигаридъ дѣйствовалъ, какъ платный адвокатъ. Его нравственная физіономія и способы дѣйствій не требуютъ комментаріевъ. Онъ былъ платный наемникъ, а не дѣйствительный противникъ. Греческіе Патріархи, какъ показываетъ разсказъ объ ихъ дѣйствіяхъ въ дѣ-

лѣ Никона, не являютъ какой либо идейной противоположности Никону: они выслуживали милостыню отъ Царя и бояръ и стали только платными орудіями въ ихъ рукахъ. Дѣйствительнымъ врагомъ Никона былъ и не Царь. Царь спрашивалъ много разъ у него благословенія уже послѣ низверженія изъ сана, какъ бы не признавая послѣдняго, посылалъ ему подарки, просилъ многократно прощенія и даже на смертномъ одрѣ испрашивалъ его, какъ у отца и блаженнаго пастыря, но не получилъ формальнаго прощенія, которое Никонъ обѣщалъ дать подъ епитрахилью, но только въ случаѣ возвращенія его въ Воскресенскій монастырь. **Противникомъ этимъ были бояре, не щадившіе въ обвиненіяхъ на Никона самого Царя**. Между ними шла борьба, быть ли государству русскому Святою Русью, возглавляемой Царемъ, какъ представителемъ верховнаго политическаго принципа, и Патріархомъ, какъ представителемъ высшихъ руководящихъ нравственныхъ и церковныхъ нормъ, обязательныхъ для самого государства, или же ему быть возглавляемымъ только мірскимъ свѣтскимъ началомъ, которое можетъ всегда мѣняться въ зависимости отъ господствующихъ въ каждый данный моментъ философскихъ теченій. Этотъ вопросъ всталъ на Руси не тогда, когда Петръ занесъ послѣдній ударъ надъ Церковью, послѣ своего законодательства о монастыряхъ и о церковной собственности, уничтоженіемъ патріаршества, а тогда, когда стояли лицомъ къ лицу двѣ силы: боярство и Никонъ; боярство достигло того, что изъ патріаршества, какъ учрежденія, была вынута живая душа. Въ какихъ бы нелѣпостяхъ ни обвиняли Никона, **онъ въ концѣ концовъ пострадалъ только за свой уходъ съ каѳедры, бывшій въ основѣ протестомъ противъ секуляризаціи государственной жизни**. Послѣ него оставались титулы, формы временно безъ измѣненія, но дѣйствительной обновляющей силы они не имѣли, и Церковь постепенно переходила на положеніе государственнаго учрежденія изъ самодовлѣющаго самостоятельнаго, хотя бы и поддерживаемаго государствомъ, союза, какимъ хотѣлъ ее сдѣлать Никонъ. Бояре искали подтвержденія своимъ взглядамъ у продажныхъ Патріарховъ съ тѣмъ, чтобы авторитету Никона противопоставить авторитетъ такого же сана, а самого его не только низложить, но и низвергнуть изъ сана, чтобы онъ не могъ быть возстановленъ Царемъ, который могъ покаяться и вернуть Никона.

Подробное разсмотрѣніе вопросовъ, посланныхъ Патріархамъ на востокъ, и отвѣтовъ.

Бояре съ Лигаридомъ разработали вопросы Патріархамъ: первые пять вопросовъ, а также 10, 11, 12, 13, связанны съ взаимоотношеніемъ органовъ власти государственной и церковной; 6-й и 7-ой говорятъ объ отлученіи отъ Церкви. Во-

просы 14-й—20-й посвящены вопросамъ, связаннымъ съ уходомъ Никона съ каѳедры,—8, 9, 21-й, 22-й, 23-й говорятъ о судѣ надъ Патріархомъ и 24-й объ измѣненіи въ богослужебныхъ обрядахъ. Подробное ихъ разсмотрѣніе вызывается необходимостью наглядно видѣть, представляли ли отвѣты безпристрастное отвлеченное опредѣленіе каноническихъ нормъ, или же были приспособленнымъ ad hoc рѣшеніемъ представленныхъ казусовъ; причемъ надо обратить вниманіе, что факты, подлежащіе подведенію подъ нормы, не были установлены и не были выяснены какимъ-либо безпристрастнымъ судомъ, а представлены въ освѣщеніи одной обвиняющей стороны. Если на лицо—второе явленіе, то отвѣты по существу непримѣнимы къ дѣлу, фактическая сторона котораго не подходитъ подъ нормы, указанныя въ отвѣтахъ, наконецъ является вопросъ, безпристрастно ли и достаточно ли ясно безъ двусмыслицъ указаны или составлены самыя нормы для суда. Подробное разъясненіе вопросовъ—отвѣтовъ сдѣлано по Пальмеру, имѣвшему передъ собой и греческій ихъ подлинникъ и подлинный славянскій переводъ и имѣвшему черезъ это возможность установить всѣ фальсификаціи перевода, сдѣланныя явно сознательно.

Глава I отвѣтовъ патріаршихъ свитковъ.

Глава I на вопросъ: „что есть Царь?“ отвѣчаетъ: „по Номоканону, глава V § 2, Царь есть правительство, управляющее по законамъ, общее благо для всѣхъ подданныхъ, дѣлающее благо кому-либо не изъ пристрастія и наказывающее не изъ антипатіи, но по заслугамъ управляемыхъ, подобно посреднику въ играхъ, распредѣляющему награды безпристрастно, и не дающее новыхъ благодѣяній однимъ въ ущербъ другимъ“. Уже самое толкованіе этого мѣста, дышетъ недовѣріемъ бояръ въ виду симпатіи Царя къ Никону, ради которой нарушается обязательный, по ихъ мнѣнію, обычай давать власть только боярамъ, а теперь Царь позволилъ себѣ оказать необычныя милости предоставленіемъ власти и титула Никону, къ униженію знати.

Именно, къ отвѣту приложено такое толкованіе: „Царь, какъ глава и вершина всѣхъ, долженъ творить благо всѣмъ подчиненнымъ ему и не давать благъ изъ пристрастія и преданности не по заслугамъ и отталкивать заслуживающихъ почести, изъ пристрастія по нерасположенію; но, какъ дѣлатель правды, оставляя въ сторонѣ всякое пристрастіе, онъ долженъ распредѣлить ихъ награды по заслугамъ и не оказывать благосклонности отдѣльнымъ лицамъ и не давать имъ какихъ-либо новыхъ или необычныхъ милостей, пользуясь которыми тѣ, будучи недолжно почитаемы ко вреду другихъ, могутъ употребить ихъ къ учиненію смѣшенія и безпорядка и противопоставить своему благодѣтелю (по славянски сказано:..... необычныхъ милостей, не по до-

стоивству получивъ **которыя, люди употребляютъ ихъ къ ущербу другихъ и для безчестія и противодѣйствія своему благодѣтелю**). Поэтому Цари не должны давать свою собственную власть другому или чего-либо необычнаго путемъ предоставленія милостей". Здѣсь упрекъ Царю, что онъ поставилъ Никона выше бояръ, какъ совѣтника Царя и какъ правителя государства, и что имъ пришлось чувствовать себя въ положеніи, подчиненномъ ему. Законъ: „Цѣль Царя есть благодѣтельствованіе своимъ подданнымъ, поэтому, онъ получаетъ титулъ благодѣтеля (benefactor) въ спеціальномъ смыслѣ; и, если онъ не выполнитъ этого назначенія, то искажаетъ, по мнѣнію древнихъ, характеръ царства. Царь поэтому долженъ особо отличаться и быть извѣстенъ своимъ угожденіемъ къ Богу." (По славянски сказано: **долженъ быть поставленъ высоко, т. е. выше всѣхъ, не затѣненъ кѣмъ-либо изъ подданныхъ;** а правильный смыслъ греческаго текста означаетъ, что **Царь долженъ превосходить всѣхъ своими добродѣтелями**). Замѣтимъ, что отвѣты были написаны по гречески а съ греческаго на латинскій ихъ перевелъ для пользованія въ дѣлѣ Никона Лигаридъ, а съ латинскаго переводили ихъ другіе. Но славянскій переводъ, оказывается, всегда искажаетъ греческій текстъ такъ, чтобы выявить боярскую точку зрѣнія. Искаженіе перевода касается, когда надо, не только толкованія правилъ, но и самыхъ правилъ, какъ видимъ изъ приведеннаго примѣра. Затѣмъ слѣдуетъ толкованіе „Отсюда вытекаетъ, что Царь есть господинъ всѣмъ своимъ подданнымъ, такъ какъ всѣ повинующіеся ему получаютъ отъ него благодѣянія, и какимъ-либо образомъ противляющіеся получаютъ наказаніе, хотя бы человѣкъ, сопротивляющійся ему былъ высшій предстоятель помѣстной Церкви, ибо онъ не напрасно мечъноситъ, но для награды дѣлающихъ благое (а по славянски переведено: для **награды служащихъ ему хорошо, т. е. прежде всего бояръ) и** для наказанія дѣлающихъ злое. Посему и написано „Бойтесь Бога, Царя чтите" и „Молитесь за Царя."

II-я глава отвѣтовъ патріаршихъ свитковъ.

Любопытно отмѣтить, что отвѣты, вмѣсто того, чтобы указать, что можетъ дѣлать Патріархъ, о сферѣ духовныхъ дѣлъ ничего не говорятъ, а **говорятъ только о сферѣ гражданской и такъ формулируютъ права Царя, что трудно что-либо оттуда изъять; получается впечатлѣніе неограниченной компетннціи Царя.** Однако отвѣты написали лица духовныя, и не могли же они говорить такъ, какъ будто никакихъ полномочій духовной власти нѣтъ, и потому во второй главѣ Вопросовъ говорится только о дѣлахъ гражданскихъ, а именно „всѣ ли, и особенно мѣстный епископъ или Патріархъ, обязаны подчиняться и повиноваться Царю во всѣхъ

гражданскихъ дѣлахъ такъ, чтобы могъ быть только одинъ господинъ, или не должны? Первая фальсификація славянскаго перевода была очень груба и состояла въ простомъ опущеніи слова „гражданскихъ“, которое было въ греческомъ текстѣ. Это вызвало протестъ нѣкоторыхъ русскихъ епископовъ уже послѣ осужденія Никона и потомъ въ славянскомъ переводѣ было написано „въ вещахъ богоугодныхъ“. (Въ славянскомъ переводѣ особенно оттѣнено противопоставленіе двухъ властей: „Такимъ образомъ долженъ ли быть одинъ принципъ власти или нѣтъ?“)

Славянскій переводъ хочетъ вызвать мысль о конкуренціи двухъ властей, какъ будто онѣ не имѣютъ разныхъ сферъ дѣйствія, и какъ слѣдствіе такой постановки—отвѣтъ въ цезарепапистскомъ смыслѣ. Отвѣтъ такой. „Въ 64 гл. Великаго Номоканона напечатано изъ посланія Патріарха Михаила къ императору Мануилу: „Подобаетъ почитать прежде всего Бога, а потомъ чтить Царя (въ славянскомъ переводѣ сказано: не „потомъ Царя“, а „также Царя“), быть вѣрнымъ обоимъ: это— законъ, который издревле поставленъ для всѣхъ людей, чтущихъ Бога“. И такъ какъ эти двѣ вещи—высшій объектъ для всякаго человѣческаго почитанія, въ тѣхъ вещахъ, къ которымъ по существу относится заповѣдь вѣрности къ нимъ (ибо что Богъ—на небѣ и во всѣхъ вещахъ и твореніяхъ, то на землѣ послѣ Бога царское величество и достоинство въ земляхъ, дѣлахъ и лицахъ подъ его господствомъ), мы считаемъ, что какъ отрицающій вѣру въ Бога изгоняется изъ собранія православныхъ, такъ нарушающій вѣрность царской власти и настроенный къ ней измѣннически и нелойяльно (по славянски переведено: обнаруживаетъ себя злобно и лживо), недостоинъ называться христіаниномъ, ибо носящій корону, власть и діадему есть также Христосъ или Божій помазанникъ.

Въ виду этого мы непреложно обязаны соблюдать навсегда благочестивую вѣрность (**а по славянски переведнно: „истинную“**) къ нашему властителю Царю“. Исключеніе слова „благочестивую“ изъ славянскаго перевода имѣетъ въ виду не обусловливать вѣрности къ Царю его христіанскимъ образомъ дѣйствій ибо „благочестивая“ вѣрность налагаетъ на Царя обязательства Царя православнаго, которыхъ цезарепапизмъ не хочетъ поддерживать. Въ посланіи Вселенскаго Патріарха Михаила далѣе сказано: мы соборне приказываемъ и опредѣляемъ, чтобы на будущее время всѣ подымающіеся до высоты (по славянски „достоинства“) первосвященства, то есть до патріаршества, давали то же обязательство, какъ обезпеченіе ихъ вѣрности къ властителю-Царю, какъ они даютъ относительно ихъ чувствъ къ Богу“. Приводя далѣе присягу Патріарха въ вѣрности и лойяльности Царю, отвѣтъ утверждаетъ, что Царь—одинъ господинъ и судья во всѣхъ политическихъ дѣлахъ, и что

Патріархъ подчиненъ ему, какъ поставленному въ высшемъ достоинствѣ и отмстителю Божію. Въ славянскомъ переводѣ это именно мѣсто сначала было искажено опущеніемъ слова „политическій“, а потомъ было переведено такъ: „отъ сихъ познавается единого Царя Государя быти и владычествующа всея вещи благоугодныя“. Русскій переводъ сдѣланъ недобросовѣстно. Въ греческомъ подлинникѣ сказано: „Βασιλέα κύριον εἶναι καὶ ἐξουσιαστὴν πάντος πολιτικοῦ πάγματος μόνον“, т.е. во всякомъ дѣлѣ государственно мірскомъ, а „не всея вещи благоугодныя“, что и неясно. Такая же неточность въ переводѣ другого мѣста. Въ подлинникѣ стоитъ: „ὑπείκειν καὶ ὑποτάσσεσθαι τῷ ἡγεμονεύοντι Βασιλεῖ, κατὰ πάσας τὰς πολιτικὰς ὑποθέσεις καὶ κρίσεις“, а не „по разуму и вещи благодостойной“. Послѣднее относится къ вопросу:“ что есть Царь? Должны ли суть вси весьма, паче же мѣстный епископъ, или Патріархъ, повиноватися и послушати царствующаго Царя по **разуму и вещи благодостойной**, такъ быти ли единому началу или ни?“ Отвѣтъ говоритъ далѣе болѣе подробно, что незаконно Патріарху хотѣть или дѣлать что-либо въ политическихъ дѣлахъ вопреки рѣшенію Царя; не подобаетъ Патріарху передѣлывать и старые чины и обычаи и вводить новыя службы въ Церковь или ставить подъ вопросъ, или отмѣнять формы Св. литургіи, установленныя канонами литургіи Св. Іоанна Златоуста, Василія Великаго и Преждеосвященной. Но онъ долженъ соблюдать къ Царю вѣрность и долженъ имѣть неизмѣнное сужденіе о церковныхъ преданіяхъ и обычаяхъ и не вводить туда новостей. Если онъ дѣлаетъ иначе и выявляется непочтительнымъ къ Царю или церковнымъ постановленіямъ, то мы объявляемъ, что онъ теряетъ свое достоинство, такъ что далѣе не только не можетъ называться епископомъ, но и называться христіаниномъ, ибо это показываетъ, что не долженъ называться отъ Христа, что онъ безпокоитъ (по слав. „отвергаетъ и гнѣваетъ“) помазанника Божія—Царя. Такъ по смыслу свитковъ всякое неповиновеніе Царю влечетъ потерю сана, не различая дѣлъ церковныхъ и гражданскихъ, и только въ началѣ цитируемой грамоты Патріарха Михаила глухо говорится какъ будто о двухъ различныхъ сферахъ: повиновенія Богу и повиновенія Царю-безъ какихъ, либо, однако, практическихъ выводовъ изъ этого и соотвѣтственныхъ указаній. Не только ничего не говорится о дѣлахъ чисто церковныхъ, требующихъ другихъ даровъ благодати, но въ дальнѣйшихъ главахъ какъ бы устраняется для церковной власти самая возможность отстаивать свои права.

III глава отвѣтовъ патріаршихъ свитковъ.

Въ виду взятаго Никономъ передъ поставленіемъ на патріаршество обѣщанія слушаться въ дѣлахъ духовныхъ и позже отмѣны нѣкоторыхъ частей Уло-

женія, въ III главѣ поставленъ вопросъ: правильно ли, чтобы подобно тому, какъ Патріархъ даетъ письменное обѣщаніе вѣрности Царю, такъ и Патріархъ испрашивалъ бы письменное обѣщаніе Царя? Отвѣтъ усматриваетъ въ этомъ установленіе двухъ соперничающихъ принциповъ, между тѣмъ какъ въ монархіи монархъ—основа всему. „Ибо, гдѣ два принципа власти не въ подчиненіи одинъ другому, а взаимно независимые, тамъ—споръ (по-славянски вражда и скандалъ) и разрушеніе. Потому и приведены слова Спасителя, гласящія: „Всякое царство, раздѣлившееся въ себѣ самомъ, должно погибнуть". Такъ что просить объ этомъ (подразумѣвается, какъ сдѣлалъ Никонъ передъ вступленіемъ на патріаршество) есть знаменіе измѣны и не лойяльности (по славянски сказано: просить такой вещи отъ Царя есть знакъ коварства или плутовства и актъ безстыдства) и актъ тайнаго заговора противъ мира. Такой долженъ быть низвергнутъ и сосланъ, какъ возставшій противъ царской власти (по славянски сказано: такой долженъ быть низвергнутъ, какъ воюющій противъ престола царскаго). Славянскій текстъ придаетъ такому дѣянію оттѣнокъ иной: не заботы о направленіи дѣятельности Царя, а борьбы противъ основъ его власти; поэтому первосвятитель не можетъ брать обѣщаній отъ Царя.

IV-ая глава свитковъ и V-ая.

Въ IV главѣ говорится, что, если епископъ проситъ Царя разрѣшенія осуществить гражданскую власть въ своей епархіи, то это—святотатство, развѣ что самъ Царь его ставитъ тамъ управителемъ, согласно Атталіону; V глава говоритъ о связующей силѣ царскаго закона, имѣя въ виду Уложеніе особенно съ его свѣтскимъ судомъ надъ духовенствомъ. Никто не смѣетъ противиться царскому приказу, ибо это—законъ, не можетъ противиться даже церковный глава, хотя и Патріархъ. Всякій противодѣйствующій приказу Царя долженъ быть наказанъ, какъ дѣйствующій вопреки закона. Первенство канона надъ закономъ, установленное въ лучшія времена Византіи, здѣсь похоронено, и какъ въ языческой имперіи, возглашается quod principi placuit legis habet vigorem.

X, XI и XII главы отвѣтовъ патріаршихъ свитковъ.

Другіе вопросы, касающіеся соприкосновенія двухъ властей, возбуждаются въ X, XI и XII гл. Вопросъ въ X главѣ спрашиваетъ: позволено ли кому либо, будетъ ли то Патріархъ, Митрополитъ или Епископъ, давать самому себѣ письменно какіе либо титулы, которые угождаютъ его гордости, и повреждать титулъ, данный ему канонически, или называть себя государемъ, разъ этотъ титулъ принадлежитъ свѣтскимъ правителямъ? Вопросъ относительно Никона, который имѣлся въ виду, поставленъ ошибочно, ибо Никонъ не присвоилъ себѣ этотъ титулъ, а получилъ

отъ Царя. Но по этому поводу ведется разсужденіе о гордости, благодаря которой папа отдѣлился отъ общенія остальныхъ патріарховъ, обогатился привиллегіями; говорится, что тѣ епископы, которые ищутъ или желаютъ присвоить себѣ необычные титулы и называться государями, какъ ищущіе мірской славы и упитанные гордостью, за присвоеніе привиллегій, не данныхъ имъ святыми Соборами или Царями подлежатъ лишенію епископскаго достоинства, какъ не подражающіе кроткому Спасителю Христу, но ищущіе почитанія и титуловъ, какъ носители сатанинской гордости, подражающіе гордости сатаны, обѣщавшаго Спасителю царства земныя, въ то время, какъ они должны называться слугами и смиренными". Что иное для нихъ, какъ не низверженіе съ епископской каѳедры?" Отвѣтъ не можетъ относиться къ Никону, ибо не онъ присвоилъ себѣ титулъ, да и титулъ этотъ означаетъ лишь положеніе Патріарха въ государствѣ, а не какія—либо права свѣтской власти. Также неправильно имѣть въ виду Никона, обвиняя, его намекомъ на присвоеніе титула Патріарха Великой, Малой и Бѣлой Россіи, который предписанъ былъ Царемъ, а не Никономъ, для многолѣтій и другихъ случаевъ, а между тѣмъ это имѣетъ въ виду вопросъ въ главѣ XI. Никонъ не осуществлялъ правъ, какъ Патріархъ Малой Россіи, а отвѣтъ говорилъ, что, если епископъ совершитъ посвященіе внѣ границъ своей епархіи, то низвергается вмѣстѣ съ посвященнымъ и теряетъ каѳедру, какъ нарушитель отеческихъ установленій. Обѣ эти главы поражали косвенно только Царя, а не Никона, ибо вмѣшательство въ церковное управленіе Малороссіи посредствомъ назначенія туда епископа Меѳодія мѣстоблюстителемъ митрополіи Кіевской было совершено въ 1661 г., уже послѣ ухода Никона, Царемъ и его орудіемъ-митрополитомъ Питиримомъ,—вопреки запрета Никона. Что касается титула Великаго Государя, то онъ данъ самимъ Царемъ, а не присвоенъ Никономъ самовольно. Также, какъ и только что разсмотрѣнныя главы, глава XII поражаетъ косвенно Царя. Царь жаловалъ его Воскресенскій и Иверскій монастырь вотчинами, и онъ же пожаловалъ владѣнія Коломенской епархіи Воскресенскому монастырю, послѣ того, какъ эти владѣнія были отобраны въ казну при перенесеніи этой епископіи въ Вятку въ 1657 году, что было сдѣлано въ результатѣ соборнаго постановленія. Никонъ съ разрѣшенія Царя предпринялъ постройку своихъ монастырей.

Если Никона обвиняли въ постройкѣ монастырей безъ согласія Собора, то это исходило изъ неправильнаго толкованія 34 апостольскаго правила. Оно оканчивается такъ: „но и первый епископъ равно не можетъ ничего предпринять безъ согласія прочихъ". Подъ словомъ „ничего" надо разумѣть „ничего чрезвычайнаго", какъ это имѣетъ мѣсто

и въ отношеніи епископовъ; глосса прямо и говоритъ: „ничего такого же (чрезвычайнаго)“. А для законнаго основанія монастырей требуется только согласіе и благословеніе Епископа (IV Вс. Соб., 25, 24; VI Вс. Соб. 49; I—II Соб., I Пальмеръ I, 94) Но теперь поставили вопросъ: можетъ ли епископъ расходовать церковные доходы на что онъ хочетъ и основывать на нихъ монастыри, или колонизировать земли. Привлекли каноны 38 ап. пр. и 25 Ант., что епископъ можетъ властно распоряжаться церковной собственностью, но ничего брать себѣ или родственникамъ; что собственность епископа и Церкви различны. Отвѣтъ рѣшаетъ, что епископъ не можетъ основывать монастыри и колонизировать страны, независящія отъ Церкви, но ему самому принадлежащія. Поэтому де незаконно (I—II Соб. 7 пр.) Епископу основывать свой монастырь или дѣлать какую-нибудь перемѣну къ ущербу своей каѳедры. Это былъ намекъ на перенесеніе Никономъ домовъ и земельныхъ владѣній въ зависимость отъ Иверскаго, Крестнаго и Воскресенскаго монастырей Никонова основанія. За это отвѣтъ требовалъ наказаній и требовалъ новыя собственности или зависимости, созданныя Никономъ, присоединить къ епархіи въ собственность, какъ если бы не было никакого монастыря. Если монастырь въ предѣлахъ епархіи, все просто, а если за ея предѣлами, то монастырь со всѣмъ его достояніемъ долженъ быть подчиненъ той каѳедрѣ, въ которой находится, и мѣстный епископъ долженъ имѣть надъ нимъ обычныя права епископа. Всѣ мѣны имущества, пожалованія Царя, покупки Никона для своихъ монастырей дѣлались именно для монастырей, а не лично для него и были завѣщаны имъ не родственникамъ, а Московской епархіи, а потому каноны эти не подходятъ къ случаю съ Никономъ. Но эти пріобрѣтенія были вопреки духу Уложенія и, какъ свидѣтельства и память вліянія Никона, были ненавистны боярамъ и подлежали съ ихъ точки зрѣнія уничтоженію. Это былъ дѣйствительный протестъ бояръ противъ царскихъ распоряженій, ибо все это сдѣлано съ разрѣшенія Царя, и самыя богатыя пожалованія исходили именно отъ него. Держась теоріи симфоніи властей, Никонъ всегда прибѣгалъ къ содѣйствію царской власти, коль скоро вопросъ выходилъ за нѣдра Церкви. Онъ принципіально отстаивалъ свое преимущественное право назначать на духовныя должности и ставилъ выше авторитетъ Патріарха въ дѣлахъ чисто церковныхъ, хотя и въ нихъ не избѣгалъ содѣйствія свѣтской власти (участіе Царя въ церковныхъ соборахъ Никонъ даже подчеркивалъ въ своихъ вступительныхъ рѣчахъ на Соборахъ). но въ вопросахъ смѣшанныхъ онъ опредѣленно искалъ этого содѣйствія и въ защитѣ церковныхъ имуществъ опирался на царскія грамоты и на заклятія, въ нихъ самими Царями помѣщенныя.

Мы можемъ припомнить, что свое участіе въ государственныхъ дѣлахъ онъ именовалъ службой своей Царю, за которую и получалъ пожалованія въ видѣ земельныхъ пожалованій его монастырямъ.

XIII глава свитковъ.

Онъ былъ призванъ къ тому Царемъ, и потому глава XIII, гдѣ спрашивалось, можетъ ли Епископъ или Патріархъ безнаказанно становиться въ положеніе пекущагося о свѣтскихъ дѣлахъ и руководить дѣлами политическими,—также направлена была противъ Царя въ цѣляхъ ограниченія его при выборѣ въ совѣтники и регента. Забыты традиціи, ставившія Патріарха въ положеніе опекуна царскихъ дѣтей и замѣстителя государя въ его отсутствіе, забыто значеніе Патріарховъ въ смутное время по объединенію и пробужденію національнаго самосознанія, пренебреженнаго боярами при выборѣ королевича Владислава на Московскій престолъ—и всему этому противопоставленъ рядъ каноновъ, запрещающихъ епископу, какъ и всякому клирику, брать на себя мірскія попеченія, и налагающихъ низверженіе за принятіе на себя таковыхъ. Какъ выводъ изъ нихъ, устанавливается, что епископъ ищущій вмѣшательства въ политическія дѣла (а по славянски переведено даже: **брать руководство свѣтскими дѣлами и возвеличиваться при** руководствѣ ими) и возносящійся свѣтскими правами, подлежитъ низверженію изъ епископства какъ презритель церковнаго управленія (а по славянски: какъ не заботящійся о величіи Церкви), Что каноны запрещаютъ клиру всякое занятіе свѣтскими дѣлами ради корысти—это вѣрно, но чтобы признать, что они исключали помощь государству со стороны Церкви въ видѣ временнаго служенія, государствомъ испрошеннаго, да еще въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, этого запрета тамъ не видно: за это Церковь не осудила память святителей Петра, Алексія, Іоны и Филиппа, а причислила ихъ къ лику святыхъ, хотя ихъ вмѣшательство, можетъ, было глубже Никоновскаго въ государственныхъ дѣлахъ; но Никона надо было во что бы то ни стало низвергнуть изъ сана, чтобы онъ опять не оказался совѣтникомъ Царя, а потому надо собрать все, за что можно зацѣпиться, чтобы подвести его подъ какой-либо карающій канонъ, хотя бы съ искаженіемъ дѣйствительныхъ фактовъ.

Онъ совершилъ много покушеній на нововведенія въ Церкви въ смыслѣ нарушенія установившихся съ половины XV вѣка церковно-государственныхъ отношеній, и ему ставится въ вину критическое отношеніе къ нимъ, провѣрка ихъ съ точки зрѣнія канонической нормы, дѣйствительно ли такъ и подобаетъ быть, какъ сложилось. У него надо отыскать вины, и ему инкриминируется и вторичная хиротонія и отреченіе отъ каѳедры, котораго не было и истре-

бованіе обѣщанія отъ Царя предоставить Никону канонически управлять Церковью и наложенія на себя самоограниченія, вытекающаго изъ положенія, какъ православнаго Царя (I, 583); инкриминируется Никону требованіе извѣстной самостоятельности въ церковныхъ дѣлахъ при назначеніи и поставленіи архимандритовъ, игуменовъ (II,110,169). Истолковывается по своему участіе Никона въ государственныхъ дѣлахъ и его мнимая гордость и честолюбіе, которыми страдалъ не онъ, а его обвинители—бояре, обвинявшіе его по закону духовной жизни въ своемъ грѣхѣ, —они доказывали черезъ Лигарида и Патріарха, что онъ подлежитъ низверженію съ престола и изъ сана.

Лигаридъ и бояре не разграничивали въ вопросахъ Патріархамъ сферы церковной отъ сферы свѣтской и о сферѣ церковной ничего не сказали; ограниченіе свѣтской власти дѣлами политическими было только бѣглое указаніе безъ развитія принципа, а на ряду съ этимъ требованіе Патріарха дать обязательство повиноваться закону Бога и святымъ канонамъ разсматривалось, какъ введеніе двухъ началъ, и потому, какъ возмущеніе, достойное низложенія.

Истинный двигатель всѣхъ этихъ обвиненій была боярская спѣсь. „Царь обидѣлъ насъ своимъ пристрастіемъ, показывая недолжныя милости своей дружбы отдѣльному лицу, крестьянскому сыну, давая ему необычныя почести, отдавая ему свою славу, позволяя ему затѣнить себя, давая обѣщаніе, вопреки обычая и Уложенія, признавая какъ бы дуализмъ началъ, позволяя ему пріостанавливать Уложеніе, принятое высшей властью, давая титулъ, присвоенный только свѣтскимъ правителямъ, помагая ему основывать монастыри, одаряя ихъ землями, вовлекая его въ политическія дѣла“. Все это боярамъ нестерпимо и, не вникая во внутреннюю духовную суть Никоновской работы по оцерковленію государства, они его преслѣдуютъ, какъ своего, врага, исповѣдующаго отвратные для нихъ идеалы, могущіе только мѣшать ихъ власти; въ Никонѣ для нихъ непріемлемо было также и то, что онъ своей личностью восполнялъ волевую слабость Царя, и потому, удаляя Никона, они удаляли отъ Царя того, кто помогъ бы ему справиться съ боярствомъ, справиться съ тѣмъ, что Бѣловъ въ своей цитированной книѣ назвалъ столѣтней боярской реакціей царствованію Грознаго.

Глава XIV—XX патріаршихъ свитковъ. Гл. XIV.

Но какъ бы чувствуя хрупкость нагроможденныхъ и натянутыхъ обвиненій, ему предъявляютъ обвиненіе въ отреченіи отъ каѳедры въ томъ видѣ, какъ оно установлено уже лживыми показаніями митрополита Питирима и князя Трубецкого, безъ допроса не только самого обвиняемаго, но и его сторонниковъ. Вопросы въ главахъ XIV—XX спрашиваютъ, что дѣлать за то, чего въ

дѣйствительности Никонъ не сдѣлалъ, но что враги его ему приписали, и стремятся представить его не только достойнымъ низверженія изъ сана, но и заслуживающимъ наказанія отъ свѣтской власти. Въ главѣ XIV спрашивается, можетъ ли епископъ, ушедшій въ разрядъ каящихся, претендовать на осуществленіе епископскаго достоинства. Канонъ 2-й Собора Св. Софіи говоритъ, что пусть въ этомъ случаѣ онъ не ищетъ епископской чести. „Отсюда вытекаетъ, что епископъ, ушедшій послѣ оставленія престола для для того, чтобы быть на покоѣ и жить въ покаяніи, не можетъ больше возвращаться на свой престолъ и искать епископской чести и лизать блевотину вслѣдствіе перемѣны настроенія (въ славянскомъ переводѣ особо подчеркнуто: никоимъ образомъ не можетъ претендовать на свою прежнюю каѳедру, ни возвращаться въ свою епархію, ни искать своего епископскаго достоинства, ибо это было бы похоже на пса, лижущаго то, что разъ изблевалъ по своей волѣ). Въ этой главѣ природа ухода Никона искажена. Отвѣтъ пріуроченъ къ его словамъ 10/VII 1658 въ Соборѣ о пастырѣ, обвиняющемъ во всемъ себя, нѣкоторыми свидѣтелями пріуроченнымъ къ его собственному уходу, но не самимъ Никономъ, который уходилъ, какъ епископъ, захвативъ съ собой епископскія одежды, и отрекался „въ особомъ смыслѣ“ (V, 683), подобно Мартирію Антіохійскому, который отказался оставаться пастыремъ изъ-за непослушанія людей (IV, 133).

Глава XV свитковъ. Глава XV ставитъ вопросъ: „если епископъ или Патріархъ, оставивъ свою каѳедру безъ принужденія и публично снявъ священническія одежды говоря, что не хочетъ быть больше епископомъ или Патріархомъ и уйдя съ своей каѳедры безъ вѣдома свѣтской власти, уйдетъ, чтобы быть на покоѣ, сознавая себя недостойнымъ дѣйствовать какъ, епископъ, то можетъ ли онъ вернуться послѣ къ тому, что онъ презрѣлъ и отъ чего ушелъ“? По славянски сказано въ отвѣтъ: вышесказано, что епископъ, ушедшій самъ въ мѣсто кающихся безъ насилія или принужденія гражданскихъ правителей, не можетъ претендовать на обратное занятіе каѳедры и не можетъ требовать епископской чести. Ибо никто по Божественному слову, прилагающій руку къ плугу, не отнимаетъ ее обратно. Ибо плугъ есть покаяніе, черезъ которое мы пожинаемъ плоды спасенія“. Отвѣтъ останавливается на томъ, что снимать одежды передъ многими и при снятіи каждой говорить: „Я не достоинъ“—не оставляетъ больше мѣста для вторичнаго облаченія въ нихъ послѣ такого сниманія“. Почему такой и не можетъ быть принятъ обратно и искать епископскаго достоинства“. По поводу этого вопроса необходимо вспомнить, что сказалъ самъ Никонъ Симеону Стрешневу (I, 21) на его вопрсъ, до-

статочно ли отреченіе устное или должно быть письменное: „Ты былъ ли въ Соборѣ? И слышалъ ли самъ отреченіе? или другіе сказали тебѣ объ этомъ?“ А на судѣ Никонъ сказалъ, что его отреченіе выдумано, и отрекался онъ въ своемъ особомъ смыслѣ, т. е. не отъ престола, а только отъ непокорнаго народа. А Лигарида (І, 23) онъ спрашивалъ: „развѣ, когда вы служите, то окончивъ литургію, не снимаете священныя одежды?... Ты говоришь, что я говорилъ, что я не достоинъ быть Патріархомъ и болѣе не Патріархъ; откуда ты это досталъ? Уходя изъ Москвы, я этого не говорилъ а свидѣтельствовалъ напрасный царскій гнѣвъ на меня передъ небомъ и землей“... А въ другомъ мѣстѣ Никонъ (,І 104), утверждаетъ, что „онъ свидѣтельствовалъ при уходѣ объ обѣтѣ Царя, о неисполненіи этого обѣта, объ его напрасномъ гнѣвѣ, и потому ушелъ не безъ вѣдома Царя, но Царь принуждаетъ называть этотъ актъ свидѣтельства причины моего ухода отреченіемъ. Никонъ посылалъ Царю объяснительное письмо объ уходѣ, но Царь его принялъ (І,673) и отослалъ обратно. Совершенно очевидно, что отвѣтъ дается не о дѣйствительномъ фактѣ, а на боярскую версію объ уходѣ Никона, зафиксированную Соборомъ 1660 г. подъ давленіемъ правительства.

Глава XVI свитковъ.

Глава XVI заключаетъ вопросъ, что дѣлать, если послѣ фактическаго оставленія епископъ приглашается черезъ извѣстныхъ людей или черезъ письмо правителя, можетъ быть, даже лично имъ (послѣднее предположеніе выкинуто въ славянскомъ переводѣ), а онъ, поднявшись противъ правителя, не вернется? Отвѣтъ ссылается на — правило „епископъ, который, будучи призванъ на Соборъ, пренебрежетъ призывомъ, развѣ что имѣются чрезвычайныя препятствія, подлежитъ наказанію, но, если далѣе, находясь среди множества своего народа, онъ презираетъ братскую любовь, то пусть будетъ наказанъ свѣтской властью“. Отсюда ясно, что такой упорный человѣкъ не подлежитъ призыву, ибо 1) онъ пренебрегъ врученнымъ ему христіанскимъ обществомъ, 2) онъ оказалъ пренебреженіе каѳедрѣ, 3) онъ ушелъ на покаяніе и созналъ себя недостойнымъ епископскаго служенія безъ (слав.: какого либо) принужденія, 4) онъ упорствуетъ въ неповиновеніи (слав. въ нераскаянности и неповинности) и упорствуетъ, отказываясь уступить просьбамъ, приглашающимъ его обратно, хотя бы это былъ самъ государь“. Однако **цитируемые каноны говорятъ объ обратномъ приглашеніи епископа со стороны Собора**, а такого приглашенія Никону и не было. О приглашеніи же со стороны государя каноны ничего не говорятъ, и это— произвольный выводъ изъ кановов. Между тѣмъ отвѣтъ продолжаетъ, что такой не подлежитъ обратному принятію на-

епископское служеніе, а долженъ быть наказанъ свѣтской властью, какъ частное лицо (слав. переводъ: какъ простой монахъ). Вотъ это—конечная цѣль отвѣтовъ—наказаніе Никона свѣтской властью для полнаго его обезвреженія, но совершенно ясно, что цитированное правило нисколько къ нему не относится, ибо Соборъ Никона не приглашалъ возвращаться, а приглашеніе власти свѣтской не можетъ быть сравниваемо съ приглашеніемъ со стороны Собора; кромѣ того, приглашеніе князя Трубецкого Никону 10/VII 1658 не уходить не можетъ считаться за серьезное приглашеніе вернуться, и Никонъ объяснилъ причину ухода, о ликвидаціи которой не было никакого намека, несмотря на то, что онъ ждалъ еще двое сутокъ на подворьѣ въ Москвѣ.

Глава XVII свитковъ. Глава XVII говоритъ о совершеніи епископскихъ дѣйствій и совершеніи посвященій епископомъ, ушедшимъ съ каѳедры. Отвѣтъ назначаетъ за это отлученіе и опять наказаніе отъ свѣтской власти, ибо де, если низвергается посвятившій внѣ своей епархіи, то тѣмъ болѣе тотъ, кто, совершивъ отречечіе и отъ священныхъ одеждъ, и отъ служенія, продолжаетъ простирать свои руки для передачи благодати Св. Духа, отъ служенія Которому онъ самовольно отказался. Опять рѣшается вопросъ, непримѣнимый къ Никону въ виду другой природы его ухода, которая не изслѣдовалась безпристрастно а устанавливалась съ преднамѣренной цѣлью установить безпричинность его добровольнаго оставленія и отреченія отъ каѳедры.

Глава XVIII свитковъ. Глава XVIII задаетъ вопросъ, законно ли епископу оставить свою епархію и идти куда захочетъ безнаказанно. Отвѣтъ цитируетъ — правило „пускай епископъ не уходитъ, развѣ, что съ согласія перваго престола страны, къ которой принадлежитъ епископъ, ищущій уйти, т. е., если не получитъ отъ самого первосвятителя спеціальную отпускную грамоту". Отвѣтъ говоритъ, что подъ спеціальной грамотой надо понимать или грамоту отъ высшаго церковнаго начальства, если есть двойное подчиненіе, или отъ того, кто первый начальникъ въ политическомъ отношеніи. Пальмеръ замѣчаетъ, что если бы Никонъ прочелъ это, то назвалъ бы это безсмыслицей или вздоромъ, и самъ онъ въ другомъ мѣстѣ (IV, 610) называетъ требованіе отъ Никона спрашивать согласіе Царя на уходъ абсурдомъ. Приводя различныя глоссы и прибавляя къ нимъ свои толкованія, въ которыхъ проводится мысль, что для ухода необходимо согласіе или перваго въ церковномъ отношеніи, или перваго въ гражданскомъ, славянскій переводъ старается опредѣлить понятіе ухода возможно уже: уходъ съ каѳедры на лицо уже тогда де, когда епископъ оставилъ свою со-

борную церковь, даже если онъ продолжаетъ находиться въ предѣлахъ своей епархіи. Сами же глоссы, цитируемыя въ свиткахъ, не говорятъ этого и уходъ не опредѣляютъ такъ рѣшительно. Цитируемое правило говоритъ: „Святому Собору угодно, чтобы почиталось незаконнымъ для епископа, оставляя свою каѳедру, уходить въ какую либо церковь въ діэцезѣ". Славянскій же переводъ говоритъ не о діэцезѣ, а „внутри своей епархіи", что не соотвѣтствуетъ греческому слову „діэцезъ" — термину цитируемыхъ глоссъ, но зато позволяетъ примѣнить канонъ къ Никону, живущему въ Воскресенскомъ монастырѣ внутри своей епархіи, тогда какъ **канонъ разумѣлъ подъ уходомъ уходъ за предѣлы епархіи, но въ одномъ округѣ (діэцезѣ).** Также глосса Зонары говоритъ: „Епископъ по справедливости и по точности божественныхъ каноновъ долженъ жить въ своей собственной епархіи и учить народъ и управлять имъ, и не оставлять своей собственной каѳедры, т. е. предполагаю я, свой первоначальный престолъ". Славянскій переводъ говоритъ о начальнѣйшихъ престолахъ, имѣя въ виду примѣнить это понятіе къ епископской каѳедрѣ въ его главномъ Соборѣ Успенскомъ, какъ отличномъ отъ тѣхъ каѳедръ, которыя онъ имѣетъ въ каждомъ Соборѣ и Церкви своей епархіи. Славянскій или латинскій исказитель перевода просто выпустилъ „я предполагаю, свой первоначальный престолъ" и замѣнилъ рѣшительно словами „свою соборную церковь". Такое же искаженіе допускаетъ славянскій переводъ и при опредѣленіи наказаній. Такъ переводъ въ посланіи Св. Кирилла къ Домну слова: „если кто отрекся отъ престола и оставилъ стадо врученное ему, тому несправедливо претендовать послѣ этого на служеніе" сдѣланъ такъ: „тому непозволительно послѣ совершать литургію", т. е. переводъ не только лишаетъ ушедшаго каѳедры, но и священнослуженія, потому что считалось опаснымъ оставить Никона только безъ каѳедры, но въ санѣ.

Отвѣтъ считаетъ, что на основаніи 16 пр. Двукрат. Собора безумно думать, что епископъ можетъ отрекаться отъ епископства и удерживать священство, ибо это правило устанавливаетъ, что „кто отсутствуетъ больше 6 мѣсяцевъ изъ своей епархіи, не будучи удержанъ благодостойнымъ препятствіемъ, теряетъ епископство и священство". Насколько же больше совершаетъ преступленіе тотъ, кто отрекся отъ епископства и презрѣлъ заботу о стадѣ, оставивъ его волкамъ; какъ же ему давать право на священство?" Но дѣло въ томъ, что этотъ канонъ даетъ возможность епископу отсутствовать изъ епархіи до 6 мѣсяцевъ по всякой причинѣ, хотя бы для отдыха, но больше онъ можетъ оставаться въ отсутствіи, только если есть на это уважительныя причины, напримѣръ болѣзнь, приказъ Царя или Патріарха. Затѣмъ изъ

канона слова: **„Если епископъ, не заботится о пастырствѣ надъ своимъ стадомъ,“ выпущены въ цитатѣ,** а **между тѣмъ въ нихъ все дѣло, ибо именно истинная забота о стадѣ и недопущеніе свѣтскаго правительства до дѣлъ, принадлежащихъ архипастырству,** и **вынудила Никона уйти.** Вторая часть канона такъ и говоритъ: „Если какой либо епископъ, **не заботится о пастырствѣ надъ своимъ стадомъ,** но уходитъ и остается внѣ своей епархіи больше 6 мѣсяцевъ, не будучи удержанъ болѣзнью или приказомъ Царя и Патріарха, то пусть будетъ лишенъ епископскаго ранга и чести“. Первая часть каноновъ совсѣмъ не подходила для цѣлей отвѣтовъ и потому не цитировалась вовсе, а она гласила: „Ни подъ какимъ видомъ нельзя замѣщать епископскую каѳедру, епископъ которой живъ; ибо необходимо чтобы было обвиненіе въ какомъ либо достаточномъ преступленіи, которое было бы доказано противъ того, кого хотятъ удалить съ каѳедры, и только тогда, когда онъ низложенъ, можно ставить другого“. (IV, 611 прим.). „Имя епископа, говоритъ отвѣтъ, есть выраженіе дѣйствія и энергіи. И кто сбросилъ съ себя энергію, тотъ потерялъ и Церковь. Не будучи способнымъ называться епископомъ, какъ можетъ онъ претендовать на священство? Какъ онъ будетъ называться іерархомъ, если не имѣетъ подъ собой духовенства и не является правителемъ священниковъ? И, если имя іерарха ему не принадлежитъ, то еще меньше можетъ принадлежать активное выраженіе этой іерархіи. (Славянскій переводъ говоритъ рѣшительно: „вслѣдствіе этого еще менѣе онъ можетъ быть компетентнымъ на осуществленіе священства). Наконецъ отвѣтъ хочетъ ослабить прецедентъ, бывшій на III Вселенскомъ Соборѣ, когда епископъ Памфилійскій Евстафій, изъ за трудности епископскаго служенія, оставилъ престолъ, но получилъ разрѣшеніе отъ Собора по своей просьбѣ удержать имя епископа и честь и пріобщеніе по епископскому чину внутри алтаря. Правило утверждаетъ, что Соборъ поступилъ не канонически, а по экономіи изъ необычнаго снисхожденія, и что все же Евстафій не могъ, будто бы, ни служить самъ, ни посвящать, и поэтому отвѣтъ заключалъ: „отрекшійся отъ своей епархіи лишается и чести и осуществленія епископскаго служенія въ соотвѣтствіи съ канонами.“ А славянскій переводъ говоритъ: „заслуженно и канонически.“

Глава XIX свитковъ.

Глава XIX спрашиваетъ, что дѣлать, если епископъ, оставляя свою каѳедральную Церковь, остается въ своей епархіи дольше 6 мѣсяцевъ. Отвѣтъ почитаетъ это даже большимъ преступленіемъ и заслуживающимъ лишенія епископской чести, даже большаго наказанія, чѣмъ остав-

леніе епархіи, ибо здѣсь больше жестокости и затаиванія гнѣва противъ своего стада. Здѣсь то же игнорированіе природы Никоновскаго ухода, какъ ухода отъ зла, по 17 пр. Сардик. Собора, который можно разсматривать, какъ средство архипастырскаго воздѣйствія на пробужденіе совѣсти въ виду данной клятвы.

Глава XX свитковъ.

Глава XX устанавливаетъ, что въ такихъ обстоятельствахъ мѣстный соборъ епископовъ можетъ выбрать другого Патріарха, что IV Вс. Соборъ не допускаетъ вдовства Церкви больше 3 мѣсяцевъ, и игнорирущій это Помѣстный Соборъ самъ подлежитъ наказанію отъ большаго Собора и отъ Бога. Этотъ отвѣтъ не давалъ разрѣшенія трудности вовсе, ибо Соборъ помѣстный можетъ быть созванъ только первымъ іерархомъ, разъ онъ живъ,—во всякомъ случаѣ, не безъ его содѣйствія. Никонъ при томъ отношеніи къ нему, которое установилось съ 1658 г., уже не былъ въ состояніи созвать такого Собора. Мало того, этотъ вопросъ исходитъ изъ того, что разрѣшенъ главный вопросъ объ уходѣ Никона, который былъ квалифицированъ, какъ отреченіе, а самъ Никонъ никогда не измѣнилъ взгляда на него, какъ на уходъ, совершившійся въ силу нарушенія Царемъ клятвы и послѣдовавшаго затѣмъ неправеднаго царскаго гнѣва.

Глава VII, VIII, IX, XXI, XXII, XXIII свитковъ.

Шесть главъ — VII, VIII, IX, XXI, XXII, XXIII, говорятъ осудѣ надъ Никономъ.

Уполномоченъ ли Константинопольскій Патріархъ судить дѣла другихъ Церквей? Отъ него ли окончательный судъ? По 4 Сард. правилу, если какой епископъ низвергается судомъ епископовъ, то онъ можетъ быть возстановленъ только Папой Римскимъ. *) А эта привиллегія перешла къ Константинопольскому престолу послѣ отпаденія Папы, который и рѣшаетъ дѣло, если съ нимъ согласны другіе Патріархи, окончательно. (Здѣсь не разработанъ вопросъ о томъ, всѣ ли епископы могутъ обращаться съ такой апелляціей къ Константинопольскому Патріарху, или только епископы епархій его патріархата). Затѣмъ устанавливается въ главѣ 9, что епископы патріархатовъ, находящихся подъ игомъ невѣрныхъ, не теряютъ права судить въ церковныхъ дѣлахъ. Глава 21 удостовѣряетъ право епископовъ судить своего Патріарха, хоть онъ имъ и отецъ, ибо отецъ онъ имъ въ отношеніи посвященія, но въ отношеніи тожества служенія и величія духовнаго достоинства и духовной власти собратъ и соепископъ служитель одного Бога. Отцовство и сыновство не причемъ, когда вопросъ о правѣ и справедливо-

*) (Сардикскія правила опредѣляли судебныя права Папы, какъ Патріарха, на Западѣ.)

сти, по крайней мѣрѣ во всѣхъ церковныхъ вопросахъ, когда на лицо духовная опасность согласно со словомъ: Тотъ кто мягокъ въ другихъ случаяхъ, когда онъ знаетъ, что Богъ обиженъ, онъ становится по истинѣ воиномъ.

Глава VII говоритъ о возможности для обвиняемаго апеллировать къ Константинопольскому Патріарху, судъ котораго, при согласіи рѣшенія его съ рѣшеніями другихъ патріарховъ, является окончательнымъ. Казалось бы, объ этомъ больше нѣтъ надобности и говорить, но помѣщается двусмысленная глава XXII, допускающая мысль, что судъ уже совершенъ самими свитками, подписанными патріархами.

Глава XXII содержитъ вопросъ о послѣдствіяхъ, если Патріархъ отвергаетъ судъ своихъ епископовъ. Отвѣтъ говоритъ: „судъ, (по славянски вставлено слово „уже") высказанный письменно Вселенской каѳедрой и другими патріархами, согласно канонамъ долженъ имѣть силу противъ него безъ всякаго предлога къ дальнѣйшему спору въ дѣлѣ. Вставленное слово „уже" какъ бы намекаетъ, что этотъ документъ при надобности можетъ быть использованъ какъ окончательное рѣшеніе, составленное заранѣе, какъ и было сдѣлано на Соборѣ 1666 г. Однако греческій текстъ ясно предполагаетъ, что, въ случаѣ апелляціи, патріархи обязаны разбирать дѣло прежде окончательнаго рѣшенія, т. е. вызвать и въ апелляціонную инстанцію обвиняемаго и допросить его лично. Такъ какъ суда Константинопольскаго Патріарха надъ Никономъ не было еще, то и приговоръ его не имѣлъ окончательнаго характера и не могъ быть приводимъ въ исполненіе. Къ тому же Никонъ никогда и не читалъ и не слушалъ патріаршихъ свитковъ, ибо они были прочитаны на судѣ въ томъ засѣданіи, въ которомъ его не было, именно 30/XI, а потому не могъ отвѣтить на нихъ самъ, (Каптеревъ II, 336) и подлиннаго допроса его на судѣ произведено не было по всѣмъ обстоятельствамъ, въ которыхъ онъ обвинялся вь этихъ свиткахъ. Между тѣмъ судъ этотъ почитался окончательнымъ. Глава XXIII о числѣ судящихъ епископовъ допускаетъ ихъ въ числѣ меньшемъ, чѣмъ 12, если обѣ стороны выбираютъ третейскаго судью, и тогда исключается апелляція. Такимъ образомъ допускалось, въ случаѣ ссылокъ Никона на недѣйствительность суда, возразить ему, что онъ самъ согласился на судъ Восточныхъ Патріарховъ, относительно же участія Константинопольскаго Патріарха, онъ былъ обманутъ патріархами во время суда указаніемъ на свитки, какъ будто свитки произносили судъ надъ самимъ Никономъ, а не были только отвлеченнымъ разсужденіемъ о нѣкоемъ епископѣ, совершившимъ то, что разсказывали бояре и Лигаридъ, а не то, что было бы доказано судебнымъ разбирательствомъ.

Глава VI свитковъ.

Глава VI старается опорочить отлученіе на Питирима, Стрешнева, Сытина и Боборыкина, спрашивая, конечно, въ общей формѣ, можетъ ли духовное лицо какого бы то ни было чина отлучать кого захочетъ въ личныхъ дѣлахъ, и связаны ли отлученные такимъ образомъ передъ Богомъ? И подвергается ли неразумно отлучающій церковному наказанію? (Славянскій переводъ говоритъ: отлучающій безъ истиннаго каноническаго суда). Отвѣтъ приводитъ каноны, налагающіе наказаніе за неразумное, поспѣшное и необдуманное отлученіе. Говорится, что власть связывать и разрѣшать дана священникамъ не для того, чтобы это дѣлать по собственному усмотрѣнію, а только такъ, чтобы это угодно было Богу, что можно налагать наказанія за причины, установленныя канонами. Епископъ, совершающій неразумное отлученіе, самъ навлекаетъ тѣмъ самымъ на себя обратное отлученіе. А далѣе обнаруживается истинная движущая боярская пружина, создавшая отвѣты, совершенно не церковнаго характера. „Если не дано разрѣшенія на неразумное проклятіе или отлученіе обыкновеннаго лица, то тѣмъ болѣе запрещено оно по отношенію къ правителю, и къ тѣмъ, которымъ вручена отъ Бога власть правленія". Въ славянскомъ же переводѣ просто сказано, „къ высокопоставленнымъ лицамъ", т. е. боярамъ и епископамъ. По поводу этихъ отлученій можно сказать, что для нихъ Никонъ долженъ былъ по силѣ 34 ап. пр. собирать Соборъ, но на это онъ не имѣлъ никакой возможности, какъ потому, что самъ онъ былъ насильственно разобщенъ отъ архіереевъ, такъ и потому, что всѣ архіереи пошли по человѣкоугодничеству за поставленнымъ Царемъ, независимо отъ Патріарха, мѣстоблюстителемъ Митрополитомъ Питиримомъ, подчинились послѣднему, выйдя изъ каноническаго строя. Никонъ жаловался Константинопольскому Патріарху, что Царь вмѣшивается въ церковныя дѣла: „онъ анаѳематствуетъ за кощунство Стрешнева, а Царь приказалъ не считаться съ этимъ отлученіемъ и почитать его по прежнему". (IV, 411).

XXIV Глава свитковъ.

Глава XXIV спрашиваетъ, можетъ ли епископъ или Патріархъ дѣлать нововведенія и вводить въ свою Церковь необычныя службы или обрядовые обычаи и передѣлывать установленныя литургіи. Отвѣтъ говоритъ, что тотъ, кто дѣлаетъ такія вещи одной своей властью, особенно, если онъ портитъ установленное святыми людьми и признанное святыми отцами и утвержденное давностью, вводитъ свое, тотъ подлежитъ низложенію, (Славянскій переводъ добавляетъ и низверженію изъ сана), какъ дѣлатель смуты, и подлежитъ анаѳемѣ вмѣстѣ со своими нововведеніями. Это положеніе подтверждается ссылкой на Апостола Павла:

„Если кто будетъ проповѣдывать вамъ иначе, то, хотя бы это былъ ангелъ съ неба, анаѳема да будетъ". Вѣроятно, этотъ отвѣтъ призванъ былъ къ примѣненію на тотъ случай, если бы обвиненія, раньше приведенныя, не привели бы къ желанной цѣли; тогда можно было бы подвергнуть разбору всѣ церковныя обрядовыя реформы Никона и въ нихъ найти что либо, не утвержденное Соборомъ. Соборъ 1666 г. изъ всѣхъ нововведеній Никона въ церковныхъ дѣлахъ не утвердилъ лишь его указаніе совершать обряды водоосвященія по случаю крещенія Господня лишь одинъ разъ 5 Января, а также осудилъ его мѣру, состоявшую въ запрещеніи причащать разбойниковъ, пойманныхъ на мѣстѣ преступленія. Мѣру эту Никонъ объявилъ какъ средство борьбы съ разбоемъ, еще въ началѣ патріаршества, надѣясь воздѣйствовать на совѣсть.

Глава XXV свитковъ.

Глава XXV имѣетъ въ виду случай побитія окольничимъ Хитрово 4 іюля 1658 г. посланнаго Никономъ во дворецъ своего человѣка князя Мещерскаго и, въ виду обиды Никона на отсутствіе наказанія Хитрово за эту обиду, спрашиваетъ: если кто побьетъ слугу епископа, или митрополита, или Патріарха, то оскорбленіе переходитъ ли на его господина? (Пославянски прибавлено: „или нѣтъ", какъ бы наталкивая на второй отвѣтъ) и можетъ ли онъ самъ судить обиду или предоставить это свѣтскому суду. Отвѣтъ говоритъ, что не всякая обида переходитъ на господина, а только та, которая ясно имѣла въ виду его. Но, если слуга учиняетъ безпорядокъ и получилъ оскорбленіе или побитіе для приведенія его къ порядку (а въ славянскомъ переводѣ сказано „побитъ и выруганъ безчестящими словами главными боярами Царя") тѣми, которые поставлены для исполненія царскихъ приказовъ, то это оскорбленіе остается на учинившемъ безпорядокъ и не переходитъ на его господина. Если послѣдній недоволенъ, то можетъ обратиться къ гражданскому суду. Но, если онъ самъ вынесетъ рѣшеніе, то, какъ презритель высшаго суда, за попытку безпорядкомъ исправить безпорядокъ, подлежитъ наказанію безъ извиненія". Такъ самъ Никонъ, не получившій удовлетворенія за побитіе его посланнаго за дѣломъ, оказывается еще и виновнымъ, хотя онъ предупреждалъ, что, если Царь не дастъ удовлетворенія его человѣку въ свѣтскомъ судѣ, то онъ накажетъ по церковному побившаго. Въ заключеніе отвѣты говорятъ, что таково общее соборное рѣшеніе, что епископа, къ которому относятся эти вопросы, согласно отвѣтамъ на нихъ, должно наказать безъ всякаго опасенія совершить этимъ неправду.

Но свитки патріаршіе совершенно ничего не говорятъ, виновно или невиновно во всѣхъ перечисленнхъ дѣяніяхъ

лицо которое имѣлось въ виду при составленіи вопросовъ; **о наличіи самой вины свитки ничего не говорили.** Наличность вины рѣшилъ судъ до появленія Никона.

Вопросъ о наличности вины Никона рѣшается 30/XI 1666 г. въ его отсутствіе.

Именно 30/XI, пока посланные за Никономъ ѣздили въ Воскресенскій монастырь, собравшіеся у государя, какъ описываетъ и Каптеревъ (II, 336), въ столовой избѣ Патріархи и другіе стали слушать чтеніе свитка, заключавшаго въ себѣ отвѣты четырехъ Патріарховъ на царскіе вопросы, ранѣе (29/V, 1664 г.) привезенные съ востока грекомъ іеродіакономъ Мелетіемъ. По прочтеніи свитка Патріархи признали заключающіеся въ немъ отвѣты Патріарховъ подлинными и въ то же время обратились ко всѣмъ присутствовавшимъ съ вопросомъ: „на основаніи прочитаннаго свитка, виновенъ ли Никонъ въ безпричинномъ и произвольномъ оставленіи имъ патріаршей каѳедры?“ На этотъ вопросъ всѣ присутствовавшіе на Соборѣ архіереи и духовныя лица, а также бояре, окольничьи и думные люди отмѣчали, что по патріаршимъ свиткамъ „бывшій Никонъ Патріархъ повиненъ **во всемъ** и отъ патріаршества имѣетъ быть отлученъ“. Никто не обратилъ вниманія и на то обстоятельство, что извѣстіе о невѣрномъ переводѣ свитка достигали Востока. Отъ 21 Января 1665 г. архидіаконъ Досиѳей (будущій Патріархъ и помощникъ русскаго правительства на востокѣ) писалъ Лигариду по порученію Патріарха Нектарія, что Патріархъ узналъ, что въ Москвѣ патріаршіе свитки переводятся невѣрно, н, если онъ — Нектарій пріѣдетъ въ Москву, то строго взыщетъ за то, и потому Досиѳей совѣтывалъ Лигариду быть осторожнѣе и стоять за умиротвореніе Церкви, „зане возвѣстися намъ, яко твоя святыня могій соблазномъ вредити, не глаголеши о мирѣ“ (Гюб. II, гл. VIII).

Такъ еще до соборнаго суда надъ Никономъ, дѣло его уже рѣшено было окончательно на предсоборныхъ собраніяхъ, на которыхъ Патріархи, архіереи и весь освященный Соборъ, т. е. все остальное духовенство, а также бояре, окольничіе и думные люди, признали Никона во всемъ виновнымъ и отлученнымъ отъ патріаршества. Послѣ этого самый Соборный судъ надъ Никономъ по существу дѣла былъ только простой формальностью и не могъ имѣть вліянія на исходъ предрѣшеннаго суда.

О троекратномъ приглашеніи Никона на судъ.

Любопытно отмѣтить, какъ выполнено было требуемое канономъ троекратное приглашеніе Никона на судъ, безъ котораго нѣтъ на лицо каноническаго суда. Этотъ моментъ очень характеренъ и подробно выясненъ Гюббенетомъ.

Въ засѣданіи 28 ноября патріархи заявляютъ, что надо

позвать Никона, чтобы онъ далъ отчетъ о самовольномъ отшествіи изъ Москвы и о другихъ церковныхъ винахъ. Немедленно послали къ Никону Псковскаго архіепископа Арсенія, архимандрита Спасскаго монастыря Сергія и архимандрита Спасскаго Евфимівескаго монастыря Павла. Они донесли 29 числа, что Никонъ отвѣтилъ имъ: „Я де поставленія святительства и престолъ патріаршій имѣю не отъ Александрійскаго, не отъ Антіохійскаго, но отъ Константинопольскаго, а если де Александрійскій и Антіохійскій Патріархи по соглашеніи съ Константинопольскимъ и Іерусалимскимъ пришли въ царствующій градъ Москву для духовныхъ вещей, и какъ де онъ соберется и въ царствующій градъ Москву придетъ для духовныхъ вещей извѣстій ради, а собранію своему и поѣздкѣ къ Москвѣ времени не объявилъ". Согласія правящаго въ данное время Константинопольскаго Патріарха Парѳенія не могло быть уже потому, что онъ принималъ участіе съ султаномъ въ низверженіи обоихъ патріарховъ за ихъ поѣздку въ Москву (V,712пр.) Никонъ тотчасъ началъ собираться въ путь, служилъ всенощную, на другой день служилъ свою послѣднюю литургію, исповѣдывался причащался и масломъ освящался, какъ бы передъ смертью, говорилъ прощальную проповѣдь братіи монастыря и днемъ 30 ноября тронулся въ путь. Но отвѣтъ его въ Москвѣ рѣшили истолковать, какъ отказъ явиться немедленно на Соборъ, и въ засѣданіи 30 ноября рѣшили еще два раза послать за нимъ, какъ требуется канономъ, но, не дождавшись его пріѣзда, **въ тотъ же день прочли свитокъ** и рѣшили безъ его допроса примѣнить его къ нему. Эти вторичныя посольства Никонъ встрѣчалъ уже на половинѣ дороги въ Москву на протяженіи какого-нибудь часа или получаса времени между ними; причемъ одно изъ нихъ задержало его въ виду того, что имѣлась инструкція доставить его къ 3 декабря. Нарочно посланный въ Москву вернулся и разрѣшилъ ѣхать тотчасъ, такъ что Никонъ пріѣхалъ въ Москву въ 12 часу ночи 30 ноября: Но очевидно въ Москвѣ не интересовались его скорѣйшимъ пріѣздомъ, если давали распоряженія доставить его къ 3 декабря, а сами уже 30/XI прочли основной свитокъ, который былъ одновременно и обвинительнымъ актомъ и окончательнымъ вердиктомъ; на слѣдующихъ засѣданіяхъ уже не возвращались къ нему и указывали на него Никону только, какъ на доказательство существующаго будто бы согласія съ Константинопольскимъ Патріархомъ.

Ложное заявленіе Патріарховъ о наличіи у нихъ согласія Константинопольскаго и Іерусалимскаго Патріарховъ.

У Гюббенета написано: „И святѣйшіе вселенскіе киръ Паисій Папа и Патріархъ Александрійскій и киръ Макарій Патріархъ Антіохійскій бывшему Патріарху Никону говорили, что у нихъ совѣтъ и согласіе рукъ святѣйшихъ вселенскихъ Патріархъ

Константинопольскаго и Іерусалимскаго съ ними есть и указали на свитки". Къ этому они были вынуждены вопросомъ Никона: „Есть ли де у васъ, Святѣйшихъ Патріарховъ, совѣтъ и согласіе съ вселенскими Патріархами, что его Патріарха Никона судить; а безъ ихъ де совѣта онъ, бывшій Патріархъ, имъ отвѣчать не будетъ, потому что де хиротонисанъ онъ на патріаршій престолъ отъ святѣйшаго Константинопольскаго, а будетъ де у нихъ, Святыхъ Патріарховъ, совѣтъ и согласіе есть съ Константинопольскимъ и Іерусалимскимъ, что его судить, и онъ де отвѣтъ передъ ними давать готовъ". Но Патріархи солгали: свитки не были сужденіемъ о Никоновскомъ дѣлѣ, а отвлеченнымъ, независимо отъ конкретнаго лица обвиняемаго, разсужденіемъ о дѣяніяхъ, описанныхъ и освѣщенныхъ Никоновскими врагами. Въ виду самаго наличія, кромѣ свитковъ, особаго посланія Патріарха Нектарія къ Царю, гдѣ онъ просто рекомендуетъ Царю позвать Никона обратно, возникаетъ вопросъ, почему здѣсь высказаны разныя мнѣнія.

Чѣмъ руководствовались Патріархи въ сужденіи о дѣлѣ Никона.

Пальмеръ замѣчаетъ (IV, 502): „Письмо Нектарія показываетъ, что Патріархи въ глубинѣ своей совѣсти понимали, что положеніе Никона—плодъ ненависти могущественныхъ его враговъ, но они не рѣшались высказать свои думы. Ихъ собственныя несчастныя условія принуждали ихъ быть на сторожѣ. Царю они довѣряли, и желали сказать ему правду, но бояръ они боялись (имъ нуженъ былъ доступъ къ Царю ради милостей), и дали имъ неясные отвѣты, которые уже въ латинскомъ и славянскомъ переводѣ были еще больше заостроены противъ Никона.

Искусственныя мѣры, принятыя правительствомъ о дѣлѣ Никона по правительственнымъ источникамъ.

Было все это проведено черезъ того Лигарида, которому бояре за его консультацію и работу въ дѣлѣ противъ Никона прощали самыя безсовѣстныя дѣла, а не только куреніе табака, которое едва было прощено Никономъ Мирскому митрополиту и то только лично ему, а не лицамъ его сопровождавшимъ (II, 528 прим.). Этотъ же Лигаридъ былъ призванъ освѣтить дѣло Никона пріѣхавшимъ двумъ Патріархамъ, отъ которыхъ были отдалены всякія другія вліянія. Пока они ѣхали отъ Астрахани, ихъ сопровождали изъ Москвы присланныя лица, и они не допускали никого къ нимъ безъ разрѣшенія Московскаго правительства, чтобы къ нимъ не проникли сторонники Никона и сами эти особо присланныя лица, а также митрополитъ Астраханскій Іосифъ (грамота напечатана среди документовъ у Пальмера III, 402) имѣли запрещеніе говорить съ ними по этому дѣлу. **Бесѣда съ Царемъ, богатые отъ него подарки должны бы-**

ли до дѣлать остальное. Съ Никономъ же первая встрѣча состоялась въ засѣданіи 1 декабря, когда наканунѣ дѣло было по существу уже рѣшено. Чтобы патріархи рѣшили дѣло, какъ надо было правительству, для этого былъ поставленъ Лигаридъ, который стремился воздѣйствовать на ихъ іерархическое самолюбіе. Въ докладной запискѣ Лигарида Патріархамъ, Никонъ обвинялся въ томъ, что „онъ дерзнулъ поставить свой тронъ выше другихъ Патріарховъ, сталъ поражать благодѣтелей своихъ и терзать, подобно ехиднѣ, родную мать свою Церковь. Но Тотъ, Кто смиряетъ надменныхъ, развѣялъ, какъ паутину, замыселъ его именоваться Патріархомъ и Папою, (?) нарушая должное почтеніе къ истинному Папѣ и Патріарху Александрійскому, которому принадлежитъ этотъ титулъ искони и понынѣ канонически... И Іерусалимскаго Патріарха оскорбилъ онъ, наименовавъ себя Патріархомъ Новаго Іерусалима, ибо онъ безстыдно и невѣжественно назвалъ новую обитель свою Новымъ Іерусалимомъ, забывая, что Софроній раздѣляетъ Іерусалимъ на древній христоубійственный и новый—порождающій благочестіе. Никонъ хотѣлъ подчинить себѣ и Антіохійскій престолъ (?), гдѣ впервые послышалось названіе христіанъ, стараясь обманчивой подписью (?) стать третьепрестольнымъ. Онъ обидѣлъ вселенскій тронъ захватомъ престола Кіевскаго сего первопрестольнаго града равноапостальнаго Владиміра, желая, чтобы его торжественно поминали такъ: Божіей милостью Никонъ архіепископъ Московскій и Всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Патріархъ. Онъ придумалъ, что, такъ какъ Александрія вслѣдствіе обстоятельствъ опустѣла и не служитъ болѣе жилищемъ Патріархамъ, и Антіохія тоже распалась, то Патріархи Александрійскій и Антіохійскій незаконно именуются Патріархами. Такимъ образомъ онъ по іудейски прикрѣпляетъ власть къ мѣсту, но благодать Духа не ограничивается мѣстомъ, но всюду свободно расширяется. „Затѣмъ Лигаридъ изобразилъ его" церковнымъ новаторомъ, поколебавшимъ и древнее церковное преданіе, что Никонъ былъ рукоположенъ дважды и потому и не есть законный Патріархъ". Даже Каптеревъ, вообще настроенный противъ Никона и воспринявшій его личную характеристику отъ Лигарида и Соловьева, говоритъ, что докладная записка Лигарида, имѣвшая въ виду предварительно ознакомить Патріарховъ съ дѣломъ Никона, составлена была крайне тенденціозно, и расчитана на то, чтобы заранѣе настроить и вооружить Патріарховъ противъ Никона, показать въ немъ ихъ личнаго врага, покушавшагося отнять у нихъ ихъ достоинство и честь, при чемъ Лигаридъ не поскупился относительно Никона и на разныя выдумки и очевидныя несправедливости. Для того,—кто читалъ наши цитаты изъ Никоновскаго „Раззоренія" о власти и сравнитель-

ной чести Патріарховъ, совершенно ясно, что всѣ эти обвиненія — **сплошная клевета, но клевета, сдѣлавшая свое дѣло и возстановившая Патріарховъ противъ Никона.** На судѣ не было вовсе рѣчи о тѣхъ обвиненіяхъ въ отношеніи дѣйствій Никона къ гражданской власти, какъ будто они не имѣли никакого значенія; очевидно ихъ считали слабымъ пунктомъ обвиненій и обвиняли Никона сначала въ уходѣ съ каѳедры, не принимая во вниманіе заявленій самого Никона, а потомъ читалось перехваченное письмо его къ Константинопольскому Патріарху Діонисію, написанное въ декабрѣ 1665 г., въ которомъ описывалась исторія Никоновскаго возвышенія и паденія; чтеніе его прерывалось обсужденіями отдѣльныхъ мѣстъ, и такимъ образомъ передъ нами не было систематическаго обвиненія по тѣмъ пунктамъ, которые ставили вопросы восточнымъ Патріархамъ; вовсе не подумали о томъ, чтобы наказаніе, предусмотрѣнное тамъ и заключающееся въ низложеніе съ престола, низверженіи изъ сана и ссылкѣ, оказалось примѣненнымъ къ самому Никону. Этого и не нужно было, ибо еще 30 ноября всѣ архіереи и бояре огульно заявили, что Никонъ повиненъ во всемъ.

Въ чемъ обвиняли Никона на судѣ?

Какъ разъ въ этотъ день Никонъ, по словамъ иподіакона Шушерина, повезъ съ собой въ Москву свое „Раззореніе", которое было написано имъ въ 1664 г.. Мнѣніе о времени писанія „Раззоренія" опредѣляется тѣмъ, что въ немъ упомято объ изданіи Библіи на фронтисписѣ, вышедшемъ только 12 декабря 1663 г.; а въ январѣ 1665 г. произошли переговоры Никона съ Соборомъ объ условіяхъ отреченія его отъ патріаршества, изъ которыхъ видно, что Соборъ почиталъ его не отрекшимся отъ патріаршагó престола; если бы Никонъ писалъ „Равзоренія" въ 1665 г., онъ объ этомъ конечно упомянулъ бы, и ему не зачѣмъ было бы подробно доказывать, что онъ не отрекался отъ престола. Самое это „Раззореніе" не было представлено Никономъ на судѣ, и ясно, что не было предметомъ сужденій, ибо въ противномъ случаѣ многія рѣзкости Никона были бы поставлены ему въ вину, а съ другой стороны были бы въ дѣлѣ слѣды спора съ нимъ по существу о принципахъ царской власти. Говорили же на судѣ только объ уходѣ Никона съ престола, но, если остановиться на этомъ одномъ пунктѣ, который только и разбирали на судѣ хоть сколько-нибудь, то и тогда ясна будетъ необоснованность суда; что касается обвиненій во введеніи новыхъ обычаевъ въ церковно-государственныхъ отношеніяхъ, о которыхъ говорили главы I—V и X—XIII вопросовъ Патріархамъ, то въ этомъ отношеніи никакихъ обвиненій Никону не было поставлено. Любопытно посмотрѣть, достаточно ли объективно постановили Патріархи наказанія за уходъ въ видѣ низверженія съ престола, лишенія сана и наказанія еще отъ свѣтской власти.

Практика Константинопольской Церкви въ отношеніи іерарховъ, покинувшихъ каѳедру.

Посмотримъ, какова была практика Константинопольской Церкви и наиболѣе извѣстные въ исторіи случаи оставленія каѳедръ. Въ Константинополѣ послѣ убійства Парфенія II въ 1650 г. былъ нѣкоторое время Патріархомъ Іоаникій, затѣмъ Кириллъ Коза, но его не приняли, и, такъ какъ онъ не смогъ собрать денегъ визирю и свитѣ его, то былъ низложенъ и на его мѣсто поставленъ Аѳанасій Пателяръ, пріѣзжавшій въ Россію въ 1653 г., ранѣе бывшій Салоникскимъ митрополитомъ, а потомъ Патріархомъ по низверженіи Кирилла Лукариса; онъ былъ опять низложенъ и получилъ отъ Молдавскаго бея Церковь и монастырь въ Яссахъ. Потомъ онъ безъ позволенія бея пришелъ въ Константинополь и сдѣлался Патріархомъ на мѣсто Кирилла Козы; онъ оставалсл Патріархомъ 15 дней и былъ низложенъ; вернувшись въ Молдавію, онъ нашелъ Церковь свою переданной другимъ и уѣхалъ въ началѣ 1653 г. въ Москву и умеръ въ Лубнахъ на Пасхѣ 1654 г. Послѣ Аѳанасія духовенство и епископы избрали Паисія, заставивъ его продать Ларисскую каѳедру (этотъ Паисій въ концѣ 1654 г. посылалъ отвѣты Никону въ Москву о церковныхъ обрядахъ; послѣ него въ 1655 г. былъ Парфеній III, повѣшенный 25 марта 1657 г., затѣмъ былъ Діонисій до зимы 1665 г., Парфеній IV до 1668 г., затѣмъ Меѳодій и затѣмъ Парфеній IV и Меѳодій смѣняютъ другъ друга нѣсколько разъ.

Такъ и въ Іерусалимѣ послѣ смерти Паисія въ 1660 году вступилъ Нектарій, который въ 1668 г. отрекся, и его замѣнилъ Досиѳей. Изъ этой смѣны Патріарховъ и ихъ обратнаго возвращенія **видно, что самъ по себѣ фактъ оставленія патріаршества не считался какимъ - либо преступленіемъ и, если въ Константинополѣ онъ вызывался условіями турецкой неволи, то въ Москвѣ могъ вызываться другими условіями.** Самъ по себѣ онъ вовсе не заслуживалъ кары, какъ то видно изъ историческихъ примѣровъ. Соборъ русскихъ епископовъ, обсуждавшій вопросъ объ уходѣ Никона между 16 февр. и 23 апр. 1666 года, т. е. до того времени, когда начался судъ надъ старообрядцами, не исходилъ даже изъ того положенія, что Никонъ отрекся, и обсуждалъ вопросъ и на тотъ случай, если допустить, что Никонъ не отрекался, но ушелъ безъ необходимости, не испросивъ согласія Собора, имѣя въ виду 14, 34, 37. ап. пр. На случай отреченія съ клятвой онъ примѣнилъ низложеніе съ престола по 25 ап. пр. Онъ считалъ возможнымъ примѣнить и 16 пр. I-II Собора, независимо отъ того, было ли отреченіе или нѣтъ, за одно отсутствіе съ каѳедры

Обсужденіе Никоновскаго ухода на Соборѣ между 16 февр. и 23 апр. 1666 г.

болѣе 6 мѣсяцевъ, не вникая въ мотивы ухода (что́ неправильно, какъ показано выше, ибо все дѣло въ мотивахъ). Онъ считалъ, что послѣ отреченія отъ каѳедры нельзя своевольно возвращаться, но право выбрать дальнѣйшій образъ дѣйствія принадлежитъ Царю, Собору и синклиту. Если имъ кажется нужнымъ и удобнымъ пригласить Никона вернуться, то они компетентны это сдѣлать, какъ явствуетъ изъ историческихъ прецедентовъ. Если же нѣтъ, то самъ Никонъ можетъ требовать отъ своей каѳедры только себѣ на содержаніе (П. IV, 609—612). **Здѣсь видна прежде всего неустойчивость въ опредѣленіи природы Никоновскаго ухода, что и понятно** послѣ переговоровъ съ нимъ въ началѣ 1665 г. объ условіяхъ будущаго отреченія; кромѣ того, **вовсе нѣтъ рѣчи о гражданскомъ наказаніи въ родѣ ссылки**; о возможности лишенія сана говорится очень глухо простымъ приведеніемъ 16 пр. I-II Собора и въ заключеніе вовсе объ этомъ не говорится, а говорится о возможности приглашенія Никона обратно на каѳедру.

Историческая справка о разнаго вида уходахъ Патріарховъ и епископовъ со своихъ престоловъ. Выводы,

Къ вышеназванному мнѣнію пріобщены были историческіе примѣры 5 разрядовъ: 1) Патріарховъ, добровольно оставившихъ свои каѳедры безъ возврата на нихъ, 2) Патріарховъ добровольно оставившихъ свои каѳедры и вернувшихся на нихъ, 3) епископовъ, отрекшихся отъ епископства и получившихъ разрѣшеніе снова дѣйствовать въ качествѣ епископовъ, 4) случаи, когда Патріархъ оставлялъ свою Церковь и былъ назначенъ на его мѣсто другой, 5) случаи, когда епископъ оставлялъ свою каѳедру, и назначался другой на его мѣсто.

1. Къ первой категоріи относится рядъ случаевъ. **Св. Григорій Богословъ**, выбранный II Вселенскимъ Соборомъ на Константинопольскій престолъ, оставилъ его, увидѣвъ, что одинъ египетскій епископъ завистливъ къ этому; сказалъ рѣчь на Соборѣ и ушелъ, оставаясь еще 12 лѣтъ епископомъ. Константинопольскій Патріархъ **Григорій Мамма** пророчествовалъ по вдохновенію о паденіи Константинополя и добровольно покинулъ каѳедру. **Св. Патріархъ Іона** оставилъ каѳедру, сказавъ императору Андронику Палеологу: „я, видя себя главой грѣшниковъ, сдѣлалъ все, чтобы избѣжать грѣха". **Свят. Патріархъ Трифонъ** согласился, по разсказу Арменопула, быть Патріархомъ только на время, пока подрастетъ Ѳеофилактъ—сынъ императора. Свят. Патріархъ Константинопольскій **Геннадій Схоларій**, несмотря на мольбы епископовъ и народа остаться, написалъ свое отреченіе въ книгу Великой Церкви и удалился въ монастырь Св. Предтечи, гдѣ и умеръ. То же сдѣлалъ

свят. Патріархъ **Константинопольскій Митрофанъ**, отрекшійся письменно не только отъ патріаршество, но и отъ епископства. **Эти примѣры показываютъ, что отреченіе отъ патріаршества вовсе не влекло за собой отреченія отъ епископства.**

2. Ко второй категоріи относятся—Свят. Патріархъ **Константинопольскій Пирръ**, который отрекся отъ патріаршаго престола и послѣ того, какъ пробылъ на престолѣ его преемникъ Патріархъ Павелъ 12 лѣтъ, онъ былъ возстановленъ и былъ на престолѣ 4 мѣсяца. Патріархъ Константинопольскій **Діонисій**, будучи оклеветанъ дурными клириками, что будто онъ обрѣзанъ турками, далъ провѣрить свою клятву на Соборѣ и отрекся несмотря на то, что весь Соборъ, цѣлуя его ноги, просилъ прощеніе и умолялъ остаться. Лишь, послѣ смерти его преемника и изгнанія слѣдующаго Нифонта, онъ согласился опять стать Патріархомъ. Эти факты показываютъ, **что и отреченіе отъ престола вовсе не является такимъ одіознымъ фактомъ, чтобы нельзя было просить отрекшагося вернуться.**

3. Къ третьей категоріи относится **Николай Музалонъ Кипрскій** архіепископъ. Онъ добровольно отрекся отъ епископской каѳедры, но продолжалъ быть епископомъ и черезъ 37 лѣтъ послѣ отреченія былъ поставленъ въ Патріархи Константинопольскіе и былъ тамъ 3 года и 4 мѣсяца. **Ѳеодулъ епископъ Макарскій** добровольно оставилъ свою каѳедру, но ему снова было разрѣшено дѣйствовать епископски. Перемѣнивъ свое настроеніе, онъ пришелъ къ Патріарху Константинопольскому Михаилу Анхіалу и просилъ его объ этомъ. Узнавъ, что это отреченіе послѣдовало не вслѣдствіе какого-либо порока, а отъ смиренія, Патріархъ рѣшилъ, что такое отреченіе не должно было принимать, ибо епископъ, достойный этого сана, въ случаѣ отреченія отъ епископства, поступаетъ не канонически по второму правилу Александрійскаго: „если онъ достоинъ служить, пусть служитъ, если нѣтъ, да не отрекается, но да осудится". **Евстафій епископъ Памфилійскій** добровольно и письменно отрекся отъ епископской каѳедры и снова былъ допущенъ къ чести епископства, ибо, когда онъ обратился съ просьбой о возстановленіи епископской чести, то это ему было разрѣшено: было постановлено, что онъ долженъ имѣть епископскую честь и именоваться епископомъ, что съ согласія мѣстнаго епископа онъ можетъ совершать въ Церкви епископскія дѣйствія, посвящать священниковъ и дьяконовъ, а что Соборъ Памфилійскій можетъ поставить его на вакантную каѳедру (III Вс. Соб. 9 пр.). Такъ даже отреченіе отъ епископской каѳедры не препятствовало снова назначать на каѳедру отрекшагося: очевидно и отреченіе не лишало отрекшагося права на вниманіе къ мотивамъ его отреченія, на вторичное представленіе ему

епископскихъ полномочій, какъ это явствуетъ и изъ разсмотрѣнія четвертой категоріи случаевъ, гдѣ рѣчь идетъ уже о Патріархахъ.

4-я категорія случаевъ: послѣ отреченія Григорія Богослова при его жизни былъ назначенъ Вторымъ Вселенскимъ Соборомъ Нектарій. Послѣ письменнаго отреченія Патріарха Геннадія Схоларія былъ поставленъ киръ Исидоръ; вмѣсто отрекавшагося Патріарха Константинопольскаго Пирра, былъ поставленъ Павелъ, а послѣ него опять Патріархъ Пирръ. Послѣ отреченія Патріарха Діонисія были на престолѣ Симеонъ Трапезундскій, Рафаилъ Сергѣй, Максимъ Лага, Нифонтъ при жизни Діонисія, который при нихъ опять сталъ Патріархомъ.

5. Къ пятой категоріи относится случай назначенія епископа Ѳеодора на мѣсто отрекшагося Евстафія Памфилійскаго. **Въ заключеніе всего сказаннаго: пока епископъ живъ и на каѳедрѣ пользуется епископской честью, другой не можетъ быть назначенъ въ силу 16 пр. Двукрат. Собора. Если епископъ или Патріархъ оставитъ каѳедру и клянется не возвращаться, то онъ и не можетъ вернуться, ибо станетъ виновнымъ въ нарушеніи клятвы, и тогда подлежитъ низложенію по 24 ап. пр.** (Вотъ почему надо было боярамъ доказывать, что Никонъ отрекся съ клятвой). Но, если епископъ или Патріархъ добровольно отрекся отъ кафедры безъ клятвы не возвращаться, то онъ можетъ вернуться двоякимъ способомъ: 1) Если Соборъ видитъ его смиреніе, что онъ дѣйствуетъ не по своимъ прихотямъ (въ данномъ случаѣ не обличая Царя и бояръ), но какъ добрый пастырь, то онъ можетъ просить его вернуться съ честью, 2) во вторыхъ, самъ епископъ, перемѣнивъ свое настроеніе, можетъ обратиться къ Собору и просить его разрѣшить пользоваться прежней честью, разъ нѣтъ преступленія, этому препятствующаго, черезъ возвращеніе на свою каѳедру. **Патріархъ, который добровольно отрекся только отъ своей каѳедры, но не отъ епископства, можетъ совершать епископскіе акты, какъ Григорій Богословъ, послѣ оставленія Константинопольской каѳедры** ушелъ въ Назіанцъ, гдѣ и дѣйствовалъ епископски, посвятивъ въ священники нѣкоего Евлалія. Но, если епископъ добровольно оставилъ свою каѳедру и принялъ схиму, то уже не можетъ совершать епископскихъ актовъ въ силу 2 пр. Собора въ Св. Софіи: „Епископъ, который избралъ свое мѣсто среди кающихся (т. е. принялъ схиму) не долженъ претендовать на епископскую честь, ибо монашескій обѣтъ— обѣтъ послушанія и ученичества, а не учительства и власти, обѣтъ питаться, а не питать.

Въ результатѣ историческской справки для бояръ, чтобы окончательно отдѣлаться отъ Никона нельзя было ограничиться однимъ обвиненіемъ въ оставленіи патріаршества.

Вотъ это каноническое разъясненіе раскрываетъ, почему бояре для окончательнаго удаленія Никона отъ Царя не могли ограничиться его уходомъ безъ лишенія сана и гражданской ссылки. Всегда была бы опасность его возвращенія. Его надо было представить преступникомъ, или надѣть на него схиму. Если этого невозможно было достигнуть, надо было составить такимъ образомъ судъ, чтобы онъ кончился не простымъ удаленіемъ Никона, а его низверженіемъ изъ сана по меньшей мѣрѣ. Такъ какъ этого нельзя было достигнуть путемъ суда правильнаго, который бы изслѣдовалъ дѣйствительную дѣятельность Никона, то прибѣгли къ Лигариду, который сумѣлъ составить судъ беззапеляцюнный изъ Патріарховъ, причемъ недостатокъ въ согласіи между Патріархами былъ затушеванъ подписями на отвѣтахъ, которые имъ были представлены Патріархамъ, какъ отвлеченное разсужденіе безъ отношенія къ лицу, а въ Москвѣ были представлены, какъ ихъ сужденіе о Патріархѣ Никонѣ; самъ же Никонъ былъ обманутъ ими о наличіи несуществующаго согласія Константинопольскаго Патріарха на судъ надъ Никономъ, причемъ Лигаридъ дѣйствовалъ на основаніи подложныхъ полномочій на представительство Константинопольскаго Патріарха.

Необходимость для бояръ, поддерживать версію о Никонѣ, какъ о человѣкѣ полупреступномъ.

Безъ этого бояре не могли быть застрахованными отъ возстановленія Никона. Въ ихъ интересахъ было поддерживать и версію о Никонѣ какъ о человѣкѣ почти преступномъ, или просто преступномъ, ибо самый его уходъ не было[1] вовсе преступленіемъ, а дѣяніемъ архипастыря, воздѣйствовшаго на непокорное въ церковныхъ дѣлахъ стадо. Безъ очерненія же Никона бояре оказывались въ незавидномъ положеніи гонителей выдающагося геніальнаго человѣка и одного изъ лучшихъ архипастырей русской Церки, по признанію даже иностранцевъ его времени, посѣщавшихъ Москву, иностранныхъ и свѣтскихъ и церковныхъ историковъ позднѣйшаго времени, независимо отъ вѣроисповѣданія. **Лишь марая его приписываніемъ ему всякихъ пороковъ, они реабилитировали себя отъ пятна, лежащаго на нихъ за гоненіе невиннаго и великаго человѣка.** Съ Никономъ можно связывать цѣлое направленіе культуры. Если въ свѣтской сферѣ, какъ регентъ, онъ подготавливалъ дѣянія Петра, то въ церковной охранялъ вѣками сложившееся церковное устройство, соотвѣтствующее канонамъ, отъ разрушенія бояръ и того же Петра, не понявшаго значенія Церкви самой по себѣ и нигилистически по-

степенно на протяженіи 24 лѣтъ аннулировавшаго, какъ мы увидимъ, ея общественное значеніе въ государствѣ, устранившаго ту симфонію Церкви и государства, которая лежала въ основѣ Московскаго государственнаго строя, и замѣнившаго ее утилитарными теоріями современной ему философіи. Но не онъ началъ эту работу. Ее начали бояре при Алексѣе Михайловичѣ, которые черезъ „Уложеніе“ дали ходъ секуляризаціоннымъ идеямъ вѣка, а потомъ низвергли Никона за противодѣйствіе этому Уложенію, за то, что онъ-крестьянскій сынъ, монахъ, своимъ геніемъ возвысился до положенія властителя, совѣтника Государя и затѣнилъ ихъ, вельможныхъ бояръ. Творческому генію Никона была противопоставлена сплоченная интрига цѣлаго класса, окружающаго Царя и въ своихъ рукахъ держащаго управленіе государствомъ, интрига, которая втянула въ себя Царя и заразила его. Лигаридъ служилъ этимъ интересамъ и написалъ „Исторію суда надъ Никономъ“, гдѣ высказалъ о немъ ложные пристрастные взгляды, которые много содѣйствовали затемненію истиннаго образа Никона.

Паисій Лигаридъ выступалъ въ качествѣ боярскаго адвоката. Съ самаго своего прибытія въ Москву 28 апр. 1662 г. никѣмъ не званный, никѣмъ не посланный, Лигаридъ явился къ предсѣдателю Литовскаго Приказа Симеону Лукьяновичу Стрешневу, незадолго до того отлученному Никономъ, и черезъ него представленъ былъ синклиту и Царю, и они приняли его сразу, какъ „Ангела Божія“ и сдѣлали его своимъ совѣтникомъ и руководителемъ всего дѣла противъ Патріарха, противъ котораго, по ихъ мнѣнію, еще ничего не было сдѣлано, разъ онъ не лишенъ священства.

Пальмеръ сопоставляетъ появленіе Лигарида въ Москвѣ 28 апр. и его выступленіе въ устройствѣ дѣлъ Русской Церкви черезъ 2 мѣсяца послѣ анаѳемъ, произнесенныхъ Никономъ 16 февраля, съ проказой на челѣ Царя Осіи послѣ того, какъ онъ, несмотря на протестъ священника Азарія, взялся за кажденіе въ алтарѣ. Подготовивъ все дѣло, на процессѣ противъ Никона Лигаридъ совершенно не выступалъ, хотя неоднократно былъ задѣтъ Никономъ, разоблачившимъ въ его присутствіи его неправославіе и фактъ его отлученія Іерусалимскимъ Патріархомъ, но тогда повѣрили Патріарху Макарію, ложно засвидѣтельствовавшему въ судѣ 1 декабря, что Лигаридъ поставленъ въ дьяконы и попы въ Іерусалимѣ. Отношеніе бояръ къ Лигариду и Никону очень характерно. Одинъ ненавистенъ, ибо не потакаетъ въ страстяхъ и отстаиваетъ Церковь, другой потакаетъ страстямъ — властолюбію, честолюбію, и потому пріемлемъ, какъ Ангелъ Божій. За то на перваго клевещутъ и возводятъ небылицы, а другого превозносятъ, несмотря на явныя преступленія, полную продажность. Этимъ страстямъ принесена въ жертву и каноническая правда. Паль-

меръ пишетъ: (V, 745—746) „Лигаридъ былъ принятъ, хотя былъ неизвѣстенъ и не имѣлъ грамотъ о своемъ положеніи, а Никонъ былъ отвергнутъ, хотя всѣ клялись ему повиноваться. Лигаридъ былъ посылаемъ судить Никона въ 1663 г. въ Воскресенскій монастырь за проклятіе, будто бы изнесенное на Царя, ибо Лигаридъ служилъ боярамъ и Царю, а Никонъ за отказъ служить боярамъ и Царю былъ объявленъ низложеннымъ и осудившимъ самого себя. Царь посвящалъ Епископовъ и переводилъ ихъ черезъ благословеніе Лигарида и возложеніе имъ рукъ. Но благословеніе Никона отвергалось, и его анаѳема игнорировалась. Чѣмъ больше появлялось извѣстій о Лигаридѣ, чѣмъ серьезнѣй они становились, тѣмъ болѣе настойчиво и безстыдно онъ поддерживался даже при полномъ знаніи фактовъ; а съ Никономъ обходились, какъ съ преступникомъ, прежде даже обвиненія, и осудили его въ 1660 г., не призывая на судъ; а когда позвали на судъ, то позвали не для изслѣдованія дѣла, но какъ уже осужденнаго для того, чтобы прибавить новыя обвиненія во время самаго процесса. Лигаридъ, бывшій подъ анаѳемой и виновный въ самыхъ нечистыхъ грѣхахъ, не былъ отпущенъ, когда передъ пріѣздомъ восточныхъ Патріарховъ захотѣлъ уѣхать, чтобы съ ними не встрѣчаться, какъ человѣкъ имъ извѣстный, а былъ приставленъ ихъ освѣдомить и приготовить обвиненіе для суда надъ Никономъ. Онъ переводилъ на латинскій и контролировалъ переводы на русскій языкъ патріаршихъ свитковъ, въ бо́льшей мѣрѣ имъ самимъ составленныхъ или внушенныхъ; онъ присутствовалъ на соборномъ судѣ, подписывалъ его дѣянія вмѣстѣ съ актомъ о низложеніи Никона, затѣмъ послѣ Собора стремился успокоить совѣсть нѣкоторыхъ Епископовъ и установить принципъ абсолютной неограниченности царской власти. Онъ участвовалъ въ избраніи и постановленіи новаго Патріарха, участвовалъ съ Патріархомъ и епископами въ мvровареніи, сослужилъ и пріобщался съ ними на пасхальной недѣлѣ 1667 г., а Никонъ въ это время былъ низвергнутъ изъ священнаго сана и заточенъ подъ стражей въ отдаленномъ монастырѣ“. Это красочное сопоставленіе отношеній боярства къ Никону и Лигариду, сдѣланное Пальмеромъ, иллюстрируетъ, что Московскому правительству нужна была не правда, а безпринципное служеніе іерарховъ его страстямъ. Толчокъ, данный Никоновскимъ низложеніемъ, привелъ къ дальнѣйшимъ церковнымъ реформамъ Петра 1700-1724 г., несмотря на непродолжительную реакцію 1667—1700, а Никоновскимъ идеямъ Руси оцерковленной и святой, поскольку онѣ должны отражаться и въ церковномъ устройствѣ и управленіи, приходится до сей поры ждать своего осуществленія. О предотвращеніи несчастія отъ нечестиваго суда и гибели царства писалъ Никонъ Царю послѣ своего прихода въ Москву въ

декабрѣ 1664 г.: „мы не уклоняемся отъ Собора, скорѣе привѣтствуемъ твое намѣреніе, какъ благочестивое, если Патріархи сами намѣрены прибыть сюда и судить обо всемъ по Божественнымъ заповѣдямъ Евангелія и по канонамъ Апостоловъ и Святыхъ Отцовъ. Да, мы не противимся. Но мы умоляемъ твое благородіе выслушать эти наши немногія слова увѣщанія съ кротостью и терпѣніемъ. Твое благородіе нашло правильнымъ созвать послѣ нашего ухода митрополитовъ, епископовъ и архимандритовъ, чтобы поставить судъ, противный Божественнымъ заповѣдямъ, ибо никакой канонъ не уполномачиваетъ Епископовъ судить своего Патріарха, особенно, когда они посвящены имъ, да еще судить заглазно.“ Приведя Евангельскія слова о судѣ противъ Христа, Никонъ продолжаетъ: „видишь, христіаннѣйшій Царь, даже среди дикой злобы евреевъ ничего не было сдѣлано безъ установленной законной формы или безъ свидѣтелей или въ отсутствіе обвиняемаго. хотя они сдѣлали все нечестиво. Поэтому Онъ сказалъ: „тотъ, кто предалъ Меня тебѣ, совершилъ большій грѣхъ“. Такъ и тотъ, кто побудилъ противъ меня твое благородіе (бояре), имѣютъ большій грѣхъ. Если Соборъ осудилъ меня только за мой уходъ, то онъ долженъ равно осудить и Самого Христа, ибо Онъ часто уходилъ отъ злобы евреевъ... Я пишу тебѣ не изъ стремленія на патріаршій престолъ; мое желаніе—чтобы Святая Церковь была безъ смуты и чтобы ты не навлекъ на себя грѣхъ въ очахъ Божіихъ. Я пишу не изъ боязни великаго Собора за себя, **но не желая навлечь несчастье на твое священное царство“**. Никонъ между прочимъ предупреждаетъ Царя противъ порученія дѣла іеродіакону Мелетію ибо онъ извѣстенъ ему, какъ поддѣлыватель чужихъ подписей и печатей. Слова Никона о несчастіи для царства можно почитать пророческими. Паденіе Никона надо считать несчастьемъ для царства, если сопоставить то, что онъ защищалъ, съ тѣмъ, что было поколеблено въ результатѣ его паденія, а именно прежнее общественное значеніе Церкви въ Русскомъ Государствѣ. Прежде мы остановимся еще на самомъ судѣ.

ГЛАВА III.

Судъ. Ссылка. Прочія мѣры преслѣдованія отъ бояръ.

Источники нашихъ свѣдѣній о судѣ надъ Никономъ. — Дни судебныхъ засѣданій по дѣлу Никона. — Нарочитое умолчаніе оффиціальныхъ протоколовъ объ обличеніи бояръ Никономъ и о его разговорѣ съ Царемъ. — Какъ составлялись оффиціальные протоколы соборныхъ засѣданій. — Что происходило въ залѣ засѣданія 3 или 4 Декабря, на которомъ не было Никона? — Отношеніе Лигарида къ католичеству во время дѣла Никона. — Никонъ, отсутствуя при обвиненіяхъ его въ опозореніи Царя и своего стада, лишенъ былъ возможности точно опредѣлить свое обличеніе ихъ въ пріобщеніи къ Лигариду. — Незаписанный въ протоколахъ инцидентъ обращенія Царя къ боярамъ и отвѣтъ Никона. — Сцена между Никономъ и Царемъ. — Основная идея боярства въ борьбѣ противъ Никона. — Въ чемъ обвиняли на судѣ Никона? Отсутствіе обвиненія его на судѣ въ восхищеніи свѣтской власти. — Соборъ неоднократно возвращается къ вопросу объ уходѣ Никона 1658 г., но не изслѣдуетъ этото вопроса. — Составъ участниковъ суда надъ Никономъ.— Обстановка суда. — Рѣчь Царя и вопросъ Никона о полномочіяхъ Константинопольскаго Патріарха. Обманъ Патріарховъ по отношенію къ Никону. — Допросъ Никона объ его уходѣ въ 1658 г. — Заочное обвиненіе Никона во лжи и въ оскорбленіи Царя за обличеніе въ пріобщеніи къ католическому ученію. — Обращеніе Патріарха Паисія къ Царю о причинахъ своего прихода и его самопротиворѣчія. — Возобновленіе допроса объ уходѣ Никона въ засѣданіи 5 декабря, опять безъ уясненія его основныхъ причинъ. — Никонъ заявляетъ что судящіе его Патріархи теперь не Патріархи. Отказъ Никона отвѣчать. — Намѣренное искаженіе дѣйствій Никона его врагами. — Чтеніе въ засѣданіи 5-го декабря патріаршихъ свитковъ (14-24 главы.) — Никонъ заявляетъ, что глава XV свитковъ содержитъ искаженный канонъ. — Никонъ вновь отрицаетъ фактъ отреченія отъ каѳедры и говоритъ о гоненіи противъ него. Въ чемъ выразился гнѣвъ Царя? — Заявленіе Патріарховъ о своемъ апостольскомъ преемствѣ и титулахъ. — Разсужденія о судѣ надъ Патріархомъ. — Возраженіе Никона противъ искаженія и примѣненія 12 Антіохійскаго правила. — Патріархи задаютъ вопросъ о наказаніи Никона греческимъ и русскимъ епископамъ. — Приговоръ надъ Никономъ, прочитанный 5 декабря, и отвѣтъ Никона. — Неоснованность обвиненій, объявленныхъ въ протоколѣ 5 дек. — Тенденціозность суда надъ Никономъ. — Окончательное судебное рѣшеніе по дѣлу Никона, читанное 12 декабря въ Чудовомъ монастырѣ. — Обрядъ низверженія изъ сана, продѣланный надъ Никономъ 12 дек. — Мотивы дѣйствій Патріарховъ въ судѣ надъ Никономъ. — Отношеніе Константинопольскаго Патріарха къ совершившемуся приговору надъ Никономъ. Письмо Парфенія IV Царю. — Положеніе финансовое Лигарида въ Москвѣ. — Никонъ возлагалъ отвѣтственность за приговоръ на Царя, но болѣе виновными считаетъ бояръ. — Судьба Никона въ ссылкѣ. Два теченія въ Москвѣ въ отношеніи къ Никону. — Никонъ не прощаетъ Царя какъ Патріархъ Царя, но прощаетъ какъ человѣкъ человѣка. — Отношеніе Царя къ Никону въ ссылкѣ. — Никонъ самъ также просилъ прощенія у Царя за личныя обиды. Его сообщеніе Царю о своей жизни въ

ссылкѣ.— Никонъ и въ ссылкѣ не признавалъ суда 1666 г. надъ собой каноническимъ. — Царь дѣлаетъ послабленія Никону, когда съ его вторымъ бракомъ обезсиливаются Милославскіе. — Никонъ считаетъ судъ 1666 г. несчастьемъ для русскаго государства и Церкви. — Никонъ отказываетъ въ формальномъ прощеніи умершему Царю. — Выявленіе боярской злобы послѣ смерти Царя Алексѣя Михайловича, до тѣхъ поръ сдерживаемое. — Неурегулированность положенія Никона въ ссылкѣ. — Надпись на крестѣ въ Ѳерапонтовомъ монастырѣ. — Доносъ (ложный) на Никона въ государственной измѣнѣ (съ Донскими казаками Стеньки Разина). — Сношенія Никона съ митрополитомъ Афанасіемъ Иконійскимъ, сообщающимъ ему объ отношеніяхъ къ его дѣлу Константинопольскаго Патріарха. — Сообщеніе Никона о Донскихъ казакахъ. — Возобновленіе преслѣдованій Никона въ 1676 г. послѣ смерти Царя. Собираніе всѣхъ клеветъ. — Почва, на которой явились клеветники на Никона въ гнусныхъ поступкахъ и измѣнѣ—усиленіе враговъ Никона и желаніе приставовъ выслужиться передъ ними. — Заочный судъ надъ Никономъ 15 Мая 1676 г., безъ предварительнаго допроса свидѣтелей и его по однимъ доносамъ. — Умолчаніе Соловьева о характерѣ свидѣтельскихъ показаній и свидѣтелей на судѣ 1676 года. — Опроверженіе Никона на обвиненія въ 1676 г. — Показанія свидѣтелей (1676 г.) оправдываютъ Никона отъ клеветъ, но эти показанія уже послѣ суда. — Отношенія Никона къ боярству — Бояре враждебные Никону вышли изъ лицъ близкихъ ко двору или занимавшихъ высшіе посты. — Участіе Никона въ государственной политикѣ его времени. — Боярство, добившись осужденія Никона, обезсилило положеніе Патріарха въ государственномъ строѣ — Сравненіе Никона съ Крижаничемъ и Петромъ I въ политическихъ идеяхъ.

Источники нашихъ свѣдѣній о судѣ надъ Никономъ.

О времени и дѣятельности суда намъ повѣствуютъ оффиціальные протоколы, мемуары Шушерина, написанные со словъ свидѣтелей черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ суда, и Паисія Лигарида „Исторія“, написанная въ 1666 г., а также работы Соловьева (на основаніи оффиціальныхъ матеріаловъ), Каптерева, Гюббенета, митрополита Макарія и Пальмера. Нельзя не обратить вниманія на то обстоятельство, что оффиціальные протоколы, использованные Соловьевымъ и напечатанные во второмъ томѣ Гюббенета не отличаются полнотой, вслѣдствіе отсутствія стенографической записи, что они существуютъ въ нѣсколькихъ редакціяхъ краткой и сокращенной, изъ которыхъ однѣ упоминаютъ объ однихъ происшествіяхъ, а другія о другихъ; мало того, въ оффиціальные протоколы включено только то, что разрѣшило правительство, потому базироваться на однихъ оффиціальныхъ протоколахъ было бы односторонне. Это обстоятельство вынудило изслѣдователей дополнить ихъ сообщенія показаніями другихъ лицъ и дѣлать самостоятельные выводы изъ того, что вошло въ оффиціальные отчеты и изъ того, что не вошло. Черезъ это получились и разногласія. Для насъ эти разногласія особенно важны, ибо освѣщаютъ проявленную правительствомъ тенденціозность въ Никоновскомъ дѣлѣ во всѣхъ его стадіяхъ.

Дни судебныхъ засѣданій по дѣлу Никона.

Всѣ сочиненія одинаково признаютъ, что днемъ формальнаго низверженія изъ сана Никона было 12 декабря 1666 г. и всѣ, кромѣ Шушерина (арестованнаго 30 ноября и могшаго при записи черезъ нѣсколько лѣтъ спутать числа) утверждаютъ, что послѣднее засѣданіе по дѣлу Никона, въ которомъ происходило окончательное констатированіе его винъ и примѣненіе къ нимъ правилъ, было 5 декабря. Но затѣмъ идутъ разногласія. Лигаридъ упоминаетъ еще только объ одномъ засѣданіи 1 декабря, гдѣ и происходитъ все предшествующее окончательному рѣшенію въ присутствіи Никона; оффиціальные же протоколы (нѣкоторые) дробятъ предшествующее (5-му декабря) разсмотрѣніе дѣла на 2 засѣданія—1 и 3 декабря, или соединяютъ все въ одно засѣданіе. На основаніи этого и Соловьевъ, и Каптеревъ, и Гюббенетъ, и Митрополитъ Макарій размѣщаютъ все дѣло въ эти же числа, съ той, однако, разницей, что Соловьевъ умалчиваетъ объ отсутствіи на второмъ изъ нихъ самого Никона, а Каптеревъ отмѣчаетъ его отсутствіе, такъ же Гюббенетъ и митрополитъ Макарій, *) что очень важно, ибо на засѣданіе, относимое ими на это число, падаетъ, по ихъ же утвержденію, предъявленіе важнѣйшихъ доказательствъ въ обличеніи Никономъ Царя и всего синклита и всего народа въ еретичествѣ изъ - за слѣдованія за Лигаридомъ, а равно и представленіе писемъ Никона съ подписью „бывшій Патріархъ“ (для доказыванія наличности отреченія. Никонъ въ другое время объяснилъ, что это не было отреченіе, а признаніе, что для Царя онъ не Патріархъ, то есть „что Царь не почитаетъ его Патріархомъ). Напротивъ, Пальмеръ это дѣяніе выдѣляетъ въ особое засѣданіе, на которое Никонъ не былъ приглашенъ, и которое происходило, по его мнѣнію, 4 декабря, а все предшествующее было подѣлено между засѣданіемъ 2 и 3 декабря,—когда и произошло предъявленіе Никону обвиненія въ отреченіи и уходѣ, и читалась грамота Никона къ Константинопольскому Патріарху въ качествѣ новаго обвиненія, предъявленнаго впервые ему на засѣданіи въ оскорбленіи Царя и всего синклита въ пріобщеніи къ костелу.

Разногласіе о томъ, было ли первое засѣданіе съ участіемъ Никона 1 или 2 декабря, для характеристики дѣла не имѣетъ значенія; не имѣетъ особаго значенія и то, было ли засѣданіе безъ Никона 3 или 4 декабря, ибо разногласіе объ этомъ не приводитъ къ разногласію о томъ, что происходило въ отсутствіи Никона. Каптеревъ, Соловьевъ Гюббенетъ, Пальмеръ, Митрополитъ Макарій—всѣ согласны

*) М. Макарій (Ист. Рус. Церкви, т. XII, 724 стр. примѣч.) доказываетъ отсутствіе Никона въ засѣданіи **3** дек. ссылкой на запись въ Патріаршихъ выходахъ, гдѣ сказано, что 3 декабря были въ верху у Государя Вселенскіе Патріархи и Московскія власти, а Никона не было.

въ томъ, что именно происходило въ его отсутствіе, и разногласіе относится къ распредѣленію предшествующаго разбирательства на разныя числа дней, что не такъ важно. Но существенное значеніе имѣетъ указаніе на отсутствіе Никона при обвиненіяхъ на него и объявленіи въ этомъ засѣданіи со стороны Патріарха Паисія, что Никону вѣрить больше не будутъ, ибо онъ лжетъ. Характерно, что Соловьевъ, во всемъ пристрастно старающійся обвинить Никона, и не оттѣняетъ этого величайшаго судопроизводственнаго нарушенія, даже стушевываетъ самый этотъ фактъ, впадая въ противорѣчіе съ самимъ собой, что и отмѣтилъ Гюббенетъ, описывающій въ XIV главѣ засѣданіе 3 Декабря: „Соловьевъ пишетъ: 3 Декабря было второе засѣданіе безъ Никона", а четырьмя строками ниже пишетъ: „когда подсудимый вошелъ, Царь, опять сойдя съ своего мѣста, говорилъ Патріархамъ рѣчь. Но Никона не было на этомъ засѣданіи и Соловьевъ самъ объ его участіи больше не упоминаетъ. Совершенно ясно, что въ дѣйствительности Никона не было на этомъ засѣданіи".

Нарочитое умолчаніе оффиціальныхъ протоколовъ объ обличеніи бояръ Никономъ и о его разговорѣ съ Царемъ.

Что оффиціально протоколы умолчали объ отсутствіи Никона въ засѣданіи, гдѣ ему были прибавлены обвиненія, расчитанныя на самое строгое отношеніе къ нему, что изъ нихъ были выпущены иныя обличительныя слова Никона о боярахъ и его разговоръ съ Царемъ, изъ котораго видно, что Царь чувствовалъ движеніе своей совѣсти при великой несправедливости къ Никону и заглушалъ его противоположными чувствами,— ничего въ этомъ нѣтъ удивительнаго. Стоитъ только вспомнить, что говоритъ изучавшій дѣятельность Московскихъ Соборовъ Каптеревъ объ этихъ протоколахъ вообще и въ частности о протоколахъ Собора 1666 г. въ своемъ сочиненіи: „Царь и Московскіе церковные Соборы XVI и XVII столѣтій" (въ Бог. Вѣст. 1906, III).

Какъ составлялись оффиціальные протоколы соборныхъ засѣданій.

Его сужденія объ этомъ имѣютъ особую силу именно въ отношеніи постановленій Соборовъ, бывшихъ послѣ ухода Никона, когда Царь сталъ фактически во главѣ управленія Церковью. Мы полагаемъ, что сужденіе проф. Каптерева о значеніи Государя на церковныхъ Соборахъ, бывшихъ до этого времени, было преувеличеннымъ, въ виду его особаго намѣренія доказать, что Царь былъ верховной властью въ церковныхъ дѣлахъ; работы Соборовъ 1660 г. и 1667 г. не могутъ служить для обобщенія и примѣненія выводовъ относительно нихъ ко времени предшествующему, ибо они происходили послѣ совершеннаго Царемъ, но неотмѣчаемаго

ни въ одномъ изъ сочиненій Каптерева, каноническаго переворота послѣ ухода Никона: захвата Царемъ церковнаго управленія. Его соображенія объ этихъ именно Соборахъ 1660 и 1666 г. заслуживаютъ принятія, ибо въ это время дѣйствительно всталъ во главѣ церковнаго управленія Царь. Вотъ что онъ пишетъ: (ів. стр. 644). „Всѣ соборныя засѣданія происходили подъ постояннымъ наблюденіемъ Государя; когда онъ самъ не присутствовалъ на соборныхъ засѣданіяхъ, то посылалъ на Соборъ своихъ довѣренныхъ бояръ, думныхъ дворянъ и дьяковъ; Государю докладывалось о всякомъ рѣшеніи и заключеніи, къ какому приходилъ Соборъ по тому или другому вопросу; Соборъ среди своихъ засѣданій требовалъ отъ Царя дальнѣйшихъ указаній и распоряженій для веденія соборныхъ дѣлъ и, какъ скоро получалъ ихъ, сейчасъ же приводилъ въ исполненіе". Въ другомъ мѣстѣ онъ пишетъ: (стр. 654). „Весь процессъ вѣработки соборныхъ рѣшеній и постановленій находился въ прямой или косвенной зависимости отъ Государя и въ большинствѣ случаевъ служилъ выраженіемъ царскихъ намѣреній и желаній въ сферѣ церковныхъ дѣлъ. То же нужно сказать и объ окончательныхъ постановленіяхъ Соборовъ, получившихъ потомъ силу закона. Всѣ соборныя обсужденія, мнѣнія и рѣчи записывались на Соборахъ частными лицами и на основаніи этихъ записей, составлялись потомъ такъ называемыя „соборныя дѣянія". Нероновъ заявилъ на Соборѣ: „азъ же говорилъ Андреяну протопопу: что ты братъ Андреане, мои рѣчи пишешь не всѣ, а что вы говорите съ Патріархомъ всякія неподобныя вещи и тѣхъ ни единой рѣчи не пишешь?"... На соборномъ судѣ надъ Никономъ въ 1666 г. было нѣсколько человѣкъ, которые записывали каждый все, что дѣлалось и говорилось на Соборѣ; нѣсколько такихъ записей въ черновомъ видѣ дошли до насъ. Обработка соборныхъ матеріаловъ, извлеченіе изъ нихъ нужныхъ постановленій требовало иногда много времени, а иногда и прямо творчества со стороны тѣхъ лицъ, которымъ Царь поручалъ составить соборныя дѣянія. Возьмемъ напримѣръ Соборъ 1666—1667 гг. составить дѣянія котораго Царь поручилъ извѣстному Симеону Полоцкому. Послѣдній передъ официальными дѣяніями Собора сначала помѣщаетъ сочиненное, очень витьеватое и довольно безсодержательное, сказаніе о святомъ Соборѣ повелѣніемъ благочестивѣйшаго великаго государя Царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца въ царствующемъ преименитомъ и богоспасаемомъ градѣ Москвѣ на новоявльшія раскольники и мятежники святыя православныя, каѳолическія церкви, совокупленномъ въ лѣто 7174. Помѣстивъ сочиненное имъ сказаніе, Полоцкій переходитъ затѣмъ къ изложенію самихъ соборныхъ дѣяній. Такъ какъ соборныя

засѣданія были открыты рѣчью Царя къ Собору, то онъ прежде всего помѣщаетъ: „Слово великаго Царя къ освященному Собору“. Но здѣсь же дѣлаетъ такую любопытную замѣтку: „Здѣ написати рѣчь великаго Государя“, или, „доложивъ его, великаго Государя, сію послѣдующую“ т. е. Полоцкій попросту самъ сочиняетъ рѣчь отъ лица государя и, съ доклада государю, помѣщаетъ ее, какъ царскую рѣчь, въ соборныя дѣянія... Въ отвѣтъ на обращеніе Царя къ Собору отъ лица послѣдняго говорилъ Новгородскій митрополитъ Питиримъ... И опять Полоцкій вноситъ свое сочиненіе въ текстъ соборныхъ дѣяній, выдавая его за отвѣтъ государю Питирима... Иногда нѣкоторыя дѣянія Соборовъ Царь считалъ неудобнымъ предавать оглашенію и тогда онъ совсѣмъ ихъ вычеркивалъ изъ оффиціальныхъ соборныхъ дѣній, какъ не бывшія. Такъ напримѣръ, на Соборѣ 1667 г. въ теченіе нѣсколькихъ засѣданій горячо обсуждался вопросъ о власти царской и патріаршей, причемъ русскіе архіереи очень единодушно и настойчиво проводили ту мысль, что священство выше царства (наученные, добавимъ, ученьемъ и жизнью Никона, котораго они предали ради мірскихъ благъ), тогда какъ греческіе архіереи (Лигаридъ) усиливались доказать, что царство выше священства. Въ оффиціальныхъ соборныхъ дѣяніяхъ 1667 г. объ этихъ засѣданіяхъ нѣтъ и намека—онѣ были вычеркнуты государемъ, какъ очень непріятныя для него, и Каптеревъ принужденъ былъ возстановить исторію соборныхъ засѣданій 14-17 Января лишь по сочиненію Лигарида, что онъ и сдѣлалъ въ своей статьѣ, помѣщенной въ Богов. Вѣст. за 1892 годъ подъ заглавіемъ: „Сужденія Большого Московскаго Собора о власти царской и патріаршей“. Иногда государь даже собственноручно вносилъ поправки поправки въ состоявшіяся соборныя постановленія. Такъ на постановленіи Собора 1660 г. о низложеніи Патріарха Никона съ патріаршаго престола, встрѣчается помѣтка: „правлено рукою Государя“. Эти обстоятельства, указанныя професоромъ Каптеревымъ, лишаютъ оффиціальные протоколы такого авторитета, чтобы считать, что все незаписанное на нихъ и не происходило. Въ дѣлѣ Никона, напротивъ, полученныя изъ другихъ источниковъ свѣдѣнія о происходившемъ даютъ основанія думать, что именно пропущенное и было непріятно упоминать правительству и потому не попало въ Соборныя дѣянія. Такъ случилось относительно засѣданія, въ которомъ были возведены на Никона новыя вины во лжи и въ томъ, что онъ назвалъ всѣхъ (а не одного Лигарида) еретиками, примкнувшими къ католическому ученію, и вмѣстѣ со старыми винами голосовно были утверждены, и была прочитано безъ него его письмо съ подписью „бывшій Патріархъ“. Обсужденіе вопроса о пріобщеніи къ еретичеству началось еще въ присутствіи Никона.

Что происходило въ залѣ засѣданія 3-го или 4-го Декабря, на которомъ не было Никона?

Въ предшествующемъ засѣданіи была прочитана выдержка изъ перехваченнаго письма Никона къ Патріарху Діонисію: „царское величество поставилъ свое повелѣніе надъ священнымъ чиномъ, чтобы не принимали отъ Никона благословенія, велѣлъ быть Собору, и на томъ Соборѣ благословеніемъ Газскаго митрополита Паисія назначили Крутицкаго митрополита Питирима въ Новгородъ митрополитомъ, поправши Божій законъ, а на его мѣсто поставили митрополитомъ Чудовскимъ архіепископа Павла и другихъ епископовъ къ инымъ епархіямъ и далѣе: отъ сего беззаконнаго Собора престало на Руси соединеніе съ Святой восточной Церковью и отъ благословенія вашего отлучились, но отъ Римскихъ костеловъ начатокъ приняли свой“.

(Гюб. II, XIV глава).

Царь сказалъ тогда: „Такія великія укоризны и неправды бывшій Патріархъ Никонъ затѣялъ, забывъ страхъ Божій, и писалъ ложно, будто въ Московскомъ государствѣ престало соединеніе съ восточной Церковью, и тѣмъ письмомъ своимъ Никонъ соборную Церковь обезчестилъ, меня и весь освященный Соборъ и всѣхъ православныхъ христіанъ отъ благочестивой вѣры и отъ благословенія святыхъ вселенскихъ Патріарховъ отчелъ и причелъ къ римскимъ костеламъ и католической вѣрѣ; укорялъ Газскаго митрополита, назвалъ всѣхъ еретиками. Если бы это затѣйливое и ложное Никоновское письмо дошло до Царьградскаго Патріарха, тогда бы всѣмъ православнымъ христіанамъ пришлось быть подъ клятвой; оно пронеслось бы по многимъ мѣстамъ, и многихъ людей привело бы къ сомнѣнію, и за то должно всѣмъ стоять и умирать и отъ того очиститься такъ, какъ и въ прежнее время за благочестивую вѣру умирали ..“ Къ царскому голосу присоединились митрополиты и патріархи, весь освященный Соборъ, бояре и думные люди, и били челомъ патріархамъ, чтобы допросить Никона—для чего онъ такъ писалъ и всѣхъ называлъ еретиками. Никонъ отвѣтилъ патріархамъ, что объ отлученіи отъ вселенскихъ патріарховъ написалъ потому, что Газскій митрополитъ нашего Питирима изъ его митрополіи перевелъ въ другую, а на его мѣсто поставилъ другого митрополита и другихъ архіереевъ изъ одного мѣста въ другое, а Паисію этого дѣлать не довелось; онъ Іерусалимскимъ Патріархомъ отлученъ и проклятъ, а хотя бы Газскій митрополитъ и не еретикъ былъ, ему на Москвѣ долго оставаться не для чего, я его за митрополита не почитаю, у него и ставленной грамоты нѣтъ, и мужикъ надѣнетъ на себя мантію, и онъ такой же митрополитъ; а писалъ я все то про Газскаго митрополита, а не о православныхъ

христіанахъ. Я писалъ все это, говоритъ Никонъ, въ отношеніи Лигарида, (т. е. относительно начатка полученнаго отъ него, а не о православномъ народѣ, который мало что вѣдалъ или просто ничего о томъ, что дѣлалось въ царскомъ совѣтѣ или царскихъ соборахъ). Въ силу апостольскихъ правилъ 10,11 одна молитва съ отлученнымъ и низверженнымъ повергаетъ тому же наказанію. „Аще кто съ отлученнымъ отъ общей Церкви помолится, хотя бы то было въ домѣ, такой да будетъ отлученъ". 11 Апостольское правило: „Аще кто принадлежа къ клиру съ изверженнымъ отъ клира молиться будетъ, да будетъ изверженъ и самъ".

Но враги Никона ухватились за слова Никона и со всѣхъ сторонъ кричали: „Онъ всѣхъ насъ назвалъ еретиками, должно объ этомъ сдѣлать рѣшеніе по канонамъ. „И Никонъ, повернувшись къ Царю, сказалъ: „Если бы ты Бога боялся, ты бы такъ со мной не поступилъ". Никонъ, замѣчаетъ Пальмеръ, повидимому, въ этотъ моментъ понялъ вполнѣ, зачѣмъ читалось его письмо къ Патріарху Діонисію; побужденіемъ къ этому служило сорвать успѣхъ отъ ловкаго, но безчестнаго пользованія имъ, внушеннаго Лигаридомъ. Еще въ самомъ началѣ чтенія письма Никонъ заявилъ Царю, что оно было написано частнымъ образомъ въ духовномъ порядкѣ Константинопольскому Патріарху, какъ будущему судьѣ, отъ котораго онъ искалъ справедливаго и безпристрастнаго сужденія на свободномъ Соборѣ, а приказать читать его публично со стороны Царя значило Царю на самаго себя навлекать публичныя обвиненія, чего Никонъ не дѣлалъ. Никонъ сказалъ Царю:

„Не азъ, о Царю... зазоръ тебѣ таковой нанесохъ, но ты самъ вящще вся сія на себе нанесъ еси, азъ бо писахъ къ брату своему Господину Діонисію духовнѣ и тайнѣ, ты же вся твоя дѣянія обличилъ еси, не токмо твоя державы сущимъ всѣмъ, но и отъ конецъ земли собраннымъ тобою, многимъ сіе все явилъ еси: сего ради твое на тя обличеніе вящще быть неже отъ мене, единому токмо ему же и достоитъ се вѣдати возвѣщенное" (Шушеринъ стр. 118. Изд. 1817 года).

Слѣдующее засѣданіе безъ Никона началось прямо съ рѣчи государя, гдѣ онъ опять сказалъ, что „бывшій Патріархъ Никонъ въ своемъ письмѣ меня, весь освященный Соборъ и всего моего царства людей назвалъ еретиками, будто мы обратились къ Римскому костелу, а Святая Церковь наша имѣетъ въ себѣ Спасителя нашего и Бога многоцѣнную ризу и Святыя мощи святителей Московскихъ чудотворцевъ, и мы вѣруемъ истинно по преданію Святыхъ Апостолъ и Святыхъ отецъ, и потому должны за православную вѣру и за Святыя Божіи Церкви умирать. И вы бы, Святые патріархи, на эту жалобу учинили судъ, какъ прежніе патріархи разсуждали и судъ творили прежнимъ благо-

честивымъ греческимъ царямъ, и меня и освященный Соборъ, синклитъ и всѣхъ православныхъ христіанъ нашего Россійскаго царства отъ того Никонова названія очистили бы". Сказавъ рѣчь, Царь поклонился патріархамъ, а освященный Соборъ, синклитъ и всѣ присутствующіе поклонились до земли. Патріархи заявили, что Никонъ въ письмѣ своемъ написалъ—то дѣло великое, и за него надобно стоять крѣпко; когда онъ тебя великаго Государя, весь освященный Соборъ и всѣхъ православныхъ христіанъ назвалъ еретиками, тогда онъ и насъ назвалъ еретиками, какъ будто мы пришли еретиковъ разсуждать". Когда 5 Декабря въ числѣ винъ было прочитано Никону и то, что онъ назвалъ всѣхъ еретиками, онъ заявилъ: „О названіи еретиками сказана ложь, того я не говорилъ".

Прочтеніе этого отрывка письма было совершено, чтобы возбудить всѣхъ противъ Никона, но въ суть его сообщенія Константипольскому Патріарху никто на судѣ не вникалъ. **Нужно было выставить Никона, какъ архипастыря позорящаго и поносящаго свое стадо, къ которому ни примиреніе, ни снисхожденіе не допустимы.** И патріархи по сообщенію Лигарида (III, 176) сказали: „Никонъ, который несправедливо и абсурдно клевещетъ на свое стадо и пишетъ ложно, что всѣ отъ мала до велика обратились къ ученію Папы Римскаго, не есть истинный пастырь, входящій черезъ дверь, но показалъ себя наемникомъ и разбойникомъ, вкрадывающимся для разрушенія стада. Поэтому онъ подлежитъ низверженію". (Въ скобкахъ у Лигарида среди этой фразы значится, что Никонъ самъ искалъ суда Римскаго Папы, а не насъ вселенскихъ патріарховъ). **Но Никонъ обвинялъ Царя, бояръ и духовенство вовсе не въ прикосновеніи къ латинскому ученію, а совершенно ясно только въ латинизаціи, поскольку они прибѣгали къ благословенію и инниціативѣ Лигарида, т. е. къ его миссіи, посланничеству и юрисдикціи, слѣдовательно не абсолютно, а постольку, поскольку это соотвѣтствовало ихъ дѣйствіямъ. Но его слова нарочно были перетолкованы такъ, какъ если бы онъ дѣйствительно обвинялъ и Царя, и синклитъ, и всю русскую Церковь въ пріобщеніи къ католическому ученію.** А то, что Никонъ написалъ въ отношеніи принятія юрисдикціи Лигарида, было вѣрно.

Отношеніе Лигарида къ католичеству во время дѣла Никона.

Независимо отъ извѣстнаго намъ прошлаго Лигарида и его „Исторіи Іерусалимскихъ патріарховъ", анаѳематствованной въ 1668 г., Лигаридъ находился въ оживленныхъ сношеніяхъ съ католическимъ церковнымъ міромъ; независимо отъ его католическаго образованія, вѣдь, онъ пріѣхалъ изъ Поль-

ши, гдѣ только что самъ совершалъ католическія мессы. Вскорѣ послѣ суда надъ Никономъ онъ получалъ письма изъ Польши не только отъ Доминиканцевъ по внушенію Папскаго Нунція, но и отъ самаго короля Іоанна Казимира, поощрявшаго Лигарида въ работѣ по соединенію Церквей, какъ будто онъ призванъ былъ служить Римской Церкви въ Москвѣ; и самъ онъ писалъ одному Доминиканскому отцу съ просьбой черезъ Нунція воздѣйствовать чтобы ему „Пропаганда вѣры", высылала его ежегодвную пенсію въ 200 дукатовъ.

Пальмеръ приводитъ (V, 741 и 742) письмо Папскаго Нунція въ Польшѣ отъ Іюля 1668 г. къ кардиналу Роспильози о томъ, что онъ намѣренъ сдѣлать что либо для поощренія митрополита Газскаго, который все болѣе и болѣе почитается ими всѣми за дѣланіе столь святаго дѣла, и которому онъ заставилъ написать доминиканца о. Ширецкаго, хорошо знавшаго Лигарида. Копія письма о. Ширецкаго при семъ была приложена для посылки кардиналу Роспильози. О. Ширецкій сообщалъ Лигариду, какъ онъ говорилъ Нунцію объ усердіи Лигарида въ работѣ за истинную вѣру въ Москвѣ, за святое соединеніе греческой Церкви съ католической. А Лигаридъ отъ 25 сентября 1668 г. писалъ ему въ отвѣтъ, что желаемое дѣло (унія) неосуществимо: „никто здѣсь не слушаетъ на такія темы. Я самъ, единственное лицо, которое могъ бы проводить это дѣло, **и который воспламененъ самымъ горячимъ усердіемъ видѣть успѣхъ его**...подавленъ несчастьями, преслѣдуемъ заговорами, окруженъ клеветами. Патріархъ Іерусалимскій Нектарій прислалъ плохое сообщеніе обо мнѣ, что я поклонникъ Папы, какъ продавшійся ему и имѣющій ежегодную пенсію въ 200 золотыхъ дукатовъ, какъ клирикъ римской Церкви, чѣмъ я и не былъ бы огорченъ, если бы дѣйствительно ихъ получалъ, но я не имѣю ни одного пенса и имѣю только титулъ безъ содержанія. Пусть святая Пропаганда разсмотритъ внимательно этотъ пунктъ и опредѣлитъ, что вдохновитъ ее Святой Духъ черезъ милость и благодать Нунція, котораго я прошу повліять въ этомъ дѣлѣ, помня что Патріархъ Московскій Іоасафъ II сдѣлаетъ все, что можетъ, чтобы лишить меня всякаго мѣста въ рангахъ духовенства, выталкивая меня и **отсѣкая всякую нить моей надежды быть выбраннымъ въ патріархи**. Прошу тебя, какъ отца, не оставить ни одного камня не перевернутымъ, чтобы сдѣлать что-либо для меня". При этомъ посылаются привѣтствія Польскому примасу архіепископу Николаю. (Пал. V, 741). Это письмо какъ бы вскрываетъ намѣреніе Лигарида стать Московскимъ Патріархомъ и проводить унію, подобно митрополиту Исидору въ XV вѣкѣ. Это письмо Лигарида было опубликовано Theiner'омъ въ Ватиканской прессѣ въ 1859 году

въ Римѣ въ сборникѣ, озаглавленномъ „Monuments historiques relatifs au régne d'Alexis Michailovitch и взятомъ изъ отдѣла Nunziatura di Polonia. Оно чрезвычайно важно, ибо проливаетъ свѣтъ на истинныя побужденія Лигарида въ дѣлѣ Никона. Помимо тѣхъ его обогащеній, на которыя указалъ Каптеревъ, какъ на истинную цѣль Лигарида, объясняющую его позицію въ дѣлѣ Никона, оказывается, что онъ стремился самъ занять его мѣсто, а послѣ осужденія Никона составленіемъ исторіи его осужденія сдѣлать въ этихъ же видахъ невозможнымъ и его возвращеніе. Эта исторія—есть источникъ, которымъ питалась о Никонѣ русская историческая наука вмѣстѣ съ Каптеревымъ; именно Лигаридъ, какъ современникъ, описавшій дѣло Никона, и почитался главнымъ источникомъ для характеристики и Никоновскихъ идей и его личности.

Никонъ, отсутствуя при обвиненіяхъ его въ опозореніи Царя и своего стада, лишенъ былъ возможности точно опредѣлить свое обличеніе за пріобщеніе къ Лигариду.

Если бы Никонъ присутствовалъ при этихъ обвиненіяхъ, онъ не оставилъ бы ихъ безъ отвѣта. Побудившіе Царя публично читать письмо Никона хотѣли создать такое положеніе (какъ если бы не они и Царь предали гласности его письмо), чтобы Никонъ подпалъ въ глазахъ судей подъ канонъ, осуждающій всѣхъ, кто несправедливо оскорбляетъ Царя или кто, найдя пасквиль на Царя, вмѣсто его уничтоженія, его читаетъ, и подъ канонъ, осуждающій епископа, позорящаго свое стадо. Никонъ такимъ образомъ предсталъ бы передъ судомъ, какъ преступникъ, и судьи пришли бы къ тому заключенію, что такія лица подлежатъ низверженію и даже смерти. Лигаридъ напоминалъ, что Никонъ сравнивалъ Царя съ Іеровaамомъ и Озіей и называлъ дѣлателемъ нечестія, нарушителемъ правъ Церкви, ея разрушителемъ, а всѣхъ бояръ называлъ отпавшими къ ученію Папы ради Газскагo митрополита паписта, котораго онъ называлъ великимъ еретикомъ. Оффиціальный протоколъ говоритъ про Никона: „Онъ былъ пристыженъ его письмомъ, тайно присланнымъ Святымъ Патріархамъ, которое было наполнено многими несправедливостями и клеветами противъ благочестивѣйшаго Самодержца и всего православнаго царства".

Это была совершенная неправда. Никонъ не отступилъ отъ своей точки зрѣнія на Лигарида, а напротивъ смѣло отстаивалъ фактъ нечестиваго общенія со скрытымъ католикомъ, разстриженнымъ православнымъ митрополитомъ и содомитомъ, обличеннымъ своимъ Патріархомъ.

Незаписанный въ протоколахъ инциндентъ обращенія Царя къ боярамъ и отвѣтъ Никона.

Не найдемъ мы въ оффиціальныхъ протоколахъ и заявленій Никона Царю и боярахъ, о которомъ сообщаетъ и Шушеринъ (113 - 115 стр.) и Пальмеръ (V,689-691). Ин-

цидентъ произошелъ во время одной изъ остановокъ при чтенiи грамоты Никона Дiонисiю, проходившихъ въ обсужденiи прочитаннаго мѣста. Шушеринъ пишетъ: „Прочитаху же оную грамоту не всю порядно, но иже угодно имъ, то назнаменовавше прежде и читаху. Прочли о жалобѣ Никона на заточенiе его доброжелателей, одинъ изъ которыхъ, повидимому, перешелъ на сторону Царя (митрополитъ Аѳанасiй Иконiйскiй) и оказался среди судей; его показалъ Никону Царь. Шушеринъ передаетъ, что обвинителями Никона выступили митрополиты Павелъ, Иларiонъ и Меѳодiй, которые „яко звѣрiе дивiи обскачуще блаженнаго Никона, рыкающе, и вопiюще нелѣпыми гласы и безчинно всячески кричаху лающе, протчiи же отъ архiереевъ и отъ освященнаго чина ничто же нисто глаголюще, но вси стояху на своихъ мѣстахъ по степенямъ своимъ, такожде и царскiй синклитъ. Бояре и вси сановницы на друзѣй странѣ стояху по чину ничтоже вѣщающе. Видѣвъ же сiе Царь яко кромѣ оныхъ трехъ мужей никто ему не вспомоществуетъ, возопи гласомъ велiемъ и рече сице: „Бояре, бояре, что вы молчите и ничего не вѣщаете, и меня выдаете, или азъ вамъ ненадобенъ". Никто не рѣшался выступить, „только одинъ бояринъ князь Юрiй Долгорукiй, той убо угождалъ Царю нѣкая мала словеса поборствующа по Царѣ испусти, Святѣйшаго же Никона Патрiарха всячески уничижи. Видѣвъ же сiе Царь яко ото всѣхъ во всемъ мало себѣ помощи обрѣтаетъ, вельми скорбенъ бысть. Рече же ему Святѣйшiй Патрiархъ: „о Царю. Сихъ всѣхъ предстоящихъ тебѣ и собранныхъ на сiю сонмищу, 9 лѣтъ всячески вразумлялъ еси и училъ и на день сей уготовлялъ, яко да на насъ возглаголятъ, но се что бысть не токмо что глаголати умѣяху, но ниже устъ отверзити можаху, не вскую ли поучашеся тщетнымъ: но азъ, о Царю! Совѣтъ ти даю, аще повелиши симъ на насъ вергнути каменiе, то сiе они абiе вскорѣ сотворятъ, а ежели оглаголати насъ, аще и еще 9 лѣтъ имати учиши, и тогда едва обрящеши что". Царь обратился къ Епископу Лазарю Барановичу и сказалъ: „Лазаре, что ты молчиши и ничего не глаголеши и почто ты мене выдаеши въ семъ дѣлѣ? Азъ бо на тебѣ во всемъ надѣялся." Лазарь выступилъ изъ среды и сказалъ: „О, благочестивый Царю! Какъ имамъ праву оглаголовати или противитися", и сiя изрекъ паки ста на мѣсто свое. (116 стр. у Шушерина,—у Пальмера V,690). Передъ засѣданiемъ онъ обѣщалъ Царю, что, если найдетъ какое преступленiе за Никономъ, то молчать не будетъ.

Сцена между Никономъ и Царемъ.

Вслѣдъ за симъ разговоромъ произошла сцена трогательной бесѣды у Царя съ Никономъ, также не попавшая въ официальные протоколы. Она описана и у Шушерина, и у Пальме-

ра „Мало же часу минувшу, въ размышленіе пришедъ Царь, и ставъ у престола своего и положи руку свою на устѣхъ своихъ молча одинъ часъ, таже по семъ пріиде близъ ко Святѣйшему Патріарху Никону и пріялъ у него держимую лѣствицу пребирая, рече ему тихими глаголы, яко никому же слышати, токмо близъ сущимъ монахомъ сице: „о святѣйшій Патріарше, что яко сотворилъ еси сію вещь, полагая ми зазоръ великій и безчествуя мя". Никонъ же рече: „како". Царь же рече: „внегда ты поѣхалъ еси изъ обители своея сѣмо, тогда ты первое постился и исповѣдался и елеосвященіемъ освятися такожде и святую литургію служилъ, аки бы къ смерти готовился и сіе ми быть великій зазоръ". Св. Патріархъ рече: „истинно и, о Царю, яко все сотворихъ ожидая отъ тебе на ся не токмо скорбныхъ и томительныхъ наведеній, но и самыя смерти". Царь же клятвами утверждался рече: „о святче Божій! не токмо мнѣ мнимое тобою се и глаголемое сотворити, но и мыслити не можно за твоя многая и неисчетная къ дому моему и къ Царицѣ и къ чадамъ моимъ благодѣянія во время смертоносныя язвы, въ лѣта 162 и 163 годахъ, и внегда сущу ми во отшествіи на брани къ Смоленску и во иныхъ сопротивныхъ градѣхъ, тогда ты елико потщася и потрудился, якоже кокошъ со птенцы, съ ними преводя отъ мѣста на мѣсто, ища покоя и благорастворенннаго воздуха, отъ безгодныя смерти, всемилостивѣйшій Богъ молитвъ ради твоихъ и такихъ дѣля трудовъ домъ весь сохранилъ, яко зѣницу ока, и за сія ли твоя бывшая благодѣянія воздати ми злая, ни, не буде ми сего ниже помыслити", и нѣкими клятвами страшнѣйшими себя заклялъ. Святѣйшій же Патріархъ Никонъ, удерживая его рукою, тихо рече: „Благочестивый Царь, не возлагай на себя такихъ клятвъ, вѣру же ми ими, яко имашь нанести на мя вся злая, и бѣды и скорби отъ тебе готовятся на мя зѣло люты", прирече къ сему и отъ Божественныхъ Писаній". Это былъ послѣдній ихъ интимный разговоръ въ жизни, который закончился словами Никона въ отвѣтъ на мирныя завѣренія Царя: „Добро и блаженно избралъ еси аще совершити (миръ), но вѣдай буди,—яко не имать отъ тебе сіе совершитися, зане гнѣвъ твой, начатый на насъ, хощетъ конецъ пріяти". Послѣ чего продолжалось чтеніе грамоты. Разговоръ этотъ показателенъ въ томъ отношеніи, что подтверждаетъ, какъ и все послѣдующее отношеніе Царя къ Никону съ постоянными посылками подарковъ и испрашиваніемъ прощенія вплоть до смертнаго одра,

Основная идея боярства въ борьбѣ противъ Никона.

что не въ Царѣ былъ корень злобы противъ Никона, но что, окруженный боярами, стоящими во главѣ правленія, враждебными Никону, и не прощавшими Царю и Никону вліянія послѣдняго, Царь былъ безсиленъ по своей слабохарактерно-

сти выступить за Никона; чтобы ему выступить съ силой Грознаго Царя, надо было нераздѣльное содѣйствіе Никона, восполнявшаго его недостатки, какъ правителя, но этого то, то есть возсоединенія Царя съ Никономъ и нельзя было допустить боярамъ: въ этомъ была вся ихъ идея борьбы противъ Никона, если только можно назвать идеей тупое стремленіе поддержать во что бы то ни стало свое аспирируемое положеніе прирожденныхъ совѣтниковъ Царя; свое паденіе имъ удалось впрочемъ отстрочить не надолго, ибо паденіе Боярской Думы или ея незамѣтная смерть и замѣна Сенатомъ изъ людей заслуги, а не породы, была политической смертью боярства.

Въ чемъ обвиняли на судѣ Никона? Отсутствіе обвиненія его на судѣ въ восхищеніи свѣтской власти.

Упомянувъ о важныхъ пропускахъ въ оффиціальныхъ протоколахъ, которые пропущены и писателями, нерасположенными къ Никону и продолжающими отношеніе къ нему боярства и Лигарида (Соловьевъ и Каптеревъ), мы должны обратиться къ тому, въ чемъ обвиняли Никона и за что еще его судили, если исходить изъ того, что произошло на судѣ. Мы видѣли, что значительная и первая по порядку часть вопросовъ въ свиткахъ была посвящена вопросамъ о соотношеніяхъ гражданской и церковной власти. Но не только не было произнесено ни одного слова обвиненія въ этомъ на Никона, но даже при Никонѣ и не читались эти главы, благопріятствовавшія утвержденію государственнаго верховенства и косвенно обвинявшія Никона въ его оспариваніи. **Дѣло на судѣ происходило такъ, какъ будто этихъ обвиненій вовсе не существовало.** Сдѣлано это было, можетъ, и потому, что дѣйствительно Никонъ касался государственныхъ дѣлъ только лишь постольку, поскольку самъ Царь привлекалъ его къ положенію совѣтника, а въ его отсутствіе и къ положенію государственнаго регента; въ силу же патріаршаго положенія, онъ выступалъ въ качествѣ печаловника за несправедливо обиженныхъ и притѣсняемыхъ, что было обычаемъ государственной жизни Московской эпохи.

Соборъ неоднократно возвращается къ вопросу объ уходѣ Никона 1658 г., но не изслѣдуетъ этого вопроса.

Съ самаго начала суда говорилось объ отшествіи Никона, и въ каждомъ засѣданіи къ этому возвращались; кромѣ того, читалась въ выдержкахъ, интересныхъ для правительства, грамота Никона къ Константинопольскому Патріарху и попутно происходили вопросы Никону, на которые онъ отвѣчалъ съ своей обычной прямолинейностью, но характерно то, что ни одинъ вопросъ, даже главный вопросъ объ оставленіи каѳедры, не былъ углубленъ до возможности освѣтить его всесторонне на судѣ. Когда Никона спросили съ

самаго начала по предложенію Царя, отчего онъ ушелъ, онъ заявилъ, что отъ царскаго гнѣва. Но Соборъ не изслѣдовалъ его ухода, не пересматривалъ свидѣтельскихъ показаній, данныхъ въ 1660 г., не разсматривалъ всего того, что было сдѣлано для изслѣдованія этого на Соборахъ 1660 г. и 1666 г., ни соборныхъ постановленій 1660 г., ни проекта Никоновскихъ предложеній объ отреченіи, сдѣланныхъ въ началѣ 1665 г., ни соборныхъ контръ-проектовъ, сдѣланныхъ въ отвѣтъ на нихъ весной 1666 г.; не разсматривался и главный вопросъ, который требовалъ разъясненія при дѣйствительно правдивомъ отношеніи къ дѣлу,—причина царскаго гнѣва, и суть разногласія между Никономъ и Царемъ, приведшаго къ его уходу; всякій намекъ на это избѣгался, судя по протоколамъ. Пальмеръ предполагаетъ только, что Никонъ больше сказалъ объ этомъ, чѣмъ врагамъ его угодно было занести въ протоколъ, ибо Шушеринъ говоритъ, что Никонъ смѣло и ясно пояснилъ, какъ и почему онъ ушелъ изъ Москвы и за что онъ наложилъ анаѳемы. (Стр. 109).

Составъ участниковъ суда надъ Никономъ.

На судѣ надъ Никономъ присутствовала вся Русская Церковь въ лицѣ своихъ высшихъ пред ставителей. Оффиціальный протоколъ упоминаетъ 28 епископовъ, изъ нихъ было 2 Патріарха, 11 иностранныхъ во главѣ съ Паисіемъ Лигаридомъ, пришедшихъ по своему дѣлу для милостыни, а не въ силу каноническаго призыва на Соборъ, правильно переданнаго черезъ мѣстныхъ Патріарховъ; иные изъ нихъ были привлечены не каноническимъ призывомъ, а медоточивыми рѣчами Мелетія для своей цѣли въ угоду Царю и боярамъ; было затѣмъ 6 епископовъ русскихъ, получившихъ свое посвященіе (кромѣ Питирима) и поставленіе черезъ Паисія Лигарида послѣ ухода Никона, 8 епископовъ Никоновскаго посвященія и Лазарь Барановичъ, перешедшій самъ изъ подчиненія Константинопольскому Патріарху въ Кіевской Митрополіи въ подчиненіе Московскому Патріарху. Изъ епископовъ Никоновскаго поставленія 4 были явно враждебны Никону (**Іоасафъ** Астраханскій, участвовавшій въ слѣдствіи 1663 г. **Іосафъ** Тверской, равнявшій свои показанія въ 1660 г. по Питириму, **Илларіонъ** Рязанскій, недовольный тѣмъ, что въ 1652 г. его отецъ,—митрополитъ Антоній, б. старецъ Ананія, къ которому пришелъ 12 лѣтній Никонъ въ Желтоводскій монастырь,—отказался отъ патріаршества для Никона, и **Александръ Вятскій** недовольный за переводъ съ Коломенской Епархіи). Лишь два Епископа были благосклонны къ Никону: **Симонъ Вологодскій** и **Лазарь Черниговскій.** Судъ происходилъ якобы съ согласія правящаго Константинопольскаго Патріарха, т. е. Парѳенія, но это была ложь, ибо онъ участвовалъ въ низложеніи обо-

ихъ Патріарховъ именно за ихъ поѣздку въ Москву. Эта ложь ла совершена патріархами съ самаго начала, когда Никонъ спросилъ, имѣютъ ли они полномочія его судить, а патріархи показали на свитки, какъ на свои полномочія, не имѣвшіе, какъ мы знаемъ, никакого отношенія къ полномочіямъ патріарховъ; даже подписи Патріарха Парѳенія не было подъ каноническимъ разсужденіемъ свитковъ. Составъ суда, въ которомъ было 11 иностранныхъ Епископовъ, обязанныхъ Московскому правительству, и включалъ въ себя митрополита Новгородскаго Питирима, митрополита Крутицкаго Павла, которыхъ Никонъ, хотя безрезультатно, отводилъ, какъ причастныхъ хъ дѣлу объ его отравленіи—кромѣ упомянутыхъ четырехъ враговъ, обезпечивалъ обвинительный приговоръ. Изъ духовныхъ присутствовали еще 29 архимандритовъ, 10 монаховъ и протопоповъ. Изъ главныхъ бояръ, присутствовавшихъ на судѣ Лигаридъ упоминаетъ Никиту Ивановича Одоевскаго, Григорія Черкасскаго, Юрія А Долгорукаго, Ивана Прозоровскаго (начальника Малороссійскаго Приказа П. V пр. 216), боярина Петра Салтыкова, окольничьяго Родіона Стрешнева (Семенъ Лукьяновичъ Стрешневъ уже умеръ въ 1666 г., кн. А. Н. Трубецкой—въ 1663 г., Б. И. Морозовъ—въ 1661 г. (П. II, 402).

Обстановка суда.

Судъ былъ обставленъ очень торжественно; около царскаго трона, стоящаго на высокомъ мѣстѣ, стояло два кресла для патріарховъ и передъ ними столъ, на которомъ лежали свитки; по бокамъ съ одной стороны сидѣли духовныя власти, съ другой—бояре. За Никономъ отправилась депутація въ лицѣ Епископа Меѳодія и двухъ архимандритовъ съ приказомъ идти скромно безъ креста и Евангелія. Рѣшено было, чтобы Никонъ сначала сидѣлъ, а потомъ стоялъ, а сидѣть по правую сторону отъ Царя; при его входѣ не должны были вставать. Посланный архимандритъ Іосифъ вернулся и сказалъ что Никонъ категорически отказывается идти безъ креста, и ему разрѣшили идти съ преднесеніемъ креста. Когда онъ вошелъ, всѣ встали; Никонъ, ставъ у царскаго мѣста, читалъ входную молитву о здравіи государя и его семейства, о Св. Патріархахъ и всѣхъ христіанахъ. Въ это время Царь и всѣ стояли. Потомъ Никонъ трижды въ землю поклонился Царю и дважды Патріархамъ, а затѣмъ по обѣ стороны архіереямъ и боярамъ. Онъ вошелъ, какъ Патріархъ, и всѣ съ этимъ примирились. Ему предложили сѣсть. Но онъ сказалъ: „мѣста, гдѣ бы мнѣ сидѣть, я здѣсь для себя не вижу, а съ собой не принесъ. Я пришелъ узнать, для чего меня звали".

Рѣчь Царя и вопросъ Никона о полномочіяхъ отъ Константинопольскаго Патріарха. Обманъ Патріарховъ по отношенію къ Никону.

Тогда Царь сошелъ съ своего мѣста и сталъ у края стола. Также, какъ и Никонъ, онъ все время стоялъ. Царь изложилъ свою точку зрѣнія, сказавъ: „Отъ начала Московскаго государства ни

отъ кого не было такого безчестія, какое учинилъ бывшій Патріархъ Никонъ; для своей прихоти, самовольно безъ нашего повелѣнія и безъ Соборнаго совѣта, Соборную Церковь оставилъ и патріаршества отрекся безъ всякой причины, никѣмъ не гонимъ, и отъ того учинились многія смуты и мятежи, а Соборная Церковь вдовствуетъ безъ Патріарха 9-й годъ. Допросите его, святые Патріархи, для чего онъ престолъ свой оставилъ и ушелъ въ Воскресенскій монастырь"... Но Никонъ на вопросъ Патріарховъ сказалъ: „Я хиротонисанъ отъ Константинопольскаго Патріарха; есть ли у васъ совѣтъ и согласіе съ вселенскими Патріархами Константинопольскимъ и Іерусалимскимъ, „чтобы меня судить? Если есть, я готовъ дать вамъ отвѣтъ", и Патріархи сказали: „да, есть" и указали на свитки.

Допросъ Никона объ его уходѣ въ 1658 г.

Послѣ этого начался допросъ. Сначала Никонъ сообщилъ, что былъ побитъ его домовый человѣкъ, и не было дано ему обороны Царемъ, потомъ Царь пересталъ въ Церковь ходить на его богослуженія, разсказалъ о присылкѣ боярина Ромодановскаго съ повелѣніемъ не писаться великимъ Государемъ, что онъ дѣлалъ раньше по повелѣнію Царя.

Что Никонъ не имѣлъ пристрастія къ этому титулу показываетъ и то, что онъ далеко не всегда именовалъ себя имъ, а иногда просто Государемъ. Такъ въ грамотѣ 27 Марта 1658 г. игумену Полоцкаго Богоявленскаго монастыря Игнатію о непосредственной зависимости его отъ Москвы, Патріархъ Никонъ величаетъ себя: „Божіей милостью архіепископъ Царствующаго града Москвы великій господинъ и Государь". А въ другомъ мѣстѣ: „Мы, великій господинъ и Государь Святѣйшій Никонъ Архіепископъ царствующаго града Москвы и всея Великія и Малыя и Бѣлыя России и всея сѣверныя страны и поморія и многихъ государствъ Патріархъ". (Бѣлорусскій Архивъ стр. 110).

На это Царь сказалъ, что не ходилъ въ Церковь за недосугомъ, что безчестіе домовому человѣку на Никона не переходитъ, что называлъ онъ великимъ Государемъ Никона ради почитанія, о гнѣвѣ не поручалъ говорить. Родіонъ Стрешневъ сообщилъ, что, когда онъ съ Трубецкимъ былъ въ Воскресенскомъ монастырѣ, то Никонъ сказалъ, что онъ впредь не хочетъ быть Патріархомъ, что, когда его избрали Патріархомъ, то онъ положилъ клятву быть Паріархомъ только три года. Никонъ: „Я такъ не говорилъ", и затѣмъ произошелъ діалогъ, выяснившій всю клевету объ уходѣ Никона, которая утверждалась боярами и которая была составлена ими на основаніи произвольнаго сочетанія и сопоставленія разновременныхъ словъ и дѣйствій Никона въ Успенскомъ Соборѣ 10 іюля 1658 года, сказаннымъ имъ въ другомъ смыслѣ. Патріархи: „какія обиды

тебѣ были отъ великаго Государя?" Никонъ: „Обидъ никакихъ не было, но какъ великій государь сталъ гнѣвенъ и пересталъ ходить въ Церковь, поэтому я и патріаршество оставилъ". Патріархи спрашиваютъ архіереевъ, и они отвѣчаютъ, что Патріарху Никону отъ великаго государя никакихъ обидъ не было. Никонъ: „Я объ обидѣ не говорю, а говорю о государевомъ гнѣвѣ; не я одинъ, а и прежніе Патріархи, какъ Аѳанасій Александрійскій и Григорій Богословъ—также бѣгали отъ царскаго гнѣва". Патріархи: „Другіе Патріархи оставляли престолъ, да не такъ какъ ты: ты отрекся и сказалъ, что впредь не будешь Патріархомъ, а если будешь Патріархомъ, анаѳема будешь."

Никонъ: „Я такъ не говорилъ, а говорилъ, что за недостоинство свое иду, а если бы я отрекся отъ Патріаршества съ клятвой, то не взялъ бы съ собой и святительской одежды".

Патріархи: „Когда посвящаютъ, говорятъ: „достоинъ", а ты, Никонъ, какъ снималъ съ себя святительскія одежды, говорилъ: „не достоинъ".

Никонъ: „Это на меня затѣяли". Затѣмъ стали читать Никоновскую грамоту къ Константинопольскому Патріарху Діонисію, перехваченную съ пути, и попутно предлагать Никону вопросы.

Когда читали въ грамотѣ то мѣсто, гдѣ онъ объяснялъ свой уходъ, ему опять повторили обвиненіе въ уходѣ, но Никонъ опять повторилъ, что великій государь пересталъ ходить въ Церковь на патріаршія служенія, и это онъ принялъ за немилость къ себѣ; съ патріаршества онъ сошелъ собою, а не по царскому приказу, патріаршества не отрекался; о государевомъ гнѣвѣ объявилъ небу и землѣ и, уходя съ Москвы, кромѣ саккоса и митры ничего не взялъ съ собой. Когда **Патріархи** сказали: „если бы былъ на тебѣ государевъ гнѣвъ, то объ этомъ тебѣ бы слѣдовало посовѣтоваться съ архіереями и къ великому Государю посылать ходатаевъ бить челомъ о прощеніи, а не сердиться", „Никонъ отвѣтилъ: „Я для того и не совѣтовался съ архіереями, чтобы государя на гнѣвъ не привести". Но **архіереи и бояре** на вопросъ объ обидахъ Царя Никону говорили:" Отъ великаго государя Никону никакой обиды не было, „пошелъ онъ съ престола не съ обиды, а съ сердца и отрицался съ клятвой: снимая панагію говорилъ: если и помыслю быть Патріархомъ, да буду анаѳема". Объ уходѣ Никона опять говорили въ засѣданіи въ его отсутствіе, причемъ Царь показалъ Патріархамъ письма Никона; изъ нихъ въ одномъ онъ назвался бывшимъ Патріархомъ (мы знаемъ въ какомъ смыслѣ Никонъ такъ писалъ, именно, что Царь его не почитаетъ, какъ надо почитать Патріарха, къ которому обязанъ послушаніемъ въ церковныхъ дѣлахъ), а въ другомъ, гдѣ Никонъ протестовалъ противъ дѣйствій

митрополита Питирима въ недѣлю Вaй, онъ подписался Патріархомъ. Патріархи объявили, что по царскимъ книгамъ, кто трижды объявился во лжи (это было въ отсутствіе Никона), тому вѣрить нельзя; потому не будутъ вѣрить Никону ни въ чемъ.

Когда Никону поставили, въ отвѣтъ на его обвиненіе въ поставленіи Меѳодія въ области Константинопольскаго Патріарха, на видъ неканоничность назначенія имъ епископа въ Полоцкъ, который не входилъ въ Московскій Патріархатъ, то Никонъ отвѣтилъ, что тамъ не было вовсе епископа, ибо епархія была уніатская. Поэтому митрополитъ Макарій напрасно повторилъ упрекъ Никону въ своемъ XII томѣ, что онъ ставилъ епископа въ чужой епархіи. Никонъ указывалъ на отсутствіе православной епархіи.

Заочное обвиненіе Никона въ лжи и въ оскорбленіи Царя черезъ обличеніе въ пріобщеніи къ католическому ученію.

Затѣмъ, соединивъ обвиненіе въ отреченіи съ обвиненіемъ въ оскорбленіи Никономъ всего стада, они тутъ же прибавили: „По правиламъ Святыхъ Апостолъ и Святыхъ отецъ, кто кого оклеветуетъ въ какомъ-либо зломъ дѣлѣ и того дѣла не доведетъ и какое наказаніе опредѣлено виновному въ такомъ дѣлѣ, учинить тому, кто оклеветалъ; а кто на кого возведетъ еретичество и не докажетъ, тотъ клеветникъ достоинъ, если духовнаго священническаго чина, низверженія, а если мірянинъ — проклятія. А Никонъ тебя, великій Государь, весь Соборъ, синклитъ, и всѣхъ православныхъ христіанъ назвалъ еретиками; то мы и будемъ на основаніи тѣхъ правилъ судить Никона, и это дѣло станемъ обсуждать прежде, потому что это дѣло великое“. Въ засѣданіи 5 Декабря опять нѣсколько разъ спрашивали объ отреченіи не съ цѣлью углубить дѣло, и уяснить въ чемъ былъ гнѣвъ Царя, въ чемъ было разногласіе Царя съ Никономъ, кто изъ нихъ былъ неправъ, и кто претендовалъ на недолжное, а просто для того, чтобы показать, что Никону ни въ чемъ не вѣрятъ.

Обращеніе Патріарха Паисія къ Царю о причинахъ своего прихода и его самопротиворѣчія.

Въ этомъ засѣданіи Патріархъ Паисій обратился къ Царю съ рѣчью (совершенно противорѣчащей съ письмомъ этихъ Патріарховъ къ Константинопольскому Патріарху Парфенію, гдѣ приходъ въ Москву объяснялся нуждой въ дальнѣйшей милостыни и покровительствѣ всѣмъ Восточнымъ патріархатамъ и надеждой на пользу для греческихъ интересовъ): „Благочестивый Государь. Богъ вѣсть, что мы пришли въ царствующій градъ Москву не для какой-либо милостыни или нужды, а по твоей царской грамотѣ, что Патріархъ Никонъ оставилъ соборную

Церковь и свой патріаршій престолъ, и потому Русская Церковь вдовствуетъ 9 годъ.

Возобновленіе допроса объ уходѣ Никона въ засѣданіи 5 декабря, опять безъ уясненія его основныхъ причинъ.

А обращаясь къ Никону Патріархъ Паисій сказалъ: „Ты, Патріархъ Никонъ, отрекся отъ патріаршаго престола съ клятвою и ушелъ безъ законной причины. Для чего ты это сдѣлалъ?“ Никонъ: „патріаршаго престола я не отрекался, клятвы не произносилъ, а засвидѣтельствовалъ небу и землѣ и ушелъ отъ государева гнѣва. Я и теперь не отрекаюсь исполнить волю царскаго величества, куда великій Государь изволитъ, я туда и пойду—благое по нуждѣ не бываетъ“. Патріархи: „мы слышали мнѣніе, что ты отрекся отъ патріаршества съ клятвой“. Никонъ: „Это на меня затѣяли. Если я не годенъ, то я и теперь не желаю патріаршаго престола, а куда царское величество изволитъ, туда я и пойду“.

Никонъ вовсе не утверждалъ, что хочетъ, патріаршей каѳедры да никогда и не стремился занимать патріаршую каѳедру при сложившихся условіяхъ вражды противъ него, и раньше онъ писалъ Царю, что онъ не противится избранію другого Патріарха, но безъ его содѣйствія всякій, ставшій Патріархомъ, подлежитъ анаѳемѣ. Казалось бы, при отказѣ Никона возвращаться на каѳедру, когда такимъ образомъ не было никакой нужды спорить о томъ, что именно онъ сдѣлалъ, въ какомъ смыслѣ ушелъ съ престола, освободилъ ли онъ каѳедру совсѣмъ, или могъ возвратиться на нее самъ,—ибо онъ теперь то во всякомъ случаѣ ее освобождалъ,—то, казалось, надо было вспомнить о начатыхъ въ 1665 г. переговорахъ съ Никономъ объ условіяхъ этого освобожденія; но это не входило въ планы враговъ: имъ надо было отнестись къ Никону, какъ къ преступнику, чтобы освободиться отъ него навсегда; для этого надо имъ было выставить непремѣнно самый его уходъ, какъ преступленіе, и присоединить къ нему новое обвиненіе въ оскорбленіи имъ всей паствы причисленіемъ ея къ еретичеству. Гдѣ же обвиненіе къ покушеніи на царскую власть? Если бы оно было, неужели было бы умолчано объ этомъ, когда въ теченіе 8-ми лѣтъ непрерывно отыскивались и собирались обвиненія, когда всякій малѣйшій актъ Никона извращался, съ цѣлью представить его криминальнымъ, когда на самомъ судѣ пришлось для обвиненій прибѣгать къ величайшимъ натяжкамъ? Утвержденія Никона объ его уходѣ было обезсилены ссылкой на книгу Атталіота, указывающую вѣрить показаніямъ 2 или 3 свидѣтелей и его заявленія о томъ, что показываютъ его личные враги, не было уважено; благожелательные же Никону свидѣтели на судъ не вызывались. Когда митрополитъ Илларіонъ заявилъ, что „ты и про святѣйшихъ Патріарховъ Паисія и

Никонъ заявляетъ, что судящіе его Патріархи теперь не Патріархи. Отказъ Никона отвѣчать.

Макарія говорилъ, что они не истинные Патріархи", Никонъ сказалъ: „мнѣ о томъ достовѣрно извѣстно, что на ихъ мѣсто поставлены другіе патріархи; говорили мнѣ объ этомъ греки; нужно, чтобы великій Государь указалъ о томъ изслѣдовать,—допросить грековъ, да допросить и вселенскихъ Патріарховъ по Евангелію": Патріархи, сердясь, стали говорить: „мы престоловъ своихъ не покинули, мы не изверженные (Патріархъ Парфеній низвергнулъ ихъ) и патріаршества не отрекались,—развѣ турки безъ насъ что учинили; если же кто и дерзнулъ наши престолы занять противъ правилъ или принужденіемъ турокъ, то тѣ не Патріархи, а прелюбодѣи. Св. Евангелію тутъ быть не для чего, архіерею не подобаетъ на Евангеліи клясться. А ты Никонъ вовсе отрекся; на тебя есть много свидѣтелей, что ты патріаршій престолъ оставилъ съ клятвой (свидѣтельства эти были въ 1660 г., но въ сущности утверждали это только митрополитъ Питиримъ и князь Трубецкой); да отъ тебя и вся Москва смутилась".

Никонъ: „свидѣтельствуюсь Богомъ, что отъ сего часа я отвѣчать передъ вами, Патріархами, не буду, пока вы не предоставите грамоты отъ Константинопольскаго и Іерусалимскаго Патріарховъ." Никонъ очевидно почувствовалъ обманъ его относительно полномочій, не говоря по существу о той несправедливости, которая совершалась надъ нимъ. Его протесты противъ захвата Царемъ Церкви, обусловленные его обязанностью Патріарха, были приняты, какъ оскорбленіе, влекущее низверженіе.

Намѣренное искаженіе дѣйствій Никона его врагами.

Его уходъ, предпринятый въ архипастырской заботливости показать, что отношеніе къ Церкви со стороны бояръ и Царя недопустимо, былъ принятъ, какъ оставленіе обязанностей своего служенія, влекущее неспособность возвратиться на престолъ по 2 кан. Соф. Собора 879 г. Его отсутствіе изъ Москвы, хотя стражи у городскихъ воротъ имѣли приказъ не впускать его въ Москву, и онъ въѣхалъ въ декабрѣ 1664 г. лишь по особому указанію Зюзина,—почиталось какъ нерадѣніе наемника, а самый пріѣздъ какъ 1664 г. почитался, какъ насильственный захватъ престола, при одновременномъ обвиненіи въ нерадѣніи о стадѣ. Полное непониманіе или, вѣрнѣе, стараніе непонять истинное намѣреніе Никона, вслѣдствіе нежеланія допустить его въ Москву на патріаршество, а черезъ и къ Царю, отличаютъ всѣ дѣйствія его враговъ.

Чтеніе въ засѣданіи 5-го декабря патріаршихъ свитковъ (14-24 главы).

Далѣе мы нѣсколько подробнѣе воспроизведемъ засѣданіе 5 декабря по Пальмеру, такъ какъ въ русскихъ сочиненіяхъ

оно вездѣ въ укороченномъ видѣ, а между дѣлу, оно характеризуетъ способъ примѣненія каноновъ къ дѣлу Никона.

Проф. Каптеревъ, говоря (II,347,348) о засѣданіи 5 декабря, говоритъ о протестѣ Никона противъ цитируемыхъ противъ него правилъ, но не объясняетъ причины этого протеста со стороны Никона, не уясняетъ, что Никонъ протестовалъ и противъ смѣшенія правилъ произвольнымъ ихъ толкованіемъ въ свиткахъ, и противъ примѣненія ихъ къ нему въ виду иной природы его ухода, чѣмъ та, которая имѣлась въ виду цитированными правилами. Послѣднее происходитъ потому, что природа Никоновскаго ухода не выяснена проф. Каптеревымъ; онъ также не выслушалъ Никоновскихъ объясненій, данныхъ въ его „Раззореніи"; между тѣмъ они объясняютъ все поведеніе Никона за періодъ 1658—1664 г. въ отношеніи его къ правамъ на Московскій патріаршій престолъ.

Принявъ, какъ исходный пунктъ дальнѣйшаго, свои утвержденія о винахъ Никона, судьи перешли къ чтенію 14-24 главъ свитковъ, **пропустивъ всѣ тѣ главы, которыя касались соотношеній власти свѣтской и церковной.** Сначала прочли 14 главу, въ которой установлено, что епископъ, отрекшійся отъ своей каѳедры и ушедшій въ число кающихся (кто принялъ великую схиму), не можетъ на нее вернуться, въ подтвержденіе чего цитировано въ 14 гл. свитковъ 13 пр. I—II Собора (въ дѣйствительности 12 пр. Собора 879 г.). Пальмеръ (V,713) замѣчаетъ, что Соловьевъ отожествляетъ текстъ патріаршихъ свитковъ, читанныхъ на Соборѣ, съ канонами, смѣшивая въ одно цитаты изъ каноновъ по свиткамъ съ самими канонами Кормчей и греческаго Педаліона, лежавшихъ на столѣ передъ патріархами; онъ пишетъ: „патріархи приказали Амасійскому митрополиту по гречески читать **каноны** (имѣя въ виду свитки и каноны въ томъ видѣ, какъ они приведены тамъ), а по русски митрополиту Илларіону".

Никонъ заявляетъ, что глава XV свитковъ содержитъ искаженный канонъ.

Они читали первое рѣшеніе главы XV: *) **всякій, кто оставитъ каѳедру по своей волѣ безъ преслѣдованія, тому не**

*) Выдавая его за 2 прав. Собора 879 года, тогда какъ это правило говорило не объ уходѣ, а о принятіи монашескаго сана епископомъ, каковой разсматривается этимъ правиломъ, какъ отреченіе, что видно изъ самого его текста въ Кормчей: „аще который епископъ или пресвитеръ, или дьяконъ восхищенъ снити во мнишескій чинъ и стати на мѣстѣ покаянія рекши постригшися, епископъ оттолѣ уже да не имать архіерейскаго сана. Мнишестіи во обѣтѣ покоренія имѣютъ словеса и ученичества, а не учительства, ни первопрестольства, ни паствити, но пасомому быти обѣщаваются; сего ради якоже преже речено есть, повелѣваемъ архіерейскаго чина и пастыремъ сущимъ къ тому уже не начальствовати, но въ пасомыхъ и кающихся страну себя свободити. Аще же кто се сотворити дерзнетъ по изъясненію и поразумѣ нынѣ изреченнаго суда, иже самъ себѣ святительскаго сана лишилъ, къ тому на первый степень не возвратися его жесамѣми дѣлесы отвержеся„.

должно позволять на нее возвращаться" и далѣе о **покаяніи-плугѣ, отъ котораго руки не отнимаются.** (Какъ еслибы это было сказано въ 2 пр. Собора 879 г. только что цитированномъ). Тогда Никонъ, увидѣвъ, что читаются не каноны, а произвольно составленные выводы изъ нихъ, сказалъ: „это не каноны Святыхъ Апостоловъ, или Вселенскихъ, или помѣстныхъ соборовъ. Такихъ каноновъ я не принимаю и не слушаю". **Патріархи:** „такъ ты не принимаешь какъ каноническій, этотъ нашъ Соборъ (скорѣе этотъ свитокъ), который утвержденъ **противъ тебя** четырьмя патріархами?" Это была ложь, ибо свитокъ не поминалъ Никона. **Никонъ** сказалъ: „эти писанія не лучше старыхъ бабьихъ сказокъ, ибо приводятся поддѣльные каноны, неправильно истолкованные и комментированные. Поэтому я не принимаю ихъ. Ибо кто же говорилъ, что покаяніе есть плугъ и кто примѣнялъ евангельскій текстъ о плугѣ къ покаянію?" Когда **Митрополитъ Павелъ** сказалъ, что Церковь приняла эти каноны (разумѣя каноны Собора 879 г.), то **Никонъ** сказалъ: „ихъ нѣтъ въ русской Кормчей (т. е. нѣтъ правила или толкованія, теперь приписываемаго Кормчей); греческіе каноны (если тамъ такой текстъ есть) неправильны, или Патріархи написали свое толкованіе; и она (т. е. книга, о которой говорится, что она ихъ содержитъ) напечатана еретиками (какъ показываетъ обложка) въ Венеціи".

Никонъ вновь отрицаетъ фактъ отреченія отъ каѳедры и говоритъ о гоненіи противъ него. Въ чемъ выразился гнѣвъ Царя?

„Кромѣ того я не отрекался отъ каѳедры (т. е. безоговорочно въ смыслѣ этого канона, еще меньше принималъ великую схиму, которую теперь изволили называть плугомъ покаянія); это на меня затѣяли". Патріархи сказали: „наши греческіе каноны правильные". Когда Тверской **архіепископъ Іосафъ** сказалъ объ отреченіи съ клятвой, **Никонъ** назвалъ это ложью и въ четвертый разъ сказалъ, что не ищетъ возвращенія на каѳедру. И опять Никонъ повторилъ, что „если бы отрекся, не взялъ бы ризъ съ собой." **Никонъ** прибавилъ: „не только его одного гнали несправедливо; это сдѣлали и съ Златоустомъ." Затѣмъ, повернувшись къ Царю, сказалъ: „Какъ на Москвѣ была смута (1648 и 1662 г.г.), ты въ то время страха ради и самъ неправду (боярскую) свидѣтельствовалъ среди бояръ, и я устрашась (твоего покушенія этой боярской неправды) ушелъ отъ твоего гнѣва". Такъ Никонъ свидѣтельствовалъ, въ чемъ состоялъ **гнѣвъ Царя:** не только въ нехожденіи въ Церковь и неудовлетвореніи за обиду его человѣка, но въ выдачѣ его боярамъ, въ предоставленіи имъ совершать свои неправды, о которыхъ Царь и самъ знаетъ по бунтамъ 1648 г. и 1662 г.

Царь сказалъ: „Ты говоришь неподобныя слова и оскорбляешь меня", и тутъ поднялось на Никона негодованіе.

Послѣ читалась глава о епископѣ, который, оставивъ каѳедру, отказывается на нее вернуться, 17-ая о епископѣ, совершающемъ епископскіе акты послѣ отреченія, 18-ая о незаконномъ отсутствіи епископа и 19-ая о епископѣ, который по страсти или по нерадѣнію уходитъ и игнорируетъ пастырство надъ своимъ стадомъ, оставаясь въ своемъ діэцезѣ. Правила составлены такъ, чтобы предусмотрѣть всѣ комбинаціи, кромѣ той единственной, которая отвѣчала наличной дѣйствительности съ Никономъ, природѣ его ухода ради архипастырскаго воздѣйствія и одновременно ухода отъ злобы людей по 17 Сардикскому правилу, разрѣшающему и вернуться по окончаніи гоненія. Читались правила 20, 21 и 22 о судѣ надъ Патріархомъ и апелляціи къ Константинопольскому Патріарху. Повидимому въ связи съ чтеніемъ 22 правила объ апелляціи къ Константинопольскому Патріарху, Патріархи заявили: „мы всѣ четыре Патріарха — преемники Св Апостоловъ. Я, прибавилъ Антіохійскій Патріархъ, преемникъ князя Апостоловъ Петра, этотъ братъ мой Александрійскій—Марка, Константинопольскій—Андрея и Іерусалимскій—Іакова, брата Господня. Поэтому, если мы что говоримъ, то отъ устъ Апостоловъ и Евангелистовъ." По Соловьеву, Александрійскій Патріархъ спросилъ: „знаешь ли ты, что Александрійскій Патріархъ—вселенскій судья?" Очевидно, патріархи хотѣли импонировать Никону своимъ собственнымъ авторитетомъ и безъ Констмнтинопольскаго, ссылаясь на широкіе титулы, хотя бы они и не включали въ себя особыхъ правъ юрисдикціи. Но Никонъ отвѣтилъ: „Тогда суди себя по тому же правилу, какъ и насъ. Въ Александріи и Антіохіи, какъ въ Москвѣ, нѣтъ теперь патріарховъ. Александрійскій живетъ въ Каирѣ, Антіохійскій, въ Дамаскѣ, (подразумѣвается, а Московскій—въ Воскресенскомъ)". Когда читалась 23 глава о количествѣ епископовъ, судящихъ Патріарховъ, въ которой есть ссылка на Матѳея Властыря, и Патріархи сказали: „слушай св. каноны", то Никонъ сказалъ (уже по опыту съ 14 и 15 главой): „греческіе каноны (разумѣется въ видѣ цитированномъ въ свиткахъ) неправильны (если они таковы въ вашемъ Педаліонѣ); они напечатаны еретиками." Патріархи предложили Никону расписаться, что Греческій Номоканонъ еретиченъ.

Заявленіе Патріарховъ о своемъ апостольскомъ преемствѣ и титулахъ.

Разсужденія о судѣ надъ Патріархомъ.

Никонъ, разумѣется, отказался сдѣлать это, ибо онъ высказывался о правилахъ въ томъ видѣ, какъ ему цитировали, и упрекъ его относился бы къ самому Номоканону только въ томъ случаѣ, еслибы оспари-

ваемыя имъ цитаты Патріарховъ, ему читанныя, соотвѣтствовали Номоканону въ точности. Когда его спросили по существу вопроса, сколько епископовъ можетъ судить епископа и сколько Патріарха? Никонъ отвѣтилъ, что „Епископа 11, а Патріарха вся вселенная (т. е. всѣ Патріархи)". Патріархи тогда спросили Никона: „какъ же ты одинъ низложилъ неканонически еп. Павла Коломенскаго (въ 1654 г.) и сослалъ его?" **Никонъ**: „Я не моимъ собственнымъ авторитетомъ низложилъ его." Видя безконечный словесный споръ, Патріархи сказали: „мы пришли сюда не спорить съ тобой, но дать патріаршее рѣшеніе. Такъ какъ ты спрашивалъ насъ, имѣемъ ли мы полномочіе другихъ двухъ Патріарховъ, то смотри, мы показываемъ тебѣ ихъ подписи на этихъ двухъ свиткахъ, посланныхъ въ Москву раньше нашего прихода". **Никонъ** посмотрѣлъ на подписи и сказалъ: „я не знаю ихъ рукъ." **Патріархъ Макарій**: „Это подлинныя подписи патріарховъ." **Никонъ**: „Широкъ де ты здѣсь, а какъ отвѣтъ дашь передъ Патріархомъ Константинопольскимъ (Парѳеніемъ)?" Поднялись **голоса**: „Какъ ты не боишься Бога, что безчестишь великаго Государя и вселенскихъ Патріарховъ и называешъ истину ложью?" Затѣмъ прочли 24 главу свитковъ о нововведеніяхъ, и въ связи съ этимъ надо сопоставить приказъ Патріарховъ отнять у Никона крестъ, несенный передъ нимъ, на томъ основаніи, что Патріархи такого обычая не знаютъ, ибо Никонъ перенялъ его у латинянъ. Въ дѣйствительности это былъ малороссійскій обычай, которому слѣдовалъ въ Москвѣ и Патріархъ Макарій въ 1654-1656 г. Онъ былъ заимствованъ отъ уніатовъ и поляковъ въ Малороссіи и оттуда перешелъ въ Великороссію. По словамъ Шушерина, когда отбиралъ архидіаконъ Анастасій этотъ крестъ у монаха Марка, тотъ сказалъ Никону: „Св. Патріархъ, у насъ отбираютъ наше оружіе." На это **Никонъ** сказалъ: „Да будетъ воля Господня. Если дадутъ приказъ отобрать нашу послѣднюю одежду или сдѣлать еще болѣе непріятное, мы не подлежимъ за это порицанію, но пострадаемъ съ радостью, страдая за имя Господне". За тѣмъ архидіаконъ поставилъ этотъ посохъ между другими патріаршими посохами.

Возраженіе Никона противъ искаженія и примѣненія 12 Антіох. правила.

Послѣ Патріархъ Александрійскій сказалъ: „хотя я вселенскій судія, я желаю судить по Номоканону," и велѣлъ читать 12 Антіох. правило: „Всякій, кто безпокоитъ Царя и смущаетъ его царство, не подлежитъ защитѣ." Никонъ возразилъ, что эта книга (изъ которой цитируется канонъ) напечатана еретиками. И онъ могъ возразить, говоритъ Пальмеръ, что **этотъ канонъ имѣетъ совершенно другой смыслъ, будучи направленъ противъ тѣхъ, которые безпокоятъ Царя, привлекая его вмѣшаться посредствомъ**

его свѣтской власти въ церковныя дѣла.“ Указывалось и на то Никону, что такой канонъ есть и въ Русской Кормчей. Но Никонъ сказалъ, что и при покойномъ Патріархѣ Іосифѣ неточно печатали *).

Патріархи задаютъ вопросъ о наказаніи Никона греческимъ и русскимъ епископамъ.

Патріархи спросили греческихъ епископовъ: „какому наказанію подлежитъ Никонъ, который попралъ Божественные каноны и презрѣлъ преданія отцевъ, противъ котораго столько обвиненй, который обвинялся въ столькихъ убійствахъ (это можетъ намекать на дѣло Ив. Сытина, еп. Павла), и который совершилъ безчисленные акты грабежа и несправедливости въ теченіе своего патріаршества?“ **Они** сказали: „онъ долженъ быть канонически низвергнутъ и лишенъ права совершать священнодѣйствіе.“— „Вы сказали хорошо“ сказали Патріархи, и **русскіе епископы** на тотъ же вопросъ отвѣтили: „Пусть онъ будетъ низвергнутъ самымъ полнымъ образомъ, ибо онъ виновенъ во многихъ винахъ“. И **Патріархи** сказали Никону: „Отнынѣ ты не Патріархъ, и не долженъ совершать священнодѣйствій и долженъ быть какъ простой монахъ.“

Приговоръ надъ Никономъ прочитанный 5 Декабря, и отвѣтъ Никона.

У Лигарида помѣщенъ такой пригововоръ, произнесенный въ этомъ засѣданіи: „Благословенъ Богъ. Намъ и Святому Духу и божественно коронованному Царю благоугодно:... и мы постановляемъ согласно рѣшенію Св. патріарховъ нашихъ братьевъ во Святомъ Духѣ и сослужителей, что Никонъ болѣе не Патріархъ Московскій и не долженъ больше такъ называться, вслѣдствіе дѣяній, теперь изслѣдованныхъ, и вслѣдствіе беззаконій, совершенныхъ имъ, запрещенныхъ канонами и подлежащихъ наказаніямъ. Изъ нихъ главныя слѣдующія: 1. Онъ представлялъ славнѣйшаго православнаго Царя въ своихъ письмахъ къ четыремъ вселенскимъ Патріархамъ отступникомъ и тираномъ. 2. Онъ объявилъ, что весь яснѣйшій синклитъ латинизированъ и обратился къ еретическому ученію, безъ всякаго доказательства, только по страсти клевеща на свое стадо. 3. Онъ упорствовалъ, презирая патріаршіе свитки и греческія книги, напечатанныя въ Венеціи, отвергая иные помѣстные соборы и понося Патріарховъ

---

*) Текстъ 12 Ант. Правила въ Славянской книгѣ Правилъ показываетъ, что цитата его въ свиткахъ его искажаетъ. Оно говоритъ о порядкѣ апелляціи въ церковномъ судѣ и запрещаетъ клирикамъ, недовольнымъ судомъ первой инстанціи, обращаться къ царскому суду, и приказываетъ обращаться къ большему Собору епископовъ. „Аще же сихъ пренебрегши, гласитъ правило, Царю стужати будемъ, таковый да не удостаивается никакого прощенія, да не будетъ мѣста его защищенію и да не имѣетъ онъ надежды возстановленія“. Такъ это правило охраняетъ судъ церковный отъ свѣтской власти, тогда какъ свитки сдѣлали изъ него огражденіе царства отъ покушеній на его спокойствіе.

Александрійскаго и Антіохійскаго, какъ не живущихъ въ тѣхъ городахъ и не обладающихъ своими престолами (такъ и было). 4. Онъ виновенъ въ смертной жестокости, особенно къ епископу Павлу Коломенскому. 5. Онъ сорвалъ съ себя безпорядочно въ Соборѣ патріаршія одежды, объявляя себя недостойнымъ и, наконецъ, суммируя все: 6. За его акты грабежа, несправедливости и беззаконія и за его фантастическія идеи мы лишаемъ его епископской чести и власти, такъ что въ будущемъ онъ уже не долженъ больше называться Патріархомъ или Епископомъ, но просто монахомъ. Такъ пусть онъ и именуется на все будущее время разъ навсегда".

Никонъ, посмотрѣвъ на патріарховъ, сказалъ: „Вы не осмѣлились бы такъ говорить и дѣйствовать, если бы не получили разрѣшенія отъ Царя." Въ этихъ словахъ заключалось непризнаніе Никономъ каноническаго суда надъ Патріархомъ, который можетъ исходить только отъ всѣхъ Патріарховъ, какъ отъ духовной власти равныхъ по сану. Никонъ ушелъ на подворье, не благословивъ народъ и безъ креста, который до сихъ поръ предносился передъ нимъ. Установленное противъ Никона обвиненіе не выдерживаетъ критики.

Неосновательность обвиненій, объявленныхъ въ протоколѣ 5 декабря.

Въ письмѣ къ Константинопольскому Патріарху Никонъ описываетъ только дѣйствительность, какъ онъ сдѣлался Патріархомъ, на какихъ условіяхъ, какъ Царь нарушилъ клятву, что дѣлалъ Царь въ церковномъ управленіи, какъ онъ ушелъ и проч. Если онъ говорилъ объ апостасіи, то въ смыслѣ религіозно-философскомъ, а не въ смыслѣ ругани. Объ обращеніи всего синклита къ еретическому ученію Никонъ не говорилъ, а только о пріобщеніи къ посланничеству и юрисдикціи католика Лигарида, который не только просто былъ католикомъ, но, какъ оказывается изъ его писемъ и образа дѣйствій, стремился, сдѣлавшись Патріархомъ на Руси, ввести въ ней унію и, можетъ, въ этихъ видахъ главнымъ образомъ и старался такъ надъ низверженіемъ Никона. Недовѣріе Никона къ патріаршимъ свиткамъ, обнаружившееся, какъ только стали читать свитки, въ которыхъ перемѣшаны тексты каноновъ съ самовольными толкованіями ихъ, вполнѣ оправдано, ибо Никонъ увидѣлъ, что не только исказили природу его ухода, но и самовольное толкованіе правилъ стали выдавать за сами правила. Онъ говоритъ, что, если такъ читаются правила, то значитъ ихъ исказили и невѣрно напечатали въ Венеціи; онъ, вѣдь, не былъ посвященъ въ ту работу, которую продѣлали надъ свитками Лигаридъ съ Мелетіемъ, и не зналъ причины искаженія ихъ. Обвиненіе въ смертной жестокости къ Павлу Алеппскому не было доказано. Па-

велъ умеръ въ ссылкѣ отъ неизвѣстной причины, а Никонъ старообрядцевъ ссылалъ только ради прекращенія ихъ пропаганды, а къ казнямъ приговаривали ихъ уже послѣ собора 1667 г., когда Никонъ не имѣлъ уже никакого значенія. По отношенію къ Павлу Коломенскому Никонъ имѣлъ одобреніе Константинопольскаго Патріарха и Царя, и Патріархъ Макарій его за это не порицалъ въ бытность въ Москвѣ въ 1654—1656 г., хотя объ этомъ зналъ и даже жилъ въ домѣ Коломенскаго Епископа въ Коломнѣ, пока была чума; если бы онъ находилъ неправильность въ этомъ, то сказалъ бы Никону, который, по свидѣтельству сына Патріарха Макарія Павла Алеппскаго, просилъ говорить обо всѣхъ недостаткахъ въ уставѣ церковномъ и весьма почиталъ его авторитетъ. Но Павелъ Алеппскій хвалилъ Никона за ссылку Епископа Павла Коломенскаго (II, 78), очевидно со словъ отца своего, къ которому относился съ почтеніемъ. Обвиненіе въ срываніи съ себя священной одежды съ объявленіемъ себя недостойнымъ не было доказано на судѣ, а только голословно утверждалось, несмотря на протесты самого Никона, которые подтверждаются позднѣйшими изысканіями по возстановленію рѣчи Никона 10 VII 1657 года и сличенію текста читаной Никономъ 10-VII 1658 г. проповѣди Златоуста съ собственными поясненіями Никона. Никонъ говорилъ о своемъ недостоинствѣ, какъ пастыря, обвиняя себя, что его стадо недостаточно просвѣщено, какъ обвиняли себя великіе Архипастыри древности, но его слова объ этомъ недостоинствѣ его враги пріурочили къ сниманію одежды, которая всегда снимается послѣ службы, и охарактеризовали, какъ отреченіе. Огульное, бездоказательное обвиненіе въ грабежахъ, несправедливостяхъ и фантастическихъ идеяхъ было голословно, и не разработано. Перемѣны въ имущественныхъ отношеніяхъ епархій и монастырей, отчисленіе однихъ монастырей отъ епархій и причисленіе ихъ къ другимъ монастырямъ, закрытіе Коломенской епархіи и открытіе Вятской дѣлалось съ вѣдома Царя, съ участіемъ Царя, но ничего Никонъ на дѣлалъ въ пользу личнаго обогащенія, тратя все только не Церковь и церковныя нужды. Что касается фантастическихъ идей, то онѣ названы очень неопредѣленно; если это выраженіе имѣетъ въ виду борьбу Никона противъ цезарепапизма, то его идеи не фантастичны, а являются возстановленіемъ традиціи Іоанна Златоуста, Іоанна Дамаскина, Ѳеодора Студита и вообще святоотеческаго ученія объ отношеніи государства къ Церкви. Судъ, не изучившій дѣла и преднамѣренно закрывавшій глаза на причины Никоновскаго ухода, останавливавшійся только на внѣшнихъ поводахъ къ нему, не принявшій его объясненій и не допросившій свидѣтелей съ его стороны, заблаговременно всѣхъ сосланныхъ, не можетъ почитаться судомъ ка-

Тенденціозность суда надъ Никономъ.

ническимъ, не говоря уже о способахъ составленія самого соборнаго суда, о способахъ составленія правилъ для суда и о просто мошеннической подтасовкѣ инкриминируемыхъ Никону фактовъ прежде ихъ судебнаго выясненія подъ искусственно составленныя правила, смѣшанныя съ толкованіемъ на нихъ.

Окончательное судебное рѣшеніе по дѣлу Никона, читанное 12 декабря въ Чудовскомъ монастырѣ.

Но окончательное судебное рѣшеніе было составлено послѣ и было прочтено во время самаго низверженія Никона изъ сана въ церкви Чудова монастыря. Оно было болѣе полно не въ смыслѣ углубленнаго разъясненія установленныхъ на судѣ обвиненій, а въ смыслѣ прибавленій новыхъ обвиненій, которыхъ не было Никону предъявлено на судѣ, которыя фигурируютъ иногда просто въ придаточныхъ предложеніяхъ, предшествующихъ тексту самого обвиненія и приговора. Такъ было съ самымъ главнымъ обвиненіемъ, предъявленнымъ Никону уже не на судѣ, а исторической наукой, основывавшейся на этомъ документѣ, и потомствомъ; я разумѣю обвиненіе въ восхищеніи царской власти. Вотъ какъ начиналось это постановленіе: „Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь. Извѣщеніе или объявленіе совершеннаго низложенія Никона. Понеже Никонъ, бывшій Патріархъ Московскій, смути достойнѣйшаго многолѣтняго царствованія благовѣрнаго православнаго великаго государя нашего Царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца и все его православное царство смяте, влагался въ дѣла неприличныя патріаршему достоинству и власти, ихъ же главизны боговѣнчанный Царь нашъ, приславъ намъ, возвѣсти намъ, четыремъ Патріархамъ, вопрошая, лѣпо ли есть и достойно Патріарху въ сицевая врыватися дѣла, паче же вопросъ творя о безчинномъ ономъ дѣлѣ, егда посреди Великія Соборныя Церкви обнажися изъ всего архіерейскаго одѣянія, Никонъ вопія велегласно; не къ тому есмь Патріархъ Московскій, ниже ктому пастырь вмѣняюси, но пасомый, яко грѣшникъ и недостойный“. Такимъ образомъ Патріархи сообщаютъ, что Царь послалъ спросить ихъ, подобаетъ ли вмѣшиваться Патріарху въ такія дѣла, изслѣдовать о безчинномъ снятіи Никономъ одежды и оставленія стада уходомъ въ мѣсто кающихся въ основанный имъ монастырь; также далѣе сообщалось о совершеніи имъ епископскихъ актовъ послѣ отреченія, о профанированіи святыхъ мѣстъ перенесеніемъ названія Новаго Іерусалима на свой монастырь, объ ограбленіи въ пользу церкви земель, о препятствованіи ставить другого Патріарха. Вслѣдствіе этого Царь де просилъ лично прибыть Вселенскихъ Патріарховъ, но два Патріарха не смогли придти изъ за-страха передъ турками, а два пришли съ согласія двухъ другихъ (это была явная ложь). Такъ указаніе на

вмѣшательство Никона въ государственныя дѣла помѣщено даже не въ самомъ обвиненіи Никона, а въ исторіи, разсказывающей о приглашеніи Патріарховъ въ Москву въ качествѣ мотива, будто бы побудившаго Царя призвать Патріарховъ. Насколько это лживо, видно изъ того, что уже въ 1657 г. царь самъ свидѣтельствовалъ, что Никонъ не вмѣшивается въ государственныя дѣла, очевидно въ виду прекращенія регентства, съ возвращеніемъ Царя съ войны, а послѣ этого Никонъ черезъ годъ оставилъ и церковныя дѣла. **Мы подчеркиваемъ только, что это вмѣшательство не фигурируетъ въ числѣ обвиненій Никона самими Патріархами, какъ особое дѣяніе, ими изученное, тогда какъ другія перечислены среди обвиненій. Трудно себѣ представить, чтобы, если таковыя были въ дѣйствительности, то были бы умолчаны, среди такого старанія придумать и создать другія обвиненія, искусственно натянутыя.**

Сказавъ, почему ихъ позвали, **Патріархи** продолжали: „Се мы, Божіей благодатію и многолѣтствія достойнѣйшаго Царя нашего счастіемъ пріидохомъ два Патріархи, си рѣчь, Паисій Папа и Патріархъ Александрійскій и судія вселенскій и Макарій Божія града Антіохіи и всего Востока Патріархъ, во еже бы намъ судити и утвердити патріаршіе наши томы, уже прежде самими подписанми утвержденныя и укрѣпленныя апостольскими и вселенскими и помѣстными различныхъ соборовъ правили всякое церковное того мѣста прилучившееся дѣло. Тѣмъ же убо пришедши въ царствующій градъ Москву и сотвориша прелестное взысканіе, обрѣтохомъ винна, во всѣхъ главахъ и должно всѣмъ появленіямъ, о нихъ же глаголяше оба томы пререченнаго Никона (это они нашли во время засѣданія 30-XI безъ опроса Никона огульнымъ общимъ вопросомъ) во всемъ о немъ же глаголаше свидѣтели о отреченіи Никоновы патріаршаго престола. Ктому и иная многая преступленія си рѣчь, яко проклинаше Архіереи россійскіе въ Недѣлю Православія всякаго истязанія и суда кромѣ; еще же ругался обычаемъ глумителей двумъ Архіереямъ, единаго именуя Анну и Каіафу (Астр. Іосифа и Паисія Лигарида) такожде двухъ отъ синклита царскихъ боляровъ и посланниковъ именова Иродомъ и Пилатомъ (Одоевскаго и Родіона Стрешнева во время слѣдствія 19 іюля 1663 г.). Тѣмъ же убо Никонъ призвася по обычаю церковному да пріидетъ и дастъ правильный отвѣтъ о нихъ же оглаголанъ быше. Но Никонъ не точію не смиреннымъ пріиде образомъ, яко же мы ему братолюбиво прописахомъ, во же бы пристяжати вящую милость, паче же насъ оглаголовати не преста, повѣдуя не имѣти насъ древнихъ престоловъ нашихъ, внѣ же нашихъ епархій скитающеся пребывати, единаго во Египтѣ, другого же въ Дамаскѣ безпрестольно (это было вѣрно). Еще же и томы наши именова басни и бяди, того

ради яко приводихомъ за его преступленія правила, прямо его преступленіямъ противящеся, яже онъ нарицаше лживая“. (Никонъ призналъ, что толкованія томовъ не соотвѣтствуютъ канонамъ). Еще же второй законъ (второе правило) сотворенъ на Соборѣ, бывшемъ въ Св. Софіи, повелѣвающій сице яко Архіерей нисшедшій на мѣсто кающихся, не можетъ архіерейская дѣйствовати. Сей онъ канонъ весьма отрече (въ дѣйствительности канонъ къ нему неприложимый, ибо онъ великой схимы не принималъ) и вся правила Помѣстныхъ Соборовъ, бывшихъ по седьмомъ Вселенскомъ Соборѣ, всячески отверже (въ томъ видѣ, въ которомъ они выдавались будто бы за напечатанныя въ греческомъ Номоканонѣ), обаче же въ свитцѣ архіерейскомъ обрѣтохомъ бывати исповѣданіе отъ священника, хотящаго хиротонисатися, яко пріемлетъ всякое церковное преданіе и неписанное, Вселенскія и Помѣстныя Соборы, наипаче же въ Царьградѣ бывшіе, въ Преславномъ Храмѣ Премудрости Бога Слова: Такоже въ Богомъ хранимой палатѣ на Варлаама рожденнаго въ Калавріи и на Анкидина и ихъ подражателей иже вѣрно седьмый вселенскій Соборъ утверди. Паче же сихъ толкованія и сказанія яже обще мы яко Архіереи и учители Церкве Христовы сотворили, самыя суеты рече быти. Во утвержденіе убо вящее глаголовъ нашихъ и пространнѣйше удовленіе тогда присутствовавшимъ предложихомъ же и книгу Номоканона, но сію книгу съ великимъ безстыдствомъ назва еретическою (ибо судьи, приводя невѣрно каноны, утверждали, что такъ написано въ греческомъ Номоканонѣ) того ради, что индѣ напечатася, си рѣчь, въ странахъ западныхъ. Ктому во епистоліяхъ къ намъ, четыремъ Патріархамъ (въ дѣйствительности одному Константинопольскому) посланныхъ, извѣствова православнѣйшаго нашего Царя латинствовати, нарицая его мучителя неправедна и уподобляя его Іеровоаму и Озіи; подобно же синклитъ и всю Россійскую Церковь къ латинскимъ догматамъ и отступству бѣднѣ падшую быти, порицалъ и яже стадо себѣ врученное, не пастырь, но наемникъ правильно вознепщуется и яве наречется, зане же не полагаетъ души своея за овцы своя. (Никонъ какъ разъ оберегалъ Царя и всѣхъ отъ Лигарида, но безрезультатно). Еще же и Архіерея самъ единъ низверже кромѣ всякаго Помѣстнаго Собора, на немъ же долженъ бяше явити его погрѣшенія. (Павелъ Коломенскій, мѣры къ которому Никонъ примѣнилъ по совѣту Константинопольскаго Патріарха Паисія)... По низложеніи Павла Коломенскаго, его же изъ мантіи обнажи жестоцѣ и на дальняя заточенія предаде, не помянувъ оного словесе, яко дважды никако же казнить подобаетъ за то же и едино преступленіе (здѣсь было одно наказаніе отъ духовной власти и отъ свѣтской выполненное). Тѣмъ же прилучися архіерееви тому изумитися и погибнуть бѣдному кро-

мѣ вѣсти: отъ звѣрей ли снеденъ, или въ водѣ утопѣ. Еще же и отца своего духовнаго повелѣ безъ милости бити, даже обезвѣчену ему на ноги быти, якоже сами язвы его видѣхомъ". (Объ этомъ въ судѣ не было и рѣчи). **Всѣ новыя обвиненія на Никона понадобились потому, что въ 1660 г. соборъ и Царь не рѣшились низвергнуть Никона изъ сана. ибо обвиненіе тогда базировалось только на его уходѣ, который враги называли отреченіемъ.**

Далѣе грамота говоритъ о наказаніи, положенномъ на Никона. „Познавши убо Никонъ не архіерейская употтебляше кротость, но мучительски неправдамъ приложися, хищеніямъ предадеся и мучительствы обвязали, по св. и божественнымъ правиламъ Вселенскихъ и Помѣстныхъ Соборовъ, сотворихомъ его всякаго священнодѣйства чюжда, во еще бѣ ему ктому не дѣйствовати архіерейскихъ, ибо его совершенно низложихомъ мы, Патріархи съ омофори и съ епитрахили передъ всѣмъ священнымъ соборомъ, изъявляюще отъ нынѣ вмѣнитися и именоватися простымъ монахомъ Никону, а не ктому патріархомъ Московскимъ. Сія вся правильно сотворихомъ, кромѣ всякаго лицепріятія и кромѣ страстнаго сужденія, боящеся немогуща преложитися ока Божія имать бо Богъ око отмстительно (оба Патріарха было повѣшены султаномъ) и страшашеся будущаго онаго судилища, воздающаго казнь втайнѣ, разсуждающе же въ умѣ и въ мысли нашей въ семъ и въ будущемъ вѣцѣ вѣчнаго огня, вѣчное мученіе праведнѣй и по Бозѣ судъ изнесохомъ и сотворихомъ мѣсто паки его пребыванію до кончины житія его назнаменовахомъ въ монастырѣ, во еже бы ему безтрепетно и безмолвно плакатися о грѣсѣхъ своихъ. Повелѣхомъ же при немъ быти благоискусну нѣкоему мужу архимандриту опасеній ради, да не дерзнетъ кто отъ безчинныхъ ругатися ему и обиду творити; и онъ же самъ впредь да не дерзнетъ коварствъ какихъ составляти. Еще же завѣщакомъ при немъ быти честному мужу дворянину съ малымъ числомъ людей служилыхъ всякаго опаства ради, дабы къ нему и отъ него мятежнымъ писаніямъ не исходити".

Обрядъ низверженія изъ сана, продѣланный съ Никономъ 12 декабря.

Самый обрядъ низверженія изъ сана происходилъ въ маленькой церкви Чудова монастыря въ отсутствіи народа, въ присутствіи всѣхъ тѣхъ же Архіереевъ, а среди бояръ названы Шушеринымъ кн. Одоевскій, князь Черкасскій и кн. Юрій Долгорукій. Не пришелъ лишь Царь. Изъ Архіереевъ не хотѣлъ прибыть **Симонъ Вологодскій**, страдая за неповинное обвиненіе Никона, сказавшись больнымъ, но его принесли въ церковь на носилкахъ. Приговоръ былъ прочитанъ Никону, стоявшему посреди церкви, по-гречески, а потомъ по-русски Митрополитомъ Илларіономъ Рязанскимъ. Шушеринъ говоритъ (стр. 125), что „слы-

шавъ тое ихъ неправедное изверженіе, Святѣйшій Никонъ, яко быша вся вины написаны, вся ложь и клевета, возбрани нѣкую рѣчь неправедно писано... Егда же притено быть изверженіе оно, тогда Вселенстіи Патріарси снидоша со своихъ мѣстъ, и пріидоша предъ царскія двери суще въ омофорахъ и прочетше нѣкія молитвы краткія, по семъ обращшеся, приступиша ко Св. Никону, показующе рукою своею и глаголюще чрезъ толмача, повелѣвающе ему сняти съ себя клобукъ, бѣ же на главѣ Св. Никона Патріарха клобукъ черный, на немъ же изображенъ бѣше честный и животворящій крестъ дражайшимъ жемчугомъ. Вопроси же Св. Патріархъ чего ради повелѣваютъ ему сняти клобукъ? Они же рекоша: „понеже Соборъ сей осуди тя, и дѣла твоя обличише тя,—сего ради отсель не подобаетъ ти нарицатися Патріархомъ; зане ты самъ собою и гордостью своею оставилъ свою паству твою самовольно съ клятвою". Никонъ же отвѣщавъ рече: „**Аще и Соборъ сей осуди насъ неправедно, аще и дѣла наша небывшая обличиша насъ** или паству свою оставихъ, но сего не сотворю, еже бы мнѣ самому сняти съ себе, утвердихъ въ воспріятіи священнаго и монашескаго образа, яко сохранити ми се даже до исхода души моея, а еже вы хощете, то и творите, видѣхъ бо васъ, яко вы здѣ пришельцы есте, пріидосте бо отъ дальнихъ странъ и отъ конецъ земли, не яко ино что благосодѣяти, или миръ сотворити, но яко пребывающе въ турецкомъ порабощеніи и скитающеся по всей земли, яко сущіи просителіе, да не токмо что себѣ потребная, но и обладающему вами дань воздадите; „приложи же Св. Патріахъ Никонъ и се:" вопрошаю вы и о семъ, откуда вы сіи законы взяли есте яко тако дерзновенно творити? **аще бо азъ и повиненъ бы бѣхъ и осужденія достоинъ, чего ради сіе тайно творите, яко же татіе, приведосте бо мя въ сію церковницу въ монастырѣ сущую, въ ней же не обрѣтается** Царское Величество и весь его царскій синклитъ, **такожде и всенародное множество Россійской земли?** Или азъ по благодати Св. Духа паству свою или пастырскій жезлъ въ сей церковницѣ воспріяхъ?... Мы же избраніемъ Пресвятаго Духа, желаніемъ и тщаніемъ и прилежнымъ слезнымъ прошеніемъ и моленіемъ Благочестивѣйшаго Царя и его страшныхъ и нестерпимыхъ клятвъ, засвидѣтельствованныхъ самимъ Богомъ, воспріяхомъ патріаршество въ святой Соборной и Апостольской Церкви передъ всенароднымъ множествомъ, ни желаніемъ, ни тщаніемъ, ни снисканіемъ коего-либо образа, и аще нынѣ желаніе вамъ бысть, еже не праведно насъ осудити **и извреши, да идемъ во Св. Божію Церковь въ ней же воспріяхомъ пастырскій жезлъ, и аще обрѣщуся достоинъ вашего намѣренія, то буди вамъ яко же годѣ, и еже хощете, то тамо и творите"**. Но Никону не вняли, и нечестивый

судъ закончился среди враговъ его вдали отъ людей.

Мотивы дѣйствій Патріарховъ въ судѣ надъ Никономъ.

Этотъ приговоръ надѣлалъ хлопотъ двумъ Патріархамъ, осудившимъ Никона. Каптеревъ сообщаетъ (II, 481), что они были низложены Вселенскимъ Патріархомъ вмѣстѣ съ соборомъ именно за то, что поѣхали въ Москву для суда надъ Никономъ. Чтобы оправдать себя въ глазахъ Патріарховъ, они, желая привлечь ихъ на свою сторону, посылали имъ письма, въ которыхъ жертвовали исторической достовѣрностью, что будто они поѣхали въ Москву, полагая, что Константинопольскій Патріархъ послалъ своего экзарха, а что Патріархъ Нектарій туда уѣхалъ уже, писали, что вся ихъ дѣятельность была направлена, чтобы „возстановить и возвысить рода нашего преизящную святость, чести ради общія и лѣпоты рода нашего". Говоря о мотивахъ двухъ патріарховъ, побудившихъ ихъ ѣхать въ Москву, вопреки двумъ другимъ Патріархамъ, Каптеревъ пишетъ (II, 489), что, „рѣшаясь на такой рискованный шагъ — самовольную поѣздку въ Москву, они руководились особыми и очень важными соображеніями — получить возможно богатую и обильную милостыню, которую, вѣроятно, обѣщалъ имъ грекъ Мелетій, уговаривавшій ѣхать ихъ въ Москву. И они дѣйствительно получили ее въ огромныхъ цифрахъ въ разное время: подробное исчисленіе Каптеревымъ подарковъ, полученныхъ въ разное время, даетъ сумму по 200.000 золотыхъ рублей на каждаго Патріарха (II, 490).

Кромѣ того, Патріархи получили огромныя деньги на содержаніе всей своей огромной свиты, значительно превышавшія самыя широкія потребности. Они наживались сами еще отъ этой свиты, привозившей разные священные предметы, за которые брались огромныя деньги. Кромѣ этого, безпошлинно привозились товары и вывозились; часть барыша получали Патріархи. Вся огромная мірская свита изъ „племянниковъ" и родственниковъ Патріарховъ, занимавшаяся торговлей, жила также на счетъ Московскаго правительства, получала подарки отъ правительства, возила товары на казенныхъ подводахъ, и во всемъ этомъ Патріархи состояли пайщиками. Поэтому Патріархи, когда по пути изъ Астрахани въ Москву, перешли съ барокъ на сушу, то потребовали для себя 400 подводъ (II, 494).

Отношеніе Константинопольскаго Патріарха къ совершившемуся приговору надъ Никономъ. Письмо Парфенія IV царю.

Московское правительство очень было обезпокоено, когда узнало о низложеніи Патріарховъ, послѣдовавшемъ еще до времени самого суда надъ Никономъ; подарками и грамотами оно добилось у Константинопольскаго Патріарха Меѳодія возстановленія ихъ на своихъ престолахъ, но оно хлопотало еще объ утвержденіи постановленія Московскаго Собора по дѣлу Никона передъ Констан-

тинопольскимъ Патріархомъ, ибо постановленія Собора могли вызвать протестъ. „Судя по тому, пишетъ Каптеревъ (II, 488), что подобнаго документа и ссылокъ на него никогда и нигдѣ не встрѣчается, можно думать, что Константинопольскій Патріархъ вовсе не собиралъ у себя Собора для разсмотрѣнія и утвержденія дѣяній Московскаго Собора, какъ этого хотѣло и добивалось наше правительство. Но, если со стороны Греческой Церкви и не было формальнаго соборнаго одобренія **дѣяній Московскаго Собора, то не было оттуда и протеста: осужденіе Никона, какъ совершившійся фактъ, молча было принято** всѣми на Востокѣ, что между прочимъ, видно изъ позднѣйшихъ разрѣшительныхъ грамотъ Никона. Но Константинопольскій Патріархъ Парѳеній, вновь вступившій на престолъ, писалъ 15 янв. 1668 г. царю: „Будь царемъ совершеннѣйшимъ, справедливымъ, тебя зовутъ милостивымъ, окажи эту милость требующимъ, изъ нихъ есть и одинъ много пренебрегаемый Никонъ; довольно, довольно для него такого изгнанія, молимъ тебя, возврати его въ монастырь свой, для наказаній ему достаточно одной ссылки, не обременяй его большимъ, оставляя такого достойнаго человѣка въ такомъ великомъ пренебреженіи, возврати изъ ссылки крестившаго твою благословенную отрасль, не медли Царь молю тебя, но какъ можно скорѣй дай освобожденіе Никону, чтобы возвратился въ монастырь свой, да радуется и вся вселенная скорбящая о немъ".

Положеніе финансовое Лигарида въ Москвѣ.

Что касается Лигарида, то, помимо надежды на высокое положеніе въ Русской Церкви, онъ получалъ также огромныя пеньги отъ Царя, которыя вымогалъ у него подъ разными лживыми предлогами, то на выкупъ не существующей его Епархіи отъ турокъ, то на содержаніе слугъ и лошадей, то на архіерейскія одежды, то на покупку каретъ и лошадей, то якобы на подати своему Патріарху и на уплату долговъ епархіи, причемъ царь давалъ отъ себя богатѣйшіе подарки; вдобавокъ Лигаридъ занимался торговлей и хлопотами по представительству за грековъ-купцовъ, съ которыхъ также вымогалъ деньги (Каптеревъ II, 271-274). Онъ пользовался огромнымъ вліяніемъ: такъ Аѳонскій архимандритъ Ѳеофанъ въ іюнѣ 1663 г. за посѣщеніе Никона безъ дозволенія Царя (когда онъ и разсказалъ Никону все прошлое Лигарида), былъ выданъ Лигариду и сосланъ въ Кирилловскій монастырь. Вотъ способы и люди, черезъ которыхъ Московское правительство добилось съ виду какъ будто канонического удаленія Никона въ ссылку. Дальнѣйшая судьба Никона въ сылкѣ еще болѣе подтверждаетъ, что **она была больше дѣломъ бояръ, чѣмъ Царя,** принужденнаго въ значительной мѣрѣ уже только нести послѣдствія созданнаго положенія. Со стороны Царя были постоянныя

присылки къ Никону подарковъ, испрашиванія молитвъ, благословеній (какъ будто Никонъ не лишенъ былъ сана) и прощенія, но, когда не стало Царя Алексѣя Михайловича, и на престолъ вступилъ юный Царь, сначала совершенно не понимавшій всего продѣланнаго съ Никономъ, то бояре, среди которыхъ опять взяли верхъ Милославскіе съ Патріархомъ Іоакимомъ, подвергли его еще болѣе нелѣпому суду въ 1676 г., по которому его перевели изъ Ѳерапонтова монастыря въ Кирилловъ на гораздо болѣе тяжелое заключеніе, а передъ этимъ, за короткое время второго брака Алексѣя Михайловича 1672—1676 г.г., участь Никона была настолько облегчена, что онъ свободно ѣздилъ изъ монастыря, и принималъ множество народа, который лѣчилъ.

Никонъ возлагалъ отвѣтственность за приговоръ на Царя, но болѣе виновными считаетъ бояръ.

Никонъ возлагалъ отвѣтственность за приговоръ на Царя: это видно изъ приведенныхъ уже нами послѣднихъ словъ его Патріархамъ въ засѣданіи 5 декабря, а въ другомъ засѣданіи, когда на него понеслось со всѣхъ сторонъ негодованіе за то, что онъ всѣхъ сопричислилъ къ костелу, онъ прямо сказалъ Царю: „Моя кровь и грѣхъ всѣхъ на твоей головѣ, Царь". Оставляя отвѣтственность на Царѣ, который не оцѣнилъ того, чѣмъ былъ Никонъ для царской власти, Никонъ, мы видѣли, большими виновниками въ своемъ гоненіи считалъ бояръ: такъ онъ писалъ въ „Раззореніи": „больше виновенъ тотъ, кто побудилъ къ гоненію"; такъ онъ говорилъ и на судѣ, напоминая Царю, что самъ онъ въ 1648 и 1662 г.г. свидѣтельствовалъ неправду бояръ. Разсмотрѣніе дѣла суда показываетъ, что процессъ надъ Никономъ нельзя назвать судомъ въ юридическомъ смыслѣ, ибо это былъ судъ политическій въ смыслѣ опредѣленнаго преслѣдованія для достиженія предустановленной цѣли, но облеченнаго въ судебныя формы.

Судьба Никона въ ссылкѣ. Два теченія въ Москвѣ въ отношеніи къ Никону.

Послѣ ссылки Никона отношеніе къ нему со стороны Московскаго правительства двойственное: Царь хочетъ смягчить ему участь, бояре—отяготить. Эти два теченія все время пересѣкаютъ другъ друга; но точка зрѣнія Никона всегда осталась одна. Дѣлая отвѣтственнымъ за приговоръ Царя, онъ на другой день послѣ низложенія 13 декабря 1666 г. въ отвѣтъ на просьбу Царя о благословеніи черезъ боярина Родіона Стрешнева, категорически въ этомъ отказалъ, заявивъ: „Если бы благовѣрный Царь желалъ отъ насъ благословенія, то не оказалъ бы намъ такой немилости". Никонъ былъ человѣкъ принципа и отказался принять отъ Царя богатые подарки и шубу на дорогу, несмотря на всѣ уговоры Стрешнева и Морозова, и на то, что у него не было съ собой шубы, которую уже въ пути ему далъ сопровождавшій его архимандритъ Іосифъ.

Никонъ не прощаетъ Царя какъ Патріархъ Царя, но прощаетъ какъ человѣкъ человѣка.

Точка зрѣнія Никона ясна; когда Царь просилъ прощенія и благословенія, присылая съ подарками въ Ѳерапонтовъ монастырь, Никонъ прощалъ его, но одновременно говорилъ, что полное прощеніе можетъ дать тогда, когда Царь его вернетъ изъ ссылки въ Воскресенскій монастырь; тогда онъ дастъ прощеніе полное подъ епитрахилью; до тѣхъ поръ полнаго прощенія быть не можетъ, ибо не будетъ на лицо реальнаго раскаянія въ совершенномъ надъ Никономъ нечестіи. Когда пріѣхалъ къ Никону новый приставъ Наумовъ 19 января 1667 г., то Никонъ отвѣчалъ черезъ него Царю: „Ты боишься грѣха, просишь у меня благословенія, примиренія, но я даромъ тебя не благословлю, не помирюсь; возврати изъ заточенія, тогда прощу... Когда передъ моимъ выѣздомъ изъ Москвы ты присылалъ Родіона Стрешнева съ милостыней и просьбой о прощеніи и благословеніи, я я сказалъ ему—ждать суда Божія. Наумовъ говоритъ тѣ же слова, и я ему тоже отвѣчалъ, что, мнѣ нельзя дать просто благословеніе и прощеніе. Ты меня осудилъ и заточилъ, и я трикратно тебя проклялъ по Божественнымъ заповѣдямъ паче Содома и Гоморры; въ первый разъ, какъ уходилъ (въ 1658) съ патріаршества, ради гнѣва твоего, выходя изъ церкви отрясъ прахъ отъ ногъ своихъ, и во второй разъ, какъ приходилъ предъ Рождествомъ (1664), былъ изгнанъ, во всѣхъ воротахъ городскихъ отрясалъ прахъ, въ третій разъ какъ былъ у тебя въ столовой въ другой разъ, выходя, сталъ посреди столовой и обратясь къ тебѣ, отрясая прахъ ногъ, говорилъ: кровь моя и грѣхъ тѣхъ буди на твоей головѣ". И Никонъ былъ непреклоненъ, несмотря на то, что режимъ его дѣлали болѣе суровымъ именно за его непреклонность, и смягчали, когда Никонъ проявлялъ меньше непреклонности. Послѣ многократныхъ просьбъ Царя Никонъ преду послалъ ему благословеніе и прощеніе личное за себя, предупредивъ, что это прощеніе не есть полное, которое возможно только, если Царь аннулируетъ приговоръ суда.

7-IX 1667 года Никонъ писалъ Царю: „Нынѣ 7 сентября приходилъ ко мнѣ Степанъ Наумовъ и говорилъ мнѣ великимъ Государевымъ словомъ, что повелѣно ему по вашему государеву указу съ великимъ прошеніемъ молить и просить о умиреніи, чтобы я, богомолецъ вашъ, тебѣ великому Государю подалъ благословеніе и прощеніе, а ты, Государь, меня, богомольца своего по своему разумѣнію пожалуешь. И я тебя, великаго Государя и все твое царское семейство благословляю и прощаю. А когда я богомолецъ вашъ ваши государскія очи увижу и тогда вамъ, Государямъ со святымъ молитвословіемъ **наипаче прощу и разрѣшу**, какъ Св. Евангеліе показуетъ о Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ и Дѣяніе Святыхъ Апостолъ, (которые) всюду съ возложе-

ніемъ рукъ прощеніе и цѣльбы творили Смиренный Никонъ милостью Божіей Патріархъ, засвидѣтельствую страхомъ Божіимъ и подписаніемъ своей руки". Никонъ не признавалъ канонической дѣйствительности низложенія и считалъ себя Патріархомъ. Такъ молились за него, какъ за Патріарха, и его близкіе монахи, добровольно раздѣлившіе съ нимъ ссылку.

Отношеніе царя къ Никону въ ссылкѣ.

Посланные, пріѣзжавшіе къ Никону отъ Царя величали его отъ имени Царя великимъ и святымъ отцомъ. Царь неоднократно присылалъ Никону подарки и дары богатые, которые Никонъ иногда отказывался принимать (например̃ъ по случаю смерти царицы Маріи Ильинишны, сказавъ, что и даромъ молиться будетъ), иногда принималъ, когда предполагалъ въ отношеніи Царя преддверіе своего освобожденія; въ зависимости отъ этихъ личныхъ отношеній къ нему Царя, отражавшагося въ поведеніи приставовъ, Никонъ иногда снова угрожалъ, что не будетъ посылать благословеніе, и опять не будетъ ничего принимать отъ Царя, и передъ Богомъ плакать будетъ и говорить снова, что прежде говорилъ съ клятвой. Но въ одномъ онъ остался вѣренъ—прощенія полнаго онъ Царю не далъ, ибо Царь не исправилъ своего грѣха передъ Церковью и не освободилъ отъ невиннаго заточенія Патріарха. Повидимому, Царь очень тяготился своей виной въ участи Никона, ибо въ его духовной читалось надъ его гробомъ: „При семъ же азъ прощенія прошу и разрѣшенія отъ Церкви Божіей и отъ слугъ ея, отъ отца моего великаго Господина Св. Никона Іерарха и блаженнаго пастыря, аще и не суть нынѣ на престолѣ семъ Богу тако изволившу, такожде разрѣшенія прошу отъ Св. Іоакима Патріарха Московскаго и всея Руси и Преосвященныхъ Митрополитовъ, Архіепископовъ и Епископовъ и у отца моего духовнаго протопопа Андрея Савиновича и у всего Освященнаго Собора и монашескаго чина" (приведено изъ Николаевскаго, взявшаго эту запись изъ Рукописи библіотаки СПБ духовной академіи).

Никонъ самъ также просилъ прощенія у Царя за личныя обиды. Его сообщенія Царю о своей жизни въ ссылкѣ.

Никонъ съ своей стороны самъ просилъ у Царя прощенія за свои ему личныя обиды; свидѣтельствомъ его осталось его письмо отъ 25 декабря 1671 г., посланное іеродіакономъ Мардаріемъ (добровольно раздѣлившимъ заточеніе), въ которомъ Никонъ просилъ у Царя ради Праздника Рождества Христова полнаго прощенія во всѣхъ оскорбленіяхъ, нанесенныхъ, ему въ прежнее время. Затѣмъ Никонъ описываетъ жизнь свою въ Ѳерапонтовомъ монастырѣ при приставѣ Наумовѣ, и въ концѣ письма умоляетъ Царя объ облегченіи своей участи. „Ради винъ моихъ отверженъ я въ Ѳерапонтовъ монастырь. Теперь я боленъ, нагъ

и босъ, креста на мнѣ нѣтъ третій годъ; стыдно и въ другую келью выйти, гдѣ хлѣбъ пекутъ и кушанья готовятъ, потому что многія части зазорныя непокрыты; со всякой нужды келейной и недостатковъ оцынжалъ, руки больны, лѣвая не подымается, на глазахъ бѣльма отъ чада и дыма, изъ зубовъ кровь идетъ смердящая, и они не терпятъ ни горячаго ни холоднаго, ни кислаго, ноги пухнутъ и потому не могу церковнаго правила править, а попъ у меня одинъ и тотъ слѣпъ, говорить по книгамъ не видитъ: приставы ничего не продать, ни купить не дадутъ, никто ко мнѣ не ходитъ и милостыню просить не у кого. А все это Степанъ Наумовъ навелъ на меня за то, что я ему въ глаза и за глаза говорилъ о неправдахъ его, что многихъ старцевъ, слугъ и крестьянъ билъ, мучилъ и посулы бралъ... До тебя это дошло и ты прислалъ Ивана Образцова съ милостивымъ указомъ; онъ поосвободилъ насъ, но Степану никакого указанія не учинилъ; какъ было велѣно, только въ хлѣбной избѣ часа на два посадилъ. А Степанъ немного спустя началъ мучить меня пуще прежняго: служка мой ходитъ къ нему разъ десять для одного дѣла, все времени нѣтъ! А, если выглянетъ въ окошко, съ шумомъ говоритъ: я въ монастыри писалъ, чтобы прислали запасное (въ Кирилловъ монастырь и другіе, которые присылали на содержаніе Никона по приказу Царя), но они не слушаютъ, а у меня приказа нѣтъ, чтобы на нихъ править; они говорятъ: „пора прихоти оставить, ѣшь, что дадутъ“. Когда къ Степану вѣсть пришла, что твоего царевича Алексѣя не стало, то дѣвка его пришла въ другую избу и говорила: „Нынѣ на Москвѣ кручина, а у нашего боярина радость, говоритъ: теперь нашего колодника надежда вся погибла; на кого надѣялся, и того не стало, кротокъ будетъ. А теперь кн. Самойло Шайсуповъ (новый приставъ) дѣлаетъ все по Степанову. Прошу тебя: ослаби ми мало, да почію прежде даже отыйду, прошу еже жити ми въ дому Господни во вся дни живота моего“. Послѣ вскорѣ наступила лучшая пора въ жизни Никона въ ссылкѣ до лѣта 1674 г.. когда на Патріаршій престолъ взошелъ Іоакимъ, а лично Царь до смерти своей въ 1676 г. исполнялъ нерѣдко самыя прихотливыя желанія Никона.

Никонъ въ ссылкѣ не признавалъ суда 1666 г. надъ собой каноническимъ.

Никонъ всегда подписывался Патріархомъ и писалъ Царю въ въ январѣ 1672 г.: „Соборъ судившихъ меня Патріарховъ Паисія и Макарія я ставлю ни во что, потому что Патріархи ушли съ своихъ престоловъ, и на ихъ мѣста поставлены другіе. Я повинуюсь Константинопольскимъ Патріархамъ и прочимъ Вселенскимъ Патріархамъ, занимающимъ свои престолы“. Далѣе Никонъ просилъ прощенія за то, что объ этомъ говорилъ и писалъ Царю въ досадитель-

ной формѣ, просилъ прощенія и милости, приписывая, что отъ Бога Царь получитъ награду, что не мстилъ ему за это.

Царь дѣлаетъ послабленія Никону, когда съ его вторымъ бракомъ обезсиливаются Милославскіе.

Послѣ 1672 г., когда царь только что вступилъ въ бракъ съ Наталіей Кирилловной Нарышкиной, въ Москвѣ значительно обезврежена была партія враговъ Никона, и Царь имѣлъ возможность дѣлать Никону всевозможныя послабленія; предоставилъ ему свободу передвиженія, такъ что Никонъ ѣздилъ по сосѣднимъ монастырямъ, развилъ хозяйство, принималъ массу народа, до 40 человѣкъ въ день, для лѣченія лекарствами, которыя выписывалъ изъ Москвы или составлялъ самъ. За это время враги Никона составили много клеветъ, и, когда со смертью Алексѣя Михайловича, они вошли въ силу, то выместили ему тяжелымъ заключеніемъ въ Кирилловомъ монастырѣ, послѣдовавшимъ по доносамъ самыхъ низкопробныхъ людей безъ всякаго слѣдствія и суда.

Никонъ считаетъ судъ 1666 г. несчастьемъ для русскаго государства и Церкви.

Никонъ почиталъ величайшимъ грѣхомъ дѣянія восточныхъ Патріарховъ, и, какъ всякій грѣхъ, онъ въ его глазахъ долженъ былъ дать тяжелыя послѣдствія. „Если неразумная запретительная клятва восточныхъ Патріарховъ осужденіемъ Русскаго Первосвятителя, наложенная на весь русскій народъ не снимется, добра ждать нечего", говорилъ Никонъ Стрешневу, сообщавшему ему въ мартѣ 1669 г. о смерти царицы Маріи Ильинишны. Съ своей точки зрѣнія Никонъ видѣлъ въ этомъ судѣ несчастье не только для себя, но для всей Русской Церкви и Русскаго государства, **и онъ измѣнилъ бы себѣ, если бы онъ далъ Царю прощеніе** за **его дѣйствія въ отношеніи къ Русской Церкви**, въ какихъ бы личныхъ отношеніяхъ къ нему онъ ни состоялъ въ послѣдніе годы жизни Царя, присылавшаго посланныхъ узнать о нуждахъ Никона, посылавшаго ему поклоны, величавшаго его св. великимъ отцомъ, исполнявшаго почти всѣ его желанія по обиходу жизни, и присылавшаго такіе цѣнные подарки, что Никонъ давалъ деньги взаймы монастырямъ и даже занялся опять своей любимой дѣятельностью— благотворительностью.

Никонъ отказываетъ въ формальномъ прощеніи даже умершему Царю.

И когда пришла вѣсть о смерти Царя, ему съ нарочнымъ, посланнымъ изъ дворца, Никонъ расплакался, но отказалъ въ формальномъ письменномъ прощеніи умершему Царю и съ болью въ сердцѣ, со слезами на глазахъ сказалъ: „Воля Господня да будетъ, если Государь здѣсь на землѣ передъ смертью не успѣлъ получить прощенія съ нами, то мы будемъ судиться съ нимъ во второе пришествіе Господ-

не; по заповѣди Христовой я его прощаю и Богъ его проститъ, а на письмѣ прощенія не дамъ, потому что при жизни своей не освободилъ насъ отъ заточенія“.

Выявленіе боярской злобы послѣ смерти Царя Алексѣя Михайловича, до тѣхъ поръ сдерживаемой.

На ряду съ такимъ отношеніемъ Царя къ Никону, противъ него продолжается въ Москвѣ неугасимая боярская злоба, степень проявленія которой зависитъ только отъ возможности ее проявить въ зависимости отъ политическаго вѣса враговъ Никона въ то или другое время. Между прочимъ историкъ Татищевъ, доказывая преимущества самодержавія для Россіи, пишетъ: „Вышеобъявленный (т. е. боярское правленіе) безпутный и государству вредный порядокъ правленія нѣколико Царь Алексѣй Михайловичъ исправилъ и власти своея прибавилъ, коему властолюбивый Патріархъ Никонъ столько въ томъ воспрепятствовалъ, что онъ не могъ совершенно самовластія получить, а по сверженію онаго, болѣзнь и другія препятствія не допустили“ (1, 545). Татищевъ считаетъ, что борьба изъ за притязаній Никона помѣшала Алексѣю Михайловичу довести борьбу съ боярствомъ до конца, ибо онъ для борьбы съ Никономъ нуждался въ поддержкѣ бояръ. Но дѣло-то въ томъ, что съ Никономъ то Царю нечего было и бороться: бояре и натравили Царя на Никона, чтобы разбить ихъ союзъ противъ боярства. Мы можемъ видѣть боярскую злобу во многихъ случаяхъ за время заточенія Никона, пока ей не удалось заточить Никона въ Кирилловскій монастырь на безъисходное жительство въ кельѣ безъ чернилъ и бумаги, почти безъ книгъ (все было отнято, кромѣ псалтыря и Библіи) и съ удаленіемъ его слугъ, добровольно пришедшихъ раздѣлить съ нимъ заточеніе. Такъ какъ самъ Царь постоянно подерживалъ съ Никономъ отношенія и даже какъ будто подогрѣвалъ своими дарами, испрашиваньемъ благословенія и заботой о немъ, надежду на возвращеніе, то враждебная Никону партія зорко слѣдила, чтобы этого не допустить. Враги его старались истолковать въ худую сторону всѣ дѣйствія Никона и составляли на него даже ложные доносы. Вредъ этихъ доносовъ до времени ограничивался тѣмъ, что Царь стѣснялся въ своихъ отношеніяхъ къ Никону и не исполнялъ тѣхъ перемѣнъ къ лучшему, которыя сулилъ, отправлялъ пословъ съ словесными порученіями, смѣнялъ приставовъ, досадившихъ Никону, но въ руки имъ не давалъ въ руководство письменныхъ инструкцій.

Неурегулированность положенія Никона въ ссылкѣ.

Отъ этого эти лица въ отношеніяхъ къ Никону руководились взглядами разныхъ сильныхъ при дворѣ лицъ, и участь Никона отъ этого постоянно колебалась: то его сажали за желѣзную рѣшетку и отводили въ сторону дорогу, чтобы онъ былъ дальше отъ

людей, то онъ получалъ свободу, ѣздилъ верхомъ, устраивалъ рыбныя ловли, велъ хозяйство, въ которомъ было нѣсколько лошадей, коровъ, немало вольнонаемныхъ работниковъ, строилъ кельи, получилъ въ свое распоряженіе церковь Богоявленія надъ монастырскими воротами, куда Царь присылалъ утварь, книги, какъ было за періодъ 1672-1674 гг. (съ женитьбой Царя на Нарышкиной). Но неопредѣленность положенія не могла не мучить Никона. Такъ послѣ пріѣзда въ іюлѣ 1667 г. пристава Образцова открытъ былъ къ Никону доступъ для постороннихъ; немедленно увеличилось при немъ количество келейныхъ старцевъ, вернулись нѣкоторые старцы, пришедшіе добровольно изъ Воскресенскаго монастыря, но ушедшіе, когда въ мартѣ этого года Наумовъ посадилъ Никона за желѣзную рѣшетку: по словамъ Никона, онъ днемъ съ лучиной теперь долженъ былъ отправлять келейное правило и былъ разобщенъ съ внѣшнимъ міромъ. Въ Москвѣ партія враждебная Никону узнала, что онъ даже посылаетъ старцевъ съ письмами, въ августѣ 1667 г. арестовали и сослали иныхъ лицъ, Наумову сдѣлали выговоръ; онъ сталъ слѣдить за перепиской Никона и за протестъ посадилъ его подъ стражу. Къ этому времени и появилисьь вырѣзанныя по приказу Никона старцемъ Іоной надписи на крестахъ, поставленныхъ внѣ монастыря на дорогѣ: „Никонъ, Божіей милостью Патріархъ постави сей крестъ Господень, будучи въ заточеніи за Слово Божіе и за Святую Церковь, на Бѣлоозерѣ въ Ѳерапонтовомъ монастырѣ въ тюрьмѣ“. Эта надпись правильно выражала ту истину, что Никонъ пострадалъ за ученіе, основанное на Св. Отцахъ, и за обличеніе тьмы духа вѣка сего.

Надпись на крестахъ въ Ѳерапонтовомъ монастырѣ.

9 апрѣля 1668 г. недовольные въ Москвѣ созвали Соборъ съ неуѣхавшими еще Патріархами, который постановилъ перевести Никона въ болѣе дальній монастырь, перемѣнить Спасскаго архимандрита Іосифа, бывшаго при Никонѣ, и приказать другому, подъ угрозой церковной казнью, чтобы никого въ тотъ монастырь ни съ какими письмами и посылками къ Никону не пропускалъ. И отъ него Никона никакихъ писемъ ни къ кому и ни съ кѣмъ бы не было. Это не было исполнено благодаря протесту Царя, но иллюстрировало наличность борющихся въ Москвѣ сторонъ, которая отражалась на участи Никона; облегченіе участи его задерживалось; до самаго удаленія Наумова въ половинѣ 1671 г. Никону приходилось испытывать всякія муки. Всѣхъ приходившихъ къ Никону привлекали къ допросу: кто не давалъ показаній или путался въ нихъ, тотъ отправлялся въ Москву въ Приказъ Тайныхъ Дѣлъ для допросовъ, наказаній и ссылки. Цѣлыхъ три года 1668-1671 было такъ, причемъ подвергались такой участи и монахи, и крестьяне

болѣе сѣверныхъ монастырей, приходившіе къ Никону. Въ ноябрѣ 1668 г. пріѣзжалъ допросить Никона стрѣлецкій глава Лотохинъ объ извѣтѣ его, поданномъ на основаніи доноса его старцевъ, ѣздившихъ въ Москву, что Богданъ Хитрово хочетъ занять первое мѣсто при Государѣ. Старцы перепутали фамиліи лицъ, назвали въ Москвѣ Ртищева вмѣсто Хитрово и запутались въ показаніяхъ. Когда пріѣхалъ Лутохинъ въ Ѳерапонтовъ монастырь, то здѣсь на Никона послѣдовалъ доносъ въ государственной измѣнѣ.

Доносъ (ложный) на Никона въ государственной измѣ (съ Донскими казаками Стеньки Разина).

Впослѣдствіи, въ 1673 г. игуменъ Афанасій публично каялся въ своихъ ложныхъ показаніяхъ на Никона Лутохину, но дѣло было сдѣлано и причинило много тревогъ Никону. Теперь бывшій при Никонѣ Новоспасскій архимандритъ Іосифъ, раньше хорошо относившійся къ Никону, узналъ, что имъ въ Москвѣ недовольны и хотятъ перемѣнить, просилъ въ октябрѣ 1668 г. объ его замѣнѣ, рѣшилъ добиться перевода, но, не получая отвѣта, объявилъ государево дѣло, чтобы его взяли въ Москву для допроса, а объявилъ онъ вотъ что: „Весной 1668 г. были у Никона воры, донскіе казаки; я самъ видѣлъ у него двоихъ человѣкъ, и Никонъ мнѣ говорилъ, что это донскіе казаки, и про другихъ сказывалъ, что были у него въ монашескомъ платьѣ, говорили ему, нѣтъ ли ему какого утѣсненія, мы отсюда тебя опростимъ“. Никонъ говорилъ мнѣ также: „И въ Воскресенскомъ монастырѣ бывали у меня также донскіе казаки и говорили, если захочешь, то мы тебя по прежнему на патріаршество поставимъ, сберемъ вольницу, боярскихъ дѣтей“. Никонъ сказывалъ также, что „будетъ о немъ въ Москвѣ новый Соборъ по требованію Царьградскаго Патріарха, писалъ ему объ этомъ Афанасій—Митрополитъ Иконійскій“. Начались розыски, пытки и ссылки. По этому поводу Проф. Николаевскій, изучившій жизнь Никона за періодъ 1667—1681, пишетъ: „Намъ неизвѣстны документы, въ которыхъ бы излагалась сущность этихъ розысковъ и ясно открывалась бы виновность Никона по первому изъ этихъ доносовъ. Но имѣются другіе документы, заставляющіе признать совершенно страдательное участіе Никона въ начинавшемся общественномъ броженіи, вскорѣ завершившемся Разинскимъ бунтомъ. Донскіе казаки свободно гуляли по окраинамъ Россіи и подготовляли смуту; ихъ много было и на сѣверѣ Россіи, гдѣ они участвовали въ Соловецкомъ возстаніи. Такъ какъ съ половины 1668 г. шли усиленные розыски по Никонову дѣлу, стрѣльцы, приставленные къ Никону, постоянно ѣздили въ Москву съ арестованными, то Наумовъ принужденъ былъ пополнять стражу монастырскими служками, въ числѣ коихъ попадались и донскіе казаки. Въ Кирилловомъ монастырѣ также бывали бро-

дячіе монахи, побывавшіе въ шайкѣ донскихъ мятежниковъ и зазывавшіе мѣстныхъ монаховъ идти съ собой на низъ, на Волгу въ казачій полкъ воровать. Такіе агенты Разина были и въ Ѳерапонтовомъ монатырѣ; имъ было интересно привлечь на свою сторону Никона и именемъ его поднять бунтъ на сѣверѣ Россіи; впослѣдствіи на допросахъ самъ Никонъ не отрицалъ того факта, что при Наумовѣ со стрѣльцами къ нему приходили три казака и говорили свои нужды и жалобы на правительство, а въ обвинительномъ актѣ 1676 г. противъ Никона прямо говорится, что эти три казака звали его Никона съ собой, чтобы онъ съ ними шелъ къ Кириллову монастырю, а ихъ де пришло по него 200 человѣкъ, а есть де готово и 5 тясячъ человѣкъ, и чтобы Степана Наумова убить до смерти и Кирилловъ монастырь разорить и съ тою бы казною и съ пушки и съ запасомъ идти на Волгу". Казаки могли произвести и насилія и, можетъ быть, пытались. Это казацкое движеніе на сѣверѣ можетъ объяснить и тотъ загадочный фактъ, что ночью 22 января 1669 г., когда были розыски по извѣту архимандрита Іосифа, Ѳерапонтовскій келарь Макарій Злобинъ собрался наряднымъ дѣломъ съ монастырскими служками да съ приходящими ворами пьянымъ обычаемъ, разбилъ караулъ, стоящій у Никона, сотника и стрѣльцовъ побилъ на голову, такъ что Наумовъ просилъ Царя усилить стражу присылкой изъ самой Москвы. Остается голый фактъ, что донскіе казаки хотѣли использовать обаяніе Никона, приглашали его перейти на ихъ сторону, отъ его имени послѣ разсылали преступныя прокламаціи (Сол. XI, 368, 369), но Никонъ не только не измѣнилъ государственному долгу, но вскорѣ предупреждалъ Царя о готовящейся смутѣ".

Сношенія Никона съ Митрополитомъ Афанасіемъ Иконійскимъ, сообщающимъ ему объ отношеніи къ его дѣлу Контсантинопольскаго Патріарха.

Что касается доноса архимандрита Іосифа противъ Никона объ его сношеніяхъ съ приверженцами на Москвѣ и на Востокѣ въ видахъ пересмотра и отмѣны соборнаго опредѣленія, то для этого есть основанія. Афанасій Митрополитъ Иконійскій, давшій важныя показаніи въ пользу Никона противъ полномочій обоихъ Патріарховъ, судившихъ Никона, хотя и былъ подверженъ заточенію въ Симоновомъ монастырѣ, но и здѣсь въ 1665 г. не переставалъ тайно переписываться съ Никономъ. Во время суда надъ Никономъ онъ былъ освобожденъ изъ заключенія, отправлялъ церковную служжу при Царѣ и поддерживалъ сношенія съ Никономъ. Онъ могъ передать Никону и о грамотѣ Патріарха Парфенія къ Царю съ просьбой освободить Никона отъ наказанія и предоставить ему жить въ Воскресенскомъ монастырѣ. Афанасій Иконійскій былъ оправленъ за сношенія съ Никономъ 11 декабря 1668 г. въ ссылку въ Макаріевъ Желтоводскій

монастырь, гдѣ и умеръ въ 1670 г., а Никонъ оставленъ подъ строгимъ карауломъ. Разговоры съ Никономъ о томъ, что приходили донскіе казаки, происходили вполнѣ миролюбиво и неоднократно.

Когда въ мартѣ 1679 г. пріѣзжалъ къ Никону Родіонъ Стрешневъ съ извѣстіемъ о кончинѣ царицы Маріи Ильинишни съ подарками отъ царя, Никонъ оправдывался отъ нареканій въ сношеніяхъ съ донскими казаками и высказывалъ свои соображенія о движеніи, указывая на близость великой смуты отъ казаковъ; причину этой смуты онъ видѣлъ въ интригахъ и насиліяхъ бояръ, враждовавшихъ противъ Царя и шедшихъ противъ его распоряженій; „эта боярская интрига грозитъ де спокойствію цѣлой семьи и государства; она и безъ того уже произвела смуту въ Русской Церкви несправедливымъ тяжелымъ заключеніемъ ея Патріарха; и впредь, если эта неразумная запретительная клятва Восточныхъ Патріарховъ осужденіемъ русскаго первосвятителя, наложенная на весь православный русскій народъ не снимется, добра ждать нечего". Замѣчаніе Никона оправдалось, и въ 1670 г. т. е. въ слѣдующемъ году Царь разсылалъ грамоты о бунтѣ Разина. Когда Разина схватили, то онъ далъ вынужденныя неопредѣленныя показанія, которыя были подхвачены врагами Никона для обвиненія его въ государственной измѣнѣ.

О казакахъ говорилъ Никонъ въ разговорахъ съ Шайсуновымъ вскорѣ послѣ его пріѣзда въ Ѳерапонтовъ монастырь, куда послѣдній поступилъ съ 12 мая 1671 г., что „онъ на воровскую прелесть казаковъ не поддался, во всемъ имъ отказалъ и съ клятвой имъ приказывалъ, чтобы они принесли государю свою повинную, и они пропали неизвѣстно куда".

Сообщенія Никона о донскихъ казакахъ.

18 января 1672 г. пріѣзжалъ къ Никону отъ Царя стрѣлецкій голова Лотухинъ и подъячій Приказа Тайныхъ Дѣлъ Степановъ съ деньгами, шубой и рыбой. Они говорили, что Царь готовъ примириться во всемъ, проситъ прощенія, что въ Ѳерапонтовъ монастырь Никонъ сосланъ Вселенскими Патріархами съ Соборомъ, что приставъ Наумовъ причинялъ Никону притѣсненія не по указу, а самовольно; они говорили Никону о томъ, что Стенька Разинъ въ разспросѣ на пыткахъ и съ огня показалъ, что пріѣзжалъ къ нему подъ Симбирскъ отъ Никона старецъ и приглашалъ его идти вверхъ Волгой, а онъ де Никонъ къ нему навстрѣчу, ибо тебѣ тошно отъ бояръ, что у тебя готово было пять тысячъ человѣкъ. Старецъ тотъ изъ подъ Симбирска ушелъ. Никона спрашивали, отчего онъ не велѣлъ схватить тѣхъ трехъ казаковъ, которые къ нему приходили. Никонъ сказалъ: „О смутѣ на Волгѣ и о Рязинѣ я ничего не знаю; три казака, приходившіе ко мнѣ, передавали только о томъ, что они посланы въ Невель, велѣно

устроить ихъ землянки, но они жить такъ и пахать землю не привыкли, государева жалованья и корму имъ не было, и они теперь идутъ искать себѣ воли. Наумову о нихъ я не донесъ, потому что они сказывали про свое многолюдство; я боялся, чтобы смуты не учинить, а обороняться отъ нихъ было нечѣмъ, Государю же о нихъ я тогда же писалъ и архимандриту Іосифу передавалъ".

Возобновленіе преслѣдованій Никона въ 1676 г. послѣ смерти Царя. Собираніе всѣхъ клеветъ.

Казалось, на этомъ все и могло бы кончиться, но нѣтъ. Дѣло былозаписано врагами Никона въ пассивъ, съ тѣмъ, чтобы поднять тогда, когда они возьмутъ силу. Это наступило спустя много лѣтъ уже послѣ смерти Царя Алексѣя Михайловича, когда противъ Никона выступили всѣ враждебныя силы, и собраны были всѣ ложные доносы, вошедшіе въ одинъ обширный обвинительный актъ, по которому Никонъ и былъ осужденъ на тяжкое заключеніе. Въ частности это дѣло о донскихъ казакахъ попало въ доносъ поссорившагося съ Никономъ еще въ 1674 году пристава князя Самойлы Шайсупова, гдѣ были выставлены и другія обвиненія столь же нелѣпыя, которыми воспользовались враги Никона, получившіе исключительное вліяніе на молодого Царя послѣ смерти Алексѣя Михайловича, именно Богданъ Хитрово, Родіонъ Стрешневъ и Патріархъ Іоакимъ. 29-30 января 1676 г. умеръ Алексѣй Михайловичъ, а черезъ 40 дней начался судъ надъ его духовникомъ протоіереемъ Андреемъ Савиновымъ, сторонникомъ Никона, черезъ котораго шли и письма Никона къ Царю; 14-III 1676 г. онъ былъ лишенъ священства и сосланъ въ Кожеезерскій монастырь съ запрещеніемъ стоять въ церкви съ вѣрными, послѣ чего и принялись за Никона. Еще со вступленіемъ на Патріаршество въ іюлѣ 1674 г. Іоакима, враги Никона стали проявлять вліяніе на его положеніе. Милости Царя стали сокращаться, а отъ Патріарха Іоакима слѣдовали инструкціи съ замѣчаніями на счетъ жизни Никона съ тенденціей возстановить строгости 1668 г. во исполненіе приговора суда 1666 и 1668 г. Никонъ жаловался на неисправность Кирилловскихъ властей въ смыслѣ доставки содержанія отъ монастыря на его людей. Челобитную Никона докладывалъ Б. Хитрово, и въ январѣ 1675 г. вышелъ царскій Указъ: Царь указалъ и бояре приговорили: „Отпискѣ этой ни въ чемъ не вѣрить, а къ монаху Никону послать съ выговоромъ стольника Козьму Лопукина и про все развѣдать подлинно, что Никонъ великому Государю писалъ не дѣломъ". Одновременно Патріархъ Іоакимъ поручилъ допросить игумена и братію Ѳерапонтова монастыря, зачѣмъ именуютъ они Никона Патріархомъ. Вмѣстѣ съ боярскимъ выговоромъ отъ самого Царя шли денежные дары, серебряные церковные сосуды съ покровами, обла-

ченія для іеромонаховъ и кругъ богослужебныхъ книгъ. Это было свидѣтельствомъ продолжавшагося двойственнаго отношенія въ Москвѣ къ Никону: съ одной стороны Царь и нѣкоторые духовные и свѣтскіе вельможи, съ другой—извѣстные намъ враги Никона,—двойственность прекратившаяся, когда враги Никона одолѣли вполнѣ со смертью Царя Алексѣя Михайловича и разослали всѣхъ друзей Никона въ ссылку вплоть до того времени, когда въ 1678 г. установились хорошія отношенія у Царя Θеодора съ его теткой Татьяной Михайловной, передавшей молодому Царю всю исторію Никона. Во время присылки Іоакимовой грамоты, Никонъ рѣзко отзывался о Патріархѣ Іоакимѣ, который въ свое время былъ ему всецѣло обязанъ принятіемъ изъ Малороссіи въ число братіи Иверскаго монастыря, гдѣ былъ строителемъ, а потомъ много разъ выступалъ съ боярами противъ Никона и по ихъ проискамъ попалъ въ Патріархи, какъ лицо враждебное Никону. Отзывъ Никона сталъ извѣстнымъ Патріарху Іоакиму и остался безъ послѣдствій временно только благодаря заступничеству Царя Алексѣя Михайловича, но былъ записанъ Никону въ пассивъ до лучшихъ временъ. Въ мартѣ 1675 г. была отправлена особая коммиссія къ Никону, чтобы выработать на мѣстѣ, согласно просьбѣ Никона, вопросъ о переводѣ натуральной повинности монастырей въ его пользу на денежную, во избѣжаніе недоразумѣній. Жизнь же Никона протекала въ хозяйственныхъ заботахъ, въ сооруженіи келій, въ устройствѣ своей церкви, въ лѣченіи больныхъ. Имѣя теперь средства отъ Царя, Никонъ тратилъ деньги на благотворительность приходившимъ къ нему бѣднымъ, давалъ на приданое. Но и здѣсь клевета не оставила его. Когда умеръ Царь, и враги Никона прислали ему на смѣну пристава Шайсупова другого—Одадурова, то тотъ сумѣлъ угодить своимъ патронамъ. Шайсуповъ былъ въ ссорѣ съ Никономъ; послѣдній по своей прямолинейности съ иимъ годы не разговаривалъ, переговариваясь черезъ служекъ; онъ отомстилъ Никону, когда представился случай, а случай этотъ не заставилъ себя долго ждать.

Почва, на которой явились клеветники на Никона въ гнусныхъ поступкахъ и измѣнѣ — усиленіе враговъ Никона и желаніе приставовъ выслужиться передъ ними.

Одадуровъ явился 29-III 1676 г. съ новыми правилами обереганья Никона, запретилъ ему и его службѣ свободный выходъ изъ келіи, запретилъ ходить постороннимъ къ нему, прекратилъ лѣченіе и окружилъ келью стрѣльцами. Былъ использованъ пріѣзъ въ Москву одного служки и присланныхъ туда Никономъ для допроса въ государевомъ дѣлѣ. Они были использованы для доноса на Никона; враги Никона привлекли Шайсупова, обвиняя его въ послабленіи Никону, и тотъ въ оправданіе себя, чтобы не оказаться

умолчавшимъ, и въ отместку Никону свелъ въ докладъ всѣ слухи и чужіе пересуды со словъ Никоновскихъ келейниковъ и слугъ, имѣвшихъ неудовольствіе на Никона за строгое обхожденіе и наказаніе за пьянство, въ томъ числѣ и гнусное обвиненіе вошло въ докладъ. Особенно отличался старецъ Іона, дѣлавшій надписи на крестахъ по порученію Никона. Онъ былъ пьяница, неоднократно былъ наказанъ Никономъ, и его извѣтъ явился самымъ гнуснымъ, не соотвѣтствовавшимъ ни семидесятилѣтнему возрасту Никона, ни его настроенности; онъ былъ посланъ въ Москву Одадуровымъ для личныхъ показаній противъ Никона, которыя и произнесъ 29 апрѣля 1676 г. Шайсуповъ же обѣлявшій себя и выслуживавшійся передъ врагами Никона, которые могли за его послабленіе Никону, наказать его также, какъ и всѣхъ вообще сосланныхъ ими сторонниковъ Никона, показывалъ опять о донскихъ казакахъ, показывалъ о томъ, что „къ Никону приходятъ женки и дѣвки будто бы для лѣкарства, а онъ съ ними сидитъ одинъ на одинъ и обнажаетъ ихъ до нага, будто бы для осмотра больныхъ язвъ, а отъ его лѣкарства многія померли. „Сообщалъ онъ, будто Никонъ выдавалъ замужъ неволею и билъ плетьми жениха, и женилъ въ неволю, что послѣ вѣнчанія къ себѣ въ келію ихъ приглашалъ, что онъ устраивалъ игры и пьяныхъ женокъ на слободы отправлялъ на монастырскихъ подводахъ.

Заочный судъ надъ Никономъ 15 мая 1676 г., безъ предварительнаго допроса свидѣтелей и его самаго по однимъ доносамъ.

Когда пріѣхали съ готовымъ приговоромъ суда, то и Никонъ своимъ правдивымъ разсказомъ, и его старцы показали всю нелѣпость обвиненій, но дѣло было уже сдѣлано что только и нужно было врагамъ Никона. На судѣ изслѣдованіе не производилось, показанія доносчиковъ вовсе не провѣрялись показаніями другихъ лицъ, не вникали въ то, что показанія на Никона дѣлались потерпѣвшими отъ него наказанія недовольными лицами; напротивъ собирались всѣ прежніе доносы и передавались Патріарху Іоакиму съ заключеніями о виновности Никона. „Можно сказать безъ преувеличенія“, пишетъ Проф. Николаевскій, что „съ возбужденіемъ теперь слѣдствія по дѣлу Патріарха Никона производилась оцѣнка и жизни, и дѣятельности его за все время десятилѣтняго заключенія въ Ѳерапонтовѣ; пересматривались вновь дѣла и бумаги по тѣмъ обвиненіямъ и вопросамъ, которые были уже рѣшены при прежнемъ Государѣ, или оставлены были безъ послѣдствій, и которые выставлялись теперь пунктами новыхъ обвиненій противъ Никона и поводомъ къ его осужденію“. 15 мая 1676 г. было вынесено постановленіе Собора, на которомъ былъ Царь Ѳеодоръ, Патріархъ Іоакимъ, 5 Митрополитовъ, 6 Архіереевъ, низшія духовныя власти и бояре, которое приговорило Никона на немедленное заключеніе въ Кирилловъ монастырь, описать и отобрать все его имуще-

ство, удалить его старцевъ, къ нему никого не пускать, никакихъ писемъ, никакихъ прошенiй ему не приносить, не давать чернилъ и бумаги, отобрать книги, кромѣ тѣхъ, по которымъ отправить церковное и келейное правило, поселивъ съ нимъ двухъ вѣрныхъ, ему чужихъ старцевъ.

Умолчанiе Соловьева с характерѣ свидѣтельскихъ показанiй и свидѣтелей на судѣ 1676 года.

Обвиненiя на Никона были явно нелѣпы по несоотвѣтствiю съ его образомъ жизни и личностью, и очень жаль, что историкъ Соловьевъ помѣстилъ такое обвиненiе (XIII, пр. 190), не приведя данныхъ, его парализующихъ, т. е. безъ объясненiя, что они исходили отъ людей пристрастныхъ и низкопробныхъ, пьяницы Iоны, наказаннаго Никономъ, и поссорившагося и жаловавшагося на Никона князя Самойла Шайсупова, испугавшагося обвиненiй на него въ уполчанiи о Никонѣ со стороны свирѣпствовавшихъ его враговъ; онъ не сообщилъ какъ были составлены эти обвиненiя на судѣ, и какой отвѣтъ былъ со стороны Никона и неотлучныхъ свидѣтелей его жизни, хотя и послѣ постановленiя суда, на которомъ не допрашивался ни Никонъ, ни окружавшiе его люди. Тогда выяснилась бы его историческая недостовѣрность и психологическая невѣроятность изъ характера личности и жизни Никона. Новый приставъ Одадуровъ, присланный въ мартѣ 1676 г., далъ тонъ новому отношенiю къ Никону, разбудившiй всѣхъ его враговъ. Докладъ Шайсупова легъ въ основу соборнаго опредѣленiя безъ всякаго разбирательства.

Опровержение Никона на обвиненiя въ 1676 г.

А вотъ что Никонъ сказалъ совершенно просто со всей внутренней силой и убѣдительностью человѣка, изстрадавшагося, много испытавшаго и не могущаго уже дивиться никакимъ кознямъ своихъ враговъ, послѣ того, какъ онъ выслушалъ состоявшiйся приговоръ въ церкви, куда и былъ позванъ для этого: „Которые казаки у него были, ихъ прислалъ къ нему Степанъ Наумовъ со стрѣльцами; а говорили ему тѣ казаки: есть де у нихъ въ сборѣ человѣкъ съ 200 и больше въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ, а какiе люди и гдѣ они стояли, точно ему не сказали; а изымать ему тѣхъ людей не кѣмъ; къ Разину въ Симбирскъ старца никакого не посылалъ и вверхъ Волгою Разина звать не велѣлъ. А что онъ, Никонъ, писалъ къ Царю Алексѣю Михайловичу и прислалъ роспись людей кого лѣчилъ (въ рукописяхъ Воскресенскаго монастыря сохранились имена больныхъ и время ихъ исцѣленiя и отъ какой болѣзни: числится за время отъ 1674 г. до 20 марта 1676 г. 68 мужчинъ, 53 женщины и 11 младенцевъ), и у тѣхъ людей онъ лѣчилъ больныя мѣста, помазывалъ масломъ и говорилъ надъ ними молитвы, и отъ того его лѣкарства милость Божiя и исцѣленiе многимъ людямъ бывали, а про то онъ

не слыхалъ, кто отъ его лѣкарства кто умеръ. За великаго Государя и за всѣхъ Патріарховъ въ церкви Божіей и въ келейномъ правилѣ онъ повсечесно Бога молитъ, а за Іоакима Патріарха Бога не молитъ, потому что писалъ Вологодскій Архіерей въ Кирилловъ монастырь и велѣлъ Бога молить за себя, а не за Патріарха, потому что отъ него, отъ Іоакима всякое зло учинилось, и нынѣ его губитъ, а попамъ де онъ за Патріарха Бога молить не заказывалъ... Патріархомъ Московскимъ онъ себя называть не веливалъ и никого къ такому дѣлу не принуживалъ. Которые де присыльщики пріѣзжали отъ великаго Государя Царя Алесѣя Михайловича и его, Никона, называли великимъ святымъ отцемъ... Больныхъ де женокъ и дѣвокъ до стыдныхъ мѣстъ не обнаживалъ а давалъ имъ тѣ больныя мѣста мазать самимъ и говорилъ де молитвы надъ ними... Въ Крестовой кельѣ онъ, Никонъ, надъ болящими молитвы говаривалъ и масломъ помазывалъ. Въ кельѣ онъ женокъ и дѣвокъ у себя замужъ не сговаривалъ и послѣ вѣнчанія въ кельѣ не имывалъ и до пьяна ихъ не напаивалъ и до полуночи у него не сиживали, а дѣткамъ де и женкамъ бѣднымъ, сиротамъ и всякимъ скуднымъ людямъ на пропитаніе и на платье деньги и хлѣбъ давалъ при стрѣльцахъ. Женки де брюхатой сильно онъ замужъ выдавать не веливалъ и жениха ея плетьми не бивалъ... На слободскихъ женокъ никакихъ пировъ не дѣлывалъ и до пьяна ихъ не паивалъ и на подводахъ въ слободы не отсылалъ, а кармливалъ де онъ всякихъ чиновъ людей на Господніе праздники вмѣсто милостыни за работы ихъ... Являлся де Христосъ къ нему часто въ церкви такимъ образомъ, какъ пишутся на иконахъ и подалъ ему благодать чаши лѣкарственной, и оно де по тому явленію и по благодати неисчерпаемой чаши лѣкарственной исцѣляетъ, и отъ того его лѣкарства Богъ отъ болѣзней многихъ людей избавляетъ, а больше того его никто лѣкарству не учивалъ... Патріархомъ онъ писывался, потому что ему отъ великаго Государя Иванъ Образцовъ и Козьма Лопухинъ и иные присыльщики его Никона называли святымъ отцомъ, да ему же изъ тѣхъ присыльщиковъ сказывали, что великій Государь не заповѣдываетъ его Патріархомъ называть".

Показанія свидѣтелей (1676 года) оправдываютъ Никона отъ клеветъ, но эти показанія уже послѣ суда.

Іеромонахъ Варлаамъ, больной старецъ Козьма показывали, что никогда зазорныхъ лицъ въ келіяхъ не было, только больные. Діаконъ Мордарій показывалъ, что онъ ѣздилъ въ Москву, письма Царю передавалъ черезъ его духовника протоіерея Савинова, покупалъ тамъ лѣкарства, но, какъ ихъ составлялъ Никонъ и мазалъ, онъ не видалъ; мужчины, женщины и дѣти часто приходили къ Никону за лѣченіемъ, видѣлъ какъ, Никонъ читалъ мо-

литвы надъ ними по требнику, приносилъ кадило, свѣчи, а ничего худого никогда не замѣчалъ; кромѣ больныхъ, никто изъ зазорныхъ къ нему не приходилъ. Варлаамъ и Мордарій были сосланы подъ надзоръ въ Крестный монастырь, гдѣ и оставались до 1680 года. Судъ 1676 г. окончательно прекратилъ земную дѣятельность Никона, и онъ былъ возвращенъ въ августѣ 1681 года въ Воскресенскій монастырь, но возстановленъ во всѣхъ правахъ Патріарха только послѣ смерти († 17 августа 1681 года) Грамотой Восточныхъ Патріарховъ, привезенной 9 сентября 1682 года тогда, когда уже Никонъ никому поперекъ дороги встать не могъ.

Отношеніе Никона къ боярству.

Мы говорили, что Никона не любило боярство, и ему онъ обязанъ своей тяжелой судьбой и невозможностью установить каноническое управленіе Церковью. Но самъ онъ былъ чуждъ какой-либо вражды къ боярству, какъ таковому. Онъ защищалъ отъ его захватовъ Церковь, ибо почиталъ это архипастырскимъ долгомъ и бичевалъ только тотъ духъ въ части боярства, который приводилъ его къ захвату Церкви, а, въ качествѣ совѣтника Государя, боролся съ тѣмъ мѣстничествомъ, которое губило государство, пріостановивъ его на время войны (оно въ полнсй силѣ возобладало до окончанія войны, но послѣ ухода Никона, что и обнаружилось въ страшныхъ пораженіяхъ 1659 и 1660 годахъ). Мы видѣли его борьбу съ боярскимъ либеральнымъ антицерковнымъ духомъ въ „Раззореніи", которое пересыпано обличительными обращеніями къ Стрешневу и Одоевскому. „Князь Никита Одоевскій, человѣкъ чрезвычайно гордый, не имѣющій страха Божія въ сердцѣ; онъ не читалъ и не понимаетъ Божественнаго Писанія и каноновъ Св. Апостоловъ и Св. Отецъ. Онъ вовсе не думаетъ жить по нимъ, и тѣхъ, кто живетъ по нимъ, онъ ненавидитъ, какъ своихъ личныхъ враговъ, будучи самъ врагомъ истины. Товарищи его—люди невѣжественные въ Св. Писаніи, а дьяки—завѣдомые враги Божіи и грабители, которые среди бѣла дня безъ страха губятъ людей Божіихъ" (I, 354).

А Стрешневу онъ писалъ: „Ты вѣруешь, что есть Богъ, хорошо; дьяволъ тоже вѣруетъ и дрожитъ; но хочешь ли видѣть, пустой человѣкъ, **что вѣра безъ дѣлъ мертва**. Развѣ Авраамъ не оправдывалъ ее дѣлами, когда предложилъ Исаака на алтарь? Дѣлами и вѣра сдѣлалась совершеннѣй. Авраамъ возлюбилъ Бога, и ему это вмѣнено въ праведность, и онъ названъ другомъ Божіимъ. Ты видишь, какъ дѣлами, а не вѣрой только оправдывается человѣкъ? Видишь, что согласно Писанію, ничего нѣтъ въ васъ христіанскаго. Но вы отверглись отъ Бога и антихристами стали, т. е. богоборцами" (I, 167).

Считая Царя неограниченнымъ властителемъ въ свѣтскихъ дѣлахъ, и считая свое осужденіе возможнымъ лишь

при попустительствѣ Царя, захватившаго и церковную и государственную власть, Никонъ возлагалъ отвѣтственность на Царя, но больше винилъ бояръ. Онъ писалъ въ „Раззореніи“, что подстрекатели виновнѣе самого дѣятеля, говорилъ и Стрешневу въ мартѣ 1669 года о томъ, что боярское безчинство онъ считаетъ причиной и Разинской смуты, и безчинія въ Церкви и осужденія ея Первосвятителя. Говорилъ онъ и на судѣ Царю, намекая на бунты 1648 и 1662 г., что онъ самъ свидѣтельствовалъ тогда о неправдахъ боярскихъ. Но у Никона не было вражды къ боярскому сословію, какъ таковому. У него были среди него друзья, которымъ онъ самъ покровительствовалъ и выхлопатывалъ имъ повышенія, но онъ въ этомъ не связывалъ себя установившимися рамками придворныхъ положеній. Онъ покровительствовалъ Зюзину, который былъ назначенъ воеводой въ Путивль, и совершенно очевидно, что съ новыми для Московскаго двора людьми Матвѣевымъ (сынъ дьяка) и Аф. Лавр. Ордынъ-Нащокинымъ (Псковскій дворянинъ) находился въ такихъ отношеніяхъ, что Зюзинъ, желая заставить Никона пріѣхать въ Москву и тѣмъ повліять на Царя въ смыслѣ примиренія, ссылался именно на нихъ, на ихъ якобы разговоръ съ Царемъ, чтобы заставить Никона повѣрить въ истинность желанія Царя видѣть Никона въ Москвѣ. Пальмеръ сообщаетъ (IV, 556), что Зюзинъ показывалъ письма Никона къ нему думному дворянину Аѳанасію Лаврентьевичу Ордынъ-Нащокину, говорилъ и о своихъ письмахъ пригласительныхъ къ Никону, но скрывалъ отъ него, что онъ писалъ, ссылаясь на слова самого Нащокина, и Нащокинъ сказалъ: „это хорошо“, т. е. онъ одобрилъ возвращеніе Никона, хотя лично не принималъ никакого участія въ предпріятіи Зюзина и даже не зналъ, что тотъ предпринималъ со ссылкой на него. Повидимому, кругъ враждебныхъ Никону бояръ ограничивался нѣсколькими семьями, особенно близкими Царю по родству женскихъ линій (Стрешневы, Милославскіе) и связанныхъ съ ними (мать Богдана Хитрово была у Морозовыхъ кормилицей). Милославскіе и Хитрово были выдвинуты Морозовыми ко двору; всѣ они занимали главные посты въ государствѣ и тяготились вліяніемъ Никона на Царя. И другія лица, встрѣчающіяся въ дѣлѣ Никона—все представители власти. Илья Даниловичъ Милославскій († 1668) отецъ Царицы, онъ во главѣ Иноземнаго Приказа и Приказа Большой Казны. Окольничій Иванъ Андреевичъ Милославскій († 1663) во главѣ Ямского Приказа, Богданъ Хитрово (умеръ не ранѣе 1677) во главѣ Земскаго Приказа и новой Чети (1654-1665). Онъ былъ креатурой Морозова и Милославскихъ (объ его безнравственной жизни сообщаетъ док-

Бояре враждебные Никону вышли изъ лицъ, близкихъ ко двору или занимавшихъ высшіе посты.

оръ Коллинсъ (между 1664 и 1668): „его жена однажды была найдена мертвой въ постели; такъ какъ его измѣны были общеизвѣстны, и ревность жены его тяготила, то были подозрѣнія на него. Царь потребовалъ отъ него или прекратить порочную жизнь съ польскими дѣвками, или оставить дворецъ“). Въ 1663-1664 г. онъ вѣдалъ Приказомъ Большого Дворца; 1 сентября 1667 г. онъ сдѣланъ бояриномъ (V. ар. 204).

Дьякъ Алмазъ Ивановъ — секретарь Боярской Думы, главный секретарь Посольскаго Приказа и Предсѣдатель Новгородской Четверти. Также представители родовой власти— враги Никона—Никита Ивановичъ Одоевскій предсѣдатель Казанскаго и Сибирскаго Приказа отъ 1643-1646 г. и А. Н. Трубецкой († 1663 г.) въ немъ отъ 1646-1663 г. Одоевскій (умеръ послѣ 1676 г.) былъ предсѣдателемъ Монастырскаго приказа, созданнаго Уложеніемъ (II, 403-405); бояринъ Петръ Михайловичъ Салтыковъ былъ пресѣдателемъ Малороссійскаго Приказа (V, ар. 216); Боборыкинъ—родственникъ Романовыхъ и Шереметевыхъ (ib. 218).

Участіе Никона въ государственной политикѣ его времени.

Посвящая свой трудъ изученію воззрѣній Никона, мы не можемъ пройти молчаніемъ его участія въ государственной политикѣ его времени, ибо онъ былъ совѣтникъ Царя. Въ смыслѣ неодобренія боярскаго мѣстничества и существованія и расцѣнки людей по породѣ, Никонъ былъ, какъ государственный регентъ и совѣтникъ Государя, прямымъ предшественникомъ Петра I вмѣстѣ съ Ордынъ-Нащокинымъ; у него не было преклоненія передъ стариной только потому, что она старина; изъ этой старины онъ почиталъ только то, что проходило черезъ испытаніе его критической оцѣнки: такъ въ отношеніи положенія Церкви въ государствѣ онъ былъ консерваторъ, но онъ почиталъ просвѣщеніе, знакомство съ иноземными усовершенствованіями техническаго рода и въ этомъ отношеніи былъ изъ числа людей новыхъ. Въ иностранной политикѣ, какъ совѣтникъ Государя, онъ стремился къ объединенію православнаго русскаго населенія и къ покровительству православныхъ народовъ иноплеменныхъ. Если польская война не закончилась Виленскимъ договоромъ 24 октября 1656 г. (который и Малороссію и Бѣлоруссію отдавалъ Россіи и предусматривалъ соединеніе Россіи съ Польшей), и потомъ въ 1659 г. возобновилась война за Малороссію, вслѣдствіе измѣны Выговскаго, то Никонъ здѣсь не причемъ. Пораженія 1659 и 1660 г. вслѣдствіи мѣстничества бояръ отдалили на 100 лѣтъ завершеніе поставленной задачи національнаго объединенія, а война съ Швеціей указывала путь Петровскимъ стремленіямъ къ берегамъ Балтійскаго моря. Есть данныя думать, что война за Малороссію началась въ значительной степени подъ вліяніемъ Никона, а бояре ею тяготились, какъ бременемъ, и ис-

торическая задача по объединенію Россіи у нихъ отступала на задній планъ передъ ихъ нежеланіемъ воевать.

Вѣдь, еще въ 1651 г. въ февралѣ Хмѣльницкій отправилъ посольство въ Москву съ просьбой о принятіи подданства; соборъ духовенства и гражданскихъ особъ не рѣшился это осуществить, и въ 1653 г. Хмѣльницкій, зная силу Никона, писалъ ему: „Вѣдуще мы о ревности, еюже твое великое святительство по Господѣ Бозѣ Вседержителѣ, по Вѣрѣ Православной, по Церкви Божіей, и по всемъ народѣ восточнаго благочестія ревнуемъ, просимъ Твое великое святительство да уважешь быти о насъ ходатай къ Его царскому величеству, да подастъ намъ отъ великаго государства свою руку помощи; мы же служити невѣрному Царю не хочемъ, но точію православному государю, и твое великое святительство, ходатая о насъ къ Богу и его царскому величеству, просимъ, дабы была едина вѣра и едино сочетаніе, а аще бо иновѣрцы и взываютъ насъ къ себѣ, но мы Бога молимъ, дабы отвратилъ очи наши не видѣти суеты и поставилъ насъ на стезю праву заповѣдей Своихъ." Бояре опять разсуждали такъ, какъ и въ 1651 г., боясь войны съ Польшей, которая была бы неизбѣжнымъ слѣдствіемъ присоединенія Малороссіи, но Никонъ убѣдилъ присоединить Малороссію, изобразивъ страданія тамъ православныхъ людей. Съ какой надеждой взирали на Никона малороссы, показываетъ письмо ихъ къ Никону.

Письмо къ Никону отъ Гетмана Хмѣльницкаго и всего Запорожскаго Войска 9 августа 1653 г. (Чт. О. И. и Др. 1848, 8 послѣдній Отдѣлъ 53 стр.) гласитъ:

„Божіей милостью Великому Святителю Святѣйшему Никону Патріарху царствующаго града Москвы и всея Великія Россіи, господину и пастырю, Его Великому Святительству Богданъ Хмѣльницкій гетманъ Войска Запорожскаго и все Войско Запорожское, низко и смиренно до лица земли челомъ бьемъ.

Вѣдуще мы о ревности, еюже твое Великое Святительство ревнуетъ по Господѣ Вседержителѣ, по Вѣрѣ Православной и по всемъ народѣ восточнаго благочестія, просимъ твое Великое Святительство да изволитъ быти о насъ ходатай къ Его Царскому величеству, да подастъ намъ отъ великаго государства свою руку помощи; и рать намъ отпуститъ въ помощь на ляховъ, понеже Король приходитъ на насъ со всей силой Ляцкою Вѣру Православную Церкви Божіей и народъ православно-христіанскій отъ земля потребити хотяй. Мы же служити невѣрному царю не хощемъ, но точію православному Государю, Его Царскому Величеству челомъ бьемъ; и да подъ крѣпкою его Великаго Государя рукою и покровомъ пробудемъ, Господа Бога Молимъ, **и твое Великое Святительство, ходатая о насъ ко Богу и къ Его Цар-**

скому Величеству, просимъ. О семъ же и сугубо Великое твое Святительство прося, молимъ, да не возвратится посланецъ нашъ Герасимъ Яцковичъ отъ Его Царскаго Величества и отъ твоего Великаго Святительства къ намъ тощь, но скоро съ силою и помощію Великаго Государя, Его Царскаго Величества, незадержанъ къ намъ да возвратится; и да обрадуетъ насъ, паки и паки Твоему Великому Святительству молимся и молитвамъ святымъ и благословенію себя вручаемъ. Въ Глуховѣ 9 дня августа 1653 г.

Вашему Великому Святительству во всемъ повинные слуги и подножники, Богданъ Хмѣльницкій Гетманъ со всѣмъ Войскомъ Запорожскимъ".

Отъ 12 августа опять грамота, что: „какъ прямыхъ слугъ своихъ Царское Величество ущедрити и пожаловати изволилъ", грамота за это приноситъ благодарность и обращается къ Никону: „Твое же Великое Святительство молимъ, да изволился о насъ къ Богу и къ Великому Государю, Его Царскому Величеству неусыпный ходатай быти, да помощи руку подастъ намъ на враговъ нашихъ скорѣйшую и прескорѣйшую ратію свою Великій Государь, да не безпомощнымъ намъ это зло сотворятъ".

Спустя лѣтъ 14-15 то же явленіе. Гюббенетъ приводитъ письмо одного архимандрита греческаго, который писалъ въ Константинополь о немъ, называя Никона вторымъ Златоустомъ, что „Царь его любитъ и желаетъ и приходитъ къ нему для бесѣдъ по ночамъ; бояре же отстраняютъ Никона за то, что онъ настаиваетъ, чтобы онъ шелъ на войну противъ татаръ, которые полонили множество москвичей и казаковъ, но это боярамъ не нравится, ибо они привыкли проводить болѣе спокойную жизнь въ Москвѣ. Никонъ доброжелателенъ грекамъ, милостивъ къ Патріархамъ и ревностный защитникъ догматовъ Восточной Церкви, что грамоты присланныя съ Мелетіемъ къ Патріархамъ, составилъ Паисій Лигаридъ, который, получивъ отъ бояръ дары и почести, устроилъ козни противъ Никона, что Мелетію дано 8 тысячъ золотыхъ, которыми онъ подкупленъ для дѣйствій противъ Никона". (Гюб. т. II. гл. 5).

Никонъ былъ имъ нелюбъ такъ же, какъ нелюбъ былъ Грозный Царь, ибо, какъ совѣтникъ Государя, онъ дополнялъ въ Царѣ Алексѣѣ то, чего ему не хватало въ смыслѣ внутреннихъ дарованій для проведенія государственной политики въ отношеніи къ разложившемуся боярству. Это боярство Шакловитый называлъ немного спустя „зяблымъ деревомъ", съ которымъ нечего считаться, но этого боярства едва не хватило на то, чтобы расчленить Россію на удѣлы въ 1682 г., и хватило на то, чтобы ввергнуть Россію въ половинѣ 17 вѣка на путь секуляризаціи государства и свалить того, кто былъ главнымъ его противникомъ на этомъ пути—Патріарха Никона. Если Никонъ въ государственной

сферѣ, какъ совѣтникъ Государя, былъ предшественникомъ и предвѣстникомъ лучшихъ достиженій Петра въ иностранной политикѣ, если онъ вносилъ духъ реформы своимъ критицизмомъ, то боярство сумѣло вырвать отъ Никона ту основу. на которой строилось само государство, и подготовить путь къ дальнѣйшей секуляризаціи государства Петромъ, вопреки завѣтамъ Никона, тѣмъ, что оно положило начало подрыву общественнаго положенія Церкви, не столько даже Уложеніемъ, сколько низложеніемъ великаго Первосвятителя черезъ посредство человѣкоугоднических Архіереевъ и подкупъ наймитовъ-Патріарховъ, обезсилившимъ положеніе Патріарха въ русскомъ государственномъ строѣ.

Боярство, добившись осужденія Никона, обезсилило положеніе Патріарха въ государственномъ строѣ.

А это обезсиленіе въ свою очередь устранило препятствія къ государственному законодательству по церковнымъ дѣламъ въ 1700-1720 годахъ, вполнѣ подготовившему и полное уничтоженіе патріаршества и постепенное полное разрушеніе общественной дѣятельности Церкви.

Сравненіе Никона съ Крижаничемъ и Петромъ I въ политическихъ идеяхъ.

Любопытно сравненіе, которое дѣлаетъ Пальмеръ, между Петромъ, Никономъ и Крижаничемъ. Никонъ и Крижаничъ требуютъ отъ правителя государства прежде всего благочестія къ Богу, а затѣмъ уже силы и мощи (военной и морской) и мудрости для заботы объ общемъ благѣ, но у Петра первая идея — подвиги и слава и остальныя упомянутыя свойства нужны лишь, поскольку они могутъ вести къ подвигамъ и славѣ. Крижаничъ ставитъ мудрость правителя въ соблюденіи двухъ правилъ: „познай самого себя" и „не довѣряй иностранцамъ". Петръ самъ ученикъ иностранцевъ, наводнилъ Россію иностранцами разныхъ исповѣданій. Здѣсь Никонъ едва-ли бы одобрилъ второе правило Крижанича въ въ его исключительномъ значеніи, но въ принципѣ все же онъ больше съ нимъ, чѣмъ съ Петромъ, но съ условіемъ принятія иностранцемъ православія, если онъ годный человѣкъ. Относительно силъ государства. Крижаничъ не рекомендовалъ присоединять Балтійскія провинціи. Никонъ здѣсь съ Петромъ, но только безъ допущенія нѣмцевъ и шведовъ къ высшимъ государственнымъ должностямъ, но допустилъ бы нѣкоторую автономію для мѣстныхъ дѣлъ. Что касается мощи государства, то Крижаничъ и Никонъ хотятъ національнаго согласія и объединенія; но Петръ раздѣлилъ Россію на два противоположныхъ и враждебныхъ лагеря съ нѣмецкой тенденціей и національной, изъ коихъ одна матеріалистическая или невѣрующая, а другая религіозная или, по меньшей мѣрѣ, супранатуралистическая. Что касается во-

еннаго командованія, то Крижаничъ не допускаетъ иностранцевъ; Петръ уничтожилъ наслѣдственную знать и поставилъ Меньшикова надъ старыми фамиліями и свободно давалъ командованіе иностранцамъ. Никонъ, вѣроятно, не возражалъ бы противъ годныхъ иностранцевъ, если бы они приняли православіе, и свободно бы возводилъ до высшаго ранга русскаго низшаго происхожденія, и въ этомъ отношеніи похожъ на Петра. Всѣ трое согласны въ стремленіи къ освобожденію отъ стараго невѣжества, къ изученію искусства и стремленію къ лучшей формѣ общества, хотя и есть разница въ направленіи, поскольку у Никона и Крижанича стремленія горнія, а у Петра болѣе матеріалистическія. Крижаничъ и Никонъ привѣтствуютъ самодержавіе, но оно у нихъ не выливается въ форму безграничнаго произвола и захвата священства, какъ у Петра I. У нихъ власть Царя абсолютна въ томъ отношеніи, что никакой подданный, никакое собраніе подданныхъ не можетъ диктовать царю воли; въ этомъ вся иниціатива отдается Царю, но въ высшей сферѣ Царь имѣетъ надъ собой законы Бога и Церкви, и въ отношеніи его отдѣльныхъ распоряженій, если онъ приказываетъ что-либо нечестивое, подданные не обязаны ему повиноваться, но скорѣе должны отказать въ повиновеніи и пострадать за правду и справедливость. Но такой Царь православный будетъ дѣйствовать согласно обычаю, по совѣтамъ съ своимъ синклитомъ и спрашивая совѣта и благословенія Патріарха. Онъ можетъ дѣлать все, что благочестиво и законно, можетъ измѣнять старые и возстанавливать новые законы, поскольку онъ не затрагиваетъ законъ высшій—Божескій или Церковный. По Никону Царь утверждаетъ за духовенствомъ его привилегіи и изъятія отъ свѣтской юрисдикціи, отъ публичной службы налоговъ и право владѣть своими землями безъ платежа налоговъ, а Петръ уничтожилъ всѣ эти привилегіи духовенства (V, 107-109). Пальмеръ умолчалъ объ одномъ огромномъ различіи между Никономъ и Крижаничемъ: панславистъ Крижаничъ не только идею племенную ставилъ много выше чѣмъ Никонъ, для котораго идея религіозная была выше національной, но и сама ихъ религія была разная. Какъ католикъ, Крижаничъ былъ иной церковной культуры, чѣмъ Никонъ. Различіе между Никономъ и Петромъ въ идеѣ о государственномъ законодательствѣ о Церкви огромно, оно восходитъ до полнаго различія культуры; оно настолько велико, что затмѣваетъ тѣ сходства между ними, которыя относились къ конкретнымъ государственнымъ задачамъ ихъ времени. Они могли сходиться во мнѣніяхъ о томъ, что нужно просвѣщеніе, что боярство своимъ мѣстничествомъ губитъ государство, что Россіи нужны берега Балтійскаго моря, что надо возвышать людей не по породѣ, а по заслугамъ для блага государства. Но то обстоятельство, что Никонъ ставитъ на первомъ пла-

нѣ для Царя православное благочестіе въ личномъ и общественномъ его пониманіи и проводилъ реально въ жизнь понятіе самостоятельной Церкви, а Петръ ставилъ на первомъ планѣ подвиги и славу, а Церковь представлялъ только какъ полицейское орудіе государства и къ самому вѣроисповѣданію относился безразлично,—кладетъ между ними пропасть такую же, какая существуетъ въ общественномъ отношеніи между Протестантизмомъ и Православіемъ.

ГЛАВА IV.

Народъ и Никонъ.

Любовь народа къ патріаршему сану и къ Никону. — Отзывы Никонѣ его современниковъ—иностранцевъ. — Челобитная монаовъ Воскресенскаго монастыря о возвращеніи Никона. Похороны икона. — Объясненіе любви народной къ патріаршему сану и къ икону. Патріархъ—воплощеніе стремленій къ правдѣ. — Патріархъ—ыраженіе устремленія къ святости и оцерковленію жизни. — Объясіе любви народа къ Никону. — Строгость Никона къ духовенству бъясняется стремленіемъ поднять духовенство до цѣлей высшихъ. — ищелюбіе Никона и участіе къ людскому горю, благотворительость. — Формы выраженія Никоновскаго человѣколюбія помимо лаготворительности. — Внѣшнее выраженіе любви къ Богу. Постройа монастырей. — Готовность и легкость Никона къ полному прощеію враговъ при ихъ покаяніи. — Объясненіе, почему Никонъ не огъ простить Митрополита Питирима и Царя. — Почитаніе Никона народомъ вызывается не только перечисленными его чертами, но и евиннымъ страданіемъ за Церковь. — Любовь Никона къ юродиымъ. — Стойкость Никона въ своихъ убѣжденіяхъ и неустрашимость. - У Никона чисто русскій подходъ къ православію. — Уходъ Никона ь Воскресенскій монастырь—выраженіе не бездѣятельности, а дѣяельности высшаго напряженія. — Идея грѣха—идея центральная въ іросозерцаніи Никона. Онъ расцѣниваетъ историческія событія съ елигіозно-нравственной точки зрѣнія. — Пальмеръ объ осуществлеи Никоновскихъ предсказаній и проклятій. — Никонъ, охраняя церовную культуру въ старой Руси, опережаетъ ее въ своемъ отношеіи къ образованію съ одной стороны и въ востановленіи святоотеескихъ идей съ другой. — Взгляды Аввакума на образованіе, на русіе обряды, на греческое православіе. Критерій истины у него въ усскихъ современныхъ ему формахъ православія. — Отношеніе Нина къ русскимъ обрядамъ и чинамъ, до знакомства съ пріѣзжими реками и послѣ. — Никонъ—сторонникъ вселенскаго православія не ожествляетъ Русскую Церковь со Вселенской. — Въ какомъ смыслѣ иконъ хотѣлъ сдѣлать Москву III Римомъ. — Отношеніе Никона къ аукѣ. Его библіотека. — Любознательность Никона. Его дѣятельность о устройству монастырей и дѣятельнаго монашества. — Увлеченіе икона всѣмъ греческимъ въ началѣ патріаршества и нападки на нестарообрядцевъ. — Разочарованіе Никона въ греческихъ представителяхъ. — Никонъ взялъ съ Востока все, что ему не доставало. - Стремленіе Никона насаждать просвѣщеніе. — Поощреніе Никоомъ развитія церковнаго искусства. — Заботы Никона объ улучшеніи рковнаго пѣнія. — Отличіе Никона отъ Петра въ отношеніи къ заадной культурѣ. — Любовь Никона къ отечественной исторіи. — авѣты Патріарха Никона. Его путь культуры. — Прообразъ Никона его дѣла въ исторіи съ соловьемъ.

Любовь народа къ патріаршему сану и къ Никону.

Мы разсмотримъ потомъ раз-рушеніе въ государственномъ за-конодательствѣ о Церкви, про-изведенное Петромъ, а сейчасъ обратимъ вниманіе на фактъ, который можно усмотрѣть во всѣхъ изслѣдованіяхъ о Ни-конѣ; это — любовь къ нему народа. Въ любви этой над[...] различать двѣ вещи: санъ и личность. Поэтому мы разсмот-римъ по возможности отдѣльно оба элемента и отдѣлим[...] то общее, что дорого народу въ санѣ Патріарха, и что до-рого въ личности самого Никона.

Что народъ любилъ Никона, тому мы имѣемъ много свидѣтельствъ. Такъ Павелъ Алеппскій (11, 71) пишетъ еще по дорогѣ въ Москву: „Мы видѣли во всѣхъ воеводахъ и другихъ вельможахъ, во всемъ духовенствѣ и во всѣхъ свѣтскихъ людяхъ Московскихъ постоянное выявленіе мо-литвы о благоденствіи ихъ Патріарха, похвалы за его доб-рыя качества, большую благодарность за его щедроты и самое довѣрчивое упованіе на его отеческое отношеніе. Упоминаніе о немъ всегда во всѣхъ устахъ, такъ что мож-но думать, что они его любятъ почти какъ Самого Христа". О любви народа къ Никону говоритъ и то обстоятельство, что Стенька Разинъ для привлеченія сторонниковъ соста-вилъ прокламацію отъ имени Никона, и на знаменахъ его были изображенія Патріарха Никона; хотя это и была не-добросовѣстная эксплоатація его имени, однако показатель-но средство, которымъ Разинъ думалъ привлечь народъ. Ко-гда Никонъ отошелъ въ Воскресенскій монастырь, то вс[...] его разговоры съ посланными отъ Царя показываютъ, что въ Москвѣ было много духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, со-чувствовавшихъ ему; но всякое сочувствіе къ Никону стро-го преслѣдовалось. И все же его посѣщали постоянно лю-ди всякаго званія, вліятельные, именитые и простые и со-общали о всемъ происходившемъ въ Москвѣ, иногда чрез-вычайно быстро (Гюббенетъ 1, глава 2).

Такъ и въ 1662 г. Никонъ сразу узналъ, когда созванъ былъ Соборъ съ Лигаридомъ во главѣ по его дѣлу, что рѣ-шено было послать Іеродіакона Мелетія на Востокъ; Ни-конъ сразу же сообщилъ Царю, что Мелетій поддѣлыва-тель подписей; это было вѣрно, хотя предупрежденіе Ни-кона и оказалось безрезультатнымъ. Такъ и въ 1665 г. Ни-конъ узналъ, что Лигаридъ въ хорошихъ отношеніяхъ с[...] пріѣзжающимъ Патріархомъ Макаріемъ, и рѣшилъ напи-сать исповѣдь свою Константинопольскому Патріарху. „У Никона, говоритъ Гюббенетъ, были всюду преданные ему люди, и ему сообщалось о томъ, что дѣлалось въ Москвѣ и другихъ мѣстахъ" (II, гл. XI). Вѣдь, дѣло Зюзина откры-лось случайно, но былъ не одинъ Зюзинъ сторонникъ Ни-кона. А о томъ, какъ предслѣдовалось общеніе съ Нико-номъ помимо правительства, видѣли мы неоднократно. Свя[...]

дѣтельствъ любви къ Никону много у Шушерина. Такъ когда Никонъ, уѣзжая на судъ Патріарховъ въ послѣдній разъ изъ Воскресенскаго монастыря, велѣлъ остановиться у креста на горѣ Элеонской, чтобы послѣдній разъ взглянуть на Воскресенскій монастырь и проститься со всей провожавшей его братіей, то произошла трогательная сцена прощанія. „У креста Святѣйшій Патріархъ сотворилъ молитву“, разсказываетъ Шушеринъ, (Житіе Святѣйшаго Патріарха Никона 91 стр.) и, сотворивъ молитву, повелѣлъ діакону прочитать имъ ектенію, и сотворше прошеніе за благочестиваго Царя и за весь его государсткій домъ т. е. за всю братію, и за всѣхъ христіанъ, и за миръ, и благословеніе и прощеніе братіи подавъ пойде въ путь свой. Братія же и всі православніи жителіе и трудники тоя обители, пріемше благословеніе и прощеніе неутѣшно плачущеся и ненадѣющеся видѣть паки отца своего“. Мы видѣли, что нѣкоторые иноки изъ Воскресенскаго монастыря—2 іеромонаха (Палладій), 2 іеродіакона — (Іоасафъ и Мордарій) старецъ Флавіанъ, 2 дѣльца Клинскаго и Костромскаго уѣзда, ушли съ Никономъ въ добровольную ссылку, а изъ самого монастыря многократно присылали къ нему провизію для облегченія его тяготъ.

Когда Никона низвергли изъ сана, то сняли съ него его клобукъ и панагію, но мантіи архіерейской и посоха не взяли, „страха ради всенароднаго“, добавляетъ Шушеринъ (стр. 128). А когда на другой день столпился народъ въ Кремлѣ и вокругъ Кремля, то во избѣжаніе эксцесовъ народу обманно сказали, что повезутъ Никона черезъ Спасскія ворота, гдѣ и столпився народъ, а Никона повезли черезъ другія ворота на Старокаменный мостъ и оттолѣ въ Арбатскія ворота и за самый земляной градъ, провождающе его изъ града царскимъ повелѣніемъ, полковниковъ стрѣлецкихъ четверица, имѣюще съ собой 200 стрѣльцовъ; сущіи же со блаженнымъ отъ священниковъ и монаховъ иже восхотѣша съ нимъ идти, такожe и ини отъ мірскихъ мнози провожающе его изъ града со слезами и воплемъ великимъ; тѣхъ убо всѣхъ оные воины окруживше окрестъ, и уже въ среду ту никому же даяху внити“ (Стр. 135). А дальше разсказывается „егда же блаженному Никону пришедшу до Сущевы слободы и повезоше его изъ града по пути по Дмитровской дорогѣ, тогда и тіи воины шедше внутри града отступиша, монаси же и мірскіе проводивши Св. Патріарха и даже за Сущеву слободу съ великимь воплемъ и рыданіемъ, онъ же утѣшалъ ихъ и рече имъ много отъ писанія, и тако благослови ихъ, предавъ всѣхъ благодати Божіей, и тако, приставници повезоша Блаженнаго Никона съ великою дерзостію, тіи же вельми его умильно взирающе и жаляще сіи яко лишишася своего пастыря возвратишася во градъ съ великимъ плачемъ, увѣдавше же сіе и во град.

яко Блаженный Никонъ уже изъ града увезенъ быть, вельми бяху скорбяще по своемъ отцѣ и пастырѣ". (Iв. 136 стр.). Выраженіемъ народной любви можно разсматривать и случай, происшедшій по дорогѣ въ Өерапонтовъ монастырь около Мологи. По дорогѣ стрѣльцы разгоняли народъ, чтобы онъ не скоплялся около опальнаго Патріарха, и изъ тѣхъ избъ, гдѣ останавливался Никонъ на ночлегъ, удалялись его обитатели. Но въ одномъ селеніи у Мологи къ Никону вышла изъ-подъ пола спрятавшаяся престарѣлая женщина и, спросивъ среди сидѣвшихъ съ Никономъ братій, гдѣ Никонъ, припала со слезами къ его ногамъ и сказала: „Явися во снѣ мужъ нѣкій благообразенъ, и рече ми: жено, се рабъ Мой Никонъ Патріархъ посланъ и идетъ въ заточеніе въ великомъ утѣсненіи и скудости, ты же елико можеши въ потребныхъ ему помози; и сія оная жена изрече, заклиная себя клятвами яко въ истину тако есть, и тако вручи Св. Патріарху Никону денегъ серебряныхъ 20 рублевъ, къ сему же и одѣяній теплыхъ". Никонъ принялъ съ благодарностью и умиленіемъ эти подарки, отвергнувъ передъ тѣмъ за нѣсколько дней богатые царскіе дары. Никона искуственно оберегали отъ выраженія народной любви и любви его учениковъ. Такъ приставъ отгонялъ всѣхъ приходившихъ къ нему по пути, и даже, когда онъ проѣзжалъ мимо Афанасьевской обители, откуда вышла вся братія вмѣстѣ съ ученикомъ Никона, строителемъ Сергіемъ Прокофьевымъ, то онъ „съ великимъ прещеніемъ и яростію всѣхъ отгне".

Память о Никонѣ сохранилась и послѣ его ухода и далеко за предѣлами его жительства. Гетманъ Брюховецкій въ воззваніи къ казакамъ въ апрѣлѣ 1668 г. объяснилъ причину заточенія Никона и давалъ свою ему характеристику: „Бояре бо Московскіе раззоренныхъ вспомогаючи ляховъ, 14 милліоновъ денегъ дали и дружбу, которую съ ними вѣчно присягою установили не для чего иного, мнѣ мнитца, **токмо хотя выбитца изъ подъ царской руки, чтобы могли, аки въ Польшѣ** ляцкимъ побитомъ и городами владѣти: въ Польше бо сенатори **всѣ королями**, а одного за господина быти мало разумѣютъ; того ради всѣхъ неповинныхъ людей и начальника Богомъ даннаго къ нищетѣ и хлопотамъ приводятъ. Яко и сего времени тѣ Московскіе царики на насъ бѣдныхъ невинныхъ, которые ему были добровольно безъ насилія поддалися, не для чего иного, токмо вѣдаючи его, православнаго Царя, **но бояръ безбожная мучительная злоба усовѣтовала присвоити** себѣ въ вѣчную кабалу и неволю... верховнѣйшаго пастыря своего **св. Отца Патріарха, который ихъ къ доброму дѣлу, яко пастырь провождалъ, они же не яко овцы пастыреви были, но его свершили, егда не хотя послушными заповѣди его быти, который поучалъ, что**

бы имѣти милость и любовь къ ближнимъ, къ братіи своей се есть къ убогимъ и мірскимъ людямъ (намекъ на бунты 1649 и 1662 г.), за таковое его глаголаніе въ заточеніе отдали, чтобы больше ихъ къ доброму дѣлу не наставлялъ и къ тому Св. Отецъ наставливалъ ихъ, чтобы чиномъ христіанскимъ, а не поганскимъ учреждалися, наипаче дабы не присовокуплялися къ латинской ереси, которая много Православію святому вредитъ". (Акты, относящіеся къ Исторіи Южной и Западной Россіи VII, 61). Память о незаслуженности расправы съ Никономъ сохранилась, и время отъ времени о себѣ напоминала. Такъ, во время Астраханскаго бунта, въ 1670 г. 11 мая мятежная толпа позвала изъ Церкви Митрополита Іосифа во время проскомидіи. Онъ облачился и велѣлъ звонить въ колокола и вышелъ къ толпѣ. Казакъ Миронъ сказалъ, что они православные, и не могутъ наложить рукъ на такой священный санъ, но его тотчасъ убили и велѣли священникамъ разоблачить Митрополита. Низвергая его, кричали: „онъ не затруднялся низвергнуть даже своего Патріарха Никона" (Р. V 797).

Когда Никонъ былъ въ Ѳерапонтовомъ монастырѣ и открывалась возможность его посѣтить, то къ нему массами стекались подъ благословеніе съ подарками и деньгами, увеличивалось и число добровольно приходившихъ келейныхъ старцевъ (такъ въ 1669 г. ихъ было уже 10); они употреблялись имъ для посылокъ, дѣлили общую будничную жизнь, отправляли келейныя правила.

„Громадная масса православнаго народа, пишетъ Николаевскій, не посвященная въ церковные споры и діалектическія тонкости, съ своей стороны давно составила и изрекла безхитростно замѣчательный отзывъ о Патріархѣ Никонѣ, какъ о святомъ и чудотворцѣ. Записи о чудесныхъ знаменіяхъ и исцѣленіяхъ при гробѣ Никона начались тотчасъ же по его кончинѣ. Записи чудесъ послѣдующаго и нынѣшняго времени вносятся въ особую книгу происшествій. Чудеса при гробѣ Патріарха Никона смущаютъ раскольниковъ и вліяютъ на переходъ ихъ въ Православіе. Масса народу, какъ при жизни приходила къ нему за благословеніемъ, милостыней и исцѣленіемъ въ болѣзняхъ, такъ и по смерти его до нынѣ стекается къ его могилѣ, служитъ по немъ панихиды и проситъ черезъ него у Бога помощи и исцѣленія въ своихъ душевныхъ и тѣлесныхъ скорбяхъ и нуждахъ. Въ этомъ всенародномъ почитаніи лучшая оцѣнка его пастырскихъ трудовъ и житіи его на патріаршемъ престолѣ, также въ ссылкѣ и заточеніи". (Николаевскій, „Жизнь Патріарха Никона въ ссылкѣ и заточеніи").

Большіе пожары въ Москвѣ въ 1668 г. жители разсматривали, какъ слѣдствіе низложенія Патріарха Никона и проклятій Никона. Польскій посолъ писалъ въ Варшаву:

„Въ Москвѣ опять былъ пожаръ, который уничтожилъ нѣсколько тысячъ домовъ и жители говорили, что частые пожары—слѣдствіе того, что великій князь низложилъ и сослалъ ихъ Патріарха, и были вслѣдствіе проклятій Патріарха Никона, вслѣдствіе чего они негодовали на великаго князя". (V, 906).

Отзывы о Никонѣ его современниковъ-иностранцевъ.

Иностранцы, современники Никона, ставили его также очень высоко: архидіаконъ **Сохе**, сопровождавшій лорда Герберта въ путешествіи въ Россію, напечатанномъ въ Лондонѣ въ 1792 г., даетъ сообщенія о Никонѣ по Мейерберу и по его современнику Мюллеру (Мейерберъ былъ въ Москвѣ въ 1661 г.). Онъ выставляетъ Никона, какъ человѣка чрезвычайныхъ дарованій, просвѣщенія и добродѣтелей, какъ смѣлаго патріота и вѣрнѣйшаго совѣтника и слугу короны, паденіе котораго произошло по зависти и злобѣ придворныхъ, не могшихъ перенести его превосходства. Протестантъ діаконъ жалѣлъ только, что такой великій человѣкъ предался жизни узкаго аскетизма, на что годится и всякій простой монахъ. Не входя въ оцѣнку церковныхъ принциповъ Никона, а только за его политическій обликъ, Сохе и, видимо, Мейерберъ, также не только оправдывали Никона противъ бояръ и короны, но и удивлялись ему, какъ герою (V прил. 15).

На бывшаго у насъ въ 1653 г. бывш. Патріарха Константинопольскаго **Афанасія Пателяра** Никонъ произвелъ самое глубокое и настолько сильное впечатлѣніе, что онъ заявилъ, что Никонъ предназначенъ занять кафедру древнихъ Константинопольскихъ святителей послѣ взятія Россіей Константинополя. Онъ писалъ Царю по поводу привоза главы Св. Григорія Богослова въ Москву въ докладной запискѣ, при отъѣздѣ: „Великій святильникъ и вселенскій пастырь и учитель Божественный Григорій Богословъ рачитель возсія Вселенскому Константинопольскому престолу и пріиде да **призоветъ святаго премудраго Патріарха господина Никона воздвигнути его превысокій свой престолъ**, исправляя время, понеже быти собору въ Македоніи; нынѣ же волею и **самохотѣніемъ даетъ престолъ свой Святѣйшему Патріарху, еже есть образъ добродѣтели, и ко всѣмъ неусыпаемый хранитель словесныхъ овецъ**, и достоинъ есть украсити престолъ начальствомъ и величествомъ своимъ, и обрече невѣста Божія, Святая Церковь своего жениха, да возсіяетъ въ мірѣ свѣтъ ученія его, да изыдетъ вѣщаніе и въ концы вселенныя глаголы его, и поставити свѣтильникъ на свѣтильникъ и возсіяетъ во всѣхъ домѣхъ мужъ, и яко быти первый Мельхиседекъ и дивный Ааронъ и яко Божественніи свѣтильницы вселенскіе: Василій и Златоустъ и Афанасій и Кириллъ и Великій Григорій, иже пріиде да поможетъ ему, и тогда воз-

веселится міръ, и воспоютъ людіе едиными усты; такову намъ подобаше Архіерею: преподобну, незлобиву, нескверну, и отлучену отъ грѣшныхъ и вышше небеси быти". (Изъ статьи Каптерева „Пріѣздъ бывш. Константинопольскаго Патріарха Афанасія въ Москву въ 1653 г."). А Епископъ **Лазарь Барановичъ**, изложивъ дѣянія Собора по дѣлу Никона говоритъ: „зрѣлище было изумительно для глазъ и ужасное для слуха. Я страдалъ и изнывалъ отъ ударовъ, переносилъ ужасъ, и упалъ духомъ, когда погасло великое свѣтило". **Сама грамота Константинопольскихъ Патріарховъ**, возстанавливавшая Никона въ санѣ Патріарха, называла его: „Адамантъ благочестія непоколебимый, Божественныхъ и священныхъ каноновъ оберегатель преискуснѣйшій, отеческихъ догматъ, повелѣній и преданій неизрѣченный ревнитель и заступникъ достойнѣйшій".

Челобитная монаховъ Воскресенскаго монастыря о возвращеніи Никона. Похороны Никона.

А челобитная, поданная Царю монахами Воскресенскаго монастыря показываетъ, какъ цѣнили и любили Никона въ его монастырѣ, и чѣмъ онъ былъ для своей братіи.

Братія умоляетъ Царя вернуть Никона, какъ въ свое время вернулъ Царь Θеодосій Іоанна Златоуста отъ Команъ, и говоритъ о Никонѣ, какъ „о отцѣ нашемъ избавльшу насъ отъ глада неслышанія Словесъ Божіихъ, и удовлившаго насъ насыщеніемъ Словесъ Божіихъ и удовлившаго насъ насыщеніемъ тучнаго тельца отъ Агнца, иже питающеся во вѣки не умираютъ, тѣмъ нынѣ молимъ, пишутъ иноки, твоего къ намъ благочестивѣйшаго нашего Государя Царя и великаго Θеодора Алексѣевича, благоподобное твое благоутробіе, помилуй насъ нищихъ своихъ богомольцевъ, подаждь Церкви исполненіе, приведя Кормчія кораблю, посли пастыря къ стаду, приставь главу къ тѣлу, христоподражательнаго нашего наставника, святого Никона, преведшаго насъ море міра, яко Моисея, повели да и землю обѣтованія, юже наслѣдствуетъ своимъ прещедрымъ богатодатнымъ подаяніемъ обильно, такожъ да наслѣдствовати и намъ раздѣлить яко Іисусъ и Елеазаръ вѣдый всѣхъ, то по разсмотрительному комуждо достойному приличеству, изведи изъ темницы душу его, яко и блаженнаго иногда Игнатія, Патріарха Царьградскаго изъ заточенія, повели свободити изъ Кириллова монастыря въ монастырь живоноснаго Воскресенія Христова, растущій днесь въ высоту повсегоднаго прославленія, яко древо плодовито въ происходящихъ твоего богатодаровитаго и щедролюбезнаго изліянія насажденный и упокоеваемый, да и онъ съ нами купно твоихъ пребогатыхъ щедротъ насладится и въ строгости возвеселится. Великій Государь, Царь смилуйся". Подъ челобитной 60 подписей братіи во главѣ со строителемъ и казначеемъ.

О томъ же расположеніи народа говорятъ и похороны Никона, происходившія 27 августа 1681 года еще до разрѣшенія его Восточными Птріархами, ибо сами просительныя грамоты Патріархамъ отъ Царя подписаны только 26 іюня 1681 года. Огромное стеченіе народа по пути слѣдованія тѣла Никона отъ Ярославля до Москвы тому доказательство. Его тѣло было одѣто въ схиму и положено въ дубовый гробъ. Оно было встрѣчаемо и провожаемо населеніемъ съ честію и любовію; народъ со слезами цѣловалъ его гробъ, духовенство всѣхъ церквей и монастырей выходило къ нему навстрѣчу съ крестами и иконами и совершало панихиды. Тѣло Никона отпѣвали по патріаршему чину духовенствомъ во главѣ съ Новгородскимъ Митрополитомъ Корниліемъ, которому Патріархъ Іоакимъ поручилъ исполнить волю Царя, а самъ онъ на это не соглашался. За одну версту до Воскресенскаго монастыря тѣло было переоблачено въ бѣлую греческую суконную одежду, ризу таусаннаго бархата и архіерейскую мантію съ источниками и скрижалями, украшенную золотомъ и дорогими камнями; надѣта яшмовая панагія, омофоръ и клобукъ.

Объясненіе любви народной къ патріашему сану и къ Никону. Патріархъ—воплощеніе стремленій къ правдѣ.

Объясненіе любви къ Никону надо искать въ его санѣ и въ тѣхъ личныхъ его свойствахъ и качествахъ, которыя давали его сану особенно рельефное воплощеніе. Вѣдь, Патріархъ по народному воззрѣнію былъ блюстителемъ и представителемъ Божественной правды. Это стремленіе къ Божественной правдѣ было всегда присуще русскому народу и выражалось еще въ сказкѣ о правдѣ и кривдѣ, въ духовныхъ стихахъ, знающихъ различіе между правдой человѣческой и Божіей. Первая—это законъ какъ норма человѣческихъ отношеній, принятыхъ обычаемъ и верховной властью правда, несовершенная, не могущая полностью освѣтить отдѣльный случай. Правда съ земли ушла на небо, и тамъ есть правда, которая „во вѣкъ не изживется". Она выражается черезъ заповѣди Божіи, законъ Евангелія, уставы церковные и черезъ того, кто призванъ быть по Эпанагогѣ живымъ образомъ Христа, живописующимъ правду и истину. Патріархъ—искоренитель всякой неправды „сирыхъ защитникъ, обидимыхъ предстатель". Онъ защитникъ вдовыхъ и сиротъ передъ Царемъ по праву печалованія, тому праву, которое болѣе всего являлось средствомъ дать восторжествовать правдѣ высшей надъ правдой человѣческой. Не даромъ народъ не любилъ патріарховъ „недерзновенныхъ къ царю", „потаковниковъ", не встававшихъ на защиту правды высшей противъ правды формальной. И Патріархъ Іосифъ, предшественникъ Никона, говорилъ Царю при перенесеніи мощей Патріарха Іова, указывая на массовое стеченіе народа: „смотри, государь, какъ

должно за правду стоять". Святой Патріархъ Гермогенъ также отстаивалъ неоднократно царскую власть, какъ въ ея существованіи при Шуйскомъ, такъ и въ ея востановленіи съ соотвѣтствующей ей идеологіей, когда противился избранію королевича польскаго Владислава, избраннаго боярской партіей. Патріархъ Филаретъ боролся съ взяточничествомъ бояръ и дьяковъ, и лѣтопись поминаетъ про него, что при немъ сильниковъ не было ни обидящаго, ни обидимаго. Патріархъ Никонъ сталъ дорогъ народу еще тогда, когда въ санѣ Новоспасскаго архимандрита онъ далъ наиболѣе напряженное выраженіе идеѣ печалованія передъ Царемъ за невинно обиженныхъ и защитѣ слабыхъ отъ людей сильныхъ, и позже перешелъ въ память народа, какъ умученный неправедно за противодѣйствіе боярамъ, за обличеніе ихъ въ неправдахъ, вызвавшихъ бунты 1648, 1662 и 1670 г. Право на это обличеніе было установлено Церковью и государствомъ, и Патріархъ Никонъ самъ говорилъ: „намъ же Христосъ законоположилъ обличати", „мы же Архіереи на то и поставлены Богомъ", „Аще кто по правдѣ и царя обличитъ, нѣсть муки достоинъ". Никонъ въ „Раззореніи" напоминалъ: „Патріарху подобаетъ быть учительну, обличительну непокоряющихся, о истинѣ же и соблюденіи преданій правду глаголати передъ Царемъ не стыдяся".

Внести эту высшую правду и освѣтить ею государственный бытъ было постоянной задачей Русской Церкви еще при Митрополитахъ, но ихъ санъ не стоялъ такъ высоко въ представленіи народа, какъ санъ Патріарха, и не былъ такъ близокъ къ сану царскому. Напротивъ, санъ Патріарха былъ дополненіемъ къ сану царскому, какъ помощь Царю въ проведеніи идеи правды въ гражданское общежитіе. Народъ инстинктивно чувствовалъ, что Никонъ былъ не врагомъ царской власти, въ чемъ клеветали его бояре, а ея защитникомъ противъ боярства, толкавшаго Царя въ ту сферу, гдѣ высокіе идеалы царской власти заслонялись властолюбіемъ бояръ и ихъ ревностію о родовой чести, а государственныя задачи по защитѣ единоплеменныхъ, единовѣрныхъ народовъ преломлялись черезъ боярскую косность. Никонъ вмѣстѣ съ Царемъ составили бы ту незыблемую твердыню и воплощеніе идеала царской власти, который Грозный Царь въ лучшія времена вліянія на него Митрополита Макарія ставилъ власти царской, ограждая Царя и народъ отъ бояръ съ одной стороны, а съ другой указывалъ на неразрывность идеи царской власти по осуществленію ея задачъ съ властью церковной. „Если по нерадѣнію вашему, говоритъ Грозный, обращаясь къ отцамъ Стоглавнаго Собора,—окажется какое нарушеніе Божественныхъ правилъ, я въ томъ непричастенъ, и вы дадите отвѣтъ передъ Богомъ. Если я вамъ буду сопротивенъ вопреки Божествен-

ныхъ правилъ, вы о томъ не молчите; если буду преслушникомъ, воспретите мнѣ безъ всякаго страха, да жива будетъ моя душа, да непороченъ будетъ православный христіанскій законъ и да славится Пресвятое Имя Отца и Сына и Святаго Духа". (См.: „Наша Царская власть и законъ о престолонаслѣдіи" 61 стр.) Вотъ эту-то идею правды и призваны проводить Царь и Патріархъ, какъ священная Двоица, обращенная въ разныя стороны: Патріархъ, напоминающій объ идеалахъ, которые онъ почерпаетъ на небѣ, и Царь, воплощающій ихъ на землѣ.

Патріархъ—выраженіе устремленія къ святости и оцерковленію жизни.

Ради этого заданія воплощать правду и другое качество должно отличать Патріарха—святость; поскольку онъ является саномъ своимъ путеводной звѣздой въ сферѣ правды для Царя, постольку онъ всему царству сообщаетъ устремленіе къ святости. Истинная правда и святость выражаются въ православіи; центръ этого православія—Патріархъ, и въ немъ, какъ въ фокусѣ, сосредоточиваются русскимъ народомъ взгляды на величіе православія. Патріархъ долженъ дать защиту всѣмъ пострадавшимъ отъ несовершенства гражданскаго закона и отъ насилія властей и дать торжество правдѣ. Онъ Патріархъ—видимое осуществленіе идеала правды и святости на землѣ. Онъ „столпъ вѣры", „Кормчій Христова Корабля", „Высшій Учитель", какъ именуется въ оффиціальныхъ рѣчахъ. Онъ и главный совѣтникъ Государя въ дѣлахъ законодательства и въ Боярской Думѣ, и въ Земскихъ Соборахъ, поскольку Государь самъ призывается не забывать о высшихъ интересахъ жизни. Насколько необходимымъ элементомъ жизни государства почитался Патріархъ, и чѣмъ онъ былъ и для Царя, видно изъ письма Царя Алексѣя Михайловича къ Никону, когда послѣдній еще въ санѣ Митрополита поѣхалъ на Соловки за мощами Митрополита Филиппа. Онъ писалъ, что, когда на службѣ въ Великій Четвергъ онъ узналъ о смерти Патріарха Іосифа, то сразу почувствовалъ себя осиротѣвшимъ вмѣстѣ со всѣмъ своимъ дворомъ, ибо лишились общаго отца, и безъ опоры молитвенной Патріарха Іосифа, котораго онъ лично вообще не особенно любилъ, Царь почувствовалъ себя стоящимъ надъ пропастью.

Вотъ какъ онъ писалъ объ этомъ Никону: „Въ ту пору ударили въ Царь-колоколъ трикраты, и на насъ такой страхъ и ужасъ нашелъ, едва пѣть стали и то со слезами; а въ соборѣ у пѣвчихъ и властей со страха и ужаса ноги подломились, потому что кто преставился? Да, къ такимъ днямъ великимъ кого мы грѣшные отбыли? Яко овцы безъ пастыря не вѣдаютъ, гдѣ дѣться, такъ то, мы грѣшные, не знаемъ гдѣ главы преклонити... а мати наша Соборная Апостольская Церковь вдовствуетъ, зѣло слезно и вельми сѣтуетъ

по женихѣ своемъ; и какъ въ нее войти и посмотрѣть... Все перемѣнилось, не токмо въ церквахъ, но и во всемъ государствѣ; духовнымъ дѣламъ зѣло разсужденія нѣтъ, и худо безъ пастыря дѣтямъ жить".

Царь настолько почиталъ Патріарха Іосифа, какъ Патріарха, что разъ даже поцѣловалъ его, кланяясь до земли, въ ногу. Здѣсь было преклоненіе не передъ личностью, а передъ высотою и святостью идеала, воплощаемаго въ санѣ.

Объясненіе любви народа къ Никону.

Эта любовь къ сану, которую за весь народъ возглавлялъ Царь, говорила не о чемъ другомъ, какъ о превознесеніи народомъ теократическаго идеала жизни, т. е. о присущей ему идеѣ воцерковленія жизни общественной и государственной. Если дорогъ былъ народу этотъ идеалъ, то дорогъ былъ и Никонъ, какъ выразитель высшаго напряженія въ осуществленіи этого идеала. Если народъ выше всего ставилъ угожденіе Богу, и власть свѣтская считала своимъ призваніемъ содѣйствовать своими путями къ одной цѣли съ властью церковной, — способствовать единенію людей съ Богомъ, то, естественно, и высшій предстоятель Церкви пользовался высочайшимъ почитаніемъ, нисколько не унижавшимъ Царя. Не удивительно, что и на дворцовыхъ обѣдахъ, кубокъ вина подавался Патріарху—а до установленія патріаршества Митрополиту—Царемъ изъ собственныхъ рукъ, и Царь говорилъ: „Твой сынъ (имя) кланяется твоей святости и подноситъ тебѣ". Если въ необыкновенно пышныхъ облаченіяхъ Никона, когда онъ предстоялъ на службахъ въ мантіяхъ зеленаго и краснаго цвѣта, изукрашенныхъ сплошь драгоцѣнными камнями и въ митрахъ по греческому образцу, усыпанныхъ брилліантами и жемчугами, народъ видѣлъ воплощеніе своей оцѣнки воплощаемыхъ саномъ идеаловъ, то въ жизни самого Никона онъ видѣлъ воплощеніе идей христіанской любви, праведности и святости. А послѣ смерти Никона народъ почиталъ его, какъ святого, и къ молитвамъ его обращался въ своихъ несчастіяхъ. Извѣстно, что при гробѣ Никона совершались чудеса, запись которымъ ведется въ особой книгѣ происшествій. О чудесахъ Никона при жизни сообщаетъ въ своей статьѣ „Дѣла Св. Никона Патріарха" извѣстный ученый, спеціалистъ по исторіи XVII вѣка въ Россіи Бѣлокуровъ (онъ насчитываетъ 132 исцѣленія Ч.М.О.И. и Д. Р. 1887, Рукописи Импер. Публ. Бобл. (№ 01, 413 по сообщенію Митрополита Антонія) и насчитываютъ 194 исцѣленія; Колосовъ въ Историческомъ Вѣстникѣ за 1880 г. извлекъ изъ сборника Имп. Публ. Библ. 4 сказанія, относящихся къ 1682,1691[1]), 1695 и 1705[2]). Списки Воскресенскаго монастыря идутъ послѣ 1705 года. Проф. Иконниковъ упоминаетъ объ исцѣленіи

[1]) Исцѣленіе слѣпого сторожа 24 м. 1691 г.

[2]) Исцѣленіе сестры жены М. Стрешнева Маріи Васильевны 3 августа 1705 года.

іеромонаха Николаевскаго Единовѣрческаго монастыря Павла 18 августа 1866 г. (Кіев. Унив. Изв. 1888, № 6).

У насъ случайно оказалось подъ рукой сообщеніе объ одномъ чудѣ Никона 27 февраля 1915 г., занесенное въ Апрѣльскую книжку за 1915 г. журнала „Приходское Чтеніе[1]). Считаю своимъ долгомъ упомянуть, что на чудотворенія при гробницѣ Св. Патріарха Никона особое вниманіе автора привлекъ священной памяти Блаженнѣйшій Митрополитъ Антоній, выражавшій надежду, что по возстановленіи Россіи Русская Церковь канонизируетъ Св. Патріарха Никона.

---

[1]) **Чудесное исцѣленіе у гробницы Патріарха Никона въ Ставропольскомъ Воскресенскомъ монастырѣ.**

Крестьянка Тульской губерніи Веневскаго уѣзда, села и волости Серебрянны-Пруды, Наталія Ивановна Костылева, замужняя, 34 лѣтъ отъ роду, болѣе 11 лѣтъ страдала тяжелыми припадками, которые случались съ нею преимущественно въ храмѣ во время Богослуженій, или же у чудотворныхъ иконъ и св. мощей. Припадки сопровождались судорогами всего тѣла, біеніемъ объ полъ и теченіемъ крови и слюны изо рта, и сильнѣйшимъ сердцебіеніемъ. Больная посѣтила много монастырей, совѣтовалась у докторовъ, которые не признавали у нея никакой болѣзни, а называли ее кликушею.

Прибывъ въ Воскресенскій Ново-Іерусалимскій монастырь на богомолье 27-го февраля сего года, больная Костылева пожелала отслужить молебенъ у гроба Господня въ соборномъ храмѣ Воскресенія Христова. Очередной іеромонахъ Романъ началъ служить пасхальный молебенъ. Въ это время съ Костылевой сдѣлался сильнѣйшій припадокъ. Окружающія 3 женщины съ большимъ трудомъ могли удерживать ея голову, чтобы не дать ей биться объ полъ. Больная хрипѣла, изо рта текла пѣна съ кровію.

Окончивъ пасхальный молебенъ, больную Костылеву, по совѣту того же іеромонаха, перенесли къ гробницѣ Святѣйшаго Патріарха Никона, находящейся въ томъ же храмѣ подъ Голгоѳою. Іеромонахъ Романъ началъ служить паннихиду; больная все время хрипѣла и изрѣдка говорила: „Охъ, жжетъ".

Во время пѣнія: „Со духи праведныхъ скончавшихся", больная сама поднялась и со слезами на глазахъ, обтеревъ ротъ отъ слюней и крови, сама поцѣловала вериги, висящія надъ гробницей Патріарха и громко сказала: „Онъ меня исцѣлилъ, теперь я здорова, желаю причаститься Св. Тайнъ".

Присутствовавшіе при совершеніи паннихиды и видѣвшіе Костылеву удивлены были такою быстрою перемѣною въ состояніи ея здоровія. Многіе плакали и вполнѣ увѣрились въ чудодѣйственной помощи еще не прославленнаго на землѣ Святѣйшаго Патріарха, исцѣлившаго сію жену, вслѣдствіе глубокой ея вѣры.

На слѣдующій день, 28 февраля, получившая исцѣленіе была удостоена Святаго Причащенія, и, какъ она заявила, ранѣе ее съ большимъ трудомъ нѣсколько человѣкъ подводили къ Св. Чашѣ, а теперь она одна безъ посторонней помощи причастилась. Причащавшій ее іеромонахъ Діонисій свидѣтельствуетъ о полномъ спокойствіи и благоговѣніи, съ которымн она подходила къ Св. Чашѣ.

Нижепоименованныя лица могутъ удостовѣрить дѣйствительность этого чуда: Ярославской губ. Пошехонскаго уѣзда Холмовской волости, деревни Востротины Марфа Александрова, 58 лѣтъ, той же губерніи и уѣзда, деревни Холмъ, Ирина Хранова, 35 лѣтъ: той же губерніи и уѣзда, деревни Плещова, Матрена Коршунова, 49 лѣтъ; указанный (?) послушникъ Воскресенскаго монастыря Василій Шелаевъ, іеромонахъ Романъ и іеромонахъ Діонисій. Воскресенскаго Ново-Іерусалимскаго монастыря поспѣшникъ, архимандритъ Іона.

(Изъ журнала: „Приходское Чтеніе" № 14 апрѣль 1915 года, стр. 494).

Если мы припомнимъ строгія наказанія отъ Никона духовенству, то въ этомъ можемъ видѣть лишь проявленіе горячаго его усердія по перевоспитанію нравовъ въ духовенствѣ, почему онъ предъявлялъ къ нему высокія требованія, видя въ немъ соль земли. Оно должно быть образцомъ жизни и ученія, и его сниженія до уровня окружающей среды Никонъ строго каралъ тѣми же мѣрами, которыя были мѣрами его эпохи: для архипастырскаго воздѣйствія каждый епархіальный Архіерей имѣлъ тюрьмы, и мы видѣли, что и самъ Царь приговаривалъ своихъ бояръ къ сѣченію кнутомъ на площади. Какія же иныя мѣры могъ для устрашенія принять Никонъ въ огрубѣлой средѣ низшаго духовенства. Но цѣль его была всегда одна—исправленіе самого духовенства для цѣлей высшихъ. И когда его упрекали, что онъ самъ въ алтарѣ наказывалъ за неисправность, то онъ говорилъ: „Что жъ наказывалъ и ругалъ по малу и впредь не избѣгаю того дѣлать", напоминая при этомъ, что и Самъ Христосъ кнутомъ выгонялъ торжниковъ ихъ Храма.

Строгость Никона къ духовенству объясняется стремленіемъ поднять духовенство до цѣлей высшихъ.

Мы не можемъ забыть любвеобилія Никона, когда онъ — Патріархъ умывалъ ноги нищимъ послѣ торжественныхъ обѣдовъ во дворцѣ, что его нищелюбіе и участіе къ людскому горю выявилось въ формѣ непрерывной и даже организованной благотворительности еще въ бытность его Новгородскимъ Митрополитомъ. А извѣстно, что эти черты всегда особенно были любимы народомъ. Никонъ придавалъ главное значеніе въ жизни праведности передъ Богомъ. Вотъ его цитата изъ Златоуста (I, 530): „тотъ, кто дѣлаетъ волю Божію, болѣе цѣненъ, чѣмъ десять тысячъ нарушителей. Потому то все въ безпорядкѣ, все перевернуто вверхъ дномъ, ибо, какъ въ театрѣ, мы желаемъ имѣть просто толпу, а не толпу хорошо тренированную. Какая польза отъ толпы? Хочешь ли узнать, что дѣйствительные люди суть святые, а не многіе? Выведи на бой милліонъ людей и одного святого и посмотримъ, кто сдѣлаетъ больше. Іисусъ Навинъ пошелъ на войну и одинъ добился успѣха; остальные были лишь прибавкой; какъ бы ни было велико множество, если оно не дѣлаетъ воли Божіей, оно—ничто". Даже враги Никона должны были хоть и съ горечью сознаваться, что народъ любилъ Никона. Самъ Аввакумъ говорилъ: „а міръ то слѣпой хвалитъ". Никонъ былъ величественъ въ Богослуженіи, учителенъ, аскетъ, ревнитель правды. Благотворительность свою онъ вознесъ на степень обширнаго учрежденія. Еще въ Новгородѣ онъ прославился этимъ. Онъ всегда выходилъ съ кошелькомъ и нерѣдко прямо изъ храма шелъ по

Нищелюбіе Никона и участіе къ людскому горю, благотворительность.

домамъ убогихъ и по темницамъ со словомъ утѣшенія. Во время голода онъ учредилъ постоянную ежедневную раздачу хлѣбомъ, а по воскресеньямъ и деньгами. Въ виду стеченія народа онъ отдѣлилъ въ своемъ домѣ особую комнату и питалъ ежедневно 100—300 человѣкъ. Также въ Москвѣ онъ не забылъ тѣхъ, кто страдалъ отъ бѣдности, безпомощной старости и сиротства. Шушеринъ говоритъ, что онъ въ санѣ Патріарха не измѣнилъ своего благого нрава. Расходныя книги Патріаршаго Приказа свидѣтельствуютъ, что никто изъ Патріарховъ не дѣлалъ столько пособія нуждающимся и милостыни нищимъ, какъ Никонъ, говоритъ Михайловскій, прибавляя: „Вотъ для чего нужны были Никону богатства“. Для престарѣлыхъ и увѣчныхъ Никонъ еще Митрополитомъ устроилъ въ Новгородѣ 4 богадѣльни, попросилъ у Царя содержанія у нихъ и имѣлъ ихъ подъ своимъ покровительствомъ. Также и въ Москвѣ Патріархомъ онъ устроилъ богадѣльни и смотрѣлъ за призрѣніемъ нищихъ. Въ большіе праздники и дни поминовенія Государя обыкновенно на патріаршемъ дворѣ раздавали значительную милостыню нищимъ, и въ день кафедральнаго праздника Успенія при патріаршемъ домѣ питалось до 2.500 человѣкъ. На иждивеніи Патріаршаго Казеннаго Приказа содержались богадѣльни въ разныхъ частяхъ города и назывались домовыми богадѣльнями Патріарха. Никонъ устроилъ 2 новыхъ богаоѣльни при Знаменскомъ монастырѣ и у Никитскихъ воротъ.

Его собственная домашняя жизнь въ бытность уже митрополитомъ отличалась полной простотой, и въ статьѣ проф. Николаевскаго „о перенесеніи мощей святителя Филиппа изъ Соловецкаго монастыря“ (Хр. чт. 1885 г.) цитируются помѣтки расходовъ на его обиходъ: „Дано на столъ Митрополиту на грибы 6 денегъ, на хлѣбъ, калачи и хрѣнъ 6 денегъ“, или „на хлѣбъ и хрѣнъ 4 деньги“. Когда Никонъ былъ въ пути, напримѣръ, въ Соловки за мощами Св. Филиппа, то за нимъ вмѣстѣ слѣдовала его строгость въ собственномъ обиходѣ и большіе расходы на благотворительность. „Непрерывныя богослуженія, келейныя правила, пишетъ проф. Николаевскій, строгіе посты, благотворительная дѣятельность были неизмѣнными его спутниками“.

Формы выраженія Никоновскаго человѣколюбія помимо благотворительности.

Не только черезъ благотворительность, но и черезъ иныя формы заботы о ближнемъ выражалось человѣколюбіе Никона. Въ V томѣ Исторической Библіотеки собрана переписка Никона съ архимандритомъ Иверскаго монастыря касательно постройки храма и монастыря. На протяженіи 1654-1666 года неизмѣнная заботливость, чтобы при постройкахъ не притѣснялись рабочіе, чтобы имъ во время выдавалось жалованіе, чтобы ихъ не прижимали при выдачѣ продуктовъ

или орудій мастерства. Также имѣется масса распоряженій Никона, чтобы прикащики въ монастырскихъ имѣніяхъ дѣлали льго ы по случаю пожаровъ или недорода при взысканіи повинностей и ихъ отсрочивали до лучшихъ временъ или совсѣмъ слагали. Такъ грамота № 141 къ архимандриту Филофею отъ 26 мая 1661 г. даетъ льготы въ оброкахъ по случаю наводненія и неурожая крестьянамъ Околорусскихъ погостовъ. Въ грамотѣ № 228 отъ 21 Января 1666 г. архимандриту Филофею распоряженіе не высылать въ Воскресенскій монастырь погорѣвшихъ каменщиковъ и выслать другихъ вмѣсто нихъ. Ихъ велѣно щадить ради пожарнаго времени, ради ихъ скудности и двороваго строенія. Такъ въ августѣ 1666 года Никонъ освобождаетъ нѣсколькихъ крестьянъ отъ работы въ виду потери въ семьѣ двухъ братьевъ. Грамота за № 418 къ казначею Иверскаго монастыря Гурію Хрипунову о соблюденіи мирныхъ отношеній къ архимандриту и прочей братіи приказываетъ не корыстоваться при продажѣ работникамъ топоровъ, лаптей и другихъ вещей (отъ 1 апр. 1654 г.). Такихъ грамотъ цѣлая масса, мы привели только отдѣльные примѣры. Иногда грамоты касаются отдѣльныхъ лицъ, иногда общихъ условій найма и отношенія. Такъ въ одной грамотѣ Никонъ пишетъ архимандриту Іакову Иверскаго монастыря: „Скорбятъ крестьяне и плотники: могарца мало даешь: и тебѣ бы отнюдь не оскорблять наймомъ никакихъ наймитовъ и даромъ бы немного нудить. Бога ради будь милостивъ къ братіи и крестьянамъ и ко всѣмъ, живущимъ въ обители той“. То же проявленіе любви къ ближнему у Никона и тогда, когда онъ самъ живетъ въ невзгодѣ.

Никонъ не переставалъ заботиться о ближнихъ и тогда, когда онъ самъ переживалъ тягостныя утѣсненія своей участи, въ ссылкѣ, отъ Наумова, и въ 1672 г. благодаритъ Царя за освобожденіе его племянника и иныхъ людей, заключенныхъ за службу ему—Никону; онъ проситъ, чтобы Царь простилъ и всѣхъ сосланныхъ изъ-за него по разнымъ мѣстамъ и при этомъ перечислилъ своихъ сторонниковъ: „Буде Афанасій, Митрополитъ Иконійскій, священникъ Сысой и Никита Зюзинъ, да крестникъ его Діонисій Нѣмчинъ, который посланъ въ Казань, да пѣвчій Савва, да поваръ его Савка, посланный въ Сибирь, изъ ссылокъ не освобождены, то великій Государь указалъ бы имъ милость, какъ ему Богъ извѣститъ“. (Выписка изъ донесеній Лопухина, представленная Царю 11 іюня 1672 г. въ государственномъ архивѣ, приведенная проф. Николаевскимъ“).

Заботился Никонъ о другихъ и тогда, когда онъ жилъ въ Воскресенскомъ монастырѣ. До насъ дошли письма Никона къ Зюзину, одно отъ 15-XII 1659 г., другое отъ 6-IX 1661 г.; въ одномъ онъ проситъ за гостя Новгородскаго, освободить отъ неправильной конфискаціи его мѣди, проис-

шедшей по недоразумѣнію, и вспомнить объ его заслугахъ по усмиренію бунта, а въ другомъ проситъ объ освобожденіи отъ военной службы по болѣзни нѣкоего Ѳеодота Растопчина по тѣлесной слабости. Возможности Никона въ ходатайствахъ за другихъ ослабѣли только въ связи съ его собственной опалой, но они никогда не прекращались.

Вотъ что пишетъ профессоръ Николаевскій о томъ періодѣ 1671—1674 г. жизни въ Ѳерапонтовомъ монастырѣ, когда Никону дали свободу: „Съ облегченіемъ участи Никона къ нему стали пріѣзжать посторонніе, даже издалека за благословеніемъ, совѣтомъ, наставленіемъ, или для того, чтобы его навѣстить и помочь, то за помощью въ болѣзняхъ. Обширная его благотворительность во времена могущества сократилась въ объемѣ, но не уничтожилась; онъ и теперь раздавалъ деньги бѣднымъ; онъ и теперь начинаетъ лѣчить больныхъ; помощь его больнымъ дѣлается извѣстной, закрѣпляетъ за нимъ славу добраго цѣлителя, привлекаетъ больныхъ съ дальнихъ мѣстъ; за одинъ день къ нему собирается болѣе 40 человѣкъ“.

Внѣшнее выраженіе любви къ Богу. Постройка монастырей.

Никонъ привлекалъ сердца своей паствы не только выраженіемъ непосредственной заботливости о человѣческихъ нуждахъ, но и выраженіемъ своей любви къ Богу черезъ сооруженіе трехъ замѣчательныхъ монастырей, изъ которыхъ каждый выражалъ свою особую идею. Первый, начатый имъ, монастырь Иверскій созданъ въ честь чудотворной Иверской иконы Богоматери по образцу Иверскаго монастыря на Аѳонѣ, служившаго центромъ православія, образцомъ монашескихъ подвиговъ. Тамъ было положено основаніе ученому братству, которое занималось переводами св. книгъ и имѣло въ распоряженіи типографію. Монастырь Воскресенскій имѣлъ въ виду быть воспроизведеніемъ святыхъ мѣстъ Іерусалимскихъ и храма при гробѣ Господнемъ. Русская Церковь сама должна быть полной сокровищницей главныхъ святыхъ и давать удовлетвореніе не могущимъ посѣтить святыя мѣста въ самомъ Іерусалимѣ. Крестный монастырь напоминалъ о всеспасителяной силѣ Господняго креста, вѣрой въ который спасся и Никонъ во время бури. Патріархъ Никонъ особенно почиталъ Св. Филиппа и въ честь его построилъ церковь въ Иверскомъ Валдайскомъ монастырѣ и въ честь его Ангела Апостола Филиппа построилъ церковь на патріаршемъ дворѣ въ Москвѣ. Перенесеніе его мощей было внушено Царю Никономъ, когда Никонъ присутствовалъ на открытіи мощей Святого Саввы Сторожевскаго, ученика Преподобнаго Сергія Радонежскаго, причисленнаго къ лику святыхъ на Соборѣ 1549 г. Черезъ мѣсяцъ же на Соборѣ было рѣшено и перенесеніе мощей въ Успенскій соборъ и Святого Митрополита Филиппа и Патріарховъ Іова и Гермоге-

на. Всѣ трое были защитниками Церкви и государственности, и въ усиленіи ихъ прославленія можно было видѣть желаніе подчеркнуть значеніе первосвятительскаго сана и Церкви въ борьбѣ за государственность въ лицѣ Іова, усугубленную борьбой за національность въ лицѣ Патріарха Гермогена, и за высшую правду, которую отставилъ Св. Фипиппъ, противъ излишествъ опричнины.

Готовность и легкость Никона къ полному прощенію враговъ при ихъ покаяніи.

Никонъ былъ великодушенъ въ прощеніи, когда обидчикъ сознавалъ свою вину. Мы знаемъ, что онъ со слезами простилъ Неронова и объяснилъ ему свою горячность въ дѣлѣ Церкви. Когда тотъ говорилъ ему, что отъ него — Никона всѣмъ страхъ, а что его первосвятительское дѣло—Христу Спасителю подражать и Его святой кротости, то Никонъ сказалъ ему: „Не могу, батюшка, терпѣть". Когда Нероновъ узналъ, что Никонъ дѣйствовалъ по согласію съ Вселенскими Патріархами, то онъ сказалъ ему: „Если ты по согласію съ ними поступалъ, я тому не противенъ". Профессоръ Знаменскій въ своемъ сочиненіи „Иванъ Нероновъ" пишетъ: „Никонъ принялъ благосклонно это покаяніе, какъ большая часть людей съ сильной, непосредственной натурой, онъ рѣзко проявлялъ свою силу надъ ослушниками и противниками, но тотчасъ удовлетворялся и забывалъ все, какъ скоро они приносили свои вины и изъявляли свою покорность. Онъ приблизилъ Неронова, поселилъ его на Троицкомъ подворьѣ для близости къ патріаршему дому, далъ ему особую келью жить на свободѣ. Никонъ посылалъ ему блюда съ своего стола и каждый день бесѣдовалъ съ нимъ". Нероновъ сумѣлъ даже возбудить сожалѣніе Никона, и тотъ терпѣливо выслушивалъ его жалобы. А когда Нероновъ упрекнулъ Никона, зачѣмъ онъ принялъ святительскій санъ, если у него нѣтъ терпѣнія, то Никонъ сказалъ: „на ка возьми, почитай ка" и передалъ Неронову цѣлую груду челобитныхъ противъ Неронова, которыя онъ оставилъ безъ послѣдствій, хотя за нихъ Нероновъ могъ весьма пострадать. Никонъ простилъ охотно боярина Морозова (IV, 318), испросившаго черезъ Царя у него передъ смертью прощенія, и даже предлагалъ его похоронить въ Воскресенскомъ монастырѣ. Хотя Никонъ и отвѣтилъ, что онъ не зналъ никакой вины Морозова передъ собой, но все же Морозовъ сознавалъ, что многіе враги Никона были его ставленники—и Милославскій, и Хитрово. Также охотно простилъ Никонъ весной 1665 г., снявъ анаѳематствованіе со Стрешнева, противъ котораго писалъ „Раззореніе" и котораго анаѳематствовалъ за наученіе собаки патріаршему благословенію, такъ какъ послѣдній испросилъ у него прощенія за $1^1/_2$ года до смерти своей.

Объясненіе, почему Никонъ не могъ простить Митрополита Питирима и Царя.

Но онъ никогда не снималъ анаѳемы съ Митрополита Питирима, ибо здѣсь былъ затронутъ цѣлый рядъ принципіальныхъ канонических вопросовъ и, главное, совершено было облюбодѣйствованіе патріаршей кафедры по приказу Царя черезъ неупоминаніе имени Патріарха Никона и черезъ самостоятельный, безъ его вѣдома, захватъ церковнаго управленія въ свои руки. Къ тому же Митрополитъ Питиримъ никогда не покаялся. Не далъ Никонъ прощенія полнаго и Царю Алексѣю Михайловичу, ибо Царь не ликвидировалъ нечестиваго суда надъ Никономъ и оставилъ нечестиво заточеннаго. по его собственной винѣ въ значительной степени, Патріарха въ заточеніи, не измѣнивъ того цезарепапистскаго курса своей политики, на который Царь всталъ подъ давленіемъ бояръ. Но многія обиды себѣ лично Никонъ простилъ Царю, и за свои обиды Царю просилъ у него прощенія. Изъ обзора этихъ прощеній видно, что Никонъ былъ великодушный и отзывчивый человѣкъ, вовсе не мстительный и незлопамятный, что самое прощеніе у него легко могло быть получено дѣйствительно покаяніемъ на дѣлѣ, но что онъ былъ неумолимъ въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ выступалъ въ защиту за права Церкви и не видѣлъ покаянія, какъ въ случаѣ съ Митрополитомъ Питиримомъ, или, если считалъ, что покаяніе не доказано дѣломъ, какъ напримѣръ у Царя, лично просившаго прощенія у Никона, посылавшаго ему дары, но не совершившаго главнаго — отмѣны, хотя бы черезъ Патріарховъ, несправедливаго приговора надъ Никономъ, какъ условія для полученія прощенія подъ епитрахилью. Нарушенная Царемъ и боярами клятва 22 іюля 1652 г. оставалась нарушенной, и наказаніе Никона за то, что онъ реагировалъ уходомъ на клятвопреступленіе, было высшимъ нечестіемъ, употребленіемъ силы матеріальной противъ правды.

Почитаніе Никона народомъ вызывается не только перечисленными его чертами, но и невиннымъ страданіемъ за Церковь.

Поэтому Никонъ былъ въ правѣ написать на крестахъ: „Никонъ, Божіей милостью патріархъ, поставилъ сей крестъ Господень, будучи въ заточеніи за слово Божіе и за Святую Церковь, на Бѣлоозерѣ, въ Ѳерапонтовомъ монастырѣ, въ тюрьмѣ“. Его невинныя страданія привлекали къ нему еще большую любовь народа, и свидѣтельствомъ ея явилось уже посмертное почитаніе его гробницы, сопровождаемое постоянными панихидами.

Любовь Никона къ юродивымъ.

Извѣстно, какъ велико въ народѣ почитаніе юродивыхъ, какъ несущихъ высшій подвигъ сораспятія Христу, и мы видимъ, какъ почиталъ ихъ Никонъ. Павелъ Алепскій разсказыва-

етъ: (11, 301) „Патріархъ Никонъ садилъ съ собой за столомъ нѣкоего Салоса, добродѣтельнаго человѣка, который совершенно голый (въ одной рубашкѣ) ходитъ постоянно по улицамъ и почитается народомъ сверхъ всякой мѣры. какъ выдающійся святой. Его имя—Кипріанъ, но обычно его зовутъ человѣкомъ Божіимъ. Патріархъ Никонъ никогда не переставалъ кормить его собственными руками и поить его изъ серебрянныхъ кубковъ, изъ которыхъ послѣ него онъ самъ выпивалъ собственными губами послѣднія капли, какъ дѣлаетъ это за литургіей; мы не чувствовали ногъ отъ изумленія".

Стойкость Никона въ своихъ убѣжденіяхъ и неустрашимость.

Еще одной чертой пріобрѣталъ Никонъ сердце народа—необыкновенной стойкостью и неустрашимостью въ исповѣданіи своихъ убѣжденій. Такимъ мы его видимъ въ санѣ Новгородскаго Митрополита, когда онъ во время бунта выходитъ къ толпѣ и послѣ избіенія, едва ли не стоившаго Никону жизни, онъ послѣ кровотеченія горломъ, тутъ же отправляется въ церковь и, призывая рядовыхъ бунтовщиковъ къ покаянію, анаѳематствуетъ главарей. Такимъ онъ былъ всю жизнь въ борьбѣ противъ цезарепапизма, и онъ самъ опредѣлилъ свое положеніе, сказавъ послѣ низверженія изъ сана 12 декабря 1666 г., что съ нимъ ничего этого не случилось бы, если бы онъ не говорилъ правды въ глаза и пировалъ бы съ боярами. И много раньше еще во время Новгородскаго бунта сами бунтовщики покаявшіеся назвали его исповѣдникомъ, и царское письмо, присланное Никону въ Новгородъ, совершенно также характеризовало подвигъ Никона по усмиренію бунта (IV, 486).

У Никона чисто русскій подходъ къ православію.

Хотя Никонъ говорилъ про себя въ эпоху проведенія церковной обрядовой реформы 1654—1656 г., что онъ русскій по рожденію, но по вѣрѣ грекъ, однако мы должны сказать, что Никонъ съ чисто русской горячностью проводилъ реформы и воплощалъ наилучшимъ образомъ русскій подходъ къ христіанству, воспринимая его по преимуществу не какъ совокупность извѣстныхъ догматическихъ истинъ, а какъ систему религіозно нравственныхъ правилъ жизни, какъ нравственно животворящую силу. Идея грѣха, за которой неминуемо слѣдуетъ рано или поздно расплата, идея—вошедшая въ народное сознаніе,—проходитъ красной чертой черезъ все Никоновское міросозерцаніе и окрашиваетъ его воззрѣнія на власть православнаго Царя и на ея осуществленіе. Такое воззрѣніе зоветъ къ практическому переустройству всей жизни, не только личной, но и общественной государственной на христіанскихъ началахъ. Борясь за возможность канонически управлять Церковью, Никонъ вѣрилъ абсолютно, что, хотя гнѣвъ Царя подобенъ

рычанію льва, приводящему въ ужасъ, но для того, кто готовъ скорѣе умереть, чѣмъ допустить нарушеніе церковныхъ каноновъ, онъ считалъ, что этотъ левъ меньше самой малой собаки. „Ибо нѣтъ ничего безвластнѣе человѣка, нападающаго на Божіи законы, и нѣтъ ничего сильнѣе человѣка, борющагося за эти законы. Ибо совершающій грѣхъ есть рабъ грѣха, хотя бы онъ имѣлъ 1000 коронъ на своей головѣ, но борющійся за правду больше самого царя, хотя бы онъ былъ послѣдній изъ всѣхъ". И, какъ примѣръ борьбы для священнослужителя, Никонъ выставлялъ священника Азарію, заявившаго протестъ противъ кажденія царемъ Озіей. Этимъ протестомъ кончилась обязанность священника, и ему оставалось только сказать: „я сдѣлалъ свое дѣло, больше я ничего не могу. Ты, Боже, защити священство, попранное ногами, ибо Твои законы нарушены, Твои приказы презрѣны". Такой же системы держался самъ Никонъ, и его лояльность къ Царю, когда онъ могъ бы прибѣгнуть къ услугамъ недовольныхъ классовъ общества для своего освобожденія, показываетъ, что отъ этой системы онъ никогда не отступалъ.

Въ 1663 г,, когда пріѣзжало слѣдствіе по дѣлу о проклинаніи Никономъ Царя, Никонъ выражалъ покорность принять безъ всякаго протеста несправедливый домашній арестъ и сказалъ въ отвѣтъ на приказъ князя Одоевскаго никуда не выходить изъ келіи кромѣ церкви: „по Указу великаго Государя Царя я готовъ идти въ тюрьму, только послушай третье правило Константинопольскаго Собора въ Св. Софіи: Если свѣтскій человѣкъ бросаетъ Епископа въ тюрьму, да будетъ анаѳема". И когда ему объявили. что по царскому приказу отрядъ стрѣльцовъ будетъ его охранять, то онъ сказалъ: „да будетъ государева воля. Мы готовы страдать съ благодарностью ради Господа" (IV, 489 и 491).

Уходъ Никона въ Воскресенскій монастырь — выраженіе не бездѣятельности, а дѣятельности высшаго напряженія.

Его уходъ отъ власти былъ уходомъ отъ зла цезарепапизма и является апогеемъ напряженія его дѣятельности. Этотъ кажущійся переходъ къ бездѣятельности былъ дѣятельностью высшаго напряженія, дѣлающей Никона великимъ человѣкомъ, исповѣдавшимъ въ жизни своей идею самостоятельнаго церковнаго управленія, не подавленнаго государственной властью, и ставитъ его по идеѣ въ одинъ рядъ съ такими дѣятелями Церкви, какъ Св. Іоаннъ Златоустъ, Св. Папа Григорій Двоесловъ и Св. Ѳеодоръ Студитъ.

Идея грѣха—идея центральная въ міросозерцаніи Никона. Онъ расцѣниваетъ историческія событія съ религіозно-нравственной точки зрѣнія.

Въ соотвѣтствіи съ главной идеей освященія обязанности всеобщаго устремленія къ святости, Никонъ во главу оцѣнки и пониманія историческихъ событій ставитъ

идею грѣха. Мы видѣли при обзорѣ ученія о царской власти, что эта идея является центральной. Никонъ постоянно ссылается на то, что неблагочестіе Царей было причиной гибели царствъ, и въ неблагочестіи Царя и бояръ, выражающемся въ ихъ подчиненіи себѣ Церкви, онъ видитъ угрозу для самого государства. Онъ ссылается на то, что чума и несчастія въ войнѣ есть слѣдствіе этого грѣха, и въ будущемъ надо ждать того же. Возмездіе за грѣхъ неизбѣжно, и съ этой точки зрѣнія должно наступить возмездіе за принятіе Царемъ на себя церковнаго верховенства и за самочинное предоставленіе имъ церковной власти Питириму. Но это возмездіе не обязательно наступаетъ немедленно. Богъ отмститъ за все въ день суда по слову „Мнѣ отмщеніе и Азъ воздамъ“. Слово Его непреложно, и, если въ этомъ мірѣ за проклятіемъ тотчасъ не наступаетъ возмездіе, то тѣмъ еще хуже, ибо еще большее наказаніе ждетъ впереди. И Никонъ говорилъ о карѣ за клятвопреступленіе, когда онъ напоминаетъ о томъ, что Царь и бояре нарушили данную ему клятву передъ принятіемъ имъ патріаршества, когда говоритъ, что и Епископы по человѣкоугодничеству подчинились, вопреки клятвѣ при хиротоніи, на церковныхъ дѣлахъ не Патріарху, а Царю и викарію Царя Митрополиту Питириму. На этомъ основномъ воззрѣніи основаны и всѣ предсказанія Никона. Никонъ пишетъ Зюзину 29 іюня 1662 года о своихъ предостереженіяхъ Царю за захватъ власти черезъ монастырскій приказъ надъ его монастырями, о наказаніяхъ, которыя поражаютъ гордецовъ, нарушающихъ Божіи завѣты въ лицѣ фараона, людей Содомскихъ, Даѳана, Авирона, Іеровоама, Ахава, Навуходоноссора и др. и говоритъ, что надъ нимъ посмѣялись, а слово его исполнилось въ страшномъ пожарѣ, разрушившемъ царскій дворецъ.

Пальмеръ объ осуществленіи Никоновскихъ предсказаній и проклятій.

Пальмеръ съ своей стороны развиваетъ Никоновскую идею возмездія при проклятіи и говоритъ, что всѣ его предсказанія сбылись. Такъ предсказаніе его 19 декабря 1664 г. при Матвѣевѣ и Долгорукомъ, что комета снесетъ Москву, исполнилось не только въ томъ смыслѣ, что сопровождавшій его бояринъ Димитрій Алекс. Долгорукій и стрѣлецкій полковникъ Матвѣевъ получили свое наказаніе (первый въ лицѣ убитаго стрѣльцами на томъ же мѣстѣ его брата Юрія съ сыномъ, а второй лично былъ разорванъ въ куски стрѣльцами въ 1681 г.), но и въ томъ, что наказаніе коснулось и Царя, и его дома, и Епископовъ и боярства, и самой Москвы. Эти наказанія Пальмеръ видитъ въ цѣломъ рядѣ событій и проводитъ интересную параллель. Онъ устанавливаетъ этотъ рядъ событій въ параллелизмѣ грѣхамъ Царя, бывшаго несчастнымъ въ личной

жизни и потерпѣвшимъ въ государствѣ великія потрясенія.

1) Окончаніе почитанія Царемъ Никона въ 1658 году, 8 мая 1659 г. умираетъ его 4 лѣтняя дочь Анна, крестница Патріарха.

2) Послѣ принятія церковнаго верховенства Царемъ въ 1658 г., Трубецкой потерпѣлъ страшнѣйшее пораженіе подъ Конотопомъ съ потерей черезъ татарскій плѣнъ цвѣта Московской конницы.

3) Послѣ созыва лжесобора 1660 г. пораженіе въ Литвѣ князя Хованскаго, Юрія и Петра Долгорукихъ 18 іюня и 10 октября того же года.

4) Сдача всей Московской арміи подъ начальствомъ Шереметева полякамъ и татарамъ подъ Чудновымъ на Волыни 23 октября 1660 г.

5) Разочарованіе Царя въ честолюбивыхъ надеждахъ 1656 г. на войну съ Швеціей, когда онъ хотѣлъ по мирному соглашенію получить корону польскую и литовскую, а вмѣсто того пришлось въ Кардисѣ 21 іюня 1661 г. вернуть все Швеціи и продолжать неудачно войну съ Польшей.

6) Послѣ посвященія Меѳодія въ предѣлахъ Константинопольскаго патріархата новое пораженіе Хованскаго при Кушликахъ осенью 1661 г., потеря Гродно, Могилева и Вильны, такъ что къ концу 1661 г. эвакуирована вся Литва кромѣ Быкова.

7) Послѣ принятія царемъ Паисія Лигарида весной 1662 г. безъ канонической грамоты—бунтъ въ іюлѣ 1662 г. изъ-за обезцѣненія мѣдныхъ денегъ, вслѣдствіе жадности и лихоимства Ильи и Данилы Милославскихъ и его племянника Ивана Михайловича.

8) Послѣ привоза двухъ Патріарховъ въ Москву для низложенія Никона разочарованіе въ войнѣ съ необходимостью уступить всю казачью страну къ западу отъ Днѣпра и всю Литву для полученія мира съ Польшей (Андрусовъ миръ 20 января 1667).

9) Большіе пожары въ Москвѣ 1668 г. жители ея считали наказаніемъ за низложеніе Никона, какъ писалъ польскій посолъ въ Варшаву.

10) Вслѣдствіе мира съ Польшей не только казаки правобережья уступлены Польшѣ, но и лѣвобережные отдались Турецкому султану. Вслѣдствіе измѣны въ 1668 г. гетмана Брюховецкаго русскіе потеряли огромные военные матеріалы и армію, такъ что по полученіи этихъ извѣстій въ Москвѣ послѣдовалъ трехдневный трауръ, какъ бываетъ при величайшихъ несчастіяхъ: Царь даже захворалъ и 8 дней не выходилъ.

11) Разочарованіе Царя въ надеждахъ получить польскую корону для себя и для сына. Въ 1668 г. лучъ надежды блеснулъ вторично (первый разъ въ 1656 г.) вслѣдствіе отреченія Польскаго Короля Іоанна Казиміра, но южныя не-

удачи похоронили эту идею. Еще разъ блеснула надежда послѣ смерти Цесаревича Алексѣя въ 1673 г. до избранія Іоанна Собѣсскаго въ 1674 г.

12) Послѣ примиренія личнаго съ Никономъ, но безъ намѣренія передѣлать несправедливо сдѣланное съ Никономъ, смерть Царицы Маріи Ильинишны третьяго—четвертаго января 1669 г. вслѣдствіе родовъ дочери Евдокіи, умершей черезъ 4 дня послѣ рожденія.

13) Смерть третьяго сына 4 хъ лѣтъ Симеона въ Іюлѣ 1669 г. Патріархъ Іерусалимскій Досифей соболѣзновалъ Царю въ потерѣ Царицы осенью 1669 г. въ отвѣтъ на просьбу Царя о прощеніи Паисія Лигарида.

14) Потеря наслѣдника престола Царевича Алексѣя въ 1670 г. наканунѣ его совершеннолѣтія послѣ чего, у Царя осталось только два больныхъ сына: Ѳеодоръ 8-ми лѣтъ и Іоаннъ 4-хъ лѣтъ.

15) Возстаніе Стеньки Разина (1667—1671) съ потерей 2 хъ воеводъ Ивана Прозоровскаго и Симеона Львова и Митрополита Іосифа и ста тысячъ жителей на Волгѣ.

16) Взятіе Каменецъ Подольска въ 1672 году турками у поляковъ и заключеніе съ ними мира на основѣ платежа дани султану и помощи противъ Россіи.

17) Широкій ростъ раскола и осада Соловецкаго монастыря съ 1667 до 1776 г.

18) Разочарованіе отъ казацкихъ возстаній и измѣнъ (Выговскаго въ 1658, Юрія Хмѣльницкаго въ 1660 и Брюховецкаго въ 1667 г.).

19) Даже Соловьевъ неблагосклонный къ Никону, говоритъ, что ничто не было такъ невыгодно для Царя Алексѣя, какъ то, что „разрывъ его съ Патріархомъ раздѣлилъ его вниманіе какъ разъ тогда, когда иностранныя дѣла требовали всего его вниманія и дѣятельности и сдѣлалъ невозможнымъ для него отъѣздъ изъ Москвы“. Если бы Царь сохранилъ свои обязательства къ Никону въ отношеніи дѣлъ церковныхъ, то онъ имѣлъ бы въ Никонѣ слугу-совѣтника безпримѣрныхъ способностей и въ государственныхъ дѣлахъ, человѣка, говоритъ **Пальмеръ**, генія силы воли и характера, не менѣе одареннаго по природѣ, чѣмъ тотъ богатырь, который былъ исполнителемъ проклятія въ ближайшемъ поколѣніи, человѣка одинаково способнаго бороться съ невѣжествомъ своего вѣка, одинаково расположеннаго къ нововведеніямъ, реформѣ и просвѣщенію, только исходящему отъ принциповъ христіанской вѣры, а не принциповъ матеріалистическихъ и языческаго патріотизма. Достаточно видѣть, что Царь могъ быть на войнѣ 1654—1656 г.г. и парализовать неблагопріятныя слѣдствія боярскаго мѣстничества благодаря Никону, который въ тылу завѣдывалъ всѣмъ внутреннимъ управленіемъ, боролся съ чумой и снабжалъ армію.

20) Если въ теченіе послѣднихъ 18 лѣтъ своей жизни Царь Алексѣй Михайловичъ долженъ былъ чувствовать, что онъ былъ своимъ собственнымъ врагомъ, лишая себя услугъ Никона для своего семейства, двора и управленія, то особенно онъ долженъ былъ почувствовать, когда оказался на 47 году жизни на смертномъ одрѣ.

Его наслѣднику было 15 лѣтъ и предстояла боярская опека; ему менѣе было бы безпокойства, если бы его другъ, спасшій семью его отъ чумы въ свое время, былъ бы у власти.

21) Царь Алексѣй оставилъ вдовой молодую жену, младшую, чѣмъ его старшая дочь изъ всѣхъ его дѣтей отъ перваго брака, съ тремя малолѣтними дѣтьми. Но проклятіе Никона, выраженное противъ Боборыкина, призывавшее безпомощное сиротство, невольно касалось и Царя и теперь пришло. Царь предвидѣлъ борьбу двухъ семей при физической слабости Өеодора и явной неспособности Ивана. Если бы былъ Никонъ, все прошло бы иначе. И многіе были бы на другихъ мѣстахъ: „Нащокинъ былъ бы на царской службѣ, и Матвѣевъ не былъ бы въ ссылкѣ“ (V, 904—911). Въ дополненіе несчастій и династія Царя кончилась въ 3-мъ мужскомъ поколѣніи въ лицѣ Петра II и можно было вспомнить слова Никона въ концѣ одного засѣданія суда сказанныя Царю: „Кровь моя и общій грѣхъ на твоей головѣ, Царь“

Петръ I названъ Пальмеромъ исполнителемъ проклятія, ибо онъ содѣйствовалъ прекращенію династіи сыноубійствомъ, онъ же лишилъ боярство государственнаго значенія, и онъ свелъ епископатъ на подчиненное государству неканоническое положеніе, лишившее его самостоятельнаго церковнаго строительства и приведшее его къ положенію государственнаго чиновничества.

Никонъ, охраняя церковную культуру въ старой Руси, опережаетъ ее въ своемъ отношеніи къ образованію съ одной стороны и въ возстановленіи святоотеческихъ идей съ другой.

Никонъ стоялъ на почвѣ старой Россіи съ унаслѣдованной церковной культурой, лежавшей въ основѣ и государственнаго строительства въ той формѣ, въ которую облекала ея теорія симфоніи властей. Церковный идеалъ жизни завершаемый аскетическимъ идеаломъ иночества, проникалъ всѣ отношенія, и въ этомъ отношеніи Никонъ былъ продолжателемъ старой Россіи, которую онъ стремился дѣлать возможно болѣе святой, развивая и углубляя лишь прежнія отношенія. Но въ одномъ отношеніи онъ безконечно опередилъ своихъ современниковъ, и потому то содержаніе, которое онъ вливалъ въ прежнее строительство, было инымъ. Это особенно видно не только на той борьбѣ, которую онъ велъ противъ цезарепапизма, во имя святоотеческой постановки соотношенія властей, но и на отношеніи его къ образованію.

Взгляды Аввакума на образованіе, на русскіе обряды, на греческое православіе. Критерій истины у него въ русскихъ современныхъ ему формахъ православія.

Въ этомъ отношеніи Никонъ не имѣлъ того узкаго взгляда, которымъ проникнутъ типичный представитель старой Руси—Аввакумъ. Послѣдній просто отрицалъ науку. „Ты ищешь, говоритъ Аввакумъ Артамону Матвѣеву, высшей науки, а я прошу у Христа моего поклонами и слезами, и мнѣ кое общеніе яко свѣту со тьмою, или Христу съ Веліаромъ". Узкія представленія о святости и недостатокъ научнаго образованія привели Аввакума къ убѣжденію, что только въ русскихъ книгахъ церковныхъ все сказано богомудро и богодухновенно. Онъ не допускалъ ничтожнѣйшихъ перемѣнъ въ языкѣ, въ родѣ измѣненія „въ имя" на „во имя". Потому, когда въ пятидесятницу 1654 года Никонъ отмѣнилъ 12 земныхъ поклоновъ и установилъ трехкратное знаменіе, то это произвело тягостное впечатлѣніе на Аввакума, и онъ такъ передавалъ о впечатлѣніи: „Мы (Аввакумъ, Нероновъ, Павелъ Коломенскій, Даніилъ) сошедшися задумалися между собой; видимъ яко зима хощетъ быти, сердце озябло и ноги задрожали". Рѣзкая брань противъ Никоновскихъ перемѣнъ гремѣла по Москвѣ, когда бояре вернули Аввакума въ 1664 г. изъ ссылки: „Видишь-ли, Никоніанинъ, что вы дѣлаете надъ одной просфорой, кудесите, дыръ 300 навертите. Охъ, собаки. Перемѣнили преданіе Св. Отецъ и 5 просфоръ вмѣсто 7 возлюбили". Обрядъ приравненъ къ догмату, и потому исправленіе никакое недопустимо. Все русское, принятое на Стоглавомъ соборѣ, было на вѣки канонизировано, а греческія разности обрядовыя признаны порчею отъ турокъ. Аввакумъ отвѣчалъ на допросѣ Восточнымъ Патріархамъ: „у васъ православіе пестро отъ нашествія турскаго Магомета, немощни есте стали и впредь пріѣзжайте къ намъ учиться; у насъ благодати Божіей самодержство, до Никона отступника въ нашей Россіи у благочестивыхъ Князей и Царей было православіе чисто и непорочно, и Церковь немятежная и первые наши пастыри, какъ двумя перстами крестились, такъ и другимъ повелѣвали. Патріархи задумались, разсказываетъ Аввакумъ, и наши что волченки завыли, облевать стали на отцовъ своихъ говоря: не смыслили наши святые; не ученые де люди были, чему имъ вѣрить? Они де грамоты не умѣли. О, Боже Святый. Како претерпѣ святыхъ Своихъ толикая досажденія? Мнѣ бѣдному горько стало, а дѣлать нечего: побранилъ ихъ сколько могъ и послѣднее слово рекъ: чистъ азъ есмь и прахъ отъ ногъ своихъ отрясаю передъ вами". Аввакумъ отвергъ авторитетъ самой Церкви во имя пристрастія къ современнымъ ему формамъ; такое умонастроеніе съ признаніемъ современной русской формы и обряда критеріемъ для всякой другой формы и об-

ряда, какъ единственно правильной, и создавали расколъ съ его нетерпимостью къ малѣйшему измѣненію даже въ правописаніи словъ. Идея измѣняемости и постепеннаго развитія обряда ему была чужда, и для него непонятно было то явленіе, что обрядъ могъ измѣняться, лишь бы мысль, связываемая съ обрядомъ, не была еретической. На этомъ основаніи первоначальное единоперстіе при перстосложеніи было правильно, поскольку съ нимъ связывалась мысль о единствѣ Бога, правильно было и двоеперстіе, поскольку съ нимъ связывалась мысль о двухъ природахъ во Іисусѣ Христѣ, правильно и троеперстіе, поскольку съ нимъ связывается мысль о триупостасности Божества. Аввакуму непонятна перемѣна въ обрядахъ: „Христосъ живетъ въ Церкви и не даетъ ей погрѣшить не то, что въ догматахъ, но и малѣйшей чертѣ каноновъ и пѣсней". Онъ отказывается повиноваться мудрѣйшимъ въ письмѣ къ Плещееву, ибо „отъ нихъ утаилъ Богъ тайны благодати Своей и открылъ ихъ младенцамъ—неученымъ людямъ: спасается міръ черезъ вѣрныхъ, а не черезъ мудрѣйшихъ. Мудрѣйшіе отступили, говорятъ, что блудили Отцы наши въ церковныхъ догматахъ и много времени Церковь была въ погруженіи, а теперь они умудрились исправлять, слѣдовательно, не вѣрятъ слову Христову о непогрѣшимости Церкви и являются хулителями Бога и Церкви". Такая точка зрѣнія грозила полнымъ прекращеніемъ церковнаго развитія и въ корнѣ противорѣчила тому ученію о вещахъ существенныхъ и несущественныхъ, предоставленныхъ на волю отдѣльныхъ Церквей, которое развивалъ Патріархъ Паисій въ посланіи къ Никону въ 1654 году, когда тотъ обратился къ нему съ запросомъ. Аввакумъ восхваляетъ святую простоту, противополагая ее суетной мудрости внѣшней, такъ какъ вѣра потребна ко спасенію, а не реторики и грамматики, „чистое сердце, а не философское киченіе", подъ коимъ разумѣются греки и малороссы, которыхъ именуетъ песьими сынами. Приведя примѣры, какъ неученые люди благодаря смиренномудрію и стойкости въ вѣрѣ побѣждали ученыхъ, риторовъ и философовъ, Аввакумъ пишетъ Царю: „и мы, Михайлычъ, станемъ поучатися, какъ намъ умерети и умъ вперимъ Богу всегда, да полезнѣе намъ будетъ тамо, егда обрящемся со Христомъ, нежели въ риторикѣ славы ища, быти кромѣ Христа, молю Бога ввечери и утро и полудни еже бы тебѣ не желати риторики киченія ради, но искати распятаго Христа". (Раскольники такимъ образомъ отстаивали то же не русскую праведность, какъ таковую, а ее, какъ носительницу совершеннаго православія).

Отношеніе Никона къ русскимъ обрядамъ и чинамъ, до знакомства съ пріѣзжими греками и послѣ.

Никонъ иначе относился къ наукѣ и иначе сталъ смотрѣть на обряды, еще будучи Патріархомъ; человѣкъ старообрядческой психологіи, почитающій обрядъ какъ догматъ, не разрѣшилъ бы служить да еще въ Успенскомъ Соборѣ по обоимъ служебникамъ, какъ разрѣшилъ Никонъ Неронову въ январѣ 1657 года, сказавъ: „обои де хороши: по какимъ хочешь по тѣмъ и служи". Вѣдь, Никонъ самъ вышелъ изъ одного кружка ревнителей благочестія, созданнаго царскимъ духовникомъ Стефаномъ для борьбы съ разными церковными безпорядками, господствующими пороками и недостатками въ жизни народа и духовенства, для наблюденія за правильнымъ выполненіемъ Богослужебнаго чина; тѣмъ самымъ передъ ними всѣми всталъ вопросъ о книжномъ исправленіи. Повидимому, и Никонъ сначала скептически относился къ грекамъ, ибо до насъ дошли слова Неронова къ Никону: „Да ты же, святитель, иноземцевъ законоположенія хвалишь и обычаи ихъ пріемлешь, благовѣрными и благочестивыми радѣтелями ихъ нарицаешь, а мы прежде всего у тебя же слыхали, много разъ говаривалъ ты намъ, гречане де и малороссы потеряли вѣру и крѣпость, да и добрыхъ нравовъ у нихъ нѣтъ, покой де и честь ихъ прельстили, и своимъ де грѣхамъ работаютъ, а постоянства въ нихъ не объявилось и благочестія нимало. А нынѣ они у тебя и святые люди и законоучители?" (Знаменскій. Іоаннъ Нероновъ Пр. Соб. 1869, 1). Такъ и Никонъ стоялъ сначала на одной почвѣ въ отношеніи къ русскимъ чинамъ и обрядамъ, но послѣ, подъ вліяніемъ пріѣзжихъ грековъ — Патріарха Паисія, бывшаго Патріарха Афанасія Пателяра, царскаго духовника Стефана Вонифатьева, онъ перемѣнилъ отношеніе къ греческимъ обрядамъ и рѣшилъ проводить церковно-обрядовую реформу, въ которой иниціатива, какъ показано Каптеревымъ, была вовсе не его; согласившись ее проводить, онъ проводилъ ее съ авторитетомъ Патріарха, съ энергіей ему свойственной во всякомъ дѣлѣ. Въ оффиціальной мотивировкѣ въ предисловіи къ служебнику 1655 г. однако говорится о томъ, что самъ Никонъ, прочитавъ при занятіяхъ въ патріаршей библіотекѣ акты о введеніи патріаршества въ Россіи, прочелъ о необходимости согласовать обряды съ обрядами Церкви-Матери и воспылалъ ревностью въ ихъ проведеніи. Насъ не занимаетъ спеціальный вопросъ объ исправленіи книгъ, самъ по себѣ обширный и требующій особаго вниманія, но насъ интересуетъ онъ лишь поскольку онъ является характеристикой отношеній Никона къ обряду и церковной наукѣ. Интересно то, что Никонъ пошелъ охотно по тому пути провѣрки книгъ, который указывалъ, какъ на авторитетъ, на книги древнія славянскія и греческія, что онъ не посмотрѣлъ на свою рус-

скую старину, какъ на авторитетъ, не требующій провѣрки, **что онъ обратилъ взоръ на другія Церкви восточныя, которыя являются частями той же вселенской Церкви; онъ вышелъ такимъ образомъ за предѣлы чисто Московскаго православія и напомнилъ о томъ, что оно есть лишь часть единой Вселенской Церкви, а не вся Церковь.** Гордое заявленіе Суханова, что все благочестіе перешло отъ грековъ къ русскимъ, и что дѣйствительный Патріархъ въ сущности одинъ только Московскій, было ему чуждо; напротивъ, свѣтъ ученія онъ искалъ на Востокѣ и, если хотѣлъ сдѣлать Москву центромъ православія, Третьимъ Римомъ въ этомъ смыслѣ, что подсказывалось историческимъ значеніемъ Москвы, какъ единственнаго въ то время независимаго православнаго царства, то видѣлъ въ этомъ не осуществленный уже фактъ, а задачу, подлежащую достиженію.

Въ какомъ смыслѣ Никонъ хотѣлъ сдѣлать Москву III Римомъ.

Для этого надо было пересадить самое средоточіе науки въ Москву, чтобы здѣсь было все лучшее: не только святыни, перевозившіяся съ востока еще ранѣе, но и школы, и монастыри, и библіотеки, и ученыхъ, и иконопись и пѣніе, и книги, и типографіи (которыхъ на востокѣ уже не было при туркахъ, и книги печатались въ Венеціи[1]); такимъ образомъ по своему внутреннему содержанію Москва стала бы соотвѣтствовать и своему внѣшнему положенію столицы единственнаго православнаго царства, имѣющаго во главѣ и Царя, и Патріарха—опоры всего Православія. Мнѣніе о трехъ Римахъ, вѣдь, перешло и въ оффиціальные документы; оно утверждалось и раскольничьими писателями со ссылками на старца Филофея XV вѣка и связывалось даже съ мыслью о близкой кончинѣ міра (у діакона Өеодора „Матеріалы по исторіи Раскола“, VI). Мысль о томъ, что Москва призвана имѣть значеніе Рима, подготовлена уже всей предшествующей эпохой послѣ Флорентійскаго Собора. О томъ, что русское патріаршество призвано встать на мѣсто патріаршества древняго Рима толкуетъ и „Извѣстіе объ учрежденіи Патріаршества въ Россіи“, вошедшее въ Кормчую, которое вмѣстѣ съ статьей „о Римскомъ отпаденіи“ и „Константиновой грамотой“ включается Никономъ въ составъ Кормчей, какъ оффиціально признанная идея. Однако, если у раскольниковъ эта мысль превращалась въ идею о томъ, что Москва уже достигла этого, то у Никона она является идеей, подлежащей осуществленію. Мы видимъ, что у Никона церковная идея, какъ и у раскольниковъ, является превалирующей и опредѣляющей направленіе въ развитіи государства, но сред-

[1]) Со вступленіемъ Никона на патріаршество, печатный дворъ перешелъ изъ вѣдѣнія государственныхъ учрежденій въ распоряженіе Патріарха, и тамъ была развита огромная дѣятельность по изданію исправленныхъ книгъ.

ства для этого у Никона болѣе широкія. У Никона нѣтъ національнаго самопревознесенія и Аввакумовскаго сознанія, что русскимъ нечему болѣе учиться. Наука въ этомъ призывается играть большую роль, и уваженіе къ ней Никона, въ противоположность Аввакуму, видно уже изъ его библіотеки, имъ составленной. Въ этой библіотекѣ первое мѣсто принадлежитъ святоотеческимъ твореніямъ. Изъ этой

Отношеніе Никона къ наукѣ. Его библіотека.

библіотеки мы узнаемъ и тѣ источники, которыми питался Никонъ, когда составлялъ „Раззореніе". Его ученіе объ отношеніи власти государственной и церковной такъ сильно пропитано ученіемъ Златоуста; его ученіе о защитѣ Церковью своихъ правъ, проведенное имъ въ жизнь, такъ напоминаетъ борьбу Өеодора Студита со ссылками на папу Григорія Двоеслова и Іоанна Дамаскина, а его ученіе о смиреніи вдохновлялось твореніями Аввы Дороөея. Такое заключеніе наше подтверждается и одной росписью книгъ, взятыхъ Никономъ изъ Иверскаго монастыря въ Воскресенскій, когда онъ тамъ жилъ. Вотъ эта роспись, отмѣченная въ V т. Русской Исторической библіотеки за № 255: „Роспись Пречистой Богородицы Иверскаго монастыря образамъ Божіимъ и книгамъ и сосудамъ серебрянымъ и инымъ вещамъ, что изъ Иверскаго монастыря бывшій Патріархъ Никонъ взялъ въ прошлыхъ годахъ къ себѣ въ Воскресенскій и Крестный монастыри. Книги Өеодора Студита въ кожаномъ переплетѣ, книги Григорія Солунскаго, книги Сенадинъ письменный, книги Іоанна Дамаскина, книги Іоанна Златоуста о священствѣ, печать Кіевская оболочена кожею красною. Книга Бесѣды и Толкованій Іоанна Златоуста, 10 книгъ Аввы Дороөея, книги Апостолъ, Книга Октоихъ". Но еще въ бытность Патріархомъ Никонъ составилъ личную библіотеку, въ которую входило до 1300 томовъ. Въ нее входили и священныя, и свѣтскія книги. Среди первыхъ кромѣ рукописныхъ книгъ каноническаго содержанія были сочиненія знаменитыхъ Отцовъ Церкви, изданныя въ западныхъ типографіяхъ на греческомъ и латинскомъ языкахъ (Діонисій Ареопагитъ, Юстинъ Философъ, Григорій Чудотворецъ, Климентъ Александрійскій, Кириллъ Іерусалимскій, Афанасій Великій, Василій Великій, Григорій Богословъ, Іоаннъ Златоустъ, Григорій Нисскій, Кириллъ Александрійскій и др.), церковно-историческія книги на греческомъ и латинскомъ языкахъ (Акты соборовъ Вселенскихъ и Помѣстныхъ, Исторія Евсевія Кессарійскаго, Никифора Каллиста, Исторія Флорентійскаго Собора и пр.). Среди книгъ свѣтскихъ были Плутархъ, Демосөенъ, Геродотъ, Страбонъ, Аристотель, Византійскія хроники; съ востока привезено было 498 рукописей изъ разныхъ монастырей. (Изъ перечней Домовой Казны перечислено у Иконникова „Новые Труды и матеріалы о Патріархѣ Никонѣ". Кіевскія Университетскія

Извѣстія 1888 г. № 6). Вмѣстѣ съ этими книгами были книги по физикѣ, географіи, грамматикѣ, логикѣ, космографіи, разные лексиконы, карты. Никонъ сознавалъ важность библіотеки. Въ имѣвшейся у него космографіи объяснены системы Птоломея и Коперника, между тѣмъ какъ еще послѣ Петра многіе считали послѣдняго богохульникомъ,—имѣлись описанія Европейскихъ государствъ, Азіи, Африки и Америки, сказанія иностранцевъ о Россіи. Пекарскій полагаетъ, что до Никона соборное дѣяніе 1593 объ учрежденіи патріаршества въ Россіи не было переведено на славянскій языкъ. Митрополитъ Макарій (XII, 280) говоритъ о Никонѣ: „Никонъ самъ не зная въ дѣтствѣ другой школы, кромѣ первоначальной, не обучался другимъ языкамъ и наукамъ, кромѣ славянской грамоты и письма, но при своемъ свѣтломъ умѣ онъ понималъ значеніе наукъ и научнаго образованія и потребность знанія для русскихъ греческаго языка". Арсеній Грекъ, завѣдывавшій Никоновской библіотекой, говорилъ, что Никонъ зналъ немного греческій языкъ, который изучалъ, по словамъ Павла Алеппскаго (II, 36), въ бытность Патріархомъ, но что онъ всегда держалъ при себ людей, знающихъ греческій языкъ. Самъ Никонъ изучалъ, будучи Патріархомъ докторскую книгу — переводъ, сдѣланный Епифаніемъ Славенецкимъ въ маѣ 1657 г. за 10 руб., полученныхъ имъ по Расходной книгѣ Патріаршаго Казеннаго Приказа, и по ней впослѣдствіи Никонъ составлялъ лѣкарства и лѣчилъ въ ссылкѣ въ Ѳерапонтовомъ монастырѣ. Припомнимъ, что въ Воскресенскомъ монастырѣ, незадолго до суда онъ заказалъ въ Иверскомъ монастырѣ себѣ сдѣлать переводъ Польской Исторіи. Никонъ былъ очень любознателенъ, никогда не упорствовалъ въ разъ принятомъ имъ мнѣніи, когда убѣждался въ его ошибочности. Такъ мы можемъ вспомнить, что онъ призналъ, что совершалъ дѣйствія Ваій въ бытность Новгородскимъ Митрополитомъ по ошибкѣ, ибо это надлежитъ дѣлать только Патріарху; онъ нисколько не возражалъ, когда ему указывали, что повтореніе хиротоніи при поставленіи въ Патріархи недопустимо, что достаточно хиротесіи, но только ссылался на обычай, не имъ заведенный. О себѣ самомъ онъ говоритъ въ „Раззореніи", что онъ всегда нетерпѣливъ, что „онъ мало ученъ, невѣжественъ, только всегда желалъ учиться и исправить то, что онъ сдѣлалъ неправильно". Такъ онъ говорилъ о своей второй епископской хиротоніи, о своемъ участіи въ качествѣ Митрополита въ церемоніи въ недѣлю Ваій Про подпись свою подъ Уложеніемъ онъ не говорилъ, что сдѣлалъ по невѣдѣнію, а что былъ подавленъ авторитетомъ Патріарха, что вполнѣ естественно при централизаціи

Любознательность Никона. Его дѣятельность по устройству монастырей и дѣятельнаго монашества.

церковнаго управленія, явившейся въ результатѣ историческихъ условій. Никонъ шелъ далеко впереди своихъ предшественниковъ. Еще Митрополитомъ онъ заводитъ въ Хутынскомъ монастырѣ типографію, въ Москвѣ онъ устраиваетъ училище съ древними языками, приближаетъ къ себѣ южнорусскихъ ученыхъ грековъ; когда онъ строитъ Иверскій монастырь, онъ переводитъ туда изъ Бѣлоруссіи Оршанскаго Кутеинскаго монастыря типографію вмѣстѣ со старцами; одни изъ нихъ напечатали нѣсколько книгъ съ гравюрами на деревѣ своей работы; нѣкоторые переводили на русскій языкъ литовско-польскія хроники и другія книги (Историч. библ. V, № 205, 278, 279, 283, 284). Нѣкоторые изъ нихъ работали въ переплетной мастерской (№ 274, 275. 289); здѣсь производилась и рѣзьба по дереву (№ 162, 172), о чемъ свидѣтельствуетъ кивотъ на перенесенную съ Аѳона Чудотворную Икону Иверской Божіей Матери и алтарикъ для отдѣльныхъ и сборныхъ иконъ на паперти Иверскаго монастыря; здѣсь процвѣтало и изразцовое дѣло (8, 62, 82, 121 ст. 2, 331, 342, 356, 363, 364, 366, 431), приложенное Никономъ въ широкихъ размѣрахъ къ внѣшнему и внутреннему украшенію новоустроеннаго въ Воскресенскомъ монастырѣ храма по Іерусалимскому образцу. Памятникомъ усердія и вкуса Никона и русскаго зодчества XVII вѣка является соборъ Иверскаго монастыря построенный подмастерьемъ каменныхъ дѣлъ Аверкіемъ Матвѣевымъ при надзорѣ пристава Андрея Токмачева.

Увлеченіе Никона всѣмъ греческимъ въ началѣ патріаршества и нападки на него старообрядцевъ.

Никонъ, правда, не ограничился исправленіемъ рускихъ церковныхъ обрядовъ и чиновъ по греческимъ, но въ увлеченіи всѣмъ греческимъ пошелъ дальше. Каптеревъ пишетъ: „Онъ переноситъ къ намъ греческіе амвоны, архіерейскіе посохи, клобуки, мантіи, греческіе церковные напѣвы, принимаетъ греческихъ жиеописцевъ, мастеровъ серебрянаго дѣла, строитъ по образцу греческихъ монастырей. Слушаетъ во всемъ грековъ, отдавая предпочтеніе греческому авторитету передъ вѣковой русской стариной. Это его приводило къ столкновенію съ почитателями русской старины, и идейное и личное. До патріаршества Никонъ, какъ мы говорили, принадлежалъ къ числу членовъ кружка ревнителей благочестія, во главѣ котораго былъ царскій духовникъ Вонифатьевъ. Они имѣли большое вліяніе даже при размѣщеніи епископскихъ каѳедръ; они же прочили въ Патріархи Вонифатьева, но за его отказомъ остановились на Никонѣ“. Когда Никонъ приступилъ къ реформамъ по греческому образцу, то онъ отвернулся отъ нихъ, пересталъ съ ними совѣтываться и вызвалъ сѣтованія и Аввакума, и Неронова. Первый говорилъ: „егда поставили Патріархомъ его, такъ друзей не сталъ и въ

Крестовую пускать". А Нероновъ: „доселѣ ты другъ намъ былъ". Самъ Царь оказался въ ихъ глазахъ прельщеннымъ отъ Никона-еретика и отступника. Для нихъ непріемлемы были греческія симпатіи. Они жили подъ обаяніемъ „Повѣсти о бѣломъ клобукѣ", гдѣ писалось, что всѣ христіанскія Церкви сольются въ одно русское православіе и, что патріаршій чинъ отъ Константинополя будетъ данъ русской землѣ во времена свои и будутъ послѣдніе первыми, а первые послѣдними (Мак. XI, 158). Въ глазахъ старообрядцевъ греки уже потеряли право на первенство вслѣдствіе уклоненія отъ истиннаго благочестія, а русскіе уже достигли своей цѣли. Сюда, въ Москву стекались съ востока духовные всѣхъ чиновъ и привѣтствовали Россію, какъ опору и покровительницу Вселенскаго православія. Сами представители греческой іерархіи указывали на миссію Московскаго Патріарха въ Константинополѣ, какъ мы видѣли изъ посланій къ Царю при прощаніи отъ бывш. Патріарха Афанасія Пателяра. Это мнѣніе поддерживалось и тѣми наблюденіями нашихъ путешественниковъ на востокѣ надъ обрядами и способами богопочитанія, сводившимися къ признанію религіознаго, умственнаго и нравственнаго упадка грековъ, которыхъ Крижаничъ ставилъ на ряду съ жидами, цыганами и армянами.

Разочарованіе Никона въ греческихъ представителяхъ.

Повидимому, и самъ Никонъ нѣсколько поздно убѣдился въ нравственномъ паденіи грековъ на дѣлѣ ихъ суда надъ нимъ, когда онъ увидѣлъ фальсификацію въ правилахъ и испыталъ нечестивый ихъ подкупной судъ надъ собой, и самъ далъ характеристику имъ, когда 12 декабря 1666 г. Александрійскій Патріархъ снялъ съ него панагію и клобукъ сказалъ поученіе какъ жить надо: „Знаю де я и безъ вашего поученія какъ жить, а что де клобукъ и панагію сняли, и они бъ съ клобука жемчугъ и панагію раздѣлили по себѣ, а достанетца де жемчугу золотниковъ по 5 и по 6 и больше и золотыхъ по 10". Это былъ приговоръ о грекахъ-Патріархахъ самого Никона, нѣкогда увлекавшагося всѣмъ греческимъ.

Никонъ взялъ съ Востока все, что ему недоставало.

Нравственная сторона грековъ была осуждена безповоротно въ глазахъ всѣхъ, особенно, когда удостовѣрились, что греки Патріархи были низложенные, а Лигаридъ—руководитель дѣла, даже не православный. Никонъ взялъ съ Востока все, чего ему не хватало. Не надо забывать, что православіе у грековъ нисколько не было поколеблено ни Флорентійской Уніей, ни Турецкимъ господствомъ. Флорентійская Унія не была принята греческимъ народомъ и осталась вожделѣніемъ Императоровъ и Патріарховъ изъ политическихъ соображеній, чтобы имѣть помощь Папы противъ турокъ. Турки же не вмѣшивались

вовсе во внутреннюю сторону христіанской вѣры, отъ нихъ далекой, и предстоятелямъ ея Патріархамъ предоставляли даже гражданскія права надъ населеніемъ. Никонъ посылалъ на Востокъ Суханова и за древними книгами, которыхъ тотъ сотнями собралъ на Аѳонѣ, посылалъ туда его же за изученіемъ образцовъ зодчества, какъ передъ тѣмъ посылалъ его Царь (1649 г.) за изученіемъ чиновъ и обрядовъ церковныхъ.

Стремленіе Никона насаждать просвѣщеніе.

Никонъ выписывалъ въ Москву изъ Малороссіи ученыхъ монаховъ для обученія юношества наукамъ и переводовъ душеспасительныхъ книгъ съ греческаго языка. Подъ его вліяніемъ богатый бояринъ Ѳ. М. Ртищевъ устроилъ на берегу Москвы рѣки у церкви Св. Апостола Андрея монастырь во Имя Преображенія Господня. Соединяя воспоминаніе о первомъ началѣ Евангельской проповѣди въ Россіи съ мыслью о преображеніи ея Евангельскимъ ученіемъ, онъ уговорилъ Царя выписать изъ Кіева Арсенія Сатановскаго и Дамаскина Птицкаго „Божественнаго Писанія вѣдующихъ и Эллинскому языку навычныхъ и съ Эллинскаго языка на Славянскую рѣчь перевести умѣющихъ и Латинскую рѣчь достаточно знающихъ“. Епифаній Славинецкій долженъ былъ исправить славянскій переводъ Библіи по переводу LXX толковниковъ, хотя этого не успѣлъ сдѣлать (Епифаній умеръ 19 ноября 1676 года). Тогда же впервые увидѣла свѣтъ „Скрижаль“, гдѣ находились объясненія на литургію и ученія о таинствахъ, и этотъ переводъ показываетъ, насколько Никонъ заботился о распространеніи углубленнаго пониманія христіанскаго ученія и не ограничивался обрядовымъ механизмомъ; были переведены многія слова Григорія Богослова, Афанасія Великаго, Василія Великаго, Іоанна Дамаскина, тексты полнаго собранія церковныхъ правилъ и даже, въ сокращеніи, Властыря и Арменопула. Составили службы Св. Іакову Боровицкому, Аннѣ Кашинской. Подъ руководствомъ кіевскихъ ученыхъ образовались наши иноки Евфимій и Моисей. Самъ Никонъ стремился къ распространенію образованія черезъ архипастырей на мѣстахъ. Въ этомъ отношеніи онъ выполнялъ завѣтъ Собора 1593 г. объ учрежденіи патріаршества. Никонъ требовалъ отъ нихъ наученія народа, „особенно отрочатъ Христовымъ заповѣдямъ, чтенію, доброгласному и согласному пѣнію по преданію Св. Церкви учити и наказывати, избирая на сіе учителей въ благихъ свидѣтельствованныхъ и Богобоязненныхъ и сея ради вины, якоже лѣпо училища поставляти и никому же отъ неискуемыхъ и нелѣпотныхъ наказателей въ нихъ даяти дерзновеніе“. Задача была поставлена, но осуществлена много позднѣе: первое училище было устроено Св. Дмитріемъ Ростовскимъ въ 1703 г. Какъ далекъ былъ Никонъ отъ прежней

выраженной Аввакумомъ старообрядческой точки зрѣнія: „Эллинскихъ борзостей не текохъ ни риторскихъ астрономовъ не читахъ, ни съ мудрыми философами въ бесѣдѣ не бывахъ,—учусь я книгамъ благодатнаго закона; азъ бо есмь умомъ грубъ и словомъ невѣжа, не бывавши ми въ Аѳинахъ отъ юности; но еще и неученъ словомъ, но не разумомъ; не ученъ діалектикѣ, риторикѣ и философіи, а разумъ Христовъ въ себѣ имамъ“. Такъ говорилъ Аввакумъ.

Поощреніе Никономъ развитія церковнаго искусства.

Никонъ покровительствовалъ церковному зодчеству и живописи. По словамъ Павла Алеппскаго, при его дворѣ были свои художники и ремесленники. Въ Воскресенскій монастырь онъ призывалъ и иностранныхъ мастеровъ; тамъ онъ завелъ цѣлыя мастерскія, откуда потомъ доставалъ цѣнныхъ мастеровъ.

Никонъ обращалъ большое вниманіе на внѣшнее украшеніе храмовъ; онъ великолѣпно украсилъ храмъ Св. Софіи въ Новгородѣ и церковь Св. Никиты, Епископа Новгородскаго въ Москвѣ при Новгородскомъ подворьѣ. Сдѣлавшись Патріархомъ, онъ украсилъ Успенскій соборъ и устроилъ иконостасъ, въ которомъ Деисусъ и иконы обложены были чеканнымъ серебромъ съ позолотой. Никонъ любилъ украшать вообще иконы драгоцѣнными металлами и камнями, равно какъ и облаченія, которыми блисталъ подобно Аарону. Ради улучшенія иконописи, онъ вызывалъ въ Москву лучшихъ иконописцевъ для писанія въ стилѣ строго Византійскомъ, бывшемъ до него очень жалкимъ подражаніемъ греческой живописи; многіе изъ нихъ содержались при патріаршемъ дворѣ. Никонъ слѣдилъ за строгимъ выполненіемъ стиля, въ окружной грамотѣ требовалъ отъ всѣхъ иконописцевъ писать по древнимъ преданіямъ Восточной Церкви и боролся съ уклоненіемъ Строгановской школы иконописи къ Фряжскому стилю. Онъ отбиралъ такія иконы, присовокупляя объявленіе, что за это будетъ строжайшее наказаніе. Однажды онъ собралъ ихъ и въ церкви вмѣстѣ съ Антіохійскимъ Патріархомъ Макаріемъ объявилъ отлученіе на тѣхъ, кто будетъ такъ писать. Писаніе на иконахъ изображеній въ современныхъ одеждахъ съ приближеніемъ вообще иконы къ картинѣ не соотвѣтствовало древнему преданію.

Заботы Никона объ улучшеніи церковнаго пѣнія.

Никонъ ввелъ благолѣпіе и въ церковномъ Богослуженіи. Онъ еще Митрополитомъ ввелъ у себя единогласіе, выписалъ изъ Кіева знатоковъ греческаго и Кіевскаго напѣвовъ и партеснаго пѣнія и поручилъ имъ обучать своихъ пѣвчихъ. Шушеринъ пишетъ: „Преосвященный Митрополитъ Никонъ первѣе повелѣ въ соборной Церкви греческое и кіевское пѣніе пѣти и правеліе имъ прилежанія до пѣнія, и на славу прибравъ клиросы предив-

ными пѣвчими и гласы преизбранными, пѣніе одушевленное паче органа бездушнаго. И таковаго пѣнія, яко же у Митрополита Никона, ни у кого не было“ (Стр. 21). По слову Митрополита Никона Царь созвалъ въ 1651 г. Соборъ для установленія по всей Россіи единогласнаго пѣнія, чему воспротивился Соборъ 1649 г. Будучи Патріархомъ, Никонъ уже всюду требовалъ введенія установленнаго имъ порядка пѣнія и чтенія, побуждая къ тому епархіальныхъ Архіереевъ. Никонъ запрашивалъ объ этомъ Патріарха Константинопольскаго, и тотъ прислалъ одобрительную грамоту и іеродіакона Мелетія для обученія греческому пѣнію московськихъ дьяковъ и поддьяковъ. Изслѣдователь церковнаго пѣнія въ Россіи Мезенцъ пишетъ: „Трудами Патріарха Никона пѣніе и знаніе распространились отъ Великаго Новгорода во всѣ грады и монастыри великороссійскихъ епархій во всѣ предѣлы ихъ“. (Михайловскій). Никонъ любилъ не только церковную музыку. Объ его любви къ музыкѣ свидѣтельствуетъ книга: Michnewitsch „Geschichte der Musik in Russland“. St. Petersburg, 1879 и Abchandlungen von Brückner in der St. Petersburg Kalender auf das Jahr 1880, о которомъ поминаетъ Брюкнеръ въ сочиненіи „Geschichte Russlands bis zum Ende des 18 Jahrhunderts“ (I, 564): „Wenn schon der patriarch Nikon auf einem so heiklen Gebiete wie demjenigen des Kirchengesanges bei seinen Reformen mit Anlehung nicht bloss an Byzantische, sondern auch an Italienische Muster der Musik aufhelfen wollte, so mögen manche Boyaren im Essen und Trinken in Wohnung und sonstiger Lebensweise sehr gern bei den Westeuropäern in die Schule gegangen sein“. Видно, Никонъ готовъ былъ все доброе брать изъ Европы въ дѣлѣ наукъ и искусствъ, но въ дѣлахъ вѣры отстаивалъ Православіе отъ чуждыхъ вліяній.

Суммарное причисленіе того, что сдѣлалъ и стремился сдѣлать Никонъ въ дѣлѣ просвѣщенія и въ искусствѣ, показываетъ, что сремленіе къ истинѣ и красотѣ у него было такъ же неослабно, какъ и стремленіе къ добру. Никонъ цѣнилъ просвѣщеніе во всѣхъ его видахъ, одухотворяя его высшимъ идеаломъ Церкви, стараясь преобразить земную юдоль человѣчества въ пріобщеніи къ безсмертнымъ цѣнностямъ.

Отличіе Никона отъ Петра въ отношеніи къ западной культурѣ.

То, что сдѣлалъ Петръ, толкая Россію на просвѣтительный путь, дѣлалъ и Никонъ, не прибѣгая для этого, однако, къ привитію иныхъ философскихъ

„Если уже Патріархъ Никонъ хотѣлъ воспользоваться при своей реформѣ въ столь деликатной области, какъ церковное пѣніе, образцами не только Византійскими, но и итальянскими, то иные бояре готовы были въ ѣдѣ, питьѣ, въ жилищѣ и иныхъ житейскихъ проявленіяхъ быта, видѣть въ западной Европѣ школу для себя“.

взглядовъ и иной культуры. Оставляя Россію въ отношеніи къ идеаламъ на церковномъ пути, Никонъ не уничтожилъ бы, а увеличилъ бы значеніе Церкви въ русскомъ строительствѣ, пріобщая Россію одновременно къ плодамъ Западной цивилизаціи. Онъ противился этой цивилизаціи только, поскольку она вредила чистотѣ православныхъ взглядовъ: такъ не допускалъ введенія органовъ и иконъ латинскаго письма. Въ этомъ отношеніи онъ былъ рѣзокъ до грубости, и извѣстно, что онъ самъ лично въ Церкви собралъ эти иконы и бросалъ ухъ ударяя объ полъ, приговаривая, у кого та, или другая икона найдена.

Любовь Никона къ отечественной исторіи.

Не желая отставать отъ вѣка въ просвѣщеніи, Никонъ любилъ исторію родной земли и историческую традицію, и памятникомъ этой любви помимо постоянныхъ ссылокъ на завѣты исторіи въ „Раззореніи" является лѣтопись, внесенная имъ въ сокровищницу Воскресенскаго монастыря 1661 г. До насъ дошли обширные лѣтописные сборники съ собственноручными надписями Никона (Иконниковъ ів.); между прочимъ на лѣтописи, внесенной имъ въ Воскресенскій монастырь, значилась надпись: „Лѣта 7169 (1660—1661 г.) сію книгу положилъ въ домѣ святаго живоноснаго Воскресенья Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, Новаго Іерусалима, смиренный Никонъ Божіей милостью Патріархъ. А кто восхощетъ ю усвоити, якоже Ахаръ, сынъ Харміевъ или утаить яко же Ананія и Сапфира, да отыметъ отъ него Господь Богъ Святую Свою Милость и да затворитъ двери святыхъ щедротъ Своихъ, и да пріидетъ на него неблагословеніе, а клятва и казнь Божія душевная и тѣлесная въ нынѣшнемъ вѣцѣ и въ будущемъ вѣчная мука. А кто сіе писаніе какимъ злымъ умышленіемъ испишетъ отъ книги сея, да испишетъ его имя Господь Богъ отъ книги животныя". Михайловскій говоритъ, что Никонъ могъ начать составленіе лѣтописи еще въ Новгородѣ. Источникомъ для Никоновой лѣтописи могла служить лѣтопись Софійской Новгородской библіотеки; по дополненіямъ своимъ, языку в внутреннему направленію мыслей она сходна съ „Раззореніемъ" Никона.

Завѣты Патріарха Никона. Его путь культуры.

Не забудемъ, что Никонъ былъ Патріархомъ только 6 лѣтъ, а правителемъ государства только $2^1/_2$ года; онъ не могъ сдѣлать все, что хотѣлъ: но онъ указалъ на историческія задачи Россіи по присоединенію Малороссіи и Бѣлоруссіи и къ выходу на Балтійское море и къ защитѣ Православія въ Ингріи и Кареліи. Въ церковной же сферѣ онъ вывелъ Московскую Русь изъ изолированности среди Православныхъ Церквей и своей обрядовой реформой приблизилъ ее къ другимъ помѣстнымъ Православнымъ Церквамъ, напомнилъ объ единствѣ Церкви при

помѣстномъ раздѣленіи, подготовилъ каноническое объединеніе Великоруссіи съ Малороссіей, оживилъ жизнь Церкви, сдѣлавъ доступнымъ народу творенія ея отцевъ и объяснивъ ея чины, работалъ надъ измѣненіемъ нравовъ духовенства, старался преобразить государственную жизнь, одухотворяя ее высшими цѣлями оцерковленія, дѣлалъ то, чтобы симфонія государства и Церкви была бы предметомъ осуществленія въ жизни, а не только теоретическимъ принципомъ, чтобы Русь была святою въ смыслѣ вѣчнаго стремленія къ идеалу недостижимому, самое стремленіе къ которому однако пріобщаетъ человѣчество къ высшимъ цѣнностямъ міра и ставитъ передъ человѣчествомъ идеалъ истины, добра и красоты, какъ вѣчную путеводную звѣзду. Никону не суждено было сдѣлать все, что онъ хотѣлъ въ многотрудныхъ условіяхъ русскаго государственнаго быта. Но самыя его несчастья и незаслуженныя страданія въ ссылкѣ напоминаютъ, что онъ жертвовалъ собой ради вѣчныхъ идеаловъ. Его путь культуры былъ не тотъ, которымъ пошла послѣ него Россія, отбросившая въ лицѣ Петра I высшіе идеалы и понизившая ихъ до уровня утилитаризма во всѣхъ сферахъ жизни, утилитаризма и языческаго патріотизма, забывшаго тотъ идеалъ святости и красоты, который потенціонально живетъ въ народѣ, какъ нѣкій неистребимый идеалъ, осуществляемый въ отдѣльныхъ личностяхъ, но уже не составлявшій со временъ Петра души государственнаго строительства. Выражаясь на государственномъ языкѣ на смѣну теоріи симфоніи пришла теорія просвѣщеннаго абсолютизма съ его культомъ государства ради государства.

Прообразъ судьбы Никона и его дѣла въ исторіи съ соловьемъ.

Такой быстрый расцвѣтъ въ лицѣ Никона идеи строительства жизни въ духѣ теоріи симфоніи властей и быстрое его искусственное прекращеніе посредствомъ насильственнаго устраненія Никона во имя боярскаго самолюбія и властолюбія, при внутреннемъ ничтожествѣ его враговъ, имѣетъ свой символическій прообразъ въ жизни Никона.

Мы воспользуемся этимъ прообразомъ, ибо онъ иллюстрируетъ нашу мысль о судьбѣ Никоновскаго идеала съ одной стороны, а съ другой стороны показываетъ, что исторія эта взволновала самаго Никона, и онъ самъ увидѣлъ въ ней прообразъ своей личной судьбы. Мы же хотимъ въ немъ отмѣтить не только судьбу его личную, но и его дѣла на землѣ. Это — извѣстная исторія съ соловьемъ, влетѣвшимъ въ храмъ Иверскаго монастыря, сѣвшимъ на патріаршее мѣсто и пропѣвшимъ чудную пѣснь. Соловей однако былъ схваченъ грубыми руками и оказался мертвъ. Это было 20 мая 1666 г. Когда Никонъ узналъ объ этомъ, онъ сильно обезпокоился и потребовалъ отъ архимандрита Иверскаго монастыря подробнаго объясненія о томъ, какъ все

случилось. Въ актахъ Иверскаго монастыря осталась переписка между Никономъ и архимандритомъ Филофеемъ, которая и объясняетъ подробности, которыя могутъ быть аллегорическимъ изображеніемъ судьбы Никона. А послѣ мы укажемъ на крушеніе остальныхъ Никоновскихъ идей въ царствованіе Петра, и это будетъ иллюстраціей дѣйствительной судьбы его дѣла. Одновременно мы увидимъ на этомъ краткомъ обзорѣ идеей, какъ бы противопоставленныхъ Никону, какъ онъ своими идеалами предотвращалъ то идейное крушеніе, въ результатѣ котораго изъ государственнаго строительства Россіи въ нѣкоторомъ смыслѣ выбыла одна изъ самыхъ мощныхъ силъ народа—Русская Православная Церковь. Вотъ эти грамоты, которыми обмѣнялись Никонъ и архимандритъ.

Соловей въ Иверскомъ монастырѣ.

Грамота Патріарха Никона архимандриту Филофею съ требованіемъ увѣдомленія о соловьѣ, залетѣвшемъ въ монастырскую соборную церковь.

Случилось происшествіе 20 мая 1666 г.

„Никонъ, Божіею милостію Патріархъ нашего строенія Пречистыя Богородицы Иверскаго монастыря архимандриту Филофею, намѣстнику іеромонаху Паисію, строителю Евфимію съ братіей. Вѣдомо намъ, великому господину, учинилось: въ нынѣшнемъ де во 174 году, мая въ 20 день, въ нашемъ строеніи въ Иверскомъ монастырѣ въ Соборную и Апостольскую Церковь влетѣлъ де соловей, и сѣлъ на нашемъ, великаго господина мѣстѣ и пѣлъ дивно, и то де многая братья слышала и тебѣ, архимандриту и намѣстнику о такомъ дѣлѣ извѣстили, и какъ де онъ пѣлъ, и то де слышали ты архимандритъ и намѣстникъ и братья многая, и того де соловья, взявъ съ нашего мѣста пономарь и отдалъ тебѣ архимандриту, и тотъ де соловей у тебя архимандрита умеръ въ рукахъ. И вы то дѣло поставили себѣ въ оплошку и къ намъ великому господину о такомъ дѣлѣ не писали; да и объ всякихъ дѣлахъ ничего николи не пишете. И какъ къ вамъ сія наша, великаго господина, грамота придетъ, и вамъ бы о томъ дѣлѣ къ намъ, великому господину, отписать, не замолчавъ ни часу обо всемъ подробно: какъ той соловей появился въ церкви, и въ какое время и въ коемъ часу, и какъ было и на нашемъ, великаго господина, мѣстѣ тотъ соловей пѣлъ, и сидѣлъ на коемъ мѣстѣ, и кто прежъ его осмотрѣлъ и кто его прежъ отдалъ тебѣ архимандриту, и какъ ты его принялъ и долго ли у тебя онъ былъ въ рукахъ и пѣлъ на какой преводъ? Приказный Евстафій Глумиловъ.

Писано въ нашемъ строеніи Новаго Іерусалима Воскресенскаго монастыря, 174 г. іюня въ 7 день“.

Отписка Архимандрита Филофея Патріарху Никону на вышеприведенную грамоту.

„Великому Господину, Святѣйшему Никону Патріарху. Твоего великаго господина строенія Пречистыя Богородицы твои архимандритъ Филофей, намѣстникъ іеромонахъ Паисій, строитель Евфимій съ братьей у тебя, милостиваго отца, благословенія просимъ, Бога молимъ и челомъ бьемъ. Въ нынѣшнемъ 174 году іюня въ 23 день въ твоей, великаго господина грамотѣ писалъ къ намъ, богомольцамъ твоимъ, вѣдомо тебѣ, великому господину учинилось: въ нынѣшнемъ де во 174 году, мая въ 20 день, въ твоемъ, великаго господина, строеніи въ Иверскомъ монастырѣ въ Соборную и Апостольскую Церковь влетѣлъ де соловей, и сѣлъ на твоемъ, великаго господина, мѣстѣ, и пѣлъ дивно, и то де многая братья и мы богомольцы слышали, и того де соловья взявъ съ твоего святительскаго мѣста пономарь и отдалъ мнѣ, архимандриту. и тотъ де соловей у меня, архимандрита умеръ въ рукахъ, и намъ бы о томъ къ тебѣ, великому господину, отписать, не замолчавъ, обо всемъ подробну. — И мая въ 20 число, въ шестую недѣлю по Пасцѣ, въ соборной церкви на утрени, на второмъ чтеніи, пошелъ изъ церкви въ притворъ сѣверными дверьми дьяконъ Варсонофій, и въ сѣверныхъ де дверяхъ летитъ ему встрѣчу птица, и тотъ дьяконъ чаялъ, что нетопырь летитъ и учалъ на нее махать и въ церковь не пускать, и та де птица мимо его пролетѣла и черезъ братью, которые сидѣли подлѣ дверей полетѣла вверхъ черезъ деисусы въ алтарь. И какъ начали пѣть степенную пѣснь, первый антифонъ, и въ олтари на горнемъ мѣстѣ на окнѣ сѣдя прежъ почалъ посвистывать по обычаю, и защокоталъ, и запѣлъ, и пропѣлъ трижды, и то пѣніе мы, богомольцы твои архимандритъ и намѣстникъ, и строитель и братія слышали. И пришедъ пономарь возвѣстилъ мнѣ архимандриту, и намѣстнику, что поетъ во олтари, и мы пошли въ олтарь его смотрѣть, и тотъ соловей учалъ въ окнѣ летать и биться вонъ. И приставя лѣстницу послали малаго и велѣли его бережно поимать, и клѣтку приготовили во что посадить, и той малый учалъ его хватать и поималъ руками живого, и посадилъ въ шапку и, сошедъ съ лѣстницы принесъ ко мнѣ архимандриту, и я его изъ шапки вынялъ мертваго. А естьли бы живъ былъ и мы хотѣли послать его къ тебѣ, великому господину, простотой своей и не писали, что онъ умеръ, и послать некого. И о семъ у тебя, милостиваго отца, прощенія просимъ, что о томъ соловьѣ простотой своей къ тебѣ, милостивому отцу, не писали“.

Патріархъ взглянулъ на это происшествіе, какъ на предвѣстіе ожидавшей его судьбы, и церковныя событія конца того же 1666 г. не замедлили оправдать его предчувствія во

всей силѣ: спустя шесть мѣсяцевъ послѣ происшествія, Патріархъ Никонъ, подобно Иверскому соловью, пропѣвъ на Соборѣ 1666 г. трикраты свою лебединую пѣснь, впалъ въ руки враговъ своихъ, былъ сосланъ ими въ заточенье, долго томился въ немъ и напослѣдокъ, хотя и достался въ дружелюбныя руки своего царственнаго крестника, но прибылъ къ нему уже „мертвымъ“ и возвеличенъ подобающей честью лишь въ погребеніи и поминовеніи.

Акты эти найдены въ архивѣ Иверскаго монастыря и напечатаны въ V т. Исторической Библіотеки (Изд. Археограф. Ком. 1878 года).

ГЛАВА V.

Церковныя реформы Петра I.

Оцѣнка Никоновскихъ идей въ свѣтѣ Петровскаго разрушенія церковнаго строя. — Уничтоженіе церковныхъ обычаевъ Петромъ и государственнаго положенія іерархіи черезъ удаленіе ея изъ высшихъ государственныхъ учрежденій. — Прекращеніе права печалованія Патріарха. — Вмѣшательство Петра въ церковныя дѣла при Патріархѣ Адріанѣ. — Дискредитированіе Петромъ сана Патріарха въ бытовомъ отношеніи. — Измѣненіе идеологіи царской власти при Петрѣ. — Дискредитированіе патріаршества въ теоретическомъ отношеніи. Θеофанъ Прокоповичъ возрождаетъ въ „Розыскѣ" идею Царя-понтифекса максимуса. — Θеофанъ стремится дискредитировать патріаршество и въ политическомъ отношеніи, намѣренно смѣшивая его съ папствомъ. — Переводы сочиненій Пуффендорфа. — Основная идея Θеофана — дать основу теоретическую для уничтоженія патріаршества. — Θеофанъ о прекращеніи возношенія имени Восточныхъ патріарховъ. — Лютеранское направленіе реформы (въ общественномъ смыслѣ). — Отзывы современныхъ Петру нѣмцевъ о церковной реформѣ Петра.— Въ чемъ проявился лютеранскій характеръ церковной реформы Петра? — Сочиненія Θеофана для образованія народа, по порученію Царя написанныя. — Книга Θеофана, написанная противъ аскетическаго идеала. — Отношеніе Θеофана Прокоповича къ христіанскимъ вѣроисповѣданіямъ. — Мѣры Петра противъ Церкви, предшествующія формальной замѣнѣ Патріарха коллегіей. — Отношеніе Петра къ Церкви. — Стефанъ Яворскій о направленіи Петровской церковной реформы. — Отмѣна патріаршества. — Вліяніе философіи естественнаго права. — Принципіальное покушеніе на церковную собственность со стороны государства. — Значеніе отстаиванія Никономъ управленія Церковью своей собственностью и вообще ея неприкосновенности. — Отсутствіе юридическихъ основаній для отнятія у Церкви собственности. — Монастырскій Приказъ при Петрѣ 1701-1720—орудіе государства для подчиненія всѣхъ чисто церковныхъ дѣлъ государству. — Монастырскій Приказъ вмѣшивается въ регулированіе внутренней жизни монастырей. — Строй церковный у Петра I входитъ въ компетенцію государственной власти. — Петръ не только восхищаетъ на себя церковную власть, но и осуществляетъ ее не въ церковномъ направленіи. — Проведеніе государственнаго утилитарнаго принципа въ церковную сферу. — Борьба съ древне-русскимъ аскетическимъ адеаломъ. — Вліяніе протестантизма на взглядъ Петра на монашество. — Государство навязываетъ Церкви свое воззрѣніе на монашескій чинъ. — — Проникновеніе утилитарныхъ стремленій Петра въ регламентацію имъ монастырской жизни.—Церковь перестаетъ при Петрѣ быть опредѣляющей стихіей для государственнато строительства.—Сочиненіе раскольника о Петрѣ съ протестомъ противъ превращенія православнаго Царя въ главу Церкви. — Протестъ народнаго чувства противъ попранія аскетическаго идеала. — Значенія уничтоженія патріаршества съ канонической точки зрѣнія. — Значеніе уничтоженія патріаршества съ культурной точки зрѣнія. — Отличіе положенія Церкви въ послѣ Петровскій періодъ отъ періода до-Петровскаго.—Мысли о возстановленіи патріаршества послѣ смерти Петра и преслѣдованіе за нихъ. — Литературная борьба за возстановленіе патріаршества и аскетическаго уклада жизни. Маркеллъ Родышевскій. — Сочиненіе Мар-

келла напоминаетъ намъ образъ Никона. — Цѣлесообразность Никоновскихъ идей въ свѣтѣ Петровскаго разрушенія Церкви. — Взгляды на реформу Петра съ точки зрѣнія Никоновскихъ идей. — Пальмеръ о Петрѣ, какъ исполненіи Никоновскихъ проклятій. — Пальмеръ объ основномъ порокѣ русскаго государственнаго строя. Проникновеніе государственной идеи нѣмецкимъ духомъ и оторванность ея отъ идеи народной. Предсказаніе о гибели русской государственности. — Пальмеръ о значеніи паденія Никона для русской исторіи. — Обязанность Россіи въ отношеніи къ Никону. — Необходимость уничтоженія грѣха, совершеннаго по отношенію къ Никону. — О возстановленіи православнаго царства. Отправной пунктъ для построенія церковно-государственнаго отношенія. Постановленіе Собора 1667 г. о власти Царя и Патріарха. — Сопоставленіе 2-ой главы патріаршихъ свитковъ съ объяснительной запиской Патріарховъ объ этой главѣ. — Постановленіе Собора 1667 г. о власти царской и патріаршей есть оффиціальное ученіе Русской Церкви и выраженіе народной мысли о православномъ Царѣ. — Въ дѣйствительности Петръ I боролся въ Россіи не съ папскимъ теократизмомъ, а съ теоріей симфоніи властей. Петровская система территоріализма. — Петровская система территоріализма или Іозефинизма. Мартенсъ фонъ-Тиллингъ. — Государственное еретичество Петра I. О церковной власти Императора по основнымъ законамъ. — Объ идеалѣ утилитаризма. — Соотношеніе между ученіемъ Никона о православномъ Царѣ и понятіемъ русскаго самодержавія въ русскомъ сознаніи XX вѣка; протестъ его противъ абсолютизаціи власти Царя.

Оцѣнка Никоновскихъ идей въ свѣтѣ Петровскаго разрушенія церковнаго строя жизни.

Чтобы оцѣнить значеніе Никоновскихъ идей о власти царской, патріаршей, о церковной собственности и судѣ надо сопоставить съ никоновскими desiderata то, что сдѣлалось съ этими учрежденіями послѣ, при Петрѣ; одновременно съ этимъ надо разсмотрѣть и судьбу тѣхъ обычаевъ, которые выявляли собой наглядно идею воцерковленія жизни государственной и общественной: отмѣна ихъ послѣдовала едва ли не ранѣе общихъ церковныхъ реформъ Петра, и мы ихъ разсмотримъ прежде, ибо это была первая угроза старому строю жизни, выдвигавшему на первое мѣсто значеніе Церкви. Пока жива была царица Наталія до 1694 г. Петръ еще не касался обычаевъ старины, хотя самъ ихъ не соблюдалъ, однако его общее направленіе проскальзывалось въ отдѣльныхъ случаяхъ. Такъ въ присутствіи Царицы Наталіи въ отвѣтъ на упрекъ Патріарха, что „Петръ русскій Царь, а у себя дома въ иноземной одеждѣ", сказалъ Патріарху: „Вмѣсто того, чтобы заботиться о портныхъ, пещись о дѣлахъ Церкви".

Уничтоженіе церковныхъ обычаевъ Петромъ и государственнаго положенія іерархіи черезъ удаленіе ея изъ высшихъ государственныхъ учрежденій.

Когда умерла Царица Наталія, поддерживавшая Патріарха Адріана, сторонника древнихъ устоевъ жизни, началась реформа обычаевъ, уже по наружному облику Царя показывавшая ея направленіе. Царь не велъ образа жизни въ соотвѣтствіи съ священнымъ достоинствомъ Царя и съ этой высоты спустился до попойки въ нѣмецкой слободѣ и жизни простого мастерового. Цер-

ковь съ ея стремленіями спасенія и съ ея неизбѣжнымъ при ея почитаніи вліяніемъ на гражданскую жизнь, отходитъ на второй планъ, и, какъ слѣдствіе этого, является цѣлый рядъ измѣненій въ обычаяхъ. Раньше Первосвятители и другіе іерархи привлекались въ совѣтъ Царя и по гражданскимъ дѣламъ; они привлекались къ участію въ земскихъ соборахъ и Боярской Думѣ; теперь Петръ удаляетъ Церковныхъ представителей отъ участія въ дѣлахъ государственныхъ; онъ еще при матери сказалъ объ этомъ Патріарху и не призываетъ его къ совѣту. Уничтожается церемонія въ Недѣлю Вaій, въ которой Царь раньше участвовалъ лишь какъ первый сынъ Церкви, а не какъ главный ея распорядитель. Церемонія эта съ одной стороны возвышала передъ народомъ санъ Патріарха, а съ другой стороны имѣла въ виду упрочить и авторитетъ государственной власти Государя черезъ участіе его передъ лицомъ всего народа въ религіозной церемоніи въ качествѣ перваго сына Церкви. До смерти матери и Петръ участвовалъ въ этой церемоніи, держа за поводъ осла, на которомъ сидѣлъ Патріархъ Адріанъ, но между 1694 и 1696 г. этотъ обрядъ былъ отмѣненъ, какъ якобы унизительный для царской власти. Народъ не оказался безучастнымъ къ этому и въ лицѣ стрѣльцовъ, взбунтовавшихся въ 1698 г., высказалъ свой протестъ. Вѣдь, мотивомъ бунта выставлялась отмѣна шествія въ Недѣлю Ваій, а также и то, что прекратились крестные ходы на Богоявленіе и Цвѣтную Недѣлю, и бунтовщики хотѣли нѣмецкую слободу разорить и нѣмцевъ побить за то, что „въ нихъ благочестіе закоснѣло". Въ сущности этотъ протестъ былъ протестомъ противъ провозглашенія примата за государствомъ и земной культурой, приходившаго на смѣну примата Церкви и религіи. Чтобы провести этотъ взглядъ въ толщу народную, надо было принизить значеніе Первосвятителя Церкви — Патріарха. Вѣдь, онъ воплощалъ въ своемъ лицѣ земной образъ Христа, и въ его положеніи въ государствѣ наглядно выражалась идея оцерковленія государства, лежащая въ основѣ симфоніи властей. Конечно Петру нужно было отмѣнить всѣ права Патріарха, которыя ее выражали. Мы видѣли, что Патріархъ пересталъ быть оффиціальнымъ совѣтникомъ Царя и исключенъ изъ Царской Думы; но этого мало: было еще одно право Патріарха, которое служило проводникомъ идеи правды въ государственное строительство. Это — право печалованія передъ Царемъ за опальныхъ и обиженныхъ, которое было публично посрамлено Царемъ и въ своемъ паденіи символизировало паденіе авторитета Патріарха. У Соловьева описана эта сцена послѣдняго печалованія въ связи съ стрѣлецкимъ бунтомъ. „Дѣлались страшныя приготовленія къ казнямъ, ставились висѣлицы по Бѣлому и Земляному городамъ, у воротъ подъ Новодѣвичьимъ

Прекращеніе права печалованія Патріарха.

монастыремъ и у 4-хъ съѣзжихъ избъ возмутившихся полковъ. Патріархъ вспомнилъ, что его предшественники становились между Царемъ и жертвами его гнѣва, печаловались за опальныхъ, умаляли кровь. Адріанъ поднялъ икону Богороды, отправился къ Петру въ Преображенское. Но Царь, завидѣвъ Патріарха, закричалъ ему: „Къ чему эта икона? развѣ твое дѣло приходить сюда? Убирайся скорѣе и поставь икону на свое мѣсто. Быть можетъ, я побольше тебя почитаю Бога и Пресвятую Его Матерь. Я исполняю свою обязанность и дѣлаю богоугодное дѣло, когда защищаю народъ и казню злодѣевъ, противъ него умышлявшихъ“. Патріарха Адріана историки упрекаютъ въ томъ, что онъ не сказалъ того, что долженъ былъ сказать Первосвященникъ, а смиренно уступивъ Царю, отошелъ со стыдомъ съ мѣста казни, не пошелъ на геройское самопожертвованіе. Физической силѣ онъ не противопоставилъ силу нравственную и не отстоялъ право Церкви быть блюстителемъ высшей правды. Самое печалованіе оказалось не геройствомъ Патріарха, идущаго на мученичество, а пустымъ обрядомъ. Униженіе Патріарха оттѣнялось Патромъ тѣмъ, что онъ внялъ заступничеству иноземца, искателя приключеній Лефорта. „Лефортъ, сообщаетъ Голиковъ, съ твердостью представилъ Петру, что Государь долженъ наказывать за злодѣянія, но не приводить въ отчаяніе злодѣевъ: первое есть слѣдствіе правосудія, а послѣднее есть дѣйствіе жестокости“. Государь въ тотъ же самый часъ приказалъ остановить казнь, назначая ссылку или службу въ разные города или повѣрку въ новые полки.

Вмѣшательство Петра въ церковныя дѣла при Патріархѣ Адріанѣ.

Не только Петръ устранилъ участіе Патріарха отъ вмѣшательства въ государственныя дѣла по его праву совѣтника и по праву печаловника, но и самъ вмѣшался въ дѣла церковныя еще при Патріархѣ Адріанѣ. Въ 1698 г. онъ критикуетъ церковное управленіе Патріарха, говоритъ ему о необразованности священниковъ, что никто не смотритъ за школами, а въ 1699-1700 г. уже всѣ церковныя назначенія дѣлаются Патріархомъ по указанію Царя. Патріархъ въ своихъ чисто церковныхъ просьбахъ принужденъ искать опоры въ Царѣ, а черезъ то и въ царскихъ приближенныхъ. Патріархъ пишетъ временщикамъ (Стрешневу, Меньшикову) просьбы замолвить о назначеніи такого-то и такого-то іерарха на кафедру словечко передъ Царемъ. Авторитетъ Патріарха исчезаетъ, не только въ государственныхъ, но и церковныхъ дѣлахъ. За вторую половину патріаршества Адріана (1695-1700) уже прекратились его обращенія, посланія, окружныя грамоты къ народу, да и не безполезно-ли было это дѣлать, когда властною рукою Царя вводилось то, съ чѣмъ боролся Патріархъ: иноземные обычаи, поруганіе русскаго платья и

русскаго ношенія бороды, насмѣшка надъ церковнымъ укладомъ жизни. **Патріархъ долженъ былъ молчать и стать орудіемъ Царя въ церковномъ управленіи**. Такъ представитель независимой по своему источнику и особымъ дарамъ благодати власти церковной, въ лицѣ своего послѣдняго на Руси ея носителя, фактически пересталъ являть собой таковую и подчинился носителю власти свѣтской, снявшему фактически и съ своей собственной власти ореолъ священный, ореолъ церковнаго чина, и подчинившему свой санъ, какъ мы видимъ, идеямъ современнаго философскаго утилитаризма. Случилось то, о чемъ предупреждали Митрополитъ Павелъ и Митрополитъ Илларіонъ, въ январѣ 1667 г. во время преній на Соборѣ о власти царской и патріаршей. Они боялись, что, принимая то толкованіе объема власти царской и патріаршей, которое дано въ патріаршихъ свиткахъ, они слишкомъ недостаточно огораживаютъ власть церковную, и потому, если нельзя де ждать захвата со стороны благочестиваго Царя Алексѣя, то можно дождаться этого со стороны его сына, который окажется не столь благочестивъ. Дѣйствительно, если царской власти не были поставлены опредѣленныя преграды, или поставлены слишкомъ глухо, простымъ указаніемъ II главы на то, что Царь глава во всѣхъ политическихъ дѣлахъ безъ какихъ-либо конкретныхъ выводовъ въ этомъ смыслѣ, при наличіи чрезвычайной щепетильности свитковъ въ защитѣ царской власти, то дѣло могло повернуться къ полному цезарепапизму, который не заставилъ долго ждать и нашелъ теоретическаго защитника въ лицѣ Ѳеофана Прокоповича.

Дискредитированіе Петромъ сана Патріарха въ бытовомъ отношеніи.

Борясь съ патріаршествомъ, которое по своему государственному положенію было олицетвореніемъ тѣхъ церковныхъ идеаловъ, которые призвано было имѣть и само государство по теоріи симфоніи, Петръ принужденъ былъ озаботиться въ этой борьбѣ съ церковными идеалами жизни житейскимъ и теоретическимъ дискредитированіемъ того, кто своимъ саномъ и положеніемъ въ государствѣ былъ носителемъ ихъ для членовъ Церкви и для членовъ государства, то-есть съ Патріархомъ. Житейскимъ дискредитированіемъ сана было учрежденіе вакханальнаго „всешутѣйшаго, сумасброднѣйшаго и всепьянѣйшаго собора князя Іоаникиты, Патріарха Пресбургскаго, Яузскаго и всего Кукуя“. При немъ былъ, разсказываетъ Скворцовъ („Патріархъ Адріанъ“ Прав. Соб. 1912 г.), конклавъ изъ 12 кардиналовъ, отъявленныхъ пьяницъ и обжоръ со штатомъ Епископовъ и архимандритовъ и т. д., носившихъ прозвища, которыя, по замѣчанію Ключевскаго, никогда не появятся въ печати ни при какомъ цензурномъ уставѣ. Петръ былъ здѣсь протодьякономъ. Неизвѣстно когда была учреждена эта пародія

на Папу и Патріарха, но только, что она была уже въ 1695 году, ибо въ это время на пирахъ главою компаніи былъ Всешутѣйшій отецъ Іоаникита (Зотовъ Никита) Пресбургскій, Кукуйскій и Всеяузскій Патріархъ. А на рождествѣ въ 1694 г. вся компанія ѣздила съ Царемъ Христа славить по боярамъ и палатнымъ людямъ. Корбъ, секретарь Австрійскаго посольства, описываетъ, что театральный патріархъ въ сопровожденіи многихъ своихъ митрополитовъ и прочихъ лицъ, числомъ всего 200 человѣкъ (въ 1699 г.) прокатился въ 80 саняхъ черезъ весь городъ въ нѣмецкую слободу съ посохомъ, въ митрѣ и съ другими знаками присвоеннаго ему достоинства". Патріарху пришлось, по слабости его характера молчать и тогда, когда Царь отмѣнилъ обычай въ Недѣлю Вайй, и тогда, когда онъ сталъ высмѣивать и самый его санъ. Патріархъ оставался молчаливымъ зрителемъ и надвигавшагося вторженія иноземныхъ обычаевъ, съ которыми онъ боролся сначала (брадобритіе, нѣмецкія одежды, куреніе табаку, легкое отношеніе къ постамъ и преданіямъ старины). Однако Петръ не дѣлалъ изъ самаго Патріарха видъ жертвы, несправедливо притѣсняемой, которая могла бы объединить всѣхъ ему сочувствующихъ вокругъ Патріарха, и оказывалъ ему внѣшніе знаки почета: передъ отправкой въ походъ въ 1695 г., по возвращеніи изъ похода въ 1697 г., передъ поѣздкой заграницу въ 1698 г., онъ дѣлалъ Патріарху визиты и по нѣскольку часовъ и принималъ отъ него благословеніе образомъ. Онъ не рѣшился даже затронуть Патріарха въ дѣлѣ отказа его постричь неканонически его супругу Евдокію въ его отсутствіе въ заграничной поѣздкѣ и обрушилъ весь свой гнѣвъ на архимандрита и 4 поповъ, о которыхъ Патріархъ сказалъ, что они нашли этотъ постригъ несправедливымъ. Патріархъ могъ дѣйствительно указывать, что и другія духовныя лица, считая такой постригъ неканоническимъ, не соглашались въ немъ участвовать. Но фактъ остается, что Патріархъ не былъ затронутъ Царемъ, пострадали другіе, но авторитетъ слабовольнаго Патріарха, не дѣйствовавшаго открыто и смѣло, сильно палъ. Такъ постепенно Петръ велъ къ дискредитированію патріаршаго сана въ глазахъ всего общества.

До поры до времени Петръ выставлялъ себя продолжателемъ старорусскихъ традицій, направлявшихъ внѣшнюю политику на югъ, и въ этомъ отношеніи имѣлъ общія точки соприкосновенія съ Патріархомъ, увѣрялъ даже его письмами изъ Голландіи, что онъ работаетъ для освобожденія восточныхъ христіанъ—идея, которую поддерживали и наши, и восточные Патріархи со времени пріѣзда Патріарха Іереміи въ концѣ XVI вѣка. Лишь послѣ возвращенія Петра въ 1699 г. изъ-за границы, когда онъ вошелъ въ коалицію противъ Швеціи, ясно стало, что онъ повертываетъ внѣш-

нюю политику съ юга на западъ, а внутренно подчиняетъ Русь нѣмецкому культурному вліянію вмѣсто собственныхъ православныхъ началъ.

Измѣненіе идеологіи царской власти при Петрѣ.

Это вліяніе сказалось и въ пониманіи царской власти. Царь снимаетъ съ себя тяжелыя парчевыя одѣянія, роднящія его и по внѣшности съ другими церковными іерархическими чинами, и является всегда въ военномъ мундирѣ. Самъ костюмъ Царя отражаетъ измѣнившуюся идеологію. Сначала, когда надо было доказать безграничность царской власти и то положеніе, что права церковнаго управленія по существу своему принадлежатъ царской власти, Ѳеофанъ Прокоповичъ использовалъ Византійскіе источники съ ссылками на Вальсамона и доказывалъ, что будто Царь можетъ дѣлать все архіерейское кромѣ богослуженія, и самъ есть высшій Архіерей, а послѣ, въ „Правдѣ Воли монаршей“ подводилъ подъ царскую власть въ стилѣ англійскаго философа Гоббса совершенно иное основаніе — передачу всей власти народомъ, а идея Царя—священнаго чина совершенно стушевывалась, хотя и оставалась въ обрядахъ при коронованіи; Царь не связанъ уже обязательными идеалами Церкви, какъ то было въ теоріи симфоніи, а самъ ихъ даетъ; сегодня одинъ Царь можетъ руководствоваться идеями утилитарной философіи, завтра—другой идеями вольтеріанства, потомъ третій идеями мистическаго общехристіанства въ стилѣ начача XIX вѣка, и можетъ въ зависимости отъ духа времени и моды опредѣлять и свое отношеніе къ Церкви. Всему этому произволу противостоитъ та идея православнаго Царя, связаннаго и въ личной и въ общественной жизни, которую высказывалъ и защищалъ цѣной своей жизни Никонъ.

Внѣшняя политика, направленная на югъ, симпатіи къ востоку, внутренній укладъ церковно-гражданской жизни по Византійскому церковному образцу были звеньями одной цѣпи. Никонъ возвышалъ и расширялъ эти стремленія подъ общимъ знаменемъ Православія. Ради защиты Православія онъ, какъ совѣтникъ Государя, высказывается за войну съ Польшей; онъ на востокѣ ищетъ путей возвышенія самаго русскаго Православія и оставляетъ свою прежнюю точку зрѣнія національнаго самомнѣнія въ этомъ вопросѣ, видѣвшую въ русскихъ проявленіяхъ Православія высшее достиженіе; ради Православія онъ рисуетъ идею православнаго Царя, связаннаго на дѣлѣ своимъ вѣроисповѣданіемъ. Православіе, какъ ученіе и жизненный путь — всегда его руководящій мотивъ. Когда Петръ отдалъ приматъ идеѣ государства, онъ оторвалъ отъ государства доселѣ освящавшій его принципъ и, паганизируя государство, уводилъ его на путь культуры матеріалистической и воскрешалъ въ жизни идею понтифекса максимуса.

Дискредитированіе патріаршества въ теоретическомъ отношеніи. Өеофанъ Прокоповичъ возраждаетъ въ „Розыскѣ“ идею Царя-понтифекса масимуса.

Глашатай его идей Өеофанъ Прокоповичъ сказалъ это ясно. Вмѣсто того, чтобы опредѣлять права государя изъ природы власти государственной и права Первосвятителей изъ природы власти церковной, какъ то дѣлалъ Никонъ, Өеофанъ подобно Лигариду, идетъ путемъ историческимъ и исходитъ въ своемъ „Розыскѣ“ изъ того, что Римскій императоръ носилъ имя Понтифексъ максимусъ; „было это ради четырехъ причинъ: 1) что ни отъ кого не былъ судимъ въ дѣлахъ управленія своего, 2) что понтифексъ великій единъ только былъ, не имѣлъ другого себѣ равнаго, 3) что онъ долженъ былъ наблюдать начинанія какъ сенатскія, такъ и всенародныя, не суть-ли противны благочестію, 4) что онъ былъ въ томъ чину непремѣнно до кончины живота своего. Эти прерогативы были нужны для самовластительства императорскаго. Въ началѣ самодержавства Римскихъ императоровъ могли бы начинанія ихъ быти отъ Сената и отъ народа, но великій понтифексъ могъ бы нетрудно пріискать будто благословскую вину, намѣренію императорскому противную, и дѣлу, отъ Императора намѣченному, пресѣченіе положить. И такъ власть императорская была-бы аки связана. Того ради первіи Римскіи Кесари, желая весьма свободную монархію возъимѣть, съ насиліемъ получить того не дерзая, изряднымъ умысломъ присовокупили къ себѣ санъ потифекса великаго“. Намекъ на отношеніе Царя къ Патріарху ясенъ. Өеофанъ старается доказать, что императоры Римскіе, и вслѣдъ за ними Византійскіе имѣли въ своихъ рукахъ и свѣтскую и духовную власть, ссылаясь, подобно Лигариду, на языческихъ писателей — Овидія, Цицерона, Тацита, Плинія, Тита Ливія и Плутарха. Затѣмъ Өеофанъ указываетъ, что и христіанскіе императоры продолжали называться понтифексами для упроченія своей власти. Императоры теперь могутъ называться не только епископами, но и епископами епископовъ, ибо Царь, какъ онъ доказывалъ въ „Словѣ о власти и чести царской“, есть власть высочайшая, „надсмотритель совершенный, крайній верховный и вседѣйствительный т. е. имѣющій силу и повелѣніе и крайняго суда и наказаній надъ всѣми подданными чинами и властями, какъ мірскими, такъ и духовными“. „Государи могутъ называться и Архіереями, но только въ томъ общемъ смыслѣ, въ какомъ Св. Писаніе называетъ великакаго христіанина іереемъ. Но конечно ихъ нельзя называть Архіереями въ спеціально церковномъ смыслѣ, потому что имъ не подобаетъ отправлять самимъ церковную службу“. Всѣ эти разъясненія Өеофанъ приводитъ для того, чтобы показать, что Царь все можетъ и въ церковныхъ дѣлахъ кромѣ совершенія богослуженія, такимъ образомъ заранѣе

реформа Петра получаетъ оправданіе, какъ исходящая будто бы отъ власти компетентной.

Θеофанъ стремится дискредитировать патріаршество и въ политическомъ отношеніи, намѣренно его смѣшивая съ папствомъ.

Церковь, какъ особый организмъ съ присущей ему властью законодательной, правительственной и судебной, совершенно исчезаетъ въ системѣ Θеофана, и вся эта сфера церковной дѣятельности оказывается присущей самому монарху. Для того, чтобы дискредитировать понятіе о Церкви съ ея собственными правами на законодательство, управленіе и судъ, Θеофанъ говоритъ о папствѣ, понося его за захватъ власти въ ущербъ власти царской съ одной стороны, а съ другой, смѣшивая умышленно съ папствомъ патріаршество съ цѣлью возбудить къ послѣднему недовѣріе.

Игнорируя всякое различіе по существу между системой папства, которое составляется изъ цѣлаго комплекса идей, чуждыхъ православію, и системой восточнаго соборнаго управленія Церковью, совершенно чуждаго идеѣ захвата свѣтской власти, Θеофанъ муссируетъ отношеніе Папъ и Императоровъ, обвиняя первыхъ въ любочестіи и своекорыстіи, а вторыхъ въ слабости и самоуниженіи передъ представителями Церкви, какъ будто дѣло идетъ о Патріархѣ и Царѣ. Θеофанъ говоритъ объ обычаяхъ Недѣли Вайй, о подачѣ угощенія Императоромъ Патріарху, какъ о явленіи духа папежскаго. Петръ не любилъ папства по политическимъ причинамъ, Θеофанъ по болѣе общимъ соображеніямъ богословскимъ, но въ общей враждѣ къ церковному строю жизни, они намѣрено отожествляли этотъ строй съ папежскимъ духомъ и поощряли всякое нападеніе на него, какъ будто это папство было наличной системой русской дѣйствительности.

Переводы сочиненій Пуффендорфа.

По приказу Царя переводилось сочиненіе Пуффендорфа („Введеніе въ исторію Европейскихъ государствъ“) съ рѣзкими нападками на Папъ, на все католическое и даже на иныхъ Отцовъ Церкви. Тамъ возбуждался вопросъ, правильно-ли свѣтское господство Папы въ своей монархіи, отъ Христа-ли оно, или отъ коварства и хитрости Папъ. Русскому читателю самому предоставлялось дѣлать выводы для русской жизни, причемъ внушалось, что какъ будто нѣчто подобное затѣвается и въ Россіи. Сочиненіе Пуффендорфа предназначено было быть руководствомъ для Царевича Алексѣя. Подъ видомъ борьбы съ воображаемыми папистскими идеями шла борьба съ церковной культурой прежняго времени, и идея патріаршества была тѣмъ фокусомъ, который служилъ олицетвореніемъ прежняго значенія и положенія Церкви; Θеофанъ въ корнѣ намѣревался поразить это учрежденіе, оставляя совершенно въ сторонѣ его самостоя-

тельное церковное происхожденіе и признаніе Вселенскими Соборами, и вводя теоретически все церковное управленіе въ сферу дѣйствія власти царской, онъ давалъ принципіальную возможность Царю уничтожить Патріаршество, устроить церковное управленіе по своему вкусу и растворить его въ управленіи государствомъ.

Основная идея Феофана—дать основу теоретическую для уничтоженія патріаршества.

Ѳеофанъ о прекращеніи возношенія имени Восточныхъ Патріарховъ.

Ѳеофанъ написалъ, кромѣ „Розыска историческаго", въ которомъ онъ изслѣдовалъ вопросъ о наименованіи Императоровъ понтифексами и архіереями, еще „О возношеніи имени патріаршаго (т. е. именъ греческихъ Восточныхъ Патріарховъ) въ церковныхъ молитвахъ, чего ради оное нынѣ въ Церквахъ Россійскихъ оставлено". Ѳеофанъ отстаивалъ необходимость прекращенія возношенія, ибо это показывало-бы „власть возносимаго надъ возносящимъ, Россійская же Церковь отлучена стала отъ власти патріаршей". Противъ этого рѣшенія протестовалъ Стефанъ Яворскій въ сочиненіи „Вопросы—отвѣты о значеніи Патріарховъ". Но Синодъ призналъ протестъ своего президента несправедливымъ и возмутительнымъ, терзающимъ міръ церковный, вреднымъ для государственаго спокойствія и возбуждающимъ народъ. Этотъ протестъ былъ скрытъ отъ публики, и самому Митрополиту Стефану подъ угрозой запрещалось его кому-либо показывать (12. VI 1721 г.). Возраженіе Стефана вмѣнилось ему чуть не въ государственное преступленіе.

Лютеранское направленіе реформы (въ общественномъ смыслѣ).

Между тѣмъ дѣйствительное отступничество отъ Православія было на сторонѣ Ѳеофана, отступничество не въ религіозномъ, а въ общественномъ смыслѣ въ пользу „лютеранства", какъ писалъ Ѳеофилактъ Лопатинскій. Его направленіе представляло непримиримую противоположность прежнему направленію учительнаго сословія, стоявшаго во главѣ умственнаго движенія русскаго общества, противоположность, болѣе рѣзкую, чѣмъ та, которая была въ 17 вѣкѣ между Москвичами и Кіевлянами. Вѣдь, и тѣ и другіе были защитниками духовнаго авторитета; разница была въ томъ, что одни, какъ Кіевляне и Никонъ въ Москвѣ, считали необходимой для поддержки этого авторитета, науку, а другіе остаивали старинную „простыню" разума, отрицая науку, какъ дьявольское навожденіе. Новое-же „лютеранское" направленіе принципіально отвергало вовсе всякій авторитетъ духовенства, какъ учительнаго сословія, отрицало на практикѣ теорію превосходства духовной власти надъ свѣтской, какъ она вытекала изъ теоріи симфоніи, и вообще значеніе духовенства

среди другихъ общественныхъ классовъ. Прежнее вліяніе духовенства ассоціировалось для Ѳеофана съ католицизмомъ, и потому въ старинѣ онъ видѣлъ лишь папежскій духъ, который подлежалъ истребленію, и въ этомъ онъ сталъ надежнымъ совѣтникомъ и помощникомъ Петра. Ѳеофанъ доказалъ по своему, что все церковное управленіе принадлежитъ царской власти; **для него тотъ переворотъ, который произвело христіанство въ ученіи о границахъ государственной власти, какъ бы не существовалъ; царская власть въ его глазахъ была соединеніемъ и царскаго и первосвятительскаго достоинства, становилась не просто священнымъ чиномъ, а чиномъ равнымъ архіерейскому по благодати управленія.** Лютеранство, по принципу отвергающее священство и іерархію, естественно всѣ прежнія права Епископовъ по церковному управленію передавало монарху, и лютеранофильство Ѳеофана какъ бы укрѣпляло его воззрѣніе на монарха, какъ на источникъ церковной власти. Ѳеофанъ называлъ Германію матерью всѣхъ странъ, и говорилъ протестантскимъ богословамъ: „Если желаете знать обо мнѣ, что я за человѣкъ, знайте, что я всецѣло преданъ всѣмъ любящимъ истину... Такъ и теперь я расположенъ къ вамъ...“ Естественны были обвиненія Ѳеофана въ лютеранствѣ, если не въ смыслѣ принятія богословскаго ученія, то въ смыслѣ общаго склада его убѣжденій и направленія его дѣятельности. Его дѣтище, совмѣстно имъ съ Петромъ I порожденное— „Духовный Регламентъ“, получило отъ протестантовъ самый лестный отзывъ въ брошюрѣ вышедшей въ Германіи подъ заглавіемъ „Curieuse Nachrichten von der itzigen Religion Ihre Kaiserliche Majestät in Russland Petri Alexievich und seines grossen Reichs dass dasselbe fast nach Evangelisch Lutherischen Grundsätzen eingerichtet sei“.. Заключеніемъ этой брошюры было заявленіе, что Петръ выводитъ православную Россію на путь Россіи лютеранизирующейся, хотя въ ней есть „остатки отъ папства“. „Вмѣсто Папы русскіе имѣли своего Патріарха, пишетъ авторъ брошюры, значеніе котораго въ ихъ странѣ такъ-же велико, какъ и значеніе Папы въ Италіи и въ Римско-Католической Церкви. Русскіе сохранили почитаніе Святыхъ; Св. Николай считается у нихъ патрономъ страны, и даже по смерти они получаютъ отъ епископа письмо къ этому Святому, въ доказательство, что они умерли въ истинной вѣрѣ и должны быть пропущены на небо. Такова греческая религія. Но въ правленіе Петра эта религія измѣнилась во многомъ, ибо онъ понялъ, что безъ истинной религіи никакія науки не могутъ приносить пользы. Въ Голландіи, Англіи и Германіи онъ узналъ, какая вѣра наилучшая истинная и спасающая, и крѣпко запечатлѣлъ въ своемъ

Отзывы современныхъ Петру нѣмцевъ о церковной реформѣ Петра.

умѣ. Общеніе съ протестантами еще болѣе утвердило его въ этомъ образѣ мыслей; мы не ошибемся, — **если скажемъ, что Его Величество представлялъ себѣ истинную религію въ видѣ лютеранской. Ибо, хотя въ Россіи до сихъ поръ** еще не все устроено по правиламъ нашей истинной религіи, однако тому уже положено начало, и мы тѣмъ менѣе можемъ сомнѣваться въ счастливомъ успѣхѣ, что мы знаемъ, что только грубые и упорные умы, воспитанные въ своей суевѣрной греческой религіи, не могутъ быть измѣнены сразу и уступаютъ только постепенно; ихъ, какъ дѣтей, слѣдуетъ приводить шагъ за шагомъ къ познанію истины". Церковныя реформы Петра для автора залогъ побѣды протестантизма въ Россіи: „Царь отмѣнилъ патріаршество и по примѣру протестантскихъ князей объявилъ себя самого верховнымъ епископомъ всей страны". Авторъ хвалилъ Петра за то, что, вернувшись изъ-за границы, онъ приступилъ къ реформѣ народнаго быта. „Что касается до призыванія святыхъ, то Его Величество указалъ, чтобы изображенія Св. Николая нигдѣ не стояли въ комнатахъ, чтобы не было обычая, приходя въ домъ, сначала кланяться иконамъ, а потомъ хозяину... Система обученія въ школахъ, устроенныхъ Царемъ, совершенно лютеранская, и юношество воспитывается въ правилахъ истинной Евангельской религіи. Монастыри значительно ограничены, такъ что не могутъ уже служить, какъ прежде, притонами для множества праздныхъ людей, которые представляютъ для государства тяжелое бремя и могутъ противъ него возмущаться. Теперь всѣ монахи обязаны учиться чему-нибудь хорошему, и все похвально устроено. Чудеса и мощи также уже не пользуются прежнимъ уваженіемъ; въ Россіи, какъ и въ Германіи стали уже вѣрить, что въ этомъ отношеніи много наплутано. Если въ Россіи будетъ отмѣнено призываніе святыхъ, то не будетъ вѣры и въ личную заслугу передъ Богомъ, и въ добрыя дѣла, а равно исчезнетъ и мнѣніе, будто можно получить небесную награду путешествіемъ по святымъ мѣстамъ или щедрыми подаяніями на духовенство и монастыри; такимъ образомъ единственнымъ средствомъ для достиженія вѣчнаго блаженства останется вѣра въ Іисуса Христа, составляющаго основу истинной евангельской религіи". Авторъ надѣется, что при помощи Божіей и при содѣйствіи Царя, все это скоро устроится. Можно было бы думать, что эти протестантскія похвалы Петру были преувеличены, если-бы не дѣйствительность, показывающая совершенно опредѣленное направленіе Петровскихъ реформъ.

Въ чемъ проявился лютеранскій характеръ церковной реформы Петра.

Мы говоримъ уже не о вливаніи въ понятіе царской власти протестантскаго ученія о jus reformandi, а о дальнѣйшемъ проникновеніи лютеранскаго ученія, которое такъ сказалось въ отношеніи къ

иконамъ, почитанію мощей и, главное, въ мысли о спасеніи вѣрою безъ добрыхъ дѣлъ, положенной въ основу отношеній къ монашеству во всемъ Петровскомъ законодательствѣ, а также и въ отдѣльныхъ мѣропріятіяхъ. Такъ въ 1721 г. Ѳеофанъ по порученію Царя и отъ имени Синода писалъ о бракахъ съ иновѣрными. Петръ хотѣлъ удержать шведскихъ плѣнныхъ для горнозаводскихъ дѣлъ и приказалъ Синоду издать указъ, разрѣшавшій имъ жениться на русскихъ безъ перемѣны вѣроисповѣданія. А Ѳеофану онъ поручилъ доказать соотвѣтствіе этого указа аргументами изъ Св. Писанія и Св. Отцовъ Церкви. Въ самомъ Духовномъ Регламентѣ сказывается лютеранская мысль объ образованіи на мѣсто Патріарха Коллегіи, какъ съ другой стороны выявляется и созданный воображеніемъ и боярской клеветой образъ Никона, захватывающаго царскую власть. Въ глазахъ Петра Патріархъ отожествлялся съ Папой въ политическомъ отношеніи, и сторонники независимаго отъ свѣтской власти церковнаго управленія для него были люди папежскаго духа. Въ лютеранствѣ-же Церковь была частью государственнаго механизма и управлялась коллегіально. Эта готовая форма церковногосударственныхъ отношеній показалась ему образцомъ, ибо онъ отвергалъ авторитетъ Патріарха и не допускалъ хотя и относительной независимости Церкви въ государствѣ. Въ Регламентѣ онъ нападаетъ на защитниковъ старины и стремится доказывать достоинство своихъ преобразованій. Онъ не хочетъ сказать прямо, что онъ борется съ направленіемъ церковнымъ, и прячется за приписываніе высшимъ представителямъ Русской Церкви того, въ чемъ они не были въ дѣйствительности повинны, и дѣлаетъ это не прямо, а косвенными намеками на какіе то „замахи". Вотъ его разсужденіе по этому вопросу. Сказавъ, что „извѣстнѣе взыскуется истина соборнымъ сословіемъ, нежели единымъ лицомъ" и не такъ, какъ единоличный правитель, гнѣва сильныхъ боится, что въ коллегіумѣ и самъ президентъ подлежитъ суду послѣднихъ", Регламентъ говоритъ, что „Коллегія не есть нѣкая факція, тайнымъ на интересъ свой союзамъ сложившаяся" (каковой кажется Царю старая партія). „Велико и сіе, что отъ соборнаго управленія не опасатися отечеству мятежей и смущеній, яковые происходятъ отъ единаго собственнаго правителя духовнаго. Ибо простой народъ не вѣдаетъ, какъ разнствуетъ власть духовная отъ самодержавной, но великаго и высочайшаго пастыря честію и славой удивляемый помышляетъ, что таковой правитель есть то второй государь, самодержцу равносильный, или и больше его, и что духовный чинъ есть другое и лучшее государство. И се самъ собой народъ тако умствовати обыклъ, что же егда еще и плевельные властолюбивыхъ духовныхъ разговоры приложатся и сухому хврастію огнь подложатъ. Тако простыя сердца

мнѣніемъ симъ развращаются, что не такъ на самодержца своего яко на верховнаго пастыря въ коемъ либо дѣлѣ смотрятъ. И когда услышится нѣкая между оными распря, вси духовному чину паче, нежели мірскому правителю, аще и слѣпо и пребезумно согласуютъ и за него поборствовати и бунтовати дерзаютъ и льстятъ себя, окаянніи, что они по самомъ Бозѣ поборствуютъ и руки своея не оскверняютъ, аще бы и на кровопролитіе устремилися. Такому-же въ народѣ мнѣнію многіе вельми рады и простые, но коварные человѣцы; тіи бо на Государя своего враждующе, егда увидятъ ссору Государя съ пастыремъ, похищаютъ то за добрый случай злобы своей и подъ видомъ церковной ревности не сумнятся подносить руки на Христа Господа, и къ такому же беззаконію яко къ дѣлу Божію, подвизаютъ простой народъ, что же когда и самъ пастырь таковымъ о себѣ надменъ мнѣніемъ, спать не хощетъ? Изрещи трудно, коликое отсюда бѣдствіе бываетъ. **Да не воспомянутся подобные и у насъ бывшіе замахи**". Замахи духовенства—любимая тема Θеофана и Петра. Намекъ на Никона ясенъ, какъ ясно и то, что взору Петра предносился не дѣйствительный Никонъ, а Никонъ, созданный Лигаридомъ и боярскимъ окруженіемъ Царя Алексія Михайловича. Причиной уничтоженія патріаршества была даже не воображаемая вина Никона, а стремленіе власть православнаго Царя, ограниченнаго церковными правилами, превратить въ абсолютнаго монарха, несдерживаемаго ничѣмъ, и дать своей властью силу тѣмъ устремленіямъ и идеямъ, которыя, не будучи строго православными, никогда не могли-бы быть допущены Первосвятителемъ, отвѣтственнымъ передъ своей Церковью. Духъ этихъ реформъ узнается въ сочиненіяхъ Θеофана призваннаго ихъ защищать.

Сочиненія Θеофана для образованія народа, по порученію Царя написанныя.

Въ 1720 г. Θеофанъ написалъ по порученію Царя „Первое ученіе отрокамъ". Тамъ Θеофанъ развивалъ мысль, что отъ воспитанія зависитъ жизнь человѣка и цѣлаго народа, а между тѣмъ у насъ все благополучіе полагалось на внѣшнихъ обрядахъ, безъ поясненія основъ благочестія, черезъ что и отроки лишены подобающаго воспитанія. Всѣ прежнія книги, по Θеофану, внушали дѣтямъ лишь безусловную покорность авторитетамъ старины, святости преданія, суевѣрную боязнь „мнѣнія"—презрѣніе къ иноземнымъ ересямъ,—все то, противъ чего возставали Петръ и Θеофанъ. Θеофанъ не столько развивалъ положительное ученіе, сколько критиковалъ недостатки старины, какъ препятствіе для усвоенія новыхъ идей, даже въ руководствахъ для дѣтей. Онъ хотѣлъ перевоспитать народъ. Катихизисъ его предназначался для заучиванія вмѣсто псалмовъ и молитвы, а тамъ Θеофанъ вставлялъ насмѣшки надъ древне-русскимъ благочестіемъ, надъ почи-

таніемъ иконъ, мощей, святыхъ мѣстъ и тому подобное. „Идолослуженіе есть, писалъ онъ, когда кто честь Божію воздаетъ образу или подобію какой либо вещи... идоли, т. е. образники; о христіанскихъ же иконахъ, что разумѣти подобаетъ? Лгутъ на Бога оніи проклятіи лестцы, которые иконамъ святымъ или мощамъ и мѣсту нѣкоему претворяютъ чудеса и откровенія. Нерѣдко таковыми явишася прелестницы, которые прибытка ради притворныя за святыхъ мощи принесоша, якоже въ Москвѣ иногда случися, что всѣмъ извѣстно есть.... Феофанъ въ самомъ н жномъ возрастѣ зароняль сѣмена сомнѣній и критики къ самымъ святымъ вещамъ подъ видомъ критики злоупотребленій. Дальнѣйшимъ шагомъ было изданіе книги „Христовы о блаженствахъ проповѣди толкованіе“, написанной по спеціальному порученію Петра и напечатанное въ 1722 г. въ 3-хъ изданіяхъ. Въ памятной книжкѣ Петра I написано: „Написать книгу о ханжахъ и изъяснить блаженства (Кротость Давидову и проч.), что не такъ, какъ они думаютъ, и приплесть къ требнику, а въ предисловіи явить то дѣльцамъ Ростовскаго (т. е. Епископа Димитрія) съ товарищи и также, что не противились мученики въ свѣтскихъ дѣлахъ“. Отвѣтомъ и была книга „О блаженствахъ“, которая была послана ему въ Астрахань и имъ очень одобрена, какъ значится въ его помѣткахъ. Самъ Петръ приписалъ о ханжествѣ и лицемѣріи, въ которыхъ доказывалъ, что въ этихъ порокахъ грѣхъ противъ всѣхъ 10 заповѣдей.

Книга Феофана, написанная противъ аскетическаго идеала.

Въ древне-русскомъ благочестіи усматривалось только суевѣріе и лицемѣрная набожность для цѣлей вовсе нерелигіозныхъ. Феофанъ въ своемъ ученіи объ оправданіи выступилъ противникомъ господствовавшихъ у насъ и въ народѣ, и въ богословіи идей. что вѣчную жизнь можно заслужить только подвигами, что достоинство сихъ подвиговъ измѣряется ихъ трудностью, опасностью или сопровождающими ихъ лишеніями и страданіями. Потому и къ монашеству онъ относился, если не совсѣмъ отрицательно, то неблагосклонно, считая аскетическій идеалъ несостоятельнымъ, а практическое приложеніе его требованій въ Россіи несовмѣстнымъ съ понятіемъ благоустроеннаго централизованнаго государства, гдѣ каждый подданный долженъ нести извѣстныя повинности. Но масса народа не воспринимала новыхъ идей и вступала съ ними въ активную борьбу, выдѣля изъ своей среды то отдѣльныхъ непокорныхъ людей, заявлявшихъ протестъ, то цѣлыя толпы непокорныхъ. Въ нихъ Феофанъ видѣлъ невѣждъ, нафанатизированныхъ ханжами и лицемѣрами для корыстныхъ цѣлей. Послѣднимъ онъ и посвятилъ большую часть книги о блаженствахъ. Здѣсь Феофанъ подвергалъ критикѣ идею добровольнаго мученичества тѣхъ, которые погибали

нарочно, чтобы спасти отъ наступившаго, какъ они говорили, Антихристова Царства. Много было здѣсь и насмѣшекъ противъ мнимой святости тѣхъ, которые „преизлишне смиряются или дѣйствія, противныя природѣ, показуютъ“. Дѣло въ томъ, что, бичуя недостатки извѣстныхъ современныхъ явленій, Ѳеофанъ вообще не выдѣлялъ самой идеи отъ всѣхъ злоупотребленій, въ которыя иногда выливалось ея осуществленіе, и такимъ образомъ для читателя получалось впечатлѣніе опредѣленное, что Ѳеофанъ нападаетъ не только на эти злоупотребленія, но и на самую суть, на самыя установленія Церкви (мощи, иконы). Книга о блаженствахъ предназначалась къ разрушенію въ обществѣ аскетическаго идеала. Когда впослѣдствіи, при Аннѣ Іоанновнѣ, по дѣлу архимандрита Маркелла Родышевскаго, преслѣдуемаго за идеи возстановленія патріаршества и аскетическаго идеала и за критику Духовнаго Регламента и Указа о Монашествѣ, запрашивали Синодъ объ авторѣ книги „О блаженствахъ“, Синодъ отвѣчалъ, что книга составлена по указу Его Величества и авторъ Синоду неизвѣстенъ, но есть въ Синодѣ царскій Указъ отъ 3-го іюля 1722 г., писанный Царемъ собственноручно съ одобреніемъ этой книги и повелѣніемъ сдѣлать къ ней предисловіе. Архимандритъ Маркелъ Родышевскій въ 1732 г. былъ онъ сосланъ въ Бѣлозерскій монастырь за тѣ доносы, которые дѣлалъ на Ѳеофана въ 1726 г. и за обличеніе въ ересяхъ книгъ, одобренныхъ Государемъ (Петромъ).

Отношеніе Ѳеофана Прокоповича къ христіанскимъ вѣроисповѣданіямъ.

Въ борьбѣ противъ старорусскихъ традицій у Ѳеофана протестантизмъ былъ союзникомъ. А въ основѣ Ѳеофанъ былъ утилитаристъ, относившійся ко всѣмъ отвлеченнымъ идеямъ, въ томъ числѣ и религіознымъ, съ точки зрѣнія результатовъ непосредственнаго примѣненія ихъ къ общественной и государственной жизни на практикѣ. Протестантизмъ былъ ему удобенъ и съ точки зрѣнія признанія верховенства правъ Государя во всѣхъ дѣлахъ, даже церковныхъ. Съ этой точки зрѣнія и католицизмъ, и древне-русскій церковный укладъ жизни для него были теократіей, умственнымъ застоемъ и обскурантизмомъ, тогда какъ лютеранство было для него освобожденіемъ разума отъ давленія церковнаго авторитета, внесеніемъ элементовъ критики и прогресса. Строго-православное ученіе Никона съ его теоріей симфоніи властей, чуждое католической окраски и католическаго ученія о косвенной власти Папы въ свѣтскихъ дѣлахъ, и продолжавшее святоотеческую традицію независимости и самостоятельности церковной власти, или не было вовсе извѣстно Ѳеофану, или смѣшалось для него съ понятіемъ теократіи въ той ея формѣ, въ которой носителемъ всей власти является единоличный органъ Папа. Вѣдь само патріар-

шество для Θеофана было лишь проявленіемъ папежскаго духа, тѣмъ же папствомъ, ибо для него было непріемлемо то верховенство духовныхъ цѣлей жизни, которое несла съ собой идея патріаршества въ русской дѣйствительности. Въ негодованіи на этотъ приматъ духовныхъ цѣлей, которыя онъ жертвовалъ передъ голой идеей государства, которой былъ проникнутъ Петръ, онъ смѣшивалъ въ одно и патріаршество, и папство, несмотря на всю глубокую рознь этихъ двухъ институтовъ, изъ которыхъ одинъ есть твореніе Восточной Церкви съ ея постояннымъ раздѣленіемъ Кесарева отъ Господняго, и идеей оцерковленія государства, а другой есть твореніе Западной Церкви, вѣрнѣе латинскаго административнаго генія съ его идеей Церкви, превращающейся въ государство. Но Петръ, борясь съ патріаршествомъ, созданнымъ Церковью, игнорируя церковныя постановленія о церковной собственности, вторгаясь властно во внутреннія церковныя отношенія, обнаружилъ полное игнорированіе Церкви, какъ особаго учрежденія, имѣющаго свои цѣли, средства и свои особыя полномочія. И въ этомъ игнорированіи ея заключался самый тяжкій разрывъ съ московскимъ порядкомъ церковно-государственныхъ отношеній, основанныхъ на идеѣ симфоніи властей.

Мѣры Петра противъ Церкви, предшествующія формальной замѣнѣ Патріарха Коллегіей.

Петръ не сразу уничтожилъ патріаршество. Сначала онъ только не позволилъ избрать на мѣсто умершаго Патріарха Адріана другого Патріарха, а назначилъ мѣстоблюстителя патріаршаго престола, но онъ постепенно вырывалъ изъ вѣдѣнія Церкви рядъ ея прежнихъ правъ, проявивъ на дѣлѣ свое полновластіе, которое литературно обосновывалъ для него Θеофанъ.

Власть мѣстоблюстителя быда ограничена съ самаго начала. При назначеніи его былъ уничтоженъ Патріаршій Приказъ, и его дѣла распредѣлены по другимъ вѣдомствамъ. Монастырскій Приказъ, учрежденный 31 января 1701 года взялъ въ управленіе всѣ церковныя вотчины; мѣстоблюстителю были оставлены только духовныя дѣла, да и то не вполнѣ. Всѣ важныя дѣла шли черезъ Монастырскій Приказъ, даже назначеніе духовныхъ лицъ. Мусинъ Пушкинъ, стоявшій во главѣ Монастырскаго Приказа, объявлялъ повелѣнія Царя мѣстоблюстителю. Патріаршая типографія отдана въ вѣдѣніе Монастырскаго Приказа; изданіе сочиненій, переводовъ, духовныхъ книгъ происходили помимо мѣстоблюстителя; также и духовныя школы поставлены въ зависимость отъ Монастырснаго Приказа. Наконецъ, въ духовный судъ были введены фискалы отъ правительства, что было также прямымъ вторженіемъ въ чисто церковную компетенцію, несмотря на рѣзкій протестъ Стефана, указавшаго на непристойность этого явленія и на ненормальную бе-

зотвѣтственность фискаловъ, имѣвшихъ право безнаказанно доносить, хотя-бы и безъ всякаго основанія. Своими Указами о монашествѣ Петръ отвергъ аскетическій идеалъ жизни, обезглавленіемъ Церкви онъ отнялъ у нея защитника ея правъ и идеаловъ; вторженіемъ въ ея управленіе онъ отнялъ у нея независимость въ ея собственной сферѣ; взятіемъ въ управленіе ея имущества, онъ отнялъ у нея возможность имѣть въ общественной жизни прежнее значеніе; онъ не только подчинилъ ее государству и умалилъ ея общественное значеніе, но уничтожилъ самое ея понятіе, какъ особаго учрежденія съ неотъемлемыми правами, а ея служителей превратилъ въ государственныхъ чиновниковъ, получающихъ свое положеніе изъ рукъ государства. Мы последовательно прослѣдимъ, какъ Петръ, подъ вліяніемъ идей чисто государственныхъ, сломилъ учрежденія Церкви, поставивъ на мѣсто ихъ учрежденія государственныя, и какъ послѣднія онъ окрасилъ утилитарной идеей, совершенно покончивъ съ идей симфоніи властей, въ теченіе вѣковъ одухотворявшей строй русскаго государства.

Отношеніе Петра къ Церкви.

Стефанъ Яворскій, въ проповѣди, сказанной въ 1710 г., охарактеризовалъ направленіе церковной реформы именно въ смыслѣ измѣненія тѣхъ идей, которыя до тѣхъ поръ лежали въ основѣ государственнаго управленія. Мы можемъ припомнить, что Петръ лично не устранялся отъ Церкви, онъ любилъ даже участвовать въ богослуженіи чтеніемъ Апостола, или пѣніемъ на клиросѣ; онъ не отвергалъ и церковнаго устава; такъ онъ обращался къ Константинопольскому Патріарху за разрѣшеніемъ отъ поста войскъ во время Прутскаго похода, но несомнѣнно то, что онъ присвоилъ царской власти компетенцію, идущую далѣе сферы свѣтской, и далъ ей, вопреки природѣ вещей, власть надъ канонами, и даже въ эту дѣятельность свою въ церковномъ управленіи влилъ содержаніе, которое диктовалось уже не православнымъ ученіемъ, а лютеранскимъ настроеніемъ. Послѣднее мы увидимъ въ особенности на Указахъ его о монашествѣ въ 1701 г., въ прибавленіи къ Духовному Регламенту 1722 г. и Указѣ о Званіи Монашескомъ 31 Января 1724 г., а также и въ устройствѣ Св. Синода, замѣнившаго Патріарха.

Стефанъ Яворскій о направленіи Петровской церковной реформы.

Стефанъ Яворскій въ вышеозначенной проповѣди сказалъ о направленіи реформъ: „Сіяла Россія, мати наша, прежними времены благочестіемъ, свѣтла и аки столбъ непоколебимый въ вѣрѣ православной утверждена. Нынѣ-же что? Усумнѣваюся о твердости твоей, столпе непреклонный, егда тя вижду вѣтрами противными отовсюду обуреваема. **Вѣетъ на тя вѣтеръ иконоборный, иконы святыя презираю-**

щій; вѣетъ на тя вѣтеръ чревоугодный, посты святые раззоряющій, а ты, столпе непреклонный, вѣтромъ тлетворнымъ опирающійся, уже колебатися начинаеши и вмалѣ, яко столпъ Силуамскій паденіемъ своимъ насъ не погубляеши". Точно также въ проповѣди своей 12 марта 1713 г. въ день именинъ царевича Алексѣя Петровича, Стефанъ не только рѣзко высказался о введеніи свѣтскихъ фискаловъ въ духовные суды (это было вторженіе уже въ область чисто церковную), но и сдѣлалъ общіе выводы о положеніи Россіи, явно указывавшіе и на семейную жизнь Петра (оставленіе первой жены Евдокіи Лопухиной, насильно постриженной въ нонастырь) и на нездоровый духъ его реформъ, и выражающіе надежду на его наслѣдника. „Того ради не удивляйтеся, что многомятежная Россія наша доселѣ въ кровныхъ буряхъ волнуется; не удивляйтеся, что по толикимъ смятеніямъ доселѣ не имамы превожделѣннаго мира. Миръ есть сокровище неоцѣненное, но тіи только симъ сокровищемъ богатятся, которые любятъ Господній законъ; а кто законъ Божій раззоряетъ, отъ того миръ далече отстоитъ. Гдѣ правда, тамъ и миръ. Море, свирѣпое море—человѣче законопреступный, почто ломаеши, сокрушаеши и раззоряеши берега? Берегъ есть законъ Божій, берегъ есть во еже не прелюбы сотвори, не вожделѣти жены ближняго, не оставити жены своея; берегъ есть воеже хранити благочестіе, посты, а наипаче четыредесятницу; берегъ есть почитати иконы. Христосъ гласитъ въ Евангеліи: „Аще кто Церковь преслушаетъ, буди тебѣ яко язычникъ и мытарь". И затѣмъ Стефанъ молится за Царевича Алексѣя Св. Алексѣю, человѣку Божьему: „О угодниче Божій. Не забуди и тезоименинника твоего, а особенно заповѣдей Божіихъ хранителя и твоего преисправнаго послѣдователя. Ты оставилъ еси домъ свой, онъ такожде по чужимъ домамъ скитается; ты удалился еси родителей, онъ такожде; ты лишенъ рабовъ, слугъ и подданныхъ, друговъ, сродниковъ, знаемыхъ; ты человѣкъ Божій, онъ такожде истинный рабъ Христовъ. Молимъ убо, Святче Божій, покрый Тезоименинника нашу единую надежду, покрый его въ кровѣ крылъ твоихъ... Дай намъ видѣти его вскорѣ всякимъ благополучіемъ изобилующаго и его же нынѣ тѣшимся воспоминаніемъ, дай возрадоватися счастливымъ и преждевожделѣннымъ его присутствіемъ". Яворскій былъ глашатаемъ народныхъ мнѣній, косо смотрѣлъ на положеніе, занятое протестантами въ государствѣ, на легкое отношеніе къ обрядамъ и иногда и къ вопросамъ вѣроученія.

Отмѣна патріаршества.

Отношеніе Петра къ патріаршеству, выразившееся въ учрежденіи шутовского собора, насмѣшка его надъ старыми русскими обычаями, съ которыми связывалось у народа представленіе о благолѣпіи и благочестіи — все было отго-

лоскомъ иныхъ вѣрованій. Патріаршество было учрежденіе, выросшее въ Церкви, созданное Церковью и у насъ учреждено грамотой Вселенскихъ Патріарховъ и Собора Константинопольскаго 1593 года и, какъ учрежденіе церковное, могло быть отмѣнено также только равной церковной властью, т. е. Соборомъ, канонически созваннымъ и свободно разсмотрѣвшимъ этотъ вопросъ. Ничего этого не было. Оно было отмѣнено созданіемъ на его мѣстѣ синода инииціативой власти царской; хотя на Духовномъ Реглатентѣ имѣются надписи почти всѣхъ русскихъ Архіереевъ, но они даны ими не на канонически созванномъ Соборѣ, свободно разсмотрѣвшемъ дѣло, а каждымъ Архіереемъ въ отдѣльности, получившимъ этотъ указъ при сопровожденіи его царскими посланцами съ угрозами. Это не былъ голосъ Русской Церкви, свободно высказанный и, въ качествѣ таковаго не могъ быть переданъ Царемъ на утвержденіе Вселенскихъ Патріарховъ въ сентябрѣ 1721 г. тогда, когда Синодъ фукціонировалъ уже полгода. Самая матеріальная зависимость Восточныхъ Патріарховъ отъ Царя и ихъ угодничество передъ нимъ дѣлали все равно невозможнымъ ихъ оппозицію дѣлу, которое при подписяхъ Архіереевъ, не носило на себѣ внѣшнихъ, слишкомъ бьющихъ въ глаза признаковъ неканоничности, которые бы побудили Патріарховъ вспомнить объ ихъ обязанностяхъ. Дѣло Никона и послѣдующее возстановленіе на каѳедрахъ судившихъ его Патріарховъ, и даже кратковременная реабилитація Лигарида показываютъ, что патріаршія постановленія не могли имѣть того нравственнаго авторитета, на который они по сану ихъ авторовъ должны разсчитывать. Синодъ не былъ учрежденіемъ, соотвѣтствующимъ канонамъ. Синодъ состоялъ не изъ однихъ Епископовъ, какъ подобало бы высшему церковному органу по преданію апостольскому, а и изъ архимандритовъ и даже лицъ бѣлаго духовенства; мало того, его члены носили названія, подобающія лицамъ гражданскаго вѣдомства: президентъ, вице-президентъ, асессоры и пр. Они приносили присягу Государю, какъ своему крайнему судьѣ—все какъ въ протестанскихъ странахъ.

Вліяніе философіи естественнаго права.

Ученіе о безграничности власти монарха проповѣдовала и школа естественнаго права въ лицѣ Гоббса. Такъ ясно его вліяніе на Петра, какъ въ его стремленіи доказать, что онъ въ правѣ выбрать себѣ въ наслѣдники престола кого угодно, такъ и въ присвоеніи имъ себѣ права реформировать церковное устройство, въ силу признанія принципа единства власти съ отрицаніемъ особой природы власти церковной. Вотъ два отрывка изъ „Левіаѳана" приводимыхъ у Woolsey.

Hobbs prefers a monacchy in which the power of the ruler is not circumscribed; and so to the succession he says:

„Perfecta civitatis forma esse non potest, ubi successorem eligendi jus non sit in antecessore" (Woolsey: Political science of the state, 1, 160 [1]). Понятіе его о природѣ духовной власти видно изъ другого отрывка изъ того же „Левіаѳана": „If a person seeing a pastor preaching or baptizing should ask him, as the priests and elders asked Christ (Mathew 21, 23) by what authority doest thou these things and who gave thee this authority? He could return no other answer than that. He acted by the authority of the state drawn from him who represents it or sustains its character (ib. 161) т. е. отъ свѣтской власти, ибо „He who is chief ruler in any christian state is also chief pastor, and the rest of the pastors are created by his authority" [2]).

Самая идея договора объ учрежденіи власти послужила Гоббсу для объясненія абсолютной власти монарха, какъ говоритъ объ этомъ Pollock (Histiry of the science of politics стр. 74: „The plastic fiction of the original contract had been used by Hobbes to generate the absolute power of Leviathan". Эта теорія самовластія во имя общей пользы была перенесена въ „Правду воли монаршей" [4]) и съ нею въ

---

[1]) Гоббсъ предпочитаетъ монархію, въ которой власть правителя неограничена; въ отношеніи къ престолонаслѣдію онъ говоритъ: не можетъ быть совершенная форма государства, гдѣ правитель не имѣетъ права избрать себѣ преемника.

[2]) Если кто-либо, видя пастыря проповѣдующимъ или крестящимъ, спроситъ его, какой властью онъ это дѣлаетъ, подобно тому, какъ спрашивали Христа священники и старѣйшины, и кто далъ Ему эту власть, тотъ не можетъ отвѣтить иначе, какъ то, что онъ дѣйствуетъ по государственному уполномочію, полученному отъ того, кто представляетъ государство, то есть отъ свѣтской власти. Такимъ образомъ главный правитель въ христіанскомъ государствѣ есть архипастырь, а остальные пастыри создаются по его полномочію.

[3]) Пластическая фикція первоначальнаго договора, повидимому, употреблялась Гоббсомъ для того, чтобы создать абсолютную власть Левіаѳана.

[4]) Для обоснованія произвола Государя передавать свой престолъ кому угодно Ѳеофанъ писалъ: „Ex his omnibus т. е. ex legibus sacris aeque ac civilibus Romanorum, подъ которыми разумѣется lex regia передававшій всю власть отъ народа, Императору breviter his repititis argumentis colligit autor liberam Russorum imperatori esse potestatem in eligendo successore herede sive et filiis nepotibusque, sive ex cognatibus, sive alia stirpe". (Приведено Чистовичемъ въ сочиненіи „Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время" стр. 120 изъ Лейпцигскихъ ученыхъ актовъ за 1723 г. „Этотъ актъ, пишетъ Чистовичъ, не только не обезпечилъ спокойствія въ государствѣ, напротивъ, былъ причиной тѣхъ страшныхъ неурядицъ въ престолонаслѣдіи, а вмѣсто съ тѣмъ и въ правленіи государства, которыя волновали наше отечество въ продолженіе почти всего XVIII столѣтія, отвлекая его отъ полезныхъ преобразованій и строенія своей внутренней жизни. На этотъ актъ ссылались всякій разъ, когда надо было оправдать произволъ въ перемѣнѣ правленія," а вмѣстѣ съ тѣмъ и „Правда воли Монаршей" была издаваема нѣсколько разъ". Она помѣщена въ т. VI за № 3893, но лично намъ не удалось найти Полнаго Собранія Законовъ.

Полное Собраніе Законовъ Имперіи. Пониманіе власти Русскаго Царя въ такомъ неограниченномъ смыслѣ было чуждо Московскому періоду, ибо самодержавіе Царя считало себя ограниченнымъ, и безграничнымъ почиталось условно въ предѣлахъ той ограниченности, которая вытекаетъ изъ ясно сознанныхъ началъ вѣры и Церкви. Въ основѣ самой царской власти лежитъ не договоръ, а вѣра; православный Царь неотдѣлимъ отъ православнаго народа и есть выразитель его духа. Въ этомъ отношеніи идея Имперіи не вызываетъ идеи такого духовнаго сліянія Царя съ народомъ. Д. Х. пишетъ въ своей брошюрѣ, что „западъ боится русскаго Царя, а не Императора, русскаго народа, а не русской имперіи; онъ очень хотѣлъ бы, чтобы Русское царство переродилось въ имперію и, чтобы получилось новѣйшаго пошиба Имперія Римская, которая, какъ великая имперія, есть не органическое нѣчто, а конгломератъ народностей и мимо идетъ яко день вчерашній". Съ идеей имперіи потускнѣло понятіе о самодержавіи, которое стало разсматриваться какъ абсолютизмъ; потускнѣлъ и объемъ понятія Православія, которое стало разсматриваться только какъ традиціонное вѣрованіе. Это было революціей идей, и мы въ извѣстномъ смыслѣ можемъ противопоставить Никоновской вѣрности традиціонному пониманію основъ царской власти Петровско-Гоббсовское, какъ революціонный принципъ. Къ этому противопоставленію какъ нельзя лучше подходятъ слова DeMun'a: La Revolution n'est ni un acte ni un fait, elle est une doctrine politique, qui prétend fonder la societé sur la volonté de l'homme au lieu de la fonder sur la volonté de Dieu, qui met la souveraineté de la raison humaine à la place de la loi divine. C'est là qu'est la revolution, le reste n'est rien, ou plutot tout le reste découle de là, de cette revolte orgueilleuse d'où est sorti l'Etat moderne. l'Etat qui a pris la place de tout, l'Etat qui est devenu votre Dieu et que nous nous refusons à adorer avec vous. La contre revolution, c'est le principe contraire: c'est la doctrine qui fait reposer la societé sur la loi chrétienne"[1]).

Если законодатель опирается уже не на религіозное преданіе, а на народную волю, то законъ съ тѣхъ поръ имѣетъ своимъ коренным началомъ людской интересъ, а

[1]) Революція не есть ни актъ, ни фактъ, она есть политическая доктрина, претендующая основать общество на волѣ человѣка вмѣсто того, чтобы основать его на волѣ Божіей, которая ставитъ суверенитетъ человѣческаго разума на мѣсто Божественнаго закона. Вотъ гдѣ революція, остальное вытекаетъ изъ этого, изъ этого гордаго возстанія, изъ котораго вышло современное государство, государство захватившее мѣсто всего, государство, сдѣлавшееся вашимъ Богомъ, которое, мы отказываемся обожать съ вами вмѣстѣ. Контръ-революція—противоположный принципъ. Это—доктрина, основывающая общество на христіанскомъ законѣ.

основаніемъ согласіе большинства, преобладающее сочувствіе массы. Отсюда **Фюрстель де Куланжъ** (Гражданская Община древняго міра 413 стр.) выводитъ чрезвычайно важное заключеніе относительно одного момента Римской Исторіи, именно онъ пишетъ: „Законъ предстоитъ уже не въ видѣ нерушимой и неоспоримой формулы. Ставъ дѣломъ человѣческимъ, онъ признаетъ себя подлежащимъ перемѣнѣ. XII таблицъ прямо говорятъ: „Чѣмъ народъ порѣшилъ на голосованіи въ послѣдній разъ, то и будетъ закономъ. „Изъ всѣхъ дошедшихъ до насъ текстовъ древняго Уложенія ни одинъ такъ не важенъ, какъ этотъ, ни одинъ такъ не выражаетъ, какого рода переворотъ совершился въ правѣ. Законъ ужъ не святое преданіе, не завѣтный обычай, онъ просто текстъ, приговоръ, lex и такъ какъ онъ постановленъ человѣческой волей, то можетъ быть и измѣненъ ею". Mutatis mutandis мы тоже можемъ сказать о законодательствѣ Петра. Обосновавъ неограниченность своей власти по Гоббсовской теоріи въ „Правдѣ воли монаршей" и устранивъ рамки, поставленныя этой власти Церковью, онъ измѣнилъ основу власти, поставивъ ее на человѣческую основу договора и тѣмъ подвергъ ее всѣмъ тѣмъ колебаніямъ, которымъ можетъ подвергаться всякое человѣческое установленіе; согласно Гоббсу онъ произвольно присвоилъ церковную власть себѣ; черезъ расцерковленіе же института царской власти послѣдняя теряла свою незыблемость, неприкосновенность свойственную церковному установленію. Только при наличіи этого расцерковленія можно объяснить возможность требованія отреченія Царя отъ престола безъ участія Церкви въ 1917 г. Начало этому идейному подрыву царской власти было положено черезъ обоснованіе неограниченности царской власти въ „Правдѣ воли монаршей", гдѣ она основана по Гоббсу, который утверждалъ ее не на Божественномъ призваніи, а на народномъ суверенитетѣ въ послѣднемъ своемъ основаніи. Только при абсолютированіи своей власти Петръ могъ допустить революціонный разрывъ съ освященной Церковью идеей симфоніи властей и такое вмѣшательство въ жизнь Церкви, какъ ея коренное переустройство, въ видахъ якобы государственной пользы съ его отказомъ Церкви въ признаніи ея самостоятельности.

Нельзя не отмѣтить и того соціально-общественнаго значенія потрясенія, которое вызывается ниспроверженіемъ древнихъ установленій, съ которыми связывается идея неприкосновенности. Объ опасности примѣненіи идеи всемогущества государства, въ качествѣ зачатка революціонныхъ идей, разрушающихъ общество, говоритъ многократно Токвиль, въ 50-хъ годахъ XIX вѣка въ своемъ сочиненіи L'ancien régime et la revolution.

Ее онъ видѣлъ у физіократовъ половины XVIII вѣка. На стр. 239 мы читаемъ:

L'état, suivant les économistes, n'a pas uniquement à commander la nation, mais à la façonner d'une certaine ma-

nière: c'est à lui de former l'esprit des citoyens suivant un certain modéle, qu'il s'est proposé à l'avance;... en réalité il n'y a pas de limites à ses droits ni de bornes à ce qu'il peut faire; il ne reforme pas seulement les hommes, il les transforme. L'état fait des hommes tout ce qu'il veut, dit Bodeau. Ce mot résume toutes leurs théories".[1])

Къ нимъ онъ возводитъ начало разрушительныхъ соціалистическихъ теорій (стр. 241).

„On croit que les théories destructives qui sont **désignées de nos jours sous le nom de socialisme, sont d'origine récente; c'est une erreur;** ces théories sont contemporaines des premiers économistes. Tandis que ceux-ci employaient le gouvernement tout-puissant qu'ils revaient à changer les formes de la société, les autres s'emparaient en imagination du même pouvoir pour en ruiner les bases"[2]).

Объ опасности колебать древнія установленія, даже когда реформы имѣютъ въ виду общее благо, Токвиль говоритъ въ связи съ впечатлѣніемъ, произведеннымъ на народъ паденіемъ при Людовикѣ XV парламентовъ, по своему происхожденію современниковъ королевской власти, и вообще въ связи съ реформами, недостаточно уважающими древніе нравы и привычки:

„Parmi les réformes (p. 279) qu'il (Louis XV) avait faites lui même, quelques-unes changèrent brusquement et sans préparations suffisantes les habitudes anciennes et respectées et violèrent parfois les droits acquis. Elles préparèrent ainsi la révolution bien moins encore en abattant ce qui lui faisait obstacle qu'en **montrant au peuple comment on pouvait s'y prendre pour la faire.** Ce qui accrut le mal fut précisément l'intention pure et désinteressée qui faisait agir le roi et ses ministres; **car il n'y a pas de plus dangereux exemple que celui de la violence exercée pour le bien et par les gens de bien"** [3]).

---

[1]) Государство, по мнѣнію экономистовъ, не только повелѣваетъ націей но нѣкоторымъ образомъ ее формируетъ; оно образуетъ по извѣстному образу, заранѣе имъ себѣ составленному, духъ граждамъ... Въ дѣйствительности нѣтъ границъ его правамъ ни предѣловъ его возможностямъ; оно не только реформируетъ людей, но и передѣлываетъ. Государство, говоритъ Бодо, дѣлаетъ изъ людей что хочетъ. Это слово резюмируетъ всѣ ихъ теоріи.

[2]) Думаютъ, что разрушительныя теоріи, обозначенныя въ наши дни именемъ соціализма, недавняго происхожденія; это—ошибка; эти теоріи современны первымъ экономистамъ. Между тѣмъ, какъ послѣдніе употребляли всемогущее правительство, которое, мечтали они, измѣнить формы общества, другіе въ воображеніи захватывали ту же власть, чтобы разрушить ея основы.

[3]) Среди реформъ, которыя провелъ самъ Людовикъ XV, нѣкоторые измѣняли неожиданно и безъ достаточныхъ приготовленій древ-

Все Петровское церковное законодательство есть разрушеніе основъ и церковной и царской власти, связанной не только догматами вѣры, но и вселенскими канонами Церкви. Такимъ образомъ примѣръ нарушенія границъ должнаго и допустимаго для государства данъ и въ Россіи впервые не въ XX столѣтіи, а въ XVII и особенно въ началѣ XVIII-го и также не снизу, а сверху, опередивъ Францію во времени. Никонъ въ этомъ отношеніи былъ хранителемъ устоевъ государства и въ покушеніи на эти устои (принципъ православнаго Царя, неприкосновенность церковнаго имущества, собственности, и почитаніе первосвятителя...), провидѣлъ разрушеніе царства, выражая свои мысли библейскими примѣрами.

Ту же извѣстной степени мысль о значеніи сохраненія религіозныхъ традицій для прочности политическаго зданія выражаетъ современнымъ научнымъ языкомъ такой государствовѣдъ, какъ Брайсъ: (Les démocraties modernes, II, 168), когда онъ припоминаетъ время Софистовъ въ древней Греціи. „Rappelons à ce propos l'exemple familier des Républiques grecques du temps de Socrate, alors que quelques sophistes renommés, pulvérisant la naïve et antique croyance qui confiait aux dieux le soin de punir le parjure et le trompeur, enseignaient que la justice n'est autre chose que la loi du plus fort. Là, les traditions attaquées étaient d'abord réligieuses et morales, **mais dans un systéme de vieilles croyances et de coutumes ancestrales tout se tient et lorsque la partie réligieuse est sapée, bien d'autres** éléments de l'édifice en sont ébranlés[4]).

Принципіальное покушеніе на церковную собственность со стороны государства.

Замѣна Патріарха Синодомъ 1721 г. была однимъ изъ послѣднихъ звеньемъ Церковной Реформы Петра. Еще до этого обезглавленія Церковь была обезсилена за время послѣ смерти Патріарха Адріана, послѣдовавшей въ 1790 году. Это обезсиленіе коснулось прежде всего управленія церков-

---

ніе и почтенные обычаи и иногда нарушали пріобрѣтенныя права. Онѣ такимъ образомъ приготовляли революцію, гораздо менѣе поражая то, что ей составляло препятствіе, чѣмъ показывая народу, какъ надо браться за дѣло, чтобы ее совершить. То, что увеличивало зло, было именно чистое и безкорыстое намѣреніе, побуждавшее короля и его министровъ, ибо нѣтъ болѣе опаснаго примѣра, какъ примѣръ насилія, осуществленнаго ради блага и притомъ хорошими людьми“.

[4]) Напомнимъ по этому случаю извѣстный примѣръ греческихъ республикъ временъ Сократа, когда нѣкоторые извѣстные софисты, уничтожая наивное и активное вѣрованіе, ввѣрявшее богамъ заботу наказывать клятвопреступника и лжеца, учили, что справедливость ничто иное, какъ законъ сильнѣйшаго. Тамъ традиціи, подвергшіяся нападенію, были сначала религіозныя и моральныя, но въ системѣ старыхъ вѣрованій и обычаевъ предковъ все связано, и, когда религіозная часть подорвана, то отъ этого колеблется и много другихъ элементовъ зданія“.

ными имуществами и отнятія у Церкви не только суда по гражданскимъ дѣламъ духовенства, но и управленія церковными дѣлами черезъ возсозданіе въ 1700 г. Монастырскаго Приказа. Первое лишало Церковь средствъ, второе ставило духовенство въ большую зависимость отъ свѣтскихъ властей. Лишеніе Церкви возможности управлять своимъ имуществомъ, отданіе этого управленія подъ контроль государственной власти какъ со стороны прихода, такъ и расхода суммъ, подвергало неопредѣленности вопросъ о томъ, кто же собственникъ этихъ имуществъ: Церковь или государство. Въ концѣ концовъ при Екатеринѣ II государство сочло себя въ правѣ посмотрѣть на церковную собственность, какъ на способъ вознаграждерія Церкви государствомъ, способъ, который по усмотрѣнію государства могъ быть замѣненъ и другимъ. Такъ въ 1764 г. были отняты церковныя имущества, и церковныя учрежденія взамѣнъ получили денежныя вознагражденія по штату, а позднѣйшее паденіе цѣнности этого вознагражденія привело Церковь къ полной матеріальной зависимости отъ государства. (Одновременно Екатерина II изъ 881 существовавшихъ монастырей закрыла 496, оставивъ существовать только 385). **При этомъ можно оцѣнить значеніе отстаиванія Никономъ не только права собственности за Церковью, но и права управленія ею. Не теряй Церковь послѣдняго, она, можетъ, не потеряла бы и перваго, ибо** сознаніе неприкосновенности управленія имущества содѣйствовало бы и сознанію неприкосновенности самой собственности. Реформа 1701 г. пробила брешь. Монастырскій Приказъ—учрежденіе чисто государственное, получило въ свое вѣдѣніе церковныя вотчины и доходы съ нихъ. Государство не остановилось передъ церковной собственностью, въ своей политикѣ стягиванія поземельныхъ владѣній въ свою собственность, на правахъ безусловнаго распоряженія ею, начатаго еще много ранѣе. Помѣщичьи земли признавали надъ собой полную власть государства; государство въ концѣ XVII вѣка въ земляхъ дворцовыхъ и въ черныхъ волостяхъ дѣйствовало на правахъ собственника, но земли и крестьяне церковныхъ учрежденій не были уравнены съ дворцовыми и помѣщичьими во всѣхъ своихъ отношеніяхъ къ государству. Обращеніе черныхъ волостей въ дворцовыя имѣнія совершилось въ Приказѣ Большого Дворца; тамъ же было сосредоточено государствомъ вѣдѣніе монастырскими и вообще церковными землями, а потомъ въ Монастырскомъ Приказѣ, по закрытіи коего въ 1677 г. оно возвратилось въ Приказъ Большого Дворца. Церковныя земли ждали уравненія въ судьбѣ съ черными волостями. Брешь въ неприкосновенности церковной соб-

Значеніе отстаиванія Никономъ управленія Церковью своей собственностью и вообще ея неприкосновенности.

ственности нанесло Уложеніе, отнявшее слободы и городскіе посады у церковныхъ властей, по челобитной посадскихъ людей. Часть лицъ и владѣній, составлявшихъ принадлежность духовенства, передана была въ собственность государства; такъ мысль о правѣ государства обращать въ свою собственность земли церковныхъ учрежденій получила тогда первое осуществленіе, а при Петрѣ получила полный расцвѣтъ въ отобраніи всего управленія церковными имуществами въ пользу государства. Его мысль была заставить все служить государству, и въ этомъ случаѣ онъ давалъ широчайшее примѣненіе тому, что раньше предпринималось въ видѣ частныхъ мѣръ.

И раньше, при Алексѣѣ Михайловичѣ, во время войнъ государство обращалось къ богатѣйшимъ монастырямъ, и церковныя учрежденія считали обязаными себя служить отечеству какъ могли. И при Алексѣѣ Михайловичѣ государство считало на дѣлѣ возможнымъ въ минуту невзгоды обращаться къ церковнымъ имуществамъ. Во второй половинѣ XVII вѣка эта мысль создала предположеніе, что государство имѣетъ право контроля надъ церковными доходами, а черезъ то и надъ церковнымъ имуществомъ. Вѣдь, пагубное вліяніе богатствъ на иноческую жизнь было признано и Соборомъ 1667 г., который и запретилъ монахамъ лично владѣть недвижимымъ имуществомъ; Соборъ 1669 г. постановилъ отбирать на Царя торговые промыслы и лавки, принадлежащіе священному и монашескому чину, опять въ виду вреднаго вліянія на иноческую жизнь. Это были мѣры, касавшіяся отдѣльныхъ видовъ собственности частныхъ лицъ, а не цѣлыхъ учрежденій. Петръ-же думалъ уже о переводѣ всѣхъ церковныхъ имѣній въ собственность государства. Еще въ 1678 г. государство начало перепись всѣмъ церковнымъ богатствамъ, которая продолжалась до 90-хъ годовъ и должна была служить для государственныхъ окладовъ и сборовъ. По ней государство могло контролировать доходы и расходы церковныхъ учрежденій. Петръ усвоилъ хорошо мысль о контролѣ государства надъ церковными доходами, какъ право государства, и въ Указахъ своихъ говорилъ, что государство имѣетъ право распоряжаться избыткомъ церковныхъ богатствъ, остающихся за издержками церковныхъ учрежденій на необходимые расходы. Его Указъ 1696 г. разосланный черезъ епархіальныхъ Архіереевъ по всѣмъ монастырямъ, приказывалъ монастырямъ и архіерейскимъ домамъ давать ежегодно отчетность въ расходѣ церковныхъ суммъ Приказу Большого Дворца. Провинціальныя власти по порученію этого Приказа имѣли надзоръ за выполненіемъ Приказа. Петръ считалъ правомъ государства использовать для его пользы избытки церковныхъ доходовъ. Для государственной пользы онъ счелъ себя въ правѣ подчинить государству управленіе церковными имуще-

ствами и отобрать ихъ изъ вѣдѣнія Церкви—собственника.

Если прежнія поползновенія Государей на церковныя имущества сдерживались религіозными соображеніями, то теперь этой сдержки не стало. Законодательство взглянуло на эти имущества съ государственно-утилитарной точки зрѣнія. Хозяйственные интересы государства требовали, чтобы всѣ жертвовали своимъ трудомъ и матеріальными средствами для его цѣлей. И вотчинныя права и привилегіи духовенства должны были быть принесены ему въ жертву. Государство и при Алексѣѣ Михайловичѣ стремилось уничтожить привилегіи церковныхъ учрежденій. Въ 1672 г. были укичтожены тарханныя грамоты, освобождавшія отъ сборовъ въ казну съ промысловъ и торговли монастырей и властей, но были исключенія для нѣкоторыхъ монастырей. Продолжались и подтвержденія прежнихъ жалованныхъ грамотъ. Однимъ словомъ привилегіи властей и до Петра терпѣли умаленія; объемъ привилегій суживался, жалованныя грамоты писались съ оговорками, что статьи, несогласныя съ Уложеніемъ, недѣйствительны. Съ одной стороны правительство стояло на точкѣ зрѣнія Уложенія (подтверждавшаго всѣ прежнія постановленія о монастырскихъ имѣніяхъ и запрещавшаго пріобрѣтать новыя, и даже отнесшаго нѣкоторую часть церковныхъ имѣній въ казну), но до единодержавія Петра продолжались послабленія изъ уваженія къ Церкви и къ ея правамъ собственности. Правительство лишь въ чрезвычайныхъ случаяхъ органичивало вотчинныя права Церкви, когда требовались тяжкія жертвы отъ всѣхъ сословій. Въ началѣ XVII вѣка оно проводило эти мѣры какъ временныя, при Михаилѣ Өеодоровичѣ „пока земля поустроится". Лишь со времени Уложенія мѣра эта начинаетъ принимать постоянный характеръ. Но съ единодержавіемъ Петра наступила новая эпоха. Государственный интересъ получилъ полный перевѣсъ надъ религіознымъ; духовное служеніе не цѣнилось, требовалась отъ всѣхъ служба матеріальная. Петръ приступилъ къ отмѣнѣ всѣхъ привилегій духовенства. Не была еще закончена до него отмѣна тархановъ. По Уложенію нѣкоторые монастыри освобождались отъ печатныхъ пошлинъ, иные имѣли право курить вино. Эти привилегіи отмѣнены въ началѣ царствованія Петра. На разныя доходныя статьи монастырей правительство наложило руку и объявило ихъ собственностью казны. Въ 1704 году, какъ казенныя оборотныя статьи, были обложены оброкомъ всѣ пчельники и бортные урожаи, отобраны рыбныя ловли. Вывариваніе и продажа соли сдѣлались монополіей казны. Всѣ эти указѣ отмѣняли жалованныя грамоты и распространялись на всѣ церковныя вотчины. При введеніи подушнаго оклада Петръ сравнялъ церковныхъ крестьянъ съ прочими; они приравнены были къ другимъ и въ привлеченіи къ общимъ работамъ по государственнымъ со-

оруженіямъ. Это было уничтоженіемъ прежнихъ привилегій жалованныхъ грамотъ. Въ 1701 г. окончательно воспрещена и покупка вотчинъ, и мѣна ихъ для всѣхъ монастырей и архіереевъ. При Петрѣ произошла частичная секуляризація церковныхъ вотчинъ и отписка ихъ въ казну. Съ объявленіемъ оброчными статьями значительныя угодія, соляныя варницы, мельницы, рыбныя ловли отошли въ казну. Во время управленія Монастырскаго Приказа многія вотчины были отданы въ вѣчное владѣніе частнымъ лицамъ.

Отсутствіе юридическихъ основаній для отнятія у Церкви собственности.

Петровскія реформы о церковной собственности были уже въ полномъ забвеніи канововъ, на которые указывалъ Никонъ, отстаивая неприкосновенность и церковнаго управленія и церковной собственности. Ссылка на плохое управленіе Церковью своими имуществами не есть юридическое основаніе для отобранія у нея этого управленія, ибо собственникъ ихъ—она, а не государство. И само государство теряло въ концѣ концовъ отъ пониженія матеріальной силы Церкви, ибо Церковь, лишенная средствъ, лишена была возможности нести и тѣ задачи, которыя были ей всегда присущи по народному образованію, по благотворительности, по просвѣщенію общества. Церковное упавленіе своими имуществами могло со временемъ улучшиться, а паденіе значенія Церкви въ результатѣ ея ограбленія оказалось невозстановимымъ въ теченіе всего императорскаго періода.

Въ нашу задачу не входитъ описаніе той неудачи, которая постигла въ дѣйствительности эту мѣру перевода церковныхъ имуществъ въ вѣдѣніе государства. Она изслѣдована въ сочиненіи Горчакова „Монастырскій Приказъ". Достаточно сказать, что вскорѣ-же послѣ этой мѣры крестьяне просятъ ихъ о возвратѣ въ церковныя учрежденія. Въ 1702 году начинается возвратъ изъ вѣдѣнія чиновниковъ Монастырскаго Приказа монастырскихъ и архіерейскихъ вотчинъ прежнимъ владѣльцамъ. Съ 1711 г. этотъ возвратъ уже обычное явленіе, многіе монастыри получили ихъ обратно въ свое вѣдѣніе, такъ что Монастырскій Приказъ по отношенію къ нимъ превращался изъ административнаго учрежденія лишь въ Центральное финансовое учрежденіе. Когда открылись коллегіи, онъ потерялъ и это значеніе. 16 октября 1720 г. закрытъ Монастырскій Приказъ, и вотчины, разоренныя чиновничьимъ управленіемъ, кромѣ розданныхъ и проданныхъ, вернулись въ церковныя учрежденія. Съ открытіемъ Синода указомъ Царя ему были переданы въ вѣдѣніе всѣ патріаршія, архіерейскія и монастырскія вотчины, но Синодъ, по неудобству самому вѣдать это управленіе, испросилъ возстановленіе Монастырскаго Приказа (1721 г.) въ качествѣ подчиненнаго ему учрежденія. Его четырехлѣтнее существованіе (послѣ котораго онъ былъ переимено-

ванъ въ другое учрежденіе) установило управленіе церковными вотчинами почти на 50 лѣтъ и удержало ихъ въ вѣдѣніи подчиненнаго въ концѣ концовъ правительству Синода.

Монастырскій Приказъ при Петрѣ 1701-1720—орудіе государства для подчиненія всѣхъ церковныхъ дѣлъ государству.

Монастырскій Приказъ 1701-1720 г. при Петрѣ былъ орудіемъ государства для управленія церковными дѣлами; онъ былъ орудіемъ его преобразовательныхъ цѣлей относительно монастырей и относительно подчиненія духовенства государству. Подчиненіе государству судебно-гражданскихъ правъ церковныхъ учрежденій во время Уложенія было ступенью къ дальнѣйшему ограниченію другихъ гражданскихъ правъ духовенства. Если главное вниманіе возстановленнаго Петромъ въ 1700 г. Монастырскаго Приказа сосредоточилось вокругъ вопроса о вотчинныхъ правахъ церковныхъ учрежденій, которыми онъ распоряжался, какъ собственникъ, представляя собой государство, то все-же нельзя оставить безъ вниманія и почти полностью возстановленныя его судебныя права, существовавшія по Уложенію. Въ Указѣ о возстановленіи Монастырскаго Приказа почти буквально словами Уложенія опредѣленъ судебный кругъ, въ которомъ должна вращаться дѣятельность Монастырскаго Приказа. Ему были подсудны въ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлахъ всѣ вообще лица его вѣдомства, въ частности лица духовныя безъ исключенія, всѣ служилые люди въ Приказахъ, ему подчиненныхъ, при архіерейскихъ каѳедрахъ и монастыряхъ, всѣ крестьяне его вѣдомства, нищіе, богадѣльни, содержащіяся на счетъ Приказа. Съ этого времени отъ вѣдомства Церкви окончательно были взяты люди по своему несчастному положенію въ жизни, бывшіе подвѣдомственными Церкви со временъ князя Владиміра (Неволинъ т. VI). Приказъ, какъ во времена Уложенія, долженъ былъ вѣдать всѣ иски постороннихъ людей на духовенство и людей, подвѣдомственныхъ приказамъ, а послѣдніе на постороннихъ въ мѣстахъ подсудности отвѣтчиковъ. Въ Уложеніи было исключеніе для патріаршей области, теперь-же такое исключеніе, хотя и могло быть по смыслу закона, но независимая подсудность патріаршей области устранялась другимъ путемъ: вѣдавшіе ее Приказы патріаршій дворцовый и казенный были подчинены тому-же Монастырскому Приказу. Монастырскій Приказъ сталъ высшей и послѣдней инстанціей, пишетъ Горчаковъ, въ предѣлахъ своего вѣдомства; среднюю составляли стольники и вѣдомцы, завѣдывавшіе цѣлыми областями и уѣздами въ провинціяхъ, низшую—вотчинные вѣдомцы и прикащики. Въ уголовно-судебной дѣятельности Приказа мало считались съ духовнымъ саномъ, и обвиняемые тамъ сажались на цѣпь. Наказаніе налагалось по Уложенію; если-же надо было ли-

шить сана, то виновный подъ арестомъ отправлялся въ Патріаршій Духовный Приказъ, гдѣ иногда безъ всякаго допроса обнажали священства или монашества и отсылали обратно въ Приказъ.

Но судебная дѣятельность Монастырскаго приказа при Петрѣ не выдѣлялась такъ, какъ она выдѣлялась при Алексѣѣ Михайловичѣ, ибо она затѣнялась обширнѣйшей правительственной дѣятельностью Монастырскаго Приказа въ церковныхъ дѣлахъ. Монастырскій Приказъ вѣдалъ и дисциплинарный судъ надъ духовенствомъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ (при неисполненіи требованій Приказа напр. Монастырскими властями за неподачу отчетности, надъ приходскими священниками за недоставленіе свѣдѣній, причемъ угрозы Приказа доходили дальше дисциплинарныхъ мѣръ, упоминая о ссылкѣ, лишеніи сана). Монастырскій Приказъ былъ орудіемъ Царя для распоряженій по чисто церковнымъ дѣламъ: черезъ него Царь призывалъ архіереевъ въ свою чреду въ Синодъ, черезъ него давалъ разрѣшеніе на принятіе въ монастырь и на постриженіе; его посредство между Царемъ и всѣми церковными учрежденіями продолжалось до учрежденія Синода. Въ его рукахъ объединилась вся государственная дѣятельность Петра по церковному управленію. Дѣло шло о прямомъ вторженіи въ церковное управленіе, а не только объ отобраніи у Церкви тѣхъ правъ, которыя могли-бы считаться делегаціей ей со стороны государства. Былъ отторгнутъ отъ Церкви судъ по дѣламъ всѣхъ людей, приписанныхъ къ церковнымъ людямъ по особому отношенію ихъ къ Церкви. „Хотя со временъ Іоанна IV памятники о нихъ не упоминаютъ, однако, говоритъ Неволинъ (т. VI), пространство церковнаго суда въ этомъ отношеніи сохранено со временъ Св. Владиміра до Петра I".

Монастырскій Приказъ вмѣшивается въ регулированіе внутренней жизни монастырей.

Насколько далеко шло это вторженіе, отъ котораго такъ оберегалъ въ свое время Никонъ, показываетъ дѣятельность Монастырскаго Приказа. Въ Петровскій періодъ своего существованія Монастырскій Приказъ вмѣшивается во внутренній укладъ монастырской жизни: черезъ него идутъ всѣ мѣропріятія Петра по монастырскимъ дѣламъ. Въ 1701 году Монастырскій Приказъ дѣлаетъ переписи монаховъ, запрещаетъ переходъ ихъ изъ одного монастыря въ другой и постепенно приготовляетъ штаты каждаго монастыря, новыя постриженія не допускаются безъ разрѣшенія Государя. Вмѣсто убылыхъ монаховъ Монастырскій Приказъ посылалъ въ монастыри больныхъ и нищихъ, даже сумасшедшихъ и каторжныхъ, неспособныхъ къ работѣ. Послѣ 1715 года въ монастыри поселялись отставные воины. Потомъ изданъ былъ законъ, по которому на обязанность монастырей возлагалось содержаніе увѣчныхъ и больныхъ воиновъ. Число

монаховъ должно было быть таково, чтобы оставались средства для благотворительныхъ цѣлей. Петръ вообще хотѣлъ дать такое направленіе русской монастырской жизни, при которомъ бы монастыри служили указываемымъ имъ Петромъ благотворительнымъ и нравственнымъ цѣлямъ. Отнятіе вотчинъ было яко-бы средствомъ къ возстановленію иноческой жизни въ монастыряхъ. Монахи, по мысли Петра, должны были пропитывать себя своимъ трудомъ, содержать убогихъ и нищихъ и ходить за больными. Но они не должны были быть центрами просвѣщенія. Монастырскій Приказъ долженъ былъ не только наблюдать, чтобы монахи безъ воли настоятелей не скитались по Москвѣ, но чтобы и въ кельяхъ не держали бумаги, чернилъ, перьевъ и, если что надо писать, писали-бы въ трапезной въ присутствіи настоятеля. Приказъ имѣлъ судебную и дисциплинарную власть надъ монахами. Но время показало Петру, что безъ содѣйствія Церкви нельзя устраивать жизнь монастырей, и что мысль возлагать на Церковь или монастыри содержаніе людей, служившихъ государству, и потерявшихъ на этой службѣ всѣ силы, надо оставить. Въ 1716 г. наблюденіе надъ монастырской жизнью ввѣряется архіереямъ, которые при посвященіи своемъ даютъ клятву содержать монаховъ по уставамъ и правиламъ. Монастырскій Приказъ вѣдалъ выдачею денегъ на содержаніе архіереевъ, мѣстоблюстителя и Духовнаго Приказа. Въ 1701 году безъ разрѣшенія Государя запрещено строить монастыри, а еще въ 1796 г. было запрещено и монастырямъ употреблять деньги на строенія безъ царскаго разрѣшенія и приказано ежегодно расходныя книги присылать въ Приказъ Большого Дворца. Позже Монастырскій Приказъ вѣдалъ и всю строительную отчетность монастырей и выдавалъ средства на поддержаніе наличныхъ зданій. Черезъ Монастырскій Приказъ предписывалось приходскимъ Церквамъ устраивать дома для новорожденныхъ. Монастырскій Приказъ долженъ былъ побуждать епархіальныя власти заводить школы, на которыя Приказъ долженъ былъ давать деньги изъ вотчинныхъ доходовъ. Онъ же долженъ былъ слѣдить, чтобы дѣти духовенства поступали въ греческія и латинскія школы, и чтобы неучившихся въ этихъ школахъ не посвящали въ клирики. Типографіи раньше вмѣстѣ со школами были въ вѣдѣніи Патріарховъ, а теперь перешли въ вѣдѣніе Монастырскаго Приказа. Монастырскій Приказъ вѣдалъ и дѣла благотворительныя. Раньше при Патріархахъ были богадѣльни на попеченіи Патріарховъ на 400 человѣкъ. Патріархъ давалъ на нее опредѣленныя суммы въ казенный патріаршій приказъ, который и управлялъ богадѣльней. Теперь Монастырскій Приказъ выдавалъ содержаніе дряхлымъ, престарѣлымъ, больнымъ и долженъ былъ заботиться объ уничтоженіи бродячаго нищенства въ Москвѣ. Съ начала былъ

созданъ богадѣльный приказъ подъ вѣдѣніемъ Монастырскаго Приказа, но потомъ они перешли въ непосредственное вѣдѣніе Монастырскаго Приказа. Отставные военные чины поручены были Монастырскому Приказу. Петръ распоряжался самъ церковными средствами для государственныхъ цѣлей, и около 1715 г. велѣлъ вѣнечныя деньги использовать для устройства инвалидовъ. Размѣщеніемъ по монастырямъ вѣдалъ Монастырскій Приказъ, а Сенатъ 1919 г. установилъ, чтобы монастыри платили отставнымъ военнымъ чинамъ деньги въ размѣрѣ жалованья гарнизонныхъ чиновъ тѣхъ губерній, гдѣ расположенъ былъ соотвѣтствующій монастырь. Изъ этого примѣра видно, что весь монастырскій укладъ жизни пересталъ быть дѣломъ церковнымъ, а исключительно государственнымъ, хотя по существу дѣло это—дѣло чисто церковное, подлежащее вѣдѣнію Церкви, даже при классификаціи Шульте [въ числѣ чисто церковныхъ дѣлъ онъ помѣщаетъ слѣдующія: 1) Вѣроученіе и нравоученіе христіанское вмѣстѣ съ правомъ издавать вѣроучительныя книги, организація проповѣдничества и религіозное воспитаніе членовъ Церкви; 2) Богослуженіе и все, что относится до него; 3) Совершеніе и преподаніе Таинствъ; 4) Церковное устройство и управленіе, между прочимъ воспитаніе клира и принятіе въ составъ его, и все касающееся отправленія церковнаго служенія; 5) Церковнсе судопроизводство; 6) Дѣла по организаціи монашескихъ орденовъ; 7) Управленіе церковными имуществами].

Строй церковный у Петра I входитъ въ компетенцію государственной власти.

Но Петровская точка зрѣнія была иная: въ манифестѣ 25 января 1721 г. объ учрежденіи Духовной Коллегіи попеченіе о всемъ чинѣ духовномъ разсматривается, какъ право царской власти, въ соотвѣтствіи съ усвоенной цезарепапистской теоріей Θеофана. Это видно уже изъ самого манифеста: „Посмотря на духовный чинъ и видя въ немъ многія нестроенія и великую въ дѣлахъ его скудность, не суетный на совѣсти нашей возымѣли мы страхъ, да не явимся неблагодарны Вышнему, аще толикая отъ Него получивъ благопоспѣшительство во исправленіе какъ воинскаго, такъ и гражданскаго чина, пренебрежемъ исправленіе и чина духовнаго. И когда нелицемѣрный Онъ Судья вопроситъ отъ насъ отвѣта о толикомъ намъ отъ Него врученномъ приставленіи да не будемъ безотвѣтны. Того ради образомъ прежнихъ, какъ въ Ветхомъ, такъ и Новомъ Завѣтѣ благочестивыхъ Царей, воспріявъ попеченіе о исправленіи чина духовнаго и не видя лучшаго къ тому способа паче

соборнаго правительства, понеже въ единой персонѣ не безъ страсти бываетъ, къ томужъ не наслѣдственная власть, того ради вящще небрегутъ, уставляемъ Духовную Коллегію, т. е. духовное соборное правительство". Мы видѣли, что Монастырскій Приказъ былъ главнымъ орудіемъ Царя при церковной реформѣ; мы видѣли, что государственный интересъ заслонилъ собой интересъ церковный, не только его поставленіемъ на первый планъ, но и простымъ уничтоженіемъ второго, какъ самостоятельной сферы другого союза. Царь, какъ понтифексъ максимусъ, явился вершителемъ всѣхъ церковныхъ дѣлъ, вопреки канонамъ, своей собственной инициативой. Прикрываясь призрачной каноничностью онъ не далъ избрать другого Патріарха.

Для духовныхъ дѣлъ былъ назначенъ Митрополитъ Стефанъ Яворскій, но и его игнорировалъ Петръ, когда назначилъ въ 1712 г. въ Петербургское временное церковное управленіе, поставивъ администраторомъ церковныхъ дѣлъ Архимандрита Невскаго монастыря Θеодосія Яновскаго, ѣздившаго съ Государемъ и Государыней заграницу въ 1716-1718 г. Его Царевичъ Алексѣй звалъ лютеранскимъ апостоломъ въ Россіи. „Развѣ за то его батюшка любитъ, что онъ вноситъ въ народъ лютеранскій обычай и разрѣшаетъ на все", говорилъ царевичъ Алексѣй. Учитель Царевича считалъ его непочитающимъ иконы. Первые годы въ Синодѣ Θеодосій и Θеофанъ дѣйствовали совмѣстно въ одномъ направленіи съ Петромъ.

Осуществленіе Петромъ церковной власти обращаетъ нашъ взоръ къ временамъ Реформаціи, когда главари реформаторы учили, что право учительства Церкви принадлежитъ Государямъ, а также и право управленія ею черезъ Консисторіи. Территоріальная система на Западѣ, подчиняющая всѣ исповѣданія власти государства, опирающаяся на Гроція, Гоббса и Спинозу, была примѣнена въ своихъ крайнихъ выводахъ Томазіемъ, который уподобилъ принципіально право управленія Церковью другимъ правамъ государственнаго управленія, выводя ихъ изъ одного и того же существа государственной власти Начало этой системы было заложено еще у Capito, друга Лютера, учившаго, что Церковь должна управляться государями, соединяющими въ своемъ лицѣ и духовную и свѣтскую власть Протестантскіе Государи и присвоили себѣ сначала права Епископовъ по юрисдикціи, затѣмъ права учительства. Они отвергли стремленія иныхъ лютеранскихъ богослововъ устроить рядомъ съ Государями особую духовную власть, для того, чтобы самимъ стать духовными главами тоже сдѣлалъ и Петръ подъ вліяніемъ протестантовъ, съ которыми видѣлся заграницей, между прочимъ съ Англійскимъ королемъ, совѣтывавшимъ ему соединить въ своихъ рукахъ обѣ власти по

образцу протестантскихъ государей. Характерно, что его преемникъ, черезъ сто лѣтъ говоритъ Наполеону въ 1807 году въ Тильзитѣ: „Chez moi en Russie je suis à la fois Empereur et'Pape c'est bien plus commode". (Debidour. Histoire des rapports de l'eglise et de l'etat en France. p. 255).

Петръ не только восхищаетъ на себя церковную власть, но и осуществляетъ ее не въ церковномъ направленіи.

Вставъ на мѣсто Патріарха, Петръ могъ бы производить реформы въ церковномъ духѣ; это было тоже не канонично, но по крайней мѣрѣ, не было бы полнаго порабощенія Церкви въ ея нѣдрахъ духомъ чуждаго для нея міра. Мы знаемъ, что для Московской Руси верховнымъ идеаломъ, отражавшимся и на государственномъ строительствѣ, былъ духъ церковный, духъ аскетическій, но этотъ духъ нисколько не мѣшалъ государству разрѣшать свои собственныя задачи совершенно независимо и пріобрѣтать ту матеріальную цивилизацію, которая необходима для его существованія, и вести внѣшнюю политику въ соотвѣтствіи съ національными интересами. Петръ въ этомъ отношеніи въ государственнной политикѣ слѣдовалъ по пути, указанному государствеными людьми времени Царя Алексѣя Михайловича—Никономъ и Ордынъ-Нащокинымъ; но въ своемъ размахѣ онъ не остановился и на порогѣ Церкви. Онъ не только вторгся въ нее, но сталъ тамъ расправляться даже не въ духѣ самой Церкви, растворяя ее въ своихъ государственныхъ идеалахъ. Какой же духъ проникалъ его дѣятельность въ отношеніи къ Церкви?

Проведеніе государственнаго утилитарнаго принципа въ церковную сферу.

Въ немъ несомнѣнно сказалось протестантское ученіе объ оправданіи вѣрой, а задача государства для него состояла уже не въ пріобщеніи его къ высшимъ идеаламъ, а, напротивъ, въ подчиненіи всѣхъ другихъ государственному утилитаризму. Особенно это сказалось на отношеніи къ монашеству и въ мѣрахъ относительно внутренняго устроенія монастырей, взятаго государственной властью въ сферу своего воздѣйствія. Эта тема особенно затрагивала Петра, ибо въ монашествѣ сказывался старый аскетическій идеалъ, свѣтившій Московскому государству, который подлежалъ теперь искорененію, и онъ неоднократно къ нему возвращался. О монашествѣ говорилъ и Указъ 1701 года, и Особое Прибавленіе къ Духовному Регламенту, и Указъ о званіи монашескомъ 1724 г. Всѣ они были борьбой и литературной и законодательной со старымъ взглядомъ на монашество. Монастырь представлялся древне-русскому человѣку осуществленіемъ высшаго идеала на землѣ. „Свѣтъ икокамъ ангелы, свѣтъ мірянамъ иноки"—вотъ тезисъ Мос-

Борьба съ древне-рускимъ аскетическимъ идеаломъ.

ковской Руси. Монашество почиталось чуть ли не выше царской державы, и сами Цари стремились до смерти успѣть принять монашескій чинъ. Въ лицѣ своихъ подвижниковъ, аскетовъ, іерарховъ, оно было душой теократическаго строя, умственнаго движенія и нравственнаго воспитанія до Петра. Хотя монашество въ концѣ XVII вѣка имѣло много отрицательныхъ сторонъ, упоминаемыхъ его изслѣдователями (Проф. Знаменскій), однако идея его продолжала быть регулятивомъ житейскаго строительства, пока властной рукой Петръ не подточилъ критикой самую эту идею и черезъ литературные труды Ѳеофана, и черезъ свои законы.

О литературныхъ трудахъ Ѳеофана мы говорили. Скажемъ о законахъ. Прибавленіе къ Духовному Регламенту отъ мая 1722 г. опредѣляетъ, кого и какъ принимать въ монахи, до мечочей опредѣляетъ ихъ внутреннюю жизнь въ монастыряхъ. „Весьма монахамъ празднымъ быти да не попускаютъ настоятели, избирая всегда дѣло нѣкое, а добре бы въ монастыряхъ бы завести художества. Волочащихся монаховъ ловить и никому не укрывать. Монахамъ никакихъ по кельямъ писемъ, какъ выписокъ изъ книгъ, такъ и грамотокъ совѣтныхъ безъ собственнаго вѣдѣнія настоятеля никому не писать, чернилъ и бумаги не держать. Монахинямъ въ мірскихъ домахъ не жить, ниже по міру скитатися ни для какой потребы. Скитковъ пустынныхъ монахамъ строити не попускати, ибо сіе мнози дѣлаютъ свободнаго ради житія, чтобы отъ всякой власти и надсмотрѣнія удаленъ жити возмоглъ по своей волѣ и дабы на новоустрояемомъ скитѣ собирать деньги и тѣми корыстовался... И не въ примѣръ намъ древнихъ отецъ отшельничества; были тогда мужіе, добрѣ въ богословіи христіанстѣмъ обучени. Отшельничество человѣку невѣжественному опасно есть, и душепагубному бѣдствію подлежаще, къ тому же пустынямъ прямымъ быти въ Россіи холоднаго ради воздуха невозможно“. Но и это показалось Царю недостаточнымъ для искорененія „этого многому злу корня“.

Вліяніе протестантизма на взглядъ Петра на монашество.

Замѣчая, что протестантство обходится безъ чернаго духовенства, Петръ рѣшилъ покончить съ монашествомъ. 26 января 1723 г. его Указъ повелѣвалъ, дабы отнынѣ впредь никого не постригать, а на убылыя мѣста опредѣлять отставныхъ солдатъ. Но эту мѣру онъ не смогъ провести и издалъ Указъ 31 января 1724 г., озаглавленный „Объявленіе когда и какой ради вины начался чинъ монашескій и какой былъ образъ житія монаховъ древнихъ и какой нынѣшнихъ исправить хотя по нѣкоему древнимъ подобію надлежитъ“. **Чистовичъ** („Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время“ въ Сборникѣ статей, читанномъ въ отдѣленіи русскаго языка и словесности Импер. Академіи Наук“ т. IV), изслѣдовавшій это произведеніе, удо-

стовѣряетъ, что указъ составленъ Царемъ, а Ѳеофанъ сдѣлалъ выписки изъ отцовъ Церкви и цитаты изъ церковно-историческихъ сочиненій. „Объявленіе“ возстаетъ противъ древняго русскаго взгляда на монашество, какъ на дѣло, имѣющее значеніе личной заслуги передъ Богомъ и слѣдовательно, какъ на дѣло богоугодное и спасительное. Въ основѣ этой критики лежитъ протестантское ученіе объ оправданіи грѣшнаго человѣка ради единыхъ Христовыхъ заслугъ туне, т. е. даромъ, не вслѣдствіе заслугъ передъ Богомъ, а единственно вслѣдствіе безграничной милости Божіей. „Объявленіе“ и доказываетъ, что монашеское званіе не заслуга, не можетъ почитаться идеаломъ, и что истинное богоугодное дѣло заключается въ томъ, чтобы всякій человѣкъ строго исполнялъ обязанности своего чина“. Такое ученіе въ корнѣ противорѣчило Московско-Византійскому идеалу благочестія; оно служило основой для всѣхъ мѣръ Петра лишить монашество и духовенство прежняго исключительнаго положенія въ обществѣ. **Морозовъ** говоритъ, что отъ Петра сохранилось множество замѣтокъ къ устраненію монашества и въ одной изъ нихъ сказано: „Слѣдуетъ вытолковать, что всякаго исполненіе званія есть заслуга, а не одно монашество“. Ѳеофанъ въ „Книгѣ о блаженствахъ“ оспаривалъ мнѣніе, что вѣчную жизнь надо заслужить подвигами, достоинство которыхъ измѣряется ихъ трудностью, опасностью, лишеніями и страданіями.

Государство навязываетъ Церкви свое воззрѣніе на монашескій чинъ.

„Прибавленіе къ Духовному Регламенту“ относитъ къ предразсудкамъ старины, мнѣніе будто монашество есть лучшій путь ко спасенію, и что хоть передъ смертью н до принять постриженіе. Государство такимъ образомъ навязываетъ Церкви свою точку зрѣнія на чисто церковное установленіе и властно проводитъ ее черезъ посредство церковныхъ учрежденій. **Большаго отверженія Церкви, как самостоятельнаго учрежденія съ самостоятельными цѣлями и средствами трудно, кажется, себѣ представить. Вся вообще монашеская жизнь была регулирована государственнымъ закономъ.** Монастыри и монахи были переписаны въ силу царскихъ Указовъ, и монахи были закрѣплены за своими монастырями, какъ крестьяне. Разрѣшалось лишь одинъ разъ въ жизни перемѣнить монастырь. Среди этихъ мѣръ были и полезныя: напр. изгнаны изъ монастырей всѣ бѣльцы, жившіе въ монастыряхъ по родству съ монастырскими властями, прекращено бродяжничество, которое невыгодную тѣнь бросало на все монашество, усилена строгость въ монастыряхъ, но все же это не оправдывало съ церковной точки зрѣнія того, что государство со своими цѣлями встало на мѣсто Церкви въ чисто-церковномъ вопросѣ. Оно издало новыя правила и относительно управленія монасты-

рей. Духовный Регламентъ подтвердилъ старый обычай выбора настоятеля всей братіей, но въ то же время въ цѣляхъ правительственнаго контроля установилъ, что въ главныхъ монастыряхъ настоятелями могутъ быть только изъ Александро-Невскаго монастыря, ибо о другихъ „ничего неизвѣстно государю". Въ монастырское управленіе введенъ строй доселѣ неизвѣстный: нѣсколько монастырей съ игуменами подчиняются одному архимандриту въ видахъ правительственной градаціи; такія подчиненія раньше бывали, но вытекали изъ условій и требованій самой церковной жизни (вслѣдствіе происхожденія одного монастыря отъ другого или взятія однимъ другого ради защиты отъ своеволія вельможъ). Настоятель долженъ былъ при поступленіи давать присягу, что не будетъ держать ханжей и затворниковъ. Настоятелю разрѣшалось имѣть сношенія съ монастырскимъ духовникомъ для разузнаванія пороковъ среди братіи. Иногда впрочемъ мѣры Петра шли въ направленіи, указанномъ предыдущими Церковными Соборами 1667 и 1681 г. Эти Соборы принимали мѣры къ поддержанію монастырскаго общежитія, боролись съ институтомъ монаховъ собственниковъ, имѣвшихъ отдѣльныя келіи и жившихъ своимъ хозяйствомъ, или съ жительствомъ въ гостяхъ постороннихъ людей. Петръ въ духовномъ регламентѣ рѣшился прервать связь съ міромъ и не позволялъ монаху выходить изъ монастыря больше четырехъ разъ въ годъ, и то съ вѣдома настоятеля, запретилъ монахамъ управлять самимъ вотчинами, и только черезъ прикащиковъ. Петръ запретилъ и вклады въ монастыри отъ поступающихъ въ нихъ, чтобы не уничтожалось равенства между монахами. За нарушеніе этого настоятель терялъ должность. На ряду и съ этими мѣрами благоустройства внутренней монастырской жизни, на что компетентна только церковная власть, Петръ проводилъ свою свѣтскую точку зрѣнія и отвергалъ, главное дѣло монаховъ, которымъ они поднимаются надъ дольнымъ міромъ—молитву: „А что говорятъ молятся, то и всѣ молятся... Какая прибыль обществу отъ сего? Воистину токмо старая пословица: ни Богу, ни людямъ; понеже большая часть бѣгутъ отъ податей и отъ лѣности дабы даромъ хлѣбъ ѣсть". Онъ хотѣлъ извлечь изъ нихъ практическую пользу. „Объявленіе" 1724 г. начертало проэктъ устройства монастырей съ образовательной цѣлью, чтобы изъ среды обученныхъ вербовать священство и всякія начальства, но образовательное значеніе придано только Александро-Невскому монастырю. Рядъ мѣръ принялъ Петръ для извлеченія пользы изъ простыхъ монаховъ. Духовный регламентъ требовалъ завести по всѣмъ монастырямъ художества столярныя, иконописныя, а для монаховъ пряжу, шитье, плетеніе кру-

Проникновеніе утилитарныхъ стремленій Петра въ регламентацію имъ монастырской жизни.

жевъ. Въ 1722 г. въ женскія обители вызваны мастерицы для обученія пряденію. Надзоръ за обученіемъ возлагался на св. Синодъ. Петръ хотѣлъ сдѣлать монастыри мѣстами благотворительности и общественнаго призрѣнія. Это было и въ старину, но Петръ хотѣлъ сдѣлать изъ этого оффиціальную государственную обязанность и главное дѣло монастырей. Въ монастыри посылались подкидыши, сироты, преступники, сумасшедшіе, увѣчные солдаты, и монастыри превращались постепенно въ богадѣльни, лазареты и воспитательные дома. За всѣмъ должны были слѣдить іеромонахи, іеродіаконы и докладывать настоятелю. По „Объявленію" единственный богоугодный видъ житія для монаховъ почитался „еже служити прямымъ нищимъ престарѣлымъ и младенцамъ". При женскихъ монастыряхъ велѣно было устроить женскія богадѣльни и больницы и распредѣлить тамъ монахинь. Нѣсколько женскихъ монастырей отведено было для воспитанія младенцевъ. **Основная мысль Петра была – сдѣлать монаховъ полезными членами общества и полезными именно своей матеріальной службой, которая въ его глазахъ не могла быть замѣнена службой духовной.** Онъ занятъ былъ самъ преобразованіемъ матеріальныхъ силъ народа, смотрѣлъ на подданныхъ исключительно съ государственной точки зрѣнія, требовалъ чтобы рѣшательно никто отъ такой именно службы не уклонялся, и монашеское отреченіе отъ міра для него казалось тунеядствомъ. Такая узко матеріалистическая точка зрѣнія Петра простиралась и на духовенство. **Монастыри перестаютъ быть центромъ молитвы, подвига и связью съ міромъ, прибѣжищемъ для обездоленныхъ, а превращаются въ монастырскія богадѣльни, лазареты, теряютъ свой собственный смыслъ.** Вся крайность Петровскаго утилитарно-матеріалистическаго воззрѣнія сказалась въ этой реформѣ монастырей, потребовавшей отъ монаховъ матеріальнаго служенія обществу, при убѣжденіи въ безпомощности ихъ духовнаго служенія, и уронившей значеніе монастыря. Толчокъ, данный Петромъ законодательству о Церкви, продолжался до половины XVIII в., и результатъ его виденъ изъ доклада Синода въ 1740 г.: „много монастырей безъ монаховъ, церкви монастырскія безъ службъ; некого опредѣлять къ монастырскимъ службамъ ни въ настоятели, ни въ школы для дѣтей. „Монашество уменьшалось, и Синодъ опасался, чтобы оно вовсе не уничтожилось въ Россіи. Вотъ плоды протестантскаго вліянія и разрушенія той Святой Руси, которую строилъ Никонъ. Реформа выдвинула на мѣсто церковнаго авторитета самодовлѣющій государственный авторитетъ, которому, по мысли Петра, все должно быть принесено въ жертву; интересы религіозные удалены изъ жизни на второй планъ, и первое мѣсто отдано интересамъ политическимъ. Это новое движеніе имѣло

противъ себя и Кіевскихъ ученыхъ (Стефанъ Яворскій) и другихъ представителей православія (Св. Димитрія Ростовскаго и кн. Димитрія Кантемира и многихъ іерарховъ; Св. Димитрій, сочувственно относившійся къ другимъ реформамъ Петра, строго однако порицалъ стремленіе ограничить права и преимущества духовнаго сословія, занимавшаго первенствующее положеніе въ государствѣ), — и представителей раскола, и огромныя массы православнаго народа.

Церковь перестаетъ при Петрѣ быть опредѣляющей стихіей государственнаго строительства.

Это естественно, ибо церковная реформа Петра была уничтоженіемъ прежнихъ церковныхъ основъ русской жизни. Послѣ Петра Православіе перестало быть опредѣляющей стихіей государственнаго строительства въ Россіи; оно, продолжая существовать, опредѣляло жизнь массъ народа, процвѣтало въ монастыряхъ, скитахъ, давало святыхъ подвижниковъ, но оно уже не было той связывающей само государство стихіей, которое отметало бы вліяніе любыхъ философскихъ системъ, постепенно другъ друга смѣняющихъ. Многимъ не безъ причины казалось, что съ отмѣной патріаршества Церковь теряетъ свою независимость, и **потому протесты противъ Петровской церковной реформы, направленные противъ уничтоженія Церкви, какъ особаго самодовлѣющаго организма, выливались въ протестъ противъ отмѣны патріаршества**. Въ этой отмѣнѣ усматривали равно и уничтоженіе идеи воцерковленія государства, и постановку чисто свѣтскихъ задачъ государству; патріаршество по его положенію въ государствѣ символизировало теократическій строй жизни, и потому уничтоженіе его разсматривалось, какъ нечестіе, какъ доказательство Антихристова пришествія.

Сочиненіе раскольника о Петрѣ съ протестомъ противъ превращенія православнаго Цари въ главу Церкви.

Интересно въ этомъ отношеніи раскольничье сочиненіе: „Собраніе отъ Св. Писанія объ Антихристѣ“. „И той лжехристосъ нача превозноситися паче всѣхъ глаголимыхъ боговъ, сирѣчь помазанниковъ и нача величатися и славитися передъ всѣми, гоня и муча православныхъ христіанъ, истребляя отъ земли память ихъ, распространяя свою новую жидовскую вѣру и Церковь во всей Россіи; въ 1700 г. обнови по совершенномъ своея злобы совершеніи, новолѣтіе Янусовское и узаконивъ отъ онаго вести исчисленіе, **а въ 1721 г. пріяхъ на себя титлу патріаршую, именовася Отцомъ Отечества и главой Церкви Россійской и бысть самовластенъ, не имѣя никого въ равенствѣ себѣ, восхитивъ на себя неточію царскую власть, но и святительскую и Божію бысть самовластный пастырь, едина безглавная глава надъ всѣми, противникъ Христовъ, Антихристъ...** Якоже папа

въ Римѣ, тако и сей Лжехристосъ нача гонити и льстити и искоренити остатокъ въ Россіи православныя вѣры, и свои новые умыслы уставляя и новыя законопоположенія полагая, по духовному и по гражданскому расположенію, состави многіе регламенты и разосла многіе указы во всю Россію съ великимъ угрешеніемъ о непремѣнномъ исполненіи оныхъ, **и устави Сенатъ и Синодъ и самъ бысть надъ ними главою, судьей главнѣйшимъ; и тако нача той глаголемый Богъ паче мѣры возвышатися.** Той же Лжехристосъ сіе содѣла отъ гордости живущаго въ немъ духа, учини народное описаніе, исчисляя вся мужска пола и женска, старыхъ и младенцевъ, и живыхъ и мертвыхъ, возвышался надъ ними и изыскуя всѣхъ дабы ни единъ могъ сокрытися рукъ его и обладая ихъ даньми велiими не точію на живыхъ, но и на мертвыхъ таково тиранство учини — и съ мертвыхъ дани востребовавъ: сего и въ давнія времена бывшіе мучители не творили. И тако той Лжехристосъ, **восхитивъ на себя царскую и святительскую власть и вступи на высочайшую степень патріаршескую, яко свидѣтельствуетъ о томъ изданная имъ книга** „Духовный Регламентъ" листъ 3 въ 9 пунктахъ: како и для чего уничтожи патріаршество, дабы ему единому властвовати, не имѣя равна себѣ, но, **вмѣсто того устави Синодъ** или Синедріонъ, содержащую въ себѣ правленіе духовныхъ дѣлъ, имѣя въ себѣ 12 членовъ, 4 асессоровъ, 2 президентовъ, 2 вице-президентовъ, и приводя ихъ седьмоклятвенной присягой. дабы кромѣ его единаго, никакихъ дѣлъ не творити, но имѣли бы его единаго превысочайшимъ главой и судьей всей Церкви, и тако совершенъ соборъ учинилъ себѣ, воспріявъ по образу 12 апостоловъ Христовыхъ, и самъ единъ безглавная глава, превозносяйся надъ всѣми". (Ч. О. И. и Др. Р. 1863; отд. III стр. 53—60). Хотя этотъ голосъ исходилъ отъ раскольниковъ, но подъ нимъ смѣло подписался бы и Никонъ, одинаково съ ними державшійся культуры церковной и обвинявшій Алексѣя Михайловича въ восхищеніи на себя власти церковной и видѣвшій въ этомъ захватѣ знаменіе близости Антихристова пришествія. Означенное сужденіе, исходившее изъ толщъ народныхъ, показываетъ, **что превращеніе православнаго Царя въ главу Церкви не прошло безъ народнаго протеста, и чуткой народной совѣсти претилъ цезарепапизмъ**, какъ явленіе, порожденное не православіемъ, а языческой культурой до-христіанскаго Рима, и усугубленный протестантскимъ пониманіемъ объема свѣтской власти въ церковныхъ дѣлахъ. Сочиненія Өеофана, наталкивавшія на сомнѣнія въ мощахъ, въ святыхъ, въ иконахъ, и вызванныя этимъ духомъ мѣропріятія по свидѣтельствованію мощей, житій святыхъ, чудесъ, акаөистовъ, запрещеніе строить Церкви безъ разрѣшенія Синода, закрытіе часовенъ, запрещеніе ходить по домамъ съ

иконами — тяжело дѣйствовало на религiозныя чувства народа. Главными виновниками народъ почиталъ Ѳеофана и Ѳеодосiя этого „апостола лютеранства“, по выраженiю Царевича Алексѣя Петровича.

Протестъ народнаго чувства противъ попранiя аскетическаго идеала.

Недовольство усиливалось въ монашествѣ превращенiемъ монастырей въ богадѣльни, воспитательные дома и дома призрѣнiя для старыхъ и увѣчныхъ солдатъ. Народное чувство возставало не противъ благотворительнаго направленiя монастырей, **а противъ сознательнаго искаженiя самой ихъ идеи и попранiя аскетическаго идеала жизни.** Сторонники старины звали Регламентъ „Проклятой книгой“, какъ въ свое время называлъ Никонъ „Уложенiе“, впервые ставшее на путь государственной секуляризацiи. Но иные обличители не рѣшались обвинить самого Петра и увѣряли, что онъ былъ обманутъ еретиками Ѳеофаномъ и Ѳеодосiемъ. Послѣ смерти Петра партiя старины раскритиковала Духовный Регламентъ и писала, что „безбожный ересiархъ Ѳеофанъ, сдружившись съ ересiархомъ Ѳеодосiемъ Яновскимъ, начали явно всю Святую Церковь бороть и всѣ ея догматы и преданiя разрушать и превращать въ безбожное лютеранство и прочее еретичество вводить и вкоренять, и тогда весьма было отъ нихъ въ народѣ плачевное время. Учали быть вездѣ противу благочестiя безопасныя бесѣды, и кто каковое хотѣлъ на Церковь поношенiе говорилъ и всякое развратное и слабое житiе имѣти училъ смѣло; и такъ тогда поносима и возничтожаема Св. Церковь была, что всякое христiанское благочестивое дѣло единымъ словомъ и суевѣрiемъ называемо было; и кто въ нихъ еретикахъ былъ пуще пьяница и нахалъ, и сквернословъ, и шутъ, тотъ званъ и вмѣняемъ въ простосердечнаго и благочестиваго человѣка, и въ высочайшiя чести духовныя по ихъ еретическому предстательству возводимъ былъ; кто же хотя мало постникъ или воздержанъ и богомольный человѣкъ, тотъ у нихъ званъ былъ раскольникомъ и лицемѣромъ и ханжой и безбожнымъ, и весьма недобрымъ человѣкомъ“. Ѳеофанъ, пропитанный протестантскимъ рацiонализмомъ, относился къ народному пониманiю религiи съ глубочайшимъ презрѣнiемъ, и пристрастiе къ обряду почиталъ грубымъ ханжествомъ и преслѣдовалъ. Онъ въ корнѣ подрывалъ все то, что считалось основой русскаго благочестiя. Народъ видѣлъ, что преслѣдуются самые дорогiе предметы его религiознаго почитанiя, что обычай и вѣрованiя дѣдовъ провозглашаются „бабьими баснями“, „душепагубными дуростями“; недовольство народа выражалось въ разныхъ формахъ, то въ подметныхъ письмахъ, то въ появленiи разныхъ людей, критикующихъ церковную реформу Петра. Такъ Соловьевъ (XV, 137) сообщаетъ о появленiи въ

Москвѣ Нижегородскаго посадскаго Андрея Иванова, пришедшаго за 400 верстъ сообщить Царю, что онъ—еретикъ разрушаетъ христіанскую вѣру.

Всѣ внѣшнія формы религіи были дороги русскому человѣку, какъ видимое выраженіе православія; обрядъ тѣсно соединялся въ умѣ съ представленіемъ о вѣрѣ, и нарушеніе его почиталось грѣхомъ. А Петръ хотѣлъ репрессіями устранить, вѣками выработанный религіозный складъ жизни и естественно нажилъ враговъ. Представленіе же его о путяхъ спасенія уже исходило въ дѣйствительности изъ иного неправославнаго ученія, результатомъ чего было его отношеніе и къ монашеству; иныя были у него и каноническія понятія о правительственной власти въ Церкви, полученныя изъ протестантскаго ученія; отсюда его понятіе о возможности отмѣны патріаршества свѣтской властью. Народъ инстинктивно чувствовалъ, что все это не можетъ дѣлать Царь православный, тотъ Царь православный, о которомъ училъ и Никонъ.

Значеніе уничтоженія патріаршества съ канонической точки зрѣнія.

Уничтоженіе патріаршества лишало Церковь самостоятельнаго, канонами созданнаго, іерархическаго строя, возглавлявшагося іерархомъ высшаго сана, самыя отношенія котораго со всей іерархіей диктовались не государственными, а церковными различіями. Теперь же въ Синодъ вошли лица всѣхъ степеней іерархіи, долженствовавшіе по принципу церковному быть въ подчиненіи, а не въ начальствованіи; принципы устройства государственныхъ коллегій примѣнены къ Синоду, и его члены даже назывались тѣми же именами президентовъ, асессоровъ. Морозовъ сообщаетъ, что сначала въ Синодъ хотѣли ввести и протестантскихъ пасторовъ и сдѣлать его высшимъ административнымъ учрежденіемъ и для другихъ христіанскихъ Церквей (первое время ему и подлежали лютеранскія Церкви). Это было окончательнымъ уничтоженіемъ особности Церкви, высшій органъ которой получалъ бытіе отъ государства и становился однимъ изъ государственныхъ учрежденій. **Въ соотвѣтствіи съ этимъ исповѣдь и проповѣдь поставлены на службу государству.** Преступленія государственныя духовникъ открывалъ полиціи, а проповѣдь призвана была стать однимъ изъ политическихъ средствъ для государства.

Значеніе уничтоженія патріаршества съ культурной точки зрѣнія.

Уничтоженіе патріаршества было однимъ изъ проявленій угашенія аскетическаго идеала и всего монашескаго чина, къ которому принадлежалъ всякій Патріархъ. Духовный Регламентъ лишалъ духовенство первенствующаго положенія въ государствѣ и дѣлалъ Церковь уже не указательницей идеаловъ, которые призвано воспринимать и осу-

ществлять государство, а просто однимъ изъ учрежденій, департаментомъ полиціи нравовъ; въ видахъ этого Регламентъ высмѣивалъ духовенство и съ высокаго пьедестала учительнаго сословія вводилъ его въ среду житейской пошлости, гдѣ его представители выставлялись, какъ грубые невѣжды, ханжи, проповѣдующіе нелѣпости, тунеядцы, своекорыстные служители своихъ матеріальныхъ вожделѣній, готовые на бунтъ, убійства. Церковный авторитетъ теперь представлялся, какъ носитель косности, давящій мысль, и ему противопоставленъ болѣе сильный исключительный авторитетъ государственной власти, требующій безусловнаго подчиненія во имя ея просвѣщеннаго деспотизма. Сама Церковь становится орудіемъ на этомъ пути; она должна быть поставлена въ такое положеніе, чтобы дѣйствовать въ направленіи, удобномъ для цѣлей государственной власти. Раньше Церковь, какъ самостоятельное отъ государственной власти учрежденіе, могла и развиваться самостоятельно въ самой себѣ, параллельно государству и независимо отъ него; теперь она должна была дѣйствовать, какъ одно изъ государственныхъ учрежденій, наряду съ другими государственными учрежденіями по предписаніямъ верховной власти „подъ наблюденіемъ и руководствомъ изъ офицеровъ, человѣка добраго и смѣлаго“, какъ говоритъ Указъ о назначеніи оберъ-прокурова 11 мая 1722 года. Теперь и Церковь обращается уже не только съ увѣщаніемъ, исходя изъ нравственнаго убѣжденія, а какъ правительственное учрежденіе, издающее юридически обязательные акты, неисполненіе которыхъ карается силой государственнаго закона. Церковь уже—не сила нравственно воспитательная, а учрежденіе, въ которомъ физическое принужденіе возводится въ систему. Сама проповѣдь церковная изъ живого слова превращается въ сухую мораль, регламентированную правительствомъ до мелочей, до позы проповѣдника, и Церковь лишается положенія свободной воспитательницы народа, свободно отзывающейся на всѣ явленія жизни. Черезъ это и народъ уходилъ въ сторону отъ государственной Церкви, не помогающей самостоятельно ему разобраться въ явленіяхъ жизни, и искалъ другихъ учителей, или впадалъ въ религіозный индифферентизмъ. Духовенство перестало быть сословіемъ, стоящимъ во главѣ интеллигенціи, и превратилось въ замкнутое сословіе, въ которомъ научные и образовательные интересы занимали второстепенное значеніе. Все это было результатомъ того положенія, которое отводилъ Церкви Петръ, дѣлая ее государственнымъ учрежденіемъ, получающимъ директивы отъ свѣтскаго правительства и призваннымъ переживать вліяніе тѣхъ же идей, которыя раздѣляетъ въ данное время свѣтское правительство,

Отличіе положенія Церкви въ послѣ-Петровскій періодъ отъ періода до-Петровскаго.

вмѣсто того, чтобы служить вѣчно одинаково свѣтящимъ маякомъ истины, добра и красоты, какимъ ее дѣлалъ Никонъ.

Мысли о возстановленіи патріаршества послѣ смерти Петра и преслѣдованіе за нихъ.

Церковныя реформы Петра вообще, и уничтоженіе патріаршества въ особенности, какъ главная мѣра Петра по уничтоженію общественнаго значенія Церкви, вызвало противъ себя протестъ, не только въ народныхъ массахъ, но и въ литературѣ, и въ реальныхъ попыткахъ и мысляхъ о возстановленіи патріаршества немедленно вслѣдъ за смертью Петра. Самая его преждевременная смерть разсматривалась какъ кара Божія за присвоеніе церковной власти. „Вотъ де, говорилъ Архіепископъ Новгородскій **Θеодосій** въ Синодѣ, только коснулся духовныхъ дѣлъ и имѣній, Богъ его взялъ". Θеофанъ составилъ дѣло о бунтѣ изъ неосторожныхъ словъ Архіепископа Θеодосія и послѣдній былъ арестованъ 27 апрѣля 1717 года, осужденъ 11 сентября 1725 г. и умеръ въ 1726 г. Тверской арх. **Θеофилактъ** по обвиненію въ желаніи стать Патріархомъ тоже былъ заточенъ въ 1736 г., 31 декабря 1740 г. онъ снова принялъ знаки архіерейскаго сана и умеръ 6 мая 1741 г. За пропаганду идей о патріаршествѣ былъ заточенъ въ 1732 г. архимандритъ Маркеллъ Родышевскій, впослѣдствіи прощенный, умершій Епископомъ въ 1742 г. Среди противниковъ церковной реформы Петра былъ еще Ростовскій Епископъ **Георгій Дашковъ**, выдвигавшійся при Петрѣ II какъ кандидатъ въ Патріархи (въ это время у власти былъ князь Д. М. Голицынъ, почитатель памяти Стефана Яворскаго, поручавшій Θеофилакту писать возраженія на Буддея протестанта); онъ по смерти Петра въ 1726 г. Екатериной I былъ опредѣленъ 3-мъ архіереемъ въ Синодъ; Указомъ Императрицы Анны въ 1730 году 21-го іюля вмѣстѣ съ Θофилактомъ онъ былъ удаленъ изъ Синода и 19-го ноября того же года Указомъ Императрицы Анны онъ заточенъ и въ февралѣ 1731 года принялъ схиму. Онъ заточенъ былъ въ Спасокаменномъ монастырѣ на островѣ Кубенскаго озера, въ 1734 г. онъ былъ отправленъ въ Нерчинскій монастырь съ запретомъ принимать отъ него какое бы то ни было заявленіе. Поводъ къ этому былъ въ томъ, что ему покровительствовали враги Анны — Долгорукіе, вслѣдствіе чего заключали, что и ихъ другъ Дашковъ—врагъ. По этому поводу про время Императрицы Анны историкъ пишетъ то, что легко представить намъ послѣ совдепіи, но трудно историку, жившему въ концѣ 19 вѣка: „Даже издали, на разстояні $1^1/_2$ вѣковъ страшно представить то ужасное мрачное и тяжелое время съ его допросами и очными ставками, съ желѣзами и пытками. Человѣкъ не сдѣлалъ никакого преступленія, вдругъ его схватываютъ, заковываютъ въ кандалы и везутъ въ СПБ. Москву, неизвѣстно куда, за что. Когда то-

годъ—два назадъ онъ разговаривалъ съ какимъ-то подозрительнымъ человѣкомъ. О чемъ они разговаривали—вотъ изъ-за чего всѣ тревоги, ужасы, пытки. Безъ малѣйшей натяжки можно сказать про то время, что, ложась спать вечеромъ, нельзя было поручиться за себя, что не будешь къ утру въ цѣпяхъ и съ утра до ночи не попадешь въ крѣпость, хотя бы не зналъ за собой никакой вины". Вина всѣхъ этихъ духовныхъ лицъ была только въ желанiи возстановить каноническiй строй управленiя Русской Церковью, и неодобренiе церковной реформы Петра, не соотвѣтствовавшей воспитаннымъ на православiи народнымъ взглядамъ".

Но и при самой Аннѣ мысль о патрiаршествѣ не оставлялась и сторонники его прочили въ Патрiархи архимандрита **Варлаама,** духовника Императрицы. Мы не будемъ перечислять многихъ другихъ, пострадавшихъ въ низшихъ чинахъ, только скажемъ, что главныя преслѣдованiя относились ко времени Императрицы Анны, когда толчокъ, данный Петромъ въ церковной реформѣ, привелъ къ своему естественному результату, прямому гоненiю на православiе. Но послѣ смерти Өеофана въ 1736 г. первымъ членомъ Синода сдѣлался Вологодскiй Епископъ, **Амвросiй Юшкевичъ,** защитникъ патрiаршества и взглядовъ Маркелла Родышевскаго. Съ вступленiемъ на престолъ Елизаветы онъ привѣтствовалъ Россiю съ избавленiемъ отъ враговъ внутреннихъ и сокровенныхъ, истреблявшихъ православiе. Чистовичъ пишетъ: „Синодъ вспомнилъ о своихъ страдающихъ при Елизаветѣ; наступило точно воскресенiе изъ мертвыхъ. Сотни, тысячи людей безъ вѣсти пропавшихъ и считавшихся умершими ожили снова. Со всѣхъ отдаленныхъ мѣстъ Сибири, послѣ смерти Императрицы Анны потянулись освобожденные страдальцы на свою родину, или въ мѣста прежней службы — кто съ вырванными ноздрями, кто съ отрѣзаннымъ языкомъ, кто съ перетертыми отъ цѣпей ногами, кто съ изувѣченными отъ пытокъ руками и изломанной спиной". Церковные проповѣдники при Елизаветѣ приписывали это ненависти Бирона, Остермана, Миниха, Левенвольда и прочихъ нѣмцевъ лютеранъ къ русской вѣрѣ и русскому народу и старавшихся де истребить самый корень восточнаго благочестiя, и считали такъ потому, что больше всѣхъ терпѣли духовные—архiереи, священники и монахи. Архiепископъ **Кириллъ Флоринскiй**, ректоръ Московской Духовной Академiи говорилъ: „Доселѣ дремахомъ, а нынѣ увидѣхомъ, что Остерманъ и Минихъ съ своимъ сонмищемъ влѣзли въ Россiю, яко эмиссары дьявола, имъ же попустившу Богу, богатство, слава и честь желанiемъ приключишася: сiя бо имъ обѣтова сатана, да подъ видомъ министерствъ и вѣрнаго услуженiя государству Россiйскому, еже первѣйшее и дражайшее всего въ Россiи: правовѣрiе и благочестiе не точiю превратятъ, но и до корня истребятъ".

Вотъ что стало въ Россіи, когда начатая при Алексѣѣ Михайловичѣ государственная секуляризація привела къ гегеміи государства надъ Церковью, а сама власть въ государствѣ оказалась въ рукахъ подлинныхъ протестантовъ, оказавшихся не на второстепенныхъ постахъ, какъ при Петрѣ, а на дирижирующихъ должностяхъ, какъ при Императрицѣ Аннѣ. Заложенная при Петрѣ идеологія царской власти осталась на все время императорскаго періода; положеніе Церкви въ государствѣ фактически измѣнялось въ разныя царствованія, но всегда подъ вліяніемъ тѣхъ идей, которыя принимала сама свѣтская власть; оно не опредѣлялось уже всегда одинаковымъ ученіемъ Православной Церкви, указываемымъ въ теоріи симфоніи Никона и въ ученіи о православномъ Царѣ, которое устанавливалъ Никонъ, и которое, не отнимая ничего у Церкви, призывало государство пріобщаться къ духу Церкви и ея направленію, видя въ ней отдаленный, хотя никогда, можетъ, недостижимый идеалъ.

Литературная борьба за возстановленіе патріаршества и аскетическаго уклада жизни. Маркеллъ Родышевскій.

Изъ представителей литературной борьбы за возстановленіе каноническаго строя нельзя не отмѣтить архимандрита **Маркелла Родышевскаго**, который подвергъ критикѣ одинаково и Духовный Регламентъ, и Указъ о монашествѣ. Онъ старался выяснить, **что патріаршество есть не только древнѣйшая, но и единственно законная форма правленія** (понимая подъ патріаршествомъ возглавленіе Церкви однимъ изъ ея Епископовъ); здѣсь же онъ уяснялъ, въ связи съ патріаршествомъ, **самый принципъ** древне-русскаго монашества, то, что въ немъ было жизненнаго, **что привязывало къ нему народъ и давало ему значеніе одной изъ важнѣйшихъ формъ народной жизни.** Для него монашество есть совершеннѣйшее житіе христіанское и чинъ, соединенный съ присягой при постриженіи. Высшее совершенство его—то, что монахъ обѣщаетъ сохранить не только заповѣди Христовы, но и совѣты — нищеты, чистоты и послушанія ради Бога, Самъ Богъ умыслилъ черезъ Церковь Свою „этотъ чинъ святый и непорочный по Божественному Своему Слову и усмотрѣнію установилъ, паче же ради пользы великія всѣхъ православныхъ христіанъ“.

На вопросъ, когда начался монашесткій чинъ, Маркеллъ Родышевскій отвѣчаетъ, что „этотъ чинъ трегубый. Есть монахи, которые не имѣютъ постриженія монашескаго или одежды, но дѣла и нравы монашескіе исполняютъ. Таковыми были первые Апостолы, которые самовольну Христа ради нищету воспріяли, оставивши домы, села и отцовъ и чады и шедшіе по Господу. Таковъ былъ монахъ и начальникъ всѣхъ пустынножителей Св. Іоаннъ Креститель.

Второй чинъ, или монахи прямѣйшіе были, носившіе отличныя одежды отъ прочихъ христіанъ, описанные въ Чети-Минеяхъ и прологахъ со времени Пахомія Великаго, которому ангелъ во образѣ великаго чина современныхъ иноковъ далъ въ руки дщицу имущую написанныя угрозы иноческаго житія и началось нынѣшнее монашество въ великомъ ангельскомъ образѣ. ,,Такъ монастыри оказывались воспринявшими начало съ самыхъ первыхъ вѣковъ по Христѣ. Если Петръ и Ѳеофанъ возставали противъ монастырей въ городахъ, то Маркеллъ возражалъ, что это сдѣлано по многимъ причинамъ:“ во-первыхъ ради добродѣтельнаго ихъ житія, дабы образъ всѣмъ христіанамъ во градѣхъ живущихъ могли быти и въ подражаніе; во вторыхъ ради молитвъ ихъ сильныхъ у Бога, чтобы уврачевывали съ вѣрой и благоговѣніемъ къ нимъ приходящихъ; чтобы далеко не искать еже на архіерейство и на самое патріаршество возводити достойныхъ, но дабы предъ очима всегда были, яко же познать удобно изъ исторіи. Ради ихъ службы отъ сокровищъ царскихъ давалось имъ имущество, дабы они вмѣсто Царей и Патріарховъ и вмѣсто всего царства подавали всѣмъ потребная—вдовамъ, сиротамъ, страннымъ, больнымъ и всѣмъ во всѣхъ нуждахъ сущимъ. Это есть главнѣйшая и первая причина, коея ради начались быть вотчины при монастыряхъ и въ Греческомъ царствѣ и въ Россійскомъ. Давать священному чину всякому, монаху или клирику, есть повелѣніе еще въ Ветхомъ Завѣтѣ!!.. „Весьма безъ основанія и нетвердо разсужденіе написано“, продолжаетъ Маркеллъ, „будто чинъ монашескій есть отъ человѣка установленный. Показано выше, что монашество есть истинное христіанство совершенное, которое всякій законъ Христовъ и Совѣты Его исполняетъ всеусердно. Убо ли совершенные христіанскіе монахи древніе путь свой имѣли отъ человѣкъ установленный? **А правду сказать сіе слово на лютеранство много походило и едва ли не самое оно есть, взятое отъ трактата лютеранскаго о монашествѣ.** Благочестивѣйшіе православные Цари греческіе и по нихъ вси по всѣмъ странамъ и царствамъ по совѣту съ синклитомъ или Сенатомъ своимъ Христу Господу отъ всего любленія сердечнаго своего удѣляли часть и опредѣляли ю Богу своему Христу Господу во вся. Отъ такого то чина и образа и опредѣленія и въ насъ въ Россіи содѣлалося и принято отъ Греческаго царства съ вѣрой благочестивой тогда, когда увѣрила Св. Ольга, Св. Владиміръ и многіе Россійскіе Цари и иніи создатели монастырей и церквей; и оттолѣ завелся чинъ сей богоугодный и таковымъ, якоже и рѣхъ, образомъ и сей ради вины. **Обида монастырямъ есть поэтому обида чести Христовой и наслѣдію Его или во имя Его Пресвятой Богородицы и святого коего отданному. Надо лишь позаботиться чтобы монастырское**

имущество и церковное не шло на сторону помимо нуждъ церковныхъ и монашескихъ и на призрѣваемыхъ Церковью нищихъ и вдовыхъ. Если говорятъ о злоупотребленіяхъ и тунеядцахъ, то „какой же чинъ на свѣтѣ есть, который бы не имѣлъ въ себѣ добрыхъ и злыхъ. Воистину не безъ порока и Цари и Князья, Владыки, Епископы, вожди, воины и всѣ властелины и чины. **И сего ли ради изъ-а нѣкіихъ сицевыхъ еже есть злыхъ, и добрыхъ порочить надлежитъ**, и ради множайшихъ обрѣтающихся весьма непотребныхъ людей во всякомъ чинѣ, егда ли подобаетъ ухищрять чтобы таковой чинъ весь привесть или опровергнуть?" **Такъ возражалъ Маркеллъ, что идею учрежденія нельзя оспаривать указаніемъ на плохое его осуществленіе.** Онъ указываетъ далѣе, что не все въ чинѣ монашескомъ понято: „**вѣдь на немъ лежитъ молитва за всѣхъ, молитва повседневная независимая отъ желанія**, посѣщеніе всѣхъ службъ церковныхъ, сопровождаемое непревывными строгими послушаніями отъ начальства монастырскаго; если указывать, что всѣ молятся, то вѣдь не такъ часто и безъ понужденія; сіи же по вси дни и на все пѣніе церковное должны идти въ келіяхъ молитися и, хотя хотятъ, хотя не хотятъ, однако повиновеніе творятъ то, на что пришли. Поэтому то всегда были великія благотворенія духовному чину отъ мірянъ, и никто не выговаривалъ и не ропталъ, но въ простотѣ сердца подавалъ. Нынѣшніе же христіане, хотя самому Богу отдадутъ, то больше хлопотъ и выговоровъ будетъ нежели подаяній; лучше бы было прежде не давать, нежели отдавъ да еще Богу да послѣ выговаривать. Сіе же произошло наипаче отъ безсовѣстныхъ и зѣло дерзостныхъ сотворшися въ Европѣ лжехристіанъ и лжеучителей, паче же лютеранъ и кальвинистовъ и прочихъ, которые весьма сотворилися мудры о себѣ, а не о Бозѣ, начали и учить, и дерзостно отъ прежнихъ благочестивыхъ обладателей странъ и градовъ Богу отданныя имѣнія святотатственно себѣ похищать и смѣло употреблять, увидѣвъ, что Богъ ихъ за сіе того часа не мучитъ, оставляя въ будущую казнь и геену огненную; прежнихъ же суевѣрцами и весьма неразумными звать за то, что Богу отдавали въ монастыри имѣнія свои. Тое то безбожное дѣло и Богу противное, тое—глаголю губительство нечестивое и язва душѣ, а не тѣлесамъ вредящая, коснулась и нашихъ странъ и начала вредить крѣпко множайшихъ совѣсти, но и самыя кровью Христовою искупленныя души". Въ означенномъ сочиненіи **Маркеллъ отстаиваетъ древне русскій взглядъ на монастырь, какъ учрежденіе необходимое для всего общества, выполняющее за него обязанность молитвы** и своимъ имуществомъ восполняющее соціальную справедливость заботой о бѣдныхъ. Онъ отстаивалъ идеалы святой Руси, трабовавшей для

спасенія молитвы, дѣлъ и жертвеннаго подвига, **противъ наплыва матеріалистическихъ идей о ненужности** для **спасенія подвига и достаточности одной вѣры**. Маркеллъ не закрываетъ глазъ на недостатки современнаго монашества, но предлагаетъ, чтобы исправленіемъ занялась сама Высшая Духовная Власть, чтобы она выискивала всюду, даже черезъ опросъ окрестныхъ людей, и выдѣляла истинныхъ монаховъ, испытывала бы ихъ житіе только тѣхъ посвящала бы въ Архимандриты и Епископы, которые займутся улучшеніемъ монашества на мѣстахъ. Когда таковые лучшіе окажутся въ высшемъ духовномъ правленіи или таковымъ будетъ самъ главнѣйшій, поставленный надъ всѣми, то постепенно произойдетъ улучшеніе.

Сочиненіе Маркелла напоминаетъ намъ образъ Никона.

Невольно при этихъ **разсужденіяхъ Маркелла вспоминается образъ такого главнѣйшаго въ лицѣ Никона, всюду и всегда подававшаго примѣръ собой и своей строгой дисциплиной стремившагося поднять духовное сословіе.** Маркеллъ считался съ тѣмъ, что ученыхъ нѣтъ, но говорилъ, что, вѣдь, для архіерейства не такъ потребны люди ученые, какъ Богодухновенные и добродѣтельные, не столько словесами, сколько дѣломъ учащіе, указывалъ, что внѣшняя премудрость при отсутствіи духовной даже не полезна въ архіереѣ, ибо приведетъ его къ гордости и самопревозношенію. Мы привели нарочно въ подробностяхъ критику Родышевскаго на церковную реформу Петра, **ибо она пополняетъ изображеніе того идеала, который въ свое время отстаивалъ Никонъ.** Мы видѣли неутомимую дѣятельность Никона по устройству монастырей, видѣли, какъ онъ самъ служилъ аскетическому идеалу на дѣлѣ и озарялъ имъ все строительство жизни; онъ не писалъ объ этомъ, ибо тогда на эту его дѣятельность еще никто не нападалъ; дѣло еще не заходило такъ далеко; глазамъ его могла предноситься только картина помраченія церковнаго идеала, ибо Церковь уже начала испытывать давленіе враждебныхъ ей силъ: свѣтская власть вторгалась въ ея нѣдра, а черезъ то могла принести съ собой и чуждыя Церкви понятія и устремленія. Охрана Никономъ церковной самостоятельности въ ея высшихъ церковныхъ функціяхъ и самостоятельности въ управленіи церковными имуществами, могутъ быть надлежаще оцѣнены при разсмотрѣніи того разрушенія церковности, которое наступило и могло наступить только по отверженіи основныхъ началъ и устоевъ, которые исповѣдывалъ и защищалъ цѣной своей жизни Никонъ: именно самостоятельность Церкви, недопустимость для свѣтской власти вторгаться въ Церковь. Вѣдь предстоятель церковной власти, независимо отъ его личныхъ качествъ, всегда больше связанъ, и, главное, больше проникнутъ пониманіемъ церковныхъ принциповъ, чѣмъ

представитель власти свѣтской, могущій быть подъ вліяніемъ другихъ стихій; за послѣднимъ, кромѣ того, физическая сила и соблазнъ употребить ее въ дѣлѣ, для нея по существу неприкосновенномъ.

Цѣлесообразность Никоновскихъ идей въ свѣтѣ Петровскаго разрушенія Церкви.

Возможность явленія Петра, властно вмѣшавшагося со своей реформой въ Церковь, есть лучшее оправданіе цѣлесообразности, а не только каноничности Никоновскихъ принциповъ, и иллюстрація опасности допущенія во внутренніяя управленія Церкви свѣтской власти. Съ точки зрѣнія Никона дѣянія Петра по церковной реформѣ подлежали проклятію, ибо Никонъ не допустилъ бы, чтобы свѣтская власть по своей иниціативѣ могла вторгаться вп Церковь и односторонне разрѣшать церковныя дѣла, хотя бы и прибѣгая къ послѣдующему вынужденному одобренію церковной власти, какъ дѣлалъ это Петръ.

Взгляды на реформу Петра съ точки зрѣнія Никоновскихъ идей.

Никонъ не избѣгалъ совмѣстнаго управленія Церковью съ Царемъ, но онъ порицалъ одностороннія распоряженія свѣтской власти въ церковныхъ дѣлахъ, почиталъ недѣйствительнымъ соборъ 1660 г., назначеніе самостоятельнымъ Мѣстоблюстителемъ Патріаршаго Престола Митрополита Питирима безъ возношенія имени Патріарха Никона и всѣ дѣйствія Царя по управленію Церковью послѣ своего ухода, именно потому, что они могли исходить только отъ власти церковной, возглавляемой Патріархомъ, а не отъ власти свѣтской. Никонъ проклиналъ за это Митрополита Питирима и, если не проклиналъ Царя изъ уваженія къ его сану, то все же неоднократно писалъ объ этомъ Царю и въ концѣ концовъ, уходя изъ суда, сказалъ: „моя кровь и грѣхъ всѣхъ на твоей головѣ, Царь". Тотъ путь церковныхъ реформъ, которыми пошелъ Петръ, въ глазахъ Никона, былъ несчастьемъ не для одной Церкви, но и для государстра. Мы можемъ вспомнить, что въ своихъ разсужденіяхъ и письмахъ проявленіе непочитанія къ правамъ Церкви Никонъ почиталъ гибелью для царства, и онъ писалъ это еще тогда, когда захватъ Церкви не доходилъ еще со стороны Царя до такихъ размѣровъ, какъ при Петрѣ. Съ точки зрѣнія Никона такія реформы въ Церкви были со стороны Петра государственнымъ самоубійствомъ. Онъ считалъ необходимымъ, чтобы самодержецъ повиновался Богу и Его закону и оставлялъ Церковь свободно осуществлять свою духовную власть, свою юрисдикцію надъ духовными и монахами и управлять своей собственностью, посвященной Богу.

Пальмеръ о Петрѣ, какъ исполненіи Никоновскихъ проклятій.

Пальмеръ вспоминаетъ неоднократно о проклятіи, павшемъ невольно на Царя и его домъ отъ Никона, когда онъ читалъ псалмы за молебномъ въ Воскресенскомъ монастырѣ за насиліе надъ нимъ со стороны Боборыкина, и онъ усматриваетъ въ явленіи Петра, духовно убитаго сестрой Царевной Софьей, при невозможности для нея убить его въ буквальномъ смыслѣ, наказаніе для всего потомства Царя Алексѣя. Онъ его называетъ „нечестивымъ правителемъ и законодателемъ самоубійцей, названнымъ міромъ великимъ". „Его фаворитомъ съ конца 1689 года сталъ иностранецъ Лефортъ. Софья была въ монастырѣ, когда еще не кончилось самовоспитаніе Петра; онъ еще не началъ управлять лично, но Софія уже сдѣлала свое ужасное дѣло. Она создала для отцовскаго дома и для Россіи будущаго законодателя съ великой властью и великимъ невѣжествомъ, съ сильными страстями, неограниченными самодисциплиной, съ сильной волей и безъ всякаго закона, кромѣ своей собственной воли, который призванъ былъ стать разрушителемъ и истребителемъ и аристократіи, и стрѣльцовъ, остававшагося до него подобія канонической іерархіи, однимъ словомъ, всѣхъ древнихъ Московскихъ учрежденій, и самой династіи" (V, 954). Пальмеръ въ другомъ мѣстѣ констатируетъ, что для самаго Царя Алексѣя, согрѣшившаго противъ своей совѣсти передъ Никономъ, „было наказаніемъ ранняя смерть многообѣщавшаго Ѳеодора (IV, 449) и развитіе сына, родившагося съ величайшими природными дарованіями, подававшаго самыя блестящія упованія, въ дикаря, совершавшаго акты жестокости, беззаконія и нечестія"; „этотъ герой-**дикарь былъ исполнителемъ возмездія, какъ законодатель и разрушитель для бояръ, мужей совѣта и приказовъ и для всей наслѣдственной знати, повинной въ жадности, притѣсненіи, святотатствѣ, и для іерархіи, ставшей соучастницей или прислужиицей въ нечестіи, совершившемся надъ Никономъ**" (V, 1027). И онъ разсказываетъ, какъ самъ Петръ сознавался въ двухъ своихъ главныхъ недостаткахъ: отсутствіи самообладанія и настоящаго образованія. Онъ самъ въ раскаяніи говаривалъ, приходя въ себя отъ гнѣва: „я могу управлять другими, но не могу управлять собой". А Императрица Елизавета разъ сказала Петру III, тогда наслѣднику: „Я помню, какъ отецъ, увидѣвъ мевя съ сестрой за уроками, сказалъ со вздохомъ: ахъ, если бы меня въ молодости учили какъ слѣдуетъ" (V, 1028). Пальмеръ говоритъ, что слова Петра болѣе глубоки, чѣмъ могъ представить ихъ онъ самъ. Ибо онъ не предвидѣлъ, что лучшимъ преемникомъ завершенія его патріотическаго дѣла будетъ нѣмецкая принцесса, совершенно не связанная съ Россіей, которая совершивъ для блага страны убійство

послѣднаго изъ законныхъ потомковъ, какъ онъ убилъ своего законнаго сына, прославитъ его память внѣ дворца конной статуей среди новой столицы его творенія, а во дворцѣ устроитъ библіотеку со статуей атеиста Волтера".

Пальмеръ объ основномъ порокѣ русскаго государственнаго строя. Проникновеніе государственной идеи нѣмецкимъ духомъ и оторванность ея отъ идеи народной. Предсказаніе о гибели русской государственности.

Это положеніе, при которомъ русское правительство совершенно игнорировало обязательность для Царей считать себя въ своей дѣятельности связанными Церковью, къ которой принадлежатъ подданные, и шло за протестантизмомъ въ своемъ церковномъ законодательствѣ, даетъ право Пальмеру сказать (V, ap. 40): „Россія теперь—имперія, въ которой нѣмецкій елементъ съ его благороднымъ религіознымъ индифферентизмомъ есть голова, а гречечкая религія привязана къ этой чужой головѣ, какъ хвостъ привязанъ къ хребту собаки". **Нач ло этой оторванности отъ народа Пальмеръ усматриваетъ въ томъ страшномъ событіи, которое совершилось 12 декабря 1666 года — день низверженія Никона изъ сана.** Тогда въ маленькой церкви Чудова монастыря Никонъ сказалъ: „Вопрошаю Вы и о семъ, откуда вы сія законы взяли есте, яко тако дерзновенно творите? Аще бо азъ и повиненъ бы быхъ и осужденію достоинъ, чесо ради сіе тайно творите, яко же татіе, приведосте бы мя въ сію церковницу въ монастырѣ сущую, въ ней же не обрѣтается Царское Величество и весь его царскій синклитъ такожде и всенародное множество Россійскія земли? или азъ по благодати Св. Духа паству свою или пастырскій жезлъ въ сей церковицѣ воспріялъ? Но вѣру ми имате, яко сія церковица создася уже прежде сего отъ нашего смиренія, мы же избраніемъ Пресвятаго Духа, желаніемъ же и тщаніемъ и прилежаніемъ слезнымъ прошеніемъ и моленіемъ благочестивѣйшаго Царя и его страшныхъ и нестерпимыхъ клятвъ, засвидѣтельствованныхъ Самимъ Богомъ, воспріяхомъ патріаршество въ Святѣй Соборнѣй и Апостольской Церкви передъ всенароднымъ множествомъ, ни желаніемъ, ни тщаніемъ, ни сниканіемъ коего либо образа, и аще нынѣ **желаніе вамъ бысть еже не праведно насъ осудити и извреци, да идемъ во Святую Божію Церковь, въ ней же воспріяхомъ пастырскій жезлъ, и аще обрящуся достоинъ вашего намѣренія, то буди** вама яко же годнѣ, и еще хощете, то тамо и творите". Слышавъ же сіе рекоша, аще тамо, аще здѣсь все единаче совѣтомъ Богоматери Царя и всѣхъ Архіереевъ, собранныхъ дѣло совершается; а еже Царское Величество здѣсь не обрѣтается, то бысть по волѣ ему". (Шушеринъ, 126, 127). Пальмеръ и замѣчаетъ, что низверженіе Никона произошло безъ публичности и безъ народа. **Наступитъ**, прибавилъ онъ, **день**,

когда за это и народъ сдѣлаетъ нѣчто безъ Благочестивѣйшаго Царя и Архіереевъ; сѣющій вѣтеръ, пожинаетъ бурю (V,728 прим. 66). И Пальмеръ, подобно Крижаничу, восклицаетъ (IV, пред. CXIII): „Что ждетъ въ будущемъ Россію? Russia quo spectat?“ Завладѣетъ-ли ей нѣмецкій матеріализмъ и въ концѣ концовъ наступитъ даже апостасія отъ самаго имени христіанскаго? Должны ли два царства Russia и Prussia быть подобны другъ другу по своей природѣ, какъ и по своимъ именамъ, какъ Гогъ и Магогъ пророка Іезекіиля? **Или будетъ православная реакція? Если такъ, то возможна ли православная реакція? Хвостъ не можетъ руководить головой. Но теперь голова и спинной хребетъ у Россіи нѣмецкіе.** Греческая религія и Церковь привязаны къ нѣмецкому принципу гражданскаго верховенства, какъ хвостъ къ хребту собаки. Головѣ и спинному хребту принадлежитъ руководство, и хвостъ долженъ слѣдовать за ними. Отдѣльные индивиды, хотя бы они или ихъ отцы, согрѣшившіе столь глубоко, могутъ каяться, **но исторія не знаетъ примѣра націи, которая, разъ отступивъ добровольно отъ высшаго религіознаго положенія къ низшему, пришла бы въ себя отъ своего собственнаго внутренняго покаяннаго усилія... Но невозможное людямъ возможно Богу“.** Прогнозъ Пальмера исполнился: голова и спинной хребетъ увлекли хвостъ, Россія послѣдовала за нѣмецкимъ матеріализмомъ въ его худшей формѣ[1]), уже не за протестантизмомъ, а за экономическимъ матеріализмомъ. **Толчокъ, данный два вѣка тому назадъ привелъ къ потерѣ Россіей христіанскаго имени и вмѣсто Святой Руси царитъ Тріэсерія.** Совершилось то, чего, не предполагалъ и Пальмеръ. Но предсказаніе его ясны и являлись логическимъ заключеніемъ того міросозерцанія, которое говоритъ о возмездіи свыше за грѣхъ, и за личный, и за общественный, тѣмъ болѣе за грѣхъ нераскаянный, о которомъ всегда говорилъ Никонъ. Пальмеръ писалъ въ своей статьѣ „Судьба славянскаго царства“: „Казалось, Ѳеодоръ былъ поставленъ на тронъ, чтобы довершить прекраснымъ и трогательнымъ поступкомъ (возстановлеміе въ патріаршествѣ и реабилитація Никона со стороны восточныхъ Патріарховъ, признаніе Царя Алексѣя, и былъ приставленъ, чтобы дать путь принявшимъ наказаніе. Кончился эпизодъ исторіи, поскольку онъ былъ дѣломъ между извѣстными личностями, но его политическія и церковныя послѣдствія долго видны намъ, и еще не болѣе, какъ въ своемъ началѣ. Мы не достигли ихъ и теперь, спустя два вѣка. **Паденіе Никона—та точка, тотъ переломъ, около которыхъ должно было обращаться дальнѣйшее религіозное и политическое развитіе многихъ**

Пальмеръ о значеніи паденія Никона для руской исторіи.

[1]) Нѣмецкій жидъ Марксъ далъ характерную для еврейства идеологію, какъ мессія царства земного рая.

поколѣній. Какія же послѣдствія должны быть приписаны паденію Никона? Надо отвѣтить вопросомъ: каковы были бы послѣдствія, если бы Царь поддержалъ твердо Никона и далъ бы ему восторжествовать надъ врагами? Онѣ были бы слѣдующія: власть по управленію государствомъ и Церковью были бы упрочены въ рукахъ го друзей ему подобныхъ; была б ыразрушена сила дурныхъ людей, Алексѣй на одрѣ смерти на страшился бы оставить Өеодора и свое семейство отъ второго брака на попеченіе Никона съ устроеннымъ правленіемъ, гдѣ бояринъ Матвѣевъ занялъ бы почетное мѣсто. Послѣ смерти Никона и Өеодорово правленіе было бы внѣ опасности. Матвѣевъ не былъ бы въ ссылкѣ когда все зависѣло отъ его присутствія. Софія не могла бы обратить грѣхъ своего отца на дѣтей его своимъ честолюбіемъ. Она не могла бы лишить Петра надлежащаго воспитанія. Петръ не былъ бы самоучкой или былъ бы воспитанъ не Лефортомъ (иностранцемъ, искателемъ приключеній), а друзьями Никона и Матвѣева. Пришедши въ силу, должнымъ образомъ подготовленный, онъ не нашелъ бы и враждебной просвѣщенію іерархіи, которая уже сдѣлалась орудіемъ бояръ; не нашелъ бы дворянства, неспособнаго ни оцѣнить великое и полезное въ его планахъ, ни удержать его силой законнаго вліянія отъ дѣлъ ненародныхъ и преждевременныхъ, не нашелъ бы людей, которые. поправъ Церковь своини ногами, заслуживали сами быть попранными въ свою очередь ногами другихъ и потерять тотъ политическій вѣсъ, какой имѣли прежде и т. д. Судьбы Россіи были бы иными. Но Никонъ палъ и его паденіе повлекло за собой заслуженное наказаніе и духовенства, и дворянства, и придержащихъ властей, наказаніе, которое не могло быть отвращено, пока грѣхъ, причинившій его, не былъ бы достаточно исповѣданъ и пока не была бы воздана справедливость тѣмъ правамъ Церкви, которыя представлялъ Никонъ. Ибо это была не личная только борьба двухъ противоположныхъ началъ, встрѣтившихся между собой около личности человѣка, который по своему положенію и характеру становился представителемъ и олицетвореніемъ одного изъ нихъ".

Обязанность Россіи въ отношеніи къ Никону.

Если бы, добавимъ мы, у Никона не отняли возможность дѣлать его дѣло, то духовенство было бы инымъ, и просвѣщенію въ государствѣ и Церкви было бы дано подобающее мѣсто, но все направленіе культуры оставалось бы строго православнымъ, и голова страны, правительство не было бы освобождено отъ церковно православной культуры и не было протестантизировано, и Петръ, воспитанный въ православномъ духѣ, совершая великія государственныя преобразованія, предуказанныя въ значительной степени и во внутренней, и во внѣшней поли-

тикѣ дѣятелями отцовского царствованія въ водѣ Ордынъ-Нащокина, не совершалъ бы своей церковной реформы, которая отняла у Церкви подобающее ей общественное значеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и то вліяніе, которое она призвана осуществлять. Тогда, быть можетъ, при наличіи свободной Церкви, свободно осуществляющей свое призваніе, ея воздѣйствіе на общество и въ XX вѣкѣ было бы сильнѣй, и Россія не имѣла бы такой оторваннвсти ея мозга—интеллигенціи отъ Церкви, которая привела ее подъ власть экономическаго матеріализма и соціализма. **Теперь въ этой гибели Россіи надо винить и тѣхъ, кто обезсилилъ Русскую Церковь.** Но возмездіе совершено, остается вспомнить завѣтъ Никона—причиной несчастій считать грѣхъ и, найдя его, искупить его, какъ въ отношеніи воздания должнаго тому, кто предостерегалъ противъ него, такъ и въ отношеніи прекращенія самаго грѣха. Въ томъ и другомъ отношеніи сдѣдана пока только часть должнаго. Память Никона возстановлена грамотой восточныхъ Патріарховъ 1682 года, данной по просьбѣ Царя Ѳеодора, но этого возстановленія недостаточно, ибо Никонъ пострадалъ за правду и за Церковь, и какъ отмѣченный чудесами Божьими, творимыми при обращеніи къ Богу черезъ посредство, онъ долженъ быть канонизованъ. Чудеса, посылаемыя черезъ его посредство. лучшее опреверженіе клеветъ, возведенныхъ на него при жизни. Ихъ было возведено особенно много со стороны раскольниковъ, и опроверженіе ихъ составило отдѣльный трудъ проф. Субботина, напечатанный въ „Прибавленіи къ твореніямъ Св. Отцовъ", издававшемся Московской Духовной Академіей. Клеветы эти касались многихъ качествъ Патріарха Никона. Что касается клеветъ относительно его дѣятельности, то онѣ опровергаются при подробномъ разсмотрѣніи ученія Никона и его дѣятельности. Нельзя не присоединиться къ **Пальмеру,** который пишетъ: „Чѣмъ больше мы смотримъ на Никона, **тѣмъ меньше основаній мы находимъ его винить въ тѣхъ недостаткахъ, которые вмѣняли ему его враги. Въ немъ не было ничего похожаго на незнаніе различія и надлежащихъ границъ между государственной и духовной властью, ни какой либо наклонности къ свѣтскому или духовному высокомѣрію или честолюбію;** чего онъ искалъ себѣ лично? Это—строгіе подвиги покаянія и самоумерщвленія за грѣхи свои и своего народа, суровая пища, камень вмѣсто ложа и возглавія и тяжелыя вериги. Тѣмъ же духомъ проникнуты и духовныя и другія лица, лично къ нему привязанныя, въ сравненіи съ которыми его враги изъ бояръ и духовенства — рѣзкія противоположности. Многія дѣти Царя Алексѣя—крестники Никона".

Необходимость уничтоженія грѣха, совершеннаго по отношенію къ Никону.

О добродѣтеляхъ Никона и нечестія его враговъ повѣдала Царевна Татьяна Михайловна племяннику своему и крестнику Никона, Царю Ѳеодору, а также объ его страданіяхъ и побудила его посмотрѣть и удостовѣриться лично въ трудахъ Никона въ Воскресенскомъ монастырѣ, чтобы понять всю несправедливость обвиненій на Никона. Правда, грамота Восточныхъ Патріарховъ признала въ Никонѣ оберегателя и хранителя вѣры и каноновъ, какъ бы признавала его передъ канонами неповиннымъ, но она говорила, что Никонъ искупилъ свои грѣхи смиреннымъ несеніемъ наказаній, и такимъ образомъ реабилитировала его въ порядкѣ милосердія, а не въ порядкѣ признанія его правоты и признанія нечестивости суда надъ нимъ. Такой реабилитаціи недостаточно. Вспомнимъ еще, что Никонъ далъ прощеніе Царю только личное, какъ человѣку; это прощеніе было несовершенное, а совершеннаго прощенія Никонъ не далъ Царю, ибо онъ могъ дать только подъ епитрахилью церковнымъ способомъ, какъ онъ самъ написалъ ему. **Для этого надо было уничтожить совершенное надъ Никономъ нечестіе, чего Провидѣніе не дало Царю Алексѣю.** И послѣ смерти Царя Алексѣя Михайловича Никонъ вновь отказалъ въ письменномъ прощеніи и еще разъ далъ понять, что для него невозможно простить грѣха общественнаго, отпустить Царю вину эту и отвратить послѣдствія его; „мы будемъ судиться на страшномъ судѣ Божіемъ“ сказалъ онъ. Для полнаго снятія съ себя вины царской власти необходимо не только возстановить его въ Патріархахъ, что сдѣлалъ Царь Ѳеодоръ публично, но и откровенно признать вину ея представителя Алексѣя Михайловича передъ покойнымъ Патріархомъ **такъ, какъ въ свое время призналъ Царь Алексѣй Михайловичъ вину за Царя Грознаго передъ гробомъ Св. Филиппа устами Патріарха Никона.** Такъ обстоитъ дѣло въ отношеніи опредѣленія отношенія къ Никону самому; что же касается уничтоженія самаго грѣха, то въ этомъ отношеніи сдѣлана также только часть: **возстановлено Соборомъ Русской Помѣстной Церкви патріаршество, неканонически отмѣненное Петромъ I, но въ смыслѣ измѣненія** отношенія къ Церкви со стороны самого государства еще ничего не сдѣлано;

О возстановленіи православнаго царства. Отправной пунктъ для построенія церковно-государственныхъ отношеній. Постановленіе Собора 1667 г. о власти Царя и Патріарха.

при возстановленіи царства, надо озаботиться, чтобы возстановлено было царство православное съ признаніемъ границъ власти для православнаго Царя, съ признаніемъ свободы Церкви, какъ ее требовалъ Никонъ, и по завѣту Никона, воплощавшаго въ своемъ ученіи лучшіе завѣты лучшихъ

временъ Византіи; передъ государствомъ **должна быть поставлена, какъ вѣчный идеалъ, задача его оцерковленія**. Это прежде всего отразится на томъ положеніи, которое займетъ Патріархъ въ государственномъ строѣ обновленной Россіи. Это должно быть возстановленіемъ „Святой Руси“, забытой среди великихъ государственныхъ преобразованій Строителемъ Новой Россіи Петромъ, въ свою очередь нынѣ поверженной въ прахъ. Тогда вмѣстѣ съ строительствомъ Россіи будетъ проявлена и забота о томъ, чтобы снова поэту не пришлось повторять сказаннаго о дѣлахъ Петра: „И на дѣлахъ его великихъ
Печать проклятія легла“.

Правительство въ государственномъ строительствѣ не можетъ игнорировать основной стихіи народа, его создавшей и наложившей неизгладимый отпечатокъ на всю его культуру. Основнымъ пунктомъ для отправленія можетъ послужить принципіальное признаніе двухъ самостоятельныхъ властей духовной и свѣтской на Соборѣ 1667 года, послѣднемъ Соборѣ, разсматривавшемъ отношенія этихъ властей и являющемся свободнымъ голосомъ Русской Церкви.

Патріаршіе отвѣты, привезенные съ Востока іеродіакономъ Мелетіемъ о власти царской и патріаршей, хотя и говорили, что Царь единый законодатель въ дѣлахъ гражданскихъ, однако говорили это вскользь, а вообще говорили, что Патріархъ долженъ быть послушнымъ Царю, какъ поставленному на высочайшемъ достоинствѣ. Русскіе іерархи принимали теорію Никона о духовномъ превосходствѣ священства и объ юридическомъ равенствѣ и параллелизмѣ властей царской и церковной, но до осужденія Никона они не возбуждали этого вопроса, ибо не хотѣли упустить чего либо для его осужденія, желая отъ него избавиться. Когда же онъ былъ осужденъ, Митрополитъ Павелъ Крутицкій и Митрополитъ Илларіонъ Рязанскій добились пересмотра принципіальнаго рѣшенія вопроса о соотношеніи власти царской и патріаршей, ибо испугались, что патріаршіе отвѣты отдадутъ архіереевъ въ полное распоряженіе царской власти, и такимъ образомъ „Царь не столь благочестивый, какъ Алексѣй Михайловичъ, можетъ оказаться опаснымъ для Церкви“; было этому посвяшено нѣсколько засѣданій, и Патріархи вынуждены были написать объяснительную записку, въ которой дали другое толкованіе второй главѣ патріаршихъ отвѣтовъ, которое и легло въ основаніе соборнаго рѣшенія, согласованнаго съ прочитанными на соборѣ отрывками, относящимися къ данному вопросу изъ сочиненій Златоуста 2-го Слова и 6-го Слова о священствѣ, Епископа Кипрскаго Епифанія, Григорія Богослова, Василія Великаго, изъ посланій Папы Григорія Двоеслова къ Императору Льву, изъ первой Книги Царствъ, второй книги Ездры. Несмотря на то, что Лигаридъ искусилъ все свое краснорѣ-

чіе въ доказатъльствахъ превосходства царской власти съ ссылкой на языческихъ писателей Виргилія и Гомера, и на то, что Царь не только у Римлянъ, но и у Египтянъ совмѣщалъ съ царской властью власть священства, несмотря на то, что онъ затемнялъ принципіальный вопросъ указаніемъ на то, что все дѣло въ качествѣ личныхъ носителей царскаго и патріаршаго сана. Соборъ пришелъ къ единодушному постановленію: „Да будетъ признано заключеніе. что Царь имѣетъ преимущество въ дѣлахъ гражданскихъ, а Патріархъ въ дѣлахъ церковныхъ, дабы такимъ образомъ сохранилась цѣлою и непоколебимою стройность церковнаго учрежденія". **Это было принципіальное торжество Никоновской идеи, равно какъ постановленія Собора о закрытіи Монастырскаго приказа и объ обратной передачѣ Церкви суда по гражданскимъ дѣламъ духовенства (послѣднее оставалось въ силѣ до 1700 года).** Лишь церковная реформа Петра нанесла ударъ принципу. установленному Соборомъ 1667 года, принципомъ государственнаго территоріализма, который представляетъ изъ себя обратную сторону католической іерархической системы среднихъ вѣковъ, съ полнымъ захватомъ государствомъ церковныхъ функцій. Система эта не выросла изъ русскихъ условій и явилась формой западнаго протеста противъ папской системы: она чужда православію.

Сопоставленіе 2-ой главы паріаршихъ свитковъ съ объяснительной запиской Патріарховъ объ этой главѣ.

Интересно сопоставить рѣшеніе вопроса о власти царской и патріаршей во 2-ой главѣ патріаршихъ свитковъ и въ объяснительной запискѣ патріарховъ, чтобы почувствовать перемѣну въ этихъ двухъ рѣшеніяхъ, изъ которыхъ одно составлялось въ угоду царское власти Патріархами подъ руководствомъ Лигарида и Мелетія, а другое было вынуждено прочтеніемъ отрывковъ изъ святоотеческихъ сочиненій.

Вторая глава гласила: „Подобаетъ ли всѣмъ, наипаче мѣстодержащу Епископу или Патріарше, подчиненну быти и повиноватися Царю, — царскую власть держащему и ее употребляющему, во всякихъ гражданскихъ вещахъ и преніяхъ, тако во еже бы единому быти Господу и начальнику или ни? **Отвѣтъ: Яко же Богъ есть на небеси повсемѣственнѣ то на земли суть по Бозѣ тіи, иже держащіи царскую власть и престолъ;** и яко же иже несохранивый вѣры Божественныя отъ общества вѣрныхъ изгнансвуя отвергается подобнѣ иже вѣры къ царскому достоинству сотворенныя не сохранивше, лестію же и отай дѣщіе недостойни, намъ мнятся еже христіанское имя на себѣ къ тому содержатся, занеже бо помазанникъ Господень именуется и есть, иже царскимъ вѣнцомъ увѣнчанъ бяше". Затѣмъ приводится исповѣданіе греческихъ Патріарховъ передъ

Императоромъ; „Исповѣдую симъ писаніемъ моимъ, еже сохранити ми къ тебѣ, крѣпчайшему Царю и повелителю чистую вѣру и благохотѣніе, якоже долженствую, то отъ естественаго нѣкоего мановенія и отъ правильнаго долга такъ, **во еже би ми быти подъ повелительствомъ и заповѣдью и подъ маніемъ царскаго твоего достоинства** и противу всякому человѣку противлящемуся сему моему крестному цѣлованію. И по малѣхъ: сіе же крѣпкое цѣлованіе неточіе къ Царю, но и къ Царицѣ и къ ея сынамъ царевичамъ принадлежитъ.. И по малыкъ: еже быти ми подъ изволеніемъ и прописаніемъ твоея царскія свѣтлости и **еже дѣлати ми по благоизволенію твоихъ царскихъ тако писаніемъ преданныхъ, якоже и кромѣ писаній изъявленныхъ...** Аще же откуду явится твое сомнѣніе, **обѣщаю мя подлагати подъ судъ и его достойныхъ казни по предложенію и повелѣнію** твоего царскаго престола“. Приводя эти выдержки изъ 64 гл. Номоканона Патріархи дѣлаютъ резюме: изъ нихъ же собирается: „Царя убо быти совершенно Господа и единаго быти законодавца всѣхъ гражданскихъ, Патріарха же быти послушлива Царю, яко поставленному на высочайшемъ достоинствѣ и отмстителю Божью, ниже коимъ либо обычаемъ господствовоти еже хотѣти имъ дѣяти въ вещахъ гражданскихъ, еже есть противъ и пакостно царскому непщеванію... Творяще (Патріарху) противнѣ церковнымъ уставамъ или **противнѣ Царю** неразсуднѣ и безумнѣ дѣюща и съ престола своего весьма быти извержительна и удалительна“. На 5 вопросъ отвѣтъ говоритъ: никто не имѣетъ толику свободу, да возможетъ провивиться царскому велѣнію, законъ бо есть. Того ради, аще кто ихъ **духовный предстатель, аще и Патріархомъ его наречеши или иною степени мужъ, сицевому повелѣнію** (словесному) **или епистоліи сопротивенъ бы ся да страждетъ казнь, яко безправильное нѣчто сотворившій**“. Нетрудно видѣть, что отвѣты эти довольно двусмысленны, ибо, хотя говорится о гражданской сферѣ, гдѣ Царь признается господиномъ, и одновременно Царь сравнивается съ Богомъ, ничего не говорится о дѣлахъ церковныхъ. а въ концѣ концовъ какъ будто всякое противленіе Патріарха Царю, въ какихъ бы то ни было дѣлахъ признается казни достойнымъ. Напротивъ объяснительная записка Патріарховъ выдѣляетъ опредѣленно догматы и каноны и раздѣляетъ сферы духовную и свѣтскую и ставитъ обязанностью Патріарха противиться Царю, если онъ будетъ еретичествовать и нарушать каноны.

Въ докладѣ по Гюббенету значилось во второй главѣ между прочимъ: „отъ сихъ познавается, единаго Царя Государя быти владычествующа всея вещи благоугодныя, Патріарха же послушлива ему быти, яко сущему въ вящщемъ достоинствѣ и мѣстному Божію“. Патріарщій свитокъ гово-

рилъ: „законодавца всѣхъ дѣлъ гражданскихъ", а Лигаридъ написалъ въ переводѣ: „владычествующа всея вещи благоугодныя". Такое искаженіе уже совершенно не оставляло мѣста для самостоятельной сферы Патріарха даже и въ томъ нарочно затемненномъ видѣ, въ которомъ оно было въ патріаршихъ свиткахъ. Русскіе архіереи поняли, что патріаршая власть несправедливо унижена, что, если Царь есть верховный владыка во всякой вещи благоугодной, а Патріархъ долженъ быть ему послушенъ, то послѣдній долженъ подчиняться Царю и во всѣхъ вещахъ т. е. и въ дѣлахъ духовныхъ и церковныхъ, черезъ что у Русской Церкви отнимается всякая самостоятельностъ, и Церковь совершенно порабощается государству; поэтому два Архіерея отказались подписать низложеніе Никона, пока не будетъ исправлено въ патріаршемъ спискѣ неправильное ученіе о патріаршей и царской власти. Поэтому и было назначено нѣсколько засѣданій въ январѣ 1667 г. по этому вопросу. Послѣ второго засѣданія ночью 15 января Митрополиты Павелъ и Илларіонъ мотивировали свое недовольство свиткомъ, указавъ, что „зло съ теченіемъ времени можетъ увеличиться и возрасти, особенно если будетъ утверждено за постоянное правило, что Государство выше Церкви". Они дѣйствительно и добились разъясненія Патріарховъ въ особой запискѣ, уже иначе опредѣлившей разграниченіе властей. Записка эта говоритъ: „Во второй убо главѣ патріаршихъ свитковъ обрѣтается: яко Патріархъ да покорится Царю во всѣхъ градскихъ дѣлахъ и является о семъ, яко умаляется патріпатріаршій санъ, обаче сораздѣленіемъ имать разумѣтися писано въ сей главѣ. **Зане яко ина убо суть церковныя догматская и правильная, ина же суть градская внѣшняя и правная къ доброму правленію и исправѣ царствію.** Ибо во внѣшняя правная градская лѣпотствуетъ яко Патріархъ да не противится отнюдь Царю, но да едино гласити и да едино мыслитъ, яко быти миръ и тихость въ царствіи и да не сѣются зизаніи и соблазны, и будетъ двуначаліе, яко бы иное хощетъ Царь и ино Патріархъ; якоже видится и въ хронографахъ, иже повѣствуютъ, яко многажду нѣкіе Патріархи возмущаху царства и соблазняху. И сего ради ко строенію и ко цѣломудрію или ихъ обузданію вопросиша державніи Цари, и наипаче Царь Киръ Мануилъ Комненъ, иже и царствова лѣтъ 37 да и сотворитъ на письмѣ исповѣданіе къ Царю ради вящщаго увѣренія и крѣпчайша въ будущія лѣта, еже сотвори киръ Михаилъ Керулларій Императору Константину. **Къ церковнымъ же догматскимъ и правильнымъ не имать отнюдь покоритися Царю Патріархъ зане есть законъ одушевленъ и живый гласъ правилъ; сице читаемъ, яко и Божественный Златоустъ обличи царицу Евдокію о вдовицынѣ виноградѣ, Гермогенъ Патріархъ иконоборца**

Ѳеофила ради св. иконъ и иніи многи всесвятѣйшіе и премудрѣйшіе мужи обличаху съ дерзновеніемъ вельможныхъ и князей, наипаче медоточивый Амвросій преславнаго Ѳеодосія... пророку и Царю Давиду глаголюще: и глаголахъ передъ Цари и не стыдяся. Сего убо ради такими раздѣленіями престанетъ всякое сопротивленіе. Почто имать Царь, да покорится Патріарху? И почто имать Патріархъ, да покорится Царю? Сія рѣчь, яко Патріархъ да не **вступится въ царскія вещи царскаго двора и да не отступитъ внѣ предѣлъ церковныхъ, якоже и Царь имать, да хранитъ чинъ свой.** Аще же ни слышати будетъ оное (еже читаемъ въ ветхомъ Писаніи о Озіи Царѣ, иже взя кадильнийу и кадити хотяще) не лѣсть ти есть кадити: вещь иже ниже подобаше ему отнюдь начинати. Два свѣтильника суть въ мірѣ солнце и луна; обаче солнце да властвуетъ днемъ и луна да возсіяетъ нощь; **и никогда солнце изыде отъ обычнаго чина своего, ниже луна премѣни теченія своя и естество свое, но всегда любезно движутся и хранятъ предѣлъ, иже Творецъ всѣхъ положи имъ сопреодолѣніе и непреложное повелѣніе. Такимъ образомъ имать и Патріархъ управиться съ Царемъ и Царь съ Патріархомъ ради прелюбезнаго сего единомыслія и мира иже обожествитъ вкупѣ земная вся и небесная, Божественная и человѣческая.** Сіе глаголемъ, егда православствуютъ и правоправятъ слово истины единъ и другіе, сирѣчь, Царь и Патріархъ, **но егда Царь будетъ еретикъ, и неправно правитъ, тогда весьма подобаетъ Патріарху противостояти ему и огласить его, сирѣчь поучати; и аще послушаетъ и уцѣломудрится, пріобрѣлъ душу цареву и приметъ мзду отъ трудовъ своихъ**, якоже и Павелъ противоста Петру, егда видя его нисходящимъ къ іудеямъ, иже хотяху хранити Ветхій вкупѣ съ Новымъ Зовѣтомъ непреложно, яже о вѣрѣ, имать убо да обличатся малые и великіе безнепщеванія. Зане о душѣ есть вся бѣда. Иде Царь Ираклій въ Персиду и остави Патріарха Сергія въ Константинополѣ, который аще и еретикъ бѣ, обаче вѣрный царствію ста; кольми паче имать быти Патріархъ вѣренъ къ Царю православному, иже тщится разширити скиптры благочестивыя иже поборется и о истинной и непорочной православной вѣрѣ. Таковъ убо Царь, аще и пошлетъ къ Патріарху, да пріидетъ къ нему, или да пойдетъ, иногда ради душеполезнаго нѣкоего дѣла, долгъ имать вскорѣ двизатися, и да пріидетъ къ нему по его царскому повелѣнію, якоже и Царь Ѳеодосій Малый писа къ Св. Кириллу Патріарху Александрійскому и къ Іоанну Златоусту, абіе и оба послушаше повелѣнія царева, иже призваша ихъ пріити къ царстврющему граду, и пріидоша единъ живъ а другій усопшій. Якоже и христолюбивый и превеликій Констан-

тинъ повелъ Патріарха Антіохійскаго Евстафія да пойдетъ въ Иверію и не преслуша его повелѣнія царева блаженный Евстафій, но послуша его. По такимъ убо дѣламъ и такимъ образомъ повинуются Патріархи православнымъ самодержцамъ". (Гюббеоетъ, II, 1039—1041).

Постановленіе Собора 1667 г. о власти царской и патріаршей есть оффиціальное ученіе Русской Церкви и выраженіе народной мысли о православномъ Царѣ.

Означенное распредѣленіе полномочій между Царемъ и Патріархомъ вполнѣ сходствуетъ съ Никоновскимъ ученіемъ, и проповѣдуетъ ту же симфонію властей, которую проповѣдывалъ и Никонъ; оно было принято на Соборѣ, несмотря на все противодѣйствіе Лигарида, и такимъ образомъ ученіе святоотеческое, благодаря Никону, сдѣлалось оффиціальнымъ постановленіемъ Русской Церкви. Оно было принято и русскимъ священствомъ, и невольно, подъ давленіемъ внутренней своей истины, не могло не быть раздѣлено и Восточными Патріархами. Оно было и ученіемъ принятымъ народомъ въ огромной своей массѣ, какъ видно изъ протеста его противъ „Восхищенія на себя Царемъ Петромъ правъ первосвятительскаго достоинства", обнаруженнаго имъ въ рѣшеніи дѣлъ церковныхъ самостоятельнымъ починомъ царской власти, подъ вліяніемъ ученій выросшихъ въ совершенно другихъ условіяхъ на западѣ въ борьбѣ съ папскимъ теократизмомъ среднихъ вѣковъ. Оно является и исходнымъ основаніемъ для построенія будущихъ церковно-государственныхъ отношеній.

Въ дѣйствительности Петръ I боролся въ Россіи не съ папскимъ теократизмомъ, а съ теоріей симфоніи властей. Петровская система территоріализма.

Въ Россіи же Петръ оказался въ борьбѣ не съ папскимъ теократизмомъ, а съ теоріей симфоніи властей, которая даетъ свѣтской власти высшую основу и освященіе въ цѣли свѣтской власти—своими средствами способствовать спасенію человѣчества. Та система отношеній государства къ Церкви, которая проникла къ намъ съ Петромъ и внесла коренное измѣненіе въ прежнія отношенія, носитъ названіе государственной церковности; она также носитъ отпечатки системы территоріализма или Іозефинизма (названіе это дано по тому богатому

Петровская система территоріализма или Іозефинизма. Мартенсъ фонъ-Тилингъ.

примѣненію, которое сдѣлалъ изъ нея Австрійскій Императоръ Іосифъ II). Принципіально территоріалистъ Іосифъ II желалъ наилучшаго устроенія всѣхъ сторонъ жизни въ интересахъ государственнаго благополучія, и онъ—Императоръ реформировалъ всѣ стороны церковной жизни: богослуженіе, пастырство, монашескую жизнь, дѣленіе на діэцезы и приходы, условія вступ-

ленія въ клиръ и замѣщеніе церковныхъ должностей, церковный судъ, брачное право и церковно-имущественныя права. Подобно нашему Петру I, эти реформы онъ совершалъ по собственному своему усмотрѣнію, ибо онъ себѣ одному приписывалъ право сужденія о томъ, что полезно и желательно въ интересахъ государственнаго блага, не обращас вниманія, ни на обычаи народа, ни на взгляды Церкви, и полагалъ свое призваніе въ томъ. чтобы логикой своихъ теорій возродить Австрію (пр. Суворовъ Курсъ Церковнаго Права II, 475, 476). Мы можемъ отнести къ Петру I mutatis mutandis и то, что дальше говоритъ объ Іосифѣ II Проф. Суворовъ: „Во всемъ, что касалось внѣшняго церковнаго порядка, Іосифъ не допускалъ высшей церковной власти Римскаго Папы надъ своей территоріей, признавая за Римскимъ престоломъ авторитетъ лишь въ вопросахъ выры и такихъ, которые собственно касаются духа и души (какъ и Петръ въ разговорѣ съ Сорбонскими профессорами объ соединеніи Церквей отослалъ ихъ разговаривать съ нашими архіереями по своей некомпетентности). Церковно государственное единство не понималось Іосифомъ въ томъ смыслѣ, какъ въ Византійской системѣ, средневѣковой теократіи или Людовикомъ XIV. Іосифъ сдѣлалъ важный шагъ впеуедъ на пути признанія свободы совѣсти, допустивъ въ своемъ государствѣ 4 исповѣданія (католическое, лютеранское, реформаторское и греко восточное). Но связь между государствомъ и Церковью не разрушена и въ Іозефинизмѣ, напротивъ религія, Церковь, духовенство должны были служить **пригоднымъ средствомъ для достиженія государственнаго благополучія**, съ одной стороны потому, что безъ вѣры гражданъ въ Провидѣнїе и въ вѣчное наказаніе не можетъ обойтись ни одно благоустроенное государство, а съ другой сторони потому, что церковная каѳедра есть цѣлесообразный путь къ распространенію здравыхъ гражданскихъ понятій. Къ Іозефинизму въ особенности приложимо остроумное замѣчаніе Мартенса, сдѣанное имъ о системѣ государственной церковности вообще: **это есть обратная сторона средневѣковой іерократической системы съ перестановкой дѣйствующихъ церковно государственныхъ факторовъ**, такъ что тамъ, гдѣ по средневѣковымъ возрѣніямъ дѣйствуетъ мечъ духовный, по системѣ государственно-церковной долженъ дѣйствовать мечъ свѣтскій и наоборотъ. Такимъ образомъ сущность этой системы можетъ быть выражена буллой „Unam sanctam въ такой редакціи: „Uterque gladius est in potestate regis, spiritualis scilicet et materialis. Sed ille quidem pro republica hic vero a rege est exercendus. Hic regis, ille manu papae et episcoporum, sed ad nutum et patientiam regis. Oportet autem gladium esse sub gladio et spiritualem autoritatem temporali subjici potestati. Nam temporalis potestas

spiritualem instituere habet et judicare, si bona non fuerit. Ergo si deviat spiritualis potestas judicabitur a potestate temporal"[1]). Объ этой системѣ, которую можно начинать въ Россіи только съ Петра I Wilhelm von Tiling выражается такъ: (Russisches Zarentum und Deutsches Kaisertum, Seite 12): Der Zar machte selbst mit anfangs widerwilliger später unterwürfiger Zustimmung det kirchlichen Verträter zum geistlichen Oberhaupte des Russischen Volkes und Reiches! Bei solcher Versetzung alles Bestandes und allen Begriffe, welche schon in Konstantinopel einst beanlangt war, vollzog sich dann von selbst, dass die Bischöfaliche Fürsorge des Zaren für pie Russische Christenheit in eine Zarische Gewalt über die Kirche sich verwandelte. Man huldigte dem Zaren als dem priesterlichen und nationalen Gebieter der Russisch-Orthodoxen Christenheit"[2]). И Tiling, несмотря на то, что въ идеѣ Русской Имперіи онъ не видитъ никакой одухотворенной силы кромѣ будто бы голаго эгоизма власти и Streben nach unbedingter Herscahft eines Menschen über andere Mensche (ib. S. 5)[3]), принужденъ признать идейную борьбу Никона. Der charaktervolle Patriarch Nikon wagte den letzten Kampf für die Selbständigkeit der Kirche gegenüber dem Zaren" (12 ib)[4]). Но онъ не понялъ Никона, ибо нѣсколькими строками ниже онъ говоритъ объ узссти его взглядовъ: „Dennach unterlag Nikon als letztes selbsständiges geistliches Oberhaupt der Russischen Volkskirche dem gewaltsam herrschendem Zarentume wohl deshalb, weil auch Nikon weniger die geistigen Mächte des

---

[1]) Оба меча въ обладаніи Государя, и духовный и свѣтскій. Тотъ употребляется за государство, а этотъ государемъ. Этотъ употребляется государевой рукой, а тотъ рукой Папы и Епископовъ, но для нужды государя. Надо однако чтобы одинъ мечъ подчинялся другому, и духовная власть подчинялась свѣтской. Ибо свѣтская власть должна устанавливать духовную и судить ее, если она не соотвѣтствуетъ назначенію. Поэтому духовная власть подлежитъ суду свѣтской, если уклонится съ назначенія.

[2]) Самъ Царь сдѣлался, при неохотномъ сначала, а потомъ при покорномъ согласіи церковныхъ представителей, духовнымъ главой русскаго народа и Имперіи. При такомъ перемѣщеніи всякаго состоянія и всѣхъ понятій, когда то достигнутымъ въ Константинополѣ, само собой случилось, что епископское попеченіе Царя о русскомъ христіанствѣ превратилось въ царскую власть надъ Церковью. Присягали Царю какъ духовному и національному властителю русско-православнаго христіанства.

[3]) Стремленіе къ безусловному господству одного человѣка надъ другими людьми.

[4]) Сильный характеромъ Патріархъ Никонъ отважился на послѣднюю борьбу съ Царемъ за самостоятеляность Церкви.

Glaubens und der Lehre vielmehr die kirchlichen Gebraüche vertrat“ [1].) Если бы онъ не смѣшивалъ Петербургской Имперіи съ Московскимъ царствомъ, и зналъ ученіе о православномъ Царѣ, взрощенное предшествующей исторіей и выявленное Никономъ, онъ не писалъ бы слѣдующихъ строкъ: (ib. стр. 21). „Das Russische Zarentum dagegen besass überhaupt keine objektive geschweige denn idealle und humane Bestimmung. Während es langsam und mühsam aus sich selbst hervorging bewies es immer und überall nur seinen Selbstzweck[2]) Von Tiling не понялъ идеи Русскаго Православнаго Царства, у Никона же—ея носителя—надъ рускимъ царствомъ стоитъ высшая религіозная идея, выявляемая въ опредѣленныхъ требованіяхъ къ царской власти, и самый санъ царскій выявляется, какъ особый видъ служенія, какъ высшая политическая должность, черпающая въ православіи указаніе на направленіе культурныхъ и педагогическихъ задачъ, Царская власть выполняетъ по этому пониманію свѣтскую задачу въ Православіи. Когда фонъ Тилингъ выставляетъ именно должность нѣмецкаго Императора, какъ выполненіе обязанности по достиженію культурныхъ и педагогическихъ цѣлей и говоритъ, что, des Kaisers Amt (S. 31) setzte tatsächlich voraus dass er ein verantwortlicher Herr ein fürsogender Führer und Verwalter, der Ober-Herzog seines Volkes war“ [3]) то онъ можетъ узнать, что русскому Царю такое положеніе усваивалъ Никонъ еще въ XVII вѣкѣ, съ той, конечно, разницей, что передъ нимъ поднимаются не образы двигателя гуманитарной культуры, а идеи православнаго смиреннаго Царя, помнящаго о главной заботѣ своей—спасеніи ввѣреннаго ему стада черезъ пріобщеніе къ благодати Святаго Духа черезъ царство и Церковь. Лишь съ Петромъ внесена другая идеологія, и Церковь становится орудіемъ государства.

Государственное еретичество Петра I.

Если съ такимъ извращеніемъ природы церковной власти въ Іозефинизмѣ (или въ системѣ государственной церковности), оказывающейся не только въ подчиненіи, но и на службѣ государству, боролся Никонъ, то боролся не въ пользу средневѣковой системы, а въ пользу теоріи симфоніи, которая ставилась въ основу церковно-государственному строительству въ лучшія времена Византіи. Реформу

[1]) Никонъ, какъ послѣдній самостоятельный духовный Глава Русской Церкви, потому былъ побѣжденъ властнымъ господствующимъ царизмомъ, что представлялъ не столько духовныя силы вѣры и ученія, сколько силы церковныхъ обычаевъ.

[2]) Русскій царизмъ вообще не имѣлъ никакого объективнаго, не говоря уже идеальнаго и гуманитарнаго призванія. Медленно и съ трудомъ происходя изъ себя самого, онъ всегда и всюду выявлялъ только свою самоцѣль.

[3]) Должность Императора фактически предполагала, что онъ—отвѣтственный властитель, заботящійся руководитель и управитель—былъ верховный вождь своего народа.

церковно-государственныхъ отношенiй Петромъ Голубинскiй мѣтко назвалъ государственнымъ еретичествомъ, которое вовсе не было необходимымъ спутникомъ внутреннихъ реформъ Петра; если бы Русь держалась идей Никона, то многiя реформы Петра и его достиженiя произведены были бы безъ коренной ломки основъ государства Россiйскаго, сопровождавшейся отказомъ Петра признавать Церковь, какъ особое учрежденiе съ своими полномочiями, своими органами законодательства, управленiя, своими цѣлями, какъ то требовалось теорiей симфонiи властей, лежавшей въ основѣ Московскаго построенiя церковно-государственныхъ отношенiй.

О церковной власти Императора по Основнымъ Законамъ.

Кристализацiей цезарепапизма явилась въ дальнѣйшей исторiи статья 43 Основныхъ законовъ (65 Основ. Зак. 1906 г.): „въ управленiи церковномъ самодержавная власть дѣйствуетъ посредствомъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода, ею учрежденнаго". Толкователь этой статьи Проф. Казанскiй (Власть Всероссiйскаго Императора стр. 241) выдѣляетъ изъ Церковнаго управленiя Императора только лишь догматы и правовѣрiе, а все остальное церковное правообразованiе относитъ въ сферу Императора и самую церковную власть Государя почитаетъ однимъ изъ проявленiй его государственной власти (224 стр.). Церковное верховенство Государя онъ основываетъ исключительно на законахъ Русcкаго государства (246 стр.) и органомъ верховной власти въ дѣлахъ Православной Церкви почитаетъ Синодъ „учрежденiе чисто государственное, учрежденное самодержавной властью". „Синодъ, говоритъ онъ, есть учрежденiе, заимствующее свою власть отъ Монарха и дѣйствующее его именемъ". Такова, по Казанскому, конструкцiя Синода, вытекающая изъ 65 ст. Осн. Зак. [1]) Въ томъ же смыслѣ приводится и цитата изъ Темниковскаго. Проф. Казанскiй полемизируетъ съ Палiенко и Котляревскимъ относительно понятiя церковнаго управленiя, въ которомъ такъ ярко скрывалось различiе двухъ взглядовъ на наши Основные Законы 1906 года,—разсматривать ли ихъ, какъ строй конституцiонный или только какъ обновленный. Именно оба послѣднiе государствовѣда, подобно другимъ представителямъ конституцiоннаго пониманiя нашихъ Основныхъ Законовъ 1906 года, котораго мы лично не раздѣляемъ,—противупоставляютъ церковное управленiе, въ статьѣ 65, понимаемое ими, какъ административныя полномочiя, законодательству въ матерiальномъ смыслѣ, такъ что церковное законодательство въ смыслѣ правообразованiя слѣдуетъ по ихъ толкованiю общему порядку осуществ-

[1]) П. Н. Семеновъ характеризуетъ Синодъ, исходя изъ законодательнаго его опредѣленiя и фактическаго положенiя, какъ совѣтъ при министрѣ (оберъ прокурорѣ), ничѣмъ его не связывающiй (Самодержавiе стр. 44).

ленія его Монархомъ совмѣстно съ Государственной Думой и Государственнымъ Совѣтомъ. Напротивъ Проф. Казанскій подъ управленіемъ разумѣетъ всѣ вообще проявленія государственной власти Императора, включая туда правообразованіе, въ соотвѣтствіи съ словоупотребленіемъ ст. 10 Основ. Зак. 1907 г. (80 ст. прежнихъ изданій) („Власть управленія во всемъ ея объемѣ принадлежитъ Государю Императору) и со статьей 64 этихъ законовъ, (42 ст. прежн. изданій) называющей Государя не только „Верховнымъ Защитникомъ догматовъ", но и „Главою Церкви" (стр. 253). Для насъ интересенъ не этотъ споръ о распредѣленіи власти церковнаго управленія между монархомъ и прочими законодательными учрежденіями по основнымъ законамъ 1906 года, а тотъ фактъ, что обѣ стороны, толкуя ст. 65 Осн. Зак., согласны другъ съ другомъ въ томъ, что эта статья признаетъ источникомъ церковнаго правообразованія органы государственной власти, отводя собственно для законодательства самой Церкви какое-то неопредѣленно малое пространство въ видѣ догматовъ и правовѣрія и внося въ сферу государственнаго закона не только jura circa sacra, но и jura in sacris. Нетрудно видѣть, что упомянутая нами каноническая Никоновская критика, направленная противъ пониманія императорской власти, какъ источника церковнаго законодательства, поражаетъ и самую статью 65 Основныхъ Законовъ, перешедшую безъ измѣненій изъ старыхъ Основныхъ Законовъ, какъ противорѣчащую природѣ Церкви, имѣющей собственное законодательство въ церковныхъ дѣлахъ, основанное на ея специфическихъ дарахъ благодати и не знающей высшихъ органовъ церковной власти, имѣющихъ происхожденіе въ государственномъ законѣ. Критика Никона на Лигаридовское пониманіе церковнаго закона, какъ истеченіе государственной власти, вполнѣ соотвѣтствуетъ канонической критикѣ, имѣющей въ виду установленіе собственной сферы Церкви, неприкосновенной для какихъ бы то ни было органовъ государственной власти. Понятіе объ этой неприкосновенной для государственной власти сферѣ однако совершенно исчезаетъ, не будучи отмѣчено даже названіемъ православнаго Царя въ опредѣленіи царской власти у Петра I въ Воинскомъ Уставѣ (Арт. 20: „Его Величество есть самовластный Монархъ, который никому на свѣтѣ о своихъ дѣлахъ отчету дать не долженъ, но силу и власть имѣетъ свои государства и земли, яко христіанскій Государь, по своей волѣ и благолѣпію управлять" или въ Духовномъ Регламентѣ 25 января 1721 г. Ч, I. п. 2: „монарховъ власть есть самодержавная, которой повиноваться Самъ Богъ за совѣсть повелѣваетъ"). Близко подошелъ къ опредѣленію компетенціи верховной государственной власти со стороны, обращенной къ Церкви, проф. Градовскій, указывая на эту границу во Вселенскомъ канонѣ, и тѣмъ самымъ какъ бы

признавая особую природу Церкви; но нельзя не отмѣтить, что Градовскій разсуждалъ не de lege lata, а de lege ferenda, ибо этой конструкціи противорѣчило въ нашихъ Основныхъ Законахъ констатированіе учрежденіе Синода государственной властью (Начала Русскаго Государств. Права I, 152): „Компетенція верховной власти ограничивается тѣми дѣлами, которыя вообще могутъ быть предметомъ церковной администраціи, т. е. не предполагаютъ актовъ по существу своему принадлежащихъ органамъ Вселенской Церкви: Вселенскимъ Соборамъ". Однако не только Вселенскій канонъ, но и канонъ Помѣстной Церкви подлежитъ измѣненію со стороны соотвѣтствующей власти его издающей, т. е. со стороны Церкви; — кромѣ того, Градовскій указалъ неясно объемъ этой неприкосновенной сферы, ограничивъ ее догматомъ и обрядомъ, допуская тѣмъ мысль, что какъ будто вопросы церковнаго устройства входятъ въ сферу власти государственной. Такъ онъ пишетъ: „Права самодержавной власти касаются предметовъ церковнаго управленія, а не самаго содержанія положительнаго вѣроисповѣданія, догматической и обрядовой его стороны. Это положеніе имѣютъ одинаковую силу какъ для Православной Церкви, такъ и для другихъ вѣроисповѣданій" (ib. 151). Но въ такой формулировкѣ цѣлая область чисто церковныхъ дѣлъ, указанныхъ Шульте, которую мы приводили въ своемъ мѣстѣ, попадаетъ подъ вѣдѣніе государства, ибо она не составляетъ ни догматической, ни обрядовой стороны. Въ нашемъ пониманіи царской власти, какъ священнаго чина, связанность Царя канонами вытекаетъ сама собой не только, какъ нравственная связанность но и каноническая, то есть правовая. Разумѣется, этотъ чинъ не есть чинъ понтифекса максимуса, а въ іерархическомъ отношеніи является подобнымъ чину дьяконскому, на подобіе особаго чина депутата въ Византійской Церкви, приравненнаго къ дьяконскому чину. Но по пространству своихъ полномочій, совпадающихъ съ размѣрами національной Помѣстной Церкви, Царь стоитъ на ряду съ Патріархомъ. Іерархическое положеніе Царя въ Церкви является центральнымъ фокусомъ единенія государства съ Церковью и показателемъ церковныхъ идеаловъ самого государства. Есть какая то внутренняя логика въ томъ, что Петръ, борясь съ церковнымъ направленіемъ жизни, на всешутѣйшемъ соборѣ занялъ шутовское положеніе именно дьякона. Это достоинство Царя въ Церкви нисколько не умаляетъ величія положенія Царя въ государствѣ, гдѣ онъ является обладателемъ всей полноты государственной власти. Притязаніе же на предоставленіе высшаго іерархическаго положенія Царю въ Церкви ради того, что Царь занимаетъ высшее положеніе въ государствѣ, было бы наивнымъ уподобленіемъ негусу Абисинскому Іоанну въ одномъ забавномъ инцидентѣ. Русскій дворъ прислалъ ему въ подарокъ пышныя церковныя

облаченія для его придворной церкви. Они ему такъ понравились, что онъ, по недоразумѣнію, счелъ ихъ за подарокъ лично для себя, надѣлъ ихъ и въ этомъ нарядѣ явился присутствовать на богослуженіи. Мы не можемъ не согласиться съ проф. Заозерскимъ [1]), что права Императора въ отношеніи Церкви всегда остаются правами государственными и не дѣлаются правами, исходящими отъ Церкви, отъ того только, что постановленія Царя затрагиваютъ церковныя дѣла. И дѣйствительно, признавая за Царемъ права покровительства и защиты Церкви и блюстительство ея догматовъ и правовѣрія, какъ то установила ст. 41 Основныхъ Законовъ, мы найдемъ ближе всего аналогію этому праву въ правѣ патроната, ктиторства, такъ что опредѣлять положеніе Царя въ Церкви лучше всего какъ право ктиторства, заключающее въ себѣ вышеозначенныя обязанности. Церковь даетъ Царю въ обмѣнъ за его защиту особыя права, причащенія подъ обоими видами раздѣльно по чину священническому, слѣдовательно оно включаетъ Царя въ свою іерархію, но безъ какихъ-либо особыхъ правъ церковной власти, т. е. власти, исходящей отъ самой Церкви черезъ хиротонію. Памятуя, что права Царя относительно Церкви остаются всегда правами государственными, а съ другой стороны, что Царю дано такое преимущественное право въ богослуженіи, какъ раздѣльное причащеніе Тѣла и Крови Христа, которое дается только лицамъ священнаго чина, на что указываютъ и самое коронованіе его, подобное хиротесіи при введеніи въ церковную должность, и духовныя одежды Царя съ наперснымъ крестомъ на груди и обычаи при дворѣ—мы включаемъ его санъ въ число іерархическихъ чиновъ, на ряду съ должностью дьякона, также не дающей никакихъ правъ церковной власти, но дающей извѣстныя права по оказанію содѣйствія священнодѣйствію и пріобщенія раздѣльно подъ обоими видами. Права Царя по содѣйствію Церкви, конечно, неизмѣримо высоки, и потому мы готовы признать въ царскомъ санѣ особый священный чинъ sui generis, ставящій Царя въ неразрывное единеніе съ Православной Церковью по направленію своей дѣятельности. Своеобразіе священнаго чина Царя сказывается и въ томъ, что онъ получаетъ вторичное мvропомазаніе, получая въ немъ сугубые Дары Святаго Духа для управленія государствомъ; но природа даровъ этихъ отъ этого не мѣняется и не распространяется на управленіе Церковью, каковые дары получаются только благодатью, даруемой сану епископа. Это положеніе возноситъ царское верховное государственное служеніе на высоту служенія церковнаго, связывая послѣднее интегрально съ царской властью и пріобщая государство къ внутрен-

---

[1]) „Нѣмецкій духъ въ русской наукѣ Церковнаго Права". Прав. Об. 1889 № 7-8 стр. 656.

нему и интимному проникновенію религіознымъ началомъ и придавая идеаламъ земного существованія идею безконечности. Это пріобщеніе царской власти, какъ основы государственной жизни, къ идеаламъ Православной Церкви полностью ощущалъ Никонъ, когда въ отрываніи царской власти отъ законовъ церковныхъ онъ усматривалъ начало разрушенія царства, признаки пришествія Антихристова, предощущалъ въ этомъ какъ бы общій провалъ культуры въ пустоту черезъ ея секуляризацію, обмірщеніе и измельчаніе[1]). Примѣчательно, что сознаніе причастности царскаго служенія служенію церковному, свободно и постепенно выработанное русскимъ самосознаніемъ, достигло высшей точки въ допущеніи Царя къ причащенію по чину священному, какъ разъ въ то время, когда идеи Никона вообще нашли частичное, хотя и недолгое примѣненіе къ жизни (царствованіе Өеодора Алексѣевича), наканунѣ ихъ крушенія и затемнѣнія идеи православнаго Царя, какъ пріобщенія государства къ высшему смыслу жизни, языческой тѣнью великаго понтифекса - властелина надъ всѣмъ Божескимъ и человѣческимъ, тѣнью, лишившей Церковь свободнаго дерзновенія и размаха, а власть Царя той основы, которая даетъ ей незыблемость, вѣчный смыслъ и цѣнность.

Отбросивъ Церковь, какъ самостоятельное учрежденіе, стоящее рядомъ съ государствомъ, Петръ поставилъ на ея мѣсто самодовлѣющее государство съ абсолютнымъ сувереномъ Гоббса. У него государство абсолютно и всемогуще. Суверенъ государства одновременно глава Церкви, какъ то скажетъ впослѣдствіи и статья Основныхъ Законовъ (64 по изданію 1906 г.). Такъ на одной головѣ соединяются всѣ власти матеріальныя и нравственныя, въ которыхъ нуждается общество. Janet пишетъ объ этой системѣ (II, 174). Ainsi s'accomplit l'unité absolue du pouvoir et la consecration de toutes les forces par la plus grande de toutes les forces, la force réligieuse: Mais par là aussi, disons le, se prépare sa roine; car cet excès d'autorité est au-dessus de la nature humaine; elle n'en est pas capable, non plus que de l'excès de soumission à laquelle on condamne la socitété. En mettant entre les mains du pouvoir l'arme de l'oppression réligieuse, on met entre les mains de la revolte l'arme non moins puissante de la foi opprimée. Rien n'est plus dangereux pour l'extréme force que l'extrème faiblesse; car celle-ci n'a plus rien à perdre et tout à gagner"[2]).

---

[1]) Примѣняемъ выраженіе В. В. Зѣньковскаго на стр. 114, интереснѣйшей и богатой по содержанію его книги: „Русскіе мыслители и Евгопа".

[2]) Такъ совершилось абсолютное единеніе власти и освященіе всѣхъ силъ самой большой изъ всѣхъ, силой религіозной. Но и тѣмъ самымъ, Скажемъ мы, приготовляется ея паденіе, ибо этотъ избытокъ власти превышаетъ силы человѣческой природы; она на это неспособна, также какъ и на избытокъ

Въ этой системѣ государственнаго абсолютизма справедливость диктуется не высшими цѣлями жизни, а соображеніями по разумѣнію правителя. „Le juste c'est ce qui est utile au plus fort".

Объ идеалѣ утилитаризма.

Но столь ли высокъ принципъ пользы, чтобъ его почитать высшимъ принципомъ и для него бросать вѣчныя цѣнности, даваемыя Церковью? Вотъ что говорилъ протоіерей Мальцевъ въ своей академической рѣчи 4. XI. 1879 года: „Углубляясь въ свой внутренній міръ, душа человѣка находитъ въ немъ такія стремленія и требованія, которыя остаются мало или вовсе неудовлетворенными утилитарными идеалами. Человѣческой природѣ всегда было свойственно болѣе или менѣе сильное стремленіе къ болѣе достойнымъ и высокимъ сторонамъ жизни, чѣмъ стремленіе къ счастью или пользѣ, всегда былъ присущъ запросъ на долженствующій быть порядокъ вещей, болѣе идеальный, чѣмъ тотъ, который дается непосредственной жизнью и ея влеченіями. Идеализмъ не только не похороненъ современной наукой, но всегда жилъ, живетъ и будетъ жить въ душѣ человѣка, какъ бы онъ ни уклонялся далеко отъ этого идеала. Неполнота и односторонность утилитаризма лучше всего доказываются тѣмъ искреннимъ признаніемъ, которое высказалъ одинъ изъ видныхъ представителей современнаго утилитаризма. Положимъ, писалъ онъ, что всѣ твои стремленія осуществлены, что всѣ реформы въ учрежденіяхъ и мнѣніяхъ, тобой задуманныя, исполнены, но доставитъ ли тебѣ этотъ успѣхъ полную радость и счастье? Нѣтъ, отвѣчалъ его внутренній голосъ. и въ этомъ искреннемъ „нѣтъ" сказалась вся пустота и безцѣльность той жизни, въ которой высшія безкорыстныя альтруистическія удовольствія невозможны, а эгоистическія противны". Единственная возможность достигнуть счастья, по словамъ автора, въ томъ, чтобы считать не счастье, а что либо другое высшей цѣлью жизни. И въ самомъ дѣлѣ, при достиженіи или осуществленіи идеала наибольшаго счастья или пользы не возникаетъ ли неизбѣжный вопросъ, какая же польза самой пользы?" (Хр. Чт. 1880 г.).

То омірщеніе государственной идеи, которое произошло въ Россіи при Петрѣ I, было по существу возвращеніемъ къ Римской идеѣ языческаго цезарепапизма, воскрешеніемъ Государя-понтифексъ максимуса—главы Церкви и государства. Одновременно это было дѣяніемъ противоцерковнымъ, противорѣчащимъ постановленію большого Мо-

---

подчиненія, на которое осуждаютъ общество. Давая въ руки власти оружіе религіознаго угнетенія, даютъ въ руки революціи оружіе не менѣе могущественное, чѣмъ подавленная вѣра. Ничего нѣтъ опаснѣе для крайней силы, какъ крайняя слабость, ибо послѣдняя не имѣетъ ничего терять и все выигрывать.

сковскаго Собора о власти царской и патріаршей. Уничтоженіе патріаршества и учрежденіе Синода властью государственной выявляло признаніе государственнаго всемогущества, не останавливающагося передъ вторженіемъ въ сферу церковную, несмотря на признаніе ея особой природы на соборѣ въ январѣ 1667 года.

Проф. Казанскій опредѣляя положеніе Синода по Основнымъ Законамъ (стр. 106. „Власть Россійскаго Императора“) помѣщаетъ его въ числѣ другихъ высшихъ (наряду съ Сенатомъ и министерствами) государственныхъ учрежденій подчиненнаго (не верховнаго) управленія, которыя имѣютъ свою степень самостоятельной власти и въ предоставляемомъ кругѣ дѣйствуютъ, не обращаясь за разрѣшеніемъ къ Верховной власти.

Онъ, квалифицируя верховенство Государя по предметамъ власти, говоритъ о верховенствѣ церковномъ (стр. 141) наряду съ военнымъ и судебнымъ, какъ будто и судъ, и военное дѣло и церковное—всѣ одной государственной природы. Однако эта конструкція только вѣрно опредѣляетъ положеніе Синода по Основнымъ Законамъ. Отмѣчая необходимость каноническаго построенія церковно-государственныхъ отношеній и указывая, что Императорскій періодъ, этотъ русскій ancien régime явился идейнымъ вырожденіемъ древняго русскаго построенія церковно-государственныхъ отношеній въ русскомъ православномъ царствѣ, бардомъ которыхъ былъ Никонъ, мы можемъ напомнить одну параллель, что знаменитый политическій писатель Joseph de Maistre въ эпоху разрухи звалъ Францію не къ возстановленію ancien régime а именно къ возстановленію въ ней l'antique constitution которая въ XVII и XVIII вѣкахъ выродилась въ злоупотребленія и получила другое, только что упомянутое нами названіе.

Соотношеніе между ученіемъ Никона о православномъ царѣ и понятіемъ русскаго самодержавія въ русскомъ сознаніи XX вѣка; протестъ его противъ абсолютизаціи власти царя.

Означенное разложеніе идеи самодержавія мы усматриваемъ, прежде всего въ абсолютизаціи царской власти при Петрѣ, а затѣмъ въ XIX вѣкѣ въ расхищеніи самодержавной власти органами высшаго, но подчиненнаго управленія т. е., министрами послѣ ихъ учрежденій въ 1802 году, въ расхиженіи, связанномъ съ фактическимъ устраненіемъ Сената отъ функцій надзора за закономѣрностью министерскаго управленія, а также съ вовлеченіемъ Верховной власти въ сферу подчиненнаго управленія [1]). Послѣдняя тема касается проведенія

[1]) Нельзя не отмѣтить и того искаженія идеи православнаго всенароднаго Царя, которое произошло при Екатеринѣ II, когда высшее сословіе въ государствѣ, будучи освобождено отъ обязательной службы государству, сохранило, однако, свои сословныя

различія между управленіемъ верховнымъ и подчиненнымъ и насъ не касается, но различіе власти самодержавной отъ абсолютной должно быть особо отмѣчено, какъ два понятія совершенно различныхъ. Нельзя не уяснить, что именно мы разумѣемъ подъ Самодержавіемъ. Прежде всего нельзя его смѣшивать съ понятіями верховенства и неограниченности. Какъ это хорошо выяснилъ проф. Казанскій, подъ верховенствомъ надо разумѣть юридическій суверенитетъ, а подъ самодержавіемъ фактическій. Самодержавной властью называется верховная власть, покоющаяся на собственной силѣ, а самодержавіемъ верховная власть, располагающая наибольшимъ могуществомъ. Символически это властвованіе въ силу собственной силы отмѣчается во время коронованія тѣмъ, что Государь самъ беретъ скипетръ и державу и самъ надѣваетъ на себя корону. 4-я статья Основныхъ Законовъ утверждаетъ, что Государю принадлежитъ верховная самодержавная власть, и констатируетъ тотъ фактъ, что эта власть уже принадлежитъ императору (а не то, что она предоставлена ему Основными Законами, имѣющими свой источникъ во власти Императора). Самодержавная власть имѣетъ свои собственныя, ей присущія, а не извнѣ данныя права, въ ней воплощаются самобытность и державныя права націи, выработанныя потомъ и кровью многовѣкового историческаго развитія, какъ говоритъ Романовичъ - Славатинскій, это—власть отъ всякой другой власти независимая, какъ училъ графъ Сперанскій. Власть русскаго цара самодержавная т. е. самородная, не дарованная другой властью. Она въ основѣ своей имѣетъ не юридическій фактъ, а все историческое прошлое русскаго народа. Самодержавіе въ такомъ пониманіи отличается отъ свойствъ власти: ея верховенства и неограниченности. Подъ верховенствомъ разумѣется то, что эта власть нейтральная, умѣряющая, учредительная, власть послѣдняго рѣшенія въ сферѣ государства съ проявленіемъ этихъ свойствъ во всѣхъ сферахъ, и въ законодѣтельной, и въ административной, и въ судебной. Власть можетъ быть самодержавной и въ извѣстномъ смыслѣ ограниченной, хотябы положеніями, вытекающими изъ собственнаго понятія самодержавнаго православнаго царя, взращеннаго исторіей народа. Самодержавіе состоитъ въ томъ,

---

привилегіи, потерявшія съ тѣхъ поръ свое оправданіе, а низшее сословіе крестьянство оставалось еще 100 лѣтъ въ крѣпостной отъ него зависимости, еще болѣе усиленной. Отгороженная отъ большей части своихъ подданныхъ привилегированнымъ сословіемъ царская власть получила особый отпечатокъ отъ этой своей новой опоры, въ результатѣ гвардейскихъ дворцовыхъ переворотовъ XVIII вѣка, и въ понятіи общенароднаго Царя отслоилось другое понятіе, Царя по преимуществу дворянскаго. Отчужденіе опоры Престола—дворянства отъ народной культуры съ Петра I содѣйствовало подрыву царской власти, на него опиравшейся. Новое ея возстановленіе мыслимо только на основѣ церковной и общенародной.

чтобы творить не волю свою, говоритъ Л. Х. въ своей брошюрѣ „Самодержавіе", а, выражая собой народъ съ его духовными потребностями и съ его особенностями, вести его по путямъ, имъ — народамъ излюбленнымъ, а не предначертать ему пути измышленные". „Самодержавіе, говоритъ И. С. Аксаковъ, учрежденіе вполнѣ народное; отрѣшенное отъ народности, оно перестаетъ быть русскимъ самодержавіемъ и становится абсолютизмомъ". Когда онъ говоритъ, что царю сила власти, а народу сила мнѣнія, то въ этой фразѣ надо вычитать сознаніе необходимости власти питаться отъ народныхъ источниковъ. Карамзинъ отвергалъ самовластный абсолютизмъ, когда говорилъ, „что Государя нельзя выдѣлять изъ духовнаго единства народа, и потому Государь не въ правѣ отдать русскія губерніи Польшѣ". Самодержавная власть ограничена тѣмъ, что сама пребываетъ въ сферѣ народныхъ понятій; она ограничена принадлежностью къ народу и единеніемъ съ нимъ. „Самодержавіе, говоритъ Д. Х., всегда считало себя ограниченнымъ, а безграничнымъ только условно въ предѣлахъ той ограниченности, которая истекаетъ изъ ясно сознанныхъ началъ народности и вѣры. Оно жило въ народѣ и въ Церкви. Абсолютизмъ сталъ выше ихъ обоихъ (Казанскій „Власть Всероссійскаго Императора" 840 стр.). Даже проф. Казанскій, считающій власть Царя, какъ источникъ правъ, выше права, почитаетъ его лишь юридически неограниченнымъ, но не считаетъ его неограниченнымъ въ религіозномъ, нравственномъ и національномъ отношеніи.

Въ такой концепціи необходимо признать, что царь самъ себя ограничиваетъ, какъ это и сдѣлалъ проф. Казанскій. Соглашаясь, что царь самъ себя юридически ограничиваетъ въ проявленіяхъ власти государственной, нельзя не говорить, что въ отношеніи къ Церкви онъ ограниченъ каноническими нормами. Надъ Царемъ нѣтъ учрежденія, передъ которымъ онъ былъ бы юридически отвѣтственъ за свою дѣятельность, надъ нимъ нѣтъ учрежденія, ему повелѣвавшаго, но онъ связанъ объективными нормами каноническими, хотя бы эта связанность и носила характеръ всѣхъ lex imperfecta, какъ это обстоитъ въ отношеніи вообще всѣхъ непосредственныхъ органовъ государства. Понятіе неограниченности царя, о которомъ говоритъ проф. Казанскій (Ib. 889), можетъ относиться только къ сферѣ государственной: „монаршая власть, говоритъ онъ, какъ власть верховная, не знаетъ ни надъ собой никакой высшей власти, ни рядомъ съ собой никакой равной власти, а потому не знаетъ и никакихъ нормъ, которыя были бы внѣшне обязательны для нея, какъ велѣнія власти высшей, или какъ соглашеніе съ властью равной. Всѣ эти элементы неограниченнотти власти тѣсно связаны между собой и образуютъ одно понятіе неограниченности власти". Это не

можетъ относиться къ нормамъ, имѣющимъ свой источникъ не въ государствѣ, а въ Церкви, которыя однако, хотя и обязательны какъ нормы каноническія, но матеріально не вынуждаемы, имѣя своей санкціей лишь сознаніе божественности ихъ происхожденія. Впрочемъ эта имперфектность — обычное свойство многихъ нормъ: отсутствіе матеріальной вынуждаемости не лишаетъ ихъ значенія нормъ правовыхъ, какъ это имѣетъ мѣсто въ отношеніи вообще нормъ каноническаго права, издаваемыхъ Церковью. Никонъ и поступилъ, какъ величайшій русскій патріотъ, когда свою судьбу принесъ въ жертву спасенію не только понятія Церкви, но и понятія православнаго Царя. Онъ не ставилъ внѣшнихъ ограниченій царю отъ другихъ учрежденій и говорилъ, что человѣческаго суда надъ Царемъ нѣтъ, но есть судья — Богъ, который можетъ разрушить все его царство. Однимъ словомъ Никонъ призывалъ Царя во имя страха Божія къ самоограниченію своей власти, предѣлы которой въ отношеніи къ Церкви указаны природой самой Церкви и ея Божественныхъ полномочій. Самая должность Патріарха съ его правомъ печалованія разсматривается имъ въ строѣ государственныхъ учрежденій, какъ юридическое выраженіе той истины, что высшая правда,—путеводный указатель для Царей и стражъ вѣры. Церковь со всѣмъ ея строемъ есть нѣчто, подлежащее обязательному признанію со стороны православнаго Царя, не желающаго навлечь на себя гнѣвъ Божій (не людской гнѣвъ). Интересно сравнить это оригинальное построеніе русскаго церковнаго мыслителя съ западными мыслителями, ищущими въ теоріи косвенной власти (Григорій VII) или въ теоріи нравственнаго закона (Өома Аквинскій признаетъ право высшаго судить низшаго за беззаконныя дѣйствія въ силу порядка міроздания подчиняющаго низшаго высшему) средство для оправданія правомѣрнымъ властнаго вмѣшательства Папы въ судьбы государствъ и престоловъ. Указаніе на грѣхъ въ дѣяніи Царя и собственный уходъ съ Патріаршаго престола съ цѣлью зафиксировать нарушеніе правъ Церкви и воздѣйствовать на поведеніе Царя есть проявленіе архипастырской ревности — равно и анаөемы преступникамъ клятвы. Если мы посмотримъ на значеніе этой дѣятельности Никона, то въ немъ можетъ увидѣть **историческій протестъ противъ начала абсолютизаціи государственной власти, а не восхищеніе на себя царской власти**; Царь, какъ представитель народной вѣры, его чувствъ, мыслей, упованій, не можетъ въ своихъ дѣяніяхъ не признавать строя Церкви, вытекающаго изъ ея канонов. То ограниченіе въ признаніи Царемъ только вѣры, (а не каноновъ), которое введено Петромъ, и его самовольное законодательство въ нѣдрахъ Церкви и есть абсолютизація царской власти, ибо здѣсь забыты границы государства; Церковь есть не только вѣра, но и церковный законъ и

жизнь по вѣрѣ, какъ напоминалъ объ этомъ Никонъ въ своемъ „Раззореніи". Совершенно правильно Пальмеръ говоритъ: (Die Russiache Verfassung): „Der Absolutimuc wird erst durch Peter den Grossen in Russlande begründet und erst seit dessen Zeit fallen die Ausdrücke selbstherrschend (самодержавіе) und unbschrünkt zusammen"[1]).

Необходимой предпосылкой для измѣненія царской власти, является измѣненіе въ самой религіозной жизни народа. Не безъ интересе замѣтки нѣкоторыхъ русскихъ дѣятелей о значеніи самодержавія для Россіи, и слѣдовательно, добавимъ мы, о важности охраненія его отъ превращенія въ абсолютизмъ. **П. Н. Семеновъ** замѣчалъ: „отрѣшиться отъ самодержавія равносильно отреченію отъ своей исторіи, вѣковыхъ трудовъ и усилій по собиранію земли русской и сплоченію ея въ одно цѣлое могучее государвтво". **М. Н. Катковъ** писалъ: „съ самодержавной властью Русскаго Царя неразрывно соединено самое существованіе Россіи". **Проф. В. Л. Катковъ**: „самодержавіе — святыня русской народной жизни, оплотъ противъ разрушающаго вліянія соціализма и демократіи, оно создало то, чѣмъ мы живемъ, чѣмъ мы связаны, что придаетъ смыслъ нашему существованію. Самодержавіе создало Россію, и выросшее въ иныхъ условіяхъ, чѣмъ западныя государства, Россія будетъ жить подъ эгидой самодержавія, или погибнетъ вмѣстѣ съ нимъ". А членъ III Думы **Образцовъ** сказалъ: „Россія безъ самодержавія будетъ великимъ трупомъ, который расклюютъ хищные коршуны. Поражая самодержавіе, намъ готовятъ иноземное иго" **Побѣдоносцевъ** отмѣчалъ, что государственная власть утверждается на единствѣ духовнаго самосознанія между народомъ и властію — на вѣрѣ народной. При раздвоеніи этого сознанія власть подтачивается въ своемъ основаніи. Съ этой точки зрѣнія внесеніе иныхъ началъ (абсолютизмъ) въ царскую власть мы и разсматриваемъ, какъ ея подрывъ въ XVII вѣкѣ, и видимъ въ немъ тотъ l'ancien régime, который началъ подтачивать l'antique constitution—древнюю основу русскаго государственнаго строя. Самодержавіе священно по своему внутреннему значенію, будучи великимъ служеніемъ передъ Господомъ; государь—великій подвижникъ, несущій бремя власти, заботъ о своемъ народѣ во исполненіе заповѣди: „другъ друга тяготы носите". Его самодержавіе не есть цѣль само по себѣ, а орудіе высшихъ идеаловъ. Русское самодержавіе — для Русскаго государства, а не наоборотъ. Церковь освящаетъ это единеніе Царя съ народомъ, какъ вѣрность подданства, черезъ которую безусловная подчиненность подданныхъ пріобщаетъ ихъ къ соуча-

[1]) Абсолютизмъ обосновывается въ Россіи впервые Петромъ Великимъ, и только съ этого времени совпадаютъ выраженія „самодержавіе" и „неограниченность".

стію въ этомъ служеніи. Разсматриваемое съ этой точки зрѣнія служеніе Никона было не только служеніемъ Церкви, но и выполненіемъ долга вѣрноподданнаго въ чинѣ первосвятителя, а идеи его были направлены къ признанію въ жизни господства права и правды, къ отстаиванію уже существовавшаго ограниченія царской власти, вытекающаго изъ ея понятія, а не къ созданію новаго. Не его вина — если его дѣло не было понято современниками — людьми властолюбивыми и порочными, которымъ не по плечу были его святыя стремленія.

ГЛАВА VI.

Отзывы о Никонѣ.

Щербатовъ. — Берхъ. — Карамзинъ. — Лигаридъ. — Самаринъ. — С. М. Соловьевъ. — Ундольскій. — Костомаровъ. — Митрополитъ Макарій. — Каптеревъ. — Ключевскій. — С. Ф. Платоновъ. — Шушеринъ. — О чудесахъ Никона. — Жизнеописаніе Никона по Шушерину. — О предсказаніяхъ Никону объ его будущемъ патріаршествѣ. — Павелъ Алеппскій. — Н. А. А. въ Ч. О. И. и Д. Р. 1848. 5. — Митрополитъ Платонъ Левшинъ. Щаповъ. — Архіепископъ Филаретъ Черниговскій. — Н. А. А. въ Правосл. собесѣд. 1860 г. — Николаевскій (Х. Чт. 1883 г.). — Субботинъ, Н. И. — Гюббенетъ. — Пальмеръ. — Николаевскій (жизнь Никона въ ссылкѣ. — Бар. Мейерберъ. — Архидіаконъ Коксъ. — Д-ръ Коллинсъ. — Уніатъ Кульчниской. — Берхъ. — Pichler. — Levesque. — Herman. — Стэнли. — Пальмеръ. — Theiner. — Tondini. —. Palmieri. — Грамота Восточныхъ Патріарховъ 5 мая 1682 года. — Митрополитъ Антоній. Храповицкій. — Духъ Регламента. Смыслъ Клеветы о замахахъ Никона на царскую власть. — Наше заключеніе объ идеяхъ Патріарха Никона.

Обращаетъ на себя вниманіе тотъ фактъ, что наши отечественные историки не освобождаются отъ предвзятой точки зрѣнія о Никонѣ и принимаютъ на вѣру приписываніе ему стремленій къ захвату царской власти. Эта легенда представляется, какъ нѣчто само собой разумѣющееся, и очевидно находила для себя поддержку въ господствующемъ взглядѣ на положеніе Церкви въ государствѣ. Не лишено въ этомъ отношеніи интереса мнѣніе историка времени Екатерины II Щербатова, для котораго память о какихъ то захватахъ Никона становится элементомъ, котораго призвана остерегаться государственная власть, и быть всегда на чеку, хотя въ основѣ такого мнѣнія лежитъ не дѣйствительность о Никонѣ, а созданная дворцовой партіей легенда о немъ. Вотъ что писалъ Щербатовъ о Никонѣ:

Щербатовъ. (Ч. И. М. О. И. и Д. Р. за 1859, III, 69, 70).

Первое равное Сенату правительство есть Синодъ для духовныхъ дѣлъ, въ которомъ имѣетъ право присутствовать для духовныхъ дѣлъ по именованію Государя архіереи, архимандриты и нѣсколько протопоповъ. Онъ управляется, кромѣ раздѣленія на департаменты, также какъ и Сенатъ, и въ немъ обрѣтается оберъ прокуроръ, особа нужная въ семъ мѣстѣ для недопущенія духовенству захватывать гражданскими правами, къ чему они весьма склонны. Но разсмотримъ и самое сіе, такъ ли учреждено, какъ

бы надлежало для достиженія до желаемаго конца? Архіереи и другія духовныя особы, присутствующія въ Синодѣ, суть люди почтенны ихъ саномъ, а часто и пронырствомъ, сочиняющіе корпусъ между собой, яко безпрестанно борющійся для пріобрѣтенія себѣ больше силы, а въ сопротивленіе имъ посаженъ одинъ оберъ прокуроръ, человѣкъ не большого чина и по большей части не случайный при Государѣ, то можетъ ли онъ единой силѣ ихъ сана, пронырству и соединенію противиться? Правда, понынѣ не видно еще, чтобы архіереи многое захватили, но постороннія тому обстоятельства противились. При Петрѣ Великомъ не смѣли ничего начать; Императрица Екатерина и Петръ II мало царствовали; Императрица Анна имѣла при себѣ герцога Курляндскаго лютеранина, слѣдственно противнаго духовенству, императрица Елизавета мало, по набожности своей, не возобновила чинъ патріаршій и временникъ ея Разумовскій, преданный духовенству, болѣе упражнялся съ ними пить, нежели въ честолюбивыхъ ихъ намѣреніяхъ имъ помогать; а потомъ ея временщикъ Ив. Ив. Шуваловъ, человѣкъ разумный, и совсѣмъ ихъ проискамъ путь пресѣкъ. Петръ III былъ внутренно лютеранинъ, а нынѣ царствующая императрица послѣдовательница новой философіи, конечно знаетъ, до какихъ мѣстъ власть духовная должна простираться, и конечно, изъ предѣловъ ея не выпуститъ. Но я впредь не ручаюсь, чтобы духовный чинъ, нашедъ удобный случай, не распростеръ свою власть".

XVIII вѣкъ былъ неблагопріятенъ для выясненія дѣла Никона. Духовный Регламентъ съ его сообщеніями о замахахъ, имѣвшими въ виду Никона, и торжество Синодальнаго правленія надъ паарíаршествомъ не могли содѣйствовать разъясненію. Петръ I старался унизить не только институтъ патріаршества учрежденіемъ должности всешутѣйшаго патріарха при всепьянѣйшемъ соборѣ, гдѣ онъ царь былъ діакономъ, но и память св. патріарха Никона. Въ Духовномъ Регламентѣ спеціально было сказано о несуществующемъ замахѣ Никона на царскую державу: „да не помянутся бывшіе и у насъ подобные (папскимъ) замахи"; при Петрѣ же въ 1700 г. было запрещено властямъ Воскресенскаго монастыря построеніе Церкви во имя Преподобнаго Алексанера Свирскаго на мѣстѣ кончины Никона, и построенный имъ Иверскій монастырь былъ присоединенъ къ Александро-Невской лаврѣ, куда были перевезены лучшіе колокола и драгоцѣнные сосуды, по свидѣтельству Митрополита Антонія. Еще въ 50-хъ годахъ XIX вѣка осталось безъ исполненія желаніе возстановить крестъ на мѣстѣ кончины Никона.

Отъ **Татищева** до церковнаго историка Петра Алексѣевича при Екатеринѣ II Никонъ вызывалъ только осужденіе. Вѣкъ Екатерины былъ враждебенъ всякимъ притяза-

ніямъ церковной власти, и Епископъ Арсеній Маціевичъ пострадалъ за отстаиваніе церковныхъ имуществъ.

Берхъ. **Берхъ**, пользовавшійся тѣми иностранными писателями, которые въ бытность въ Россіи свою информацію почерпали въ придворныхъ кругахъ, какъ Олеарій, Мейербергъ, объяснили дѣло Никона его властолюбивымъ характеромъ. Оффиціальные документы по дѣлу Никона впервые использовалъ **С. М. Соловьевъ**, но они составлялись правительственной партіей, неблагожелательной Никону, и потому также односторонни — особенно тотъ источникъ, къ которому Соловьевъ отнесся съ полнымъ довѣріемъ — Паисій Лигаридъ.

Карамзинъ. До Соловьева еще **Карамзинъ** давалъ сужденія о Никонѣ подъ вліяніемъ ложныхъ идей. Онъ говоритъ о введеніи патріаршества: „Такимъ образомъ установилась новая верховная степень въ нашей іерархіи, черезъ 110 лѣтъ ниспроверженная самодержавцемъ Великимъ, какъ безполезная для Церкви и вредная для единовластія государей, хотя разумный учредитель ея (Борисъ Годуновъ) не далъ тѣмъ духовенству никакой новой государственной силы и, перемѣнивъ имя, оставилъ Патріарха въ полной зависимости отъ Вѣнценосца. Петръ I зналъ исторію Никона и раздѣлилъ, чтобы ослабить власть духовную; онъ уничтожилъ бы и санъ Митрополита, если бы въ его время, какъ въ Іоаново или въ древнѣйшія, **одинъ** Митрополитъ управлялъ Россійской Церковью. Петръ царствовалъ и хотѣлъ только слугъ". (X, 73) Карамзинъ, какъ истый цезарепапистъ, даже не ставитъ вопроса, могъ ли по канонамъ Царь прекратить патріаршество, и гдѣ когда былъ нанесенъ патріаршествомъ вредъ царской власти. Все дѣлалъ гипнозъ о восхищеніи Никономъ на себя царской державы.

Лигаридъ. Русскіе историки, Соловьевъ и Каптеревъ за исходный пунктъ въ объясненіе поступковъ Никона брали его гордость, которую внушилъ о Никонѣ **Лигаридъ**. Послѣдній, дѣйствительно, въ своей исторіи, написанной со специальной цѣлью угодить боярамъ и снять съ совѣсти Царя Алексѣя вѣчно тяготившій его актъ осужденія Никона, и оправдать боярскій походъ на Никона, съ цѣлью самому себѣ расчистить путь къ высшей церковной власти, — выставлялъ его гордымъ человѣкомъ. Такъ онъ пишетъ на стр. 258: „Who was more proud, for the multitude of his villages, for the nation of his dependents, than Nicon, whenhe was patriarch? Who, who boasted himself more in wealth and power than Nicon the Primate of all Great, Little and White Russia? Ah, ah, he has fallen into the pit which he himself had dug for himself with his own hands, even as Lucifer like lightning from heaven into the hell which he had made for himself. Nicon has persisted

and his memorial had passed away with an empty sound, and his towering pride has been singed and burned to ashes like a torch" [1]).

Но извѣстно, что титулы Патріарха Никона только отражали титулы Царя и даны по приказу Царя. Онъ же Лигаридъ, желая возбудить противъ Никона пріѣзжавшихъ судить его Патріарховъ, старался представить дѣло такъ, что будто Никонъ хотѣлъ подняться выше ихъ всѣхъ, 111, 157, 158. This kakiarch (petriarch of all that is bad) having been born of mean parents, lived first as a hired servant, being poorer than Irus; and afterwards having, beyond all hope, been raised to the lofty eminence of the patriarchal chair, he with the mad ambition of Lucifer impudently attempted to set his own chair above those of the other patriarchs..." [2]). Но Никонъ строго соблюдалъ каноническій чередъ Патріарховъ. Онъ же Лигаридъ увѣковѣчилъ невѣрную идею о превозношеніиНикономъ себя выше Царя. Онъ пишетъ (111, 117): „And this is what has been done by the four patriarchs **on account of the arrogant Nicon, who was lifting up himself so as to overtop the emperor in dignity and making himself everything in all** affairs, and becoming a Proteus, and hereby subverting and throwing into confusion the manners of the empire, yea and customs of society" [3]). Лигаридъ во всѣхъ дѣйствіяхъ Никона ищетъ гордости, даже въ исполненіи обряда Вайй (111, 306): „O reader, note with me for a moment the arrogance of Nicon, who made the example of Christ to consist not in washing rhe feet of the disciples, but in setting on the colt with Baia and bougs" [4]). Но Никонъ, какъ извѣстно, мылъ ноги странникамъ, по разсказу

---

[1]) Кто болѣе гордился, тѣмъ онъ, множествомъ селъ, количествомъ насесенія въ своихъ владѣніяхъ, чѣмъ Никонъ, когда онъ былъ Патріархомъ? Кто больше хвалился силой и властью, чѣмъ Никонъ Патріархъ Великой, Малой и Бѣлой Руси? Увы, онъ палъ въ колодезь какъ песъ со всѣми своими лапами, или, лучше, какъ Люциперъ, ниспадшій съ неба въ адъ, уготованный имъ для него самого. Никонъ остался при этомъ, и память о немъ прошла какъ пустой звукъ, и его надменная гордость спѣта и превращена, подобно факелу, въ пепелъ.

[2]) Этотъ начальникъ великаго зла, уродившись отъ родителей низкаго происхожденія, жилъ сначала, какъ наемный слуга, будучи бѣднѣе Ира; позднѣе поднявшись, вопреки всякому ожиданію, до высокаго достоинства патріаршаго титула, онъ безумнымъ честолюбіемъ Люцифера покушался поставить свой патріаршій престолъ выше другихъ патріаршихъ престоловъ.

[3]) Какъ было установлено четырьмя Патріархами, надменный Никонъ стремился превзойти Царя въ достоинствѣ, во всемъ выдвигалъ самого себя, сталъ Протеемъ и этимъ повергалъ въ хаосъ управленіе царствомъ и обычаи общества.

[4]) Читатель, обрати на моментъ свое вниманіе вмѣстѣ со мной на надменность Никона, который воспринялъ какъ примѣръ Христа не умовеніемъ ногъ Своихъ учениковъ, а возсѣданіемъ на осляти съ вѣтвями вай.

Павла Алеппскаго, даже и не въ Великій Четвергъ. Самый уходъ отъ патріаршества Никона рисуется Лигаридомъ, лишь какъ ожиданіе, чтобы Царь самъ пришелъ его умолять остаться, что Никонъ жаждалъ этой власти. Съ посольствомъ къ нему отъ Царя Никонъ „fell foul of them more and more fiercely, not letting them come and go without fighting and ragind against them lifting up his neck on high, like a fiery unmanageable horse, presenting that he was unwilling, when he panted like a stag after it, to resume the patriarchate“ [1]). Эти сужденія Лигарида запечатлѣли и характеристики Никона у Соловьева и Каптерева, слѣдовавшихъ за нимъ въ его сужденіяхъ.

Самаринъ. **Ю. Ѳ. Самаринъ** пишетъ въ книгѣ „Ѳеофанъ Прокоповичъ и Стефанъ Яворскій (1843 г.), сочиненіе т. V, стр. 226: „Изъ всѣхъ дѣлъ и словъ Никоновыхъ, **до насъ дошедшихъ**, усматривается его двойственное стремленіе: отрѣшить безусловно церковныя владѣнія, управленіе ими и судопроизводство въ нихъ отъ **всякой** подчиненности верховной власти, изолировать ихъ въ государствѣ: другими словами гражданскія права духовенства, какъ сословія, вознести на степень существенныхъ правъ самой Церкви, и въ то же время въ области Церкви всю власть сосредоточить въ своихъ рукахъ, водворить монархическое начало: эти двѣ цѣли клонились къ одной главной: возвести Церковь на степень самостоятельнаго государства въ государствѣ. Поэтому всѣ предшествующія учрежденія (которыми Цари ввели управленіе церковными имѣніями въ составъ общаго государственнаго управленія, подчинивъ его своему надзору, нисколько, впрочемъ, его не стѣсняя, Монастырскій Приказъ и пр.). Никонъ считалъ беззаконнымъ вмѣшательствомъ въ судопроизводство церковное, расписаніе церковныхъ имуществъ, предписанное Царемъ возбуждало въ немъ негодованіе. Наконецъ пошлины, которыми были обложены церковныя земли и обязанность во время войны выставить даточныхъ людей, казались ему нарушеніемъ существенныхъ правъ Церкви“. Обвиненія послѣдняго рода Самаринъ подкрѣпляетъ не обвиненіями, сдѣланными на Соборѣ, судившемъ Никона (такихъ обвиненій къ нему и не было предъявлено), а только докладомъ посланныхъ къ Никону отъ Царя людей по доносу Боборыкина, докладомъ, сдѣланномъ ими Царю, но не показаніями самого Никона или свидѣтелей; эти посланные говорили Царю то, что они сами выговаривали Никону, а не то, что они услышали отъ него, но для этого незачѣмъ бы-

[1]) Обходился все и болѣе гордо, не позволяя имъ ни войти ни выйти безъ того, чтобы не вступать въ борьбу и не неиствовать, возносья высоко свою выю, подобно гордому необъѣзжаному коню, дѣлая видъ, будто не ищетъ онъ патріаршаго престола, котораго, однако, алкалъ подобно оленю.

ло и ѣздить къ Никону, ибо голословныхъ обвиненій со стороны его враговъ невозможно даже и перечислить. Стремленіе приписать Никону ввести монархическое управленіе въ Церкви базируется на единоличномъ будто бы судѣ надъ Митрополитомъ Павломъ, но извѣстно, что Павелъ Алеппскій писалъ, что это не былъ единоличный судъ, а совершенъ былъ совмѣстно съ Царемъ, добавляя, „и по совѣту Константинопольскаго Патріарха"; кромѣ того, самъ Никонъ говорилъ на судѣ, что объ этомъ сохранилось дѣло въ Приказѣ, изъ котораго видно, что онъ не одинъ судилъ Митрополита Павла. Практика его патріаршествованія показываетъ, что онъ обращался къ соборамъ не только въ экстраординарныхъ случаяхъ, какъ при обрядовыхъ реформахъ, но и въ менѣе важныхъ дѣлахъ, такъ въ 1657 году Соборъ занимался перемѣщеніемъ архіереевъ съ одной кафедры на другую. Обвиненіе Никона въ стремленіи совершенно изолировать церковное управленіе отъ государственнаго и отрѣшить церковныя владѣнія отъ всякой подчиненности государственной власти не точно, ибо Никонъ постоянно обращался къ Царю за содѣйствіемъ, даже въ чисто церковныхъ дѣлахъ, но отстаивалъ самостоятельность церковнаго управленія въ сферѣ, по существу принадлежащей Церкви (назначеніе на церковныя должности, судъ въ церковныхъ дѣлахъ); въ условіяхъ того времени подсудность опредѣлялась по лицамъ, а не по предметамъ, и силой вещей Никонъ отстаивалъ гражданскую подсудность духовенства суду Церкви ссылкой на принципъ самоуправленія Церкви въ своихъ дѣлахъ, не различая ихъ по существу. Однако, какъ мы уже говорили, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ отстаивалъ для Церкви и ея собственную сферу, а въ вопросѣ гражданской подсудности духовенства и неприкосновенности церковной собственности ссылается на историческую традицію, слѣдовательно, и не причислялъ ихъ къ существеннымъ правамъ Церкви, какъ писалъ ошибочно Самаринъ. Самаринъ признаетъ (230 стр.), что многія обвиненія противъ Никона очевидно внушены личной ненавистью и носятъ признаки самой грубой клеветы (присвоеніе титула великаго Государя, непризнаніе соборныхъ постановленій, введеніе въ Церковь необыклыхъ чиновъ, именованіе себя Новоіерусалимскимъ Патріархомъ, устроеніе монастырей съ похищеніемъ собственности и проч.). Далѣе онъ признаетъ: „вообще въ этой многосложной и великой тяжбѣ Царя съ Патріархомъ, правда и неправда, дѣйствительныя вины Никона и клеветы на него возведенныя, важное и ничтожное такъ перемѣшано и сбито, что, вѣроятно, уже оно не предстанетъ никогда во всей ясности и строгости. Можетъ быть, къ сверженію Никона не было достаточно причинъ; можетъ быть, онъ могъ бы получить разрѣшеніе отъ безстрастныхъ судей; но не менѣе того, стремленіе Никона,

мысль, которую онъ преслѣдовалъ, но не успѣлъ осуществить, и которой современники и обвинители его не могли узрѣть ясно и очистить отъ мелкихъ обстоятельствъ, эту мысль нельзя не осудить, какъ противную духу Православной Церкви. Никонъ хотѣлъ для Церкви независимости отъ государства въ самомъ государствѣ, для Патріарха власти неограниченной, самодержавной, вообще замыселъ его клонился къ тому, чтобы основать въ Россіи частный національны папизмъ". Съ этимъ совершенно невозможно соглагласиться послѣ изученія сочиненій Никона. Никонъ не насаждалъ русскаго написма. Папизмъ—явленіе сложное: въ него входитъ понятіе объ особой природѣ папской власти и существенномъ ея отличіи отъ архіерейской въ видѣ дополнительнаго примата въ Церкви, о папствѣ какъ основѣ самой Церкви, (по ученію католическому Церковь основана на Папѣ, а не Папа на Церкви), понятія о составѣ папской власти, со включеніемъ въ нее власти косвенной въ свѣтскихъ дѣлахъ, ученіе о монархичности, а не соборности власти, наконецъ, ученіе о прямой государственной власти Папы на территорію его государства какъ о правѣ оригинарномъ (т. е., въ силу собственнаго права, не производномъ) и именно потому и неприкосновенномъ. (Папское государство прекратило свое существованіе только въ 1870 г. и возстановлено въ 1929 г.). Никонъ же ограждалъ существенныя права Церкви, а прикладныя ея права выводилъ изъ понятія о православномъ Царѣ, долженствующемъ заботиться о Церкви, и изъ необходимости соблюдать завѣты, данные Царями при дареніяхъ Церкви и обѣты ихъ въ нарушимости церковной собственности за себя и за своихъ преемниковъ.

Въ огражденіе же существенныхъ правъ Церкви Никонъ слѣдовалъ не папской традиціи, а святоотеческой, которая сохранялась въ папствѣ на ряду съ позднѣйшими наслоеніями и омірщеніемъ Церкви въ вопросѣ, главнымъ образомъ, о косвенной власти Папы въ свѣтскихъ дѣлахъ и внесеніи въ Католическую Церковь элементовъ государственнаго характера. Извѣстно къ тому же, что патріаршая область не составила государства въ государствѣ, и важнѣйшія уголовныя дѣла всегда подлежали суду государства; рѣшительно нигдѣ въ сочиненіяхъ Никона мы не видимъ, чтобы онъ жаловался на это, какъ ни подробно перечислялъ онъ обиды Церкви отъ Царя. Самыя земельныя владѣнія онъ основывалъ на дареніи Царя за свою службу ему и доказывалъ Лигариду, что онъ не заслужилъ ихъ отнятія за неблсгодарность Царю, ибо таковой съ его стороны не было обнаружено; въ концѣ концовъ онъ и завѣщалъ ихъ епархіи Московской, а не своему преемнику—Патріарху. Одного стремленія Никона создать свои особые монастыри, отстоять вѣковую юрисдикцію Церкви и церковную собственность слишкомъ недостаточно для обвиненія въ па-

пизмѣ. Не вводилъ онъ и единоличнаго управленія въ Церкви, а опирался на соборъ помѣстныхъ архіереевъ съ участіемъ иностранныхъ архіереевъ и признавалъ компетенцію надъ собой суда вселенскихъ Патріарховъ, если онъ законно составленъ и по канонамъ судитъ. Судъ же 1666 года надъ собой почиталъ нечестивымъ, ибо онъ былъ осужденъ имъ за дѣла, которыхъ онъ не совершалъ, и по правиламъ, не относящимся къ его уходу и неправильно воспроизведеннымъ. А призывъ къ послушанію Патріарху, какъ начальному отцу, не являетъ ничего необычнаго; къ этому призывали Патріархи архіереевъ и бояръ и послѣ Никона, какъ видно изъ описанія Лигаридомъ интронизаціи Патріарха Іоасафа II. Само по себѣ это послушаніе есть каноническая обязанность, въ извѣстныхъ каноническихъ границахъ, православныхъ людей по отношенію къ первосвятителямъ своей помѣстной Церкви и, если Никонъ потребовалъ его особо въ 1652 г., то потому, что совершено было незадолго до этого, за три года величайшее въ его глазахъ правонарушеніе,—изданіе законовъ, противорѣчащихъ канонамъ, обнаружившее секуляризаціонныя стремленія правительства и его желаніе понизить государственное положеніе Церкви, вопреки 600 лѣтней традиціи. Мнѣніе Самарина о Никонѣ можно объяснить тѣмъ, что онъ имѣлъ въ распоряженіи исключительно нѣкоторые оффиціальные документы о Никонѣ, составленные тенденціозно самимъ правительствомъ, судившимъ Никона. Не видно, чтобы среди этихъ оффиціальныхъ документовъ онъ видѣлъ самое дѣло Никона. Въ силу этого и то, что Самаринъ почиталъ правдой въ дѣлѣ Никона, при болѣе пристальномъ разсмотрѣніи оказывается такой же неправдой, какъ и другія обвиненія на Никона.

Самаринъ оправдываетъ самое уничтоженіе патріаршества (стр. 237), говоритъ, что понятіе о необходимости патріаршества, встрѣчающееся у нѣкоторыхъ писателей XVII и XVIII ст., возводило его на степень учрежденія Божественнаго, безусловнаго и почти равняло его съ папизмомъ. Вотъ почему уничтоженіе патріаршества въ Россіи было необходимо. Но какъ разъ по этимъ соображеніямъ государственная власть и не могла уничтожать учрежденія церковнаго, хотя патріаршество въ смыслѣ созданія особой инстанціи надъ митрополитами и не есть учрежденіе Божественное, а церковное V вѣка, а самый принципъ объединенія всѣхъ епископовъ, пастырей Церкви подъ однимъ главенствомъ является учрежденіемъ апостольскимъ (34 ап. правило), входящимъ въ составъ преданія.

С. М. Соловьевъ. **Соловьевъ** совершенно точно воспроизводитъ сужденія Лигарида, дополняя и развивая сужденія свои общимъ разсужденіемъ о взаимномъ положеніи Царя Алексѣя Михайловича и Патріарха

Никона (XIII, 141): „молодой, мягкій по природѣ, благочестивый не по одному титулу Царь вполнѣ подчиняется энергичному Патріарху. Но это самое положеніе, это обиліе матеріальныхъ мірскихъ средствъ и заключаетъ въ себѣ причину паденія Никона, который, какъ человѣкъ плоти и крови, не выдержалъ искушенія, прельстился предложеніемъ царства и палъ. Никонъ позволилъ себѣ принять роковой титулъ великаго Государя, т. е., главнаго хозяина, правителя страны, титулъ, не могшій имѣть никакого отношенія къ значенію Патріарха, титулъ прямо указывавшій на двоевластіе, на то, что два хозяина въ домѣ, и влекшій необходимо къ столкновенію между ними, тѣмъ болѣе, что Никонъ по природѣ своей не могъ быть только титульрнымъ великимъ Государемъ. Патріаршество, высокое значеніе его, стало для Никона на второмъ планѣ, онъ бросился на мірскую власть, захотѣлъ быть настоящимъ великимъ Государемъ, настоящимъ, законнымъ и проигралъ свое дѣло, потому что сталъ въ видимое для каждаго незаконное положеніе. Поведеніе Никона съ момента отреченія представило рядъ скандаловъ, ронявшихъ все болѣе и болѣе бывшаго Патріарха, который совершенно потерялъ изъ виду Церковь, патріаршество и хлопсталъ только о томъ, чтобы ему, Никону, если нельзя возвратить все прежнее, то по крайней мѣрѣ удержать какъ можно больше изъ своего прежняго матеріальнаго значенія, изъ прежнихъ матеріальныхъ выгодъ; но въ какомъ бы печальномъ состояніи ни находилось общество, все же оно не могло не оттолкнуть отъ человѣка, который великое общественное дѣло превратилъ въ личное“. Мы, напротивъ, полагаемъ, какъ это видно изъ всего нашего труда, что Никонъ былъ неутомимый борецъ за идею; ниоткуда не видно, чтобы онъ искалъ мірской власти, а напротивъ своей прямолинейностью показывалъ, что онъ дорожитъ идеей, а не своимъ положеніемъ, что скандалы устраивали послѣ его ухода бояре со спеціальной цѣлью найти причину, чтобы отдѣлаться отъ него совсѣмъ, что паденіе Никона есть искусственная интрига бояръ, съ которыми онъ при своей чистотѣ и прямолинейности не могъ бороться такими же коварными средствами. Соловьевъ не признаетъ за Никономъ никакихъ духовныхъ стремленій, но это опровергается всѣмъ образомъ жизни Никона, его аскетизмомъ, строгостью къ себѣ, его любовью къ самому строгому церковному уставу. Матеріальныхъ выгодъ онъ себѣ никогда не искалъ и, когда имѣлъ власть и средства, все отдавалъ на постройку церквей и монастырей и, когда хотѣлъ возвращенія изъ ссылки, мечталъ продолжать тамъ въ Воскресенскомъ монастырѣ оставшійся недостроеннымъ храмъ. Сужденіе Соловьева о Никонѣ высказаны, когда онъ писалъ XI и XIII томъ своей Исторіи, т. е., въ самомъ началѣ 60-хъ годовъ XIX вѣка, когда еще не было работъ

проф. Николаевскаго въ 80-хъ годахъ, Гюббенета въ 90-хъ годахъ, Пальмера въ 70-хъ годахъ. Онъ игнорировалъ трудъ Шущерина, появившийся первый разъ въ печати въ 1784 году и переизданный въ 1816 году. Соловьевъ высказалъ сужденія (XI, 320), что „взгляды Никона на отношенія между царской и патріаршей властью расходятся съ преданіемъ Восточной Церкви, какъ они утверждены въ русской исторіи". Но цезарепапистскія стремленія стали захватывать Русскую Церковь съ половины XV вѣка, и ихъ нельзя считать традиціей Восточной Церкви, ибо на ряду съ ними была святоотеческая традиція, боровшаяся съ цезарепапизмомъ. Никонъ же отстаивалъ именно послѣднюю. Хотя Соловьевъ писалъ о соборѣ 1666 г. на основаніи архивныхъ данныхъ, однако извѣстно, что правительственныя сообщенія о дѣлѣ Никона уже потому тенденціозны, что правительство было стороной въ этомъ дѣлѣ, и многія частности процесса и приготовленій къ нему, уличающія правительство въ односторонней тенденціозности въ отношеніи къ дѣлу, опущены.

Ундольскій. Также въ 60-хъ годахъ была написана статья Ундольскаго, основанная на изученіи Никоновскаго „Раззоренія", также исходившая изъ цезарепапистской тенденціи. Ундольскій († 1864 г.) написалъ статью: „Новые матеріалы для исторіи законодательства въ Россіи", которая помѣшена была послѣ его смерти въ Русскомъ Архивѣ за 1886 г. подъ заглавіемъ „Отзывъ Патріарха Никона объ Уложеніи Царя Алексѣя Михайловича. Въ ней онъ упоминаетъ о „Раззореніи" Никона, подлинникъ котораго хранится въ Воскресенскомъ монастырѣ, но списки котораго были въ Академіи Наукъ и въ рукописяхъ самого Ундольскаго. Онъ пишетъ: „Несмотря на великую личность Патріарха Никона, его заслуги Царю и отечеству, должно сказать, что не всѣ пункты сего отзыва заслуживаютъ подробнаго разсмотрѣнія. По обширности его (945 листовъ in 4⁰) можно назвать разборомъ или разсмотрѣніемъ Уложенія, но, исключивъ изъ него вынужденное обстоятельствами, въ которыхъ писано возраженіе, останется не больше. какъ отзывъ о нашемъ знаменитомъ законодательномъ памятникѣ. Какъ въ самомъ Уложеніи нѣкоторыя статьи должны имѣть силу дѣйствующаго законодательства, другія напротивъ имѣютъ только историческое значеніе, такъ и въ отзывѣ Патріарха Никона. Какъ видитъ читатель, это не совсѣмъ точно, ибо, если дѣйствительно Никонъ писалъ въ своемъ „Раззореніи" много о Монастырскомъ Приказѣ, созданномъ Уложеніемъ, то онъ не ограничился критикой нормъ Уложенія, а перешелъ къ идеологической критикѣ постановки самой царской власти и патріаршества, къ выясненію высшихъ принциповъ государственнаго строительства, разъяснить которыя было цѣлью нашего труда, и высшей идеи,

которой призвано служить законодательство—идеи оцерковленія жизни. Ундольскій въ критикѣ Никона на Монастырскій Приказъ видитъ преувеличеніе, ибо Никонъ видѣлъ въ этомъ „восхищеніе Царемъ на себя святительскаго чина и власти церковной" (ib. 614 ст.); равно Ундольскій находитъ естественнымъ, что Митрополитъ Крутицкій обращался къ Царю за выборомъ лицъ для поставленія въ епископы и архимандриты, не видя въ этомъ самоуправства Царя въ Церкви. Очевидно, самъ Ундольскій не оцѣнилъ того, что критика Никона направлена на самый цезарепапизмъ въ принципѣ, и чтобы оцѣнить Никоновское возраженіе, надо встать на точку зрѣнія самой Церкви. Но Ундольскій правильно отмѣтилъ, что Никонъ протестовалъ противъ разоренія патріаршихъ дѣлъ, въ Уложеніи начатаго, и прекращенія роста земельной церковной собственности. Но далѣе опять, не уяснивъ исходнаго пункта возраженій Никона, онъ напрасно объясняетъ его раздраженіемъ. Слова „священство царства преболѣ есть, что Царь не есть, не можетъ быть глава Церкви" (ib. 615 ст.): — не раздраженіе, а святоотеческое ученіе. Поэтому напрасно Ундольскій оговариваетъ, что изъ любви къ правдѣ онъ не оставилъ безъ вниманія и этихъ мѣстъ „не въ обличеніе злосчастному Патріарху, но въ доказательство, что и самыя высокія души иногда несвободны бываютъ отъ высокоумія, неприличнаго христіанину, особенно же Первосвятителю". Непониманіе исходнаго пункта Никоновскаго ученія видно изъ слѣдующихъ словъ Ундольскаго. Признавая правильность патріаршихъ отвѣтовъ, что царская власть безпредѣльна, Ундольскій напоминаетъ Никону его же слова, что „подобаетъ коемуждо своя мѣста знати, а не восхищатися на не сущая" (ib. 619 ст.). Приписывая Никону сужденія въ „Раззореніи" его крутости, Ундольскій признаетъ его заботы о просвѣщеніи, восхваляетъ за собираніе греческихъ и славянскихъ рукописей и кончаетъ статью: „Станете ли вы разсматривать богатѣйшія вещи патріаршей ризницы, обратитесь ли къ памятникамъ зодчества отъ патріаршаго дома до монастырей Иверскаго и Ново-Іерусалимскаго съ монументальнымъ памятникомъ съ (доселѣ единственнымъ) храмомъ Воскресенія, вездѣ увидите геній Никона. Самое возраженіе, писанное не въ спокойномъ расположеніи духа, („огорчевался отъ великія кручины) не ясно-ли доказываетъ. что Никонъ имѣлъ способности необыкновенныя, обладалъ Обширнымъ знаніемъ Св. Писанія, соборныхъ правилъ, писаній святоотеческихъ и ко всему этому, при отличной памяти, былъ находчивъ до невѣроятности?" Добавимъ: доказывается въ „Раззореніи" большее, что онъ указалъ правильный методъ, принятый современной канонической наукой,—опредѣлить компетенцію Царя и Патріарха по внутренней природѣ ихъ чина, онъ далъ теорію православнаго Царя,

цѣнную не только для его времени, но и для грядущихъ поколѣній.

Костомаровъ. **Костомаровъ** (Русская Исторія въ жизнеописаніи ея главнѣйшихъ дѣятелей. Выпускъ IV, 1874) не даетъ своей оцѣнки идей Никона въ отношеніи постановки церковно государственныхъ отношеній; изъ его перковнообрядовыхъ реформъ онъ выводитъ заключеніе, что у него благочестіе не шло далеко за предѣлы обрядности. „Буква богослуженія приводитъ къ спасенію; слѣдовательно необходимо, чтобы эта буква была выражена какъ можно правильнѣй. Таковъ былъ идеалъ Церкви по Никону. Буква обряда давно уже камнемъ лежала на русской духовной жизни. эта буква подавляла богатую натуру Никона („Никонъ" стр. 168). Задачей Никона было правильное однообразіе церковной практики; изъ этой задачи прямо вытекала потребность и единой церковной власти, а эту власть находилъ онъ въ себѣ, въ своемъ патріаршемъ санѣ, и вотъ Никонъ, ревностно взявшись за дѣло достиженія единообразія церковной обрядности, логически долженъ былъ сдѣлаться борцомъ за независимость и верховность своей патріаршей власти". Если бы Никонъ придавалъ такое значеніе обряду, то едва ли бы онъ въ 1657 г. разрѣшилъ Неронову служить въ Успенскомъ Соборѣ по старымъ книгахъ. А что онъ хотѣлъ единообразія обрядовъ, то самъ Костомаровъ приводитъ приведенную Никономъ въ предисловіи къ Служебнику, цитату изъ грамоты Вселенскихъ Патріарховъ на устроеніе въ Россіи патріаршества, цитату, которая призвана объяснить церковнообрядовую реформу Никона: „Православная Церковь приняла свое совершеніе не только по богоразумію и благочестію догматовъ, но и по священному Уставу церковныхъ вещей; праведно есть намъ истреблять всякую новину ради церковныхъ ограждеій, ибо мы видимъ, что новизны всегда были виной смятеній и разлученій въ Церкви; надлежитъ послѣдовать Уставамъ Св. Отецъ и принимать то, чему мы отъ нихъ научились, безъ всякаго приложенія или убавленія. Всѣ святые озарялись отъ единаго Духа и уставили полезно: что они анаѳемѣ предаютъ, то и мы проклинаемъ; что они подвергли низложенію, то и мы низлагаемъ; что они отлучили, то и мы отлучаемъ, пусть православная Великая Россія во всемъ будетъ согласна со Вселенскими Патріархами. „Едва ли можно согласиться съ бѣглымъ замѣчаніемъ Костомарова, что Никонъ сдѣлался борцомъ за независимость и верховность своей патріаршей власти въ силу логической необходимости, дади достиженія церковной обрядности. Прежде всего Никонъ, какъ показали мы, боролся за права Церкви, а не за права Патріарха; далѣе нѣтъ никакой связи между его церковнообрядовыми реформами, которыя онъ проводилъ съ поддержкой Царя, его духовника и другихъ

архіереевъ, и его борьбой за права Церкви. Никонъ не вспоминалъ о своей церковнообрядовой реформѣ послѣ 1657 года въ своихъ письмахъ и сочиненіяхъ, а о правахъ Церкви писалъ, начиная со второй половины 1662 г., въ 1663 и 1664 годахъ въ „Раззореніи“ въ связи съ постановкой церковнаго судя по Уложенію и вмѣшательствомъ свѣтскаго правительства въ назначеніе церковныхъ должностныхъ лицъ въ Церкви. Въ церковнообрядовой реформѣ ему незачѣмъ было ограждать права Церкви отъ свѣтской власти, ибо въ этомъ онъ не только опирался на ея сочувствіе, но чуть ли не слѣдовалъ ея инициіативѣ, какъ увѣряетъ Каптеревъ. Для проведенія же церховнообрядовыхъ реформъ въ нѣдрахъ Церкви онъ прибѣгалъ къ авторитету Константинопольскаго Патріарха, къ которому обращался съ вопросами, и къ Соборамъ, гдѣ подробно изслѣдовался вопросъ и о потребности реформы и проводилась сама реформа, вновь обсуждалась и утверждалась. Статья Костомарова въ въ смыслѣ разработки фактовъ дѣятельности Никона устарѣла, а канонической оцѣнки дѣятельности Никона Костомаровъ не касается. Но онъ признаетъ его однимъ изъ самыхъ крупныхъ, могучихъ дѣятелей Русской Исторіи (ib. стр. 157).

Каптеревъ. Также **Каптеревъ**, издавшій свое изслѣдованіе въ 1912 г. II т. „Патріархъ Никонъ и Царь Алексѣй Михайловичъ“, повторяетъ всѣ сужденія Лигарида о Никонѣ подкрѣпляя ихъ, какъ мы уже видѣли неоднократно, сужденіями однихъ его враговъ, продолжая то дѣло, которое дѣлалось на Соборахъ 1660 и 1666 г. по затуманиванію личности великаго Патріарха, несмотря на то, что литература въ лицѣ Николаевскаго и Пальмера вскрыла фактъ невѣрности свидѣтельскихъ показаній на Соборѣ 1660 г. объ обстоятельствахъ ухода Никона, а подкупность Собора 1666 г. показана самимъ проф. Каптеревымъ; сочиненіе Пальмера имъ совершенно оставлено внѣ разсмотрѣнія. Объясненіе жизни Никона, какъ непрерывнаго насыщенія властолюбіемъ, является совершенно недоказанной искусственной попыткой объяснить всѣ его дѣянія съ заранѣе принятымъ на вѣру отъ Лигарида фактомъ доказанности этого властолюбія. Но всѣ дѣйствія Никона вполнѣ объясняемы иначе, именно, какъ вѣчное горѣніе о славѣ Русской Церкви и Русскаго Государства до полнаго самопожертвованія. И почему мы должны вѣрить Лигариду и всѣмъ врагамъ Никона и не стараться понять Никона такъ, какъ стремились понять его люди, не имѣвшие желанія его очернить и не затуманенные догматомъ цезарепапизма, подобно Соловьеву и Каптереву. которые подъ этимъ угломъ оцѣнивали всѣ дѣянія Никона? Людей, подходящихъ къ Никону безъ предубѣжденія, мы встрѣтимъ частью и въ отечественной литературѣ, не говоря объ иностранной (какъ католи-

ческой, такъ и протестантской), которая видитъ въ Никонѣ одного изъ величайшихъ людей, не только русской, но и міровой исторіи, безъ всякихъ обвиненій во властолюбіи, не соотвѣтствующемъ сану Патріарха.

Митрополитъ Макарій.

Митрополитъ Макарій, окончившій свой трудъ о Никонѣ передъ самой смертью, изслѣдовавшій дѣятельность Никона во время патріаршества и суда надъ нимъ, продолжаетъ, какъ бы по Соловьевской традиціи, говорить о властолюбіи Никона, но уже ограничиваетъ это положеніе констатированіемъ того факта, что Никонъ не выступалъ изъ предѣловъ по отношенію къ власти царской. Такъ на стр. 264 (т. 12) онъ говоритъ: „Никонъ помнилъ, что онъ подданный Государя, обращался къ нему, когда нужно, съ челобитіемъ и не обнаруживалъ прямо никакихъ чрезмѣрныхъ притязаній, когда все благопріятствовало его могуществу. Но обстоятельства измѣнились, когда онъ почувствовалъ себя въ царской опалѣ; тогда онъ уже не стѣснялся ничѣмъ, чтобы высказать свои притязанія во всей широтѣ и не полагалъ никакихъ границъ этимъ заносчивымъ притязаніямъ". Послѣднее невѣрно. Если бы Митрополитъ Макарій знакомъ былъ съ „Раззореніемъ Никона, то онъ увидѣлъ бы, что Никонъ проводитъ строгое различіе между порядкомъ свѣтскимъ и духовнымъ и каждому отдаетъ свою мѣру; изслѣдованіе жизни Патріарха Никона за періодъ послѣ его ухода изъ Москвы въ 1658 г. до суда надъ нимъ 1666 г. было дѣломъ Гюббенета; оно показываетъ, что въ это время Никона всячески преслѣдовали и провоцировали, и что Никонъ только защищался; если онъ въ гнѣвѣ иногда позволялъ себѣ рѣзкости въ отпорѣ, то онѣ могли свидѣтельствовать только, какому испытанію подвергалось его терпѣніе, а вовсе ни о какихъ то его властолюбивыхъ замыслахъ. Мы разумѣемъ его разговоры съ посылавшимися къ нему въ Воскресенскій монастырь отъ Царя лицами. Митрополитъ Макарій говоритъ впрочемъ о гордости и властолюбіи Никона и въ періодъ его патріаршества: „Никонъ при всемъ умѣ не умѣлъ поставить себя на такой высотѣ, какъ слѣдовало бы по отношенію къ своему царственному другу, не умѣлъ сдерживать своей необузданной гордости и властолюбія и съ упорствомъ оставался вѣренъ тому началу, которое высказалъ еще при избраніи его на патріаршую каѳедру, т. е., чтобы самъ Царь слушалъ его во всемъ, какъ Патріарха. Въ своей дружбѣ съ Царемъ Никонъ желалъ быть лицомъ господствующимъ и позволялъ себѣ такія вещи, которыя не могли не оскорблять Государя, и, повторяясь нерѣдко, неизбѣжно должны были вести къ столкновенію и размолвкамъ, взаимному охлажденію друзей и наконецъ привести къ разрыву. Чувство горечи де у Царя должно было быть и при избраніи Никона, когда ему пришлось пасть на землю".

(Мак. XII 353-366 и 512-513). Извѣсно, что Алексѣй Михайловичъ цѣловалъ въ ногу Патріарха Іосифа, котораго лично не любилъ, изъ почтенія къ его сану, поэтому Никона нельзя винить въ такого же рода проявленіяхъ почитанія къ нему со стороны Царя. Ни откуде не видно, чтобы Никонъ третировалъ Царя, а слова, приписываемыя Никону Нероновымъ, что „мнѣ де царская помощь не надобна, я на нее плюю и сморкаю", которыя приводитъ Митрополитъ Макарій, исходятъ отъ врага Никона Неронова и не заслуживаютъ довѣрія, разъ они не имѣютъ подтвержденія изъ другихъ источниковъ. Никонъ выражался всегда совершенно прямо, безъ лести и независимо; не стѣсняясь присутствія Царя и толпы, но это бывало, когда онъ выступалъ, какъ защитникъ Церкви или ея установленій; напримѣръ, при бросаніи иконъ въ церкви латинскаго письма, или при проповѣдяхъ въ церкви, когда онъ властно проповѣдывалъ, какъ учитель, а Царь смиренно слушалъ, какъ выражается Павелъ Алеппскій. Впрочемъ самъ Митрополитъ Макарій говоритъ: „Какъ далеко ни простиралась власть Патріарха Никона, онъ никогда рѣзко не выступалъ изъ предѣловъ по отношенію къ царской власти. Въ своихъ церковныхъ дѣлахъ онъ достигъ совершенной самостоятельности и независимости отъ мірскихъ властей и казался всѣмъ дѣйствительно верховнымъ архипастыремъ, полновластнымъ владыкой и главой управляемой имъ Цернви" (XII, 264). Никонъ и призванъ былъ быть ея главой, руководителемъ, но онъ всегда признавалъ въ церковной сферѣ надъ собой Соборъ епископовъ и другихъ Патріарховъ, а въ сферѣ свѣтской— Царя, причемъ въ послѣдней свою дѣятельность разсматривалъ, какъ службу Царю для содѣйствія ему. Митрополитъ Макарій считаетъ, что Никонъ низложенъ за свое упорство, что онъ самовольно отказался отъ престола, въ надеждѣ, что Царь его будетъ умолять вернуться, сложилъ патріаршія отличія, свалилъ причину ухода на царскій гнѣвъ (XII, 319-321), но изслѣдованія проф. Николаевскаго, впервые въ русской литературѣ подвергшія сомнѣнію правильность свидѣтельскихъ показаній, на которыхъ основано было обвиненіе Никона въ уходѣ съ отреченіемъ отъ патріаршества съ клятвою не возвращаться на престолъ, появились послѣ смерти Митрополита Макарія, а изслѣдованія Пальмера не были изучены Митрополитомъ Макаріемъ, хотя ихъ существованіе было ему извѣстно. Онъ упоминаетъ объ ихъ существованіи на 11 стр. XII тома; симпатіи его на судѣ не на сторонѣ Никона. Митрополитъ Макарій игнорируетъ вопросъ, насколько отстаиваніе Никономъ правъ Церкви соотвѣтствовало ея правамъ, и самъ не высказывается опредѣленно отрицательно о цезарепапизмѣ; основной стимулъ борьбы Никона противъ этого цезарепапизма остался для него въ сторонѣ, потому и сама борьба Никона могла ему

казаться борьбой за личное господство, которая поэтому и могла казаться непривлекательной. Его суровость онъ расцѣниваетъ какъ то, что Никонъ не былъ выше своего вѣка (стр. 303), онъ приписываетъ ему надменность и высокомѣріе въ обращеніи съ боярами и архіереями (стр. 305). Царь де не могъ переносить горделивыхъ притязаній Никона (стр. 309); Никону слѣдовало 10 іюля 1658 г. не уходить, а смириться, но Митрополитъ Макарій не нашелъ общей идеи Никонова служенія (вѣрность канонамъ), и потому его уходъ представлялся ему лишь актомъ, вызывавшимъ Царя на повтореніе слезной мольбы 1652 года. Онъ не считалъ достаточными причины Никона для ухода, а полагалъ, что Никонъ долженъ бить челомъ Царю, просить прощенія (стр. 722); дѣятельность Монастырскаго Приказа въ послѣдніе годы патріаршества Никона, фактъ нарушенія этимъ клятвы Царя и бояръ, прекращеніе упоминанія имени Никона послѣ ухода въ богослуженіи Митрополитомъ Питиримомъ оставленнымъ имъ мѣстоблюстителемъ, — все это игнорируется Митрополитомъ Макавіемъ очевидно потому, что съ цезарепапистской точки зрѣнія здѣсь и нѣтъ ничего страннаго. Неоднократно Митрополитъ Макарій цитируетъ Лигарида, какъ авторитетъ, (стр. 450, 452, 458-460) и тѣмъ вновь изобличаетъ источникъ, который былъ разсадникомъ убѣжденія и въ гордости, и въ властолюбіи Никона.

Каптеревъ. Эту линію историковъ, осуждающихъ Никона за властолюбіе, простирающееся на восхищеніе на себя царской власти, оживилъ **Каптеревъ** въ упомянутомъ своемъ сочиненіи „Патріархъ Никонъ и Царь Алексѣй Михайловичъ", изданномъ въ 1912 г. Тамъ не приведено никакихъ фактовъ изъ исторіи Никона, подтверждающихъ этотъ тезисъ и даже, какъ мы видѣли, не установлены точнѣе возрѣнія по вопросу объ отношеніи свѣтской и духовной власти, а совершенно произвольно освѣщена вся его дѣятельность съ точки зрѣнія будто бы преднамѣреннаго захвата власти. Однако необыкновенная прамота, откровенность, прямолинейность, несчитающаяся ни съ обстоятельствами, ни съ сильными міра сего, соединенная съ суровымъ подвижническимъ образомъ его жизни, совершенно исключаетъ мысль объ этомъ. Вѣдь если бы не эти качества, Никонъ не ушелъ бы съ каѳедры, ибо лично ему ничто не угрожало, и онъ могъ бы для сохраненія своего положенія примириться съ захватомъ перковной сферы Монастырскимъ Приказомъ, какъ послѣ него многіе помирились даже съ церковной реформой Патра; а, заявивъ объ уходѣ, могъ бы вернуться послѣ просьбы Царя, переданной черезъ Трубецкого — не уходить. Но Никона занимало не его положеніе, а его идея; напротивъ — по Каптереву у Никона на первомъ планѣ его положеніе. Каптеревъ не поставилъ даже и вопроса, насколько правъ былъ каконически и обязанъ Никонъ за-

щищать права Церкви, не было ли среди этихъ правъ Церкви и такихъ, которыя онъ долженъ былъ защищать, не только какъ данныя Церкви государствомъ и осуществляемыя ею въ теченіе 6 вѣковъ, но и какъ по существу присущія ей. Вѣдь, Монастырскій Приказъ не только судилъ духовенство по гражданскимъ дѣламъ, но на практикѣ властно вмѣшивался и въ назначеніе на духовныя должности. А послѣ ухода Никона свѣтская власть совершенно игнорировала наличіе живого Патріарха, котораго сама признавала за таковего (встрѣча Никона Царемъ съ синклитомъ лѣтомъ 1659 г.) и распоряжалась въ церковныхъ дѣлахъ совершенно произвольно. Насколько вообще правъ самъ Каптеревъ считать, что Царь черезъ Церковные Соборы призванъ также управлять Церковью, какъ управляетъ государствомъ черезъ государственныя учрежденія? Учитъ ли этому Церковь? Учатъ ли этому Святые Отцы Церкви? Учатъ ли этому православные канонисты, среди которыхъ изъ русскихъ мы можемъ назвать проф. Бердникова, Заозерскаго, Епископа Іоанна Смоленскаго, Прокошева, Остроумова, Барсова, Курсанова и др. Я не говорю о почти всей католической литературѣ, которая видитъ идею независимости и самостоятельности Церкви особо гарантированной въ своей Церкви учрежденіемъ папства, учрежденіемъ, съ нашей православной точки зрѣнія, хотя и не Божественнаго происхожденія, но созданнымъ вѣковой работой латинскаго генія. Развѣ, если исходить изъ протестанскаго ученія, гдѣ нѣтъ церковной іерархіи, какъ правотворящаго фактора, тогда можно не ставить вопроса о томъ, что компетентна творить сама церковная іерархія и что государственная власть. Если бы было изслѣдовано и выяснено право Церкви на то, что защищалъ ради нея Никонъ, то можетъ быть, и не понадобилось бы создавать теорію объ его властолюбіи. Характерно, что всѣ, нами перечисленные ученые, обвиняющіе Никона въ властолюбіи—Лигаридъ, Щербатовъ, Татищевъ, Карамзинъ, Соловьевъ, Каптеревъ—откровенно цезарепаписты, Митрополитъ Макарій можетъ быть къ нимъ причисленъ, поскольку онъ. обвиняя Никона въ гордости, властолюбіи, вовсе не старается выяснить, правъ ли или неправъ канонически былъ Никонъ, ибо и онъ совершенно умалчиваетъ о той канонической катастрофѣ, которая происходила съ захватомъ государствомъ управленія церковнаго въ свои руки, особенно послѣ 1658 г., какъ будто это такъ и должно было быть и не вызывало права предстоятеля Церкви на протестъ. Засиліе государства надъ Русской Церковью въ теченіе XVIII и XIX вѣковъ не благопріятствовало постановкѣ вопроса, правъ ли былъ Никонъ отстаивать извѣстную долю церковной самостоятельности. Самое имя Никона не только было въ забвеніи, во даже намѣренно держалось въ этомъ забвеніи: напомнимъ, что

была даже запрещена при Петрѣ I постройка церкви во имя преподобнаго Александра Свирскаго на мѣстѣ кончины Никона.

Ключевскій.

Ключевскій останавливается по преимуществу на психологической сторонѣ церковно-обрядовыхъ реформъ Никона и послѣдствіяхъ отъ столкновенія преобразовательнаго движенія въ государствѣ и Церкви съ народно-психологическимъ значеніемъ церковнаго обряда и съ національнымъ взглядомъ на положеніе Русской Церкви въ христіанскомъ мірѣ. Онъ цѣнитъ духовную силу Никона, сумѣвшаго выработать и донести до патріаршаго престола ясную мысль о Церкви Вселенской и объ отношеніи къ ней Помѣстной Русской (Курсъ III т. 390); онъ не приписываетъ Никону убѣжденія въ душевредности старыхъ церковныхъ обрядовъ и въ исключительной душеспасительности новыхъ, ссылаясь на разрѣшеніе сугубой аллилуіи въ Успенскомъ соборѣ и разрѣшеніи Неронову служить и по новымъ книгамъ. Никонъ преслѣдовалъ не за обрядъ, а за противленіе церковной власти (III т. 396). Вопросъ же объ отношеніи Никона къ царской власти и патріаршей, Ключевскій не затронулъ. Лишь, касаясь вопросовъ уничтоженія препятствій успѣхамъ западнаго вліянія въ прекращеніи политической роли древне русскаго духовенства, онъ какъ бы принимаетъ на вѣру старое русское мнѣніе о Никонѣ, посѣянное боярской партіей о его покушеніи на царскую державу. Онъ пишетъ (III т. 410): „правящія государственныя сферы были рѣшительно. **Здѣсь надолго запомнили, какъ глава церковной іерархіи хотѣлъ стать выше Царя**, какъ онъ на Вселенскомъ судилищѣ 1666 г. срамилъ Московскаго носителя верховной власти, и, признавъ, что отъ этой іерархіи кромѣ смуты ждать нечего, молчаливо, безъ словъ, общимъ настроеніемъ рѣшили предоставить ее самой себѣ, но до дѣятельнаго участія въ государственномъ управленіи не допускать". Ошибочность пониманія Никоновскихъ идей, которое пріобрѣтается только изъ изученія подлинныхъ его сочиненій, не мѣшала Ключевскому дать интересный психологическій обликъ Никона съ точки зрѣнія наблюдателя его внѣшней дѣятельности, не вскрывающей однако тѣхъ основныхъ импульсовъ, которыми двигалась дѣятельность Никона: его глубокая церковность, аскетизмъ и стремленіе оцерковлять на своемъ пути все, къ чему онъ прикасался. По своей картинности она заслуживаетъ быть приведенной цѣликомъ (Курсъ III, 384): „Изъ русскихъ людей XVII вѣка я не знаю человѣка крупнѣе, своеобразнѣе Никона. Но его не поймешь сразу: это—довольно сложный характеръ и, прежде всего, характеръ очень неровный. Въ спокойное время, въ ежедневномъ обиходѣ, онъ былъ тяжелъ, капризенъ, вспыльчивъ и властолюбивъ, больше всего самолюбивъ". Но какъ бы опвовергая самого сеяя,

Ключевскій продолжаетъ: „Но это едва ли были его настоящія коренныя свойства. Онъ умѣлъ производить громадное нравственное впечатлѣніе, а самолюбивые люди на это неспособны. За ожесточеніе въ борьбѣ его считали злымъ; но его тяготила всякая вражда, и онъ легко прощалъ врагамъ, если замѣчалъ въ нихъ желаніе пойти ему навстрѣчу. Съ упрямыми врагами Никонъ былъ жестокъ. Но онъ забывалъ все при видѣ людскихъ слезъ и страданій; благотворительность, помощь слабому или больному ближнему была для него не столько долгомъ пастырскаго служенія, сколько безотчетнымъ влеченіемъ доброй природы". Жестокость съ врагами — качество преувеличенное, если припомнить, что послѣ Никона наказанія раскольниковъ доходили до сожженія, а при немъ не шли дальше тюрьмы и ссылки — наказаній слишкомъ обычныхъ при тогдашнихъ суровыхъ нравахъ. „По своимъ умственнымъ и нравственнымъ силамъ, продолжаетъ Ключевскій, Никонъ былъ большой дѣлецъ, желавшій и способный дѣлать большія дѣла, но только большія. Что умѣли дѣлать всѣ, то онъ дѣлалъ хуже всѣхъ; но онъ хотѣлъ и умѣлъ дѣлать то, за что не умѣлъ взяться никто, все равно, доброе ли то дѣло было или дурное. Его поведеніе въ 1650 г. съ Новгородскими бунтовщиками, которымъ онъ далъ себя избить, чтобы ихъ образумить, потомъ во время Московскаго мора 1654 г., когда онъ въ отсутствіи Царя вырвалъ изъ заразы его семью, обнаруживаетъ въ немъ рѣдкую отвагу и самообладаніе; но онъ легко терялся и выходилъ изъ себя отъ житейской мелочи, ежедневнаго вздора; минутное впечатлѣніе разросталось въ цѣлое настроеніе. Въ самыя трудныя минуты, имъ же самимъ себѣ созданныя и требовавшія полной работы мысли, онъ занимался пустяками и изъ-за пустяковъ готовъ былъ поднять большое шумное дѣло. Осужденный и сосланный въ Ѳерапонтовъ монастырь, онъ получалъ отъ Царя гостинцы, и, когда разъ Царь прислалъ ему много хорошей рыбы, Никонъ обидѣлся и отвѣчалъ ему упрекомъ, зачѣмъ не прислали овощей, винограду въ патокѣ, яблочекъ. Въ добромъ настроеніи онъ былъ находчивъ и остроуменъ, но обиженный и раздраженный, терялъ всякій тактъ и причуды озлобленнаго воображенія принималъ за дѣйствительность. Въ заточеніи онъ принялся лѣчить больныхъ, но не утерпѣлъ, чтобы не кольнуть Царя своими цѣлительными чудесами, пославъ ему списокъ излѣченныхъ, а царскому посланцу сказывалъ, былъ де ему глаголъ, „отнято де у тебя патріаршество, за то дана чаша лѣкарственная: „лѣчи болящихъ". Никонъ принадлежалъ къ числу людей, которые переносятъ страшныя боли, но охаютъ и приходятъ въ отчаяніе отъ булавочнаго укола. У него была слабость, которой страдаютъ нерѣдко сильные, но мало выдержанные люди: онъ скучалъ

покоемъ, не умѣлъ терпѣливо выжидать; ему постоянно была нужна тревога, увлеченіе, смѣлою ли мыслью, или широкимъ предпріятіемъ, даже просто хотя бы ссоры съ противнымъ человѣкомъ. Это словно парусъ, который въ бурю бываетъ самимъ собой, а въ затишьѣ треплется безполезной тряпкой".

Послѣдняя характеристика основана на Соловьевскихъ матеріалахъ и никакъ не можетъ быть принята за отраженіе дѣйствительности. Никонъ не кололъ Царя указаніями на свои исцѣленія. Теперь они засвидѣтельствованы, какъ фактъ. Никонъ никогда не искалъ бурь, ибо ихъ слишкомъ много было вокругъ него и притомъ спеціально направленныхъ противъ него. Онъ никогда не оставался безъ дѣла, и потому не могъ трепаться безполезной тряпкой. Если ему искусственно не дали сдѣлать всего того, что могъ сдѣлать этотъ великій человѣкъ положительнаго, то въ самомъ его бездѣйствіи и заточеніи было величайшее дѣло его жизни: борьба за независимость Церкви и протестъ противъ начинавшейся секуляризаціи государства цѣной самопожертвованія: страданіе и за свое ученіе и за обличеніе. Въ отрицательныхъ чертахъ, приписанныхъ Ключевскимъ Никону, чувствуется искусственность и придуманность. Никоновская, будто бы, „нетерпѣливость", „малая выдержанность" окажутся совершенно чуждыми ему, если вспомнить грандіозность частью выполненныхъ и частью задуманныхъ реформъ среди столь неблагопріятной ему обстановки. Въ неизсякаемой и непрерывной напряженности Никона такіе мелкіе факты, какъ „обида по малу рукой" провинившагося въ алтарѣ или пренебреженіе къ боярской спѣси ради приведенія къ смиренію, является тѣмъ же, чѣмъ щепки въ лѣсу, гдѣ идетъ рубка деревьевъ. Въ лицѣ Никона отразилась во всемъ своемъ могучемъ размахѣ старая русская церковная культура, покидавшаяся людьми, ведшими государство къ усвоенію иной культуры и иного міросозерцанія, гдѣ Церкви отводилось уже не значеніе учрежденія, указующаго конечныя цѣли самому государству, а вспомогательнаго государственнаго учрежденія, на ряду съ другими, съ которыми государство считается, лишь поскольку это нужно ради его собственной пользы, свободно понятой имъ самимъ безъ содѣйствія Церкви.

С. Ф. Платоновъ. Также **С. Ф. Платоновъ** въ своемъ сокращенномъ курсѣ Русской Исторіи (стр. 204 изд. 1917 г.) повторяетъ Соловьевскія сужденія. „Никонъ дѣйствовалъ властолюбиво и высокомѣрно не только по своей энергичной и властной натурѣ, но и по своимъ взглядамъ на назначеніе церковной власти: „Священство выше царства", говоритъ онъ: „священство отъ Бога, помазаніе же на царство отъ священства". „Господь Богъ, когда сотворилъ землю, повелѣлъ двумъ свѣтиламъ свѣтить ей, солнцу

и мѣсяцу, и черезъ нихъ показалъ намъ власть архіерейскую и царскую, солнцемъ — власть архіерейскую, мѣсяцемъ царскую"; „въ вещахъ мірскихъ Царь и архіерей не выше одинъ другого", „въ вещахъ же духовныхъ архіерей великій выше Царя". Говоря такъ, Никонъ не могъ смотрѣть на себя иначе, какъ на „великаго Государя" но притязанія Никона не имѣли почвы въ русскомъ быту, такъ какъ на Руси духовенство никогда не ставило себя выше Князей и Царей и не искало мірской власти и прямого воздѣйствія на государственныя дѣла. Поэтому Никонъ на нашелъ себѣ сочувствія не только нъ свѣтскомъ обществѣ, но и въ духовенствѣ. Его стремленія къ особому возвышенію патріаршаго авторитета приписывали его личной гордости и заносчивости, и Соборъ согласно осудилъ Никона..." Въ примѣчаніи онъ говоритъ, „что русскіе архіереи послѣ осужденія Никона стали настаивать, чтобы Царь имѣлъ преимущество въ государственныхъ дѣлахъ, а Патріархъ — въ церковныхъ. На этомъ послѣ многихъ споровъ, и рѣшилъ Соборъ. Однако мнѣніе греческихъ іерарховъ о неправотѣ Никона и объ общемъ превосходствѣ царской власти надъ патріаршей было усвоено Московскими Государями и подготовило въ будущемъ полное подчиненіе Церкви государству". Мы слишкомъ долго разбирали ученіе Никона и для опроверженія этого сужденія о Никоновской теоріи пришлось бы его цѣликомъ повторить. Отмѣтимъ только, что одна цитата: „Въ вещахъ мірскихъ Царь и архіерей не выше, одинъ другого"—неправильна, ибо именно Царь-то въ мірскихъ дѣлахъ и признавался Никономъ выше. Наименованіе „Великаго Государя" дано Никону, какъ онъ самъ говорилъ, за службу Царю, и потому совсѣмъ иной природы, чѣмъ думаетъ Платоновъ, выводящій его не изъ пожалованія Государя, а изъ самостоятельнаго будто выведенія этого титула изъ состава патріаршей власти. Воззрѣнія Никона вытекаютъ изъ каноновъ и всей прежней до-Петровской исторіи Руси. Онъ не нашелъ сочувствія, ибо съ своимъ стремленіемъ къ святости былъ слишкомъ тяжелъ для духовенства и боярства. Но что мнѣніе греческихъ архіереевъ легло въ основу послѣдующаго построенія церковно-государственныхъ постановленій, вопреки соборнымъ постановленіямъ, съ этимъ можно вполнѣ соглашаться, съ той прибавкой, что иниціаторомъ и вдохновителемъ этого мнѣнія, его проводникомъ, выразителемъ и праотцемъ былъ запрещенный Митрополитъ, католикъ Паисій Лигаридъ.

Но все же и въ Русской литературѣ мы находимъ другую линію отзывовъ о Никонѣ, совершенно противоположную, которые даютъ основу для другого сужденія объ его дѣлѣ, чѣмъ представленіе о непрерывномъ стремленіи къ власти, то удающемся (время его патріаршества), то неудающемся (послѣ его ухода). Эти отзывы исходятъ прежде

всего изъ круговъ, близкихъ Никону по духу и не загипнотизированныхъ современнымъ имъ неканоническимъ типомъ церковно-государственныхъ отношеній, построенныхъ по типу территоріализма, взятаго изъ нѣмецкаго, шведскаго, голландскаго и англійскаго строя.

Шушеринъ. Біографія, написанная клирикомъ **Шушеринымъ,** неотступно жившимъ при Никонѣ съ Новгородскаго періода его жизни до 30 ноября 1666 года, когда онъ былъ арестованъ, рисуетъ намъ Никона въ совершенно иномъ свѣтѣ, чѣмъ оффиціальные барды Императорскаго періода Русской исторіи. Клирикъ Шушеринъ простымъ языкомъ неученаго человѣка даетъ непосредственное описаніе его жизни и именно своей непосредственностью оно дышетъ правдивостью. Оно было написано въ 80-хъ годахъ XVII вѣка и не могло преслѣдовать никакихъ иныхъ цѣлей, кромѣ передачи потомству его жизнеописанія отъ клирика, пригрѣтаго въ качествѣ чтеца на склонѣ жизни почитательницей Никона царевной Татьяной Михайловной въ своей придворной церкви. Мы нѣсколько разъ его цитировали, и въ немъ Никонъ встаетъ передъ нами, какъ благочестивой жизни человѣкъ, искавшій прежде всего угожденія Богу и всѣ силы своей даровитой натуры отдавшій Ему на служеніе. Его правила, исполненія котораго онъ требовалъ отъ другихъ—быть не по имени только христіаниномъ, а на дѣлѣ; онъ больше всего предъявлялъ требованій къ себѣ самому, и это выражалось и въ его настроеніи во всѣ періоды его жизни, и въ предметахъ его первоначальныхъ занятій по чтенію Св. Отцовъ, и въ его отношеніи къ человѣческому горю и страданіямъ, какъ духовнымъ такъ и физическимъ, и въ его ученіи о православной царской власти, и въ его ученіи о томъ положеніи, которое должна занимать въ государствѣ Церковь. Можно сказать, что жизнеописаніе Никона Шушеринымъ, не давая обилія фактовъ изъ дѣятельности Никона, а тѣмъ паче критическаго отношенія къ нимъ, даетъ однако основу для пониманія нравственнаго облика Никона, и черезъ это даетъ освѣщеніе главныхъ стимуловъ его дѣятельности. Естественно, что неизмѣнный спутникъ въ жизни Никона больше поможетъ разобраться въ его личности и дѣлахъ, чѣмъ иностранецъ, иновѣрецъ, растрига, отлученный отъ Церкви, содомистъ, авантюристъ, искатель наживы, фальсификаторъ документовъ, продавшійся придворно-боярской партіи—Лигаридъ, увидѣвшійся впервые съ Никономъ въ іюлѣ 1663 г., а потомъ на судѣ, гдѣ молча принужденъ былъ выслушивать всю правду отъ Никона о себѣ самомъ. Жизнеописаніе, составленное Шушеринымъ похоже на жизнеописаніе святого, но безъ всякой стилизаціи, и оно послужило матеріаломъ для болѣе подробныхъ описаній, составленныхъ священникомъ Михайловскимъ въ 1863 году, съ подробнымъ

исчисленіемъ всѣхъ заслугъ Никона передъ Русской Церковью и государствомъ. Въ смыслѣ благопріятномъ Никону написана и біографія его, составленная архимандритомъ Аполлосомъ, настоятелемъ Воскресенскаго монастыря въ 1821-1837 году и изданная Воскресенскимъ монастыремъ („Начертаніе жизни Патріарха Никона. Москва". 1845)

О чудесахъ Никона. Шушеринъ сообщилъ о томъ, что тѣло Никона было нетлѣнно 26 августа 1681 года, день его переодѣванія и погребенія, несмотря на то, что оно въ очень жаркую погоду слѣдовало въ теченіе 9 дней отъ 17 августа отъ Ярославля до Воскресенскаго монастыря (По изд. 1817 г. стр. 193). Записи объ его исцѣленіяхъ есть въ приложеніяхъ къ нѣкоторымъ спискамъ житія, составленнаго Шушеринымъ и имѣютъ заглавія „Дѣла Св. Никона Патріарха, паче же рещи чудеса врачебныя яже содѣяше живъ сый въ изгнаніи въ Ѳерапонотовомъ и Кирилливомъ монастырѣ". Въ одной рукописи Императорской Публичной Библіотеки насчитано 194 исцѣленія. У Николаевскаго въ его статьѣ въ „Христіанскомъ Чтеніи" за мартъ—апрѣль 1886 г. насчитано 132 исцѣленія (68 мужчинъ, 53 женщины и 11 младенцевъ). „Дѣла Св. Никона Патріарха", изданы изслѣдователемъ XVII вѣка времени Никона Бѣлокуровымъ (въ М. О. И. и Д. Р. 1887, I, 83—114), который использовалъ записи Воскресенскаго монастыря о чудесахъ при гробѣ Патріарха Никона (въ этомъ спискѣ отмѣчено 129 исцѣленій съ 1673—1676 г. и 5 случаевъ въ 1660, 1682, 1691, 1695 и 1705 г.). Нѣкоторые изъ нихъ описаны Колосовымъ (въ Ист. Вѣстн. 1880, II, 793—796).

Жизнеописаніе Никона по Шушерину. Отъ Шушерина мы узнаемъ и главныя событія Никоновской жизни. Онъ родился въ крестьянской семьѣ села Вельдеминово около Нижняго Новгорода въ маѣ 1605 года и названъ Никитой по имени преподобнаго Никиты Переславскаго Чудотворца, празднуемаго 24 мая. Онъ рано потерялъ мать и испыталъ жестокое обращеніе отъ мачихи, 12 лѣтъ ушелъ изъ родительскаго дома въ монастырь Макарія Желтоводскаго, гдѣ его игуменъ благословилъ пребывать съ клириками и навыкать Божественному Писанію, въ чемъ Никонъ былъ абсолютно исправенъ. Когда онъ подросъ, его отецъ и бабка хитростью выманили его изъ монастыря, и „скоро ихъ лишившись, Никонъ, по совѣту родственниковъ, женился, потомъ ушелъ въ село, гдѣ не было клирика, и тамъ сталъ сначала псаломщикомъ, а скоро и священникомъ, а потомъ перешелъ на священническое мѣсто въ Москву. Потерявъ 3 дѣтей, Никонъ уговорилъ жену уйти въ Алексѣевскій монастырь, а самъ ушелъ въ Анзерскій скитъ около Соловецкаго монастыря, гдѣ и былъ постриженъ въ монахи и жилъ подъ руководствомъ преподобнаго Елеазара (1635-1640 г.). Уставъ Анзерскій былъ

очень строгій: тамъ было только 12 братьевъ, жившихъ вдали (2 поприща) другъ отъ друга, видѣвшихся между собою только на всенощныхъ въ субботу и на литургіяхъ въ воскресенье въ общей церкви. Питаніе было ягоды и овощи, подаяніе рыбой отъ рыболововъ и (3/4) три четверти муки на брата на лѣто. Никонъ клалъ по 1.000 поклоновъ ежедневно и прочитывалъ на ночь цѣлый псалтиръ. Это житіе продолжалось года три, когда у Никона вышла со старцемъ Еліазаремъ ссора изъ-за того, что собранныя ими въ Москвѣ на постройку каменной церкви деньги старецъ медлилъ употреблять по назначенію, а изъ-за этихъ денегъ всѣ могли подвергнуться смерти отъ разбойниковъ. Старецъ сильно гнѣвался на Никона, и Никонъ ушелъ отъ гнѣва на материкъ въ Кожеозерскую пустынь (1640 г.). На морѣ его застигла буря въ лодкѣ, въ которой онъ былъ еще съ однимъ человѣкомъ. Буря пригнала его къ острову Кію, гдѣ онъ и водрузилъ деревянный крестъ; онъ далъ обѣтъ, если Богъ подастъ ему помощь, построить здѣсь монастырь, который и былъ построенъ, когда онъ сталъ Патріархомъ (Крестный). Отсюда онъ по утишеніи бури поѣхалъ (за 10 поприщъ) къ Онежскому устью и, и выйдя на берегъ, пошелъ одинъ пѣшкомъ вверхъ по Онегѣ. Отдавъ свое послѣднее имущество—полууставъ и канонникъ въ Кожеозерскій монастырь, Никонъ былъ принятъ въ число братіи. Желая продолжать тотъ же образъ подвига, какъ и въ Анзерскомъ скиту, Никонъ отпросился жить на островѣ на томъ же озерѣ, на берегу котораго былъ и Кожеозерскій монастырь. Это продолжалось пока живъ былъ игуменъ; послѣ же смерти игумена его братія умолила послѣ многихъ отказовъ стать игуменомъ. Посвятилъ его въ Новгородѣ Митрополитъ Аѳоній Новгородскій (1643 г.). Когда онъ по дѣламъ бывалъ въ Москвѣ, объ немъ узналъ Царь, и Патріархъ Іосифъ его посвятилъ въ архимандриты Новоспасскаго монастыря (1646 г.), а Царь велѣлъ каждую пятницу приходить къ нему на заутреню. Въ это время Никонъ прославился своими челобитныти за несправедливо обиженныхъ.

О предсказаніяхъ Никону объ его будущемъ патріаршествѣ.

Черезъ три года онъ былъ посвященъ въ Митрополиты Новгородскіе, въ 1649 г. за старостью Митрополита Аѳонія, ушедшаго на покой. Характерно, что когда Никонъ отправился въ Хутынскій монастырь получить отъ него благословеніе, тотъ категорически отказался первый дать благословеніе, пророчески навзавъ Никона Патріархомъ, и далъ его только тогда, когда Никонъ далъ первый (сообщается у Шушерина и Михайловскаго). Это было четвертое предсказаніе Никону о его патріаршествѣ. Первое, приведенное и въ исторіи преосвященнаго Макарія и у Шушерина, исходило отъ татарина волхва,

когда Никонъ былъ отрокомъ и вышелъ изъ монастыря Желтоводскаго прощаться со сверстниками. Второе исходило отъ старца іерея Ананіи, жившаго въ Желтоводскомъ монастырѣ, когда Никону было 12 лѣтъ (у Михайловскаго) въ 1617 г. Впослѣдствіи этотъ старецъ, въ иночествѣ Антоній, былъ избранъ одновременно съ Никономъ въ Патріархи, а его сынъ Илларіонъ, будущій Митрополитъ Рязанскій, былъ врагомъ Никона. Въ третій разъ предсказаніе исходило отъ преп. Елеазара (сообщается у проф. Субботина въ „Опроверженіи раскольничьихъ клеветъ на п. Никона“ въ Приб. къ твор. Св. Отцовъ 1860 г. XIX). Именно въ написанномъ въ 1700—1705 г. житіи преподобнаго Елеазара (Пр. Соб. 1860 г., I) повѣствуется, что „сей прозорливый мужъ однажды, когда Никонъ совершалъ литургію, увидѣлъ на его челѣ омофоръ и тогда же предсказалъ ему святительскій санъ. Въ житіи этомъ говорится между прочимъ о Никонѣ „той чуденъ бысть въ житіи своемъ“. Въ этомъ житіи говорится еще о написаніи чудотворной иконы Спасителя вслѣдствіе особеннаго откровенія преподобному Елеазару. Онъ продолжаетъ: „преславно здѣсь повѣдати и о друземъ образѣ Божественномъ, его же написа Св. Никонъ Патріархъ по повелѣнію препод. Елеазара, егда былъ ученикомъ его. Да и сему обряду чудится лѣпотствуетъ, яко 60 ти и пяти лѣтомъ преминувшемъ уже и даже до днесь (1700—1705 г.). Божественной силой обрѣтается невредимъ“. Шушеринъ повѣствуетъ намъ и о враждѣ бояръ противъ Никона: „и убо предивно есть, яко на убрусѣ бяше изображенъ и устроенъ надъ входомъ церковнымъ, со внѣшнюю страну отъ западу и на всякое время отъ жара солнечнаго попишаемъ и зноемъ и мразомъ и вихры и дождемъ и снѣгомъ изнуряемъ и цѣлъ пребываетъ, чудесно соблюдаемъ Божіей благодатью за угодшихъ ради преподобнаго Елеазара и ученика его.“ И, впослѣдствіи, будучи Патріархомъ, Никонъ хорошо относился къ преподобному Елеазару и помогалъ всячески деньгами и подарками для Церкви. Никонъ никогда не забывалъ добра, ему сдѣланнаго: Шушеринъ разсказываетъ, какъ отблагодарилъ Никонъ, будучи Митрополитомъ, и ту почтенную женщину, которая поручила сыну перевезти его черезъ рѣку, накормила его, когда онъ шелъ по берегу Онеги въ Кожеозерскій монастырь безъ ѣды и денегъ.

Павелъ Алеппскій. Изъ жизнеописателей Никона—его современниковъ извѣстенъ еще дьяконъ Павелъ Алеппскій, который былъ почти два года 1654—1656 въ Россіи, а въ Москвѣ съ февраля 1655 до мая 1656 года, когда Никонъ былъ не только Патріархомъ, но и государственнымъ регентомъ. Изъ его описаній мы узнаемъ о необыкновенной неутомимости Никона въ пастырскихъ трудахъ, въ исполненіи церковнаго устава, о строгости къ духовенству, вызванномъ желаніемъ измѣнить его нравы—прекратить пьянство, о его государственныхъ трудахъ. Все описаніе дышитъ преклоненіемъ передъ личностью Никона и

только въ немногихъ мѣстахъ, которыя, по изслѣдованію Пальмера (II, введ. 57, 58), вставлены во вторичный пріѣзъ Павла съ Патріархомъ Антіохійскимъ въ 1666 году, когда кругомъ была искусственно создана боярами атмосфера осужденія на Никона, слышатся, какъ отголосокъ ея, въ диссонансъ со всѣмъ сужденіемъ Павла о Никонѣ, замѣчанія объ его будто бы превозношеніяхъ надъ боярами.

Труды Щушерина и Павла Алеппскаго являются литературой мемуарнаго характера и наиболѣе драгоцѣнны въ качествѣ источника, чего нельзя сказать о Паисіи Лигаридѣ, который Никона видѣлъ только на слѣдствіи въ іюлѣ 1663 года и на судѣ 1666 г. въ обстановкѣ, нарочито враждебной, и писалъ и дѣйствовалъ подъ вліяніемъ своекорыстныхъ разсчетовъ.

Н. А. А. въ Ч. О. И. и Д. Р. 1848. 5.

Въ литературѣ русской въ XIX вѣкѣ появляется рядъ писателей, которые все болѣе и болѣе признаютъ заслуги Никона и обвиняютъ въ его разрывѣ съ Царемъ бояръ. Такъ біографія Никона, помѣщенная въ Чтеніи М. О. И. и Д. Р. за 1848 г. № 5, подписанная Н. А. А., чужда всякихъ обвиненій Никона въ гордости и властолюбіи, говоритъ объ его пастырскихъ заботахъ и благотворительности, печалованіи за обиженныхъ, о посѣщеніи тюремъ, говоритъ объ его частыхъ отъѣздахъ въ 1657 г. по постройкѣ монастырей, облегчившихъ работу бояръ по отчужденію отъ него Царя; ненависть бояръ объясняется патріаршей строгостью и ихъ завистью къ титулу „Великаго Государя"; дѣлается указаніе, что Никонъ не уходилъ изъ Москвы съ клятвой не возвращаться на престолъ, въ доказательство чего въ 1664 года взялъ съ собой посохъ изъ Успенскаго собора. Говорится объ его постройкахъ и о подвижническомъ образѣ жизни. Не чувствуется здѣсь никакой искусственной натяжки, которой такъ дышетъ трудъ Каптерева, поставившій въ основу предполагаемое безграничное властолюбіе Никона. Чувствуется, что біографъ Н. А. А., говоря о Никонѣ, не вкладываетъ въ него идей, чуждыхъ всему укладу его жизни, и судьба Никона является слѣдствіемъ интригъ его враговъ, а не его какихъ-то выдуманыхъ „замаховъ".

Митрополитъ Платонъ Левшинъ.

Еще у **Митрополита Платона**, жившаго въ началѣ XIX вѣка, хотя онъ не высказывается опредѣленно, право или неправо поступилъ судъ, осудя Никона, однако указывается, что истинныя вины его были не тѣ, которыя указаны въ судебномъ приговорѣ, а иныя: зависть придворныхъ вельможъ, завидовавшихъ благосклонности Царя къ Никону, а съ другой стороны горячій и неуступчивый нравъ Никона, который и при малой уступчивости могъ бы укротить гнѣвъ Царя. Митрополитъ Платонъ отмѣчаетъ, что Никонъ примѣчалъ нарушенія правъ церковныхъ и ихъ выговаривалъ Царю, чѣмъ и навлекалъ гнѣвъ. Нарушенія эти были въ созданіи Монастырскаго Приказа, въ отчужденіи у

патріархіи имѣній, въ назначеніи властей духовныхъ по монастырямъ и священниковъ Царемъ безъ сношеній съ Патріархомъ (Церков. Ист. II, 237).

Щаповъ.

Щаповъ, писавшій въ 1859 г., подробнѣе развилъ вопросъ о боярскомъ участіи въ дѣлѣ Никона въ своей книгѣ „Русскій расколъ старообрядчества". Онъ опредѣленно указываетъ, что Татищевъ, Голиковъ, Берхъ и другіе выставляютъ Никона мятежникомъ противъ царской власти, исключительно основываясь на неблагонамѣренномъ судѣ бояръ („доселѣ нераскрытомъ"), злобствовавшихъ на Никона за то, что Никонъ сдерживалъ ихъ произволъ въ Боярской Думѣ, а Царь не только допускалъ это, но и звалъ его другомъ и именовалъ „великимъ Государемъ". Они его и выставляли передъ Царемъ, какъ злоумышленника противъ царской власти, употребивъ 9 лѣтъ на его низверженіе. Никонъ представленъ строгимъ ревнителемъ правъ Русской Церкви, которую онъ считалъ попранной непомѣрнымъ самоуправствомъ бояръ въ непринадлежащей имъ сферѣ церковнаго управленія черезъ Монастырскій Приказъ, откуда они распоряжались помимо Патріарха, иногда съ открытымъ намѣреніемъ его оскорбить, даже въ такихъ дѣлахъ, чисто церковныхъ, какъ поставленіе священниковъ. Учрежденіе Монастырскаго Приказа стѣснило дѣйствія Патріаршаго Судебнаго Приказа и при злоупотребленіи бояръ ввело безпорядокъ, который и былъ въ концѣ концовъ, едва ли не главной причиной паденія Никона и полнаго успѣха раскола Щаповъ вообще придаетъ огромное значеніе въ паденіи Никона союзу Бояръ съ расколоучителями, которымъ они облегчали дѣятельность ради общей цѣли—сверженія Никона. У князя Хованскаго жилъ Аввакумъ, у боярина Салтыкова ученикъ Аввакума расколоучитель Потемкинъ. Въ новомъ устройствѣ церковнаго управленія было сближеніе съ протестантскимъ управленіемъ Церковью, а Никонъ отстаивалъ древнее каноническое устройство Церкви. Никонъ дорожилъ больше честью Царя, чѣмъ бояре, которы не слушались его, какъ онъ писалъ Никону, а Никонъ всегда сохранялъ подобающее къ Царю уваженіе, даже въ гнѣвѣ. Онъ не проклиналъ Царя и въ 1664 г. принесъ ему миръ и благословеніе. „Никто, пишетъ Щаповъ, кромѣ бояръ и ихъ единомышленниковъ, и не думалъ, что Никонъ возставалъ противъ власти Царя, который до конца жизни почиталъ Никона. Да, если бы Никонъ былъ опасенъ для царской власти, развѣ Царь Ѳеодоръ думалъ бы возвести его на патріаршій престолъ? Если бы онъ былъ опасенъ для царской власти, развѣ Царь Алексѣй Михайловичъ внялъ бы голосу Епифанія Славинецкаго и Полоцкаго Архимандрита Игнатія Іевливича въ 1660 г., когда онъ не осуществилъ постановленій Собора? Наконецъ Восточные Патріархи въ грамотѣ 1682 г. признавали не

высокомѣрное возстаніе Никона противъ царской власти, а только то, что онъ „человѣческимъ нѣкіемъ малодушіемъ и гнѣвомъ побѣжденъ бысть и оставль паству свою и патріаршеское достоинство презрѣвъ, далеко отшедше, живе, не хотя возвратиться, которыхъ ради винъ явися тяжекъ и безпріютенъ бысть“. Отношенія Никона къ Царю и боярамъ проистекали не изъ личнаго властолюбія, а изъ идей его о патріаршествѣ. „Вся вина Никона въ томъ, что онъ по сильной вспыльчивости сердца, раздраженнаго самоуправствомъ на бояръ и по пламенной горячей ревности своей къ правамъ Церкви и къ достоинству высшей церковной власти, досадовалъ Царя за допущеніе бояръ до необузданнаго самоуправства въ дѣлахъ Церкви и государства. Гнѣвался, хоть и непростительно, но справедливо, ибо это—гнѣвъ пастыря, ревнующаго за права Церкви, беззаконно нарушаемыя произволомъ бояръ. Это не гнѣвъ злобы высокомѣрной противъ Государя, а невольная досада души сильной, пламенной, уязвленной зломъ. Это не возстаніе подданнаго противъ Государя, а недовольство друга государева тѣмъ, что козни бояръ, вредныя Церкви и государству, охладили къ нему сердце Царя. Здѣсь только слабость великой души... Но, какъ подданный, Никонъ почиталъ Царя, молился за него и скорбѣлъ отъ гнѣва“. „Удивительно ли, пишетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, что Никонъ, этотъ истинно замѣчательный геній своего вѣка, свѣтоводитель, какъ навывали его лучшіе просвѣщеннѣйшіе современники, vir prudentia et auctoritate eggregius, какъ отзывались о немъ иностранные наблюдатели внутренней жизни Россіи во II половинѣ XVII вѣка, удивительно ли, что великій Никонъ долженъ былъ испытать и встрѣтить упорное противорѣчіе и противодѣйствіе со стороны остальныхъ отсталыхъ, запоздалыхъ ревнителей старины“.

Архіепископъ Филаретъ Черниговскій.

Также **Архіепископъ Филаретъ Черниговскій** (Ист. Русск. Церкви IV; 27 49 и 145, 149) обратилъ вниманіе на основаніи извѣстій Коллинса и Мейебера на значительное участіе бояръ въ разрывѣ Царя съ Патріархомъ и на негодованіе на Никона за исправленіе церковныхъ книгъ, которыя имѣли главное значеніе въ исходѣ борьбы.

Н. А. А. въ Правосл. собесѣд. 1860 г.

Статья въ Православномъ Собесѣдованіи за 1863 годъ за подписью Н. А. А. подвергла критикѣ самый судъ надъ Никономъ и указала на рядъ неправильностей на Соборѣ: 1) неправильное примѣненіе правилъ, 2) прибѣганіе къ частнымъ толкованіямъ правила, когда самое правило не давало основаній для обвиненія (III Вс. Соб., 9); 3) обвиненіе во вмѣшательствѣ въ гражданскія дѣла не изслѣдовалось вовсе на Соборѣ. Собственные же обычаи въ Россіи

допускали это вмѣшательство и не осуждали его раньше, а въ данномъ случаѣ оно вызывалось просьбой Царя, и Никонъ разсматривалъ это, какъ временное порученіе. 4) Ругательства на Лигарида были справедливы. 5) Никона признали виновнымъ въ клеветѣ за обозваніе Церкви латинствующей, но онъ объяснилъ, что ея епископы принимаютъ свой начатокъ отъ Лигарида. 6) Обвиняли Никона за досажденіе Царю по 12 Ант. пр., но оно непримѣнимо, ибо тамъ предвидѣнъ лишь случай обращенія клирика къ Царю послѣ изверженія изъ сана. 7) Обвиненіе въ произволѣ по дѣлу Павла Коломенскаго неправильно, ибо Соборъ осудилъ всѣхъ противниковъ исправленія книгъ. 8) Никона обвиняли въ жестокости, но онъ не видѣлъ грѣха въ наказаніи за нарушеніе церковнаго порядка. Судъ не принялъ во вниманіе грубости нравовъ провинившихся и не слушавшихъ Патріарха. 9) Обвиненіе въ самовольномъ причисленіи Коломенской епархіи къ патріаршей области неправильно, ибо Никонъ сдѣлалъ это по согласію съ Царемъ. 10) Никона обвиняли за приписываніе вотчинъ къ Никоновскимъ монастырямъ безъ согласія съ архіереями, но онъ дѣлалъ это по согласію съ Царемъ и съ тѣмъ архіереемъ, котораго это касалось. 11) Его обвиняли въ томъ, что онъ вопреки седьмому пр. Двукр. Соб. строилъ монастыри, но правило это запрещаетъ строить монастыри съ разореніемъ для епархіи, и потому сюда не относилось. Вообще Соборъ разсматривалъ дѣянія Никона, оторвавъ ихъ отъ дѣйствительности, а значеніе его дѣлъ совершенно измѣнялось въ исторической постановкѣ; внутренняя сторона его актовъ совершенно оставлена безъ вниманія, и забыта главная мысль церковныхъ правилъ: вниманіе къ сущности дѣла и особая осторожность къ священному сану (I Тим. 5, 19). Соборъ не изслѣдовалъ главнаго пункта мотива самовольнаго оставленія каѳедры. Обращали вниманіе на частные пункты, на которые никто не обратилъ бы вниманія, если бы не было главнаго обвиненія. Это былъ не судъ, обсуждавшій дѣло и примѣнявшій правила, а только обвиненіе въ актахъ, которыхъ нечего было и обсуждать, ибо они уже предварительно были осуждены; факты не разбирались, а подгонялись такъ, чтобы изъ принятыхъ началъ вывести готовое заключеніе. Судьи, по словамъ самого Никона, не посмѣли бы этого сдѣлать, если бы Царь этого не разрѣшилъ. Они не въ дѣло вникали, а старались угодить Царю. Что Никонъ не обвиненъ въ томъ, въ чемъ его обвиняли на судѣ, говорила и грамота Патріарховъ 1682 года о возстановленіи его въ патріаршемъ санѣ.

Николаевскій. (Хр. Чт. 1883 г.).

Проф. **Николаевскій** въ своей статьѣ „Объ обстоятельствахъ ухода Патріарха Никона“ въ Хр. Чт. за 1883 г. доказалъ, какъ мы видѣли, что показанія главныхъ свидѣтелей ухода Патріарха Никона не подтверждаются другими свидѣтельствами, и явно тенден-

ціозны и не могли приводить Соборъ къ заключенію, что Никонъ отрекся отъ патріаршества да еще съ клятвой, а между тѣмъ это сужденіе легло въ основу постановленій суда Собора 1666 г. У насъ не было подъ рукой сочиненій **Субботина** „Дѣло Патріарха Никона" но, судя по цитатамъ,

Субботинъ, Н. И.

приведеннымъ у Пальмера и у проф. Иконникова, Субботинъ упрекнулъ Соловьева въ игнорированіи частныхъ матеріаловъ и выяснилъ непривлекательность роли Лигарида; кромѣ того, онъ призналъ неосновательность раскольничьихъ клеветъ на личныя качества Патріарха Никона, разсмотрѣнныя имъ въ статьѣ „Опроверженіе раскольничьихъ клеветъ на Патріарха Никона". Первое обвиненіе въ честолюбіи основано на простомъ фактѣ быстрыхъ повышеній Никона безъ разсмотрѣнія однако его монашескаго образа жизни; между тѣмъ жизнь его наполнена не только личными монашескими подвигами, но ознаменована устроеніемъ многихъ иноческихъ обителей съ заботой о внутреннемъ ихъ процвѣтаніи, что показываетъ, что онъ принялъ монашество не ради семейныхъ огорченій и разсчетовъ честолюбія, а изъ искренней любви къ иночеству съ юношескихъ лѣтъ. Ссора съ преп. Елеазаромъ вызвана не тѣмъ, что послѣдній усматривалъ въ Никонѣ врага Церкви, а тѣмъ, что его замѣчанія были, хоть и откровенны, но неумѣстны относительно медленнаго расходованія денегъ. Протопопъ **Аввакумъ** обвинялъ Никона, что онъ для полученія патріаршества много льстилъ изъ хитрости, чтобы привести въ исполненіе свои замыслы. Но достовѣрный источникъ говоритъ, что Никонъ дѣйствительно не только не употреблялъ происковъ для полученія этого сана, но, предвидя трудности, отказывался его принимать. Зная отношеніе Царя къ Никону въ это время, трудно думать, что кто-нибудь оказывалъ на него давленіе, Самъ Царь писалъ послѣ смерти Патріарха Іосифа Митрополиту Никону, когда тотъ былъ въ Соловкахъ за мощами Св. Филиппа, что будущаго Патріарха знаетъ только три человѣка: онъ. Казанскій Митрополитъ, да его отецъ духовный. Точно также во время своего патріаршества въ дѣлахъ чисто церковныхъ Никонъ, когда этого требовалъ канонъ и обычай, не дѣйствовалъ авторитарно самовластно, какъ показываетъ и дѣло исправленія книгъ и обрядовъ. Не говоря о томъ, что онъ осторожно и благоразумно не спѣшилъ и въ теченіе двухъ лѣтъ своего патріаршества не приступалъ къ этому дѣлу, хотя оно уже было задумано еще до его патріаршества Стефаномъ Вонифатьевымъ, онъ призвалъ къ этому и Царя, и Соборъ русскихъ архіереевъ, и даже представителей востока (на Соборѣ 1655 г. участвовали и Патріархъ Антіохійскій Макарій и Сербкій Митрополитъ Гавріилъ); на Соборѣ были разсмотрѣны средства исправленія и способъ и характеръ исполненія; здѣсь же произведенъ и опытъ

исправленія: такъ Соборъ 1655 г. разсмотрѣлъ Служебникъ въ исправленомъ видѣ. Когда упрекаютъ Никона, что будто онъ употребилъ на Соборѣ насиліе, и присутствовавшіе архіереи шли за нимъ по обольщенію или изъ страха, то это опровергается фактами. На Соборѣ 1654 г. Никонъ показалъ несогласіе нашихъ книгъ съ греческими и спросилъ, какимъ слѣдовать, нашимъ-ли печатнымъ или греческимъ и славянскимъ, и Соборъ отвѣтилъ, что надо исправить по старымъ харатейнымъ и греческимъ. Никонъ подробно указывалъ на эти несогласія, въ чемъ заключаются отступленія отъ православной древности, и члены Собора заранѣе знали, въ чемъ будетъ исправленіе. Въ примѣръ отступленія, продолжаетъ проф. Субботинъ, Никонъ указалъ на двуперстное крестное знаменіе, и Соборъ призналъ, что надо исправить. Что давленіе Никона не было на Соборѣ 1654 г. видно изъ того, что съѣхавшіеся на Соборъ архіереи въ февралѣ 1666 года собственноручно засвидѣтельствовали, что признаютъ Соборъ 1654 совершенно правильнымъ и законнымъ, дѣйствовавшимъ не по обману и принужденію, а въ согласіи съ Патріархами Восточными, и книги греческія вполнѣ православными. Имъ уже нечего было теперь бояться Никона, а Соборъ 1666 г., судившій Никона, ничего не говорилъ о томъ, чтобы Никонъ исправлялъ книги вопреки обѣщанію, данному на Соборѣ въ 1654 году; мало того, онъ опредѣлено настаивалъ, что „Св. Никонъ Патріархъ исправленіе книгъ сотвори не собою, но по совѣту Св. Патріарховъ греческихъ и всего Россійскаго государства со архіереи и всѣмъ освященнымъ Соборомъ разсмотри и исправи со греческихъ и древнихъ славянскихъ книгъ“. Также неправильно обвиненіе въ дѣйстіяхъ Никона по отношенію къ Собору 1655 г. и къ архіереямъ, страхомъ и насиліемъ напуганнымъ будто бы опалой на епископа Павла Коломенскаго, причемъ указывается жертвами насилія Новгородскій Митрополитъ Макарій, архіепископъ Вологодскій Маркелъ и епископъ Вятскій Александръ. Когда противъ Никона представляли обвиненіе въ 1666 г., едва ли бы опустили и это, ибо эти обвиненія были бы болѣе тяжкими, чѣмъ обвиненія въ осужденіи Павла Коломенскаго, которое было одобрено грамотой Константинопольскаго Патріарха Паисія, и самъ Никонъ сообщалъ Патріарху Паисію только о противленіи епископа Павла и протопопа Ивана Неронова. Раскольничьи писатели представляютъ совершенно невѣрно соборныя распоряженія личнымъ дѣломъ Никона, какъ и Каптеревъ неправильно выставляетъ личнымъ дѣломъ его борьбу за права Церкви. Также на Соборѣ 1656 г. тщательно разсматривалась книга „Скрижаль“, объяснявшая всѣ богослужебные чины, и Большой Соборъ 1666 года заповѣдалъ ее имѣть въ „великой чести“. О самомъ Никонѣ проф. Субботинъ отзывается такъ: „Всѣ (даже и враги) согласны, что Никонъ, хотя по рожденію при-

надлежалъ къ простому классу народа, обладалъ необыкновенными природными способностями и развилъ ихъ прилежнымъ чтеніемъ, въ которомъ упражнялся съ самыхъ юныхъ лѣтъ, чему способствовала жизнь его въ монастырѣ; его сочиненія показываютъ, что онъ хорошо зналъ Священное Писаніе и близко знакомъ былъ съ отеческими твореніями, вообще обладалъ начитанностью, а письма его къ Алексѣю Михайловичу показываютъ, какимъ яснымъ и сильнымъ языкомъ онъ умѣлъ выражаться". Нельзя разсматривать и дѣйствія Никона противъ расколоучителей, какъ выраженіе мести за противленіе себѣ, ибо даже послѣ Никона, когда кары на раскольниковъ усилились и качественно и количественно, карѣ подвергались по законамъ Уложенія только тѣ раскольники, которые виновны были въ открытомъ и упорномъ мятежѣ противъ государства и Церкви, или произносили слишкомъ рѣзкія хулы на святыни Православія. Никонъ же тѣмъ болѣе дѣйствовалъ наказаніями лишь въ отношеніи къ возмутителямъ церковнаго и гражданскаго спокойствія и дѣйствовалъ лишь обычными тогда мѣрами воздѣйствія, а за обиды въ отношеніи лично себя быстро и легко прощалъ.

Самыя наказанія при немъ были мягче, чѣмъ послѣ; сожиганій отъ него не было, и обычнымъ наказаніемъ была ссылка расколоучителей во избѣжаніе пропаганды. Объ этомъ осталось свидѣтельство самаго Аввакума: „Никоніане де съ нимъ поступили пуще отца своего Никона". Аввакумъ ополчился на Никона за его вліяніе на Царя въ дѣлѣ церковнообрядовой реформы и ошибочно приписывалъ ее Никону, тогда какъ идея ея исходила по преимуществу отъ Царя и Стефана Вонифатіева. Онъ говорилъ такъ: „умъ отнялъ (Никонъ) у милого, (Царя) у нынѣшняго, какъ близъ его былъ. Я, вѣдь, тогда тутъ былъ, все вѣдаю. Всему тому виною сваха Анна Ртищева съ дьяволомъ". Протоіерей Муромскій Логгинъ дерзновенно укрѣплялъ народъ стоять твердо въ древнемъ благочестіи и Никоновскихъ новинъ не принимать. Онъ за то, что убѣждалъ народъ не повиноваться церковной власти, и былъ лишенъ сана; когда послѣдній разъ передъ его разстриженіемъ Никонъ въ Успенскомъ соборѣ его склонялъ къ покаянію, онъ въ лицо злословилъ Патріарха и позволялъ безчинства при Царѣ и народѣ. Онъ по царскому указу сосланъ въ Муромъ, гдѣ и умеръ. Никонъ законно лишилъ сана и протопопа Даніила, ибо соборное опредѣленіе 1656 г. говорило: „аще кто отселѣ вѣдый не подчинится творити крестное изображеніе на лицѣ своемъ тремя первыми великими перстами десной руки, сего имамы всячески отлучена отъ Церковь". Аввакумъ вмѣстѣ съ Даніиломъ подавалъ жалобу Царю съ хулой на троеперстіе; онъ возстанавливалъ жителей Москвы противъ распоряженія Никона, ходилъ въ Казанскій соборъ учить народъ, пользу-

ясь дружбой Неронова. Его осудили за противленіе Патріарху и распространеніе мятежа. Всѣ увѣщанія въ Андроніевомъ монастырѣ, куда его посадили, и на патріаршемъ дворѣ, были напрасны; Патріархъ опредѣлилъ его лишить священства, но, благодаря заступничеству Царицы Маріи Ильинишны, его только сослали въ Тобольскъ, а послѣ за пропаганду на Лену, откуда онъ возвращенъ былъ послѣ ухода Патріарха Никона въ Воскресенскій монастырь. Жизнь Никона въ Воскресенскомъ монастырѣ была рядомъ тяжкихъ испытаній въ виду непрерывныхъ стремленій бояръ ему досадить всѣми способами. Проф. Субботинъ обратилъ вниманіе на тѣ способы, которыми бояре всячески препятствовали въ возможности Царю и Никону найти способы договориться другъ съ другомъ. Зная довѣрчивый характеръ Царя и овладѣвъ имъ до того, что онъ не имѣлъ уже силы выйти изъ-подъ вліянія, они не допустили его до личныхъ объясненій съ Патріархомъ; это высказалъ самъ Царь въ разговорѣ съ Нащокинымъ и Матвѣевымъ, говоря, что Никону удобнѣе дѣйствовать въ пользу примиренія: „бояре всѣ приводятъ меня на ярость, только избави Боже меня отъ того; а ему одному лучше меня, что хочетъ, то и дѣлаетъ въ помыслѣ своемъ, не по силѣ". Бояре не допускали личныхъ переговоровъ Никона съ Царемъ. Когда Никонъ жаловался Царю на обиду отъ Хитрово его посланному, Царь обѣщалъ самъ съ нимъ увидѣться, но бояре не допустили его даже къ выходу 8 и 10 іюля. Бояре въ искаженномъ видѣ передавали Царю слова и дѣйствія Никона. „Елико речено нами смиренно, жалуется Никонъ въ письмѣ Царю, се повѣдано гордо и елико благохвально, се сказано хульно и таковыми лживыми словеси возвеличенъ гнѣвъ твой". Что касается Никона, то они, зная его горячность и прямоту, оскорбляли его какъ бы отъ имени Царя, и тѣмъ вызывали его на рѣзкія слова, которыя тотчасъ передавались Царю въ утрированномъ видѣ. Слова, сказанныя въ пылу спора Никономъ, не могутъ быть, конечно, основой для сужденія объ его взглядахъ, но враги Никона ничего не упускали, чтобы использовать свое положеніе, какъ посланцевъ Царя, чтобы сильнѣе задѣть Никона, который долженъ былъ испытывать горечь обиды какъ бы отъ самого Царя, къ которымъ былъ раньше въ интимной дружбѣ. Субботинъ обращаетъ вниманіе, что 10 іюля 1658 г. Ромадановскій, сообщая о неприбытіи Царя къ литургіи, грубо упрекалъ Никона въ незаконномъ вмѣшательствѣ въ государственныя дѣла, въ самовольномъ присвоеніи титула „великаго Государя," что Царь его впредь почитать не будетъ. А. Трубецкой, присланный послѣ обѣдни просить остаться Никона, не могъ имѣть порученія оскорбить Патріарха и утвердить его въ намѣреніи покинуть Москву. Трубецкой въ своемъ показаніи умолчалъ о тѣхъ оскорбительныхъ словахъ, о которыхъ пишетъ Никонъ въ

посланіи къ Патріарху Діонисію. Трубецкому надо было сдѣлать видъ, что вѣрно исполненное приказаніе Царя не достигло цѣли по винѣ Патріарха.

Послѣ ухода Никона бояре пользовались случаемъ говорить Никону оскорбленія; въ 1664 г., когда Никонъ пріѣхулъ въ Москву, они не допустили его до Царя. Никонъ въ свою очередь жаловался Царю, уже послѣ ухода, на обращеніе съ нимъ, между прочимъ на то, что его письма въ патріаршемъ дворѣ вскрываются, осматриваются бумаги. Никонъ съ горечью писалъ объ этомъ: „Дивлюсь и о семъ, какъ вскорѣ въ такое дерзновеніе пришелъ еси, иже иногда страшился еси на простыхъ церковныхъ причетниковъ судъ наносити, якоже и святые законы не повелѣваютъ; нынѣ же всего міра иногда бывше аки пастыря восхотѣлъ грѣхи и таинства видѣти... Убойся глаголюща: еже себѣ не хощеши инымъ не твори: хощеши ли да твои таинства не по волѣ твоей, видѣти станутъ человѣци?“ Царь въ свою очередь также обижался. Трудно было Никону сносить обиды духовенства, которое онъ считалъ себѣ подчиненнымъ. На слѣдствіи въ іюлѣ 1663 г. Никонъ отвѣчалъ слѣдователямъ очень неспокойно, и объясненіе было очень бурное. Кричали, по выраженію доклада бояръ, „очень много". Проф. Субботинъ обвиняетъ Никона въ горячности и рѣзкости сужденій высказанныхъ противъ Царя, бояръ, церковныхъ властей, даже за оставленіе каѳедры, совершенное будто бы тоже сгоряча, но не видно, чтобы проф. Субботинъ указалъ, что же было надо дѣлать Никону для сохраненія каноническаго управленія въ Церкви. Онъ пишетъ: „Въ такомъ состояніи духа (горячности) онъ допускалъ дѣйствія, за которыя главнымъ образомъ и осудилъ его Соборъ, именно самовольно оставилъ каѳедру, писалъ Патріарху Діонисію жалобу на Царя, и досаждалъ ему рѣзкими письмами, называлъ Лигарида еретикомъ, предавалъ проклятію архіереевъ и бояръ. Эти именно поступки исчислены, какъ главныя вины Патріарха Никона, въ соборномъ опредѣленіи, найденномъ Митрополитомъ Платономъ, которое онъ справедливо назвалъ подлиннымъ соборнымъ опредѣленіемъ, ибо въ немъ приведены и самыя правила, на основаніи которыхъ Соборъ поставилъ сіи поступки въ вину Патріарху Никону".

Но мы видѣли, что Никонъ былъ совершенно правъ въ своихъ сужденіяхъ, по существу, а за горячность и рѣзкость можно ли обвинять, когда его искуственно изолировали, потомъ арестовали, заставляли думать, что его преслѣдуетъ и Царь столько же сколько бояре!... Субботинъ не оправдываетъ Никона за эти поступки и говоритъ, что Никонъ не показалъ архіерейской кротости, но объясняетъ это болѣзненнымъ состояніемъ его души, которая столь была уязвлена, и пылкостью его характера искусственно воспла-

меняемой боярами въ теченіе 8 лѣтъ. Но и онъ соглашается, что по этому патологическому состоянію, до котораго довели Никона его враги, нельзя судить объ его характерѣ, который онъ имѣлъ до расхожденія съ Царемъ. Даже Соборъ 1666 г. строго различалъ между поведеніемъ Никона во время неудовольствія съ Царемъ и его дѣйствіями по исправленію книгъ и обрядовъ. Однако и въ дѣйствіяхъ Никона во время неудовольствія съ Царемъ, добавимъ мы, надо различать обдуманно написанныя его сочиненія, въ которыхъ онъ говорилъ о защищаемыхъ имъ принципахъ, и продуманныя дѣйствія, отъ тѣхъ случайныхъ формъ, въ которыя облеклись эти выраженія и дѣйствія въ разговорахъ съ лицами, нравственное ничтожество которыхъ Никонъ понималъ, но въ то же время принужденъ былъ видѣть въ нихъ людей, вліявшихъ на судьбу его дѣла, и его самого, какъ Патріарха. Недаромъ и грамота Восточныхъ Патріарховъ 1682 г. признаетъ съ одной стороны, что Никонъ былъ „хранитель вѣры и каноновъ преискуснѣйшій" и „лишь какъ человѣкъ поддавался иногда унынію". Субботинъ обратилъ вниманіе на узость взглядовъ русской іерархіи, современной Никону, тяготившейся только его строгостью и проглядѣвшей принципіальную важность его дѣла для Русской Церкви. „Когда судьба Патріарха Никона была рѣшена, когда этотъ всемогущій человѣкъ, котораго всѣ такъ боялись, сошелъ со сцены, тогда нѣкоторые изъ властей русскихъ взглянули на совершившееся спокойнѣе, и, къ крайнему огорченію своему, увидѣли, что, дѣйствуя такъ упорно противъ Никона, они дѣйствовали противъ самихъ себя, что въ дѣлѣ Никона съ Алексѣемъ Михайловичемъ рѣшался очень близкій къ нимъ вопросъ—вопросъ о сравнительномъ превосходствѣ властей царской и гражданской, увидѣли, что съ паденіемъ Никона, восторжествовало это послѣднее, и что отъ этого можно ожидать въ будущемъ многихъ неблагопріятныхъ послѣдствій для Церкви..., и они рѣшились поискать средствъ исправить какъ-нибудь свою ошибку: стали просить, чтобы точнѣе были опредѣлены взаимныя границы власти гражданской и церковной". Границы то теоретически опредѣлили, но фактъ паденія Никона оказался сильнѣе теоретическихъ опредѣленій и далъ толчекъ, изъ котораго родилась послѣ церковная реформа Петра I. Проф. Субботинъ указалъ на отсутствіе въ Никоновской дѣятельности стремленія къ власти и къ единовсластію въ церковныхъ дѣлахъ.

Гюббенетъ. Огромную услугу въ уясненіи дѣла оказалъ **Гюббенетъ**. Послѣдній изслѣдуетъ жизнь Никона за періодъ 1658—1666 г., оперируя съ оффиціальными документами, какъ и Соловьевъ, но онъ не раздѣляетъ мнѣніе Соловьева о властолюбіи Никона, исправляетъ его оффиціальные источники, въ которыхъ много пропущено или не такъ передано. Напримѣръ, пропущено очень важ-

ное всенародное объявленіе Никона 10 іюля 1658 г. съ амвона объ его уходѣ отъ царскаго гнѣва, объясняющее дѣйствительныя причины ухода (Гюбб. I, I гл.). У Соловьева изъ разговора пріѣхавшаго къ Никону въ Воскресенскій монастырь дьяка Башмакова выпущено все обнаруживавшее, что у Никона въ Москвѣ было много сторонниковъ, что сочувствіе ему преслѣдовалось, что у Никона выпытывали, кто его посѣщаетъ; Соловьевъ придалъ посылкѣ Башмакова другое значеніе, будто бы по поводу посѣщенія Никона пѣвчими дьяками, между тѣмъ какъ Башмаковъ былъ 17 мая 1659 г. у Никона, а эти дьяки лишь 2 Іюля 1659 г. Соловьевъ изъ сего разговора привелъ только бесѣду о должномъ почитаніи Никона со стороны духовенства, какъ будто съ нарочитой цѣлью указать на его честолюбіе, а между тѣмъ изъ контекста выясняется, что Никонъ объяснилъ, почему должны были бы духовныя лица посѣщать его, именно что онъ не оставлялъ патріаршества (т. I гл. 2). Такъ же благодаря краткости извлеченій изъ письма Зюзина къ Никону отъ 3. II. 1660 г. смыслъ его мѣняется. Соловьевъ говоритъ, что Никонъ писалъ; „Когда вѣра Евангельская начала сіять, тогда и архіерейство почиталось; когда же злоба гордости распространилась, то и архіерейская честь измѣнилась“. Но Никонъ писалъ и о царствахъ, что они гибнутъ при безчестіи и процвѣтаютъ при благочестіи (I, 3 гл.). Соловьевъ неправильно сказалъ, что всѣ показанія объ уходѣ были согласны въ томъ, что онъ отъ патріаршества отрекся и обѣщалъ впредь имъ не быть, ибо въ дѣйствительности свидѣтели показывали не одинаково, и даже не всѣ говорили, что Никонъ обѣщалъ не быть на патріаршемъ престолѣ. Гюббенетъ указываетъ, на основаніи сличенія сказокъ, что Трубецкой умолчалъ о Никоновскихъ словахъ о гнѣвѣ Царя и, вопреки показаніямъ другихъ, показывалъ, будто Никонъ утверждалъ, что гнѣва Царя не было, а это было невѣрно, ибо въ тотъ же день еще, нѣсколькими часами раньше Ромодановскій сказалъ Никону, что Царь на него гнѣвается. Гюббенетъ указалъ, что Соловьевъ невѣрно понялъ Лигарида, говоря о немъ только, какъ о самомъ образованномъ и самомъ представительномъ изъ греческихъ духовныхъ лицъ. Соловьевъ неправильно считаетъ его примирителемъ, попытка котораго не удалась, что будто бы онъ первый написалъ письмо Никону 12 іюня 1662 г., уговаривая его возвратиться на патріаршество. Гюббенетъ указалъ на подозрительное въ каноническомъ отношеніи положеніе Лигарида, на то, что вышеупомянутое письмо его было лишь отвѣтомъ Никону, что никакимъ примиреніемъ онъ не занимался, а сразу понялъ, что выгоднѣе ему быть на сторонѣ враговъ Никона, чѣмъ на сторонѣ гонимаго Никона (I, гл. 5). Благодаря смѣшенію

разныхъ документовъ Соловьевъ упустилъ изъ виду попытку Никона поѣхать въ Москву и переговорить съ Царемъ, сдѣланную 28 декабря 1662 года, отнеся ошибочно документы, относящіеся къ ней, къ другой поѣздкѣ 19 декабря 1664 года (I, гл. 6). Гюббенетъ обратилъ вниманіе, что Соловьевъ не цитируетъ тѣхъ частей Никоновскихъ писемъ къ Царю, гдѣ выражается смиреніе, покорность Никона, и всегда цитируетъ, гдѣ Никонъ рѣзокъ, напримѣръ по Боборыкинскому дѣлу (Сол. XI, 272-275) или говорится о правахъ его, причемъ, добавимъ, что говорится вѣдь, обычно больше о правахъ Церкви вообще, а не Патріарха спеціально. Соловьевъ неправильно опредѣлилъ дѣйствія греческихъ архіереевъ на Соборѣ 1660 г., будто они подтвердили приговоръ русскихъ, а Царь велѣлъ его утвердить. Напротивъ, греки, хотя и признавали виновнымъ Никона въ оставленіи престола, отнеслись къ нему съ сочувствіемъ и предлагали въ своихъ докладныхъ запискахъ оказать ему заслуженное по его благочестію снисхожденіе и представили два разныхъ приговора въ строгомъ и снисходительномъ смыслѣ. Соловьевъ приписываетъ Никону слова, будто бы сказанныя Одоевскому въ іюлѣ 1663 г. „Дайте мнѣ только дождаться Собора, я великаго Государя отлучу отъ христіанства, уже у меня и грамоты заготовлены“. Но въ донесеніи Одоевскаго, по которому описываются въ Исторіи объясненія Никона на вопросы посланныхъ къ нему для допроса, о грамотѣ не говорится, а сказано: „И на письмѣ у меня изготовлено“. На письмѣ же было изготовлено то „Раззореніе“, которое говорило о томъ, что Царь поступаетъ не такъ, какъ подобаетъ православному Царю (II, 4 гл.). Взятые примѣры исправленій, сдѣланныхъ Гюббенетомъ въ описаніи Соловьева, показали, что въ основу оцѣнки Никоновской дѣятельности надо положить дѣйствительные факты. Въ результатѣ этихъ дополненій и измѣненій Никонъ оказывается человѣкомъ добрымъ, даже благодушнымъ, но строгимъ администраторомъ. Причина его паденія въ боярской интригѣ. Гюббенетъ пролилъ свѣтъ на боярскія козни за время пребыванія Никона въ Воскресенскомъ монастырѣ, до него не разъясненныя, но онъ не ставилъ себѣ задачей уяснить основную идеологію Никона.

Пальмеръ. „The patriarch and the tsar“. Выясненію послѣдней задачи болѣе всего содѣйствовалъ **Пальмеръ,** который тщательно прослѣдилъ самое судебное дѣло Никона и старался вникнуть въ каждое объясненіе Никона на судѣ и въ его каноническую предпосылку. На ряду съ этимъ, такъ какъ Пальмеръ исходилъ изъ воззрѣній самого Никона, помѣщенныхъ въ „Раззореніи“, то для него уяснена была основная противоположность цезарепапистскаго воззрѣнія бояръ и точки зрѣнія Никона на взаимоотношенія Церкви и государства. Трудъ Пальмера нами постоянно цитировался. Основой Пальмеру для

жизнеописанія Никона служилъ Шушеринъ, Павелъ Алеппскій и священникъ Михайловскій, которыхъ онъ приводитъ иногда цѣликомъ, цѣлыми главами, а иногда въ сокращеніи. Пальмеръ детально разработалъ подготовку правительства къ суду надъ Никономъ, особенно въ дѣлѣ постановки вопросовъ Патріархамъ и ихъ отвѣтовъ и самое судебное дѣло въ 1660 и 1666 г., а также переговоры съ Никономъ объ отреченіи Никона въ 1665 г. Приложенныя имъ показанія свидѣтелей вмѣстѣ съ рѣчью Никона 10 іюля 1658 г. въ Успенскомъ соборѣ проливаютъ на все дѣло Никона иное освѣщеніе, которое въ свѣтѣ высказанныхъ самимъ Никономъ воззрѣній въ „Раззореніи" видоизмѣняютъ и фактическую сторону дѣла и понятіе о мнѣніяхъ и ученіи самаго Никона[1]).

Николаевскій („Жизнь Никона въ ссылкѣ").

Конецъ жизни Никона въ ссылкѣ описанъ у профессора Николаевскаго въ его статьѣ въ Хр. Чт. за 1866 годъ (Онъ же описалъ путешествіе Никона въ Соловецкій монастырь за мощами Св. Филиппа въ Хр. Чт. за 1885 г.) и у Успенскаго въ журналѣ „Странникъ" за 1899 годъ. Они дали намъ факты, которые проливали свѣтъ на уясненіе отношенія Патріарха Никона къ Царю Алексѣю Михайловичу, какъ къ Царю и какъ къ человѣку, и тѣмъ способствовали уясненію общихъ взглядовъ Патріарха Никона на царскую власть и на патріаршую, поскольку здѣсь затрагивались его взгляды на свои обязанности и свое каноническое положеніе.

Среди иностранцевъ, оставившихъ свое сужденіе о Никонѣ, надо различать лицъ, бывшихъ при Московскомъ дворѣ вскорѣ послѣ Никона и знавшихъ о немъ по слухамъ въ окружающей средѣ, а затѣмъ иностранныхъ ученыхъ.

Бар. Мейербергъ.

Баронъ Мейербергъ (V ар. 14), прибывшій въ Москву 25 мая 1661 г., когда Никонъ ушелъ въ Воскресенскій монастырь, пишетъ: „Всероссійскій Патріархъ Никонъ теперь въ немилости и не живетъ въ Москвѣ; въ прошлое время уваженіе Царя и довѣріе къ Никону были такъ велики, что онъ казался всемогущимъ, но превратностями придворной жизни потерялъ царскую милость; онъ ушелъ въ Воскресенскъ, гдѣ онъ живетъ, скрывшись въ монастырѣ, безъ какой-либо надежды вернуться, но съ настроеніемъ бодрымъ и не упавшимъ". Онъ указываетъ далѣе на источникъ своего освѣдомленія (дворъ). „О причинахъ его паденія существуютъ разные толки. Наиболѣе вѣроятное объясненіе у тѣхъ, кто приписываетъ его паденіе страсти нововведеній и его неугомонному настроенію, которымъ онъ вовлекъ Россію въ войну сначала съ Польшей, и затѣмъ съ Швеціей". Однако въ вопросахъ, посланныхъ о немъ въ 1663 году въ Константинополь, ничего не сказано о вовлеченіи имъ въ

[1]) Пальмеръ цѣликомъ напечаталъ „Раззореніе", занявшее цѣлый I томъ его сочиненія „The patriarch and the tsar"", а „Исторія Лигарида" вошла въ III томъ означеннаго сочиненія.

войну, но только о его попыткахъ поставить границы вмѣшательству царской власти въ духовныя дѣла, о неодобреніи имъ Уложенія 1649 г. и о другихъ дѣлахъ, связанныхъ съ этими, или съ исключительнымъ положеніемъ, вліяніемъ и титуломъ, отъ Царя полученнымъ, названныхъ нововведеніями. Представленія объ этихъ нововведеніяхъ, сдѣланныя Царю врагами Никона, навлекли на него гнѣвъ Царя. Народу они говорили, что Никонъ навлекъ гнѣвъ введеніемъ во вновь устроенныхъ школахъ латинскаго и греческаго языка, перемѣной нѣкоторыхъ церковныхъ обычаевъ, строгостью, съ которой онъ возсталъ противъ разныхъ обычаевъ, и разными другими нововведеніями, которыми онъ хотѣлъ де поколебать православную вѣру. Такими средствами они возбудили противъ него всеобщее недовольство, и, когда черезъ инсинуаціи царицы и ея отца, которые по частнымъ причинамъ были его врагами, Патріархъ постепенно потерялъ благоволеніе Царя, они не считали нужнымъ обнаруживать къ нему снисхожденія".

Архидіаконъ Коксъ. Архидіаконъ Коксъ, сопровождавшій лорда Герберта въ его путешествіи въ Польшу и Россію, напечатавшій о немъ въ 1792 г. въ Лондонѣ, называетъ Никона человѣкомъ выдающихся способностей, просвѣщенія и добродѣтели, смѣлымъ патріотомъ и самымъ вѣрнымъ совѣтникомъ и слугой Царя, паденіе котораго вызвано завистью и злобой придворныхъ, не могшихъ вынести его превосходства. Коксъ не входитъ въ оцѣнку религіозныхъ принциповъ, за которые боролся Никонъ, а только, какъ и Мейерберъ, восхваляетъ его за государственный смыслъ, возводя его на степень народнаго героя. (Пальмеръ V ар. 15 стр.).

Д-ръ Коллинсъ. **Коллинсъ**, сопровождавшій въ Москву компанію англійскихъ купцовъ, какъ капелланъ, писалъ въ 1660 г. о Патріархѣ Никонѣ: „Патріархъ— глава во всѣхъ церковныхъ дѣлахъ, очень почитаемъ его величествомъ, но изъ-за какого-то неудовольствія онъ удалился въ свой монастырь два года назадъ. Престолъ продолжаетъ быть незанятымъ, и они не могутъ выбрать другого на его мѣсто. Его дворецъ примыкаетъ къ царскому; онъ каменный и довольно красивъ по своей величинѣ. О Царѣ Алексѣѣ онъ пишетъ: „если бы онъ не имѣлъ такой толпы сикофантовъ и завистливаго боярства вокругъ себя, то онъ могъ бы считаться среди лучшихъ и мудрѣйшихъ государей". (П. III, 534). Онъ пишетъ: „евреи недавно проникли во дворецъ черезъ одного врача лютеранина, помогающаго Богдану Матвѣевичу Хитрово, царскому дворецкому, въ его любовныхъ похожденіяхъ и доставляющему ему польскихъ дѣвокъ. Онъ большой фаворитъ Царя, регулирующій всѣ его домашнія дѣла; онъ съ дѣтства воспитанъ съ Царемъ и одного съ нимъ возраста. Царь—покровитель Цер-

кви, но ограничиваетъ щедрость къ ней умирающихъ. Никто не можетъ основать монастыря безъ его разрѣшенія. (Пальмеръ добавляетъ: „а когда онъ даетъ разрѣшеніе, хотя бы Патріарху, то бояре заставляютъ взять его обратно, побуждаютъ Восточныхъ Патріарховъ простить это, какъ актъ слабости, и благословить его за нарушеніе Богу данныхъ обѣтовъ, и побуждаютъ Царя подводить себя подъ свои собственныя проклятія"). Онъ смѣло занимаетъ деньги у церковнаго казначейства и откладываетъ платежъ ad calendas graecas. (Бояре говорятъ, что Никонъ, еслибы имѣлъ власть и время, захватилъ бы 1/3 государства; но когда Никонъ предложилъ условія своего ухода и замѣтилъ, что патріаршій домъ можетъ же чѣмъ-нибудь содѣйствовать его содержанію, ибо онъ увеличилъ его доходъ до 20.000 руб. ежегодно, то они не смогли согласиться). Въ заключеніе Коллинсъ говоритъ: „безъ сомнѣнія Царь благочестивъ, милосердъ и хорошій Государь, но, что касается его людей и министровъ, то они подобны слугамъ и министрамъ другихъ странъ, готовы на все за взятку или деньги и обманутъ кого могутъ". Въ этихъ отзывахъ указана безпристрастными современниками и причина паденія Никона (П. III, 537).

Уніатъ Кульчинскій.

Уніатъ Кульчинскій, помѣщенный въ словарѣ духовныхъ писателей Митрополита Евгенія (II, 121-122), пишетъ, что „Никонъ хотѣлъ носить титулъ Папы по примѣру Восточныхъ Патріарховъ, писавшихся иногда папами, что будто у него заготовлены были папскія регаліи"; онъ писалъ разныя несообразности о Никонѣ, навязывая ему католичество, связывая это и съ напечатаніемъ Дарственной грамоты Константина Великаго; онъ писалъ, что Никонъ не соглашался на войну съ Польшей, что онъ аппеллировалъ къ папскому престолу, но говорить о переходѣ въ католичество Никона — величайшая несообразность, когда Никонъ не допускалъ даже вліянія католической живописи, органовъ, и на судѣ обозвалъ Лигарида еретикомъ латинскимъ, и даже всю іерархію русскую обвинялъ въ пріобщеніи къ католичеству за допущеніе въ свое лоно католика Лигарида. Дѣло въ томъ, что многіе смотрѣли на распрю Алексѣя Михайловича и Никона, какъ на политическое дѣло, и противники Россіи пользовались ею въ своихъ интересахъ; католическіе писатели хотѣли использовать и помѣщеніе грамоты Константина Великаго въ Кормчую, и связь съ южно-русскими учеными, которые были и въ сношеніяхъ, и въ борьбѣ съ католичествомъ. Враги Никона распускали слухи, проникшіе къ иностраннымъ писателямъ, будто Никонъ, будучи въ силѣ, получалъ тайно деньги отъ польскаго короля и австрійскаго посла Аллегретти. Это опровергалъ еще Мейербергъ, какъ сообщаетъ проф. Иконниковъ: извѣстіе это совершенно несообразно, ибо Никонъ побу-

ждалъ къ войнѣ съ Польшей, настаивая на полной побѣдѣ, активно способствовалъ успѣху войны въ качествѣ государственнаго регента, подготовкой и снабженіемъ войскъ, и подкупъ невозможно даже и представить для человѣка такого горячаго патріотизма и прямоты, какимъ былъ Никонъ; обвиненіе это характеризуетъ лишь пріемы его враговъ, добившихся отчасти свое о — затемнѣніемъ его личности для потомства черезъ писателей вродѣ Кульчинскаго, писавшаго о сплетняхъ, какъ о фактахъ, и передававшаго свои свѣдѣнія дальше **Берху**, который повторялъ за Кульчинскимъ о властолюбіи Никона, о католическихъ попслзновеніяхъ Никона; отзвуки отсюда попали даже къ біографу Патріарха Іоакима Смирнову, ссылающемуся на Берха въ сообщеніи о заготовленіи Никономъ папскихъ регалій и осуждающему Никона за то, что „онъ шелъ въ сторону прямо противоположную потребностямъ времени" (лучше сказать, противоположную секуляризаціоннымъ стремленіямъ государства и восхваляющему Патріарха Іоакима за то, что онъ своей дѣятельностью ограничилъ героическую силу великаго Никона.

Pichler Пихлеръ въ своемъ сочиненіи „Geschichte der kirchlichen Trennung zwischen dem Orient und Occident". (München 1865) говоритъ (II,138) о сочиненіи **Кульчинскаго**, изданномъ въ 1733 г.. въ которомъ онъ сообщаетъ существовавшія о Никонѣ небылицы, которыя онъ тутъ же и опровергаетъ. „Именно Кульчинскій говоритъ, будто Никонъ просилъ Царя сдѣлать его Папой и для этого де Никонъ напечаталъ грамоту о Дареніи Константина Великаго. Такъ какъ Царь на это не согласился, то онъ сталъ католикомъ и ушелъ въ монастырь, чтобы избѣжать общенія съ схизматиками. Когда Царь его хотѣлъ судить черезъ духовенство, то онъ аппелировалъ къ Папѣ, такъ что Царь вынужденъ былъ обратиться къ Восточнымъ Патріархамъ, которые его объявили еретикомъ и сослали. Но если бы хотя бы видимость правды была въ этомъ разсказѣ, прибавляетъ Пихлеръ, то Соборъ не обошелъ бы этого молчаніемъ. „Dasselbe machte aber umgekehrt dem Nicon den Vorwurf er habe den **Zaren und die Russiche Kirche geschmäht, als huldige sie durch die Aufnahme des Mitripoliten Paisius lateinischen Irrthümern. Es wurde auch unter Nicon von Rom kein Unionsversuch gemacht, obwohl dies bald nacher wieder geschah(1672-1673)"**[1])

Такая разногласица мнѣній относительно Никона объяснима вполнѣ, ибо съ его лицомъ связана была борьба, опредѣлявшая дальнѣйшую судьбу отношеній церковной и государственной власти, борьба, которая не могла быть мягкой. Чтобы сломить власть Никона, боярамъ потребовалось

[1]) „Наоборотъ онъ упрекалъ Никона въ томъ, что осмѣялъ Царя и Русскую Церковь за то, что будто они именно виновны въ принятіи латинскихъ заблужденій Митрополита Лигарида. Также при Никонѣ Римъ не выступалъ съ уніональными попытками, хотя это случилось скоро послѣ (1672 1673)".

настроить Царя противъ него, поднять церковную іерархію вопреки ея собственнымъ интересамъ, возбудить массу кривотолками о Никонѣ; естественно, что и въ литературу попали мнѣнія, затемнявшія личность Никона ради дискредитированія его дѣла.

Levesque. Нѣкоторые писатели касаются участія Никона во внѣшней политикѣ Московскаго государства. Французскій историкъ Levesque пишетъ въ „Histoire de Russie" 1782 года 4 т. 63 стр.: „Никонъ содѣйствовалъ своимъ мнѣніемъ войнѣ съ Польшей. Шведская война вытекла изъ нея. Когда пришлось снять осаду съ Риги, когда успѣхи въ Польшѣ стали менѣе значительны, Алексѣй отнесъ всѣ несчастья къ совѣтнику. Въ событіяхъ Царь былъ виновенъ не менѣе Никона. Но Никонъ увидѣлъ перемѣну чувствъ въ Царѣ и не захотѣлъ играть при дворѣ въ столицѣ смиренное лицо опальнаго фаворита; онъ ушелъ на дѣло простого монаха въ Воскресенскій монастырь. Здѣсь онъ собиралъ лѣтописи, сравнивалъ ихъ, исправлялъ, дополнялъ однѣ копіи другими и составилъ историческій сводъ. Его главные враги—супруга Царя и тесть его". Однако, если бы Никона такъ считали виновнымъ въ Шведской войнѣ, едва ли бы удержались отъ предъявленія этого обвиненія, котораго, однако, не было сдѣлано.

Hermann. Оно повторяется снова у нѣмецкаго историка Hermann въ Geschichte von Russland (1846—1866), причемъ окрашивается заботами Никона о православныхъ Ингріи и Кареліи (III т., 672 стр.): „Hätte Nicon durch seinen Einfluss vorzüglichen Antheil am Beginne des Polnischen Krieges gehabt, so war er gleichfalls in der Hoffnung die dem griechischem Glauben bekennenden Bewöhner Kareliens und Ingermanlandes unter Russische Herrschafft zu bringen, den Zar zum Krieg gegen Schweden in Livland ansponnte. Seit dem unglücklichen Ausgang dieses Beginnens erkaltete sichtlich das Vertrauen, das bisher der Zar in ihm gesetzt hatte. Er wurde seltener zur Hof gezogen, selbst bei festlichen Gelegenheiten übergangen. Die Grossen begegneten ihm ungescheut mit der gröbsten Nichtachtung. Einer derselben Streschneff gab seinem Hund den Namen Nicon. Schon wurden Anordnungen, die der Patriarch sonst allein zu treffen pflegte, allmählich wieder vor die Entscheidung des Bojarenraths gezogen. Nicon hatte das polozkische Kloster zum Erscheinung Gottes für exempt erklärt; plötzlich wurde es dem für die dortige Eparchie geweihten Bischof Kallist untergeben" [1]). Этотъ

---

[1]) Если Никонъ имѣлъ своимъ вліяніемъ преимущественное участіе въ началѣ Польской войны, то одновременно онъ надѣялся поставить подъ русское господство православныхъ жителей Кареліи и Ингерманландіи и поощрялъ ради этого царя къ войнѣ съ Швеціей въ Ливоніи. Послѣ неудачнаго исхода съ этимъ начинаніемъ охладѣло къ Никону то довѣріе, которое дѣлало изъ Никона законъ для Царя. Его стали рѣже приглашать ко двору, даже обходили и въ

частный случай не совсѣмъ точенъ въ отношеніи хронологіи, ибо ставропигія была нарушена указомъ Царя послѣ ухода Никона). „Auch die Klosterkammer fing wieder an vor ihr Gericht Personen und ihre Güter zu ziehen, und der Bojarenrath erliess gestüzt auf die Uloschenie nach eigenem Ermessen Entscheidungen über die wider die Verordnungen Iwan's IV von der Kirche gemachten Erwerbungen. Nicon ertrug es schwer seinen Einfluss geschwächt zu sehen. Er zog sich zurück und gab sich ganz der Sorge für die Einrichtung der drei ihm gestifteten Klöster zum Kreuz, der Iberischen und des Klosters zur Auferstehung hin. Seine Feinde aber benützten seine häufige Abwesenheit um ihn völlig zu stürzen... Wir sehen diesen Schritt (удаленіе въ Воскресенскій монастырь) nicht aus Widersetzlichkeit gegen die weltliche Obrigkeit, sondern wegen der ihm widerfahrenden mit seinem geistlichem Amt, und seine Würde unverträglichen Ehrenkränkung" [1]).

Видно, авторы иностранцы, не ослѣпленные цезарепапизмомъ, даже писавшіе еще въ 50-хъ годахъ XIX вѣка, какъ Hermann, не нуждались для объясненія ухода Никона въ придумываніи властолюбія, а имъ было ясно, что Никонъ защищалъ права Церкви, а бояре наносили имъ ущербъ своимъ засиліемъ, съ которымъ надо было бороться во имя правъ Церкви.

Стэнли. **Стэнли**, писавшій въ первой половинѣ XIX в., преисполненъ великаго почитанія къ характеру и дѣятельности Никона, но онъ не видитъ въ немъ ничего похожаго на Гильдебранта. „Неоспоримо, пишетъ Стэнли („Приб. къ твореніямъ Св. Отцевъ" 1862 г. статья Н. Соколова), Никонъ есть величайшій характеръ въ лѣтописяхъ русской іерархіи, и даже между дѣятелями своей Восточной Церкви немного можно указать такихъ, которые могли бы сравняться съ нимъ, какъ церковные политики. Фотій въ IX и Златоустъ въ IV вѣкахъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ на-

торжественныхъ случаяхъ. Бояре стали обходиться съ нимъ безбоязненно съ самымъ грубымъ презрѣніемъ. Одинъ изъ нихъ далъ своей собакѣ имя Никона. Указы, которые когда-то Патріархъ обычно издавалъ своей властью, постепенно отдавались на сужденіе Боярскаго Совѣта. Никонъ объявилъ Полоцкій Богоявленскій монастырь ставропигіальнымъ; вдругъ онъ былъ подчиненъ посвященному для тамошней епархіи епископу Каллисту.

[1]) Точно также Монастырскій приказъ снова сталъ привлекать къ своему суду лицъ и ихъ имущества, и бояре, опираясь на Уложеніе, стали издавать по своему усмотрѣнію рѣшенія о пріобрѣтеніяхъ, сдѣланныхъ Церковью вопреки Указовъ Ивана IV. Никону тяжело было переносить ослабленіе своего вліянія. Онъ удалился и отдался вполнѣ устройству трехъ учрежденныхъ имъ монастырей: Крестнаго, Иверскаго и Воскресенскаго. Но враги использовали его частое отсутствіе, чтобы его окончательно свалить. Мы видимъ, что онъ удалился въ Воскресенскій монастырь не изъ противодѣйствія свѣтской власти, а вслѣдствіе порухи чести, несовмѣстимой съ его духовнымъ положеніемъ и непереносимой для его достоинства.

поминаютъ намъ судьбу Никона, и это сходство можетъ быть принято въ доказательство тожества принциповъ, которые въ теченіе шести столѣтій одушевляли двѣ главныя отрасли Восточной Церкви... Черезъ всю глубокую мглу, которая лежитъ надъ нами, можно разглядѣть оригинальный характеръ человѣка, соединяющаго съ своенравнымъ упрямствомъ переросшаго избалованнаго ребенка, рѣдкій юморъ и неутомимую энергію западнаго политика. Въ ряду портретовъ, представляющихъ іерархію древней Россіи, его фигура первая оставляетъ въ насъ впечатлѣніе индивидуальной оригинальности. Въ разныхъ монастыряхъ, которыми онъ управлялъ, его угрюмая физіономія смотритъ сверху на насъ своими кровавыми глазами, съ нахмуренными глубоко бровями и краснымъ цвѣтомъ лица. Длинныя первосвященническія одежды хранятся, какъ памятникъ пышности, и рисуютъ передъ нами величественную статую его, не менѣе 7-ми футовъ, — черта общая многихъ изъ знаменитѣйшихъ соплеменниковъ Никона". **Соколовъ** правильно протестуетъ противъ названія Никона церковнымъ политикомъ, ибо Никонъ не былъ политикъ. Осторожный въ вопросахъ вѣры, исправленія обрядовъ, онъ въ отношеніи къ людямъ прямъ, рѣшителенъ и непреклоненъ. Недостатокъ гибкости и приспособленія къ людямъ, рѣзкость въ обращеніи съ людскими слабостями—одна изъ причинъ его паденія. „Никонъ, говоритъ Стэнли, былъ первый русскій реформаторъ, но мы не должны ожидать при этой параллели прямой реформаціи ученія или философіи. Такой реформаціи никогда не было ни въ одной отрасли Восточной Церкви... тѣмъ не менѣе Никонъ былъ великій первый восточный іерархъ за исключеніемъ одного Кирилла Лукариса, который понялъ, что настало время дать жизнь обрядовымъ церемоніямъ и нравственное направленіе набожнымъ чувствамъ русской религіозности" Стэнли привѣтствуетъ Никона за его неумолимую строгую борьбу противъ пьянства и за его благотворительность. „Съ безграничной щедростью онъ основывалъ больницы и страннопріимные дома для сиротъ, вдовъ и престарѣлыхъ. Во время голода, опустошившаго Новгородъ, онъ показалъ щедрость и великодушіе, достойные Карла Борромео въ Миланѣ, Франче въ Галле. Хотя Стэнли превозноситъ больше всего Никона за обрядовую реформу, за что онъ готовъ его считать русскимъ Лютеромъ, но весь характеръ Никоновской реформы—совѣты съ Патріархами, посылка на востокъ за книгами, самое ихъ исправленіе показываютъ, что у Никона не было мысли о реформѣ въ смыслѣ западномъ. Никонъ стремился къ приведенію богослуженія въ согласіе съ греческимъ, просвѣтить духовенство „Скрижалью" и школами, искоренить худые нравы, поэтому Стэнли напрасно сравниваетъ его съ Лютеромъ, посягнувшимъ на ученіе Церкви. Стэнли почитаетъ Никона

за реформу церковнаго пѣнія, замѣнившую грубый напѣвъ московитянъ пріятной интонаціей изъ Польши и изъ Греціи. Никонъ позаботился о чистѣйшемъ переводѣ Библіи на славянскій языкъ. Никонъ лично оживилъ проповѣдничество. О пріемахъ проповѣдничества разсказывалъ Павелъ Алеппскій: „Патріархъ благословилъ Государя и потомъ сталъ передъ нимъ, возвыся свой голосъ въ молитвѣ за него и произнесъ прекрасное поученіе съ примѣрами и изреченіями древнихъ о томъ, какъ Богъ далъ побѣду Моисею надъ фараономъ, изъ новой исторіи о побѣдѣ Константина надъ Максиминомъ и Максентіемъ и приводилъ многіе другіе примѣры въ этомъ родѣ; и говорилъ съ такимъ обиліемъ краснорѣчія, которое понадобилось быстрому теченію потока. Когда онъ запинался или спутывался въ словахъ или дѣлалъ ошибки, самъ же опять поправлялся съ совершеннымъ спокойствіемъ. Никто не думалъ искать погрѣшности въ немъ или не былъ утомленъ его рѣчью, какъ будто каждый стоялъ передъ нимъ, какъ рабъ передъ своимъ господиномъ". Стэнли мирится и съ недостаточнымъ съ его точки зрѣнія радикализмомъ Никоновскихъ реформъ. „Пусть скажутъ, кто является истиннымъ благодѣтелемъ, тѣ ли, которые пытались ниспровергнуть существующія формы вѣры, или тѣ, кто путемъ воспитанія вливали новую жизнь въ эти формы? Эти размышленія примиряютъ насъ съ полумѣрами Никона, и мы привѣтствуемъ его усилія на этомъ пути". Протестантъ Стэнли—не судья православному церковному реформатору, особенно въ вопросахъ каноники, когда понятіе іерархіи исчезло изъ протестантизма, но мы привели его сужденія, какъ показатель того, какъ люди совершенно разныхъ исповѣданій воздавали должное уму, энергіи, осторожности, вдумчивости и духовному размаху Патріарха Никона при господствующемъ непониманіи его окружающей средой. **Стэнли полагаетъ, что Никонъ враждовалъ съ грубымъ дворянствомъ и невѣжественнымъ клиромъ, а не съ Царемъ.** Разрывъ съ Царемъ онъ считалъ изъ-за личныхъ причинъ. „Мы слишкомъ довольно слышимъ и знаемъ о гражданскихъ и іерархическихъ столкновеніяхъ въ Западной Европѣ, не будемъ переносить ихъ на исторію простой и очень естественной ссоры между двумя друзьями, съ которой тѣ не имѣютъ ничего общаго". Стэнли объясняетъ просто ссору Царя и Патріарха продолжительнымъ отсутствіемъ Царя въ походѣ и неудачей Шведской войны, что дало врагамъ случай для разъединенія Патріарха въ Царемъ. Одно свиданіе все бы прекратило, но враги его и не допустили. Они поймали Патріарха на словѣ и объявили каѳедру праздной; и Стэнли о соборѣ, судившемъ Никона, говоритъ: „Нужно было, чтобы самое торжественное собраніе отцовъ, какое когда-либо видѣла Москва, было учреждено для осужденія величай-

шаго человѣка, какого произвела восточная іерархія въ новѣйшія времена". А въ другомъ мѣстѣ, описывая его гробницу въ Воскресенскомъ монастырѣ, онъ пишетъ: „Тамъ лежитъ онъ на мѣстѣ, имъ самимъ означенномъ у подножья Голгофы, гдѣ въ дѣйствительномъ храмѣ Св. Гроба лежатъ останки Готфрида Бульонскаго. Надъ гробницей повѣшены тяжелыя вериги, которыя онъ носилъ во время своего отшельничества. Надъ головой лежитъ небольшое восковое изображеніе, которое онъ всегда и вездѣ носилъ съ собой. Здѣсь покоится онъ, далекій отъ идеальнаго типа святого характера, оставивъ однако же своей Церкви примѣръ, въ которомъ она нуждается, рѣшительнаго и дѣятельнаго руководителя, признаннаго и прославленнаго, когда признаніе и слава были уже слишкомъ поздни". Стэнли не понялъ вовсе основныхъ стремленій Никона по реформѣ церковно-государственныхъ отношеній, для него, какъ протестанта, здѣсь не возникало и вопроса; потому и все дѣло борьбы съ цезарепапизмомъ превращено у Стэнли въ личную распрю Никона съ Царемъ. Его отзывы о Никонѣ можно было бы просто оставить безъ вниманія, какъ исходящія отъ человѣка, не могущаго по своимъ воззрѣніямъ оцѣнить идеи Никона, его исповѣдничество и мученическій характеръ его борьбы, а также и цѣнность этой борьбы для Русской Церкви, въ которой Никонъ своей личностью запечатлѣлъ вѣчно неумирающій идеалъ самостоятельной Церкви отъ чуждыхъ стихій міра сего. Но Стэнли, независимо отъ всего этого, оцѣнилъ могучую природу Никона, его нравственную независимость, прямоту, безкомпромиссность въ борьбѣ, полное отсутствіе человѣкоугодничества и призналъ въ немъ одного изъ величайшихъ іерарховъ всей Восточной Церкви: нельзя было не отмѣтить этого сужденія иновѣрнаго историка.

Пальмеръ. „Dissertations". Несравненно ближе проникся и въ ученіе Никона и въ его личность католикъ Пальмеръ. „Вотъ, пишетъ онъ въ „Palmers dissertations on subjects relating to the Orthodox or Eastern Communion, London. 1853. „Истинный реформаторъ, не человѣкъ изъ низшихъ рядовъ общества возбуждающій народъ желчными воззваніями противъ властей, но епископъ, первенствующій іерархъ великаго государства, который по чувству долга принимаетъ на себя иниціативу при введеніи справедливыхъ и необходимыхъ реформъ". Или въ другомъ мѣстѣ: „Чѣмъ больше мы изучаемъ характеръ Никона, тѣмъ менѣе находимъ основаній обвинять его въ какомъ-либо изъ тѣхъ недостатковъ, которые навязывались ему его врагами. Въ немъ немъ не было ничего похожаго на незнаніе или забвеніе различія и предѣловъ между духовной и гражданской властью, никакой склонности къ мірскому или духов-

ному надменію", Въ его духовной дѣятельности Пальмеръ видитъ образецъ тѣхъ отношеній, въ которыхъ должна стоять духовная власть къ власти гражданской... „Во всю продолжительную борьбу, составившую его жизнь, мы видимъ, чего онъ требовалъ для себя и отъ себя лично: именно строгаго покаянія и самоумерщвленія за грѣхи свои и своего народа, скудной пищи, жесткой, какъ камень, постели и изголовья и тяжелыхъ веригъ".

„...Послѣ несправедливаго осужденія и низложенія, онъ не позоритъ своихъ враговъ, не покровительствуетъ отпаденію отъ Церкви, которая сама была участницей въ неправдѣ, но неуклонно содержитъ истину; онъ возноситъ молитвы за враговъ своихъ и предлагаетъ имъ разрѣшеніе, если они раскаются, принимаетъ на себя тяжелое покаяніе за общественные грѣхи и въ тяжкомъ заключеніи прилагаетъ добровольные подвиги святого аскетизма". Пальмеръ какъ бы упрекаетъ Русскую Церковь въ неблагодарности къ великому ея дѣятелю и ждетъ отъ Русской Церкви, „чтобы она воздала памяти великаго Патріарха то же воздаяніе, которое было сдѣлано Св. Златоусту и Св. Филиппу митрополиту преемникаки Государей согрѣшившихъ противъ Бога и Церкви, преслѣдовавшей ея великихъ заступниковъ, и чтобы имя Никона было присоединено на литургіи къ именамъ Св. Митрополитовъ Петра, Алексѣя, Іоны и Филиппа". Такое сужденіе высказалъ Пальмеръ, не зная, повидимому, о чудесахъ у гроба Никона, ибо онъ о нихъ не упоминалъ, принимая католическую точку зрѣнія на канонизацію по человѣческой оцѣнкѣ. Но, такъ какъ были свидѣтельства о Никонѣ и свыше черезъ чудеса, то онъ подлежитъ канонизаціи и по правиламъ нашей Православной Церкви. Надлежитъ совершить такое же обращеніе къ нему съ мольбой о прощеніи, съ какимъ обращался въ свое время Царь Алексѣй Михайловичъ за своего предшественника Грознаго Царя, чтобы общественный грѣхъ, тяготѣющій за несправедливость, учиненную Никону, былъ снятъ съ царской власти и со всего народа русскаго. Мы уже цитировали слова Пальмера о томъ, что „судьбы Россіи были бы иными, если бы Никонъ остался Патріархомъ, но Никонъ палъ, и его паденіе повлекло за собой заслуженное наказаніе и духовенства и боярства и предержащихъ властей, наказаніе, которое не могло быть отвращено, пока грѣхъ, причинившій его, не былъ бы достаточно исповѣданъ и **пока не была бы воздана справедливость тѣмъ правамъ Церкви, которыя представлялъ Никонъ.** Ибо это была не личная только борьба, но борьба двухъ противоположныхъ началъ, встрѣтившихся между собой около личности человѣка, который по своему положенію и характеру становился представителемъ и олицетвореніемъ одного изъ нихъ". Причину ссоры Никона съ Царемъ Пальмеръ усма-

триваетъ въ обширномъ соумышленіи бояръ. „Ихъ ненависть была напряжена до чрезвычайности, и такая напряженность вызывалась не церковными преобразованіями Никона, не защитой имъ правъ Церкви, а чрезмѣрнымъ вліяніемъ на Царя и блескомъ его дарованій. Наиболѣе раздражалъ бояръ титулъ великаго Государя, который и сталъ несправедливымъ и глупымъ обвиненіемъ противъ Никона. Лица, окружающія Никона и привязанныя къ нему, были людьми его же духа, а враги его рѣзкими противоположностями имъ — людьми по существу весьма дурными. Они, не желая допустить дѣла до примиренія Никона съ Царемъ, представляли Царю совершенно ложно, что будто дѣло идетъ о борьбѣ изъ-за безраздѣльнаго господства духовной власти, или безраздѣльнаго свѣтскаго господства, такъ что одинъ былъ выходъ — или низложить Никона, или отдать ему всю Москву, какъ отдалъ Константинъ Великій Римъ Папѣ Сильвестру. Но въ дѣйствительности дѣло вовсе такъ не стояло, а Царь былъ вовлеченъ и затянутъ въ борьбу такъ, что назадъ поворота не было, о чемъ и сказалъ ему на судѣ Никонъ, когда Царь подошелъ къ нему и сказалъ, что онъ не хочетъ ему ничего дурного. Степень же виновности самого Никона Пальмеръ опредѣляетъ словами Никона Царю на судѣ, когда бояре не осмѣливались поддерживать открыто обвиненія Царя: „О Царю сихъ всѣхъ предстоящихъ тебѣ и собранныхъ на сію сонмищу, девять лѣтъ всячески вразумлялъ еси и училъ и на день сей уготовлялъ, яко да насъ возглаголятъ; но се что бысть, не токмо что глаголати умѣяху, ниже устъ отверзти можаху, не вскую ли поучашеся тщетнымъ: но азъ о Царю!.. совѣтъ ти даю, аще повелиши симъ на насъ вергнути каменія, тое сіе они абіе вскорѣ сотворятъ, а ежели оглаголати насъ, аще и еще 9 лѣтъ имаши учити, **и тогда егда обрящеши что**". (Шушеринъ 115 стр.). Пальмеръ углубилъ проблему Никона, показавъ не только каноничность его дѣйствій, но и значеніе его борьбы Церкви для Россіи въ томъ смыслѣ, что она дажеи не кончилась, видна еще только въ началѣ, ибо слѣдствіемъ, совершеннаго по отношенію къ Никону грѣха и враждой противъ Церкви, Государство приготовило близкую гибель себѣ. Изъ приведенныхъ нами въ разныхъ мѣстахъ цитатъ, мы видимъ, что Пальмеръ говорилъ о несомнѣнной гибели Русскаго Государства, въ основу котораго съ паденіемъ Никона закладывался фундаментъ цезарепапизма. Онъ одновременно говорилъ о томъ, что исправленіе этого пути слишкомъ трудно для человѣческихъ усилій и возможно только Промыслу Божію. Теперь, послѣ свершившейся гибели государства, снова возстаетъ передъ нами вопросъ, пойдетъ ли оно возставши по пути Никоновскаго православнаго государства, или по пути полуязыческаго государства, въ которомъ понтифексъ макси-

мусъ будетъ подкрѣпленъ протестантскимъ ученіемъ о Государѣ—носителѣ церковной власти.

Мы приведемъ еще нѣкоторые отзывы о Никонѣ въ иностранной литературѣ:

Theiner. Theiner въ своемъ сочиненіи: „L'Eglise schismatique Russe d'après les rélations récentes du prétendu Saint - Synod", Paris 1864, пишетъ (39 стр.): „A Joseph I a succedé Nicon, **homme de merveilleuse grandeur d'âme vraiment digne d'occuper un siège patriarcal, mais non celui de Russie, trop indigne de lui. C'est le permier et le seul patriarche russe qui ait agi par le sentiment du devoir et de la dignité de sa charge. Aussi tombat-il victime du pouvoir temporel que sa grandeur d'âme offusquait.** Les patriarches d'Antiochie et d'Alexandrie, appelés par le czar, eurent le courage de s'unir à ce dernier pour perdre leur collegue. Ils confirmèrent le jugement inique porté contre le patriarche par le prince, jaloux de maintenir l'autorité de sa théocratie usurpée. Nicon fut en conséquence deposé et renfermé dans un monastère comme simple moine. **Sa chute porte un coup mortel à l'église de Russie,** et l'église gre que en condamnant Nicon se rendit pour la seconde fois aux tzars comme déja elle l'avait fait sous Godounov.

Nicon déposé, il ne restait plus qu'un pas à tenter pour supprimer le patriarcat moscovite. Trente ans après Pierre le Grand y reussit Ce prince concentrant en lui-meme toutes les usurpations théocratiques de ses prédécesseurs, les rattacha toutes à son trone d'une manière invariable, et les transmit comme un précieux héritage à ses successeurs. L'autorité des évêques était depuis longtemps réduite au plus grand dégré d'avilissement. Ils se montrèrent dignes de leur position par la honteuse part qu'ils prirent à la condamnation du prince Alexis, fils unique de Pierre. Cet a te barbare à jamais la honte du père dénaturé qui le commit, a fait voir à la postérité que Pierre pouvait en fait de cruauté surpasser même Ivan IV. Ce dernier en effet avait tiré son fils dans un accès de colère; Pierre fit mourir le sien de sang froid, obligeant l'Eglise et l'état à le condamner pour des fautes en partie inventées, en partie représentées sous les plus perfides couleurs" [1]).

---

[1]) По Іосифѣ I вступилъ Никонъ, человѣкъ дивнаго величія духа, воистину достойный занимать патріаршій престолъ, но не русскій, слишкомъ недостойный его. Это — первый и единственный русскій Патріархъ, поступавшій по чувству долга и по достоинству своего служенія. И онъ палъ жертвой власти, которую пугало его величіе. Антіохійскій и Александрійскій Патріархи, приглашенные Царемъ, имѣли смѣлость соединиться, чтобы погубить своего товарища. Они скрѣпили нечестивый судъ Царя противъ Патріарха, ревностнаго въ поддержаніи авторитета его узурпированной теократіи. Никонъ былъ низложенъ и заключенъ въ монастырѣ, какъ простой монахъ. Его паденіе наноситъ смертельный ударъ Русской Церкви, и Церковь Гре-

Tondini. Такъ **Tondini** въ Réglement ecclésiastique de Pierre le Grand" называлъ Никона l'un des hommes les plus savants de son époque. Онъ пишетъ: „Parmi les patriarches de Moscou il s'en trouva un en effet doué d'une âme vraiment épiscopale; ce fut Nicon qui occupa le siège patriarcal du temps du tzar Al. Mikhailovitch père de Pierre I. L'histoire de l'Eglise sous le patriarche Nicon, c'est l'histoire de la lutte suprême soutenue par ce prélat pour sauver l'indépendance du pouvoir spirituel. Il ne fut pas secondé et un jour il se trouva presque seul à lutter contre le tsar. Par un travail habilement dirigé les autres évêques avaint été gagnés au parti du tzar. Nicon condamné par ses frères dans l'épiscopat (1666) **succomba mais il succomba en martyr**"[1]). Tondini въ другомъ сочиненіи „La Chiesa Russa" указываетъ на опасность для самой Церкви находиться въ управленіи государственномъ: черезъ это падаетъ собственная энергія строительства и борьбы, и какъ она справится съ правительствомъ, если таковымъ окажется въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ вмѣсто Царя соціалистъ! Tondini оказался пророкомъ въ послѣднемъ случаѣ, ибо онъ писалъ еще въ XIX вѣкѣ: (1875 г.) (р. 68).

„Ma i protestanti, i razionalisti, i giudei, i maometani e i rascolnici non sono i soli nemici che la chiesa russa deve apparechiarsi a combattere, e contro i quali non troverá efficace ajuto che dai cattolici. Essa potra avere per nemici il governo, l'ateismo nella legislazione, gli ostacoli

---

ческая, осуждая Никона, второй разъ сдалась Царямъ, какъ она это уже сдѣлала при Годуновѣ. По низложеніи Никона оставался одинъ шагъ, чтобы попытаться уничтожить Московскій Патріархатъ, и онъ удался Петру I чрезъ тридцать лѣтъ. Этотъ Государь, концентрируя въ себѣ всѣ теократическіе захваты своихъ предшественниковъ, незамѣтно ихъ прикрѣпилъ къ своему трону и передалъ ихъ, какъ драгоцѣнное наслѣдіе своимъ преемникамъ. Авторитетъ епископовъ уже давно былъ доведенъ до послѣдней степени униженія. Они заслужили свое положеніе постыднымъ участіемъ, которое они приняли въ осужденіи наслѣдника Петра Алексѣя. Этотъ варварскій актъ, къ стыду совершившаго его отца искаженнаго въ своей природѣ, показалъ потомству, что Петръ могъ въ жестокости превзойти даже Ивана IV. Послѣдній, правда, убилъ своего сына въ припадкѣ гнѣва, но Петръ убилъ хладнокровно, вынуждая Церковь и Государство осудить его за вины, частью выдуманныя, частью изображенныя искусственно, какъ самыя вѣроломныя.

[1]) „...однимъ изъ самыхъ ученыхъ людей своей эпохи". Онъ пишетъ: „Среди московскихъ Патріарховъ оказался одинъ съ духомъ по истинѣ епископскимъ; это былъ Никонъ, занимавшій патріаршій престолъ во времена Царя Алексѣя Михайловича, отца Петра I. Исторія Церкви при Патріархѣ Никонѣ, это—исторія крайней борьбы, выдержанной этимъ Патріархомъ ради спасенія независимости духовной власти. Ему не помогли, и онъ оказался однажды почти одинокимъ въ борьбѣ съ Царемъ. Искусными происками другіе епископы были привлечены на сторону Царя. Никонъ, осужденный своими собратьями по епископату, палъ, но палъ, какъ мученикъ".

d'ogni maniera fatti alla propoganda ortodossa, l'istruzione irreligiosa obligatoria, l'incredulitá e il materialismo premiati dalle academie in una parola tutte le autoritá costituite da cui dipende il popolo. Ora puo mai la chiesa russa ripromettersi di combattere con successo contro sifatti nemici? Niuno vorrá asserire che la storia passata di questa Chiesa ce ne offra sincere guarantigie; la sua vita, particolarmente dopo Pietro I é stata si uniforme e si é **tenuta in un campo si ristretto, che non ha potuto far prova di sue sforze.** Ma sventuramente v'é di peggio: per quanto si stata uniforme la sua vita, esso ci mostra come sua nota distintiva, la facilita onde gli **czar imposero ad essa le loro leggi, e ottenero da essa ció che in nessuna maniera si farebbe estorto dai grandi dottori e padri della chiesa greca.** Or se la chiesa russa si é mostrata si debole dinanzi agli czar, é certo forse che ritroverebbe subito la sua sforza quando avesse dinanzi un governo animato dai principi più ostili al cristianisimo, nemico giurato, non solo di tutta la Chiesa cristiana, ma anché di Gesu Christo? **Noi non siamo profeti; ma alla fine non éassolutamente impossibile che in un tempo piú o meno lonta no non segga sul trono degli czar un socialista russo"**[1]). Въ другомъ мѣстѣ той же книги (25 стр.) онъ говоритъ: „Цари лично мало дѣлаютъ неправославнаго, со строгостью поддерживаютъ Православіе въ народѣ, а высшіе слои общества—или невѣрующіе или скептически настроены; огромное число русскихъ раздѣляетъ самыя разрушительныя ученія, а Церковь государствомъ используется лишь, какъ полицейское орудіе, столь презрѣнное, что рѣдко попъ можетъ войти дальше передней барскаго дома; вотъ чѣмъ стала Русская

---

[1]) Но протестанты, раціоналисты, евреи, магометане и раскольники—не единственные враги, съ которыми Русская Церковь должна приготовиться бороться и противъ которыхъ найдетъ дѣйствительную помощь только у католиковъ. Она будетъ имѣть врагами правительство, атеизмъ въ законодательствѣ; препятствія всякаго рода созданныя для православной пропаганды, обязательное безрелигіозное обученіе, невѣріе и матеріализмъ, вѣнчаемыя академіей, однимъ словомъ всѣ авторитеты, отъ которыхъ зависитъ народъ. Сможетъ ли Русская Церковь быть увѣренной въ борьбѣ успѣшной противъ этихъ враговъ? Никто не захочетъ утверждать, что прошлая исторія этой Церкви даетъ намъ дѣйствительныя гарантіи; ея жизнь, въ особенности послѣ Петра I стала такъ однообразной и поставлена въ столь тѣсныя рамки, что не могла дать доказательствъ своихъ силъ. Къ несчастью, хуже того. Насколько однообразна ея жизнь, показываетъ ея отличительнаа черта, легкость, съ какой Цари наложили на нее свои законы и добились отъ нея того, чего никоимъ образомъ не добились бы отъ великихъ учителей и отцовъ Греческой Церкви. А если Русская Церковь оказалась столь слабой передъ Царями, то можетъ ли она вдругъ обрѣсти силу, когда увидитъ передъ собой правительство, вдохновенное принципами враждебными христіанству, врага заклятаго не только всей Церкви христіанской, но и Самаго Іисуса Христа? Мы не пророки, но не абсолютно невозможно, что во времена. болѣе или менѣе отдаленныя, возсядетъ на престолъ Царей русскій соціалистъ". Случилосъ худшее: трономъ Царей овладѣло богоборческое еврейство.

Церковь въ результатѣ дѣла Царей". (XVIII и XIX вѣкъ). Здѣсь много преувеличенія относительно результата, ибо Русская Церковь въ гоненіи обнаружила силу Церкви первыхъ временъ христіанства, но много правды въ томъ, что ея ненадлежащее положеніе въ государствѣ послѣ Никона лишало ея подобающаго вліянія на общество. Въ другомъ мѣстѣ (стр. 55) Тондини говоритъ, что „русскій епипатъ не далъ своими писаніями поддержки Православію, пропорціональной угрожающей ему опасности; что же будетъ, когда Церковь будетъ лишена опоры уголовнаго закона, а епископы и священники, будучи опекаемы, не имѣли случая считаться самостоятельно съ великими врагами Церкви". Съ другой стороны онъ же указываетъ, что вліяніе Православія ослабленно самими Царями. „Если вы посмотрите Регламентъ Петра Великаго, то вы увидите его протестантскій духъ. Священники, монахи и епископы Православной Церкви не могли быть уважаемы при такомъ способѣ обращенія съ ними Царя Петра. Равнымъ образомъ его покровительство протестантамъ и почитаніе ихъ мнѣній, неограниченное довѣріе въ секуляризаціи Россіи, неуваженіе его къ святымъ вещамъ въ его нечестивыхъ оргіяхъ, все это совершенно непримиримо съ обязанностью христіанскаго Государя". Екатерина II считала себя слугой Вольтера, и должно краснѣть православному человѣку при чтеніи ея корреспонденціи съ Вольтеромъ. Если протестанты могутъ разсматривать Петра, какъ одного изъ своихъ, то невѣрующіе— Екатерину, ибо она высмѣиваетъ церемоніи и таинства своей Церкви въ этой корреспонденціи; а духъ нечестія вокругъ нея и костюмы—зеркало ея невѣрующей души. **Было бы чудо, прибавляетъ Тондини, если бы православные, умѣющіе читать и писать, оставались вѣрующими при такомъ режимѣ.** Она сама это понимала и писала Московскому губернатору: „Я не устраиваю школъ, но для Европы надо сохранять въ общественномъ мнѣніи наше отношеніе. Въ тотъ день, когда наши крестьяне пожелаютъ учиться, ни вы, ни я не останемся на своемъ посту". Тондини говоритъ о преемникахъ Екатерины II: „Sotto i successori di Caterina II l'ortodossia andó soggetta a diverse variazioni secondo il grado d'ortodossia degli czar, e le vicende della loro politica in casa e fuori. Paolo I era tanto convinto di essere il vera capo della sua Chiesa, che un giorno si diede a credere di poter celebrare la Santa Messa... Non imponendo egli la fede col prestigio della suas cienza e delle sue virtú morali, l'incredulitá continuó a fare strage in Russia. Nella vita di Alessandro I si puó distinguere un periodo di tempo in cui esso piegó non poco al protestantismo; e sappiamo della storia quant' autorita avesse sopra di lui una dama protestante M. de Krudener. Se non c'inganiamo, coloro che sotto il regno di Alessandro, s'affaticarano tanto per istablire

una societa biblica in Russia, non intendevano concio di favorite l'ortodossia. L'Imperatore Alessandro era cristiano ortodosso non nel senso della sua chiesa ma nella rigorosa conformitá della sua credenza al domma fondamentale di tutte le chiese cristiane, che é la redenzione del genere umano per la morte riparatrice di Gesú Cristo mediante la fede" [1]). Вліяніе протестантизма на руководящіе слои общества и создало раздѣленіе ихъ отъ народа въ Императорской Россіи; ибо протестантизмъ несетъ другую культуру; Тондини указываетъ это различіе:

„Il protestantismo é una religione che in moltissimi questioni riguardanti la morale non riconosce altro giudice che la ragione privata; laddove rispetto alle stesse questioni **la Chiesa ortodossa possiede un'autoritá che le risolce nel senso meno favorevole all'inclinazioni della natura.** Il protestantismo é una religione che non impone nessuna pratica speciale di culto, **la Chiesa ortodossa non ne lascia del tutto la scelta ai fedeli**; il protestantismo rigetta le opere espiatrici; **la chiesa ortodossa impone astinenze e digiuni molto** prolungati; il protestantismo ci manda a Dio le confessione delle nostre colpe, **la Chiesa ortodossa vuole che sieno dichiarate ad un uomo per ottenere per questo atto umiliznte e penoso il perdon del Signore.** Se il protestantismo ci presenta Gesú Cristo come modello, limita cioché dobbiamo o possiamo imitare in Esso, ma **la Chiesa ortodossa non fissa alcun limite all' imitazione del nostro divino modello**: la verginitá, la povertá, e l'obbedienza volontaria sono per il protestantismo quello che era la croce per Gentili, una follia; **ma la Chiesa ortodossa li ritiene per consigli dati da Gesú Cristo stesso a coloro, che stimano felici di rassomigliarlo** [2]).

---

[1]) При преемникахъ Екатерины II положеніе Православія было подчинено разнымъ варіаціямъ въ зависимости отъ степени православія Царей и превратностей ихъ политики внѣшней и внутренней. Павелъ I былъ такъ убѣжденъ, что онъ — истинная Глава Церкви, что однажды онъ заставилъ повѣрить, что онъ можетъ служить обѣдню. Онъ не импонировалъ ни престижемъ своихъ знаній, ни своими нравственными добродѣтелями, и невѣріе стало свирѣпствовать въ Россіи. Въ жизни Александра I можно различать періодъ времени, когда онъ не мало склонялся къ протестантизму; изъ исторіи мы знаемъ, какое вліяніе имѣла на него дама протестантка баронесса Крюденесъ. Не ошибемся, что тѣ которые въ царствованіе Александра I такъ старались учредить въ Россіи библейское общество, не думали этимъ благопріятствовать Православію. Императоръ Александръ I былъ православнымъ христіаниномъ не въ смыслѣ Православной Церкви, а въ строгомъ соотвѣтствіи своей вѣры съ основной догмой всѣхъ христіанскихъ Церквей, т. е. искупленію рода человѣческаго искупительной смертью Іисуса Христа черезъ вѣру.

[2]) „Протестантизмъ—религія, которая въ весьма многихъ вопросахъ, касающихся морали, не признаетъ другого судьи, кромѣ индивидуальнаго разума; въ отношеніи къ другимъ вопросамъ Православная Церковь имѣетъ авторитетъ, который ихъ разрѣшаетъ въ смыслѣ ме-

Передъ лицомъ невѣрія требуется, чтобы Церковь требовала отъ священниковъ нѣчто большее, чѣмъ общая слава человѣка честнаго, послушнаго подданаго своему Государю, вѣрнаго своей женѣ и уважаемаго своими сыновьями". Тондини говоритъ, что это Русская Церковь утратила. Событія русской революціи, сопровождавшіяся добровольнымъ мученичествомъ и исповѣдничествомъ іерархіи и священниковъ и вѣрующихъ его въ томъ опровергали. Невольно вспоминаются слова о. Сергія Булгакова „Другъ жениха" (стр. 166), по поводу убіенія Предтечи. „Этимъ преступленіемъ обличается все безуміе зла, ибо именно въ немъ совершается величайшая побѣда добра. Развѣ есть большее для него торжество, нежели непреклонность даже до смерти? Развѣ умолкли уста усѣкновеннаго Предтечи? Развѣ безмолствуетъ языкъ, который согласно преданію, въ своей сатанинской злобѣ пронзила иглой Иродіада? Развѣ можетъ быть болѣе побѣдное торжество истины, нежели пріятіе за нее страданія и смерти?" То же относится къ Соловецкимъ мученикамъ. Однако Тондини правильно отмѣтилъ совершенную неумѣстность протестантскихъ идей для реформъ Православной Церкви; она возможна была только потому, что Царь почиталъ себя въ правѣ производить реформы въ Церкви по своему усмотрѣнію, т. е. почиталъ себя не связаннымъ ученіемъ и канонами Церкви благодаря тому же протестантскому вліянію. Мы привели длинныя цитаты изъ Тондини, поскольку онъ рисуетъ разрушительное дѣйствіе въ Русской Церкви Петровской церковной реформы и при этомъ иллюстрируетъ важность и значеніе основной идеи Никона, которую мы выразимъ такъ: Царь не можетъ имѣть авторитета въ дѣлахъ Церкви, не имѣя на то соотвѣтствующей благодати, Царь православный долженъ быть не только по имени и по личной жизни православнымъ, а и въ дѣлахъ, гдѣ онъ законодательствуетъ, управляетъ и судитъ, онъ долженъ знать свою мѣру; если мы признаемъ, что съ коронаціей Феодора Алексѣевича Царь въ Русской

нѣе благопріатномъ наклонностямъ природы. Протестантизмъ — религія, которая не налагаетъ никакой спеціальной практики культа; Православная Церковь вовсе не оставляетъ ихъ выбору вѣрующихъ; протестантизмъ отбрасываетъ искупительныя дѣла; Православная Церковь накладываетъ воздержаніе и весьма продолжительные посты; протестантизмъ оставляетъ признаніе нашихъ грѣховъ Богу, Православная Церковь требуетъ ихъ исповѣди передъ человѣкомъ, чтобы этимъ смиреннымъ и труднымъ актомъ добиться прощенія отъ Господа. Если протестантизмъ представляетъ намъ, какъ образецъ, Іисуса Христа, ограничиваетъ то, въ чемъ мы должны или можемъ подражать Ему, то Православная Церковь не ставитъ никакой границы въ подражаніи нашему Божественному образцу; дѣвство, бѣдность и добровольное послушаніе — то, что было крестъ, для язычниковъ — безуміе; но Православная Церковь ихъ признаетъ какъ совѣты Самаго Іисуса Христа тѣмъ, которые считаютъ себя счастливыми подражать Ему".

Церкви является священнымъ чиномъ, то не чиномъ епископскимъ, а соотвѣтствующимъ дьяконскому чину, какъ въ Византіи, и потому власти на законодательство, управленіе и судъ въ Церкви (in foro interno) не имѣющимъ. Если бы Никоновская идея православнаго Царя была осуществлена при немъ же, то Петровской церковной реформы быть не могло бы, и въ Россіи не было бы культурнаго разъединенія въ различныхъ слояхъ общества; ибо основной стержень— ея религія — не пересталъ бы быть вдохновляющей жизнь силой, нисколько не мѣшая благодѣтельнымъ реформамъ и успѣшнымъ войнамъ Петра. Быть можетъ, при надлежащемъ сохраненіи православной культуры въ руководящихъ слояхъ общества, и надлежащемъ отношеніи къ Церкви, съ образованіемъ народа и Царь и губернаторъ остались бы на своемъ посту, а не были бы удалены, какъ предсказывала Екатерина II Московскому губернатору. Не обходитъ въ своемъ послѣднемъ сочиненіи „La Chiesa Pussa" Никона и **Palmieri**.

Palmieri. Онъ считаетъ, что „съ Никономъ, непоколебимымъ въ своихъ требованіяхъ, прекращается моральная свобода русской іерархіи. Петръ I уничтожаетъ патріархатъ, ибо Патріархъ есть второй Государь, и священство—второе царство. По русскому канонисту Павлову, великій реформаторъ вводитъ въ Православную Церковь принципъ территоріализма, выдвинутый протестантскимъ каноническимъ правомъ: Cuius regio—eius religio. Въ своемъ законодательствѣ онъ ставитъ свѣтскую власть во главѣ Церкви: дѣла чисто церковныя во власти Царя (Павловъ); онъ запрещаетъ духовенству хоронить въ дубовыхъ гробахъ, и духовенство смиренно исполняетъ его приказы. Другой указъ превращаетъ монастыри въ scuderia delle trupe, третій запрещаетъ монастырямъ отшельническую жизнь и заставляетъ принимать отставныхъ солдатъ, и іерархія молчитъ. Но эти указы не ограничились только второстепенными предметами, но нарушали иногда священныя предписанія Церкви и даже ея догматическія рѣшенія.

Una delle prescrizioni piú vergognose concerne la violazione del sigillo sacramentale. L'ukaze del 17 maggio 1722 impone ai confessori di rivelare alla cancelleria segreta le congiure contro la famiglia imperiale, i cattivi pensieri che ledono l'onore della medesima, anche le parole pronunziate contro di essa. Il sinodo spiego in una sua disposizione che un simile atto non contradice alle massime del Vangelo. Ed il clero obbedi servilmente esercitando con zelo il mestiero abjecto di delatore e di profanare della santitá dei sacramenti"[1]).

---

[1]) „Одно изъ наиболѣе постыдныхъ предписаній касается нарушенія исповѣднической тайны. Указъ 17. V. 1722 г. обязываетъ ис-

Это — результаты той системы, которую выдвигали патріаршіе свитки 1664 г. о высшей безграничной власти Царя, причемъ всѣ неподчиняющіеся ему (хотя бы духовные въ духовныхъ дѣлахъ) — враги его власти. „E infatti gli eredi del servilismo bizantino non ismentirono le ioro teorie, giungendo sinanco a strappare all' intrepido Nicone le insegne della sua dignitá[1]). И самъ Пальміери видимо восторгается, что низложенный **Патріархъ бросилъ имъ въ лицо упрекъ въ уничтоженіи священства ради денегъ**. Пальміери говоритъ, что борьба Никона съ Царемъ ради правъ іерархіи кончилась пораженіемъ, ибо русскій епископатъ привыкъ склоняться подъ желѣзной палкой гражданской власти. Энергичный Патріархъ, говоритъ Пальміери, воспроизводитъ въ своихъ сочиненіяхъ теорію, развитую въ средніе вѣка Папами, говорившими во имя Бога и христіанскаго общества". Съ послѣднимъ мы никахъ не можемъ согласиться, ибо, хотя Никонъ и цитируетъ теорію двухъ мечей, но въ нее вкладываетъ другой смыслъ. Метафорическое сравненіе не доказательство особенно, когда опредѣленно указанъ смыслъ Никоновской теоріи въ зависимости отъ котораго и образное сравненіе получаетъ иной смыслъ. Булла „Unam sanctam" 1302, которая дала законодательное выраженіе теоріи двухъ мечей, говорила не о двухъ разныхъ мечахъ, о духовномъ и свѣтскомъ, которые принадлежали бы самостоятельно представителямъ власти духовной и свѣтской, независимо одной отъ другой, какъ говорилъ Никонъ, а прибавляла нѣчто иное. Папа де осуществляетъ только власть духовнаго меча, т. е. слова, но и матеріальный мечъ принадлежитъ также Папѣ, лишь извлекается не самимъ Папой, а рукой королей. Матеріальный мечъ и владѣющая имъ свѣтская власть должны были подчиняться духовному мечу и духовной власти: подчиненіе всѣхъ римскому первосвященнику есть догматъ, необходимый для спасенія души. Мало того, духовная власть устанавливаетъ земную власть и въ случаѣ уклоненія ея отъ истиннаго пути, можетъ ее судить. Булла Unam sanctam такъ и говорила: **Uterque ergo est in potestate ecelesiae spiritualis sciliset gladius et materialis.** Sed is quidem pro ecclesia, ille vero ab ecelesia exercendus. Ille sacredotis, is manu regum et militum sed ad nutum et patientiam sacerdotis; oportet autem gladium esse sub

---

повѣдника открывать въ Тайной Канцеляріи заговоры противъ Императорской семьи, дурныя мысли, оскорбляющія ея честь, и слова, высказанныя противъ нее. Синодъ объяснилъ въ одномъ изъ своихъ актовъ, что подобное дѣйствіе не противорѣчитъ правиламъ Евангелія. И клиръ рабски повиновался, осуществляя съ усердіемъ отвратительное ремесло доносчика и профанаціи святости таинства".

[1]) „Дѣйствительно, наслѣдники Византійскаго сервилизма подтвердили свои теор.и, идя до срыванія съ неустрашимаго Никона знаковъ его достоинства".

gladio et temporalem autoritatem spirituali subici potestati. **Spiritualis potestas terrenam potestatem instituere habet et judicare.** Ergo si deviat terrena potestas judicabitur a potestate spirituali. Porro subest romano pontifici omni humanae creturae declaramus, dicimus, diffinimus et pronuntiamus omnino essede necessitate salutis“[1]). Но у Никона духовная власть, какъ онъ опредѣленно говоритъ, не устанавливаетъ земную власть, а только освящаетъ. Земная власть имѣетъ у него самостоятельный источникъ происхожденія; духовная власть у Никона не судитъ земную власть въ смыслѣ произнесенія юридическаго приговора, который и былъ бы исполненъ въ случаѣ уклоненія отъ земного приговора, какъ въ папской системѣ, вооруженной рукой, а ограничивается тѣмъ, что сдѣлалъ священникъ Азарія съ царемъ Осіей, т. е, протестомъ словеснымъ, оставляя остальное Богу. Духовная власть можетъ уклониться у Никона отъ соучастія въ грѣхѣ, и ради этого Никонъ самъ удалился съ патріаршаго престола, чтобы усугубить свой протестъ и воздѣйствовать на свѣтскую власть этимъ величественнымъ напоминаніемъ, но о правѣ низлагать Царя Никонъ никогда не заикался и всегда за Царя молился, несмотря ни на канія преслѣдованія. Никонъ говорилъ только о направленіи дѣятельности Царя Алексѣя Михайловича, чтобы онъ былъ Царемъ православнымъ и стяжалъ благополучіе самому царству, но онъ не ставилъ и вопроса о томъ, что царская власть исходитъ отъ духовной власти, и въ короновании и таинствѣ мvропомазанія не усматривалъ делегаціи власти отъ представителя духовной власти. Никонъ ставилъ предъ царской властью обязательства предъ Церковью, но никогда не говорилъ, что въ случаѣ неисполненія ихъ ею Царь можетъ быть низложенъ; нѣтъ, онъ будетъ наказанъ Богомъ, и царству его уготовляется этимъ гибель, хотя бы и не сразу, а черезъ нѣсколько поколѣній. Никонъ выступалъ, какъ ветхозавѣтный пророкъ съ однимъ духовнымъ оружіемъ слова, а не какъ средневѣковый Папа, объявляющій низложеніе одному королю и поручающій другому привести его постановленіе въ исполненіе. Свѣтская власть съ средневѣковой системой можетъ быть по усмотрѣнію Папы передана другому лицу. Все это — слѣдствія того положенія, что средневѣковый Папа имѣетъ верховную власть не толь-

---

[1]) „Оба меча во владеніи Церкви, то есть духовный и матеріальный. Но одинъ осуществляется за Церковь, а другой самой Церковью. Одинъ рукой священства, другой рукою Царей и воиновъ, но для надобности священства. Но необходимо, чтобы одинъ мечъ повиновалдругому и свѣтская власть духовной. Духовная власть должна установлять и судить власть земную. Поэтому, если земная власть провинится, то ее можетъ судить духовная власть. Итакъ утверждаемъ, объявляемъ что для необходимости спасенію необходимо подчиненіе всякаго человѣческаго созданія Римскому Первосвященнику“.

ко въ духовныхъ дѣлахъ, но и въ свѣтскихъ, и всѣ короли имѣютъ отъ него свои территоріи на ленномъ правѣ. Сколько бы Никонъ ни получалъ имущества для Церкви или для своихъ монастырей, онъ получалъ ихъ отъ Царя или съ разрѣшенія Царя, и ихъ неотчуждаемость отъ Церкви выводилъ не изъ верховныхъ правъ Церкви, которыя бы стояли выше правъ государства въ сферѣ юридическихъ вещныхъ отношеній, а изъ заклятія, съ которымъ связывали всѣ прежніе Цари пожалованіе имуществъ Церкви. Слѣдовательно, онъ ссылался не на первоначальное право Церкви, а на самоограниченіе государства, вытекающее изъ религіозной настроенности представителей его власти. Царь православный никогда съ себя такого самоограниченіа снять не можетъ, ибо Церковь — его мать, которой онъ духовно всѣмъ обязанъ; напротивъ въ іерократической системѣ среднихъ вѣковъ все, что король имѣетъ, имѣетъ на ленномъ правѣ отъ Папы. Отзывъ иностранныхъ **православныхъ іерарховъ**, имѣющихъ право судить и высшихъ духовныхъ лицъ судомъ компетентнымъ, дается о Никонѣ въ грамотѣ Константинополскаго Патріарха Якова отъ 5 мая 1682 года:

Грамота Восточныхъ Патріарховъ 5 мая 1682 г.

...... „не токмо оставляемыхъ познахомъ покающимся ко всемилостивому Господу воелику согрѣшивъ, но и къ прежнему достоинству приводимыхъ. Понеже убо и въ прошлыхъ годѣхъ бывшій Патріархъ Московскій и всея Русіи киръ Никонъ... столпъ благочестія неколебаемый знаемъ бысть, **и Божественныхъ и священныхъ канонъ оберегатель искусснѣйшій, отеческихъ догматъ повелѣній же и преданій неизрѣченный ревнитель, но заступникъ достойнѣйшій**: но яко человѣкъ человѣчески болѣзнствуя отъ малолушія нѣкоего гнѣвомъ и уныніемъ побѣждаемъ бысть, которыхъ ради винъ.... умножившe ссоры... и обличенъ и повиненъ осужденъ по закону церковному наказанію и оставленію патріаршескаго достоинства, яже благосовѣтнѣе принявъ многоми и тьмочисленными печальми и нуждами себѣ усмири и... яко злато въ горнилѣ искушенъ бысть.... сего ради нынѣ явилося благословно и безпричинно быти милости сподобитися въ терпѣніи великодушному оному страдателю и къ патріаршескому воззывати поминовенію, не разрушая ради Собора того, отъ котораго онъ низверженъ бысть никако; Соборъ бо той неразрушаемъ, быти же паче нерушимо и крѣпко хранимое хочемъ; но по подражанію дающаго Божественную милость, ею же Церковь богатствуетъ, яко не безпрощательная прегрѣшивше, многократными же добродѣтельными кончины мало порока прегрѣшенія своего очиствъ, праведно и достойно благопріятнаго мужа онаго отъ изверженія возмѣняемъ, но извыше отъ Святыхъ Отцовъ содержимому извычаю и по правильной церковнаго мило-

сердія". Изображая Никоновское построеніе церковно-государственныхъ отношеній, мы видимъ, что Никоновская теорія не была оторвана отъ дѣйствительности и восходитъ, какъ къ своему источнику, къ святоотеческому преданію, и здѣсь особенно иллюстрируется правильность мысли, выраженной по другому случаю Ю. Самаринымъ: „общественные идеалы не выдумыватюся и не навязываются; они слагаются сами собой, вырабатываясь постепенно жизнью народа и передаются отъ одного поколѣнія къ другому безчисленными нитями живого преданія".

Митрополитъ Антоній (Храповицкій). Такую же высокую оцѣнку въ русской летературѣ, какую встрѣчаетъ Никонъ у иностранныхъ корифеевъ науки, Стэнли, Пальмера, Theiner и Tondini, Никонъ встрѣчаетъ у Митрополита Антонія. Въ своемъ IV томѣ полнаго собранія сочиненій маститый авторъ, подобно имъ, называетъ Никона величайшимъ человѣкомъ Русской Исторіи и подробнѣе, чѣмъ кто либо изъ историковъ до него, останавливается на личности Никона. „Геній, говоритъ онъ, познается тѣмъ, что его личная жизнь сливается съ жизнью народа. Три его личныхъ предпріятія, Иверскій, Воскресенскій и Крестный монастыри стали общенародными русскими величайшими святынями. Главная его задача — ослабленіе русскаго церковнаго провинціализма. Въ Церкви Христовой не должно быть національной обособленности; національныя различія, преданія должны подчиняться единому общецерковному преданію. Этой вселенскости онъ давалъ явное предпочтеніе передъ національзмомъ и потому не стѣснялся вводить греческое пѣніе и по изученіи гречекаго языка служить литургію погречески. Никонъ, учась у грековъ, отбрасывая національное самолюбіе, процвѣтавшее у раскольниковъ, показывалъ свое смиреніе". Никакого властолюбія и честолюбія Митрополитъ Антоній не находитъ у Никона и подчеркиваетъ, что онъ не разрѣшилъ величать себя великимъ Государемъ въ Церкви, и не стремился къ церковному подчиненію Малороссіи, что легко могъ бы сдѣлать при тогдашнихъ обстоятельствахъ. Никонъ никогда не мечталъ о подчиненіи свѣтской власти духовной. Нелѣпое обвиненіе его въ униженіи царской власти—боярская клевета. Митрополитъ Антоній особо останавливается на Никоновской неустрашимости, безхитростности, прямолинейности, на его ревности къ славѣ Божіей, просвѣщеніи ума. Еще Новоспасскимъ архимандритомъ онъ вошелъ въ кружокъ ревнителей просвѣщенія, мечтавшаго о широкихъ планахъ—сдѣлать всѣхъ инородцевъ въ Россіи православными, освободить грековъ отъ турецкаго ига, устроить Церковь на строго каноническихъ началахъ, чтобы она прежде всего руководилась правилами Св. Апостоловъ, Вселенскихъ и Помѣстныхъ Соборовъ и Св. Отецъ, а государство—Кормчей. Никонъ всегда старался

ревновать своему любилому святому—Святителю Московскому Филиппу — мужественному поборнику правды, запечатлѣвшему вѣрность ей своей жизнью и сподобившемуся мученическаго вѣнца. Самъ Никонъ испилъ чашу страданій до дна отъ своихъ враговъ за свою прямолинейность и безкомпромисность. Митрополитъ Антоній обратилъ вниманіе на то, что причина ухода Никона съ престола психологически осталась необъясненной и послѣ сочиненій Каптерева. Писатели исходили изъ приписыванія Никону личнаго эгоизма, тогда какъ у него была только ревность о славѣ Божіей. Логику отреченія Никона Митрополитъ Антоній видитъ въ пренепреженіи со стороны Царя дружбой Никона. „Наша жизнь даетъ примѣры такой пламенной дружбы только въ самой ранней юности, но когда она возникаетъ и связывается въ умахъ идеалистовъ со всѣми планами жизни, со всей цѣнностью послѣдней, и, если дружба разрушается, то всѣ планы ея признаются разбитыми. Понять такую логику могутъ только идеалисты, которыми однако, по справедливому наблюденію Достоевскаго, и подвигается жизнь къ лучшему и совершается общественнсе возрожденіе. Дружба Царя и Патріарха возстановила благообразіе общественной молитвы, исправила Св Книги, присоединила Малороссію, привлекала въ Москву Патріарховъ и ученыхъ, побѣждала поляковъ и шведовъ, и политически возродила Московію на степень величія III Рима въ Царствѣ Божіемъ“.

Нисколько не оспаривая значенія этой дружбы для успѣха церковныхъ и государственныхъ дѣлъ и той катастрофы нравственной, которую переживалъ Никонъ отъ охлажденія къ нему его друга-Царя подъ вліяніемъ дурныхъ людей, мы укажемъ только, что центръ тяжести исторической проблемы, связанный съ дѣломъ Никона, не въ этихъ личныхъ отношеніяхъ, а въ разрѣшеніи того, какое положеніе должна занимать Церковь и какъ государство должно относиться къ просвѣтительной миссіи Церкви въ государствѣ,—есть-ли Церковь помѣстная—союзъ самостоятельный, въ духовномъ смыслѣ высшій, чѣмъ государство, параллельный государству въ извѣстномъ смыслѣ, или только государственное учрежденіе для извѣстнаго нужнаго самому государству порядка дѣлъ.

Самое разъединеніе Царя и Патріарха было не продуктомъ ихъ какого либо недоразумѣнія, а результатомъ того, что Царь отказался по существу идти по пути, указываемому теоріей симфоніи, лежавшей въ основѣ Московскаго государственнаго строя, какъ того хотѣлъ Никонъ 22 іюля 1652 г. и какъ Царь ему обѣщалъ, а пошелъ по пути, указанному Уложеніемъ, боярами и Лигаридомъ, т. е. по пути цезарепапизма. Однимъ словомъ главное дѣло въ идейномъ ихъ разногласіи, при которомъ указанныя психологическія причины имѣютъ значеніе второстепенное въ

оцѣнкѣ событій, но конечно чрезвычайно важны для пониманія психологіи самихъ участниковъ. На лицо была борьба двухъ традицій: воскресшей языческой и традиціи оцерковленія государства въ святоотеческомъ пониманіи.

Митрополитъ Антоній называетъ совершенно правильно судъ надъ Никономъ нечестивымъ и призываетъ благословеніе Божіе на имена трехъ архіереевъ, отказавшихся подписать приговоръ надъ Никономъ (Лазарь Барановичъ, архіепископъ Черниговскій, Симонъ архіепископъ Вологодскій и Михаилъ епископъ Коломенскій) и напоминаетъ слова Никона о таинственности его низверженія „зачѣмъ въ отсутствіи Царя и въ малой Церкви, а не въ томъ Соборѣ, гдѣ нѣкогда умолялъ его вступить на патріаршій престолъ, нынѣ неправедно и въ тайнѣ его низлагаютъ?... Вы неправедный судъ произвели тайно; вы осудили меня въ частной монастырской Церкви, въ присутствіи однихъ клеветниковъ моихъ". Такой участи подвергся тотъ, кого авторъ называетъ величайшимъ святителемъ не только помѣстной русской, но и всей Вселенской Церкви. „Среди великихъ вселенскихъ святителей Божіихъ имя Святителя Никона блеститъ, какъ яркая звѣзда первой величины на нашемъ духовномъ небосклонѣ". Судя по новымъ документамъ напечатаннымъ въ Русскомъ Архивѣ за 1893 г., выясняется, что главныхъ жизненнымъ правиломъ Никона въ отношеніи къ людямъ была любовь. То онъ заботится о крещенномъ греченкѣ, то о крещенномъ калмыченкѣ, то удовлетворяетъ просьбу мужиковъ о пшеницѣ, въ которой отказалъ монастырь, а Никонъ дѣлаетъ помѣтку „и надо бы отказать, да боюсь, чтобы на насъ Богъ не прогнѣвался". „У Никона, пишетъ Митрополитъ Антоній, была нѣжная мягкая, любящая душа"; это не былъ грубый черствый и жестокій Никонъ Каптерева, только карающій и заботящійся о своей власти и чести. Его душа горѣла о славѣ Божіей, и Митрополитъ Антоній пишетъ: „этотъ великій человѣкъ понималъ, что нѣтъ ничего на землѣ святѣе храма Божіяго, а потому усердно строилъ благолѣпные храмы. Онъ понималъ, что храмъ—это есть какъ бы книга, живое существо, воплощеніе религіознаго восторга. И вотъ размышляя смиренно объ этомъ величайшемъ человѣкѣ, думаешь, какихъ даровъ ему не хватало.,. Аскетъ и демагогъ, правитель и отшельникъ, художникъ и хозяинъ, демократъ и другъ двора, патріотъ своего народа и вселенскій святитель, поборникъ просвѣщенія и строгій хранитель церковной дисциплины, нѣжная душа и грозный обличитель неправды"... И его смиреніе запечатлѣно надписью подъ образомъ Спасителя въ Воскресенскомъ монастырѣ, передъ которымъ склоняюгся Св. Филиппъ съ одной стороны, и Никонъ съ другой. Надъ головой Никона слова кондака Великой Среды: „Паче блудницы, блаже, беззаконновахъ, слезъ теченія никакоже Тебѣ принесохъ: но молчаніемъ моляся, припадаю Ти любовію облобызая пречистыя Твои нозѣ, яко да остав-

леніе мнѣ, яко Владыка, подашь грѣховъ, зовуща: Спасе, отъ скверныхъ дѣлъ избави мя, смиреннаго Никона раба Своего".

Если Пальмеръ, исходя отъ дѣлъ, совершенныхъ Никономъ для Церкви и государства, говоритъ, что Русская Церковь должна сопричислить его съ именами Петра, Алексѣя, Іоны и Филиппа, то Митрополитъ Антоній приходитъ къ тому же, исходя уже изъ свидѣтельствъ Божіихъ о Никонѣ черезъ чудеса, за которыя чтитъ его русскій народъ. „По глубокому убѣжденію благочесивыхъ русскихъ людей, пишетъ онъ, настанетъ время, когда этотъ великій угодникъ Божій будетъ прославленъ на землѣ и причисленъ къ торжествующей Церкви на небесахъ. Святой Патріархъ еще при жизни своей творилъ исцѣленія, обладалъ прозрѣніемъ и другими высокими дарованіями и послѣ смерти своей подаетъ исцѣленіе и даруетъ благодатную помощь всѣмъ, съ любовью и вѣрой къ нему притекающимъ... Эту вѣру особенно имѣютъ ново-іерусалимскіе монахи, которые вѣруютъ въ нетлѣніе его мощей и ежедневно творятъ по немъ панихиду, на которой полагается особенный отпустъ: „Христосъ Истинный Богъ нашъ... душу отъ насъ представшагося раба Твоего св. Патріарха Никона въ селеніяхъ праведныхъ учинитъ, въ нѣдрахъ Авраама упокоитъ, съ праведными сопричтетъ и насъ его **святыми молитвами** помилуетъ, яко благъ и человѣколюбецъ". Въ книгѣ, хранящейся при его гробѣ, записано много исцѣленій и видѣній послѣ его кончины и до послѣдняго времени. Придетъ время, когда св. Патріархъ будетъ изображенъ не со смиреннымъ моленіемъ кающагося грѣшника, а съ тропаремъ, прославляющимъ его высякія добродѣтели и подвиги, подъятые во славу Божію". Характерно, прибавимъ мы, и то реальное участіе, которое связывается съ именемъ Никона въ жизни одного изъ важнѣйшихъ учрежденій Русской Церкви и государства. Съ паденіемъ Никона пало и учрежденіе, въ которое онъ вдунулъ душу и слилъ съ собой; когда въ 1917 г. возстановлено было патріаршество, то этому предшествовало на Соборѣ возстановленіе и прославленіе имени Никона въ лекціяхъ Митрополита Антонія до степени заслуженнаго имъ культа. Не случайно и то, что больше всего содѣйствовашій въ 1917 году въ Россіи возстановленію памяти Патріарха Никона, Митрополитъ Антоній болѣе всего содѣйствовалъ и возстановленію каноническаго строя Русской Церкви черезъ возсозданіе въ ней должности первосвятителя—Патріарха. Еще въ 1906 году въ Предсоборномъ Присутствіи онъ указывалъ, что „насильственная противоканоническая реформа Петра обезличила и затмила религіозное сознаніе русскаго народа, оторвала духовенство отъ народа, превративъ духовенство въ касту. Реформа эта, приведя Русскую Церковь подъ господство государственнаго

чиновника, лишила Церковь приличествующаго ей одушевленія и дорзновенія и положила начало отступленію отъ благочестія во исполненіе Божьяго глагола: поражу пастыря и разыдутся овцы стада". Для христіанизаціи быта нужно обновленіе церковнаго строя на каноническихъ началахъ, ибо каноны есть выраженіе Божественной воли, а они требуютъ, чтобы епископатъ Помѣстной Церкви возглавлялся отвѣтственнымъ передъ нимъ іерархомъ—первовятстелемъ, имѣющимъ право воздѣйствія на всю Помѣстную Церковь. „Воплощающая въ своемъ сердцѣ полноту Помѣстной Церкви, говоритъ Митрополитъ Антоній, облагодатствованная личность почти непроизвольно отрѣшается отъ земного самолюбія и, нося въ своемъ сердце Христово достояніе, отражаетъ на лицѣ своемъ Божественную славу, какъ Моисей Боговидецъ, сошедшій съ Синая послѣ бесѣды съ Всемогущимъ. И этой красоты Церкви мы были лишены въ продолшеніи 200 лѣтъ сперва черезъ насиліе, а потомъ по недоразумѣнію. Коллегія не можетъ замѣнить Божьяго пастыря и безъ главы не бываетъ Церковь въ очахъ Божіихъ, но Церковь наша пребывала въ двухъ-вѣковомъ плѣненіи; ея глава былъ связанъ въ своихъ высшихъ полномочіяхъ, былъ вовсе лишенъ права ихъ проявлять, такъ что и узнать его трудно было бы христіанамъ; Церковь Помѣстная казалась обезглавленной, а потому она не имѣла приличествующаго ей одушевленія; а лучшія ея силы удалялись въ лѣса и пустыни, свѣтильники скрывались подъ спудомъ и люди, лишенные свѣта въ храминѣ, отыскивая свѣтъ, бѣжали ночью изъ ограды Церкви". „Съ кончиной послѣдняго Патріарха (Адріана) нашъ бытъ развилъ себялюбивыя и чувственныя начала быта языческаго, выработалъ типъ русскаго нигилиста, изъ размноженія коего возникъ теперешній, ужасающій всю вселенную безобразный мятежъ противъ родины и противъ христіанской вѣры" (слова въ засѣданіи Пред. Соб. Присут. 1906 г.). Въ возстановленіи главы Помѣстной Церкви Митрополитъ Антоній расчитываетъ видѣть начало возвращенія общественной жизни къ истиннымъ христіанскимъ началамъ, подобно тому, какъ лишеніе ея главы положило начало отступленію отъ благочестія. „Да будетъ, говоритъ онъ, это возвращеніе еще болѣе славнымъ, чѣмъ въ древней Руси. Пусть возродится прежняя ревность о спасеніи, прежнее евангельское смиреномудріе и воздержаніе, искренность и всепрощеніе, но обогащенная болѣе зрѣлымъ разумомъ, науками и общественнымъ развитіемъ. И да возсіяетъ снова надъ землей нашей церковная Божественная слава и исполнится наша ежедневная молитва". И въ своихъ сочиненіяхъ о возстановленіи патріаршества, онъ напоминалъ, что патріаршество не есть ограниченіе самодержавія, а самая надежная его опора, такъ что нѣтъ нужды дѣлать выборъ между этими двумя священными симпатіями

русскаго народа. Вѣдь и тому и другому учрежденію сопутствуетъ одно и то же направленіе мысли".

Духъ Регламента. Смыслъ клеветы о замахахъ Никона на царскую власть.

Когда Петръ, добавимъ, писалъ въ Регламентѣ о замахахъ, разумѣя Никона, на царскую власть, онъ грубо клеветалъ, повторяя боярскую выдумку, и на самонъ дѣлѣ пользовался ею для дискредитированія учрежденія, которое въ русской жизни олицетворяло чуждую и противную его неправославному міровоззрѣнію православную идею оцерковленія жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ. Отъ этого оцерковленія Петръ хотѣлъ прежде всего освободить царскую власть и вернуть ее къ идеѣ Царя — понтифексъ максимусъ; но этимъ самымъ онъ вырывалъ изъ подъ нея ея главную опору и смыслъ, ибо смыслъ царской власти въ русскомъ пониманіи неотдѣлимъ отъ Церкви; самъ Царь есть воплощеніе народнаго православнаго самосознанія, и безъ таковаго это учрежденіе не можетъ существовать. Коль скоро идея Царя—какъ перваго ктитора православія и основы жизни, (какъ говоритъ грамота Вселенскихъ Патріарховъ объ учрежденіи царской власти) исчезнетъ, учрежденіе это лишается своего непреходящаго значенія, и оно бросается въ тотъ водоворотъ идей, въ которомъ погибло въ дѣйствительности царская власть въ Россіи въ результатѣ искаженія этого учрежденія и расцерковленія его въ своей идеѣ, положеннаго Петромъ I.

Наше заключеніе объ идеяхъ Патріарха Никона.

Въ дополненіе къ ранѣе нами сказанному, скажемъ теперь свое заключеніе о Никоновской идеѣ царской власти. Онъ далъ теорію Царя православнаго, подчиняющагося и въ своей личной жизни и въ общественной дѣятельности православному ученію и правиламъ Церкви. Въ этомъ залогъ благоденствія и прочности царства. Въ соотвѣтствіи съ теоріей симфоніи, для государственной дѣятельиости есть высшій смыслъ и критерій—въ духовомъ отношеніи къ жизни, не забывающій ея конечное назначеніе за гробомъ. Подобно тому, какъ въ наше время въ 1906 г. Митрополитъ Антоній предостерегалъ отъ распаденія государства въ результатѣ нецерковнаго и противоцерковнаго теченія интеллигентской мысли, такъ въ 60-хъ годахъ XVII вѣка Патріархъ Никонъ предостерегалъ государство отъ разрушенія въ виду едва тогда начинавшагося того же процесса въ видѣ умаленія общественнаго значенія Церкви, пренебреженія ея каноновъ, пренебреженія архипастырскихъ словъ, предостерегающихъ отъ нарушенія клятвы, данной Царемъ Патріарху. Архіереи, не поддержавшіе Патріарха въ исполненіи его священныхъ обязанностей, изъ человѣкоугодничества передъ дворомъ Царя, обезсилили іерархію на будущее время передъ лицомъ царской власти, подпа-

давшей впослѣдствіи разнымъ философскимъ, нецерковнымъ вліяніямъ, и черезъ то подтачивавшей тотъ корень, на которомъ она сама росла и крѣпла вмѣстѣ со своимъ царствомъ.

Никонъ напомнилъ святоотеческую идею различія властей свѣтской и духовной и косвенно побудилъ русскихъ архіереевъ на Соборѣ 1667 г. установить это различіе, по крайней мѣрѣ, въ принципѣ, но это принципіальое утвержденіе не могло дать жизнь идеѣ, когда ея носитель, исповѣдникъ и воплотитель палъ самъ жертвой мелкихъ страстей идейно выродившагося боярства. Никонъ считалъ обязанностью Патріарха стоять за истину и за воплощеніе правды въ жизни и говорилъ, что на это іерархи и поставлены. Онъ ушелъ съ своей каѳедры, когда Царь отступилъ отъ обѣщаннаго пути, и этотъ его уходъ черезъ два столѣтія говоритъ намъ краснорѣчивѣе всѣхъ словъ, что въ этомъ онъ усматривалъ высшую, но и иеобходимую мѣру воздѣйствія для православнаго архипастыря; гибель нашего отечества въ результатѣ господства идей противоположнаго свойства, есть исполненіе его предсказанія. Цѣной своей жизни онъ засвидѣтельствовалъ вѣру въ истину своего міросозерцанія и показалъ, что „плоды его разума, и имя его будетъ живо во вѣки“.

Языкомъ юридическимъ онъ объяснилъ, чего Царь не имѣетъ права дѣлать, за недостаткомъ соотвѣтствующихъ благодатныхъ даровъ, даваемыхъ только іерархіи черезъ хиротонію; этихъ правъ не даетъ хиротесія, — каковую получаетъ Царь; она указываетъ, къ чему онъ призванъ въ отношеніи къ Церкви — быть ея защитникомъ, ктиторомъ. Давая ей пожертвованія и реально свидѣтельствуя любовь къ ней черезъ то положеніе, которое онъ даетъ въ своемъ царствѣ, Царь дѣлаетъ ея молитвы за него доходными до Бога и черезъ то получаетъ отъ Него благоденствіе для царства, во много кратъ превышающее его пожертвованія. Давая судебныя привилегіи духовенству, онъ предохраняетъ его отъ засилія своенравныхъ невѣжественныхъ воеводъ и властей и даетъ возможность развивать ему свое нравственное воздѣйствіе на народъ. Давая средства Церкви, онъ даетъ возможность ей выполнить ея долгъ благотворенія, помощи больнымъ, страждущимъ и престарѣлымъ, даетъ ей возможность содѣйствовать просвѣщенію народа.

Но прежде всего нужно, чтобы соблюдались каноны, какъ выраженіе Божественной воли. Въ этомъ отношеніи Никонъ шелъ по пути Византійскихъ ревнителей каноновъ, требовавшихъ обязательности соблюденія не однихъ догматовъ, но и каноновъ, не только ʼακρίβεια τῶνδογμάτων но и ʼακρίβεια τῶν κανόνων.

Не входя въ изученіе того, что въ канонахъ есть результатъ непосредственаго Божественнаго волеизъявленія и

что—результатъ историческихъ условій мѣста и времени, Никонъ однако въ сущности не расходится въ опредѣленіи современной намъ науки неотъемлемыхъ церковныхъ полномочій и, когда защищаетъ такія делегированныя государствомъ права духовенства, какъ права суда въ гражданскихъ дѣлахъ или права собственности, то прибѣгаетъ уже не къ Божественной волѣ, а къ завѣтамъ исторіи и царственныхъ предковъ, указавшихъ на должное отношеніе къ этимъ правамъ. Онъ требовалъ, чтобы государство православное прежде всего воздавало признаніе Церкви и ея правамъ, вытекающимъ изъ ея природы. Онъ раскрылъ съ ясностью, поразительной для его времени, смыслъ теоріи симфоніи и установилъ ее, какъ ученіе, рекомендуемое Церковью для государства, не по имени только называющагося себя православнымъ. Выполненіе перваго долга „единаго на потребу" есть первая обязанносcь Царя православнаго.

Онъ отвергъ формы національнаго русскаго благочестія, какъ высшій критерій истинности, и истину вселенскую предпочелъ при всей своей горячей любви къ родинѣ. Онъ мыслилъ свою Русскую Церковь, не какъ особую самодовлѣющую силу, указывающую свѣтъ міру, а принималъ ее въ единеніи съ прочими Помѣстными Церквами, какъ часть цѣлаго, но старался возвысить эту часть до того, чтобы она на дѣлѣ, а не по старообрядческому самомнѣнію была свѣточемъ, озаряющимъ и всѣ другія, и Москва, какъ Третій Римъ стала дѣйствительно столицей православія, не только по унаслѣдованному титулу, но и по дѣйствительному вліянію. Одно напоминаніе о своей Церкви, какъ о занимающей пятое мѣсто среди Восточныхъ Патріархатовъ и признаніе на дѣлѣ соборнаго принципа совершенно устраняютъ возможность приписывать ему стремленіе къ возсозданію восточнаго или русскаго папизма въ смыслѣ единовластія. Его стремленіе къ извѣстной независимости Церкви отъ государства есть возстановленіе святоотеческой забытой традиціи, а общеніе съ другими Православными Церквами и соборныя совѣщанія съ ними создавали бы въ дѣйствительности ту независимость, которая и была утрачена съ полученіемъ Русской помѣстной Церковью своего устройства изъ рукъ государственной власти по указанію тѣхъ идей, которыми въ данное время увлекались представители государственной власти.

Если сейчасъ жизнь создала совдепію, вдохновлемую идеями III Интернаціонала, вдохновляемаго безбожной матеріалистической философіей, то мы можемъ вспомнить, что на ея мѣстѣ нѣкогда была Россія, вдохновляемая православнымъ ученіемъ и идеями III Рима Никона.

Для своего времени Никонъ былъ консерваторъ въ смыслѣ отсутствія стремленій къ измѣненію системы существующихъ органовъ власти, но былъ радикальнымъ пре-

образователемъ въ смыслѣ измѣненій, по сравненію съ найденнымъ имъ status quo при вступленіи на патріаршество. Но эти измѣненія ему предносились, не какъ придуманная комбинація, а какъ воплощеніе святоотеческой традиціи Іоанна Златоуста, Іоанна Дамаскина, Θеодора Студита, которую онъ отстаивалъ всѣми средствами, приличествующими православному архипастырю. Въ теченіе восьми лѣтъ добровольнаго удаленія и 15 лѣтъ своей ссылки Никонъ съ полной непоколебимостью и неустрашимостью свидѣтельствовалъ свою правоту и, оставался все тѣмъ же „Никономъ суровымъ, строгимъ, какимъ онъ былъ въ минувшіи годы, въ оны дни величія своего“; и его добровольное мученичество за Св. Церковь было прообразомъ того мученичества, въ которое ввергнуто непріявшее его при жизни и отвергнувшее его идеи послѣ его смерти его нынѣ страждущее отечество.

Собравшійся въ 1917 г. Московскій Церковный Соборъ подъ вліяніемъ революціи и первыхъ ея руководителей въ лицѣ временнаго правительства былъ настроенъ сначала неблагосклонно къ реставраціи каноническаго строя въ видѣ патріаршества, и лишь въ результатѣ вліянія Митрополита Антонія, читавшаго лекціи о патріаршествѣ и о Никонѣ, съ глазъ членовъ собора снята была пелена, окутывавшая ихъ мысленные взоры, и съ патріаршества и съ Патріарха Никона, лучшаго носителя этого сана. Пишущему эти строки памятны и эти лекціи, и паломничества членовъ собора на мѣсто жизненной борьбы и мѣсто послѣдняго упокоенія Патріарха Никона въ Воскресенскомъ монастырѣ, и ему ниспослано счастье реально осязать, какъ память покойнаго св. Патріарха реально изъ-за гроба содѣйствовала возстановленію того учрежденія, паденіе котораго было нравственнымъ паденіемъ государства и этапомъ къ его матеріальной гибели. Да будетъ возстановленіе патріаршества началомъ возстановленія идеаловъ, съ нимъ связанныхъ, и прославленія св. Патріарха-исповѣдника этихъ идеаловъ. И да послужитъ прославленіе его имени къ возстановленію незаслуженно его поругавшаго его отечества. Да будетъ онъ вспомянутъ какъ носитель своеобразной русской культуры, призывающей къ расцвѣту всѣхъ человѣческихъ дарованій при неугасимомъ свѣтѣ Церкви; да будетъ онъ вспомянутъ, какъ представитель русскаго крестьянскаго міра, давшаго, въ лицѣ своего представителя, одно изъ лучшихъ проявленій народнаго генія, какъ залогъ великихъ будущихъ возможностей для раскаявшагося преступника, стрѣлявшаго въ въ распятіе (разсказъ о преступникѣ у Достоевскаго въ „Дневникѣ Писателя“); да будетъ онъ вспомянутъ какъ пророкъ Божій, предсказавшій гибель своего отечества, и да будетъ онъ сопричисленъ къ Русскимъ первосвятителямъ Московскимъ Петру, Алексію, Іонѣ, Филиппу и Гермогену, какъ

запечатлѣвшій праведностью своей жизни и мученичествомъ непоколебимую вѣрность Православію, которое онъ понималъ, не какъ теорію, а какъ „истину, путь и жизнь". Да отпадетъ Божья кара отъ отечества нашего, и да не будетъ болѣе мѣста для отмщенія Божія, явившагося за грѣхи наши по заповѣди: „Мнѣ отмщеніе, и Азъ воздамъ". Да будетъ искуплена дѣлами нашими вина наша передъ праведникомъ Божіимъ, и да помогутъ Его святыя молитвы обрѣсти намъ путь къ спасенію вѣчному и земному на родинѣ своей, памятуя его назиданія о Церкви Божіей и о надлежащемъ къ ней отношеніи, подоб о тому, какъ онѣ помогли возстановить въ нашей Церкви санъ, вознесенный имъ въ мѣру возраста Христова. И да начнетъ свой путь возстановленія Россія не кощунственными пародіями всешутѣйшаго патріарха и всепьянѣйшаго собора, усовершенствованными въ наши дни въ Совѣтской Россіи, а покаяніемъ передъ Святѣйшимъ Никономъ за неправду къ нему и за забвеніе его высокихъ идеаловъ Святой Божіей Церкви, призванной пресуществлять всѣ людскія отношенія и въ семьѣ, и въ обществѣ, и въ государствѣ. Напоминаніе Никона объ особой природѣ Церкви, ея полномочій, ея органовъ особенно важно при реставраціи національной государственной власти. Въ Основныхъ Законахъ 1906 года эти понятія совершенно забыты, какъ то показываетъ рядъ контроверзъ въ русской государственной наукѣ, возбужденныхъ относительно природы власти Св. Синода, его положенія въ государственномъ строѣ Имперіи, а также относительно предѣловъ власти Императора въ церковныхъ дѣлахъ. Послѣдній вопросъ для государствовѣдовъ сводился къ вопросу о томъ, принадлежитъ ли правообразующая дѣятельность къ Церкви одному Императору въ порядкѣ верховнаго управленія, или въ единеніи съ Государственной Думой и Государственнымъ Совѣтомъ. Самый же вопросъ о предѣлахъ власти самого государства въ Церкви какъ бы игнорируется или, въ лучшемъ случаѣ, недостаточно отмѣчается.

Оставляя въ сторонѣ уже выясненный вопросъ о неканоничности учрежденія Синода государственной властью, о которомъ упоминаетъ ст. 65 Основныхъ Законовъ, мы уже указывали, что его власть въ соотвѣтствіи съ его положеніемъ по Основнымъ Законамъ опредѣлялась какъ истеченіе власти Государя. Вопросъ шелъ лишь о томъ, считать ли его въ разрядѣ государственыхъ учрежденій Верховнаго Управленія, т. е. управленія, въ которомъ Государь дѣйствовалъ непосредственво и нераздѣльно, или подчиненнаго т. е. такого, которому ввѣрена властью Государя извѣстная подчиненная степень власти, т. е. гдѣ Государь дѣйствовалъ посредственно и раздѣльно. Характерно, что спорящія стороны о собственно церковной сторонѣ совсѣмъ забываютъ.

Одинъ изъ нихъ **Темниковскій** прямо говоритъ: „непроизводной по происхожденію и самостоятельной по осуществленію чисто церковной власти Русскіе Основные Законы не знаютъ“ (Казанскій op. c. i 244). Для него Императоръ есть носитель высшей власти въ Русской Православной Церкви. Его церковная власть есть часть или, вѣрнѣе, одно изъ направленій высшей власти государственной. Съ формальной юридической стороны Русская Православная Церковь есть часть государственнаго строя, вѣдомство. Синодъ есть государственное учрежденіе, заимствующее власть отъ Монарха и дѣйствующее его именемъ. Еще опредѣленнѣе говоритъ **Engelmann** (стр. 242 Казанскій ib.): „Die Gesetzgebung in der Kirche und damit die Entscheidung über die Ausbildung und Entwicklung des kirchlichen Glaubens und des kirchlichen Rechts liegt in den Händen des Kaisers, desgleichen die Verwaltung. Dem Russischen Kaiser steht also nicht bloss das jus circa sacra, sondern auch das in sacris zu“ [1]). Въ томъ то и ошибка Основныхъ Законовъ, что они игнорируютъ эту собственную церковную власть. Мы видѣли, что **Градовскій** самъ отъ себя восполняетъ этотъ пробѣлъ Основныхъ Законовъ, говоря о границахъ государственной власти въ вселенскомъ канонѣ, а пр. Казанскій говоритъ объ этой церковной власти совершенно глухо, ограничивая эту церковную власть вопросами догматовъ и правовѣрія, принаравливаясь къ терминологіи нашихъ Основныхъ Законовъ, но Градовскій, не уясняя особой природы церковной власти и органовъ, оставилъ въ сторонѣ законодательство Помѣстной Церкви и говоритъ о Синодѣ, какъ объ одномъ изъ государственныхъ учрежденій Верховнаго Государственнаго Управленія (т. е. такого, въ которомъ верховная власть Государя дѣйствуетъ непосредственно). (Нач. Рус. Госуд. Права I, 348). **Тихоміровъ** вовсе не ставитъ вопроса объ особой церковной власти отдѣльной отъ государственной и не уточняетъ положеніе Синода среди государственныхъ учрежденій. На стр. 249 Казанскій приводитъ его слова: „должно ли заключить, что въ церковномъ управленіи высшая власть принадлежитъ только исключительно Императору, а Синодъ есть лишь его орудіе, какъ Сенатъ, министерства и другія управительныя учрежденія? Это ясно не подтверждено и не опровергнуто, равно какъ не сказано нигдѣ, чтобы Синодъ имѣлъ хоть какую-нибудь долю самостоятельной власти“. Въ другомъ мѣстѣ приведена изъ него другая цитата: [2]) „фактически выс-

[1]) Законодательство въ Церкви и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшеніе объ образованіи и развитіи церковной вѣры и церковнаго права лежитъ въ рукахъ Императора, равно и управленіе. Русскому Императору принадлежитъ такимъ образомъ не только jus circa sacra, но и jus in sacris.

[2]) Сами мы, несмотря на всѣ старанія, никакъ нигдѣ не могли за предѣлами Россіи найти сочиненіе Тихомірова „Монархическая Государственность“.

шей властью Церкви является оберъ-прокуроръ, ибо онъ ведетъ сношенія съ верховной властью, онъ дѣлаетъ Государю доклады, всѣ совѣщанія Государя о дѣйствіяхъ по Церкви происходятъ только съ оберъ-прокуроромъ... при этомъ власть оберъ-прокурора увеличивается тѣмъ, что назначеніе членовъ Синода зависитъ отъ Государя, а представитель Государя при Синодѣ и Синода при Государѣ есть самъ оберъ прокуроръ, т. е. фактически онъ имѣетъ, если не абсолютное, то огромнѣйшее вліяніе на вызовъ епископовъ для присутствія въ Синодѣ". Самъ пр. Казанскій также не ставитъ вопроса объ особой церковной власти, которую игнорируютъ Основные Законы, и занимается только вопросомъ о мѣстѣ Синода среди государственныхъ учрежденій. „Скорѣй всего, пишетъ онъ, слѣдовало бы Синодъ считать органомъ управленія подчиненнаго, но участвующимъ и въ управленіи верховномъ, словомъ равнять его съ другими высшими государственными установленіями, имѣющими такъ сказать, двойственную природу. Поскольку ему принадлежитъ рѣшающая власть, Синодъ есть органъ управленія подчиненнаго, поскольку онъ является лишь совѣтникомъ и исполнителемъ велѣній Государя Императора, онъ есть органъ Верховнаго Управленія". Однако фактъ существованія особой церковной сферы не можетъ быть игнорированъ государствовѣдами и всплываетъ не у одного Градовскаго. Такъ **Аваловъ** (Казанскій ib. 264 стр.) опредѣленно говоритъ объ этой церковной сферѣ, но оставаясь на почвѣ Основныхъ Законовъ, отдаетъ ее опять во власть Императора Онъ пишетъ (ib. 254): „по общему правилу церковное Законодательство въ прямомъ смыслѣ слова, (т. е. не государственное о Церкви законодательство, а остальное) лежитъ за предѣлами Свода Законовъ, внѣ компетенціи Совѣта Министровъ и Законодательныхъ учрежденій. Православная Церковь есть и самостоятельная религіозно-правовая сфера, жизнь которой регулируется многими факторами; однимъ изъ важнѣйшихъ является главенство Монарха „блюстителя правовѣрія" и „благолѣпія" Церкви, „дѣйствующаго при посредствѣ Синода". „Управленіе церковное есть верховное и органомъ Его является Синодъ". И у Авалова, какъ у Казанскаго, церковное управленіе охватываетъ различные виды дѣятельности и правообразованіе, и администрацію, и судъ и всѣ эти функціи относятся къ верховному органу государственной власти—Монарху. Мы не можемъ не обратить вниманія, что комментаторы Основныхъ Законовъ, держась только ихъ, не могутъ никакъ вѣрно нащупать субъекта церковнаго законодательства, управленія и суда. Происходитъ это оттого, что понятіе Церкви, какъ Божественнаго учрежденія, имѣющаго особыя благодатныя полномочія и основанныя на нихъ функціи законодательства, управленія и суда, не принято во вниманіе въ достаточной мѣрѣ Основ-

ными Законами. Понятіе это дано Русской канонической наукой и должно быть принято во вниманіе при опредѣленіи границъ власти государственной. Это то понятіе Церкви выдвигалось Никономъ, какъ предметъ обязательнаго признанія для Православнаго Царя. Поскольку Русское государственное право оцерковилось далѣе до облеченія верховнаго главы государства въ священный чинъ, эта связанность его канонами въ его дѣятельности вытекаетъ сама собой. Поэтому для насъ ст. 65 Основныхъ Законъ является съ одной стороны вѣрнымъ констатированіемъ факта созданія Синода государственной властью на положеніи государственнаго учрежденія, и одновременно вопіющимъ каноническимъ беззаконіемъ, явившимся слѣдствіемъ того разрушительнаго направленія государственнаго отношенія къ Церкви, съ которымъ боролся Никонъ, отстаивая прежде всего права Церкви, вытекающія изъ ея существа, указаніемъ, что высшее церковное учрежденіе не можетъ быть создано властью государственной, что оно имѣетъ прежде всего чисто церковную компетенцію, вытекающую изъ даровъ благодати Святаго Духа, къ каковой компетенціи государство можетъ прибавить нѣчто отъ себя въ силу делегаціи, но эта добавочная компетенція для церковныхъ учрежденій не существенна и можетъ быть только прикладной. Члены этихъ учрежденій не могутъ зависѣть въ своемъ существованіи отъ назначеній государственной властью и опредѣляться въ своей дѣятельности ея вліяніями. Тотъ переворотъ, который произведенъ въ отношеніи Церкви и государства послѣ введенія христіанства и признанія Церкви государствомъ, съ упоминанія о которомъ мы начали свой трудъ, и который напоминаетъ намъ объ особой природѣ Церкви, долженъ быть всегда передъ нашими глазами при уясненіи нормальныхъ отношеній къ Церкви со стороны государства, признающаго Православную Церковь тѣмъ болѣе, когда оно даетъ ей преимущественное положеніе.

Однимъ словомъ, Церковь является учрежденіемъ параллельнымъ государству, но не стоящимъ юридически выше или ниже его. О способѣ ихъ взаимодѣйствія мы достаточно говорили, излагая теорію симфоніи съ ея Богомудрой Священной Двоицей Царя и Патріарха и теорію Никона, основанную на Святыхъ Отцахъ Церкви. Теорія симфоніи, признающая Церковь, какъ особый самостоятельный организмъ, нисколько не нарушаетъ принципа самодержавія, какъ верховнаго государственняго властвованія въ силу собственнаго права, и полноты верховной власти, какъ власти государственной, дѣйствующей въ предѣлахъ, подлежащихъ вѣдѣнію государства.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Никоновскаго пути по созданію Святой Руси для бояръ, недуховно настроенныхъ.—Никоновскія требованія церковной самостоятельности задѣваютъ бояръ. Главная причина вражды къ Никону: боярству нуженъ слабый Царь, послушный. а не дополняющій себя въ другой сильной личности.—Стремленіе Никона ввести церковность во всѣ жизненныя отношенія. Онъ начинаетъ съ Царя.—Судьба Никона—судьба древнихъ еврейскихъ пророковъ.—Неправильное пониманіе С. М. Соловьевымъ Никона и его идей.—Петръ I, какъ представитель идеи омірщенія Государства въ противоположность идеѣ оцерковленія. — Соловьевъ вѣрно опредѣлилъ психологическія причины разрыва Никона съ Царемъ. — О причинахъ, послужившихъ къ спорамъ между Царемъ и Никономъ; онѣ въ области не государственной, а церковной: поставленіе Кіевскаго Митрополита въ 1657 г. — Средства борьбы бояръ противъ Никона. — Докуки Никону 1660-1663 г. отъ сосѣдей Сытина и Боборыкина. — Назначеніе коммиссіи 23 декабря 1662 г. Собираніе винъ на Никона къ Собору — Лигаридъ. Его вопросы - отвѣты. — Вопросъ о томъ, какъ составить правила, по силѣ которыхъ обвинить Никона. Составленіе вопросовъ для отправки на Востокъ. — Бояре побуждаютъ старообрядцевъ составить петицію противъ Никона.—Неестественный союзъ бояръ, принявшихъ реформы Никона, съ расколоучителями противъ Никона. — Сторонники старообрядцевъ изъ боярства. — Развитіе раскола отъ пропаганды возвращеннаго Аввакума. — Предупрежденіе въ 1663 г. о личности Лигарида, полученныя Никономъ. — Дѣятельность Лигарида, въ высшемъ управленіи Русской Церкви. — Преслѣдованіе правительствомъ Никоновскихъ доброжелателей. — Попытка отдѣлаться отъ Никона посредствомъ постриженія его въ схиму. — Чего добивались бояре посылкой вопросовъ Восточнымъ Патріархамъ? Ихъ обвиненія затрагиваютъ не только Никона, но и Царя. — Неистовствующая злоба бояръ, доказательства ея. — Обвиненіе Никона въ названіи Воскресенскаго монастыря Новымъ Іерусалимомъ. — Основная причина боярской злобы — не въ Никонѣ, въ самихъ боярахъ. — Составленіе вопросовъ Патріархамъ и способы полученія отвѣтовъ. Посылка іеродіакона Мелетія на Востокъ. — Письмо Іерусалимскаго Патріарха Нектарія къ Царю 20-III 1954 г. — Мнѣніе Константинопольскаго Патріарха Діонисія по Никоновскому дѣлу. — Мнѣніе Іерусалимскаго Патріарха Нектарія по дѣлу Никона. — Какъ подписали свитки Александрійскій и Антіохійскій Патріархи. — О незаконности суда надъ Никономъ съ точки зрѣнія его составленія. — Патріархи Александрійскій и Антіохійскій не могли представлять Константинопольскаго Патріарха Парѳенія и Іерусалимскаго Патріарха Нектарія.—Стремленіе Патріарховъ Александрійскаго и Антіохійскаго оправдаться передъ двумя другими Патріархами за судъ надъ Никономъ. — Патріархъ Нектарій Іерусалимскій возбуждаетъ дѣло о Лигаридѣ. — Кто былъ орудіемъ противъ Никона, и кто дѣйствительно его врагомъ. Смыслъ этой вражды. — Подробное разсмотрѣніе вопросовъ, посланныхъ Патріархамъ на Востокъ, и отвѣтовъ. — Глава I отвѣтовъ патріаршихъ свитковъ. — II глава отвѣтовъ патріаршихъ свитковъ. — III глава отвѣтовъ патріаршихъ свитковъ. — IV глава свитковъ и V-ая. — X, XI и XII главы отвѣтовъ патріаршихъ свитковъ. — XIII глава свитковъ. — Глава XIV—XX патріаршихъ свитковъ. Гл. XIV. — Глава XV свитковъ. — Глава XVI свитковъ. — Глава XVII свитковъ. — Глава XVIII свитковъ. — Глава XIX свитковъ.—Глава XX свитковъ.—Глава VII,VIII,XIX,XXI,XXII, XXIII свитковъ. — Глава VI свитковъ. — XXIV глава свитковъ. — Глава XXV свитковъ. —Вопросъ о наличности вины Никона рѣшается 30. XI, 1666 г. въ его отсутствіе. — О троекратномъ приглашеніи Никона на судъ. — Ложное заявленіе Патріарховъ о наличіи у нихъ согласія Константинопольскаго и Іерусалимскаго Патріарховъ. — Чѣмъ руководились Патріархи въ сужденіи о дѣлѣ Никона. — Искусственныя мѣры, принятыя правительствомъ для освѣдомленія Патріарховъ о дѣлѣ Никона на судѣ: — Практика Константинопольской Церкви въ отношеніи

Главныя замѣченныя опечатки.

Страница	Строка	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
8	17 снизу	Куракиныхъ,	Куракиныхъ
—	13 —	Алексеѣ	Алексѣѣ
9	13 сверху	совѣутъ	совѣтъ
10	1 снизу	обществѣ.	обществѣ,
12	23 сверху	Рос.іи Вильно было взято	Россіи: Вильно было взято,
14	22 снизу	строѣ правовомъ	строѣ пр..вовомъ
17	10 сверху	чтобы	что бы
22	23 снизу	крестьѣнъ	крестьянъ
23	7 сверху	говоритъ что	говоритъ, что
28	подз. 2 —	староцерковной боярской	староцерковной и боярской
31	17 снизу	боярыни	боярами
31	6 снизу	племяника	племянника
34	16 снизу	Ингрію.	Ингрію.)
36	22 сверху	двухъ	духъ
45	15 снизу	Москвѣ.	Москвѣ."
46	23 сверху	Одоевымъ	Отяевымъ
49	10 сверху	Одоева	Отяева
55	4 снизу	Константинопольскую.	Константинопольскую
57	6 снизу	[illegible]	[illegible]

Важнѣйшія замѣченныя опечатки.

Стр.	Строка	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
14	24 сверху	Актъ	Акты
18	25 сверху	земной".	земной.
18	16 снизу	2 Кор. 3, 5; 2 Кор. 6, 14	(2 Кор. 3, 5; 2 Кор. 6, 14)
22	9 и 10 свер.	III В. Соб. пр. 1, IV Вс. Соб. пр. 29 и VII Вс. Соб. пр. 5	I Вс. Соб. пр. 5; IV Вс. Соб. пр. 19
23	6 сверху	1, 5, 12 Ап. пр.; 39 Лаод. и 30 (38) Карѳ.	I Вс. Соб. пр. 5; 12 Ант. пр.; 39 Лаод. и 30 (18) Карѳ.
24	31 сверху	Этотъ	„Этотъ
25	7 снизу	въ послѣдствіи	впослѣдствіи
31	13 сверху	(Мѳ. 24. 13, 4)	(Мѳ. 24, 5)
64	19 снизу	на немъ	къ нему
80	14 сверху	о виноградѣ	о виноградарѣ
85	1 снизу	Nete	Note
96	4 сверху	наблюдательны	наблюдательный
102	8 сверху	boyat	boyar
112	26 сверху	étre	être
112	3 снизу	á	à
113	3 снизу	reoit	reçoit
123	4 сверху	I. Заозерскій	Н. А. Заозерскій
131	26 снизу	идеи	идеѣ
135	9 сверху	Pol	Pal.
179	17 сверху	юнымъ?	юнымъ?"
193	15 сверху	1666	1656
231	10 снизу	беззаконно	беззаконно,
286	6 сверху	его, исходящимъ	его исходящимъ
319	26 сверху	Шумеринъ	Шушеринъ

становленіи патріаршества послѣ смерти Петра и преслѣдованіе за нихъ. — Литературная борьба за востановленіе патріаршества и аскетическаго уклада жизни. Маркеллъ Родышевскій. — Сочиненіе Маркелла напоминаетъ намъ образъ Никона. — Цѣлесообразность Никоновскихъ идей въ свѣтѣ Петровскаго разрушенія Церкви. — Взгляды на реформу Петра съ точки зрѣнія Никоновскихф идей. — Пальмеръ о Петрѣ, какъ исполненіи Никоновскихъ проклятій. — Пальмеръ объ основномъ порокѣ русскаго государственнаго строя. Проникновеніе государственной идеи нѣмецкимъ духомъ и оторванность ея отъ идеи народной. Предсказаніе о гибели русской государственности. — Пальмеръ о значеніи паденія Никона для русской исторіи. — Обязанность Россіи въ отношеніи къ Никону. — Необходимость уничтоженія грѣха, совершеннаго по отношенію къ Никону. — О возстановленіи православнаго царства. Отправной пунктъ для построенія церковно-государственнаго отношенія. Постановленіе Собора 1667 г. о власти Царя и Патріарха. — Сопоставленіе 2-ой главы патріаршихъ свитковъ съ объяснительной запиской Патріарховъ объ этой главѣ. — Постановленіе Собора 1667 г. о власти царской и патріаршей есть оффиціальное ученіе Русской Церкви и выраженіе народной мысли о православномъ Царѣ. — Въ дѣйствительности Петръ I боролся въ Россіи не съ папскимъ теократизмомъ, а съ теоріей симфоніи властей. Петровская система территоріализма. Петровская система территоріализма или Іозефинизма. Мартенсъ фонъ-Тиллингъ. — Государственное еретичество Петра I. О церковной власти Императора по Основнымъ Законамъ. — Объ идеалѣ утилитаризма. — Соотношеніе между ученіемъ Никона о православномъ Царѣ и понятіемъ русскаго самодержавія въ русскомъ сознаніи XX вѣка; протестъ его противъ абсолютизаціи

Главныя замѣченныя опечатки.

Страница	Строка		Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
8	17	снизу	Куракиныхъ,	Куракиныхъ
—	13	—	Алексеѣ	Алексѣѣ
9	13	сверху	совѣутъ	совѣтъ
10	1	снизу	обществѣ.	обществѣ,
12	23	сверху	Росіи Вильно было взято	Россіи: Вильно было взято,
14	22	снизу	строѣ правовомъ	строѣ правовомъ
17	10	сверху	чтобы	что бы
22	23	снизу	крестььнъ	крестьянъ
23	7	сверху	говоритъ что	говоритъ, что
28	подз. 2	—	староцерковной боярской	староцерковной и боярской
31	17	снизу	боярыни	боярами
31	6	снизу	племяника	племянника
34	16	снизу	Ингрію.	Ингрію.)
36	22	сверху	двухъ	духъ
45	15	снизу	Москвѣ.	Москвѣ."
46	23	сверху	Одоевымъ	Отяевымъ
49	10	сверху	Одоева	Отяева
55	4	снизу	Константинопольскую.	Константинопольскую
57	6	снизу	Симеонъ	„Симеонъ
57	1	снизу	передъ нимъ	передними
58	16	сверху	года	году
58	23	снизу	тамъ:	тамъ.
60	18	сверху	Өеодорѣ.	Өеодорѣ.)
64	15	снизу	комиссія	коммиссія
64	подзаголов.		комиссіи	коммиссій
65	14	сверху	съ	за
66	19	сверху	обвинился	обвинялся
—	13	снизу	знщищаетъ	защищаетъ
70	3	сверху	Этот	Этотъ
—	7	снизу	Новдѣвичьго	Новодѣвичьяго
74	10	снизу	об	объ
78	8	сверху	меня, то что	меня то, что
—	20	снизу	„Они	Они
79	7	снизу	злобу."	злобу.
80	9	сверху	руси	Руси
—	13	сверху	естеттвенно	естественно
88	24	снизу	толкованіе	толкованіе:
89	12	снизу	дѣйствій	дѣйствій,
90	8	сверху	πάγματος	πράγματος
92	19	сверху	обвиняя, его	обвиняя его
94	23	снизу	Церкви),	Церкви).
95	17	снизу	своего, врага	своего врага
—	10	снизу	книѣ	книгѣ
96	17	снизу	дѣйствовать какъ,	дѣйствовать, какъ
100	20	снизу	священства).	священства").
101	21	снизу	осудѣ	о судѣ
106	5	сверху	Евфиміевскаго	Евфиміевскаго
109	19	сверху	низложеніе	низложеніи
—	21	снизу	упомято	упомянуто
110	27	снизу	обрядахъ;	обрядахъ);
112	2	сверху	патріаршество	патріаршества
114	17	снизу	не было	не былъ
116	17	снизу	постановленіи	поставленіи

Страница.	Строка		Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
121	16	снизу	Патріархомъ).	Патріархомъ").
123	17	сверху	вьработки	выработки
123	24	сверху	лицами	лицами,
125	11	сверху	Чуъовскимъ	Чудовского
130	5	свевху	читаху.	читаху."
—	14	сверху	ничто же нисто	никто же ничто
134	2	сверху	ла	была
138	2	сверху	9 годъ.	9 годъ".
—	18	сверху	хочетъ, патріаршей	хочетъ патріаршей
—	4	снизу	заявленія.	заявленіе
139	8	снизу	непонять	не понять
140	1	сверху	между дѣлу	между тѣмъ
141	6	снизу	покушенія этой болрской неправды	плѣненія этой боярской неправдой
142	15	снизу	Антіохийскій, въ Дамаскѣ	Антіохійскій въ Дамаскѣ
156	5	снизу	нанесенныхъ, ему	нанесенныхъ ему
157	10	сверху	не продать	ни продать
161	3	сверху	Лотохинъ	Лутохинъ
162	2	снизу	оправленъ	отправленъ
163	12	сверху	рaспоряженій;	распоряженій:
165	5	снизу	пріьзъ	пріѣздъ
167	4	сверху	отправить	отправлять
168	1	снизу	какъ, Никонъ	какъ Никонъ
168	3	сверху	повсечесно	повсечасно
169	17	сверху	Церковь.	Церковь,
179	6	снизу	отъ писанія	отъ Писанія
184	17	снизу	властью правда	властью, правда
186	5	сверху	„Наша Царская	Наша „Царская
187	7	снизу	1987,	1887),
187	5	снизу	и насчитываютъ	нас итываютъ
191	12	сверху	скудности	скудости
193	5	сверху	усугубленную	усугубленной
193	6	сверху	отставилъ	отстаивалъ
194	21	сверху	дѣйствительно	дѣйствительнымъ
206	27	снизу	себ	себѣ
207	6	сверху	ученыхъ грековъ	ученыхъ, грековъ
211	12	снизу	причисленіе	перечисленіе
213	3	сверху	и объяснывъ	и, объяснивъ
218	6	снизу	удал ніе	удаленіе
231	18	снизу	въ богословіи идей.	въ богословіи идей,
236	2	снизу	monacchu	monarchy
232	11	снизу примѣч.	1723 г.	1723 г.)
239	9	сверху	будетъ закономъ.„	будетъ закономъ,"
239	2	снизу	L'état	„L'état
241	14	сверху	Ту же извѣстной степени	Ту же до извѣстной степени
241	2	снизу	1790	1700
242	21	снизу	имущества	имуществами
249	8	сверху	1919 г.	въ 1719 г.
250	4	снизу	главами тоже	главами; то же
252	15	сверху	мечочей	мелочей
254	16	снизу	отвергалъ,	отвергалъ
256	подзаголов.		цари	Царя
259	8	сверху	устранить,	устранить
261	20	снизу	опредѣлен—	опредѣленъ
264	7	сверху	образѣ.„	образѣ."
—	11	сверху	причинамъ:"	причинамъ:„
265	7	сверху	вонны	воины
—	14	сверху	осуществовленіе	осуществленіе

Стра-ница	Стро-ка		Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
270	10	снизу	Алексѣя,	Алексѣя),
271	7	сверху	го	его
272	8	сверху	оторзаннвсти	оторванности
—	24	сверху	опреверженіе	опровержение
275	17	сверху	пр нципу.	принципу.
—	6	снизу	изгнапствуя	изгнанствуя
276	1	сверху	Имиператоромъ;	Императоромъ:
—	21	снизу	провивиться	противиться
278	13	сверху	кадильнийу	кадильницу
280	7	сверху	обращас	обращая
—	15	сверху	выры	вѣры
281	12	сверху	Bischöfaliche	Bischöfliche
—	—	—	pie	die
—	8	—	det	der
—	19	—	Herscahft	Herschaft
—	прим. 1	снизу	самостоятеляность	самостоятельность
287	10	сверху	примѣчетельно	примѣчательно
—	8	снизу	roine	ruine
—	2	снизу	extréme	extrème
288	3	сверху	правителя,	правителя:
290	13	снизу	цара	Царя
292	11	снизу	можетъ	можемъ
293	3	сверху	Rússiacche	Russische
—	6	сверху	unbschrünkt	unbeschränkt
295	загл. 10	—	ссылкѣ.	ссылкѣ).
—	14	сверху	Антомій. Хрнповицкій	Антоній Храповицкій
297	6	снизу	whenhe	when he
297	1	снизу	persisted	perished
298	прим. 7	сверху	остался при этомъ	погибъ
298	2	сверху	насесенія	населенія
—	прим. 5	сверху	какъ песъ со всѣми своими лапами	который выкопалъ для себя собственными руками
297	7	сверху	ragind	raging
301	22	снизу	Церкви	Церкви,
—	—	—	нарушимости	нерушимости
303	13	сверху	ти у ьрнымъ	титулярнымъ
—	27	—	оттолкнуть	оттолкнуться
304	23	снизу	Михайловича.	Михайловича.“
305	9	снизу	кручины	кручины“
305	5	снизу	дади	ради
308	11	снизу	необусданной	необузданной
310	6	снизу	Патра	Петра
312	18	сверху	новымъ	старымъ
312	27	сверху	рѣшительно	рѣшительнѣе
319	24	сверху	(1700—1705).	(1700—1705)
321	14	снизу	которы	которые
322	8	снизу	1863	1860
328	6	сверху	прiѣхулъ	прiѣхалъ
329	6	сверху	неудовольствія	расхожденія
—	8	сверху	неудовольствія	расхожденія
—	9	снизу	единовсластію	единовластію
330	20	сверху	писалъ;	писалъ:
331	11	сверху	большѣ	больше
333	4	снизу	доставляющему	доставляющаго
336	1	снизу	Этотъ	(Этотъ
337	4	снизу	своей	всей
343	14	сверху	czar	tsar
—	20	сверху	gre que	grecque
345	12	сверху	czar	tsar

Страница		Строка	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
—	15	—	czar	tsar
—	19	—	éassolutamente	é assolutamente
—	21	—	czar	tsar
346	11	снизу	czar	tsar
—	7	—	suas cienza	sua scienza
347	9	—	umiliznte	umiliante
347	10	сверху примѣч.	Крюденесъ	Крюденеръ
349	17	сверху	Pussa	Russa
350	5	—	ioro	loro
351	6	—	essede	esse de
357	2	—	дорзновенія	д рзновенія
—	17	—	продолшеніи	продолженіи